РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ РАН

ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА РАН

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
им. А. ТАХО-ГОДИ

ЖЕНСКОЕ НАСЛЕДИЕ В КУЛЬТУРАХ НАРОДОВ РОССИИ И МИРА

Материалы
XVII международной научной конференции
Российской ассоциации исследователей женской истории
и Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

26–29 сентября 2024 года
Махачкала

В двух частях
Часть 1

Москва
2024

УДК 396
ББК 60+63
С 30

Публикуется по решению Ученого совета Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Подготовлено при поддержке Российского научного фонда – проект № 24-18-00212

Рецензенты
д-р ист. наук, проф. О.Е. Казьмина (МГУ им. М.В. Ломоносова)
д-р социол. наук, проф. Е.Р. Ярская-Смирнова (НИУ ВШЭ)

С 30 «**Женское наследие в культурах народов России и мира**». Материалы XVII Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Махачкала, 26–29 сентября 2024 г. / отв. ред. Н.Л. Пушкарёва, О.С. Мутиева; сост. А.И. Громова, О.И. Секенова, А.В. Жидченко: в 2-х ч. М.: ИЭА РАН, 2024. Ч. 1. 586 с.

ISBN 978-5-4211-0328-8

Издание включает в себя материалы XVII научной конференции «Российской ассоциации исследователей женской истории», объединяющей несколько сотен исследователей в разных городах страны и сотрудничающей с Центром гендерных исследований ИЭА РАН. Площадку для проведения конференции в 2024 г. предоставили научные и культурно-образовательные учреждения Республики Дагестан – Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Дагестанский государственный университет, Дагестанский государственный университет народного хозяйства и Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи. Осмысление феномена женского вклада в отечественную историю и культуру, обсуждение особенностей женской профессиональной и домашней, семейной повседневности в прошлом и настоящем – задачи очередной научной встречи единомышленниц. В опубликованных докладах читатель найдет междисциплинарные обзоры исследований историков, этнологов, антропологов, социологов, лингвистов, политологов, фольклористов, демографов, социальных работников, деятелей культуры.

УДК 396
ББК60+63

ISBN 978-5-4211-0328-8

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2024
© Коллектив авторов, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Пушкарёва Н.Л. Почему необходимо специальное изучение женского наследия? 14

РАЗДЕЛ 1
МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИОГРАФИЯ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

Котовская М.Г., Швец Э.Г. Традиционное общество: ценности и модели поведения мужчины и женщины 17

Здравомыслова Е.А. Женское наследие заботы. Из истории концептуализации понятия 22

Голубева Л.В. «Собойное»: памятные вещи и память о вещах 27

Широкалова Г.С., Куконков П.И. Народная культура как связь поколений: гендерный аспект 29

Мельник Т.Ю. Женское лицо эпохи в русской культуре 32

Генералова С.В. Музейные предметы как источник по истории женской повседневности: теория и практика 35

Павлова С.В. У истоков отечественной науки об обществе: Е.Р. Дашкова (1743–1810) 39

Ченчикова Э.В. Допросы беглых крестьянок XVIII в. как исторический источник по истории женщин 43

Квашина Л.П. Камерный домашний альбом начала XIX в. как документ семейных отношений и роли женщины в культурной жизни эпохи 46

Батуренко С.А. Роль женщины в развитии культуры: В.М. Хвостов 49

Кискидосова Т.А. Источниковая база изучения женской повседневности Хакасии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) 53

Трень И.М. Женское наследие в истории восточнопрусского Инстербурга и Черняховска Калининградской области. К историографии темы 56

Ершова Н.М. Популяризация женской истории в российской блогосфере (на примере платформы «Дзен») 61

Штылева М.В. Общественная активность и повседневность женщин Мурманской области в работах российских ученых 64

РАЗДЕЛ 2

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЖЕНЩИН ОТ ЕВРОПЫ ДО ЮГО-ВОСТОЧНОЙ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

2.1. НАСЛЕДИЕ ЖЕНЩИН ЕВРОПЫ – ИСТОРИЯ ОБРЕТЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОПЫТА ЛИДЕРСТВА

Омельченко Д.М. Женщины и их наследие в окружении епископа Цезария Арелатского (503–542) 69

Захарова Е.С. Женщины-конкистадоры? О роли участниц завоевания и колонизации Нового Света 72

Овчарова О.Г., Китайцева О.В. Манон Ролан: трагедия биографии «королевы жирондистов» 73

Овчарова Е.Э. Письма Жозефа де Местра о роли женщин в науке и образовании 77

Гаращенко Г.П. Женское наследие в генеалогии великой личности. Преемственность поколений в родословной митрополита Готфейского и Кафайского Игнатия 81

Фаис-Леутская О.Д. Женщины в Сицилии: статус и «право голоса» в семье и социуме вчера и сегодня 85

Белова А.В., Титкова Э.М. Этнокультурная самоидентификация в итальянской женской автодокументалистике о Ближнем Востоке первой половины XIX в. 88

Спиридонова Д.С. Эгодокументы Гертруды Белл как источник по истории повседневности британской подданной на Ближнем Востоке рубежа XIX–XX вв. 92

Новик А.А. «Бабы и деньги»: семейный бюджет, канун горцев и вызовы времени у албанцев Балкан 95

Гущян Л.С., Федченко В.В. Открывая модерн: Калиопи Кехая и Варвара Кананян в истории школьного образования второй половины XIX – начала XX в. 99

Пилипенко Г.П. Словенки в экономической жизни Триеста первой половины XX в. 103

Рыжова М.М. Сохранение семейных традиций в контексте формирования этнокультурной идентичности (на примере деятельности Войки Паунович, с. Шипиково общины Заечар, восточная Сербия) 106

Узенёва Е.С., Климова К.А. Женщина у помаков Греции: традиционное культурное наследие в меняющемся мире 110
Пищева Т.И. «Госпожа греческой печати»: женский опыт в журналистике и издательском бизнесе на примере жизни и творчества Элени Влаху 113
Сорокина Е.А. Изменения репродуктивного поведения шведских женщин на протяжении XX и начала XXI в. 115
Бучатская Ю.В. О женщинах на кухне и в семейной экономике немецких домохозяйств XX и XXI в. 119
Гарибова Ф.М. Место и роль женщины в современном таджикском обществе 124

2.2. РОЛЬ ЖЕНЩИН В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, КУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Агрба Л.А. Аксиологический статус жрицы в традиционном абхазском обществе 128
Гарунова Н.Н. Женское население в истории повседневной жизни низовий Терека (XIX – начало XX в.) 132
Курбанов М.Ю. Даргинка в соционормативной культуре: прошлое и настоящее 136
Исакиева З.С. О роли женщины в чеченском обществе 139
Крюкова Н.В. Женщины в практиках народного христианства в Армении 144
Тарвердиева С.Е. кызы. Вклад женщин в историю образования: на перекрестке Востока и Запада (Азербайджан в начале XX в.) 147
Басирова К.К. Положение женщины и преобразования семейного быта у народов Дагестана в советский период 150
Дауева Т.Т. Традиция умыкания девушек и современное ее осмысление 154
Абдулвахабова Б.Б.-А. Памяти К.З. Махмудовой (1956–2019) – ученого, педагога 156
Албогачиева М.С.-Г. Научное наследие Л.З. Кунижевой 160
Гимбатова М.Б. Вклад Б.М. Алимовой в развитие дагестанской этнографической науки 163
Козлов С.А. Нина Васильевна Потокова: историк-американист и терская казачка 167
Муратова Е.Г. «Женское лицо» высшего исторического образования Кабардино-Балкарии (1940–1960-е годы) 170

Каймаразов Г.Ш., Каймаразова Л.Г. Гендерный аспект общего и профессионального образования в Дагестане в 1970–1980-е годы 174
Мутиева О.С. К проблеме гендерной асимметрии в сфере высшего образования (на примере вузов Республики Дагестан) 177
Ханмагомедов Х.Л., Айламматова Д.А. Этнические азербайджанки – ученые Теркемейского региона Дагестана 180
Текуева М.А. Традиции добрачного ухаживания в адыгской культуре в послевоенные годы 183
Гусейнов Ю.М. Положение женщины во внутрисемейных отношениях второй половины XVIII в.: на примере кумыков 186

2.3. ЖЕНСКОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ АЗИИ

Прокопьева А.Н. Женские погребения в свете археологии, фольклора и обычного права (на примере могильного комплекса Истээх Быраан) 189
Аякова Ж.А. Образ героической шаманки Эреэхэн в бурятской культуре 193
Сулейманова Р.Н. Социально-правовой статус башкирской женщины в общественной жизни: из истории Башкортостана XX в. 195
Каландаров Т.С. Этнографическое поле в горах Памира: штрихи к портрету Лидии Федоровны Моногаровой 198
Мирзаев Дж.З., Раджбова С.Б., Холманова Ф.У. Роль женщин в экономической и культурной жизни Узбекистана 201
Асатова Г.Р. Женщины Узбекистана в сфере физической культуры и спорта: исторические традиции и современность 204
Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С. Шри-Ланка: женщина в воззрениях сингальского социума, ее потенциал, права и долг 210
Ли Илэй. Революция достоинства: отношение к женщинам и женскому труду в китайских крестьянских семьях в первой половине XX в. 213
Лопатина Е.Б. Женщины-христианки в мусульманской стране: к вопросу о педагогической деятельности Зофьи Турович и Марии Янги-Микульской в Пакистане 217
Ярзуткина А.А. Начальницы чукотских сел: пути прихода во власть 220
Чиркина Л.В. Женское наследие в малоизученных мусульманских сообществах Москвы и практика временного брака 225
Киняева А.В. Особенности поминальных практик и женский опыт в традициях ашуры в Лакхнау 227

Яблонская О.В. Спасение «узниц зенаны» Индии британскими женщинами-врачами и медсестрами XIX в. 230
Щербак М.Б. Феномен dalit feminist literature: репрезентация образов женщин из низких каст в современной литературе Индии 233
Владимирова М.А. Представления архиепископа Николая (Касаткина) о служении диаконис в Русской духовной миссии в Японии 236

РАЗДЕЛ 3
ЖЕНСКАЯ СЕМЕЙНАЯ ПАМЯТЬ ОБ УДАЛЕННОМ И НЕДАВНЕМ ПРОШЛОМ. ЖЕНСКИЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ АКТИВИЗМ

Белова А.В. Женская семейная память о дворянском прошлом 240
Секенова О.И. Женская семейная память в генеалогических трудах Елизаветы Григорьевны Волконской 244
Архипова А.И. Повседневность жен губернаторов Якутской области середины XIX – XX в. 247
Ванюшина О.В. Две женские ипостаси в российском уголовном праве второй половины XIX – начала XX в. (по материалам Тверской губернии) 249
Спичак А.В. Опыт проявления традиций женской преданности и терпения в архивных делах духовных консисторий второй половины XIX – начала XX в. 252
Фот А.Г. «…Благоволите, Владыка, приискать сироте достойного жениха». Путь к алтарю девушки духовного сословия XIX – начала XX в. 256
Фурсова Е.Ф. Троицкие кумления как формы женской коммуникации и единения (по материалам русских Сибири конца XIX – первой трети XX в.) 260
Мицюк Н.А. Политика эвакуации женщин и детей Поволжья в 1921–1923 гг.: официальный дискурс и женская память (по материалам Смоленской губернии) 263
Новинская Т.Ю. Женская память о войне как феномен советской общности 268
Карибаева А.С. Женщины в тени войны: их истории депортации и выживания 271
Ануфриева Е.В., Дулина Н.В. Заводская культура советского промышленного города в женской памяти 272

Жидченко А.В. Повседневность жительниц нового советского города нефтяников в 1950–1960-е годы (по материалам г. Октябрьского Башкирской АССР) 277
Усачева А.В. Румынский коммунизм глазами женщин: частная память в романе Д. Лунгу «Я коммунистическая старуха!» 280
Закревская Е.А., Белянин С.В. Женский мемориальный активизм на Северном Кавказе: между семейной памятью и государственной политикой 284
Великая Н.М., Голосеева А.А. Воспоминания женщин семьи Колбасиных-Черновых о революции 1917 г. и Гражданской войне 285

РАЗДЕЛ 4
ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ, ЖЕНСКИЕ ГОЛОСА, ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОГО ЭГОНАРРАТИВА В ТРАДИЦИОННОМ И СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Пирогова Е.П. Женщины из семьи русского дипломата в Италии второй половины XIX в. в документах и воспоминаниях современников 289
Комлева Е.В. Детство и юность в семье сибирского купца в отражении мемуаров А.М. Рандруп (конец XIX – начало XX в.) 293
Крестьянников Е.А. Забытое имя в женской истории: лидер российских женщин-юристов Анна Ивановна Бахтерева (1910–1916) 296
Пушкарёва Н.Л., Пушкарёва И.М. Память и забвение: подвиг русской казачки в 1910–1911 гг. 300
Комиссарова И.А. «Это мой путь». По материалам архивного фонда Анны Ивановны Комаровой: фотопортрет и воспоминания 306
Баринова Е.П. Наследие дворянской культуры в повседневности советской горожанки 1920-х годов 310
Кротова М.В. Реконструкция жизненной стратегии женщины через эпистолярное наследие 1920-х годов 313
Кубышева П.Д. Автобиография Коко Шанель как манифест феминистких взглядов автора 317
Анайбан З.В. Х.А. Анчимаа-Тока – видный государственный деятель Тувы и ее семья 320
Анисимова Н.Э. Отображение военной повседневности в женских эгодокументах как элемент исторического наследия (1941–1945) 325

Хисамутдинова Р.Р. Поэтическое наследие фронтового поэта Юлии Друниной для народов России 328
Рашитова О.А. Женское наследие в истории русского православия: обращение женщин к Богу как к источнику моральных сил в блокированном Ленинграде 333
Мазур Л.Н. «Я должна их оберегать...»: послевоенная история одной семьи 336
Евстифеев Р.В., Евстифеева М.Р. Женские антропотопонимы в городском топонимическом пространстве региональных столиц Центрального федерального округа 341
Петухова И.С. Внуки как женское наследие: реконструкция представлений пожилых женщин о роли бабушки (по материалам интервью 2022–2023 гг. в Санкт-Петербурге и Республике Карелия) 344
Нуркова В.В., Ганул Д.Д. Ностальгические периоды в памяти пожилых женщин: «Хотелось бы снова вернуться туда…» 347
Богдашина И.В. Роль и место советской женщины в провинциальном городе 1950–1960-х годов: межличностные и сексуальные отношения (на материале дневниковых записей) 351

РАЗДЕЛ 5
ЖЕНСКОЕ ЗДОРОВЬЕ И РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ТРАДИЦИОННОМ И СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Зайцева Т.И. Гендерные аспекты средневекового врачевания: к вопросу об изучении социальной истории медицины 355
Яковлева К.М. Традиционная медицина якутов: роды 359
Мусаева М.К. Бесплодие: традиционные представления и лечение его у народов Южного Дагестана 363
Мицюк Н.А., Калашникова Д.И. «Материнские тексты» XIX – начала XX в. в репрезентации культуры материнства и детства 366
Лисицына О.И. Женское репродуктивное здоровье в восприятии профессионального медицинского сообщества Российской империи конца XIX в. 370
Синова И.В. «Наука о бабичьем деле»: медицинские новации и гендерная характеристика кадрового состава Санкт-Петербургского клинического повивально-гинекологического института для бедных в конце XIX – начале XX в. 373
Сергеева М.С., Старкус А.А. Место женщины в акушерской практике конца XIX – начала XX в. 378

Яворская А.В., Крестьянников Е.А. Детоубийство в поздней Российской империи: социальная болезнь города или деревни? 382
Веременко В.А. Деятельность государственных и общественных организаций по стимулированию матерей к грудному вскармливанию младенцев в С.-Петербурге в конце XIX – начале XX в. 384
Семёнова О.А. Наследие М.А. Дрожжиной: бесплатный родильный приют в Царском Селе в начале XX в. 387
Кальсина А.А. Вопросы акушерской помощи крестьянкам Пермской губернии (дискуссии на съезде санитарных врачей Пермского губернского земства) 390
Филина Ю.С. Женский vs государственный/мужской взгляд на роды: подходы А.С. Хохловой и Н.А. Семашко, запечатленные на кинопленке 394
Юрина (Горячева) А.Н. Наследие советского агитпропа: материнство и детство в плакатах 1917–1941 гг. 397
Васеха М.В. Раннесоветские практики планирования семьи: у истоков формирования «проклятой» части женской повседневности (кейс крестьянок Сибири) 400
Суржик О.С. Женское наследие в документах низовых профорганизаций Московского региона: обсуждение законопроекта о запрете абортов 1936 г. 405
Сидоркевич Д.В. Борьба за право быть матерью: испанское женское движение Madres protectoras 409
Хомякова Н.В. Организация акушерско-гинекологической помощи в 1946–1950 гг. на Урале 412
Кукса Т.Л. Расставаясь с устаревшей лексикой: история/мерцание термина «старородящая» в медицинских и юридических источниках 416
Галкин К.А. Традиционные женские практики «несогласия» со своим биологическим возрастом и социальными ролями (Европейская часть РФ, 2000–2020-е годы) 423
Полякова И.Г., Сыманюк Э.Э. Формирование культуры суррогатного материнства: социокультурные факторы с точки зрения био и суррогатных матерей 427
Парфенова О.А. Забота о здоровье в жизни стареющей женщины: наследие советской системы здравоохранения, проблемы доверия и меняющаяся реальность 431

РАЗДЕЛ 6
ПАТТЕРНЫ ЖЕНСКОЙ ПЕДАГОГИКИ В ТРАДИЦИОННОМ И СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Соловьева Н.Г. Паттерны женской и мужской этнопедагогики: проблема воспитания женственности и мужественности в традиционном обществе кубанских казаков 435

Дашкевич Л.А. Русская православная церковь и образование девочек-иноверок (по материалам Пермской епархии) 439

Николаева Д.А. Воспитание молодежи в традиционной культуре бурят 442

Русскова Д.Е. Девичье чтение в 1850–1860-е годы в Российской империи: способы контроля и гендерные ожидания 446

Морева О.В. Женщина-читательница: из истории женского социального опыта в расширении круга чтения (конец XIX – начало XX в.) 448

Дорофеева А.А. Деструктивное поведение учениц средних женских образовательных учреждений России в конце XIX – начале XX в. 452

Бурлуцкая Е.В. Традиционность женских конфликтов в учебных заведениях (на примере казуса из истории одной оренбургской гимназии конца XIX в.) 457

Лачаева М.Ю. Русские учителя и учительницы на службе школьному делу и православию в Сирии на рубеже XIX–XX вв. 461

Волгина Т.В. Школа нянь в Царском Селе 464

Чебыкина Л.В. Особенности путешествий женских школьных экскурсионных групп в начале XX в. (на примере Вятской губернии) 468

Мищенко Т.А. «Дружить с детьми»: опыт советских интеллигенток 1940–1950-х годов в сохранении мира детства 471

Мирзабеков М.Я. Женщины в составе учительства и их вклад в развитие общеобразовательной школы Дагестана в 1960-е годы 475

Сидорова Г.П. «Наш бы турист… терпел!»: социокультурные особенности «деликатной» темы 478

РАЗДЕЛ 7
ЖЕНСКОЕ НАСЛЕДИЕ В АКАДЕМИЧЕСКОМ И ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОМ СООБЩЕСТВАХ

Трофимова Т.Н., Трофимова В.С. Спор о высшем образовании для женщин между Е.Ф. Литвиновой и М.К. Цебриковой на страницах журнала «Женское дело» в 1899 г. и его отголоски в современную эпоху 483

Киселева Т.В. Процесс формирования женского образования в Великом княжестве Финляндском: от первых женских пансионов до Императорского Александровского университета (Э.И. Острём, К. Эскелин, Т.Й. Хултин, А. Сёдерхьельм) 487

Баум Е.А. Бросая вызов устоям: недолгая академическая жизнь Х. Брукс, одной из пионерок в изучении радиоактивных явлений 490

Ковалевская Е.В. Женский вклад в российскую науку XIX–XX вв.: обобщая биографии женщин-ученых 493

Краюшкина С.В., Секенова О.И. Публикационная активность российских женщин-историков второй половины XIX – начала XX в. 497

Жукова А.Е. Наследие женщин-врачей на страницах журналов «Народное здравие» и «Спутник здоровья» рубежа XIX–XX вв.: осмысление темы гигиены детства 500

Слискова В.В. «Работа врача на опасном посту»: заведующая лечебно-воспитательной колонией Наркомздрава М.И. Попова-Беспалова (1918–1924) 504

Маланичева И.А. «Женские роли» в истории первых отечественных антибиотиков: З.В. Ермольева (1898–1974) и М.Г. Бражникова (1913–1998) 506

Горбатенко Я.В. Академические карьеры женщин в медицине в Ленинграде в 1920–1930-е годы 508

Валькова О.А. Первые советские женщины-физики: забытое наследие 511

Лепехина Г.И. Образ Марии Склодовской-Кюри в кинематографе и художественной литературе 514

Степанов С.В. Педагог и птицевод Е.М. Гедда (1855–1940) – деятель народного образования в Петербурге и столичной губернии: от начальницы частной гимназии до вице-президента Санкт-Петербургского отдела Российского общества сельскохозяйственного птицеводства 518

Ермолаева Е.О. О трех сестрах Чупровых 522

Кутафьева Н.В. Научное наследие М. И. Черемисиной (1924–2013) 526
Алексеева М.Н., Никитина Н.В. Смоленский историк Е.Н. Клетнова: жизнь и деятельность на изломе эпох 528
Рудковская М.М., Борисова В.В. Академический архив как исторический источник: документы женщин-ученых в архиве Плехановского университета 532
Казарова Н.А. Наследие А.Г. Задеры в преподавательском сообществе историков РГУ 535
Сутягина О.А. Екатерина Константиновна Завадовская – первая женщина-профессор Томского политехнического института 539
Щеглова Т.К. Вклад сотрудниц НИИХП в спасение народных художественных промыслов юга Западной Сибири в контексте существующей системы коммуникации власти и общества 542
Костин Н.О. Эпистемология Т.А. Проскуряковой: открытие историчности 548
Кукаренко Н.Н. Рейчел Карсон: женский голос (в)экологии 552
Голечкова О.Ю. «Возможности женского мозга меньше...»: отношение к женщинам в технических науках в позднесоветский период (1970–1980-е годы) 557
Бусырева Е.В. Образ жизни женщины-ученого Кольского научного центра 561
Аллахвердян А.Г. Динамика кадров в социальных науках: гендерный анализ 564
Баданина И.В. Гендерная асимметрия в наименованиях женщин и мужчин, занятых научным трудом 566
Грошева Л.И., Грошева И.А. Образ женского труда в виртуальном пространстве 570
Крылова А.В. Женский вклад в становление гендерной лингвистики 573
Швецова А.В. «Наука женского рода»: документальное кино как площадка для консолидации ученых 575
Пивоварова Л.Н. История школьного образования в Старом Осколе – в уникальном музее Нины Исааковны Черепановой 578
Аброськина Е.В. «Мое право – на конце меча»: путь женщины в академической науке на примере биографии Н.Д. Флиттнер 582

Почему необходимо специальное изучение женского наследия?

Женское наследие – это те разнообразные следы: и вещественные, и нематериальные – которые женщины оставили в истории и которые влияют на наши сегодняшние оценки переживаемых событий. Это явления культуры и быта людей, оставшиеся от прежних времен и оставляемые нами сегодня для наших потомков как нечто важное и почитаемое [1, с. 14].

В год славного столетнего юбилея советской Конституции 1924 г., законодательно закрепившей полное правовое равенство всех народов СССР и их суверенитет, нам – сторонницам специального изучения женской истории и антропологии женской повседневности – показалось важным собрать воедино мозаику *женского культурного наследия* в первую очередь всех народов нашей страны, включая его в при этом в общемировое женское культурное наследие.

Почти два десятилетия в Российской Федерации успешно развивается направление женской истории, которое восполняет возникшую за несколько веков существования отечественной историографии лакуну. Речь о недостаточности наших знаний о динамике изменений социального и правового статуса женщин, об их персональных достижениях в разных сферах, об их немалом вкладе в историю экономики и политических движений, в историю конфессий и историю литературы и изобразительного искусства, о таком очевидном, но столько же редко подчеркиваемом вкладе в историю педагогики и эдукологию, равно как и знаний о женщинах, отличившихся в сфере науки, преподавания, воспроизводства человеческого капитала.

Как и в прошлые годы и на прошлых встречах членов Российской ассоциации исследователей женской истории, мы видим своей задачей реконструкцию женского исторического опыта, его эвристического и репродуктивного потенциала – позитивного опыта тиражирования и освоения культурных ценностей. Если наследство – все то, что нам оставлено прошлым, то *наследие* – то, что мы выбираем из прошлого и считаем своей собственностью [2, с. 398], «присваиваем» для использования и дальнейшего хранения, с чем не хотим расставаться и что с радостью храним, поскольку оно затрагивает все стороны нашей

жизнедеятельности, что необходимо нам, что вдохновляет и мотивирует.

Собранные в этом издании небольшие тексты – лучшее доказательство того, что женское культурное наследие – это наиважнейший фактор формирования и развития интеллектуально-духовной, нравственной и творческой личности будущего, основа и опора национального самоуважения. Более трехсот заявок на участие в конференции, присланных вместе с тезисами и материалами выступлений в сложном для мировой науки 2024 г., когда в связи с внешнеполитическими событиями живые личные контакты с учеными зарубежных государств почти исключены, представляют географию современных исследований женской истории и антропологии повседневности в нашей стране от Владивостока до Калининграда. Эти триста с лишним заявок были обработаны сотрудниками Центра гендерных исследований ИЭА РАН и преподавателями Дагестанского государственного университета и обобщены в 13 крупных блоков. Это материалы по теории, источниковедению и историографии женской истории, по женскому участию в жизни общества (включая не только социальные движения, но и область благотворительности и меценатства). Отдельно выделена тема советской социальной общности и памяти о ней в эгоматериалах женщин и мужчин. Немалое значение имеет для этнографии академической жизни история формирования женского вклада в область образования и науки; в медицинскую антропологию, в социологию нетипичности и инвалидности, в историю литературы и изобразительного искусства.

Новые материалы, которые собраны исследователями по всей стране и представлены в виде маленьких статей в данном издании, имеют огромный объединяющий потенциал, поскольку не только авторы текстов, но и все читатели их, слушатели докладов, все члены современного российского общества – уже носители частиц *женского наследия*. Участники XVII международной конференции, проводимой Российской ассоциацией исследователей женской истории, Центром гендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и Дагестанским государственным университетом, предлагают продолжить обсуждение заявленной проблемы в

русле нового понимания традиций и духовных скреп, путей воспитания личности, ее души и благородства.

Н.Л. Пушкарёва,
председательница Российской ассоциации исследователей женской истории,
профессор, главный научный сотрудник ИЭА РАН,
заслуженный деятель науки РФ

Список литературы

1. *Володихин Д.М.* Культурное наследие: устойчивость и изменчивость // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. № 1 (44). С. 5–15.
2. *Логинова М.В.* Сохранение нематериального культурного наследия в эпоху глобализационных процессов // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 1. С. 398–402.

РАЗДЕЛ 1
МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИОГРАФИЯ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

М.Г. Котовская
Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Э.Г. Швец
Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Традиционное общество: ценности и модели поведения мужчины и женщины

Ритуализация взаимоотношений полов в традиционных культурах занимала одно из самых важных мест в жизни общества, была строго дифференцирована и имела множество смысловых маркеров, порой недоступных пониманию европейцев. Одна из наиболее ярких последовательниц структуралистского метода К. Леви-Строса французский этнолог-африканист Франсуаза Эритье, долгие годы изучавшая ритуальную составляющую родственных связей у народов Верхней Вольты, пришла к выводу о существовании у них многоуровневого характера инцеста, не имеющего аналогов в современных европейских культурах. Согласно выводам Эритье, т.н. примитивные народы различали как минимум два вида инцеста. К первому виду они относили традиционные гетеросексуальные запреты на отношения между кровными родственниками. Инцест же второго вида представлял собой символически опосредованную систему отношений однополых родственников, которые делят одного и того же сексуального партнера. Например, у африканского народа само мужчина не мог брать жену из того же самого линиджа (родовой структуры), откуда уже взяли жену его отец и братья. Точно так же налагался запрет и на сексуальные связи мужчины с сестрой его жены [5, с. 40].

Для европейца понимание всех сложностей экзогамных запретов у «примитивных» народов оказывается возможным только в том случае, если он постарается представить себе всю структуру их мифологического мышления в целом. Тогда вышеописанный случай обретает вполне обоснованную логику. Например, Эритье выяснила, что среди всех бинарных оппози-

ций в символике народа само (правое/левое, верх/низ и т.д.) центральное место занимает оппозиция горячее/холодное. Нарушение баланса между двумя этими субстанциями, по мнению само, может привести к различного рода катаклизмам. Если горячее, скажем, соединяется с холодным и оказывается сильнее последнего, это вызывает иссушение (засуху, например). Если, наоборот, холодное возьмет верх над горячим, возникают проливные дожди и даже наводнения [5, с. 41].

У многих народов Южной Америки институт полиандрии известен сегодня как амутехеа. Согласно этому обычаю, у каждой женщины, кроме мужа, есть еще амутехеа – мужчина, не связанный с этой женщиной экономическими обязательствами, но имеющий право на постоянную сексуальную связь с нею. Муж обычно делал вид, что не знает, кто является любовником его жены, а статус женщины в племени от этого не только не страдал, но и выигрывал. Многие молодые мужчины, по сравнению с такими женщинами обладавшие более низким социальным статусом, нередко оставались холостыми достаточно долгое время. Тогда вступал в силу обычай насильственного перераспределения женщин, а также обмена женами между женатыми мужчинами. У многих племен Амазонии, например, женщины являлись основными посредниками между миром духов и живых.

В религии индейцев тукуна большое значение имело женское божество Тае, которое являлось важнейшей фигурой в их религиозных воззрениях. Индейцы верили, что зачатие зависело от Тае: она наделяла зародыш душой и телом. Именно Тае дала первым людям правила брачных отношений и сознание родовой принадлежности, а если люди нарушали эти правила, то сурово карала их [8, с. 43]. Женщина являлась и хранительницей культурных ценностей, на которые мужчины постоянно посягали, пытаясь овладеть этими ценностями и приспособить их для себя. Например, у калифорнийских индейцев считалось, что первоначально огнем владели только женщины, используя его для обогрева жилищ и приготовления пищи, а похитили его у них мужчины, распорядившись огромными возможностями огня по-своему.

Известный английский исследователь аборигенов Австралии А. Хауит отмечал, что нередко мужчины, в руках которых была сосредоточена власть, перекладывали на женщин и часть той хозяйственной работы, которая по традиционным правилам

должна была выполняться самими мужчинами. Например, часто при небольших перекочевках женщины несли все пожитки и детей, а мужчины шли налегке. Некоторые авторы считали, что этот обычай был связан с тем, что мужчины должны были иметь свободными руки для отражения нападения врагов. Но опросы самих мужчин, которые проводил А. Хауит, показали, что и раньше, и сейчас это было вызвано стремлением мужчин поддерживать свое превосходство над женщинами [9, с. 256].

Мужчинам австралийских аборигенов по традиции принадлежало и решающее слово в наиболее важных семейных делах, а также в вопросах воспитания детей. Однако анализ биографий нескольких женщин, которые приводит в своей книге О.Ю. Артемова, показал, что в настоящее время в связи с ослаблением рода у некоторых аборигенных племен женщины стали чувствовать себя намного свободней, а уважение мужей к ним возросло. Например, торговец рыбой вполне мог отправить покупателя к своей жене, объяснив, что цену товара назначает именно она и вообще лучше, чем он сам, разбирается в делах.

Этнографический материал показывает, что практически у всех бесписьменных народов существуют мифы, рассказывающие в той или иной форме о свержении власти женщин. Некоторые исследователи связывают появление подобного рода мифов с началом формирования двух принципиально различающихся между собой культур – мужской и женской, которые, непрерывно пересекаясь и взаимодействуя, в то же самое время все больше и больше отгораживаются друг от друга непреодолимой стеной запретов. «Табу – вот волшебный страж, охраняющий чистоту и сохранность ритуалов этих двух разделенных между собой миров» [8, с. 46].

Идея целостности, андрогинности человека и оргиастические обряды нацелены на временное воссоединение мира женщин и мужчин, т.к. в повседневной бытовой сфере мужчины и женщины функционально разделены между собой. Представления, что каждый мужчина или женщина носят в себе «зародыши» другого пола, существуют у многих народов. В некоторых культурах гермафродиты почитаются как святые. Это прослеживается по разным этнографическим источникам. Почитают гермафродитов, к примеру, балийцы. В их религии поклоняются гермафродическому божеству Синг Хианг Тенггала [2, с. 14].

У некоторых племен Южной Америки и Африки одобрительно относятся к периодической смене сексуальных ролей мужчинами. В других племенах гомосексуальные контакты разрешаются лишь для определенных возрастных групп. Например, в африканской культуре нгоде гомосексуализм допустим для мальчиков с десяти лет до момента заключения ими брака с женщиной. Если взрослый мужчина даже просто надевает женскую одежду после заключения брака, считается, что он утрачивает статус мужчины, становясь женщиной, и должен выполнять ее функции. А вот в культуре лепха (Гималаи) мужчина ни при каких условиях не мог одеваться в женские одежды, несмотря на возраст: это считалось позором, хотя такое переодевание и даже имитация мужских половых функций позволялись женщинам [2, с. 15].

Институированная форма сексуального воспитания и создание стереотипных норм взаимодействия полов в традиционных культурах проходила в форме инициаций с их четким противостоянием мужчин и женщин и обычно в рамках тайных мужских и женских союзов. По мнению классика школы функционализма Б. Малиновского, если проанализировать систему возрастных инициаций, то «можно сделать вывод, что пол и возраст являются независимыми друг от друга принципами и закрепляются каждый по отдельности [3, с. 695]. В целом важнейший аспект общего представления о детях у индейцев – отношение к ним как к величайшей ценности. Подрастая, дети вступают в определенные ритуальные фратрии. Они существуют как для девочек, так и для мальчиков. В них дети проходят бытовое и обрядовое обучение согласно их возрасту и полу.

Для членов первобытного сообщества возможные половые партнеры подразделялись на две качественно различные группы: с одной из них половые отношения были возможны и обязательны, с другой – запрещались. Для обозначения этих групп вводятся специальные термины родства [9]. Как считает российский антрополог Ю.И. Семенов, «в самых ранних системах родства было четыре термина: один для обозначения мужчин своего рода, второй – женщин своего рода, третий – мужчин союзного рода, четвертый – женщин союзного рода» [6, с. 25]. Дальнейшая практика ограничения возможных половых связей привела к «фиксации различий между поколениями, терминологи-

ческого разграничения мужчин и женщин, принадлежащих к разным поколениям» [6, с. 28].

Обычаи половозрастных «избеганий» не менее мифологизированы, чем обычаи дифференциации власти в патриархальном обществе. Более того, первые оказались достаточно устойчивым институтом и в том или ином варианте дожили до наших дней. До сих пор, например, обычай избегания играет определенную роль в культуре народов Кавказа, которые, несмотря на всю свою региональную специфичность, характеризуются многими общими чертами.

Обычаи избегания включают в себя целый комплекс поведенческих запретов, ограничивающих взаимодействие и общение между супругами, между родителями и детьми и их свойственниками. Естественно, что эти обычаи были различны у кавказских народов, но в целом суть их можно свести к следующему: избеганию подлежат контакты со старшими родственниками мужа, общение с посторонними лицами, публичная демонстрация своих чувств к супругу, детям, родителям. Родителям предписывалось не брать своего ребенка на руки в присутствии старших родственников, не ласкать его и т.д. Девушкам вменялось определенное избегание отца и старших братьев. Такие нормы поведения существовали у чеченцев, азербайджанцев, грузин и других народов Кавказа. У всех у них строго регламентировалось поведение членов семьи, прежде всего женщин, по отношению к ее главе. Вот как это происходило в армянской семье: «По отношению к главе семьи были приняты определенные нормы этикета: при его появлении все вставали, его указания выслушивали стоя, в его присутствии не имели права громко разговаривать, быть небрежно одетыми, курить; тантер (глава семьи) первым садился за стол, занимая центральное место у очага, и первым ложился спать, при этом младшая невестка должна была его раздеть, разуть, вымыть ноги и уложить. Все члены семьи независимо от пола и возраста беспрекословно подчинялись ему» [7, с. 207]. Исключение делалось лишь для старшей женщины, которая руководила всеми женскими работами в семье. Она единственная из женщин имела право садиться за стол вместе с мужчинами. В случаи смерти мужа она становилась главой семьи, представляла семью в общественных делах [8].

Примеров, подобных тем, которые были приведены в этой статье, этнографическая наука знает немало. Нам же важно подчеркнуть здесь следующее. Существование половозрастных ограничений в культуре народов мира всегда было нацелено на упорядочение социальных отношений. Ритуалы – это своего рода маркеры, разграничивающие территорию мужского и женского, устанавливающие правила взаимодействия мужчин и женщин и позволяющие вести осмысленный гендерный диалог в обществе.

Список литературы

1. *Дуглас М.* Чистота и опасность. М.: Канон – Пресс, 2000. 256 с.
2. *Лев-Старович З.* Секс в культуре мира. М.: Наука. 1991. 255 с.
3. *Малиновский Б.* Функциональный анализ // Антология исследования культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 14–21.
4. Мифы и сказки Австралии. М.: Детская литература. 1965. 109 с.
5. *Островский А.Б.* Парадигма мифологического мышления: очерк вклада Леви-Строса. Изд. 2-е, испр. СПб.: Кронос, 2005. 180 с.
6. *Семенов Ю.И.* На заре человеческой истории. М.: Мысль, 1989. 319 с.
7. *Тер-Саркисянц А.Е.* Межличностные отношения в армянской семье: традиции и современность // Женщина и свобода. М.: Наука, 1994. С. 211–214.
8. *Шрайдер Х.* Экономическая антропология. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 180 с.
9. *Howitt A.W.* The Native Tribes of South East Australian Tribl // Transactions of the Royal Society of Victoria. 2009. Vol. 1. Part 2. P. 255–263.

Е.А. Здравомыслова
Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге

Женское наследие заботы. Из истории концептуализации понятия

Доклад посвящен концептуализации понятия заботы, которое первоначально использовалось в поле изучения женского опыта, а затем стало одним из самых популярных в социальных исследованиях. Термин «забота» приходит в социологию через женские исследования и политическую философию. Из повседневной речи, женских практик, социальной политики и общественных движений категория заботы приходит в академический мир [5]. Первоначально в 1970-е годы термин используется для обо-

значения практик женского домашнего труда, замещая такие социологические понятия, как женская роль в семье и социальное воспроизводство. Позднее этот термин распространяется шире, охватывая внедомашние локальности и акторов, не связанных отношениями родства и супружества [3]. Внимание исследователей уделяется изучению различий между режимами заботы в разных культурно-исторических и социально-политических контекстах [1; 2].

Обратим внимание на концептуальные основания исследований заботы. Забота рассматривается как эволюционный механизм, присущий всем живым существам. Политические философы Беренис Фишер и Джоан Тронто определяют заботу как «активность живых существ, которая включает все виды действий, направленных на поддержание и совершенствование нашего мира с целью улучшения качества жизни» [6, с. 19]. Практики заботы осуществляются различными акторами, однако на любом уровне признается значимость ценности заботы в человеческой жизни и значимость роль женского опыта. В женских исследованиях повседневная забота о близких концептуализируется как *труд любви* (love work) [3]. Такая категоризация подчеркивает, что практики заботы подчиняются одновременно логике трудовой занятости (расходования рабочей силы с ориентацией на вознаграждение) и альтруистической логике бескорыстной помощи. Ядром заботы является персонализированное отношение к другому и эмоциональная работа, которая подразумевает следование правилам выражения чувств и правилам чувствования. Несмотря на значимость внутренней мотивации, забота может быть оплачиваемой и неоплачиваемой, может быть личным выбором или выполняться по принуждению, получать социальную поддержку или нет. Повседневная забота осмысливается как работа, связанная с непосредственным практическим уходом и обслуживанием других. Признание универсального экзистенциального характера заботы открывает возможность изучения многообразия ее форм, видов и измерений.

Эмпирические исследования практик заботы учитывают четыре параметра: локальность, темпоральность, тип отношений и их правовой статус. По локальности выделяют домашнюю заботу (в пространстве дома) и институциональную (в государственных и частных учреждениях). По темпоральности выделяют

долгосрочную, краткосрочную и разовую заботу. Особое внимание исследователи уделяют организации долгосрочного ухода и заботы. По типу отношений различают интимную (родственную, семейную, дружескую), профессиональную и волонтерскую (общественные организации, соседские сообщества) заботу. Интимная забота подчиняется логике близких отношений, профессиональная забота регулируется правилами контракта, хотя на нее также распространяются ожидания эмоциональной вовлеченности, а волонтерская работа регулируется сочетанием контрактных и моральных предписаний. По правовому статусу различают формальную заботу (регулируется контрактом предоставления услуг) и неформальную (без оформления, регулируется правилами моральной экономики). Исследования конкретных форм заботы учитывают эти признаки и в целом приходят к выводу, что конвенциональные разграничения между различными формами не отражают разнообразия и инноваций практик заботы в современном обществе. Все исследователи подчеркивают гендерный дисбаланс – преобладание женщин среди исполнителей заботы, нехватку заботы и недостаточную поддержку заботящихся людей в современных обществах.

Фишер и Тронто выстраивают феноменологическую модель заботы, выделяя пять компонентов процесса, которые часто представляют собой последовательность фаз [6, с. 34–37].

1. Внимательное участие (caring about). Процесс заботы запускается целенаправленным персонализированным вниманием, сфокусированным на потребностях людей, которые в ней нуждаются. На этой стадии важно признать потребность в заботе, определить приоритеты помощи и не подменять потребности людей своими представлениями о них.

2. Ответственность (caring for). Индивидуальный или коллективный актор берет на себя ответственность за организацию заботы и контроль качества помощи. При этом он может осуществлять заботу и уход самостоятельно, а может делегировать ее различным институциям и людям. Так, например, взрослые дети берут на себя ответственность за благополучие своих состарившихся родителей, но могут решать вопрос практического ухода, приглашая оплачиваемую сиделку или пользуясь услугами социального работника.

3. Практики прямой заботы и ухода (caregiving) – это конкретные действия, направленные на удовлетворение потребностей зависимых людей, требующие физических, интеллектуальных и эмоциональных усилий. От заботящегося ожидается компетенция и квалификация в практиках ухода, умение на передний план выдвинуть потребности опекаемого и частично «забыть о себе». Конкретная работа предполагает не только технические умения, но также моральные и эмоциональные компетенции – в ней доминирует мотивация альтруистического отношения. До сих пор в практиках ухода преимущественно заняты женщины, что приводит к неравенству в сфере занятости (публичных достижений), эффектам выгорания.

4. Получение заботы (care-receiving). Процесс заботы складывается как цикл повторяющихся взаимодействий опекающего и опекаемого. На основании реакции получателя заботы делается вывод о достаточности, успешности, уместности практических действий. Если опекаемые не в силах озвучить свое отношение, качество заботы и ухода оценивается посредниками.

5. Забота как сотрудничество различных акторов (caring with). В современном обществе забота распределяется между различными акторами и частично делегируется социальным институтам. Практики заботы уже не сосредоточены исключительно в рамках семьи, хотя часто маркируются как выполнение женской семейной роли. Так, например, забота о пожилых членах семьи осуществляется в сообществе благодаря социальным сетям; реализуется с помощью социальных сервисов, медицинских учреждений, оплачиваемых домашних помощников. Режимы заботы различаются в обществах и разных социальных группах, однако по-прежнему женщины в эту сферу деятельности вовлечены гораздо больше мужчин [2].

Практики заботы пронизаны отношениями власти; исследователи подчеркивают потенциально конфликтный характер отношений заботы и риски злоупотреблений со стороны всех включенных в процесс акторов. Неравенство в ресурсах контроля, рассогласование в определении потребностей нуждающихся, дилеммы автономии и зависимости, эксплуатация «труда любви», психологическое выгорание и стрессы, низкое вознаграждение, авторитарное патерналистское исполнение заботы – все это структурные основания конфликтов. Исследователи по-

казывают, что режимы заботы в современных обществах предполагают вовлечение в заботу новых акторов, трансгрессию гендерных границ, развитие эгалитарного стиля, стремление с помощью заботы придать силы ее получателю, повысить престиж заботы в обществе.

В современном социуме действует т.н. *бронь, освобождающая от заботы* (pass). Отметим, что многие легитимные освобождения от практик непосредственного ухода и заботы распространяются на те социальные позиции, которые в обществе занимают, как правило, мужчины [4, с. 33]. Женские исследования особое внимание уделяют положению заботящихся – тех, кто непосредственно вовлечен в практики ухода и обслуживания зависимых людей на долгосрочной основе. Они показывают, что постоянная вовлеченность в заботу накладывает ограничения на действия людей, которые их осуществляют. Обсуждая нехватку поддержки заботящемуся человеку в современном мире, исследователи анализируют т.н. *штрафы заботы* (care penalty) – «любые ограничения, которые накладывают на человека практики заботы: ограничения в заработке, нехватка свободного времени и личной автономии, барьеры профессионального роста и самореализации, психологические эффекты выгорания» [5, с. 9–10]. Так, например, исследования показывают, что в тех обществах, где государственные и рыночные сервисы заботы о пожилых гражданах не развиты, а представления о мужественности и женственности не модернизируются, львиная доля непосредственной заботы о старших зависимых родственниках приходится на женщин среднего, стержневого поколения (40–59 лет). Они вынуждены ограничивать свой профессиональный рост, а иногда и увольняться с работы, ограничивать досуговые практики, фактически лишены частной жизни, показатели их здоровья тем ниже, чем больше времени они посвящают интенсивной заботе. Характерный для женского опыта синдром промежуточного поколения («поколения “сэндвич”»), при котором женщины среднего возраста осуществляют сложный баланс между разнообразными задачами домашней заботы и оплачиваемой занятостью, характерен и для российского общества. При этом члены семьи не всегда имеют возможность снизить нагрузки заботы, институциональная помощь недостаточна, и далеко не всегда удается перераспределить домашнюю заботу таким образом, чтобы мужчины наравне с

женщинами вовлекались в сферу ухода. Кроме того, качество институционально предоставляемых услуг трудно контролировать и гарантировать. Исследователи подчеркивают, что снижение нагрузок заботы чаще всего обеспечивается привлечением наемных помощников (часто мигрантов) или социальных работников (муниципальные сервисы), а гендерные границы в повседневной заботе преодолеваются гораздо сложнее. Хотя мужчины также «расплачиваются» за заботу, штрафы заботы непропорционально выше для женщин. Это связано с тем, что общество возлагает на них основную ответственность за практики непосредственной заботы и они сами идентифицируют себя как главных исполнителей этих практик. В целом многообразные исследования заботы призваны содействовать построению более справедливого общества, в котором одним из принципов организации жизни будет забота о заботящемся человеке.

Список литературы

1. *Ткач О.* Уборщица или помощница? Вариации гендерного контракта в условиях коммерциализации быта // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Тёмкиной. СПб.: Издательство ЕУСПб, 2009. С. 137–188.
2. *Чернова Ж.* Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 3. С. 295–318.
3. *England P.* Emerging theories in care work // Annual Review of Sociology. 2005. No. 31 (1). P. 381–399.
4. *Folbre N.* The Invisible Heart. New York: The New Press, 2001. 288 p.
5. *Rummery K., Fine M.* Care: A critical review of theory, policy and practices // Social Policy and Administration. 2012. Vol. 46. No. 3. P. 321–343.
6. *Tronto J.* Caring Democracy. New York: New York University Press, 2013. 256 p.

Л.В. Голубева
Санкт-Петербург, АНО «Пропповский центр»

«Собойное»: памятные вещи и память о вещах

В докладе речь пойдет об особой женской практике, которую мы зафиксировали на Мезени – накоплении текстильных изделий. Местные женщины хранят свое «добро» в сундуках, чемода-

нах, коробах или просто в коробках и обычно называют его *собойным*. Состоит собойное как из предметов антикварных (сарафанов, рубах, шалей и платков), так и из предметов «винтажных» – отрезов ткани и одежды советской эпохи. Текстиль передается от старших женщин младшим (как по родству, так и по свойству), или же вещи (в случае отсутствия у женщины наследниц) расходятся в качестве даров на помин после смерти владелицы. Почти всегда это вещи с историями. У каждой женщины собойное имущество отличается количеством и способом хранения, однако в рассказах женщин о таких коллекциях всегда есть что-то, что их объединяет. Такие рассказы – это биографические истории о наследовании, хранении и передаче старинных и современных платков, шалей и одежды, за которыми скрывается в первую очередь эмоциональный опыт. Опыт переживаний, связанных с отношениями долга, благодарности, щедрости, справедливости или, напротив, обиды, обесценивания и забвения.

Ром Харре отмечает: «Каждая культура, о которой мы знаем, была культурой, рассказывающей истории» [1, с. 30]. В отношении практики *собойного* это именно так, поэтому я и мои коллеги старались фиксировать все рассказы, которые возникали в ситуации разговора об этом. Мы заметили, что если женщины утрачивали предметы наследования или по каким-то причинам вещи им не достались, то в таком случае по наследству передаются истории об этих вещах или истории об их утрате. Ром Харре отмечает, что нарративы способны изменять предметы: «Из простого куска вещества, не обладающего собственной предысторией, материальный предмет способен превращаться в социальный объект благодаря его включению в нарратив» [2, с. 121]. Как мне представляется, именно с такими нарративами мы и имеем дело в случае рассказов о платках, шалях и других предметах собойного имущества. Нарративы обеспечивают отсутствующему материальному предмету некоторое ощутимое присутствие, тем самым организуя еще один способ наследования утраченного имущества – его существование внутри повествования. В поле самыми ценными для меня были интервью, во время которых происходила демонстрация текстильного добра. Она начиналась с раскрывания сундуков или коробов, раскладывания вещей (реже примерки) и заканчивалась укладыванием вещей в строго соблюдаемом порядке обратно. Такие интервью

я и мои коллеги с согласия информантов снимали на видео. Собранный нами видеоматериал позволяет увидеть, что предметы, доставаемые из сундуков, служат «узелками на память». Перебирание вещей и воспоминания были связаны между собой.

В рамках доклада мы посмотрим, как посредством хранения текстильных изделий женщины созидают важную для них сеть отношений, в которую вплетались те, кто далеко или уже умер, а также те, кто еще не родился. Эта сеть связывает пространство и время в непространственные отношения родства, свойства, родительского попечения и дочернего уважения. Материалом для доклада служат полевые записи, сделанные в рамках экспедиций с 2007 по 2022 г. в Архангельской обл.

Список литературы

1. *Брокмейер Й., Харре Р.* Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
2. *Харре Р.* Материальные объекты в социальных мирах // Социология вещей / под ред. В. Вахштейна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 118–133.

Г.С. Широкалова, П.И. Куконков
Нижний Новгород, Приволжский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Народная культура как связь поколений: гендерный аспект

2022 г. был объявлен в России Годом народного искусства и нематериального культурного наследия народов России. «Нематериальное наследие включает в себя языки и диалекты, традиции, обычаи и верования, устное народное творчество, традиционные уклады жизни и представления об устройстве мира народов, народностей, этнических групп, литературу народов России, музыкальное, театральное, кинематографическое наследие, технологии народных художественных промыслов…» [4, с. 41]. Ставшая традицией концентрация внимания на какой-либо проблеме через объявление ее приоритетной в тот или иной год свидетельствует о «неблагополучии в королевстве».

Но так ли остра проблема культурного наследия для общественного сознания? Общество не всегда осознает изменения, происходящие постепенно, а их масштаб оценивает весьма приблизительно. К тому же срабатывает «синдром разбитых окон»: если так поступают окружающие и их за это не осуждают, следовательно, сформировалась новая одобряемая норма [1].

Дать ответ на вопрос об остроте проблемы в определенной степени помогает социология. Приведем результаты исследования Российского общества социологов (РОС) «Культурные традиции и связь поколений», в процессе которого были опрошены онлайн студенты вузов (9751 чел.) во всех федеральных округах России [2, с. 151–154].

Этнокультурное разнообразие России накладывает отпечаток на распределение ответов в регионах. Поэтому выберем массив респондентов, наиболее однородный по показателям: национальность респондентов и родной язык. Это Сибирский федеральный округ: русские составляют 89,9%, родным языком назвали русский 97,7% опрошенных. Меньшая доля идентифицирующих себя русскими, чем считающих русский язык родным объясняется тем, что малочисленные народы утрачивают национальные языки по причине их нефункциональности в многоязычной/иноязычной среде.

Существует мнение о большей приверженности женщин традициям, поскольку их семейные роли по содержательному наполнению меньше подвергаются воздействию внешних факторов. Сравнение показателей по Сибирскому федеральному округу со средними по России свидетельствует, что регионы существенно отличаются из-за особенностей расселения этносов на территории страны и межгосударственных связей. Следовательно, выбор отдельной территории был методически верен.

Приступим к содержательному анализу результатов. Для многонациональной страны, на наш взгляд, оптимален вариант: россиянин должен знать культуру своего народа, но важно ориентироваться и в культурном наследии других народов. Доля девушек, разделяющих такую позицию, на 7% больше, чем юношей, а по всей выборке на 11%, что свидетельствует о большей готовности принять/понять другой образ жизни. Около

5% опрошенных готовы не только понять, но и в какой-то мере отказаться от национальной идентичности.

Почти каждый десятый выбрал вариант «Народная культура – пережиток прошлого, в мире есть куда более интересные и важные культурные явления». Соотношение между женщинами и мужчинами разнонаправленно, как и в предыдущей таблице. В СФО больше доля женщин, в общероссийской выборке – мужчин. Значительна и доля не определившихся по данному вопросу. И это настораживающий показатель: ведь речь шла не только о «знании», которое может быть и пассивным, но предполагается и активная позиция, если и не личная, то одобрение государственной. Гипотеза о большей ориентации девушек на традиционность в данном случае не подтверждается, что свидетельствует о тренде на преодоление каких-либо ограничительных барьеров как реакции на историческое прошлое. Ранее мы зафиксировали аналогичную тенденцию при изучении религиозности студенток/студентов [5, с. 248].

Рост или уменьшение данной доли зависит от многих внешних факторов. Национальные проекты «Обеспечение качественно нового уровня развития инфраструктуры культуры (“Культурная среда”)», «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» и другие могут поднять интерес к культурному наследию страны, но акторы, заинтересованные в его забвении, имеют широкую социальную базу [3, с. 143–188]. Учитывая активизацию прокси-войны против России, одной из целей которой является образование на ее территории независимых государств под протекторатом Запада, закономерен вопрос: можно ли рассматривать отрицающих ценность традиционной культуры как некую будущую «мягкую силу» сепаратизма?

Список литературы

1. *Галлиулин А.* Теория разбитых окон. 02.10.2022. URL: https:// psychologos.ru/articles/view/teoriya-razbityh-okon. (дата обращения: 02.02.2024).
2. *Дулина Н.В., Засыпкин В.П., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С.* Культурные традиции и связь поколений (информация о научном проекте) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5(80). С. 151–154. DOI: 10.26105/SSPU.2022.80.5.014.

3. *Закунов Ю.А.* Современные процессы наследования культуры в контексте российской цивилизационной альтернативы. М.: Институт Наследия, 2024. 232 с.
4. Словарь основных терминов, относящихся к сфере государственной политики по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти по состоянию на 28 марта 2024 г. / сост. В.В. Аристархов, А.В. Рауд. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, 2024. 98 с. URL: https://www.heritage-institute.ru (дата обращения: 02.02.2024).
5. *Широкалова Г.С.* Студентки и студенты: сравнительные характеристики религиозности // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении. Материалы XVI Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Кострома, 5–8 окт. 2023 г. / Отв. ред. Н.Л. Пушкарёва; сост. А.И. Громова, А.В. Жидченко: в 2-х ч. М.: ИЭА РАН, 2023. Ч. 2. 502 с.

Т.Ю. Мельник
Москва, Московское академическое художественное училище

Женское лицо эпохи в русской культуре

Женская тема, характерная для конца Х1Х – начала ХХ в., в русской культуре формировалась в атмосфере напряженной дискуссии о женском начале и новом статусе половых отношений и находилась под влиянием неуверенности и отчуждения, сформулированного философией того времени, что во многом определялось контекстом кризиса общественного сознания. Женский вопрос выступает как важнейший компонент сюжетной канвы в знаковом тексте Н.С. Лескова «Зимний день (пейзаж и жанр)» (1894). Данный текст – один из итоговых, завершающих творчество Н.С. Лескова. В свое время он вызвал множество вопросов у читателей в силу своей откровенной полемичности. Интертекстуальные маркеры текста в полной мере еще не выявлены, что дает право включить в его герменевтическое поле рассмотрение женских типов данной эпохи. Текст Н. Лескова становится культурологической осью 1880-х гг. Далее на примере одного дня через многочисленные диалоги и рассуждения персонажей, имена известных политиков, философов и художников, упоминаемых в тексте, очерчивается куль-

турное поле эпохи, благодаря которому перед читателем предстает собирательный портрет времени и складывается картина назревающего исторического кризиса.

Заголовок «Зимний день» служит полемической отсылкой к стихотворению А.С. Пушкина «Зимнее утро» (1829) в плане парадигм времени и женских образов. У Пушкина пейзаж – это сельская глушь и искристый «день чудесный», где героиня – дремлющая красавица, молчаливый «друг прелестный»; у Лескова – «опять смеркается» в многолюдном и шумном Петербурге, где звучат в большинстве своем женские голоса. В дальнейшем будет подчеркиваться принадлежность вышеназванных текстов разным эпохам. Романтическая поэтика уступит место прагматизму идей. Микромодель современной эпохи у Лескова представлена через разговор двух почтенных дам, пародирующих знаменитую пару дам из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя: «Хозяйка стара, и вид ее можно бы назвать почтенным. Чтобы ничего не упустить, она готова быть всем на свете: это “сосуд”, служащий ныне “сосудом в поношение”. Гостья, тоже не молода, а в выражении преобладает замечательная смешанность: то она смотрит тихою ланью, то вдруг эта лань взметнется брыкливою козой». Эти дамы представляют и комментируют новые женские типы, которые выходят на авансцену грядущей эпохи. «Говорят, <…> вчера совершенно неожиданно приехала из-за границы кузина Олимпия. Это известная особа, она с давних пор посвятила себя “вопросам” и постоянно живет в чужих краях; но когда она приезжает сюда, она привозит с собой кучу новостей и “делает оживление”. Ее жизнь есть нечто удивительное. Она даже не имеет решительно никаких средств, но при всем том она ни у кого не занимает и не жалуется на свое положение». Имя кузины отсылает к явлению богини.

Героиня нового времени кузина Олимпия – авторская пародия на входивших в моду общественниц – прогрессисток и феминисток. «Таких дам теперь, слава Богу, есть несколько, но Олимпия занимает между ними самое видное место. Во всех глазах Олимпия – величина очень большая, и все ей верят, несмотря на предостережение, которое Диккенс делал против всех лиц, живущих неизвестными средствами. Домой на родину Олимпия наведывается всегда внезапно и на короткое время: приедет, бросит взгляд, с одним, с другим повидается, – “осве-

жит ресурсы" и уедет снова. Многие говорят, что она очень талантлива, но, что еще важнее всего, она совершенно необходима, а еще приносит своей стране очень много пользы». Олимпия является носителем новых веяний с Запада и пытается разбудить, по ее словам, некую «спящую силу», используя абстрактно-побудительную риторику: «Вы все ведь здесь уснули! Так нельзя! Вы просто дрыхнете, как это говорят, и притом жуете онуч… Вас надо будить! Куда ни заглянешь, везде всех надо будить. Ваш сон ужасно затрудняет все славянство. Святая Русь есть сила мира, и это будет ее имя: Silamira! Но это еще пока спящая сила! Со временем это будет не так! Тогда не надо будет приходить с Запада и толкать вас, как теперь, когда вы начинаете очень скандально сопеть и храпеть…» У нее есть свой взгляд на состояние веры в обществе: «А по-моему, вы даже плохо и веруете: вы веруете все как-то сонно… точно во сне… точно вы насилу плывете и насилу веруете…»

Если в образе Олимпии очевидна авторская ирония и раздражение в адрес новой героини, то при создании других женских типов всех возрастов и сословий писатель не столь категоричен. Интересен его прием аллюзий на классические образы своих современниц. Так, племянница хозяйки Лида «нелюбима в своей семье, потому что ведет себя не так, как хочется матери и братьям», что делает ее схожей с Татьяной Лариной. Дочери графа, назло женившегося на молодой женщине, в разговорах уподобляются шекспировским Гонерилье и Регане, что предполагает прочтение аллегории. Это расширяет потенциал текста и программирует более насыщенный объем восприятия представленной тематики.

Автор создает привлекательный образ молодой «прогрессистки» Лидии, с которой контрастируют все остальные женские образы. По словам автора, «она очень красива. У нее стройная, удивительной силы и ловкости фигура, напоминающая статуэтку Дианы из Танагры, и милое целомудренное выражение лица с умными и смелыми глазами». В данном случае сравнение с богиней говорит о ее естественности, в отличие от высокомерия Олимпии. Если для дядюшки Лида богиня и ангел, то тетушка недовольна ее независимостью и поступками: «Ах, ее ученьям несть конца: и гимназия, и педагогика, и высшие курсы – все пройдено, и серьги из ушей вынуты, и корсет снят, и

ходит девица во всей простоте». По словам тетушки, она ушла от «непротивленышей» и от «работы над Боклем» в ученье на фельдшерицу. Лида достойно ведет себя в спорах с консервативными дамами, отстаивая свои убеждения и мечтая о появлении новых людей, которым нынешнее поколение не ровня: «Мы <…> в подметки не годимся. И они придут, придут! Здоровый ум придет!.. Мы живы этой верой!» В данном случае настроение героини созвучно популярному образу «Зеленого шума» Некрасова. Хотя тетушкины старомодные взгляды и назидания доводят ее до слез, она убеждена, что «жизнь, в самом деле, дается всего один раз, и очень нерасчетливо ее приноравливать к какому бы то ни было сезону. Это скоро меняется». Лидия боготворит некую «апостольницу» Мари, которая «проводит всю жизнь в заботах о ком-нибудь. Если хотите найти сердечного человека, – говорит она, – идите к ней: у нее всегда есть запас людей “униженных и оскорбленных”».

В тексте имеются важные для тех лет споры об отношении современного человека к религиозной и церковной жизни, говорится о православии, лютеранстве, непротивленцах и нигилистах. Таким образом, через многочисленные диалоги персонажей Лесков создает сложное культурное целое эпохи, где важное место занимает нарратив с четко очерченным женским лицом, который в некотором смысле можно считать итогом взаимоотношений писателя с противоположным полом.

С.В. Генералова
Московская обл., Государственный исторический музей-заповедник «Горки Ленинские»

Музейные предметы как источник по истории женской повседневности: теория и практика

В качестве источника в работах по антропологии повседневности выступают среди прочего отдельные музейные предметы или тематические коллекции: мебель, фотографии, плакаты и т.д. Важная задача – введение в научный оборот предметов, хранящихся в мемориальных музеях и отражающих реалии жизни отдельного человека или семьи. Однако «теория и методика изучения музейных коллекций и собраний пока еще не разработаны» [4, с. 421].

Данное исследование является попыткой создать подход, позволяющий работать с мемориальными музейными коллекциями при изучении быта и повседневности, в частности, на примере музея «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле». С 1955 по 1994 г. музей размещался в здании Сената в Кремле. В 1994 г. коллекция была перемещена в музей-заповедник «Горки Ленинские», однако не утратила своей полноты и подлинности, следовательно, она по-прежнему представляет интерес для исследователей как аутентичный источник. Для работы будут использованы комнаты М.И. Ульяновой и Н.К. Крупской.

Мы используем некоторые подходы метода исключенного наблюдения В.А. Подороги, которые он разработал для анализа литературы, биографий, архивных источников, т.е. текстов [2, с. 81]. Известных людей окружает миф, который создает иллюзию включенности в происходящее. Поэтому на входе в исследование наша позиция – «не знать», чья эта комната, кто были эти люди.

В музее оказывается крайне «важным физическое пространство, принципы его организации. Можно сказать, что музей – это замкнутая, герметичная система вещей» [1, с. 179]. В гендерных исследованиях вчитываются в текст, мы попытаемся прочувствовать, какие ощущения были у хозяйки комнаты.

Еще один прием – «не понимать», отстранять, т.е. делать странным, отказываться принимать реальность на веру. Понятие «остранения» введено и объяснено В.Б. Шкловским: «Мы не переживаем привычное, не видим его, а узнаем» [3]. Поэтому при рассматривании вещей мы сосредотачивались на том, что странно и нелогично.

В. Подорога в своем анализе использует иллюстративный материал, «чтобы передать предметно-визуальное соотношение образов в антропограмме» [2, с. 81].

Применение указанных подходов на комнатах музея привело к следующим результатам. Для простоты изложения будем называть комнаты по именам их хозяек. В комнате Крупской определить пол владельца комнаты с первого взгляда сложно: письменный стол с красным бархатом указывает на женщину, массивная диванная группа и полное отсутствие милых мелочей – на мужчину. Делаем выбор в пользу женщины андрогинного типа.

Очень «много» Ленина: его портреты, его имя, его изображения, написанные им книги. Среди фотографий вождя есть очень личные, сделанные в период болезни. Видимо, хозяйка – член его семьи, хотя степень родства определить сложно. Полные собрания сочинений Маркса, Энгельса, Ленина, два телефона, папки и блокноты приводят к выводу, что мы в комнате видного деятеля государства.

Хорошая мебель соседствует с плохим состоянием одежды и обуви – заплатки, штопка, все сильно изношено.

Попытка вчувствоваться в телесные переживания хозяйки комнаты приводит к мысли, что ей легче было находиться за письменным столом: чувствуется собранность и деловитость, настрой на работу. А сидеть на диване было тяжело: словно остаешься наедине со своими мыслями, и они нерадостные.

С любого места в комнате мы видим Ленина – фотографию, книгу, имя на альбоме. Этот факт позволил предположить, что именно Ленин является центром мира хозяйки комнаты.

Группировка предметов, находящихся в комнате, сведена в таблицу:

Семья	11
Здоровье	15
Мебель	43
Одежда	141
Бумага (Ленин, идеи, работа)	732

Группировка подтверждает вывод – центром ее мира был Ленин как человек, идущий по пути реализации идеи строительства более справедливого будущего.

Комната М.И. Ульяновой больше по площади, но в ней тесно: много мебели и милых безделушек, которые сразу же приводят к мысли, что это комната женщины. Комната и визуально, и эмоционально делится на две части: с помощью шкафа и ширмы приватная зона отделяется от рабочей. С одной стороны, хозяйка явно имеет прямое отношение к правящей партии, с другой стороны, перед нами обычная женская комната: подушечки, салфеточки, безделушки, духи, пудра. Эта дихотомия проявляется во всем. С одной стороны – гардероб и пудры создают ощущение, что хозяйка старалась хорошо выглядеть. С другой, в ящиках письменного стола обнаружены молоточек и плоско-

губцы. Комплектность мебели, красивые вещи говорят о достатке, но она хранит стрелку от наручных часов и штопает чулки.

Вчувствование и иллюстративный материал подтверждают разделение: государственный деятель, но очень привлекают простые женские радости.

Группировка вещей, находящихся в комнате, сведена в таблицу. Вещи, которые мы видим в комнате, очень «говорящие», есть ощущение, что с их помощью М. Ульянова заявляет о своем месте в обществе.

Семья	33
Здоровье и красота	39
Украшение комнаты и драгоценности	71
Мебель	76
Одежда	203
Бумага	740

Таким образом, мы провели исследование в отношении двух комнат мемориального музея, в ходе которого применили походы, ранее применявшиеся к другим источникам в аналитической антропологии и гендерных исследованиях – исключение, остранение, вживание, картирование.

Следует признать, что позиция исключения исследователя из «глобального мифа» оправдала себя, учитывая, что мемориальные музеи посвящены знаковым персонам, которые таким мифом являются. Также продуктивным представляется обращение внимания на то, что странно. Это позволяет обнаружить неочевидные вещи, глубже проникнуть в характер хозяина комнаты. А вот вчувствование и картирование кажутся слишком субъективными. Если использование этих методов разными людьми в отношении комнаты Крупской привело к близким результатам, то в отношении комнаты М. Ульяновой результаты несколько отличаются, и хотя все отмечают дихотомию, но делают из этого разные выводы.

Список литературы

1. *Беззубова О.В.* Музей как объект философско-антропологического исследования. // К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. СПб.: б.и., 2001. С. 179. (Серия “Symposium”. Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Вып. 12).

2. *Подорога В.А.* Антропограммы. Опыт самокритики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт- Петербурге, 2017. 336 с.
3. *Шкловский В.Б.* Самое шкловское: Сборник. URL: https://lit.wikireading.ru/htN80vkM3n (дата обращения: 03.05.2024).
4. *Юренева Т.Ю.* Музееведение: Учебник для высшей школы. 2-е изд. М.: Академический проект, 2004. 560 с.

С.В. Павлова
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургская юридическая академия

У истоков отечественной науки об обществе: Е.Р. Дашкова (1743–1810)

Наука как способ познания мира жизненно необходима человеку в борьбе за существование. Зарождение и развитие науки об общих законах социального развития происходило в Западной Европе, а возникновение социологии как системы знаний об обществе в 1830-е годы связывается с именем французского философа Огюста Конта (1798–1857). В отличие от естественных наук, социальные науки рисуют картину мира, создавая идеальные модели устройства общества. При этом важно учитывать, что предметом всего гуманитарного знания является человек и общество, а «человеческие отношения – результат не только природного детерминизма, их специфику во многом предопределяет природа самого человека» [1, с. 6]. Следовательно, все общественные науки связываются с миром человеческого сознания.

На современном этапе развития гуманитарного знания функцию царицы общественных наук выполняет культурология, предметом которой выступает не только материальный мир, создаваемый человеком, но и сам человек с его внутренним ценностным содержанием.

Отдавая Европе первенство в возникновении гуманитарного знания, заметим, что Россия не осталась в стороне от процесса познания культуры человеческого духа, приобретя свой самобытный характер ее развития, заданный еще на заре становления средневековой государственности и сохранивший преемственность в эпоху Нового времени. Своеобразным предметом полемики русских философов XIX в. станет вопрос о соотношении

Правды и Закона, который впервые прозвучит в политико-правовом и философском трактате митрополита Илариона «Слово и Законе и Благодати» (XI в.).

В полемике славянофилов с западниками проявит себя еще одна тема – особая религиозность русской философии, что отразится в самобытности русской государственности. Славянофилы предпочтут Правду всему земному и материальному. В любом случае спор шел о значении веры в нашей истории, а вера это качество духовного, а не материального порядка. И этим духовным свойством определялась наша национальная уникальность.

В развитие русской идеи, выражающей историческое своеобразие и особое призвание русского народа в духовной сфере общественного бытия, внесли вклад известные российские деятели науки, литературы, культуры эпохи Просвещения. При этом русское любомудрие, как в древности называли философию, неотъемлемо от поисков ценностного начала жизни, в котором приоритет однозначно отдается духовным смыслам бытия. Отсюда особенностью отечественной методологии научного познания мира стало признание духовности человека.

Однако в списке имен выдающихся мыслителей, включившихся в поиски особенностей русской культуры (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Вл. Соловьев и многие другие) мы ни в одном справочнике или учебнике не найдем женского имени, и это приходится признать досадным пробелом. Следует признать, что в начале зарождения поиска основ русской культуры будут отнюдь не уважаемые ученые мужи, строившие отечественную науку в XIX в., имена которых мы знаем.

Первенство в выявлении особенностей нашей культуры следует признать за одной из тех женщин, о которых сейчас говорят как о женщинах, изменивших мир. Сподвижница Екатерины II, Екатерина Романовна Дашкова, поставленная во главе Российской академии наук, 300-летие которой мы отмечаем в этом году, соавтор толкового русского словаря, изучавшая политический опыт Европы непосредственно на месте в течение нескольких лет, отмечена восторженными отзывами своих современников. В беседах с французскими просветителями-атеистами Вольтером и Дидро Дашкова, проявляя русскость, дискутирова-

ла не только на политические, но и на религиозные темы, отстаивая чистоту православия.

Для нее важным качеством достоинства личности выступала внутренняя духовная свобода и независимость от чьего-либо мнения, власти, богатства. История ее взаимоотношений с правящими фигурами (Екатериной II, Павлом I, Александром I) это доказывает: она была гонима, но сохранила преданность в дружбе и уважение к власти. Благодаря твердости духа она смогла выдержать удары судьбы, связанные с отвержением ее персоны, но умела выбирать между добром и злом, сохраняя верность нравственному закону. Спасение от ударов судьбы она находила в вере.

Видимо, усвоенные с детства христианские добродетели заложили в ней тот духовный фундамент, который позволил ей, оставаясь нравственной личностью, внедрять в России западные идеи Просвещения, не нарушая национальных традиций и церковной обрядовости, что подтверждают ее собственные воспоминания и свидетельства ее современников [2]. Несмотря на антирелигиозную направленность европейского Просвещения, Е.Р. Дашковой удалось соединить главные его идеи с традиционной отечественной культурой.

Только этим, пожалуй, можно объяснить верность собственным убеждениям, позволившим Дашковой сформулировать главный вывод в своей оценке особенностей русского национального самосознания и заявить о нем однозначно со свойственной ей прямотой. В своей совсем не знаменитой сегодня статье она провозглашала: «Да будут русские русскими!» Она категорически отвергла «западный вариант прогрессивного развития» как меру для всех народов. Дашкова писала о России, что «такая обширная страна, наделенная всеми источниками силы и богатства, не нуждается на пути своего величия в иностранной помощи. Если управлять ею хорошо, она не только неприступна в своей собственной мощи, но в состоянии располагать судьбой других народов, как ей угодно, а непризнание России до Петра было скорее невежеством и глупостью европейских народов – упустить из виду такую страшную силу».

«Греческое вероисповедание <…> дает нам особенный национальный характер, мы обязаны монахам нашей историей, следовательно, и просвещением» [3, с. 130], – это скажет А.С. Пушкин уже после Дашковой, всем своим творчеством за-

вещая нам сохранять свою национальную самобытность. Весь XIX в. в российской науке и образовании пройдет под знаком возвращения к своим духовным корням, квинтэссенцией которого на практике станет восстановление в 1917 г. патриаршества как канонической формы управления церковью, а в науке появится новое направление русской религиозной философии.

Открытая в 1783 г. Российская академия наук имела одной из главных целей усовершенствование русского языка: «Императорской академии долженствует иметь предметом своим вычищение и обогащение российского языка». Е.Р. Дашкова стремилась распространять просвещение на национальной основе, осуждая практику приглашения иностранных воспитателей.

Взяв на себя труд в работе над словарем толкования слов, относящихся к политике, управлению государством и морально-нравственного содержания, Дашкова утверждала главным смыслом жизни человека исполнение своего долга перед обществом, как мы бы сегодня сказали, самореализацию и раскрытие своих талантов, служение ими обществу.

Особой «статьей» нравственного кодекса Дашковой служит ее вера в необходимость для гражданина патриотического чувства. Предвосхищая за полтора столетия патриотическую теорию знаменитого правоведа XX в. И.А. Ильина, Дашкова высшей добродетелью считала способность человека «положить душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). «Любовь к Отечеству есть первая и нужнейшая в гражданине добродетель», которая приводит общество к благополучию.

Именно национальные мировоззренческие основы, которые отстаивала выдающаяся женщина России Е.Р. Дашкова и в целом дореволюционная отечественная философия, закреплены Указом Президента РФ 2022 г. в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Сформулированные в них базовые нормы морали и нравственности как основа российского общества направлены на сохранение и укрепление суверенитета России в условиях современных цивилизационных вызовов.

Список литературы

1. *Жуков В.Н.* Юриспруденция как наука: возвращение к забытым истинам // Государство и право. 2017. № 9. С. 5–24.

2. Записки княгини Дашковой. М.: Захаров, 2016. 387 с.
3. *Пушкин А.С.* Заметки по русской истории XVIII века // Полн. собр. соч. Т. 8. М.: Издательство АН СССР, 1958. С. 118–122.

Э.В. Ченчикова
Москва, Государственный исторический музей

Допросы беглых крестьянок XVIII в. как исторический источник по истории женщин

При описании фондов местных учреждений, хранящихся в РГАДА, наше внимание привлекла запись допроса беглой крестьянки, вернувшейся в деревню после безуспешных поисков ушедшего на заработки мужа. Этот документ, созданный в середине XVIII в., задал вектор дальнейшей исследовательской работе. Нам захотелось узнать, как, куда и почему бежали в XVIII в. женщины-крестьянки? С какими трудностями сталкивались? Каким образом они выживали, оказавшись вне привычного окружения? Отличалась ли их жизнь в бегах от той, которую они вели до бегства?

Основной источниковой базой исследования послужили дела беглых крестьянок, сохранившиеся в РГАДА в составе Ф. 445, оп. 3 (Суздальская провинциальная канцелярия), Ф. 453, оп. 1, ч. 1. (Шацкая провинциальная канцелярия), Ф. 510, оп. 1 (Короченская провинциальная канцелярия).

Главной целью допросов беглых крестьянок было выявить их прежнее местонахождение и имена укрывателей, т.к. за укрывательство хозяину полагалась денежная компенсация – «пожилое». По этой причине показания о местонахождении беглых фиксировались особенно тщательно [1].

Допрос беглой начинался с установления ее личности: записывались имя и возраст, семейное положение, место проживания до побега, имя помещика. Следующие вопросы касались того, где, у кого и как долго жила беглая, знали ли принимающие ее люди о бегстве. На эти вопросы крестьянки порой давали пространные ответы: называли причину побега, перечисляли пройденные населенные пункты и географические объекты, рассказывали о заработках, упоминали родственников, сообщали сведения о браках или внебрачных отношениях, о рожденных в бегах детях. Бежавшие в одиночку крестьянки часто подвергались сексу-

альному насилию, о чем также рассказывали, особенно если это насилие заканчивалось беременностью и родами.

Самыми распространенными причинами бегства были насилие в семье и нужда. Бежали «от хлебного недорода», «от скудости своей», «после того мужа» (т.е. оставшись без мужа-кормильца), «от нестерпимых побоев», «от чинимых <…> нападков и несносимых побоев». Но «скудость» и насилие не были единственными причинами побегов. Одной из причин бегства могла быть приверженность старой вере и связанным с ней традициям. О религиозных мотивах в изученных нами делах прямо не говорится, но на них косвенно указывают маршруты бегства и места последующего проживания.

Тексты допросов дают возможность изучить также географию побегов. Например, крестьянки из деревень Суздальской провинции чаще всего бежали в «низовые города», т.е города, расположенные в среднем и нижнем течении Волги, т.к. здесь легче было спрятаться, наняться на работу. Названия географических объектов, упоминаемые в допросах, показывают, что женщины могли неплохо знать местность, куда бежали.

Отдельные истории, рассказанные на допросе, дают возможность реконструировать сложные семейные связи. Например, в деле о побеге Аграфены Ивановой дочери перед исследователем предстает сложная картина семейных и социальных связей: беглые получают помощь (еду, упряжь, телегу) от многих родственников, живущих далеко друг от друга; три родственницы допрашиваемой являются женами свободных людей (племянница за однодворцем, золовка за посадским человеком, племянница мужа за священником); часть пути Аграфена и ее семья проходят в группе паломников-богомольцев. Но приют беглым давали не только родственники. Нередко помощь оказывали старосты и приказчики, в чью обязанность как раз и входило выявление беглых.

В бегах надо было на что-то жить. На допросе беглые старались показать, что не были связаны с криминальными группами и пропитание добывали разрешенными способами. Одним из таких способов было собирание милостыни: во многих допросах беглых часто встречаются фразы «кормились Христовым именем», «збирала милостыню», «имела пропитание, збирая милостыню», «пропитание имела Христовым именем», «года с два кормилась, сбирая милостыню», «сошла для прошения милостыни». Упоми-

нается в допросах и работа «из найма» с указанием платы, которую получала женщина за свой труд.

Находясь в бегах, женщины нередко выходили замуж, и записи их допросов дают возможность изучить некоторые аспекты брачных и сексуальных отношений в крестьянской среде. Рассказывая о своих браках, женщины никогда не употребляют слово «вышла», но всегда говорят «выдали», т.к. решение о браке принимались их родными, старостами деревень, помещиками. В отдельных документах можно найти упоминания обстоятельств вступления в брак. Например, в допросе Марины Зубковой [4, л. 2], описываются подробности сватовства, сговора и свадьбы.

В последнее десятилетие в научной среде прошли дискуссии об информационной ценности судебных допросов и достоверности зафиксированных в допросе сведений. Но, по мнению О.Е. Кошелевой [3, с. 202], даже выдуманные, эти истории служат важными источниками по изучению поведенческой стратегии и психологии крестьянства.

Сомнение в правдивости сообщенных беглыми сведений породило еще один дискуссионный вопрос – об автобиографичности этих текстов. Можно ли отнести их к эгодокументам? Работая с протоколами допросов, исследователь имеет дело с документом, написанным «со слов» и отредактированным в соответствии с традициями деловой письменности XVIII в., т.е. с текстом, который лишь в минимальной степени отражает особенности и структуру речи говорящего. С нашей точки зрения, протоколы допросов логичнее было бы классифицировать как Selbstzeunisse, т.е. «свидетельство о себе».

При всей своей формализованности и ограниченности, эти делопроизводственные документы дают возможность понять отдельные аспекты жизни человека [2, с. 103], а также проследить индивидуальные жизненные траектории представителей «молчаливого большинства» – русского крестьянства, в нашем случае – русских крестьянок.

Список литературы

1. *Gornostaev A.* Peasants “on the Run”: State Control, Fugitives, Social and Geographic Mobility in Imperial Russia, 1649–1796. PhD Thesis. Washington, DC, 2020. 334 p.

2. *Зарецкий Ю.П.* Рассказы о себе в России XVIII века как социальные практики (опыт построения классификации) // Человек. 2016. № 6. С. 103–115.
3. *Кошелева О.Е.* Стратегии обмана в допросах беглых крестьян // Стратегии обмана в обществах Средних веков и Нового времени: Сборник статей / под ред. О.И. Тогоевой, О.Е. Кошелевой. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 202–225.
4. РГАДА. Ф. 510. Оп. 1. Д. 328.

Л.П. Квашина
Донецк, Донецкий государственный университет

Камерный домашний альбом начала XIX в. как документ семейных отношений и роли женщины в культурной жизни эпохи

В начале XIX в. камерный домашний альбом становится обязательным атрибутом дворянского быта. В деталях его организации и функционирования отражаются значимые особенности культурной эпохи.

Семейный альбом Марфы Михайловны Родзянко (1772–?) датируется 1813–1837 гг. и представляет безусловный историко-литературный интерес. Фамилия Родзянко для русской культуры исторически значимая. Этот род знатен военными, среди которых есть герои Отечественной войны 1812 года, общественными деятелями и, что для нас особенно интересно, людьми искусства. Предком семьи считается сотник Василий Родзянко из Хорола, который в начале XVIII в. за верную службу получил «подтвердительный универсал» на владение селами на Полтавщине. Позже дворянский род Родзянко владел землями в Екатеринославской и Харьковской губерниях.

Муж Марфы Михайловны, Гавриил Васильевич Родзянко (1751–1803) – надворный советник, секунд-майор, уездный предводитель дворянства. Семья жила в родовом имении Родзянки Полтавской губернии. Гавриил Васильевич умер в 1803 г., оставив молодой жене, которой едва исполнилось тридцать лет, семерых детей. Все дети выросли – случай очень редкий для того времени – и под руководством матери получили хорошее домашнее образование. Поэтому вполне закономерно, что организующим мотивом альбома стала благодарная любовь, почтительное ува-

жение к матери. На одной из его страниц помещен изящно выполненный рисунок: цветочная гирлянда, которую удерживают ангелы. В центре – фигурное изображение инициалов матери – ММР, а по кругу, в розетках из сплетающихся цветов, по старшинству – инициалы детей. Не менее искусно выполнена еще одна альбомная гирлянда из роз и незабудок с фигурным посланием. В центре ее в форме инициалов МР (Марфа Родзянко) вписано новогоднее поздравление: «Примите, милая маменька, поздравления с новым годом и пожелания вам всего лучшего от преданной вам дочери вашей Софии» – и дата, «1816 год».

Своеобразной заставкой, открывающей альбом, служит посвященное матери стихотворение старшего сына Аркадия Родзянко: «Ты жизнь мне дав, сей дар бесценный, / Наемной нежности не вверила ее…» Стихотворение переписано его сестрой Верой Родзянко с пометой: «Хотя это сочинение брата Аркадия, но оно также изъясняет и мои чувства. В.Р.»). Вера Гавриловна также имела отношение к поэзии: ее стихотворение «Челнок» было опубликовано в «Дамском журнале» за 1825 г.

Аркадий Родзянко – личность довольно интересная. Учился в Московском благородном пансионе, был вольнослушателем на словесном отделении Московского университета, считал себя «воспитанником Мерзлякова», служил в лейб-гвардии Егерском полку, с детства писал стихи, печатался в журналах и альманахах. Он был членом общества «Зеленая лампа», где, вероятно, и познакомился с Пушкиным. «Перед нами литературный деятель эпохи декабризма, с постоянным и прочным тяготением к гражданской поэзии» (В.Э. Вацуро). В 1821 г. Аркадий Родзянко вышел в отставку и поселился в родовом имении. Известно, что в августе 1824 г. с. Родзянки посетил Пушкин, о чем сохранился рассказ в воспоминаниях А.П. Керн. В подарок от Пушкина Анна Петровна привезла ему послание «К Родзянке»: «Ты обещал о романтизме, / О сем парнасском афеизме, / Потолковать еще со мной…»

Страницы альбома заполняют рисунки, стихи и пожелания детей Марфы Михайловны и ее родственников. Платон, в те годы еще подросток, довольно точно запечатлел достопримечательность края – недавно установленный в Полтаве монумент Славы в честь победы русской армии в Полтавской битве. Изображение сопровождается его стихами. Отличной рисовальщицей была и София. Фигурные портреты, изящные орнаменты, сим-

волические и пейзажные зарисовки, мастерские вышивки по бумаге в сопровождении стихов и добрых пожеланий детей и родственников передают творческую атмосферу большой семьи, согретой теплом и любовью матери. Но альбом также свидетельствует о том, что жизнь семьи протекала в общении с яркими деятелями русской культуры.

Имение Родзянки соседствовало с родовым имением Обуховка, которое принадлежало поэту и драматургу Василию Капнисту. Семьи связывали тесные дружеские отношения. В альбоме Капнист помещает отрывок из своей «Оды на дружество», декларируя высоким слогом культ дружбы. Страницы альбома хранят также автографы его сыновей: Ивана и Семена Капнистов. Иван Васильевич, будущий тайный советник и губернатор, выражает свою душевную преданность хозяйке альбома. Семен Васильевич, старший сын Капниста, рядом с одой отца помещает свою элегию «Прошло, прошло уже то время…». Кстати, в течение ряда лет он входил в тайное общество «Союз благоденствия» и был близко знаком с П. Пестелем и С. Муравьевым-Апостолом.

В формировании особой творческой среды, которая сложилось в 1810–1820-е годы на Полтавской земле, важную роль играли часто гостившие здесь столичные друзья – выдающиеся поэты и писатели. Альбом Марфы Михайловны сохранил автографы Г. Державина, Н. Карамзина, В. Озерова.

Н. Карамзин поместил в альбом первые строфы своего стихотворения «Опытная Соломонова мудрость» (1796), которому придавал особое значение: оно открывало все прижизненные собрания его сочинений. В. Озеров, популярнейший драматург начала века, представлен отрывками из знаменитых в то время трагедий «Фингал» (1805) и «Димитрий Донской» (1807). Стихи Карамзина и Озерова – это их своеобразные визитные карточки. То же самое можно сказать об автографе Державина – начальной строфе его знаменитой оды «Бог». Державин состоял в родстве с Капнистом (их жены были родными сестрами). Он гостил в Обуховке и посещал имение Родзянки. Аркадий Родзянко бывал в доме Державина на Фонтанке и в имении Званка. Именно Державин привлек его к участию в «Беседе любителей русского слова».

Очевидно, что жизнь семьи Родзянко, главой которой в самом молодом возрасте стала Марфа Михайловна, была вписана в культурный круг ярких, талантливых людей. Картина была бы непол-

ной, если бы мы не упомянули Дмитрия Прокофьевича Трощинского, важного сановника и мецената. Его имение Кибинцы находилось недалеко от Родзянок. Известно, что семьи Родзянок, Капнистов и Трощинских «нередко съезжались и по месяцам жили вместе». Управляющим имения Трощинского был Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский, отец Николая Васильевича Гоголя. В Кибинцах организовали домашний театр, драматургами выступали В.В. Капнист, В.А. Гоголь-Яновский, А.Г. Родзянко, а артистами – все члены семьи. Сохранилось письмо 1828 г. матери Гоголя, Марии Ивановны, в котором упоминается о приезде Родзянок в Васильевку, имение Гоголь-Яновских: «Никоша мой возвратился из Кременчуга <…>, также и Родзянки приехали».

Обращает на себя внимание детский рисунок в альбоме: изображение желтой розы в вазе с подписью «Леонид Глебов. 1837». Леонид Иванович Глебов – это будущий знаменитый украинский баснописец и общественный деятель. А родился он в имении Родзянки, где его отец служил управляющим (кстати, как и отец Гоголя в имении Трощинского). Впоследствии сын Марфы Михайловны Платон Гаврилович Родзянко оплатил его обучение (опять параллель с семьей Гоголя – Трощинский оплатил обучение Николая Васильевича в Нежинской гимназии). Так вот, рассматривая этот ученический рисунок, нетрудно представить, что в 1820-е годы автограф в альбоме Марфы Михайловны вполне мог оставить и (воспользуемся домашним именем, которое использует Мария Ивановна в письме) «Никоша» Гоголь. Творческая среда действительно рождала таланты.

Начало века – это расцвет усадебной культуры, когда в удаленной провинции начался процесс формирования «культурных гнезд». И образованные деятельные женщины принимали в нем самое активное участие. Домашний альбом Марфы Михайловны Родзянко служит тому документальным подтверждением.

С.А. Батуренко
Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Роль женщины в развитии культуры: В.М. Хвостов

Вениамин Михайлович Хвостов (1868–1920) был известным ученым-историком и правоведом, социологом неокантианского

направления. Он является автором работ по теории права, теории исторического процесса, по женскому вопросу, вопросам духовной культуры, этики, методологии социального познания. Одной их важнейших проблем, разрабатываемых ученым, была проблема женской эмансипации, роли женщины в различных областях социальной жизни, исследование изменения ее положения в обществе начала XX в., а также описание прогнозов относительно дальнейших тенденций ее развития.

Большое количество трудов Хвостов посвятил различным аспектам проблемы женской эмансипации [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Среди этих вопросов одним из самых важных для него был вопрос о влиянии женщин на формирование и развитие культуры. Он отмечал сложившуюся исторически большую зависимость и подчиненное положение женщины в общественной жизни, приводя в пример факт отсутствия у женщин политических прав, трудности в получении образования, большие ограничения в праве на наследство и многие другие. Вместе с тем, по мнению ученого, даже находясь в зависимом положении, женщина всегда вносила огромный вклад как в появление, так и в развитие культуры. В ранний период общественного развития именно она впервые начала заниматься земледелием, создала гончарное дело и кулинарию, была одновременно и воспитателем, и врачом. Кроме того, одна из основных ролей женщины в развитии культуры заключалась в поддержании и распространении знаний. Множество выполняемых женщиной ролей ученый характеризует как массовые и невидимые. Непросто описать и ту роль, которую сыграли женщины в создании «безличной народной поэзии, всякого рода сказок, саг, мифов и тому подобных произведений массового творчества» [5, с. 7]. Огромной является и та роль, которую женщины сыграли в распространении новой мировой религии – христианства. С течением времени культура стала настолько духовна по своему содержанию, что она должна была предоставить женщине более высокое место в обществе и больший простор для развития и расширения своей личности. На первый план все больше выдвигалась сила духовная и моральная, в которой женщины нисколько не уступают мужчинам.

Хвостов высказывал свое убеждение в том, что количество женских ролей в социальной, культурной и политической жизни в будущем имеет объективную тенденцию расширения. Ученый

был уверен в том, что значение женского элемента во всем обязательно усилится и это существенным образом преобразует культуру, которая в его время являлась, по его мнению, преимущественно мужской. С увеличением участия женщин культура сможет наконец превратиться в *общечеловеческую*. Хвостов прогнозировал наступающую феминизацию культуры, означающую ее новое обогащение. Он писал: «Наша современная культура, созданная по преимуществу руками мужчин, несомненно, грешит чрезмерной абстрактностью и рассудочностью. Мы создаем абстрактные схемы и планы, мы пишем абстрактные законы, и увлекаясь этой деятельностью, часто не замечаем реальной жизни с ее особенностями, которые отказываются вложиться без остатка в сухие схемы интеллекта, которая мучается и страдает в наложенных на нее тисках абстрактных построений. Упоенные часто только кажущейся мощью интеллекта, мы слишком мало считаемся с голосом чувства, и в конце концов сооружаем культурное здание, по внешности ослепляющее своим великолепием, но на самом деле холодное и неприютное для человеческой души, жаждущей любви и сострадания. Наступивший на наших глазах и разрешившийся мировой войной кризис культуры сам по себе достаточно подтверждает и иллюстрирует все эти мысли» [6, с. 23–24].

Одним из важнейших прогнозов Хвостова было утверждение факта неизбежно наступающей «феминизации культуры». При этом речь идет об активном участии женщин в общественной и культурной жизни и связанного с этим качественного улучшения жизни общества в целом. Социолог прогнозировал, что изменения проникнут во все сферы социальной жизни. Он был убежден в том, что с течением времени женщины наложат свой отпечаток на все области общественного творчества. Под влиянием женщины будет ослаблен холодный формализм и «мертвящая рутина управления». Неизбежно произойдет трансформация и в правовой сфере. Хотя законы являются по своей сути общими правилами и предполагают известную схематизацию жизни, тем не менее даже эта область приобретет большую гибкость, дающую возможность в большей степени принимать во внимание конкретные свойства отдельных отношений.

Женщина изменит науку и искусство, присущая женщинам любовь к живому и конкретному материалу будет служить про-

тивовесом чрезмерной склонности мужчин к оторванным от жизни абстрактным формулам и к «слишком холодному творчеству». Ученый писал: «Женское влияние в культуре скажется неизменно шире и всесторонне и это поведет к большему выявлению в содержании культуры принципа любви, без которого никакая культура не имеет нравственной ценности» [6, с. 27].

Другим важным вопросом был вопрос возможности изменения самой женщины под влиянием радикальных перемен в условиях жизни и деятельности. Эти тенденции рассматриваются социологом как положительные, поскольку они будут осуществляться на основе предоставления женщинам большей свободы, которая, по мнению Хвостова, всегда имеет облагораживающее воздействие. Он призывает: «Вообще, дайте признание принципу человеческой личности во всей полноте и предоставьте каждому полу занять в обществе именно то положение, которое он по своим задаткам может в нем занять» [3, с. 16].

Культурное развитие должно идти тем полнее и интенсивнее, чем разнообразнее силы и склонности каждого отдельного участника. Коренное изменение в общественно-политическом положении женщины не только приведет к количественному изменению участников, но и «сольет в культурное творчество качественно-новое направление, изменит самый характер культуры» [6, с. 22]. В качестве одной из главных особенностей женщины автор указывает на то, что в ее жизни преимущественную роль играет чувство и что ее интеллект направлен больше на реальные, конкретные предметы и процессы, нежели на холодные и далекие от действительной жизни абстракции. Женщина менее эгоистична, чем мужчина, она является носительницей материнской любви, а любовь эта была родоначальницей и основой всего альтруизма на земле.

Являясь главной потребительницей многих продуктов материального и духовного производства, женщина своими вкусами будет определять направление деятельности многих отраслей производства. В будущем ее вкусы еще более облагородятся, станут более тонкими ее потребности, соответственно, женщина как потребительница будет способствовать большему прогрессу производства. В жизни будет господствовать духовный фактор, интеллектуальные и технические завоевания человеческого духа будут рассматриваться только как средства культурной деятель-

ности, цели будут определяться господством чувства любви ко всем и «верой в высокое назначение человеческого духа».

Список литературы

1. *Хвостов В.М.* Женщина накануне новой эпохи (Два этюда по женскому вопросу). М.: Издание П. Д. Путиловой, 1905. 101 с.
2. *Хвостов В.М.* О равноправии женщин. М.: Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1911. 98 с.
3. *Хвостов В.М.* Психология женщин. О равноправии женщин. М.: Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1911. 68 с.
4. *Хвостов В.М.* Женщина и человеческое достоинство: исторические судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос. М.: Г.А. Леман и Б.Д. Плетнев, 1914. VIII, 510 с.
5. *Хвостов В.М.* Участие женщины в умственной культуре человечества. М.: Типография Вильде, 1914. 24 с.
6. *Хвостов В.М.* Женщина в обновленной культуре. М.: Изд-во преподавателей Московского университета, 1917. 32 с.

Т.А. Кискидосова
Абакан, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

Источниковая база изучения женской повседневности Хакасии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)

В современной отечественной историографии значительное количество работ посвящено исследованию повседневной жизни людей в экстремальных условиях военного времени. Рассекречивание и публикация архивных документов по истории Великой Отечественной войны, появление новых концептуальных подходов и направлений позволили более активно изучать обыденную жизнь людей в военный период. Особый интерес представляет история женской повседневности в тылу. Исследование данной проблематики на региональном уровне началось сравнительно недавно. До настоящего времени повседневная жизнь женщин Хакасии военного времени остается малоизученной темой. Для историка повседневности важно не только привлекать документы, содержащие исторические факты, но и исследовать реакцию общества или индивидов на те или иные события.

К источниковой базе изучения женской повседневности Хакасии в годы Великой Отечественной войны относятся разнообразные источники. Условно разделим их на формальные и неформальные. Первая группа включает нормативно-правовые акты, делопроизводственные документы, статистику. Историкам повседневности важно также использовать и неформальные источники, итог коммуникации между людьми. К данному виду источников относятся письма, дневники, воспоминания, литературные произведения, фотографии и т.д.

Источники по данной теме можно разделить на несколько самостоятельных групп, которые различаются по происхождению и содержанию. При изучении истории повседневной жизни населения в военное время важно привлечь группу нормативно-правовых документов: указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления Совета народных комиссаров, нацеленные на социальную поддержку населения. В военные годы основными направлениями в социальной сфере были улучшение материально-бытового положения семьей военнослужащих, поддержка многодетных матерей, усиление контроля над материнством и детством и т.д. Законодательные документы были опубликованы в сборниках документов.

Следующей группой источников по теме исследования являются архивные источники. Основной массив архивных документов сосредоточен в партийных фондах Российского государственного исторического архива (Ф. 17 «ЦК КПСС. Отдел руководящих партийных органов. Сектор информации»), Государственного архива Красноярского края (Ф. П-26 «Красноярский краевой комитет КП РСФСР») и Национального архива Республики Хакасия (П-2 «Хакасский областной комитет КПСС», Р-11 «Абаканский городской комитет ВКП(б)», Р-39 «Исполнительный комитет Хакасского областного Совета»). Архивные источники представлены обширным и разнообразным материалом. Среди них можно выделить делопроизводственные документы Хакасского обкома ВКП(б), исполкомов райсоветов и горсоветов, материалы пленумов и протоколы партийных конференций и др.

Материалы периодической печати – таких газет, как «Советская Хакассия», «Шахтер», «Красноярский рабочий» и др. – являются важнейшим источником истории повседневности. В газетах публиковались очерки, статьи, фельетоны, заметки, корре-

споненции, сообщения и др. Публикации самых разнообразных жанров являются оригинальными источниками для изучения повседневной жизни жительниц Хакасии в годы войны. В средствах массой информации тех лет активно культивировался образ работающей матери. Стереотип «работающая мать» активно вытеснял стереотип «мать-домохозяйка».

Газетные публикации информировали о трудовых буднях, стахановском движении на производстве и сельском хозяйстве, помощи населения, в том числе. женщин, фронту, бытовых проблемах и неустроенности и т.д. Газета «Советская Хакассия» в 1941 г. сообщала, что «на смену ушедшим на фронт пришли женщины, достойные патриотки своей родины» [2]. Женщины были задействованы в лесном хозяйстве, на колхозных полях и угольных шахтах, на строительстве Абаканского водоканала и др. Многим женщинам удалось переквалифицироваться и освоить сложный производственный процесс. Они работали шоферами, трактористами, комбайнерами, шахтерами. В газетных материалах содержится информация о женщинах – передовиках производства Фросе Лопатиной, Евдокии Федоровой, К.Ф. Безматерных, Саше Усиновой и др. [3].

Исследование повседневной жизни женщин в военный период предполагает использование воспоминаний, автобиографий, дневников, писем и др. Интерес для исследователя представляют анкеты и воспоминания тружеников тыла, работавших во время войны в Хакасии. Сведения о тружениках тыла содержатся в архиве Совета ветеранов Республики Хакасия. В анкетах представлены краткие биографические данные, семейное положение, место работы, занятие, награды. К некоторым анкетам в качестве приложения прикреплены краткие воспоминания тружеников тыла. В них описаны тяготы военной жизни, ее личное восприятие, трудности быта, досуговая часть и др. Примером могут служить воспоминания поволжской немки Гермины Иосифовны Гертнер. Будучи подростком, она оказалась в Хакасии. Приведем краткий фрагмент о ее трудовой жизни: «Работать начала с 14 лет. Я русский язык знала плохо. Люди относились к нам хорошо, конечно, были такие, которые нас не любили, но их было мало. Работала там же, где и русские и хакасы. Работали и жили дружно. Больше работали на полях, убирали зерновые...» Из отрывка воспоминаний можно почерпнуть информацию о том, что Гер-

мине в тяжелых и непривычных условиях пришлось адаптироваться к трудной ситуации, рано начать трудовую деятельность, испытывать трудности общения с некоторыми местными жителями и др. Подробная информация о повседневной жизни женщин Хакасии содержится в воспоминаниях Валентины Афанасьевны Гущиной. Ее молодость пришлась на военные и послевоенные годы. Спустя много лет она вспоминала о тяжелом изнурительном труде на строительстве Абаканского оросительного канала. Затем последовала работа трактористкой в колхозе, спустя время она работал пильщицей в лесозаготовках. О последней работе В.А. Гущина вспоминала, что на лесозаготовках приходилось вместе с другими девушками заниматься погрузкой леса на платформы [1, л. 6]. При тяжелом изнурительном труде и постоянных бытовых невзгодах приходилось заниматься сбором теплых носков и варежек для бойцов Красной Армии [1, л. 11].

Таким образом, комплекс выявленных документов позволяет в полном объеме проанализировать повседневную жизнь женщин Хакасии в годы Великой Отечественной войны. В дальнейшем подготовленное исследование позволит выявить особенности повседневной жизни женщин Хакасии в военную эпоху, сравнить с жизнью женщин в других сибирских регионах.

Список литературы

1. Национальный архив Республики Хакасия. Ф. Р-655. Оп. 1. Д. 463.
2. Советская Хакассия. 1941, 21 августа.
3. Советская Хакассия. 1944, 8 марта.

И.М. Трень
Черняховск, Калининградская обл.,
МАОУ «Гимназия № 2 г.Черняховска»

Женское наследие в истории восточнопрусского Инстербурга и Черняховска Калининградской области. К историографии темы

Историография женского наследия в истории культуры и истории Черняховска и довоенного Инстербурга включает довоенные и послевоенные издания. Важным источником информации по истории довоенного Черняховска – восточнопрусского Инстербурга – является журнал бывших жителей Инстербурга

«Инстербургское письмо». В номерах этого журнала-альманаха опубликованы воспоминания, мемуары, статьи тех, кто покинул родину и обосновался в других странах (в первую очередь в Германии, а также США, Испании и др.). Одним из примеров может служить уроженка Инстербурга Шарлотта Кройцбергер (1888–1976). В послевоенное время (после 1945 г.) она являлась членом президиума землячества «Инстербург-город», активно печаталась в журнале «Инстербургское письмо», радуя читателей журнала эмоциональными воспоминаниями об Инстербурге, его улицах и площадях, любимых уголках. Другим известным автором этого журнала была поэтесса Карла Косте (1894–1973) из семьи Эрнста Брандеса (Альтхоф-Инстербург).

Если поставить задачу выявить роль женщин в истории Инстербурга, то можно составить целый список женщин – уроженок Инстербурга, проявивших себя на литературном, музыкальном или художественном поприщах. В их представлении мы будем следовать хронологическому порядку.

В июле 1838 г. в Инстербурге родилась будущая пианистка Ида (Юлия Луиза Фридерике) Фолькманн (1838–1922). В 1865 г. она вместе с Л. Раманн основала музыкальную школу в Нюрнберге, которой они совместно управляли в течение 25 лет.

В словарь немецких писателей-прозаиков, изданный в Лейпциге в 1913 г., вошла биографическая статья о Мари Аугусте Виганд – писательнице и авторе книг на нижненемецком диалекте. «Виганд обладала литературным талантом и написала несколько книг. 6 произведений были написаны на нижненемецком диалекте и изданы в Кёнигсберге…» [2, с. 440].

В области живописи прославила себя уроженка Инстербурга художница-пейзажист Дора Зееманн (1858–1923). Она была ученицей немецкого художника-пейзажиста Карла Ковена Ширма (1852–1928) в Бреслау. Позже Зееманн училась в Берлине и Мюнхене. Постоянно жила и работала в Бреслау, где с 1888 г. принимала участие в выставках, а с 1897 г. в своей мастерской организовала школу живописи. Д. Зееманн «увлекалась, прежде всего, пейзажной живописью. Темы для своих картин она находила, главным образом, в близлежащих Силезских лесах…». [1, с. 85]. В плане источников больше «повезло» Терезе Мюллер (псевд. Мальтен) (1855–1930). Важным источником является статья в «Старопрусской биографии». После четырех лет учебы Т. Мальтен бы-

ла принята в Дрезденский оперный театр и проработала там много лет. «…Она спела партии Эльзы, Евы, Изольды, Брюнхильды в операх Р. Вагнера столь совершенно, что композитор, как только мог, прославлял ее душевную глубину, неисчерпаемую способность к перевоплощению, силу страсти» [3, с. 461].

Для меня стало большим открытием знакомство с жизнью и творчеством детской писательницы Клары Наст, ур. Зейферт (1866–1925). В качестве источника нужно отметить статью в немецком словаре (1898). «К. Наст сделала себе имя как автор литературы для девочек, большая часть ее книг в период до Второй мировой войны была переиздана. В общей сложности К. Наст сочинила 26 детских книг, в том числе несколько серий…» [5, с. 76].

В 1869 г. в Инстербурге на свет появилась Марта Вольфенштайн (1869–1906). Ее биография вошла в американские (Biographical Sketches of Jews Prominent in the Professions, etc., in the United States) и еврейские (Jewish Women's Archive. Encyclopedia) энциклопедии. Она стала первой женщиной-писательницей, которая использовала форму короткого рассказа для исследования жизни американских евреев. В 1901 г. общество евреев опубликовало сборник коротких рассказов Вольфенштайн под названием «Идиллии Гасса». «Четыре года спустя появились на свет и были опубликованы другие рассказы… В 1907 г. Совет еврейских женщин открыл дом для бездомных девушек и назвал его "Домом Марты", в честь Вольфенштайн» [7, с. 209].

Несколько лет назад мне удалось побывать на могиле художницы Маргит Манц, ур. Блехшмидт (1878–1952) в Альцае (Германия). Буклеты ее художественных выставок и личные беседы с местными историками стали основным источником сведений об этом человеке. С 1918 г. М. Манц как свободная художница жила в Альцайе. «…Важнейшей частью художественного творчества Манц являлось изображение детей, в котором отражалась вся широта ее таланта (как в эскизах и портретах, так и в акварелях)» [4, с. 21]. После смерти М. Манц ее наследие (650 произведений) перешло во владение города Альцай. Ее именем была названа одна из улиц города.

В словарь художников вошла художница-график Ева Бернекер – уроженка Инстербурга, родившаяся в 1891 г. Ее учителями были М. Бранденбург в Берлине и М. Денис в Париже. Поселившись в Париже, она рисовала пейзажи, жанровые картины и портреты.

Известным человеком в Инстербурге была педагог и художница Кэте Вальтер (1897–1974). После сдачи гос. экзамена в 1927 г. последовала работа К. Вальтер в качестве преподавателя (в течение 30 лет) и свободной художницы. Она участвовала в выставках основанного после Первой мировой войны «Инстербургского художественного общества». После изгнания с родины и выселения в Саксонию К. Вальтер продолжала трудиться как преподаватель и как свободный художник. Она получила премии городов Котбус (1959) и Цвикау (1962). «В 1997 г. в честь 100-летия инстербургской художницы и графика К. Вальтер город Цвикау организовал в музее выставку. Х.-Т. Трост написал статью “Памяти Кэте Вальтер” для журнала “Инстербургер Бриф”» (1997, № 5–6)» [6, с. 150].

Инстербург – место жизнедеятельности и смерти восточнопрусской писательницы Фриды Юнг (1865–1929). Основными источниками сведений о ней являются прежде всего книги Фриды Юнг, биографическая статья в сборнике «Старопрусская биография», книга К. Марциновски (2008).

Известным деятелем в области ковроткачества стала Мари Тирфельд (1893–1984).

После Второй мировой войны город Инстербург был переименован в Черняховск. Женская история Черняховска включает множество имен героинь труда, деятелей образования и культуры. В 2011 г. в Калининграде вышел в свет энциклопедический справочник «Малые города Калининградской области». В нем есть биографическая статья о Галине Ивановне Фоменко (депутате Верховного Совета СССР). В 1996–2005 гг. она была главой администрации Черняховского района, являлась председателем Калининградского регионального отделения Общероссийского движения «Женщины России».

В области экономической науки и высшего образования известно имя профессора Ларисы Семеновны Шаховской – выпускницы средней школы в Черняховске. Она всю жизнь трудится в Волгоградском государственном техническом университете.

МАОУ «Гимназия № 2 г. Черняховска», одной из ведущих школ в Северо-Западном регионе, руководит заслуженный учитель школы Анна Дмитриевна Ясюченя. За высокий профессионализм, педагогическое мастерство она удостоена почетного звания заслуженного учителя Российской Федерации, награж-

дена медалью «За заслуги перед Калининградской областью», является почетным гражданином г. Черняховска.

Полезным источником информации о женщинах Черняховска могут служить статьи в библиотечном журнале «Вдохновение», который создавался в течение нескольких лет в библиотеке им. А. Лунина в Черняховске. Газеты «Полюс» и «Право знать» также публикуют статьи о достижениях жительниц Черняховска. В театральную историю Черняховска вошла Елена Александровна Сахарова (1913–1997). Гордостью Черняховска и Калининградской обл. является Галина Герасимовна Громова (р. 27.02.1948) – Герой Труда Российской Федерации (2015).

Яркими красками пишет свою творческую биографию музыкант, певица, автор песен Любовь Брель. Она является руководителем образцовой вокальной студии «Шанс» в «Центре культуры и досуга» г. Черняховска, лауреатом международных и всероссийских конкурсов.

Подводя итог, хочется сказать, что женщины Черняховска вносят заметный вклад в развитие города Черняховска и всей Калининградской обл. Их достижения известны также и на всероссийском уровне.

Список литературы

1. *Трень И.М.* Инстербург в лицах. Ольштын: б.и., 2019. 265 с.
2. *Brümmer F.* Wigand, Marie Auguste // Lexikon der deutschen Dichter und Prosaisten vom Beginn des 19. Jahrhunderts bis zur Gegenwart. Leipzig: Philipp Reclam jun., 1913. Bd. 7. S. 440.
3. *Eisermann.* Müler (Deckname: Malten), Therese // Altpreußsche Biographie. Marburg/Lahn: Elwert, 1969. Bd. 2. S. 451.
4. *Frieß Reimann H.* Margit Manz 1878–1952 // Kakucs L. Margit Manz – Leben und Werk. Begleitheft zur Ausstellung im Burggrafiat der Stadt Alzey vom 29.01.1989 bis 26.02.1989. Alzey: Rheinhessische Druckwerkstäte, 1988. S. 19–23.
5. *Pataky S., Pataky S.* Nast, Clara // Lexikon deutscher Frauender Feder. Berlin: Verlag Carl Pataky, 1898. Bd. 2. S. 76.
6. *Voland A.* Käthe Walter und Kuntsleben in Insterburg bis zum Jahr 1945 // Insterburger Brief. 1998, Juli-August. S. 146–150.
7. Wolfenstein, Martha // Biographical Sketches of Jews Prominent in the Professions, etc., in the United States. P. 208–209. URL: http:// www. ajcarchives.org/AJC_DATA/Files/1904_1905_4_Biographies.pdf (дата обращения: 13.06.2024).

Н.М. Ершова
Москва, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Популяризация женской истории в российской блогосфере(на примере платформы «Дзен»)

Наряду с общепринятыми формами популяризации научного знания в России, такими как публичные лекции, экскурсии в музеи, тематические выставки, научно-популярные и документальные фильмы [1, с. 1], а также с пришедшими вместе с развитием информационных технологий просветительскими сайтами и цифровыми проектами научно-исследовательских и образовательных организаций [3], все больший охват аудитории и ее внимание получает научное направление российской блогосферы. Так, согласно итогам работы платформы «Дзен» за 2023 г., второе место среди популярных секторов по количеству подписчиков занимает «Наука»: у наукоориентированных блогов 12 млн подписчиков [2]. Несмотря на повышенный интерес пользователей к проблемам естествознания, экологии и высоких технологий, на платформе представлены около полусотни каналов, направленных на историческое просвещение и популяризацию исторического знания, с более чем двумя миллионами подписчиков. Среди этих каналов не последнее место занимают блоги с контентом по женской истории. Особо хочется остановиться на пяти «Дзен»-каналах, в которых популяризация женской истории проходит наиболее успешно, что видно и по количеству подписчиков, и по охвату читательской аудитории, и по реакции пользователей на предлагаемый контент (лайки, комментарии, отклик на предложение поучаствовать во внешних мероприятиях: купить книги, прийти на встречу с автором, посетить книжную ярмарку). Речь идет о таких «Дзен»-каналах, как «Ника Марш» (369 200 подписчиков), «Доктор online» (252 300 подписчиков), «Marga: просто история» (175 300 подписчиков), «Bellalavanda» (153 500 подписчиков), «Обаяние истории» (40 100 подписчиков) (данные о количестве подписчиков на 26.04.2024). При этом нельзя забывать, что охват читательской аудитории каждого успешного «Дзен»-канала в десятки раз превышает количество его подписчиков.

Примечательно, что авторы двух каналов («Ника Марш» и «Bellalavanda») позиционируют себя как профессиональные журналисты и любители истории, нашедшие свое призвание в популяризации исторического знания. Автор канала «Доктор online» говорит о себе как о враче-ангионеврологе и никак не обозначает причин своего интереса к исторической проблематике. Профессиональную принадлежность авторов двух оставшихся каналов установить не удалось, хотя серьезная гуманитарная подготовка в их текстах прослеживается.

Объединяющими чертами этих каналов, во-первых, выступают лонгриды (длинные иллюстрированные статьи), охватывающие разные культуры и исторические эпохи и посвященные особенностям жизни либо конкретных женщин, либо женских групп, либо социально-культурным феноменам, связанным с женским бытием. Такие лонгриды занимают 60–90% контента указанных каналов и сопровождаются повышенным вниманием читателей. Во-вторых, авторы в подавляющем большинстве своих публикаций используют такой метод подачи информации, как сторителлинг, тем самым апеллируя к образному восприятию читателей и вызывая у них эмоциональный отклик на исторический материал, что способствует лучшему закреплению интереса аудитории к историческому знанию. В-третьих, ракурсом изложения исторических фактов в большинстве случаев становятся повседневные условия жизни и события, отсутствующие в «большой истории» и появляющиеся в исторической науке вместе с «женской историей». Неудивительно, что в блогерских лонгридах главными персонажами выступают женщины как носители нового взгляда на исторические события и процессы.

Лидером каналов по популяризации женской истории является блог «Ника Марш». Его основала в октябре 2019 г. тверская журналистка Виктория Шеина и менее чем за три года ввела его в топ-100 всех «Дзен»-каналов по количеству подписчиков [4]. В одном из своих первых интервью в качестве успешного блогера Виктория так объясняет свою заинтересованность историей и свое желание ее популяризовать: «Увлечение историей, особенно европейской, прошло у меня через всю жизнь. Я перечитала массу исторических книг, пересмотрела сотни фильмов. Очень хотела поступить на исторический факультет, но отговорили родители: профессия историка не считалась востребован-

ной. Журналистика, впрочем, меня тоже интересовала, и я использовала любую возможность сделать сюжет об истории нашего города. <…> Всегда интересно находить материалы и рассказывать о людях, которые сумели покинуть узкие рамки жизненных обстоятельств. Так, все знают Жанну д'Арк, но немногим известно, что задолго до нее были и Николь де ла Хэй, и Эмма Норфолкская. В глухом средневековье, когда роль женщины сводилась к рождению и воспитанию детей, они обороняли свои замки» [5].

Помимо ежедневной блогерской работы (в месяц на канале «Ника Марш» публикуется более 50 лонгридов), Виктория активно занимается написанием и публикацией научно-популярных книг, пользующихся большим спросом у читательской аудитории. За три года (2022–2024) за авторством Ники Марш в издательстве «Бомбора» вышли четыре иллюстрированные книги: «Крепкие узы. Как жили, любили и работали крепостные крестьяне в России», «Княжна на продажу. Как дочерей русских государей меняли на мир и новые земли», «Дом наизнанку. Традиции, быт, суеверия и тайны русского дома», «Жестокий брак. Как мы влюблялись, женились и ревновали на протяжении веков». Названия книг красноречиво говорят о ракурсе и акцентах изложения исторического материала.

Кроме Ники Марш, автором не только блогерских статей по женской истории, но и научно-популярных книг является Юлия Платова, основательница канала Bellalavanda. Ее книга «Рождение красоты: великие творцы, роковые секреты и женщины, обреченные вдохновлять» (2023) также вносит лепту в развитие познавательного интереса к женским судьбам прошлого. Авторы остальных каналов в выходе за пределы своей блогерской деятельности в популяризации женской истории не замечены.

Список литературы

1. *Барканова Е.В.* Популяризация истории как медийная проблема // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2015. № 2 (2). С. 1–4.
2. Каким был 2023 в Дзене? URL: https://dzen.ru/about/itogi2023 (дата обращения: 26.04.2024).
3. *Ламин В.А., Шелегина О.Н.* Современные подходы к изучению и популяризации отечественной истории: актуальные коммуникатив-

ные практики // Известия Иркутского государственного университета. Серия: «История». 2020. Т. 33. С. 63–69.
4. Поиск каналов Дзен. URL: https://zenstat.ru/stat/channels (дата обращения: 26.04.2024).
5. *Семко Е.* Круче Парфёнова. Блогер Ника Марш из Твери сделала хобби реальным доходом. URL: https://tver.aif.ru/society/persona/kruche_parfyonova_bloger_nika_marsh_iz_tveri_sdelala_hobbi_realnym_dohodom (дата обращения: 26.04.2024).

М.В. Штылева
Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Общественная активность и повседневность женщин Мурманской области в работах российских ученых

Женское движение в Мурманской обл. на рубеже XX–XXI вв. стало частью повседневной жизни многих женщин – его активисток . Тем не менее женская общественная активность и повседневная жизнь женщин в России практически не представлены в научных трудах российских ученых.

История женской повседневности стала особым предметом научного изучения благодаря историко-антропологическому повороту в мировом гуманитарном знании во второй половине 1980-х годов [17, с. 3–19]. Методология истории *женской повседневности* начала разрабатываться в трудах Н.Л. Пушкаревой, А.В. Беловой в 2000-х годах и большее развитие получила в последующий период [4, с. 85–97; 16, с. 27–32].

Исследуя отражение общественной активности и повседневности женщин Мурманской обл. в работах российских ученых, целесообразно обратиться в первую очередь к трудам местных историков-краеведов, ученых Кольского научного центра Российской академии наук (г. Апатиты). Основатели исторического краеведения в Мурманской обл. И.Ф. Ушаков и А.А. Киселев внесли значительный вклад в историографию Кольского полуострова [12; 24]. Они исследовали жизнь Кольского края с древнейших времен до наших дней, но женская тема в их работах отсутствовала. В 1991 г. профессором А.А. Киселевым была предпринята попытка осветить повседневную жизнь мурманчан на страницах газеты «Вечерний Мурманск» в новой рубрике

«Вечерние записки старого обывателя» [1]. Исторические заметки краеведа, к сожалению, не отражали привычный уклад жизни, опыт и личные переживания, восприятие событий и отношение к ним самих горожан.

Отсутствие научных работ компенсировали местные периодические издания: «Комсомолец Заполярья», «Мурманский вестник», «Полярная правда», «Вечерний Мурманск». На страницах газет отражено появление и развитие нового социального явления – женского движения. В результате общественной активности женщин с 1991 по 1994 г. еженедельно выпускалась страница «Женский клуб» в главной областной газете «Советский Мурманск» («Мурманский вестник»). Активная часть женщин со страниц местных газет говорила о повседневных заботах, а общественное движение стало частью повседневной жизни.

В начале 2000-х годов различные аспекты повседневности жителей Мурманской области в период накануне и в годы перестройки были рассмотрены учеными Кольского научного центра РАН О.Е. Змеевой, Е.В. Бусыревой, О.А. Сулеймановой. В частности, О.В. Змеева исследовала пример адаптации в 1980–1990-е годы кавказцев на Крайнем Севере. Один из ее выводов сводился к тому, что личные, частные, интимные отношения – очевидный социальный лифт и путь скорейшей интеграции в новое сообщество [9, с. 69–79]. Труды Е.В. Бусыревой и О.А. Сулеймановой охватили период с 1920 до конца 1980-х годов, т.е. лишь отчасти захватили период начала перестройки. Они посвящены сохранности бытовых традиций в семьях финских переселенцев. Межэтнические браки способствовали ассимиляционным процессам – усвоению языка и культуры доминирующего народа, и женское участие в этом более чем заметно [5; 6]. О.А. Сулейманова рассмотрела период до начала и середины 1980-х годов при изучении переселенцев в Мурманскую обл. Интересующий нас период представлен материалами о дефиците в вещевом и продуктовом обеспечении мурманчан с начала 1980-х годов, показаны способы решения этих проблем жительницами Кольского Заполярья [22; 23]. Женщины стали создавать собственные организации, чтобы помочь друг другу в обеспечении своих прав.

Исследований, напрямую не связанных с изучением повседневной жизни мурманчанок, но отражающих некоторые стороны их жизни, стало заметно больше в 2000-е годы, когда внима-

ние общественности оказалось привлечено к проблемам климата и экологии, здоровья (А.Д. Рабинович, Л.А. Лукичева) [13; 18].

Т.Ю. Горчакова выявила негативное влияние вредных и опасных условий труда на здоровье работниц предприятий Мурманской обл. [7, с. 17]. Состояние здоровья женщин и детей Кольского Севера вызывало у врачей тревогу, и они поставили вопрос о необходимости срочного решения проблемы эффективной медицинской помощи женщинам детородного возраста, проживающим в регионе [15]. Отсутствие достойных условий жизни, скудость досуга привели к росту алкоголизации населения: смертность женщин от алкоголизма стала выше мужской [25]. Неприглядные стороны повседневной жизни мурманчанок – конфликты и насилие в семейных отношениях в 1990-е годы – исследовались также в 2010-е годы. Н.О. Пономаренко [14, с. 69–70].

Мурманская область стала особенным примером приграничного сотрудничества, и в 2000-е годы появляются исследования, затрагивающие стороны повседневной жизни жителей Кольского Севера в связи с развитием сотрудничества со странами Баренцева региона. Баренцев Евро-Арктический регион (БЕАР) основан 11 января 1993 г. с целью развития международного сотрудничества [8]. А.И. Смирнов отметил, что на международном уровне была определена задача нормализации ситуации на Севере в «результате захватывающего процесса реформ в России» [21, с. 95].

В результате Баренцева сотрудничества были реализованы программы по проектам в таких сферах, как экономика, образование, транспорт, сельское хозяйство, коммуникации и информатизация, медицина, культура, экология, женское движение, проблемы коренных народов Севера [11].

Публикации И.А. Архип [2, с. 16–27], М.Б. Ильичевой [10, с. 112–118], Е.Н. Сахаровой [19, 20], В.В. Бабурина [3, с. 65–72] были сосредоточены на проектах в социально-гуманитарной сфере. Социальные проекты были направлены на поддержку уязвимых социальных групп общества (женщины, дети, пожилые люди и инвалиды), оказавшиеся в кризисной ситуации.

Анализ историографии проблемы убедил нас в том, что повседневная жизнь женщин и общественная активность на Крайнем Севере на рубеже веков мало исследована и потому ее изучение актуально. Перспективными источниками для раскрытия темы могут служить периодическая печать и нарративы активи-

сток женского движения: очерки, личные дневники, автобиографии, воспоминания очевидцев.

Список литературы

1. *Алексеев А.* Воспоминание безмолвно предо мной свой длинный развивает свиток // Вечерний Мурманск. 1991, 11 ноября. № 105. С. 5.
2. *Архип И.А.* Сопоставление способов государственного решения проблем детей с ограниченными возможностями здоровья севера России и Норвегии // Сотрудничество России и стран Северной Европы в социально-гуманитарной сфере, конец XX – начало XXI вв.: Сборник научных статей / под. ред. М.Б. Ильичева. Мурманск: МГГУ, 2011. С. 16–27.
3. *Бабурин В.В.* Проект «детская деревня SOS» в Кандалакше как аналог семейного воспитания. // Сотрудничество России и стран Северной Европы в гуманитарной сфере, конец XX – начало XXI вв.: Сборник статей / отв. ред. М.Б. Ильичёва, В.Э. Черник. Мурманск: МГПУ, 2007. С. 65–72.
4. *Белова А.В.* Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97.
5. *Бусырева Е.В.* Браки в истории финских переселенческих семей: биографический аспект // Труды Кольского научного центра РАН. 2012. № 2 (9) С. 18–30.
6. *Бусырева Е.В.* Национальная материальная культура в жизни финских переселенцев Кольского полуострова // Труды Кольского научного центра РАН. 2014. № 2 (21). С. 77–88.
7. *Горчакова Т.Ю.* Зависимость смертности населения трудоспособного возраста в промышленных городах от специфики градообразующих предприятий (на примере Мурманской области). Автореф. дисс. … канд. биол. наук. М., 2010. 451 с.
8. Декларация о сотрудничестве в Баренцевом/Евроарктическом регионе.
9. *Змеева О.В.* Гендерные и сексуальные роли как средство адаптации этнических мигрантов // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации / ред. В.П. Петров, И.А. Разумова. Апатиты: КНЦ РАН, 2008. С. 69–79.
10. *Ильичева М.Б.* Сотрудничество России и стран Северной Европы в гуманитарной сфере в конце XX – начале XXI вв. (на примере Мурманской области) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2008. № 2. С. 112–118.
11. *Каменская Т.С.* История развития торговых отношений Северо-Запада России и Скандинавии в 1985–2000 гг. (на примере Мурманской области и Норвегии). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М., 2006. 41 с.

12. *Киселев А., Тулин М.* Книга о Мурманске. Мурманск: Книжное издательство, 1977. 239 с.
13. *Лукичева Л.А.* Гигиеническая и медико-социальная оценка питания женщин – жительниц северных городов (на примере гг. Мурманска и Архангельска). Автореф. дисс. … канд. мед. наук. СПб., 2005. 28 с.
14. *Пономаренко (Плешкова) Н.О.* Анализ статей региональных газет г. Мурманска о проблеме домашнего насилия // Теория и практика общественного развития. 2013. № 1. С. 69–70.
15. *Прялухин И.А.* Состояние и пути оптимизации работы областного перинатального центра (на примере Кольского Севера). Автореф. дисс. … канд. мед. наук. Санкт-Петербург, 2014. 23 с.
16. *Пушкарёва Н.Л.* Как заставить заговорить пол? (Гендерная концепция как метод анализа в истории и этнологии) // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 27–32.
17. *Пушкарёва Н.Л.* Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.
18. *Рабинович А.Д.* Особенности правового регулирования труда работников Крайнего Севера. Автореф. дисс. … канд. юридич. наук. М., 2006. 23 с.
19. *Сахарова Е.Н.* Сотрудничество стран Скандинавии и Мурманской области в социальной сфере (1994–2005 гг.) // Гуманитарные проекты стран Северной Европы в России: Сборник статей / под ред. А.В. Воронина, М.Б. Ильичевой, В.В. Кузя. Мурманск: МГПУ, 2006. С. 27–30.
20. *Сахарова Е.Н., Ильичева М.Б.* Сотрудничество России и стран Северной Европы в сфере защиты малоимущих слоев населения // Сотрудничество России и стран Северной Европы в гуманитарной сфере, конец XX – начало XXI вв.: Сборник статей / отв. ред. М.Б. Ильичёва, В.Э. Черник. Мурманск: МГПУ, 2007. С. 45–51.
21. *Смирнов А.В*. Российско-норвежские отношения в Баренцевом-Евроарктическом регионе, 90-е гг. XX в. Дисс. … докт. ист. наук. М., 2003. 300 с.
22. *Сулейманова О.А.* «Новые горожане» Кольского Севера: вещевое поведение переселенцев из сельской местности // Труды Кольского научного центра РАН. 2013. № 6 (19). С. 35–49.
23. *Сулейманова О.А.* Переезд на новое место жительства: к проблеме семантизации вещей в современной культуре (на материалах Кольского Заполярья) // Арктика и Север. 2017. № 27. С. 30–51.
24. *Ушаков И.Ф.* Кольская земля: очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск: Книжное изд-во, 1972. 671 с.
25. *Шелыгин К.В*. Медико-демографические ущербы и алкоголизация населения Европейского Севера России. Автореф. дисс. … докт. медиц. наук. Архангельск, 2013. 37 с.

РАЗДЕЛ 2
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЖЕНЩИН ОТ ЕВРОПЫ ДО ЮГО-ВОСТОЧНОЙ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

2.1. НАСЛЕДИЕ ЖЕНЩИН ЕВРОПЫ – ИСТОРИЯ ОБРЕТЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОПЫТА ЛИДЕРСТВА

Д.М. Омельченко
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский институт истории РАН

Женщины и их наследие в окружении епископа Цезария Арелатского (503–542)

Епископ Цезарий был главой Арелатской церкви в течение почти сорока лет (503–542). За это время он проявил себя как активный участник церковной политики, устроитель монашества, популярный проповедник. Из источников, связанных с епископом, очевидно, что важную роль в реализации задуманных им преобразований играли женщины. Можно ли сказать о них что-то конкретное? На первый взгляд, нет ввиду скудости источниковой базы. Однако косвенные данные всё же позволяют представить хотя бы некоторых женщин не просто бледными силуэтами на фоне масштабной фигуры епископа.

В числе самых близких к Цезарию женщин были его сестра и племянница – Цезария Старшая и Цезария Младшая (ум. ок. 557 г.). Они стали первыми настоятельницами основанного епископом в Арелате монастыря св. Иоанна. О сестре епископа, Цезарии Старшей, первой настоятельнице монастыря, известно совсем мало. Перед тем как поставить сестру во главе женской общины, брат послал ее для обучения в женский монастырь в Массилии [9, I. 35]. То, что именно сестра стала первой аббатисой общины, было в какой-то мере данью традиции, заложенной авторитетными основателями женских монастырей – Пахомием Великим [3, с. 160] и Августином Гиппонским [2]. Вообще же роль Цезарии Старшей в учреждении обители предстает совершенно пассивной. Возможно, это и не было так, но всё же

скупость сведений наводит на мысль, что настойчивость епископа вызвана чем-то большим, чем желанием дать приют нескольким боголюбивым женщинам.

О племяннице Цезарии Младшей известно больше. Она фигурирует в «Завещании» епископа: он велит возвратить племяннице собственноручно изготовленный ею меховой плащ [8, с. 42, 2, с. 46]. Из «Жития Цезария» можно узнать, что у этой аббатисы были несомненные организаторские способности. К моменту смерти епископа в 542 г. женская община насчитывала уже две сотни монахинь, хотя изначально их было не более трех [9 (I). с. 35, 9(II)? с. 47]. К этому времени возможности монастырского скриптория позволяли рассылать сборники проповедей арелатского епископа в разные концы Европы, а на ранних этапах способности монахинь были довольно скромными [4, с. 2; 9 (I), с. 55].

Цезария Младшая – единственная женщина в окружении епископа, от которой сохранились собственные тексты. Самое обширное из произведений аббатисы – письмо к Рихильде и Радегунде [7]. Оно было отправлено вместе с составленным епископом «Правилом для дев». Просьба прислать «Правило» исходила от королевы франков Радегунды, которая устроила монастырь и вела борьбу с епископом Пиктавии Маровеем. В «Правиле» королеву, по большому счету, привлекало лишь положение о независимости женского монастыря от епископа, а не строгие правила, установленные Цезарием [1 (IX), с. 40–42].

Если ждать от послания чего-то личного, то текст разочарует. Письмо Цезарии почти полностью построено на цитатах из Библии, произведений арелатского епископа и отцов Церкви. Кажется, что голос аббатисы неразличим в бесконечном гуле мужских голосов и авторитетных высказываний. Примечательно, что Цезария, которая в момент написания письма была уже в преклонном возрасте, не попыталась найти образы для репрезентации собственно женского опыта монашеской жизни. Она принимает мыслительные схемы, заданные мужчинами, и практически затушёвывает гендерную идентичность монахинь: «С той же силой и мужественностью, как если вы были мужчинами, боритесь с вашими врагами, дабы тело ваше не было поражено, с таким же постоянством и мужественностью боритесь против дьявола, дабы он не убивал ваши души наущениями и опаснейшими помыслами» [7, с. 34].

Однако если немного сместить угол зрения, то в построенных по парафразно-центонному принципу текстах Цезарии (сохранилось еще несколько отрывков) можно выделить основную тему, которая может сказать нечто о духовности самой аббатисы. Это тема сосредоточенности мысли на Писании: «помышлять день и ночь о законе Божием», слушать «божественные чтения», как приказы короля, и посвящать им «все свои помыслы», выучить наизусть Псалтырь и следовать Евангелию, «приобретать и поддерживать похвальное горение усердным чтением» [7, с. 5–7; 8–13; 39–40; 60–62]. Трудно не согласиться с мнением французского исследователя Ж. Курро, который в немногих оставшихся после Цезарии Младшей произведениях увидел «монахиню одновременно простую и образованную, мудрую, обладающую глубокой духовностью, любящую слово Божие» [5, с. 441].

Известно, что Цезария Младшая была инициатором написания «Жития» епископа вскоре после его смерти, хотя никаких ее собственных воспоминаний в этом обширном нарративе нет. Однако нечто глубоко личное неожиданно проявляется, например, в желании епископа умереть в женской обители и найти вечный покой в монастырской часовне [9 (II), с. 47]. Или в теплоте, с которой епископ порой говорит о монахинях в своем довольно строгом «Правиле для дев». Этот деятельный человек, имевший множество недоброжелателей, явно доверял монахиням, мог раскрыть в общении с ними свои лучшие чувства. Можно предположить, что для Цезария семейные узы были единственно прочными в перипетиях политической и церковной жизни, отсюда его стремление вовлечь в свои преобразования сестру и племянницу. Несмотря на скудость источников, не будет большим преувеличением считать, что именно в этих женщинах он обрел наиболее верных и преданных своих последовательниц.

Список литературы

1. *Григорий Турский*. История франков / пер.с лат. В.Д. Савуковой. М.: Наука, 1987. 461 с.
2. *Поссидий Каламский*. Жизнь Августина / пер. М.В. Грацианского, П.В. Кузенкова // Августин Аврелий. Исповедь. М.: АСТ, 2003. С. 338–379.
3. *Сидоров А.И.* Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. М.: Православный паломник, 1998. 525 с.

4. *Césaire d'Arles*. Sermons au peuple / trad., introd., notes, index par M.-J. Delage. Paris: Éditions du Cerf, 1971. 516 p.
5. *Coureau J.* Trois écrits de l'abbesse Césarie. Introduction // Césaire d'Arles. Oeuvres monastiques / trad.et introd. par J. Courreau et A. de Vogué. Paris: Éditions du Cerf, 1988. Vol. 1. P. 5–7.
6. Dicta Caesariae // Césaire d'Arles. Oeuvres monastiques / trad.et introd. par J. Courreau et A. de Vogué. Paris: Éditions du Cerf, 1988. Vol. 1. P. 471–475.
7. Dominabus sanctis Richildae et Radegundi Caesaria exigua // Césaire d'Arles. Oeuvres monastiques / trad.et introd. par J. Courreau et A. de Vogué. Paris: Éditions du Cerf, 1988. Vol. 1. P. 476–499.
8. Testamentum sancti Caesarii // Césaire d'Arles. Oeuvres monastiques / trad. et introd. par J. Courreau et A. de Vogué. Paris: Éditions du Cerf, 1988. . Vol. 1. P. 381–397.
9. Vita sancti Caesarii // Vie de Cesaire d'Arles / texte crit. de D.G. Morin, introd., revis. de texte critique, trad., notes et index par M.-J. Delage avec la collab. de M. Heijmans. Paris: Éditions du Cerf, 2010. P. 21–24.

Е.С. Захарова
Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Женщины-конкистадоры? О роли участниц завоевания и колонизации Нового Света

Судьбы колоний Испанской империи занимают ученых со второй половины XIX в. Сделано многое, однако остаются белые пятна, которые ждут своих исследователей. Не является исключением и раннеколониальный период. Конкисту Нового Света можно отнести к сравнительно слабо изученным вопросам истории и этнографии Америки.

Дело в том, что некоторые принципиальные моменты начали раскрываться совсем недавно, а к другим проблемам только предстоит подступиться. Одной из загадок колонизации Америки европейцами является участие женщин. Хронисты обходят представительниц прекрасного пола молчанием, хотя косвенные данные об отплытии испанок в Западные Индии имеются. Отдельные документы подтверждают пребывание женщин: это завещания, материалы судебных разбирательств, письма, иные свидетельства. Тщательный источниковедческий анализ позво-

ляет критически осмыслить дискурс о немногочисленности женщин в завоевании Нового Света. Оказывается, в Америку отправлялось гораздо больше дам, чем принято было думать: например, между 1509 и 1607 г. Атлантический океан пересекли 13218 пассажирок, что составляет более трети (36,25%) от общего количества людей, значащихся в списках пассажиров. Вообще агентность женщин той эпохи зачастую недооценивается. Между тем они могли играть заметную роль в процессе завоевания Нового Света. Среди таких женщин донья Марина (Малинцин), Мария де Эстрада, Каталина Бустаманте, Альдонса Вильялобос, Беатрис де ла Куэва, Исабель Баррето, Марина Ортис де Гаэте, Менсия Кальдерон, Исабель де Гевара, Инес Суарес и многие другие. В целом продолжающееся открытие новых имен и занятий участниц конкисты не только дополняет и уточняет наши знания о раннеколониальных обществах, складывавшихся в Испанской Америке, но и помогает раскрывать сложность их устройства.

О.Г. Овчарова
Москва, Российская государственная специализированная академия искусств
О.В. Китайцева
Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Манон Ролан: трагедия биографии «королевы жирондистов»

Методология персональной (биографической) истории [6] в контексте изучения судеб выдающихся женщин прошлого позволяет интерпретировать макропроцессы минувшего времени на основе микропроцессов – жизнедеятельности уникальной человеческой личности. Поскольку женские биографии периода правового неравенства формировались под влиянием традиционных гендерных норм, изучение индивидуальной жизнедеятельности помогает глубже понять, «каким именно образом унаследованные культурные традиции <…> определяют поведение людей в специфических исторических обстоятельствах (а, следовательно, сам ход событий и их последствия)» [7, с. 33]. В данном случае под спецификой обстоятельств следует понимать гендерные

ограничения, которые пытались преодолеть незаурядные женщины, и то, каким образом они это делали.

Наиболее отчетливо, а главное, в нетрадиционном, открытом звучании подобные общественные вызовы проявились на Западе в эпоху Просвещения. В этот период (особенно со второй половины XVIII в.) некоторые женщины, иногда сами того не осознавая, пытаются доказать, что их жизнь должна состоять не только из домашнего труда, но и из общественной деятельности. Это женщины, обладающие творческими способностями и научными знаниями, выдающиеся умом и здоровыми амбициями, стремящиеся реализовать социальный потенциал – интеллектуалки своего времени [2]. Довольно часто пересечение границ социально дозволенного оборачивалось для них трагедией.

Француженка Манон Ролан (1753–1793) всегда строго соблюдала нормы патриархальной культуры и «принимала во внимание свой пол» [1, с. 85]. Тем не менее сегодня бы мы назвали ее женщиной-политиком. Однако в XVIII в. подобное было невозможно, и сама Ролан отвергла бы такую характеристику. Несмотря на то, что влияние ее политической деятельности на ход событий Великой французской революции не уступало по значимости влиянию действий, например, Ж.-П. Бриссо или М. Робеспьера, она не озвучивала открыто свои политические амбиции. Не входила Ролан и в мир другого мужского занятия – сочинительства, отрицательно относясь к женщинам-писательницам. Вместе с тем М. Ролан считается одним из крупнейших деятелей Великой французской революции, а ее дневники используются как исторический источник.

Родившись в буржуазной семье, Манон получила принятое в то время среди столичной буржуазии образование, сочетающее элементы «изящного образования», характерного для знати, и буржуазного воспитания, призванного сохранить черты социальной идентичности данного общественного слоя. Самостоятельное изучение политических интерпретаций философов-соотечественников – Ж.-Ж. Руссо, Вольтера, Ш.-Л. Монтескье, английских мыслителей стало основой для конструирования ее республиканской идеологии. По мнению А. Ламартина, мировоззрение Ролан во многом складывалось благодаря книгам Ж.-Ж. Руссо [3, с. 202]. Можно предположить, что увлечение его концепциями женственности сформировало ее традиционные гендерные взгляды. С другой

стороны, теория «общей воли» Ж.-Ж. Руссо – волеизъявления всех граждан – убедила ее в необходимости артикуляции своего мнения, но с вероятностью риска наказания за нарушение дозволений культуры. В этой «расщепленной идентичности» и заключались причины трагедии личности М. Ролан.

Мужем Манон был политик Ролан де ля Платиер, занятия которого и стимулировали ее к общественно-политической активности. В салоне М. Ролан, модном политическом клубе, собирались жирондисты. «Истинной вдохновительницей политики жирондистов» (по А.З. Манфреду), негласным лидером партии Ролан стала после назначения своего мужа на пост министра внутренних дел страны. Переговоры о вхождении Ролана в новое правительство Ж.-П. Бриссо вел с М. Ролан, а ее мужа поставили перед фактом. Переселившись в министерский особняк, женщина взяла на себя функции первого помощника/советника министра и принимала участие в решении практически всех государственных дел, находящихся в ведении ее мужа.

В профессиональной деятельности наиболее рельефно отразились противоречия «расщепленной идентичности». «В течение 12 лет я работала с моим мужем так же, как и ела с ним… Во всем этом нет ничего странного кроме необычности; отчего женщина не может исполнять роль секретаря своего мужа без того, чтобы это умаляло его заслуги?» [4, с. 114–115]. Факт правления жены не просто «умалял заслуги» г-на Ролана, но прежде всего создавал негативное мнение о самой М. Ролан как у политических противников, так и среди народа. Женщина, принимающая политические решения не из салона или будуара, а из кабинета министра, вызывала в обществе насмешки и внушала суеверный страх, связывавший все беды с вмешательством женщин в мужские занятия. Такой социальный контроль отчетливо очерчивает пределы общественно признанных гендерных моделей женского поведения и рамки приемлемой деятельности для женщин в Новое время.

Среди других действий М. Ролан, при помощи которых она творила новую историю Франции, выделяются сочинение письма к королю о низложении монархии и руководство штабом политической борьбы (которым стал ее салон) якобинцев и жирондистов. Она контролировала издание статей и литературных пасквилей в адрес якобинцев. Известно, что газета Le Sentinelle –

боевой печатный орган жирондистов, существовала на средства Министерства внутренних дел и получала политические инструкции от М. Ролан. «Робеспьерида» – клеветнический пасквиль, озвученный на заседаниях Конвента, также был подготовлен под ее негласным идейным влиянием.

История борьбы двух французских партий закончилась победой якобинцев. Последние не раз во взаимных оскорблениях упоминали имя Ролан: «Весь свет знает, как Ролан работал в своем департаменте, а нации нужны министры, способные действовать не по указке своих жен» [5, с. 84]. В 1793 г. Ролан была арестована и спустя полгода казнена. Комментарии по поводу гибели М. Ролан носили нравоучительный характер: «Имея дочь, она жертвовала долгом и чувством матери, чтобы возвыситься, а желание быть ученою, заставило ее забыть добродетели пола. Эта <…> забывчивость довела ее до смерти» [8, с. 124]. В случае Ролан трагедия женщины, открыто заявляющей о себе в запретном мужском мире, совместилась с трагедией, характерной для всех интеллектуалов – созидателей и участников модернизационного политического процесса. Популярная интерпретация этой трагедии – «революция пожирает своих детей».

Список литературы

1. *Адлер Э.* Знаменитые женщины Великой французской революции. Одесса: Освобождение труда, 1907. 207 с.
2. *Козлова Н.Н., Овчарова О.Г., Рассадин С.В.* Политика в мировоззрении и деятельности Кэтрин Маколей: индивидуальный опыт в контексте гендерной иерархии // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении. XVI Международная научная конференция РАИЖИ и ИЭА РАН, Кострома, 5–8 окт. 2023 г. / отв. ред. Н.Л. Пушкарёва; сост. А.И. Громова, А.В. Жидченко: в 2-х ч. М.: ИЭА РАН, 2023. Ч. 2. С. 345-352.
3. *Ламартин А.* Жирондисты. Историко-прагматическое исследование: в 4-х т. СПб.: Экспедиционно-комиссионное дело, 1911. Т. 4. 681 с.
4. Личные мемуары госпожи Ролан. СПб.: б.и., 1893. 154 с.
5. *Лосев С.А.* Женщина и революция: трагедия Манон Ролан // История и историография зарубежного мира в лицах: Межвузовский сборник научных статей. Самара: Самарский университет, 1997. С. 65–88.
6. *Репина Л.П.* «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1999. Т. 2. С. 7–13.

7. *Репина Л.П.* Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого: Очерки: Хрестоматия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 349 с.
8. *Шлоссер Ф.* Женщины французской революции. СПб.: Я.А. Сулин, 1865. 124 с.

Е.Э. Овчарова
Санкт-Петербург, независимый исследователь

Письма Жозефа де Местра о роли женщин в науке и образовании

Если письма российскому министру просвещения графу Алексею Кирилловичу Разумовскому с достаточно подробным изложением взглядов сардинского дипломата на российское образование и образование, вообще говоря, имеют большое сходство с педагогическим трактатом или даже методическими материалами, то письма к дочери, в которых представлен взгляд де Местра на способности женщин к умственной деятельности и женское образование, являются настоящими родительскими письмами, с шутками, наставлениями, увещеваниями, подробностями из жизни семьи и ее окружения.

Эпистолярное наследие де Местра является не только очень ценным, но и весьма специфическим источником по истории его идей [3]. Некоторые его письма, как и избранные места из произведений философа, издавались в серии литературного наследия [2]. Вырванные из контекста цитаты из посланий де Местра близким людям могут способствовать не столько пониманию его идей, сколько их искажению, поскольку часто эпистолярные послания создавались автором с использованием художественного дискурса. Таковыми являются, например, его письма дочерям, а также письма к некоторым хорошим его знакомым, например некоей баронессе де Пон. Упоминаемые в данной статье письма де Местра дочерям, относящиеся к 1808 г. (подробно рассмотрено только одно из них [1, с. 106–109]), как это может показаться, не являются выражением глубокого консерватизма. Скорее они представляют своего рода синтез самых разных взглядов на женское образование и роль женщины в обществе начала XIX в. На создание этого назидания савойского философа подвигло вполне понятное желание согласовать мнения и

поступки своих образованных детей с реальностью и способствовать их успешному позиционированию в обществе.

Семья де Местра на тот момент была вынужденно разделена на две части: де Местр с сыном жил в России (с 1805 г., до того с 1802 г. посланник Сардинского королевства проживал там в одиночестве), а жена и две дочери проживали в Савойе, и так получилось, что со своей второй дочерью, Констанцией, к которой обращены рассматриваемые послания, к 1808 г. де Местр никогда еще не встречался лично. Тем не менее, насколько можно судить по письмам, эпистолярный дар отца позволял ему иметь со своей дочерью самые доверительные отношения.

Дочери де Местра получили хорошее образование, пробудившее в них интерес не только к литературе и изучению языков, но и к историческим и научным вопросам. Как отмечали многие из тех, кто был с ним знаком, его влияние на окружающих всегда было чрезвычайно сильным, так что представляется сомнительным, чтобы его покорная жена могла вести какую-то политику в семье, несогласную с его волей. Независимый наблюдатель, Наталия Федоровна Нарышкина, дочь известного деятеля той эпохи графа Федора Васильевича Ростопчина, генерала-губернатора Москвы, писала: ««Добрейшая графиня де Местр говорила очень мало, и превосходство над нею мужа было несомненным; дети же, по всей видимости, получили куда больше от отца, нежели от матери» [4, с. 226–228, здесь и далее цитируется по 1, с. 13].

Задачей де Местра было скорректировать те негативные, с общепринятой точки зрения, последствия, которое имело образование его дочерей, и те воспринятые ими поведенческие стереотипы, которые могли значительно осложнить их жизнь. Образование должно было способствовать их счастью, а не разрушать его. Неразумное с точки зрение окружающих поведение дочерей могло привести к общественному неодобрению, которое вполне могло воспрепятствовать удачному замужеству и осложнить занятие ими достойного места в обществе. В данном случае неразумным было подчеркивание девушками на выданье своей образованности. Де Местр мог и лукавить, начисто отрицая вклад женщин в культуру и науку, ведь эрудиция его дочерей была недостаточна, чтобы они могли противостоять его аргументации. Отец не видит перед собой равного собеседника и

утрирует ситуацию таким образом, чтобы она была понятна подростку. Считал ли он на самом деле, что женская составляющая европейской культуры совсем незначительна, или не считал, в данном случае большого значения не имеет. Заметим, что вышеупомянутая Нарышкина писала о том, что в российском обществе де Местр находил гораздо больше понимания у женщин, нежели у мужчин [1, с. 13]. Мемуаристка также отмечала, что при общении с молодыми женщинами де Местр был любезен и весел, но он был всегда серьезен с теми, кто мог поддерживать умную беседу.

Де Местр писал своей дочери совершенно нелицеприятные вещи о женском интеллекте. Например, свои увещевания в одном из таких писем он начинает с высмеивания приведенного Констанцией мнения Вольтера о равенстве мужчины и женщины в интеллектуальном плане, которое так впечатлило его дочь, а затем напрочь отказывает женщинам в способности создать значимое произведение искусства или сделать научное открытие.

Далее же становится понятным, что де Местр знает женщин, занимающихся наукой. Но он полагает их несчастными. То есть де Местр отрицает саму возможность женского занятия наукой потому только, что оно не может сделать женщину счастливой. Исключения, с его точки зрения, здесь только подтверждали общее правило. Аргументы его весьма убедительны: «Что касается науки, то для женщин дело сие чрезвычайно опасное. Почти не бывало таких ученых дам, которые не были бы смешны или несчастны. Обычно наука представляет для них ту *невеликую* опасность, что они не нравятся ни мужчинам, ни женщинам: первые не желают уравниваться со слабым полом, а вторым неприятно быть превзойденными. Наука по самой природе своей любит выказывать себя, ибо все мы подвержены гордыне. Вот где опасность; ученая женщина может остаться безнаказанной лишь в том случае, если для сокрытия своих познаний прилагает она более сил, нежели мужчины к проявлению оных».

Де Местр хорошо знает своих дочерей и потому опасается, что они вызовут порицание и недовольство в обществе: «В сем отношении, дитя мое, я не почитаю тебя сильной: голова у тебя горячая, а характер решительный; навряд ли ты способна прикусить язык, чтобы удержаться от показа литературной учености» [1, с. 107]. И далее следует интересное признание в том, что де-

ло не только и не столько в гендерной роли. Дабы не вызвать раздражение окружающих следует в любом случае избегать демонстрации учености без особой в ней необходимости. В этом отношении у де Местра был большой опыт; а в особенности осторожность такого рода должна быть присуща юной деве. Де Местр дополняет свои увещевания весьма своеобразными рекомендациями по коррекции поведении, рекомендуя приспособиться к окружению и стараться быть приятной в общении.

Трудно, конечно, оценить, были ли увещевания де Местра более эффективны, чем то обычно бывает в подобных случаях, но если судить по свидетельству Нарышкиной, дочери де Местра отнюдь не скрывали своего интеллектуального превосходства, и их поведение очень уязвляло их русских ровесников [1, с. 13].

Из заключения письма очевидно, что, во-первых, де Местр не слишком верит в свою способность переубедить дочь и потому не слишком надеется на ее замужество, во-вторых, что он является поборником женского образования и рад наличию такового у своих дочерей, и в-третьих, что он полагает соблюдение принятых в обществе условностей делом первостепенной важности и никогда не устанет это объяснять своим детям.

Список литературы

1. *Местр Ж.М. де*. Петербургские письма / сост., пер., предисл. и комм. Д.В. Соловьева. СПб.: ИНАпресс, 1995. 334 с.

2. *Maistre J. de*. Lectures littéraires. Pages choisies des grands écrivains / avec une introduction par Henri Potez. Paris: Librairie Armand Colin, 1901. XLI, 275 p.

3. *Maistre J.* Mémoires politiques et correspondance diplomatique de Joseph de Maistre, avec explications et commentaires historiques par Albert Blanc. 3e éd., rev. et corr. Paris: Michel Lévy frères, Libraires éditeurs, 1864. 395 p.

4. *Narichkine N.* Le comte Rostortchine et son temps. St.-Petersbourg: Societe R. Golicke et A. Willborg, 1912. 267 p.

Г.П. Гаращенко
Мариуполь, МБОУ «Средняя школа № 47»

Женское наследие в генеалогии великой личности. Преемственность поколений в родословного митрополита Готфейского и Кафайского Игнатия

Недавние события, связанные с проведением специальной военной операции на Украине, привлекли внимание мировой общественности к Мариуполю – городу на побережье Азовского моря, названному в честь Пресвятой Богородицы – Девы Марии. Покровителем города является святитель Игнатий – греческий митрополит, итальянский аристократ, святой Русской православной церкви. Личность святителя Игнатия (в миру Иакова Гоззадини) сформировалась под влиянием ряда обстоятельств: стать Моисеем для 30 тысяч крымских греков и, заручившись поддержкой императрицы Екатерины II, вывести их на территорию православной империи – такую политическую проблему решить мог лишь незаурядный и дальновидный деятель. Именно поэтому образование, воспитание, родословная митрополита не только вызывают общественный интерес, но и становятся объектами исследования ученых – представителей различных направлений: генеалогии, ономастики, антропонимики, патристики.

Приведем краткую историческую справку. Митрополит Игнатий родился в аристократической итальянской семье на греческом острове Китнос. Монашество принял на Афоне, был поставлен на Крымскую кафедру митрополитом Готфейским и Кафайским. Как руководитель, получивший христианское образование на Афоне, святитель Игнатий столкнулся с фактами религиозной и национальной амнезии: греки-колонисты не знали основ православной веры, общались на двух наречиях – апла и татарско-турецком, в выборе веры руководствовались соображениями выгоды. Совершив несколько визитов к российской императрице, митрополит получил следующие обещания: защиты греков на пути следования, предоставления мест поселения, определенных льгот (отсутствие крепостного права, воинской повинности, налогов). 23 апреля 1778 г. в пещерном храме Свято-Успенского скита была произнесена проповедь, ставшая благословением Владыки на исход греков. В августе, собрав урожай, под прикрытием вой-

ска А.В. Суворова греки покинули Крым, чтобы сохранить свою национальную и религиозную идентичность.

В дискурсе этого уникального события, подобного исходу евреев под водительством пророка Моисея, возникает закономерная потребность рационального осмысления и идеологического оформления связи и преемственности поколений в родословной митрополита. Иными словами, кто он и где его корни? Изучая генеалогическое древо святителя, невольно удивляешься символическому оформлению рода, яркое место в котором принадлежит первой женщине – преподавателю университета в Болонье, профессору права Беттисии Гоззадини (Bettisia Gozzadini).

Сведения об этой выдающейся женщине-ученом содержатся в труде Каролины Бонафеде «Биографические заметки и портреты выдающихся болонских женщин». Книга была издана в 1845 г. в типографии Софри в Спадери.

Автор посвящает и адресует свой труд «добрым молодым людям из Болоньи» и представляет выдающихся болонских женщин как пример для подражания: «Я считаю, что ни один другой город, подобный вашему, никогда не мог похвастаться таким огромным количеством женщин, пользующихся благосклонностью муз, художников, скульпторов, музыкантов, тех, кто хвалился славой в тех суровых дисциплинах, которые, кажется, являются исключительным наследием Мужчины» [1].

Отдавая должное божественному предназначению женщины – быть мудрой женой и неутомимой матерью, госпожа Бонафеде справедливо замечает, что это скорее обязанность, а не заслуга, т.к. это для женщины предусмотрено с пеленок. Тем более высоких похвал заслуживают представительницы слабого пола, посвятившие себя наукам и искусствам, потому как «девиц от этого удаляют в любое время и в любом месте» [1].

Первая глава исследования посвящена доктору права, первой женщине – преподавателю высшего учебного заведения Беттисии Гоззадини. Беттисиа Гоззадини происходила из древнего дворянского рода. Известны имена ее родителей – Амадоре Гоззадини и Аделасия де Пегалотти, которые не препятствовали дочери в постижении наук. Отец рекомендовал девушке изучение не только греческого, но и латинского языков, чтобы «искать идеи, которые ученые черпают из этих языков» [3]. Сохранившиеся скудные сведения доносят нам, что Беттисиа не только преуспевала в уче-

бе, но и в подростковом возрасте носила мужскую одежду. Вероятно, это было вызвано желанием посещать государственную школу и ничем не отличаться от остальных обучающихся.

Государственную школу сменяет Болонский университет, основанный за 121 год до рождения Беттисии (в 1088 г.). На тот момент в нем обучалось около десяти тысяч студентов. Учебное заведение славилось преподавателями, в том числе Джакомо Бальдавино и Танкреди Арчидьяконо (последнему даже было дано поручение реорганизовать Болонский университет). Именно эти ученые, восхищенные способностями Беттисии, посоветовали ей посвятить себя изучению права. Известный юрист и писатель Одофредо, заметивший хорошие манеры девушки и ее ораторский талант, побудил ее получить докторскую степень. Это событие произошло 3 июня 1236 г.: Беттисиа получила высшую степень в области права в результате единогласного голосования всех собравшихся для этого университетских светил.

Несмотря на успех, первое время Гоззадини вынуждена была проводить занятия у себя дома: 30 учеников слушали ее лекции из-за ширмы (Беттисиа не хотела смущать студентов); и только через два года ей была предоставлена кафедра в Болонском университете. Произошло это благодаря настойчивым просьбам учеников и ходатайству епископа Энрико Далла Фратта. Пройдет несколько лет, и благодарность Беттисии епископу Энрико выразится в составленной ею надгробной речи. Именно Гоззадини была выбрана как самая достойная кандидатура для последнего слова: Беттисиа продемонстрировала изысканное красноречие, в котором отдавала должное честности и мужеству пастыря. Епископ защищал свою паству от «иностранного высокомерия» и умел «внушать ужас извращенцам». Не забыта была и благотворительность Энрико: он смог изыскать средства, чтобы помочь жертвам землетрясения 1222 г. и умирающим от голода в 1227 г. Необходимо отметить, что профессор права опережала время и владела технологиями публичного выступления. Для упомянутой надгробной речи Гоззадини надела костюм вдовы и поднялась на специально созданную для этого выступления трибуну (что не предусматривалось обрядом отпевания). Впоследствии это выступление было названо возвышенным произведением; отмечалось также, что послушать надгроб-

ную речь пришло «большое количество выдающихся деятелей и огромная толпа народа».

Исследователи биографии Беттисии отмечают ее глубокое религиозное чувство, патриотизм и верность идеалам науки. Деятельность Гоззадини воодушевила многих достойных женщин следовать ее примеру: в Болонском университете преподавали Лаура Басси, Мария Гаэтана Аньези, Маддалена Буонсиньори, Мария Заламбани…

2 ноября 1261 г. Беттисиа Гоззадини погибла во время наводнения вместе с четырьмя студентами и двумя женщинами, которые были с ней. В Болонье сразу же были закрыты школы в знак траура; прощание проходило при большом стечении народа. На палец Беттисии было надето кольцо магистериума как знак служения науке…

В судьбе каждого великого человека всегда можно установить «женский след»: в благородном смысле – это то влияние, которое оказано на личность и сообщившее этой личности величие. Отмечая тот факт, что Александр Сергеевич Пушкин – создатель русского литературного языка, мы не можем умалить роли простой крестьянской женщины Арины Родионовны Матвеевой в познании поэтом народной речи как основы литературного языка. Но не меньшую роль в формировании русского сознания поэта сыграла бабушка Мария Алексеевна. И здесь возникает вопрос женского наследия в родословной: это прежде всего генетический код, сообщенный потомкам, образец земного пути. В судьбе святителя Игнатия Мариупольского, в его родословной также была женщина, в личности которой были соединены лучшие качества носительницы рода: религиозность, целомудрие, любовь к родной земле и общественное служение.

Список литературы

1. Autore: Carolina Bonafede // Wikisource. URL: https://it.wikisource.org/wiki/Autore: Carolina_Bonafede (дата обращения: 17.06.2024).
2. Gozzadini, Bettisia // memo.fr URL; https://web.archive.org/web/20141214163013/http://www.memo.fr/Dossier.asp?ID=1229 (дата обращения: 17.06.2024).
3. Bettisia Gozzadini // Wikipedia. URL: https://eu.m.wikipedia.org/wiki/Bettisia_Gozzadini (дата обращения: 17.06.2024).

О.Д. Фаис-Леутская
Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Женщины в Сицилии: статус и «право голоса» в семье и социуме вчера и сегодня

В исследовании в парадигме антропологии рассматривается круг вопросов, связанных с проблемой гендерного лидерства в социуме Сицилии, одной из автономных областей Италии, регионе традиционной патриархальности, повышенной традиционности и консервативности, в прошлом и настоящем. Анализ эмпирического материала, благодаря многолетним полевым исследованиям [1], позволяет выявить малоизученные локальные гендерные реалии, отличающие Сицилию от других итальянских регионов, подтвердив ригидность и устойчивость традиционных психологических и поведенческих канонов населения региона в условиях современности, и их изменение в наши дни, а также восполнить лакуны в исследованиях гендерной проблематики Италии и внести вклад в развитие антропологической европеистики.

Сицилия относится к числу традиционно «мужских», патриархальных социумов, названных Ж. Деррида фаллоцентричными: мировидение и уклад зиждутся на восходящих к древним патриархальным обществам мужских идеалах, на привилегиях мужского начала над женским, на подчинении женщин [7, с. 291]. Сугубо сицилийский мем, символ региона, квинтэссенция вирильности, до сих пор актуальный принцип бытия, основанный на тезисе превосходства мужчин – выражение *padre-padrone* (сиц. ‘отец-хозяин’). Прочность таких установок обеспечивается и тем, что в Сицилии, тяготеющей к сохранению архаичной традиционности, идеи фаллоцентризма традиционно разделяются и женщинами, видящими в нем основу стабильности, сохранения статус-кво и противостояния деструктивным инновационным мировым тенденциям [4, с. 17]. Уместно также отметить, что феминизм, не имеющий в Италии таких распространения и признанности, как в других странах Европы, в Сицилии крайне непопулярен, и что регион практически не знаком с явлением лесбийской любви [6, с. 158].

Практически до конца 1980-х – начала 1990-х годов – много дольше, чем где-либо еще в Италии, не говоря уже о других регионах Европы – во всех сферах семейной и социальной жизни сохранялись традиции тотального доминирования мужчин и подчиненности женщин вне зависимости от их социальной принадлежности, достатка и культурно-образовательного уровня.. Так, в соответствии с традиционными социальными нормами, женщине в целом предписывалось не работать и не появляться в публичном пространстве (даже уличная толпа еще в 1960–1970-е годы была представлена преимущественно мужчинами), сфера их деятельности ограничивалась лишь домашним хозяйством. Это в равной мере касалось и крестьянок, фактически не выходивших из дома, и девушек из «хороших семей», обучение которых даже вполне «просвещенные» родители ограничивали начальным и средним образованием; в редчайших случаях женщины, получив специальную подготовку, становились врачами (только педиатрами и акушерами-гинекологами) и учительницами начальной школы; к числу «общественно разрешенных» занятий, не вызывавших социального осуждения, относились работа прислугой и проституция, тогда как, например, работа в сфере торговли и даже выход за покупками часто подпадали под запрет [8, с. 12–17].

До конца XX в. женщина вне зависимости от социальной среды занимала подчиненное положение и в семье, преимущественно патрилокальной и патриархальной, лишь с возрастом приобретая некоторый вес [5, с. 8].

С конца XX в. под воздействием многочисленных факторов (политических, юридических, экономических, социальных, культурных, психологических и т.д.) как глобального, так и общеитальянского и локального характера в Сицилии «удивительно быстро – много быстрее, чем в других регионах страны и Европы – всего за несколько лет произошло изменение казавшихся незыблемыми областей социальной жизни и взаимоотношений, в том числе и в гендерной сфере» [2, с. 40]: женщины массово надели брюки, сели за руль; начали курить, работать, зарабатывать, получать не только специальное, но и высшее образование, овладевать широким спектром профессий (в том числе и такими «немыслимыми», как служба в рядах полиции или карабинеров); они в одиночку (или, по крайней мере, без мужчины) стали выходить на улицу, посещать бары и рестораны, кинотеатры и

театры, путешествовать, отказываться выходить замуж и проявлять инициативу в вопросах развода; несколько расширились права женщин в семье; широко распространился и морально легитимизировался в обществе феномен рождения внебрачных детей (абсолютно «невозможный» и недопустимый в Сицилии двумя десятилетиями ранее); хотя редко, но женщины входят в состав руководства властных или образовательных структур и т.д. [3, с. 29–32].

Однако внешняя реабилитация женщин не сопряжена с ниспровержением фактического сексизма и основ традиционного мировидения. Так, многие виды деятельности до сих пор остаются мужскими (например, торговля, технические работы). Одинокая *smaritata* (сиц. ‘безмужняя женщина’) (незамужняя, овдовевшая, разведенная) в глазах общества социально «ущербна» и не внушает доверия: она испытывает большие сложности при попытке осуществления любых деловых операций без представляющего ее мужчины, например при купле, продаже или сдаче внаем дома. Женщины отсутствуют в руководстве профсоюзов и политических объединений. Практически невозможно их выдвижение на высший руководящий пост в любой сфере деятельности; более того, в случае предложения занять такой пост, по словам респонденток, женщины в подавляющем большинстве сами отказываются от него и в целом купируют свой карьерный рост, поскольку «это не принято», чтобы не «наживать конфликтов с коллегами-мужчинами», «не травмировать мужа» и т.д. [1]. В ситуациях, когда женщины получают больше, чем мужчины, все равно право распоряжаться этими деньгами и всем бюджетом в семье передается последним; хозяином в доме вне зависимости от того, кому он принадлежит и кто платит за него, остается мужчина, за которым признается право на решающий голос и свободу действий. Как показывают опросы, обретение женщинами некоторых возможностей не сопряжено с пересмотром концепции фаллоцентризма: большинство их, включая молодых, сознательно поддерживает идею лидерства мужчин, поскольку именно оно, по их мнению, во многом представляет собой защиту от происходящей в Европе и идущей из-за океана «неразберихи с половой принадлежностью», современным «бесовством», утратой нравственных основ, а также размыванием традиционной культуры [1].

Список литературы

1. Полевые материалы автора (опросы). 2010–2024. Сицилия.
2. *Barbagallo Fr.* I cambiamenti nel mondo tra XX e XXI secolo. Roma, Bari: Laterza, 2021. 160 p.
3. *Barcellona P.* La modernizzazione del Sud – Dalla Sicilia al Mediterraneo. Catania: CUECM, 2000. 178 p.
4. *Bellasai S.* L'invenzione della virilità. Politicas e immaginario maschile nell'Italia contemporanea. Roma: Carocci, 2011. 180 p.
5. *Billitteri D.* Femina Panormitana, ovvero a'arte del matriarcato occulto. Palermo: Sigma, 2003. 224 p.
6. *Cutrufelli M.R.* Il femminismo in Sicilia e la grandiosità del potere delle donne // Todomodo: rivista internazionale di studi sciasciani. 2022. XII. P. 157–161.
7. *Derrida J.* Resistenze. Sul concetto di analisi (1992). Napoli: Orthotes, 2014. 116 p.
8. *Mafai C., Lo Cascio S., Gugino G.* Essere donna in Sicilia. Roma: Editori Riuniti, 1976. 244 p.

А.В. Белова
Тверь, Тверской государственный университет;
Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Э.М. Титкова
Тверь, Тверской государственный университет

Этнокультурная самоидентификация в итальянской женской автодокументалистике о Ближнем Востоке первой половины XIX в.

Женский эмигрантский опыт времени Рисорджименто как значимая составляющая итальянского присутствия на Ближнем Востоке может быть представлен через жизненные ситуации Амалии Солы Ниццоли (1805–1849?), которая находилась в Египте в 1819–1828 гг. [5, с. 35], и княгини Кристины Тривульцио ди Бельджойозо (1808–1871), которая провела 1850–1855 гг. в Анатолии, Сирии, Палестине [2, с. 67]. Их автобиографические нарративы – отражение глубоко личного восприятия незнакомого этнокультурного пространства, причем каждой из них также требовалось решать вопрос о собственной этнокультурной идентичности вне Италии.

Так как специфика женских автодокументов определяется, прежде всего, акцентом на «описания повседневных реалий и личных переживаний» авторов [1, с. 6], письма и воспоминания эмигранток следует считать репрезентативными с точки зрения того, как А.С. Ниццоли и К.Т. ди Бельджойозо осмысляли вынужденный разрыв с Италией. При этом важно то, что этнокультурная самоидентификация обеих женщин осуществлялась по линии соотнесения себя с итальянской культурной традицией, что позволяло не только достичь внутреннего согласия с фактом эмиграции, но и более отчетливо определить свою позицию по отношению к «Другому» в межкультурных взаимодействиях.

Тяготение А.С. Ниццоли и К.Т. ди Бельджойозо к Италии означало их отказ от обретения полностью новой идентичности, в отличие от, например, итальянских эмигрантов, причислявших себя к «левантийцам», т.е. к ассимилировавшимся выходцам из итальянских государств, которые приезжали на Ближний Восток еще с XV в. Так, считываемые из нарративов эмоции, связанные с тоской по родине, чувством одиночества в незнакомой стране, особенно в первые месяцы эмиграции [3, с. 31, 45–46, 82, 135; 4, с. 49, 60, 62], во многом подтверждают их приверженность Италии.

Опыт самоопределения А.С. Ниццоли тем не менее не повторяет осмысления себя в изгнании К.Т. ди Бельджойозо, на что, вероятно, влиял контекст национально-освободительного движения Италии, когда создание итальянской нации требовало конструирования новой общеитальянской национальной идентичности, призванной устранить т.н. *campanilissimo,* букв. ‘приверженность своей колокольне’. Расхождение между А.С. Ниццоли и К.Т. ди Бельджойозо прослеживается в лингвистических чертах их нарративов: в частности, через использование (как намеренное, так и неосознанное) таких категорий, как «итальянка», «итальянец», «Италия».

Взгляд А.С. Ниццоли, соотносимый с ранним этапом Рисорджименто, когда консолидация итальянцев лишь начиналась, скорее отразил балансирование между общеитальянскими и локальными характеристиками, однако при явном тяготении к региональной самоидентификации. Верным представляется замечание Б. Спэкмен о том, что пример А.С. Ниццоли есть не что иное, как обретение итальянской идентичности по мере все

большего удаления от Италии [5, с. 38–39]. Так, в «Воспоминаниях о Египте» автор идентифицировала себя как «итальянку» лишь один раз, во введении, к тому же написанном в 1840 г. на Закинфе [4, с. 16], что вряд ли должно интерпретироваться как однозначный приоритет для А.С. Ниццоли общеитальянского компонента самоидентификации. Использованные ею обращения не менее противоречивы – от страницы к странице «прекрасная Тоскана» и «прекрасная Италия» подменяют друг друга [4, с. 3, 8, 15, 50], что означает синтез или смешение представлений о малой и большой родине в сознании А.С. Ниццоли.

На преобладание региональной составляющей указывает механизм идентификации других итальянцев, которые в любой ситуации разделены по своей региональной принадлежности. Например, пассажиры судна из Ливорно в Александрию в 1819 г. – не двое итальянцев, разбиравшихся в медицине, но «неаполитанский врач» и «флорентийский врач», тогда как участниками конфликта во Франкском квартале названы безымянный «уроженец одного из городов под Миланом», «некий Биллотти из Брешии», «лавочник из Генуи», «мадам К. из Рима» и другие итальянцы [4, с. 4–5, 332, 336]. То есть можно отметить, что «дом» (как отправной пункт эмиграции) осмыслялся А.С. Ниццоли в качестве гетерогенного пространства, строго дифференцированного по итальянским городам и регионам, в то время как тенденция к переходу на общеитальянский уровень проявляла себя слабее.

К.Т. ди Бельджойозо, учитывая близость к пику Рисорджименто и ее политические взгляды в поддержку единой Италии, была ориентирована на транслирование общеитальянской идентичности, что может быть опознано даже в языковых особенностях манеры письма княгини. При упоминании чего-либо итальянского ею всегда подчеркивались общность итальянцев и причастность к ней («у нас, итальянцев», «ко всем моим обидам как итальянки», «наша итальянская пословица», «наших великих итальянских мастеров» [3, с. 110, 141, 167, 188]). Не менее важно то, что для К.Т. ди Бельджойозо самоидентификация осуществлялась через чувство сближения с другими итальянскими изгнанниками [2, с. 72–73]. В этом контексте этнокультурная идентичность лишалась обязательной привязки к конкретной территории, за исключением абстрактного образа единой Италии.

В свою очередь, моменты проявления региональной идентичности в нарративе княгини сравнительно редки. Так, в переписке с К. Жобер это выразилось дважды: когда княгиня сравнила пустынную местность Мальты с родными для нее просторами Ломбардии («мои очаровательные озера Ломбардии») и при встрече с итальянскими беженцами Смирны, песня которых напомнила ей ломбардцев (а не итальянцев), противостоявших австрийцам [3, с. 31, 150–151]. В обоих случаев локальная идентичность присутствует, но ситуативно. Для К.Т. ди Бельджойозо скорее был характерен отказ от подобной конкретизации, вместо чего она делала акцент на единстве всех итальянцев.

Таким образом, особенностью этнокультурной самоидентификации в автодокументалистике А.С. Ниццоли и К.Т. ди Бельджойозо было то, что обе они, оказавшись в эмиграции, предпочли избрать Италию ориентиром своих мыслей – она чаще всего возникала в автобиографических текстах как центр притяжения, приближение к которому недоступно, но желанно. При этом понимание итальянской идентичности не было единообразным и менялось в зависимости от субъективного опыта каждой эмигрантки.

Также стоит полагать, что их идентичность задавала линию восприятия инокультурной среды Ближнего Востока по степени его дифференциации. Если в нарративе А.С. Ниццоли по аналогии с множественной региональной идентичностью итальянцев Ближний Восток распадается на части, внутренне разграничивается по регионам и городам, то отстаивание общеитальянской идентичности К.Т. ди Бельджойозо, по всей видимости, имеет связь с ее стремлением упорядочить этнорелигиозное многообразие Османской империи через критерий мусульманской идентичности.

Список литературы

1. *Белова А.В.* Женская дворянская повседневность в контексте гендерно чувствительной социальной истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 2 (8). С. 5–14.
2. *Arriaga Flórez M.* Memoria, racconto e autobiografia in Ricordi dall’esilio di Cristina Trivulzio di Belgiojoso // Scrittrici in esilio tra Ottocento e Novecento / a cura di S. Tatti, C. Lucameli. Macerata: Quodlibet, 2022. P. 67–76.
3. Lettere di C.T. di Belgiojoso a C. Jaubert. 1849–1850 // Ricordi dell’esilio / a cura di L. Severgnini. Rome: Edizioni Paoline, 1978. P. 23–188.

4. *Nizzoli A.S.* Memorie sull'Egitto e specialmente sui costumi delle donne orientali e gli harem scritte durante il suo soggiorno in quel paese (1819–1828). Milano: Tipografia e Libreria Pirotta e C., 1841. 398 p.
5. *Spackman B.* Detourism: Orienting Italy in Amalia Nizzoli's Memorie sull'Egitto // The Italianist. 2005. Vol. 25. Is. 1. P. 35–54.

Д.С. Спиридонова
Тверь, Тверской государственный университет

Эгодокументы Гертруды Белл как источник по истории повседневности британской подданной на Ближнем Востоке рубежа XIX–XX вв.

Жизнь Гертруды Маргарет Лоутиан Белл (14 июля 1868 – 12 июля 1926) представляет собой уникальный опыт для своего времени. В период активной фазы борьбы суфражисток за права женщин, она смогла не только получить высшее образование и участвовать в археологических экспедициях, но и получить официальную административную должность – Oriental Secretary – в британском правительстве подмандатного Ирака [6]. Столь необычный жизненный путь был обусловлен несколькими факторами, главные из которых – богатство и влияние, а также либерализм ее отца, баронета, члена парламента сэра Хью Белла.

После ее смерти многочисленная переписка, а также содержимое дневников было издано ее мачехой и сестрой, а в настоящее время оцифровано Университетом Ньюкасла (Newcastle University) как электронный архив Гертруды Белл. Учитывая экстраординарность жизненного пути данной личности, подобный источник является уникальным в своем роде и может исследоваться для изучения самых разных аспектов истории и антропологии.

В письмах своим близким она подробно излагает детали своих путешествий по всему миру (Гертруда Белл дважды совершала кругосветное путешествие (в 1897–1898 и в 1902–1903 гг.), а особенно по Ближнему Востоку, которым интересовалась. В данном источнике содержится информацию о ее взаимодействиях с местным населением, трудностях и особенностях ее коммуникации с ними. Вопреки опыту других путешественниц (таких как Мэри Монтегю, Мэри Кингсли, Кристина Бельджой-

озо и др.), которые активно взаимодействовали с женским населением и были погружены в частную внутрисемейную жизнь мусульман, Гертруда Белл была лишена подобного опыта. Зато она активно выстраивала социальные связи с мужским населением, заводила множество знакомств как с шейхами, так и с простыми бедуинами и детали их общения подробно описывала в своих письмах [5]. В них можно проследить путь выстраивания коммуникации представителей двух разных культур, мировоззрений, религий, а также необычный для того времени опыт взаимодействия британки с арабами-мужчинами [1].

В том, что касается описания повседневного быта в пустыне, Гертруда Белл также достаточно подробно останавливается на нем, описывая детали своих путешествий, но тем не менее, в соответствии с викторианскими нормами приличия, опускает табуированные темы (такие, как, например, практики во время менструации и проживания ею в течение длительного времени в исключительно мужском коллективе) [4]. Однако в ее письмах членам своей семьи можно найти достаточно смелые для своего времени описания забавных случаев, произошедших с ней (например, переодевания под открытым небом). Особый интерес представляет ее отношение к повседневному быту в подобных суровых условиях дикой природы; учитывая ее социальный статус и богатство ее семьи, он резко отличался от привычных для нее реалий. Тем не менее подобный контраст не отпугивал ее и не мог усмирить ее тягу к путешествиям.

Поскольку Гертруда Белл в период Первой мировой войны начинает активно сотрудничать с британской разведкой (в качестве эксперта по региону Ближнего Востока), а после ее окончания получит официальное звание и круг обязанностей, в ее письмах также содержится большое количество подробностей политических интриг своего времени. Вовлеченная в политику, она интересуется новостями из Европы и следит за ними, даже будучи за ее пределами, а в своих письмах откровенно высказывает свое мнение по тем или иным вопросам [3]. Также она зачастую комментирует трудности, с которыми столкнулось британское правительство при создании государства Ирак, формировании его административного аппарата, выборе кандидата на роль короля и т.п. По ее переписке возможно проследить, как менялся курс политики Британской империи в регионе и соб-

ственные взгляды Белл на специфику Месопотамии и ее населения, а также ее дальнейших перспектив развития [2]. Ее мнение подкреплено личной вовлеченностью в политические процессы и перекраивание карты Ближнего Востока после распада Османской империи, а также искренним интересом к культуре народов, населяющих данные территории, который она не скрывает в своих письмах.

Учитывая всю секретность своей деятельности и значимость государственных тайн, которыми она владела, Г. Белл не могла многие моменты высказывать в переписке. Это обуславливает еще одну характерную черту данного источника – самоцензуру. В некоторых сохранившихся ее письмах содержатся упоминания о дополнительных листах, которые она просит уничтожить после прочтения – очевидно, что информация, раскрывающаяся в них, была политически очень важной и секретной. Наличие у Г. Белл подобной информации еще раз подчеркивает ее значимость как политической фигуры. Также в период Первой мировой войны ее письма просматривались цензором, о чем Г. Белл откровенно писала, не скрывая своего раздражения. Данный фактор мог дополнительно удерживать ее от распространения адресату важной информации.

Тем не менее эти аспекты не повлияли на ее описание повседневности британской подданной на Ближнем Востоке. Подробное изложение распорядка ее дня, мелких бытовых трудностей, обретения ею собственного дома в Багдаде и сложностей, с которыми она сталкивалась, совмещая две роли: административной чиновницы и светской хозяйки – все это представляет собой уникальный опыт, который возможно изучить благодаря сохранившимся оцифрованным эгодокументам.

Список литературы

1. Letter from Gertrude Bell to her stepmother, Dame Florence Bell. 1914, 14 January / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-1-1-23-2 (дата обращения: 20.12.2023).
2. Letter from Gertrude Bell to W.M. Ramsay. 1918, 7 February / A collection of Gertrude's letters / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-3-2-7 (дата обращения: 20.12.2023).

3. Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 1924, 9 January / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: https:// gertrude-bell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-20-1 (дата обращения: 20.12.2023).
4. Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 1914, 19–27 January / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: https:// gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-10-11 (дата обращения: 20.12.2023).
5. Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 1920, 3 October / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: https:// gertrude-bell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-16-24 (дата обращения: 20.12.2023).
6. Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. 1920, 1 November / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: https:// gertrude-bell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-16-27 (дата обращения: 20.12.2023).

А.А. Новик
Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН;
Санкт-Петербургский государственный университет

«Бабы и деньги»: семейный бюджет, канун горцев и вызовы времени у албанцев Балкан

В исследовании в парадигме антропологии рассмотрен круг вопросов, связанных с лидерством в албанском обществе, имеющем мощные традиционалистские корни, в современных условиях. Подходы к решению экономических, политических, социальных проблем при решении универсальных жизненных ситуаций у албанцев на западе Балканского полуострова представляют собой чрезвычайно ценный опыт, требующий серьезного анализа. Глобальные изменения, стремительно происходящие в последние десятилетия в Албании, Косово, Северной Македонии, Черногории и других странах региона, демонстрируют чрезвычайно высокую активность и включенность женщин в общественную жизнь: даже те сообщества, которые традиционно считались и считаются патриархальными, начинают медленно трансформироваться перед лицом вызовов времени, к которым смело можно отнести унификацию хозяйственной деятельности, экономический детерминизм, диктат выгоды и навязывание внешних культурных стереотипов.

На Балканах женщины, традиционно занимавшиеся домашним хозяйством, в новых условиях нередко становятся един-

ственными кормильцами своих семей; художественные ремесла и промыслы, в которых заняты женщины, дававшие прежде исключительно прибавку к бюджету, в силу коммерциализации становятся порой главным источником доходов семейных кланов; в патриархальных семьях, где безусловным главой и авторитетом считается муж, отец, старший брат, семейной кассой нередко распоряжается женщина, что вызывает прямой вопрос: а кто же в доме хозяин? И наконец, усиливающаяся (или уже окончательно состоявшаяся и зафиксированная?) включенность в социальную жизнь приводит женщин в политические и властные структуры на локальном, региональном, национальном и глобальном уровнях. Все эти вопросы могут быть освещены с привлечением обширных эмпирических данных, собранных автором преимущественно в этнографическом поле.

А ты хочешь албанскую невесту? Это я тебе легко найду. Хотя… Ты знаешь, наши девушки уже не такие, как были еще пару десятилетий назад. Они теперь больше… interesaxhi [алб. ‘ищущие выгоду’], *для них деньги – главное. Теперь парню и жениться сложно, от него многое требуют: чтобы дом был, машина, зарплата. За иностранцев стремятся выйти замуж* (информантка-албанка, около 50 лет, из Тираны, работница прачечной в студенческом городке, запись сделана по-албански в сентябре 2019 г.) [2, с. 20].

Много столетий албанское общество жило по законам обычного права, которое сложилось в определенном завершенном виде в форме канунов к XVIII в. («Канун Лека Дукагьина» и «Канун Скандербега») [6]. Зафиксированные в устной форме правила были действенным средством регулирования общественной и хозяйственной жизни, административного устройства и судебных разбирательств. Пошатнуть авторитет «законов горцев» не смогли ни византийские правители, ни османские завоеватели, ни королевские циркуляры независимой Албании, а искоренить полностью не сумели даже всесильные партийные кадры эпохи строительства социализма с их жесткой репрессивной системой. Так, согласно «Кануну Лека Дукагьина», владельцами недвижимости, земельных участков и водных ресурсов являлись исключительно мужчины. Именно эти правила привели к зарождению социального института, когда некоторые женщины из семей, в которых не оставалось

мужчин, объявляли себя *виргьерешами*, sing. *virgjëresh/ë, -a* (алб. ‘девственница по клятве’), отказываясь от замужества и одновременно начиная исполнять гендерную роль мужчины, что позволяло сохранять семейную собственность, участвовать в общественной жизни села и *краины* (историко-этнографической области), принимать ответственные решения и – главное – быть главой семьи и рода [4]. Стоит отметить, что такой гендерный выбор порой делали также девушки, не желавшие выходить замуж за конкретного молодого человека. Отказ в ходе сватовства мог прямо привести к кровной мести между семьями, а переход несостоявшейся невесты в статус *виргьерешu* автоматически снимал все потенциальные претензии и притязания со стороны семьи неудавшегося жениха. В течение XX в. данный социальный институт стал изживать себя. В наши дни на западе Балканского полуострова насчитывается около десятка открыто позиционирующих себя *виргьереш*, и все они весьма преклонного возраста.

Сохранение до настоящего времени в горных районах отдельных законов обычного права (включая кровную месть), многочисленных пережитков и пр. не гарантирует патриархальности жизненного уклада (как это было еще несколько десятилетий назад) [см.: 8]. Стремительно распространяющиеся инновации охватывают под действием процессов глобализации даже те сферы жизни людей, которые раньше казались незыблемыми и не подверженными рискам инородного вмешательства: в первую очередь речь идет об экономической деятельности и семейном бюджете [ср.: 7]. В годы строительства социализма в Албании и бывшей Югославии молодые албанки в сельской, особенно горной, глубинке могли вообще не иметь доступа к финансовым ресурсам: деньгами распоряжались их отцы, мужья, старшие братья. Даже в том случае, если горянки в Албании работали – согласно обязательным для всех законам – в сельскохозяйственном кооперативе, то их зарплата часто оказывалась в «кубышке» мужа, оставляя женщине возможность тратить лишь незначительные суммы из карманных денег на личные нужды или семейные потребности по собственному усмотрению. Кардинальный слом такого положения вещей произошел не по приказу сверху или из-за редукции «законов горцев», а главным образом по причине массовой миграции албанцев за

рубеж в начале 1990-х годов. Рухнувшая система доморощенного социализма привела к коллапсу не только экономическому и политическому, но и социальному. Уехавшие из сельской глубинки на временные заработки либо навсегда мужчины разных возрастов стали присылать из-за границы или столичного региона Албании своим женам и матерям деньги. И именно женщины теперь стали вести хозяйственные дела, распоряжаться имуществом, решать, где, как, за сколько и чему учить детей, открывать мелкие предприятия торговли и общепита, вести бизнес и влиять на политику регионов. Схожая ситуация фиксируется по всем территориям, на которых проживают албанцы Балкан: в Албании, Косово, Северной Македонии, Черногории и других соседних странах. Однако именно для Албании характерен наиболее очевидный слом привычной парадигмы распределения ролей добытчика, распределителя и «иждивенца», консуматора. Самый важный факт – стирание границы между городским и сельским населением. *Знаешь, здесь все парни работают за небольшие деньги. И каждый из них отдает зарплату маме. Получил 200 евро за месяц, отдал маме 150 – ведь она ведет хозяйство, покупает продукты, готовит. А себе оставил 50 евро на месяц – так и живет. Для них мама – распорядитель семейного бюджета* (информант-американец, около 50 лет, работает топ-менеджером в сетевом отеле, запись сделана по-английски в сентябре 2003 г.) [1, с. 16].

Распространение новой идеологии в семейной экономике и перераспределение социальных ролей коррелируют с официальной политикой государств на Западных Балканах, стремящихся стать членами Европейского Союза и частью западного мира [ср.: 5]. Квоты на представленность женщин в различных структурах госуправления, местных администраций и прочих организаций правительства Албании, Косово и других стран стараются неукоснительно соблюдать, чтобы выглядеть благополучными в глазах еврочиновников. Все эти факторы напрямую влияют на ситуацию в обществе.

У нас теперь женщины заправляют. Одна была президентом Косово, теперь другая. На всех высоких должностях теперь есть женщины. Многие из них очень способные, справляются лучше мужиков. Но… бабы и деньги, бабы и власть – гремучая смесь и

страшная сила (информант – албанец Косово, около 50 лет, бизнесмен, запись сделана по-албански в августе 2022 г.) [3, с. 36].

Список литературы

1. Полевые материалы автора. 2003. Албания, г. Тирана. Расшифровки записей интервью.
2. Полевые материалы автора. 2019. Албания, г. Тирана. Расшифровки записей интервью.
3. *Новик А.А.* Балканская экспедиция – 2022. Этнолингвистические исследования на Балканах. Полевая тетрадь. Автограф 29.07.2022–17.08.2022; 28.08.2022–25.09.2022 // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. Вр. б/н. 98 л.
4. *Новик А.А.* Виргъереши – девственницы Северо-Албанских Альп как феномен социальной структуры традиционного общества // Феномен социализации в этнической культуре: Материалы Одиннадцатых Санкт-Петербургских этнографических чтений / отв. науч. ред. В.М. Грусман, Е.Е. Герасименко. СПб.: Российский этнографический музей, Издательство ИПЦ СПГУТД, 2012. С. 72–79.
5. *Новик А.А.* Полевые исследования на Западных Балканах: пол, гендер, эротизм // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении. Материалы XVI Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Кострома, 5–8 окт. 2023 г. / отв. ред. Н.Л. Пушкарёва; сост. А.И. Громова, А.В. Жидченко: в 2-х ч. М.: ИЭА РАН, 2023. Ч. 2. С. 69–72.
6. *Gjeçovi S., Fox L.* (red.) Kanuni i Lekë Dukagjinit. N. Y.: Gjonlekaj Pub. Co., 1989. 269 f.
7. *Gjergji A.* Mënyra e jetesës në shekujt XIII–XX. Përmbledje studimesh. Tiranë: KOTTI, 2002. 377 f.
8. *Tirta M.* Etnologjia e shqiptarëve. Tiranë: GEER, 2006. 540 f.

Л.С. Гущян
Санкт-Петербург, Российский этнографический музей
В.В. Федченко
Париж, Университет Сорбонна

Открывая модерн: Калиопи Кехая и Варвара Кананян в истории школьного образования второй половины XIX – начала XX в.

При рассмотрении панорамы школьного образования во второй половине XIX – начале XX в. выявляются две яркие фигуры – гречанки Калиопи Кехая и армянки Варвары Кананян, деятель-

ность которых демонстрирует смену эпох и переход традиционной роли женщины от формата домашнего воспитания детей к организации и реализации институализированного образования.

Немногочисленные источники биографического и историографического характера, а также беглые упоминания о двух выдающихся представительницах эпохи в различных исследовательских или научно-популярных текстах позволяют не только очертить их образы, но и отметить значение их наследия для последующих поколений. В нашем сообщении также использованы публикации за авторством Калиопи Кехая, а также нарративы о Варваре Кананян, сохранившиеся в памяти локального армянского сообщества вплоть до настоящего времени.

Обращение к деятельности и наследию представительниц греческой и армянской интеллектуальных элит продиктовано в первую очередь видимой недооцененностью их роли в формировании «нового образования». Особенно это важно потому, что как в греческой, так и в армянской среде значение образования и интеллектуальные штудии традиционно имели высокий статус. Однако анализируя историю научной и связанной с ней образовательной деятельности в формате указанных обществ, исследователи акцентируют внимание в первую очередь на мужском обучении и преподавании. Более того, для женской биографии второй половины XIX – начала XX в. редко используются такие категории, как «интеллектуальные занятия» или «карьера». Не имея базового научного обсуждения, феномен деятельности женщин – создательниц и руководительниц школ оказался также мало востребованным в качестве культурного ресурса греческого и армянского сообществ.

Между тем анализ наследия, в частности, Калиопи Кехая (1839–1905) демонстрирует ее стремительный карьерный рост от статуса учительницы английского языка до директора школы. Девочка родилась в буржуазной семье в Прусе (ныне – Бурса) в Османской империи, в 11 лет ее родители переехали в Афины, где она училась в частной школе Hill Skool, созданной американскими миссионерами еще в 1831 г. В эту постреволюционную эпоху Афины, лежавшие в руинах, только начинали приобретать свой новый политический статус столицы.

Выбрав в качестве своей жизненной стратегии профессиональное развитие, что предполагало отказ от замужества и собственной семьи, Калиопи Кехая продолжила свое педагогиче-

ской образование в Лондоне, в колледже для девочек Ladies College. Получив диплом, в 1858 г. молодая учительница была приглашена к преподаванию английского языка в афинской школе, в которой училась. Затем, сдав сложнейшие экзамены в Министерстве церковного и общественного образования, заняла должность заместителя директора школы. Уже через 6 лет, после путешествия по Европе, где она преподавала юным гречанкам, она стала директором этого учебного заведения, которое занималось воспитанием и образованием девочек от детского сада до высшей школы. Кроме административных функций, в ее обязанности входило также создание образовательных программ, ориентирующих учебное направление школы.

В 1875 г. Калиопи Кехая была приглашена в Константинополь (ныне – Стамбул) на должность директора Ζάππειο Παρθεναγωγείο Κωνσταντινουπόλεως – элитной, самой старой из престижных школ для девочек в греческом мире. Директор школы сочетала административную деятельность с общественной, пытаясь влиять на актуальную повестку в области прав женщин, в первую очередь в сфере образования. Ее перу принадлежат также труды философского характера, в которых она рассуждает о социальном предназначении женщины и расширении ее ролей.

В отличие от источников о Калиопи Кехая, сведения о Варваре Кананян весьма скудны и связаны в первую очередь с личностью ее супруга Геворга Кананяна (1836–1897) – преподавателя истории в Московском университете и Лазаревском институте восточных языков, где он получил должность ректора (1881–1897). Роль Г.И. Кананяна значима не только с точки зрения преподавания в высшей школе – им совместно с Рафаэлом Патканяном было создано литературное товарищество «Гамар-Катипа», целью которого стала работа над новым литературным армянским языком. В рамках данной задачи были изданы сборники стихов и песен для детей младшего возраста, что демонстрирует круг интересов Г. Кананяна, расширяющийся вплоть до младшего школьного образования и воспитания.

Отражая значимость фигуры Г. Кананяна как организатора науки и обучения, в работах, посвященных истории армянского образования, ему приписывается также создание «Школы Геворга Кананяна» в армянской Новой Джульфе, близ г. Исфахана

в Иране. Между тем создателем и первым директором данного учебного заведения является вдова Г. Кананяна Варвара. Именно здесь, в иранском городе, фигура супруга вытесняется образом Варвары, сформированным и хранящимся в локальной армянской среде, направляющей интерес исследователя эмоциональными рассказами о «гранд даме» начала XX в.

Биографические сведения о Варваре Овнанян (Анановой) весьма скудны. Известно, что она родилась в Тифлисе в состоятельной семье и получила прекрасное домашнее образование. В середине XIX в. семья переехала в Москву, однако именно в Тифлисе в память об умершей жене Марии Ованнес Овнанян создает армянскую школу для девочек «Мариам-Овнанян», ставшую одним из элитных учебных заведений города. В Москве юная Варвара вышла замуж за Агаси (Николая) Акимяна и в 1869 г. родила дочь Марию. Вскоре Варвара становится хозяйкой салона, в котором собираются московские и петербургские интеллектуалы, благодаря чему входит в круг наиболее влиятельных армянских женщин двух столиц. Овдовев, в 1878 г. Варвара вышла замуж за Г. Кананяна, который ввел ее в преподавательскую среду одного из известнейших учебных заведений города.

Осознавая значимость не только высшей школы, но и армянского младшего и среднего образования, особенно в диаспоральной среде, Г. Кананян выделил в своем завещании ряд пунктов, позволявших не только создать образовательную институцию, но и построить здание школы. Через несколько лет после смерти супруга, в 1901 г., Варвара начинает работу над строительством первой общей (для мальчиков и девочек) школы в Новой Джульфе, причем все оборудование и даже строительные материалы были выписаны ею из Москвы и Санкт-Петербурга.

В 1905 г. под руководством Варвары Кананян была открыта школа, преподавание в которой велось на армянском языке по новейшим методам с использованием пособий, включающих не только географические, анатомические и другие карты, приборы для химических и физических опытов, но и слайды для уроков истории, биологии, астрономии. Школа, которую в армянской общине называют «школа Варвары Кананян», просуществовала до 2010 г. и была закрыта из-за сокращения числа учеников и

аварийного состояния здания, однако образ ее создательницы остается одним из значимых в формировании локальной армянской идентичности.

Осознавая значимость фигуры Варвары Кананян, в поисках созданных ею связей между странами и культурами мы обнаружили еще одну линию – историю портрета ее дочери Марии от первого брака, которая была принята художественной средой двух столиц. Портрет был написан другом М. Акимовой В. Серовым в 1908 г. и передан ее матерью в Национальную галерею Армении в 1929 г.

Итак, во второй половине XIX в. в греческом и армянском урбанизированных сообществах формируется культурно-профессиональный бэкграунд, генерирующий деятельных интеллектуалок, востребованных обществом в связи с изменением представлений об уровне женской образованности. Особенностью эпохи, что демонстрирует жизненный путь руководительниц школ, является возможность транснациональной педагогической практики, непосредственно связанной с запросами сообщества на новый уровень образования и места женщины в обществе в целом. Между тем социальные статусы самих руководительниц в указанную эпоху продолжают оставаться в границах дозволенного, известных в традиционном обществе, когда самостоятельная общественная или профессиональная деятельность возможны лишь для незамужней девицы или для вдовы, т.е. тех, кто в доиндустриальном сообществе находится в маргинальном положении.

Г.П. Пилипенко
Москва, Институт славяноведения РАН

Словенки в экономической жизни Триеста первой половины XX в.

В докладе будет обсуждаться наследие и роль женщин – представительниц миноритарного словенского сообщества в экономической жизни преимущественно италофонного города Триеста в первой половине XX в. Именно женщины транслировали словенскую материальную культуру в урбанной среде Триеста, участвуя в торговле, предоставляя услуги по уборке дома,

стирке и починке одежды, присматривая за детьми. Эти практики отразились в языке жителей Триеста.

Триест и окрестности принадлежат к зоне итальянско-словенского этнического пограничья, здесь проходит западная граница славянского мира с романским. Как правило, приморские города были преимущественно заселены романским населением, а окрестные села – славянами. В первой половине XX в. Триест неоднократно менял свою государственную принадлежность: Австро-Венгрия, Италия, зона оккупации союзников. После Второй мировой войны часть соседних с Триестом сел отошла Югославии, граница разделила некогда единый ареал. В обрисованном политико-историческом контексте роль словенских женщин (родом из ближайших сел и соседнего региона Истрия) в экономической сфере была чрезвычайна важна, поскольку они явились проводником традиционной материальной культуры в городскую среду. Участие словенок в экономической деятельности нашло отражение в языке жителей Триеста, триестинском диалекте итальянского языка и в местном диалекте словенского языка. На примере наиболее распространенных лексем мы покажем значимость женских занятий и связанных с ними практик для языкового сознания жителей Триеста, что составляет неотъемлемую часть их локальной идентичности.

Материалом для изучения послужили полевые исследования автора, экспедиции проводились в провинции Триест (Фриули-Венеция-Джулия, Италия) с 2013 по 2022 г. со словенцами, проживающими как в самом городе, так и в соседних населенных пунктах (Сан-Дорлиго-делла-Валле, Ауризина, Каредзана). Работа проводилась как с представителями старшего поколения, которые сами некогда участвовали в обсуждаемой экономической деятельности, так и с более молодым поколением информантов.

Женщины из ближайших к Триесту сел ходили на городской рынок продавать овощи, зелень, фрукты, яйца, продукты домашнего хозяйства, рыбу; разносили по домам своих клиентов молочные продукты; брали у горожан вещи для стирки [1, с. 169]. Тем самым они увеличивали доходность своих домохозяйств, могли откладывать деньги в том числе и на собственные нужды. Основным местом реализации сельскохозяйственной продукции был рынок в Триесте (на улице Кардуччи).

Из женских профессий, которые были распространены в Триесте в первой половине XX в., в нарративах наших информантов чаще всего упоминаются молочницы (*mliékarca*/*mliekaríca*), прачки (*periса*) (*lavandjera* [1, с. 171]; ср. ит. *lavandaia* ‘прачка’), женщины, разносившие хлеб (*krúšawca*), женщины, разносившие рыбу (*peškadórka*) (ср. ит. *pescatore* ‘рыбак’). Лексема *mlecherza, mlecarza* проникла в итальянский диалект Триеста из словенских говоров (о чем может свидетельствовать форма без гласного *i* в суффиксе *-ica-*, распространенная в диалекте) и обозначала женщину, разносившую молоко. Сегодня, однако, она мало употребительна и используется в говоре Триеста только в шутку [2, с. 137]. Молодых женщин, приносивших в город молоко или другие продукты, триестинцы называли *Juza*, сокращенное уменьшительно-ласкательное от славянских имен *Jovana* или *Marijuca* (пожилые торговки чаще всего именовались *baba*, лексема также проникла в итальянский говор Триеста) [3, с. 431]. Эти лексемы использовались в частности для того, чтобы пугать непослушных детей. Так, говорили, что придет *Juza* и заберет балующегося ребенка [1, с. 170]. Из наименований женских занятий в Триесте, заимствованных из словенского языка в местный триестинский диалект, следует упомянуть также *peca* (женщина-пекарь), *pèstrna* (няня) [2, с. 137].

Экономическая деятельность женщин из соседних с Триестом словенских сел является своеобразным феноменом, подчеркивающим связь италофонной городской среды со славянофонными окраинами. По признанию наших собеседников, благодаря экономическим связям происходило знакомство Триеста с традиционной культурой своих славянских соседей, прежде всего с их кухней, продуктами питания. Установление границы между Италией и Югославией прерывает связи Триеста с селами, оставшимися на югославской стороне. Свидетельством социально-экономических контактов является лексика, которая фиксируется в местных вариантах как итальянского, так и словенского языка. Данная лексика является одновременно и женским наследием, возникшим и развивавшимся благодаря их экономической деятельности, и маркером идентичности горожанина Триеста, поскольку функционирует она только в рассматриваемой местности.

Список литературы

1. *Marc Bratina K.* Jezikovna podoba Slovenske Istre. Kulturna semantika slikovitega v slovenskoistrskem narečju. Koper: Univerza na Primorskem, ZRS, Annales, 2014. 266 s.
2. *Skubic M.* Ai margini di una pubblicazione importante: Mario Doria, Grande dizionario del dialetto triestino: storico, etimologico, fraseologico, edizioni «Il Meridiano», Trieste 1987 // Linguistica. 2015. Vol. 28. № 1. P. 133–139.
3. *Deželjin V.* Reflexes of the Habsburg empire multilingualism in some Triestine literary texts // Jezikoslovlje. 2012. Vol. 13. № 2. P. 419–437.

М.М. Рыжова
Санкт-Петербург, независимый исследователь

Сохранение семейных традиций в контексте формирования этнокультурной идентичности (на примере деятельности Войки Паунович, с. Шипиково общины Заечар, восточная Сербия)

Доклад посвящен проблеме наследования семейных традиций, их взаимодействия с традиционной культурой общества, а также роли женщины в сохранении и репрезентации этнокультурной идентичности.

Доклад основан на полевых материалах [1], которые были собраны в ходе этнографических экспедиций в восточную Сербию, места компактного проживания румыноязычного населения, сформировавшего и сохраняющего свою этнокультурную идентичность. Большинство представителей романоязычного населения восточной Сербии называют себя «влахами» [см.: 3].

В селе, в котором мы останавливались в ходе своих экспедиций, а именно с. Шипиково общины Заечар, одной из наших информанток, которая с удовольствием делилась с нами информацией, помогала во всем, приглашала неоднократно в гости, была Войка Паунович[1].

[1] Информант Войка (Войкица) Паунович (серб. *Војки́ца Пау́новић*, влашск. *Vóica a lu Paún*), 1957 г.р., местная, образование среднее специальное, работала в мэрии г. Заечар, в настоящее время на пенсии).

В с. Шипиково, где проживает, по данным переписи населения 2022 г. всего 202 человека [6] (что существенно ниже, чем по данным переписи населения 1991 г., когда в селе проживало 579 человек), несмотря на отток населения, фиксируется поддержание и трансляция этнокультурной идентичности. Многие жители этого села, в котором сохраняются традиции отмечания сельских праздников, календарной и семейной обрядности, противостоят вызовам современной культуры, процессам глобализации и аккультурации. В с. Шипиково нами было отмечено стремление жителей села сохранять и передавать информацию о традициях, обрядах, ритуалах, бытующих во влашском этническом сообществе. Мы собрали этнографический фольклорный материал (заговоры, песни, легенды) у десяти жителей этого села, двое из которых являются собирателями старинных предметов быта влахов. Войка Паунович является одним из таких собирателей.

Личность Войки Паунович привлекла нас тем, что ей удается сохранять и транслировать позитивную этническую идентичность. Как житель села, Войка владеет домом и приусадебным хозяйством, имеет во владении участки с виноградниками. Много лет Войка одна ухаживала за пожилыми родителями. В интервью она поделилась с нами, что переживает отсутствие детей и утрату родителей.

Сохранение семейных традиций

Войка Паунович соблюдает праздники, традиционно отмечаемые как в семье, так и во влашском сообществе, однако эти праздники неизменно связаны с домом: так, например, ежегодно, даже после ухода родителей, наш информант продолжает отмечать «праздник дома» (*práznicu căș̕ii*), посвященный святому покровителю жилища. Обычай отмечать этот праздник встречается и на территории Румынии, распространен в Сербии, Болгарии и Северной Македонии[2] [2, с. 125]. В с. Шипиково и близлежащих влашских селах распространено приурочение «праздников дома» ко дню св. Николая (Sti Nicóla) – 19 декабря, св. Параскевы (Vinerea Mare, букв. ‘Великая Пятница’) – 28 ок-

[2] Сербская *слава* была внесена в 2014 г. в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.

тября, св. Димитрия (Sămedru) – 8 ноября, св. архангелов Михаила и Гавриила (Steranghel) – 21 ноября [см.: 5].

По словам Войки Паунович, святым покровителем ее семьи и дома является св. Николай, поэтому в их семье этот праздник отмечается 19 декабря. Те, чей «праздник дома» приурочен ко дню св. Николая, приглашают гостей и готовят традиционные блюда: в качестве основного праздничного блюда на праздник готовится рыба, для трапезы вечером накануне праздника пекут или заказывают калачи. Утром 19 декабря в дом обычно приходит священник и освящает калач и коливо, которое также готовят на праздник.

Еще одним примером праздничной традиции, сохраняемой в доме Войки Паунович, является обычай под названием Moáşile («повитухи»), приуроченный ко дню св. Василия, который отмечается 14 января. Во влашских семьях до сих пор сохраняется обычай выбирать из ближайшего окружения для ребенка не только крестных, но и повитуху (несмотря на то, что современные роды проходят, как правило, в родильных домах). В этот день также готовят специальные блюда, которые становятся даром для повитух, к которым семьи с маленькими детьми ходят в этот день в гости. Повитуха (moaşa) принимает подарки и обязательно приподнимает ребенка вверх, это действие называется *a se ardica copil la grindă* ‘поднимать ребенка к балке’. На голову ребенка перед этим водружают специально испеченный для этого калач, на который по кругу кладутся монеты, могут прикрепить также бумажные купюры [2, с. 128–129]. Этот обычай также сохранялся в семье Войки Паунович и до недавнего времени Войка принимала у себя семьи своих «крестников».

Войка хранит семейные реликвии, для которых она выделила комнату в своем доме, превратив ее в своеобразный музей. Здесь можно найти вещи, принадлежавшие ее отцу и матери, фотографии родных и коллег из фольклорного ансамбля, в котором она участвовала. Большая часть фотографий 1980–1990-х годов имеет этнографическое содержание: на них запечатлены моменты семейных праздников, повседневной жизни села и семьи, примеры традиционной повседневной и праздничной одежды, элементы традиционного жилища.

Заключение

Семья является одним из важнейших социальных институтов, способствующих сохранению этнокультурной идентичности [4, с. 324]. Воспитанный в традициях своей семьи, человек транслирует ценности этнической культуры за пределы своей этнической группы. На примере Войки Паунович можно увидеть, как творческий потенциал одной женщины, стремление не только сохранить информацию о традиционных культурных ценностях, но и поделиться ей способствует их восприятию людьми не только вне конкретной семьи, но и вне этнического сообщества.

Список литературы

1. Полевые материалы автора. Г. Заечар, с. Шипиково, Гамзиград, Грлян, Шливар общины Заечар Заечарского округа, г. Неготин, с. Ябуковац общины Неготин Борского округа (Сербия). 2019–2021.
2. *Голант Н.Г., Рыжова М.М.* Традиционные блюда декабрьских и январских праздников у романоязычного населения долины реки Тимок (по материалам экспедиции 2021 г. в Восточную Сербию) // Кунсткамера. 2021. № 3 (13). С. 123–132.
3. *Голант Н.Г., Рыжова М.М.* Влашские говоры и языковая ситуация в маргинальном дакорумынском ареале восточной Сербии // Язык как ресурс идентичности в Европе: антропологическое исследование / под ред. М.Ю. Мартыновой. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 321–354.
4. *Панфилова Ю.С.* Семья как институт сохранения и трансляции ценностей традиционной этнической культуры // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 11. С. 324–331.
5. *Golant N., Rîjova M.* Les roumanophones de l’est de la Serbie et l’Église orthodoxe roumaine // Minorités réligieuses dans le Sud-Est européen. Actes de la session organisée dans le cadre du XIIe Congrès international d’études sud-est européennes (Bucarest, 2–6 septembre 2019) / Volume édité par M. Vârtejanu-Joubert. Brăila: Editura Istros a Muzeului Brăilei Carol I, 2020. P. 81–92.
6. Serbia: Zaječar District // City Population. URL: https://www. citypopulation. de/en/serbia/zajecar/ (дата обращения: 18.06.2024).

Е.С. Узенёва, К.А. Климова
Москва, Институт славяноведения РАН

Женщина у помаков Греции: традиционное культурное наследие в меняющемся мире

Доклад основан на полевых материалах 2018–2023 гг. и посвящен описанию современных социальных ролей женщин этнической группы помаков, проживающих в обл. Ксанти в Греции, в частности трансформации традиционных ролей матери и домохозяйки, обусловленной культурно-историческими, экономическими факторами и явлением глобализации.

Помаки являются славянами-мусульманами, потомками болгарских христиан, которые обратились в ислам во время османского владычества. Они проживают преимущественно в горном регионе Родоп, расположенном в Болгарии и Греции, часть населения эмигрировала в Турцию. Это миноритарная этноязыковая и культурно-конфессиональная группа, проживающая в иноконфессиональном, инокультурном и иноязычном окружении. По данным МИДа Греции на 1991 г., их численность составляет 4300 человек, греческие помаки проживают преимущественно в регионах Ксанти (63,8%), Родопи (30,6%) и Эвроса (5,6%); по неофициальным данным – около 30 000 человек.

Помаки Греции обладают множественной идентичностью. Так, в процессе интервью они называли себя гражданами Греции (гражданство), македонцами или фракийцами (регион страны), турками (поскольку используют турецкий язык в повседневном общении), мусульманами и более конкретно – суннитами (конфессия) и, конечно, помаками (славяноязычные мусульмане, славянофоны и пр.).

У помаков Ксанти в процессе повседневной коммуникации можно наблюдать использование трех разных языков: помакского (диалекта болгарского), греческого и турецкого. В силу своего мусульманского образования многие помаки частично знают арабский язык (суры Корана). Это многоязычие обусловлено сложной этнолингвистической ситуацией в регионе их проживания, о которой много писали отечественные и зарубежные ученые [1; 2; 3; 4; 5 и др.]. Ситуация осложняется с каждым годом, поскольку помакский язык/диалект не изучается в местных школах, преподавание в начальной школе по решению греческих властей

ведется на турецком языке, а в средней и старшей школе, куда дети вынуждены ездить учиться в город Ксанти, – на греческом языке. До начала 1990-х годов население помакских сел было ограничено в передвижении и получении высшего образования, поэтому в селах сохранился традиционный уклад жизни.

Первые российские научные этнолингвистические экспедиции к помакам Греции, организованные Е.С. Узенёвой (в.н.с. ИСл РАН) и К.А. Климовой (н.с. ИСл РАН), состоялись в 2018 и 2019 г., затем они продолжились в 2023 г. В 2018 г. были обследованы шесть сел обл. Ксанти в северной Греции (с. Термес, Демерджик, Котили, Главки, Пулево, Долап). Всего было опрошено 15 информантов в возрасте от 18 до 66 лет, без образования и с высшим образованием, и получено десять часов аудиозаписей. В 2019 г. мы посетили девять сел обл. Ксанти и Комотини в Северной Греции (с. Симандра, Термес, Пахни, Котани, Просили, Микки, Эхинос, Алма, Меливие) и г. Златоград в Болгарии. Интервью были записаны от 20 информантов в возрасте от 18 до 80 лет, без образования и с высшим образованием, получено 15 часов аудиозаписей. В 2023 г. экспедиции прошли в двух селах (Мики и Просили) в обл. Ксанти в Северной Греции, также были проведены интервью с представителями с. Пахни, с. Котили (обл. Ксанти) и с. Аджурен (обл. Комотини). Беседы были осуществлены с 21 информантом в возрасте от 13 до 85 лет, без образования и с высшим образованием (сделано 13 часов аудиозаписей). Основной целью исследования были сбор и анализ лексики и терминологии традиционной народной духовной культуры (календарных и семейных обрядов, демонологии и пр.), однако в процессе полевой работы нами были зафиксированы также данные о современных ролях женщины в помакском обществе, положение которой, с одной стороны, представляется крайне традиционным, закрытым и консервативным, а с другой стороны, постоянно меняется в современных условиях глобализованного мира.

Одним из ярких примеров современной эмансипированной женщины является известная в помакской общине певица и общественный деятель Эмине Бурудзи, которая стала одной из первых женщин, решившихся на развод и переезд с тремя деться из села в г. Ксанти, где она устроилась на работу, получила среднее образование, стала сама обеспечивать свою семью, параллельно развивая тему культурного помакского наследия (совместно с

единомышленниками создала музей традиционной помакской культуры, записала несколько дисков с помакскими традиционными песнями, а ныне возглавляет местное помакское сообщество региона Ксанти). Другим характерным случаем может служить судьба нашей информантки из с. Мики Бенгюль Бурбун, получившей высшее образование в Афинах (отделение греческой филологии философского факультета Афинского университета им. Каподистрии) и вернувшейся в родное село, чтобы преподавать в школе. Члены семьи Бенгюль, будучи знатоками традиционной культуры, не только сохраняют старинный уклад жизни, но и создали семейное предприятие по изготовлению предметов традиционного быта (народного костюма, платков, передников, скатертей), которые используются для формирования приданого и проведения традиционных праздников (свадеб, похорон и ритуалов календарного цикла), а также для повседневного ношения.

Третьим кейсом стало созданное несколько лет назад в г. Ксанти женское предприятие Pleteno, занимающееся изготовлением вязаных и плетеных предметов одежды и аксессуаров: сумок, кошельков, шапок, ковриков, платков и пр. На предприятии работают женщины из разных помакских сел, которые таким образом выходят за рамки традиционных гендерных ролей матери и домохозяйки, предписываемых помакской культурой, социализируясь и интегрируясь в современное греческое общество.

В среде помаков Северной Греции доминируют две основные тенденции: секуляризация и реисламизация; движение «на Запад» и движение «на Восток» в этнокультурном и языковом отношении (ориентация на европейское государство Греция и исламское государство Турция). Женское традиционное культурное наследие помаков в современном меняющемся мире отражает эти же тенденции.

Список литературы

1. *Климова К.А., Узенёва Е.С.* Language policy and language situation in dynamics: Pomaks of Northern Greece // Вестник славянских культур. Т. 66. № 4. 2022. P. 149–160.
2. *Узенёва Е.С.* К вопросу о культурно-языковой идентичности славян-мусульман северной Греции // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности: Этнокультурная и этноязыковая ситуация: Языковой менеджмент: Языковая политика. Кн. III. М.: ЯСК, 2017. С 243–259.

3. *Adamou E.* Social networks in Greek Thrace: Language shift and language maintenance // Balkan Encounters – Old and New Identities in South-Eastern Europe / ed. by J. Lindstedt, M. Wahlström. Helsinki: University of Helsinki, Department of Modern Languages. 2012. P. 7–32. (Slavica Helsingiensia. No. 41).
4. *Michail D.* Educational Disadvantage, Trilinguism and Social Change: The Pomaks of Greek Thrace. PhD Thesis. London School of Economics and Political Science, London, 2003. 517 p.
5. *Varvounis M.* Historical and Ethnological influences on the traditional civilization of Pomaks of the Greek Thrace // Balcanica. 2003. Vol. 34. P. 268–283.

Т.И. Пищева
Москва, Московский государственный институт международных отношений

«Госпожа греческой печати»: женский опыт в журналистике и издательском бизнесе на примере жизни и творчества Элени Влаху

Данная работа посвящена греческой журналистке и издательнице Элени Влаху – фигуре уже практически легендарной, несмотря на то что ее жизнь и творчество относятся к современному периоду истории. Она принадлежит к числу людей, опередивших свое время, и на это существуют две причины. Во-первых, она добилась успеха в журналистике в историческую эпоху, когда большинство журналистов были мужчинами (особенно это верно для традиционно патриархальной Греции). Во-вторых, своей целью она видела свободную журналистику: она боролась за демократические основы общества и свободу слова. Важность ее фигуры для Греции сложно переоценить. Об этом говорит прозвище, единогласно присвоенное ей греческой прессой – «Госпожа греческой печати».

Всю свою жизнь она посвятила журналистике и издательской деятельности. 36 лет Влаху провела на посту главного редактора газеты «Катимерини́», которая является одной из старейших и самых влиятельных газет Греции. «Катимерини» была основана Георгиосом Влахосом, отцом Элени, в 1919 г. Влаху начала работать в качестве журналистки под руководством отца уже в 1935 г., в возрасте 24 лет, когда были опубликованы ее первые

статьи. На посту главного редактора и владельца газеты она скорее играла роль продолжателя традиций, чем реформатора.

Демонстрируя свои консервативные взгляды, она почти не внесла никаких изменений в структуру и тематику «Катимерини» после того, как газета перешла к ней по наследству. Однако газета за годы ее руководства не только успешно преодолевала экономические трудности, но и укрепила свои позиции как одно из самых качественных, уважаемых и надежных СМИ. Современная греческая журналистика немыслима без «Катимерини».

Как новатор Элени Влаху проявила себя при реализации своих собственных проектов. Талант издателя и знания об интересах современной публики она применила, издавая газету «Месимврини» и журнал «Иконес». «Иконес» (что в переводе значит «картинки» или «фотографии») начал выходить в 1955 г. Он стал первым иллюстрированным журналом Греции – при его издании впервые в Греции была использована технология четырехцветной печати. Первый номер газеты «Месимврини» вышел в 1961 г. Это была одна из первых вечерних газет Греции. Ее первым (и единственным вплоть до прихода к власти хунты) редактором была сама Элени Влаху. Газету «Месимврини» можно кратко охарактеризовать так: это «Катимерини», если бы ее создавала Элени Влаху, а не Георгиос Влахос. В «Месимврини» она исправила все те недостатки, которые видела в детище отца: сумбурная верстка, чересчур серьезное содержание, политическая однонаправленность. Менее серьезный характер некоторых статей, публикация наряду с аналитическими развлекательных материалов, большое количество иллюстраций позволяет причислить «Месимврини» к ранним образцам лайфстайл-журналистики Греции.

«Иконес» и «Месимврини» – по-настоящему инновационные проекты, которые отвечали социальным и культурным потребностям греческого общества. Можно выделить две особенности, которые сделали их такими популярными: это, прежде всего, баланс между серьезными и развлекательными материалами, а также внедрение технических новшеств.

Книжное издательство «Галаксиас», основанное Элени Влаху, также сыграло большую роль в просвещении греков. Необходимо заметить, что если периодические издания Влаху были направлены на состоятельную аудиторию, то «Галаксиас», наоборот, ставил своей целью сделать литературу доступной для

всех. Главной инновацией, введенной Элени Влаху, был сам формат книги: мягкая обложка и небольшой размер (формат pocket book) позволяли брать книги с собой в путешествия, продавать их не только в книжных магазинах, но и в киосках и даже в специальных автоматах. Издательство впервые познакомило греческого читателя со многими гениями мировой литературы, в том числе и русской.

Журналистское творчество Влаху отличалось отточенностью стиля и актуальностью тем. Она писала о том, что волновало ее саму. Статьи Элени Влаху отличаются смелостью журналистской мысли, остротой критики, отказом от обсуждения запретных тем, а также вниманием к жизни простых греков и сочувствием к ним. Происходя из интеллигентской среды, она никогда не забывала о нуждах простого народа и не считала ниже своего достоинства защищать его интересы.

Во времена хунты Влаху не стала сотрудничать с диктаторским правительством, обещавшим ей безопасность и процветание в обмен на поддержку их идеологии. Она выступала за свободу прессы и ее независимость от политики. После эмиграции она продолжила делать все возможное для скорейшего восстановления демократии, подвергая опасности свою жизнь. Греческая журналистика, какой мы ее знаем сегодня, «стоит на плечах» таких преданных профессионалов, как Элени Влаху.

Е.А. Сорокина
Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Изменения репродуктивного поведения шведских женщин на протяжении XX и начала XXI в.

Социальная политика, направленная на поддержание здоровья населения, и в том числе репродуктивного здоровья женщин, становится все более востребованным и актуальным направлением социально-экономической политики многих стран, включая Швецию. Успешное осуществление различных мероприятий по укреплению здоровья граждан страны, в том числе женщин и детей, вполне закономерно может приводить к

сокращению финансовых (бюджетных) расходов, направляемых на системы медицинского и социального обслуживания.

На протяжении прошлого, XX в., развитие интересующей нас репродуктивной политики и практики в Швеции проходило в рамках общей шведской государственной программы, получившей название «семейной политики» (familjepolik). Швеция на протяжении многих веков, в том числе и в начале XX в., была небогатой аграрной страной с населением менее шести млн человек. Высокая младенческая и детская смертность, необходимость поддержания здоровья самих рожениц в начале XX в. являлись актуальными проблемами для медицины многих стран мира, не была исключением и Швеция. Эти задачи было необходимо решать.

Развитие медицины и совершенствование медицинского ухода и практики на протяжении первой половины XX в. способствовали постепенному сокращению младенческой смертности в Швеции и создавали все больше предпосылок для роста численности населения страны. Еще в самом начале XX в. в Швеции был принят Закон об охране труда. Тогда же отмечалось, что на протяжении первых четырех недель после родов молодая мать могла не выходить на работу. Однако никаких выплат или пособий за это время ей не полагалось. Несколько позднее возможный срок «невыхода» на работу был увеличен до шести недель. И уже в первой половине 1930-х годов был принят Закон о страховании, в соответствии с которым вводились выплаты пособий молодым мамам, т.н. родовых.

Создание и реализация многочисленных социальных программ в разных сферах экономики и социальной жизни стало активно развиваться после прихода к власти социал-демократов в результате их победы на выборах в 1932 г. Тогда же была разработана концепция социально-экономического развития, получившая название «Дом народа». Мероприятия по поддержке материнства и детства были нацелены не только на решение демографических задач, но и на перспективу – стабилизацию социального и экономического положения страны в целом.

Среди конкретных практических мероприятий властей по поддержанию материнства и детства в 1940–1950-е годы надо отметить введение практики назначения социальных пособий и выплат семьям с детьми и одиноким матерям (в дополнение к

выплатам по родам молодым мамам). Созданные в те годы различные управленческие структуры, в том числе социального страхования, всеобщего медицинского обеспечения граждан страны, социального ухода и патронажа за пожилыми людьми, система обеспечения и ухода за детьми в детских садиках и школах с некоторыми уточнениями и дополнениями продолжают работать и в наши дни [1].

И уже позднее, в последней трети XX в., Швеция стала инициатором и первопроходцем привлечения молодых пап к процессу ухода и воспитания за новорожденным. В наше время оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком составляет 480 рабочих дней и может делиться между обоими родителями в соответствии с их предпочтениями.

Важное практическое и социально-политическое значение имела разработка и реализация различных норм, регулирующих положение и права беременных женщин. Особое практическое и социальное значение имела актуальная тема легализации абортов. Не только в Швеции, но и в других странах в первой трети XX в. практически не существовало законодательных норм по отношению к беременным и роженицам, в том числе и в вопросах прерывания беременности. Прерывание беременности могло происходить только вне больничных условий и нелегально. Решение такого рода задач предполагало не только наличие медицинской составляющей, касающейся женского здоровья, но и формирование норм законодательного оформления репродуктивных прав женщин в целом [3].

В 1938 г. в Швеции был принят важный и нужный Закон о легализации абортов по медицинским и гуманитарным причинам, разработка и подготовка которого велась на протяжении 1930-х гг. Обратим внимание на важный аспект правоприменения этого закона. В соответствии с этим законом решение о проведении данной процедуры принималось не самой женщиной в зависимости от ее интересов, возможностей, состояния здоровья, а специальными (уполномоченными) государственными структурами. 1950-е и 1960-е годы были отмечены промышленным ростом и расширением рынка труда в Швеции, что требовало, в свою очередь, все больше трудовых ресурсов. Женщины являлись важным и перспективным трудовым резервом. Оче-

видно, что укрепление социально-экономического положения женщин имело позитивные последствия для семей.

Впоследствии, в 1946 г. и позднее, в Закон об абортах вносились различные уточнения, дополнения, в том числе и медико-социального характера. И только в соответствии с Законом об абортах 1974 г. женщины получили право самостоятельно принимать такого рода решения. В настоящее время правом на прерывание беременности могут воспользоваться все проживающие в стране женщины, а не только граждане страны. В Швеции отмечается довольно большое количество абортов – около 35 тысяч в год [2]. Обратим внимание и на то, что отмечается значительное количество т.н. подростковых абортов (характерны в первую очередь для крупных городов) и явлений, связанных с «отложенным родительством» (возраст женщин 24–25 лет) [3].

Радикальные перемены в репродуктивном поведении шведских женщин произошли в последней трети прошлого века в связи с развитием фармацевтического рынка и ростом доступности разнообразных средств контрацепции. Именно это дало женщинам более полные возможности выбора своего репродуктивного и сексуального поведения [5]. На таком фоне получили широкое распространение официально незарегистрированные браки (samboende, sambo), и дети, рожденные в таких браках, в соответствии со шведскими законами обладали равными правами наряду с детьми, чьи родители были официально женаты [4].

Необходимо подчеркнуть, что изменения репродуктивного поведения шведских женщин на протяжении прошлого и начала нынешнего века, стабилизация их социального, физического, экономического положения проходили в конкретном социально-экономическом контексте развития страны, медицинской и фармацевтической науки. Изменения репродуктивных моделей поведения отражают в целом и уровень сознания всего гражданского общества.

* *Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.*

Список литературы

1. *Сорокина Е.А.* Социальные аспекты шведской политики здоровьесбережения // Здоровьесбережение в повседневной жизни: история и современность: Материалы международной научной конфе-

ренции, 4–6 апреля 2024 г.: в 2-х т. / отв. ред. В.А. Веременко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2024. С. 184–189.
2. Abortions on the Decline in Europe // Euronews. 2018, 20 February. URL: https://ru.euronews.com/2018/02/20/abortions-up-and-down (дата обращения: 30.10.2020).
3. Abort i Sverige // Regeringskansliets. 2005, 7 november. SOU 2005:90 http://www.regeringen.se/rattsdokument/statens-offentliga-utredningar/2005/11/sou-200590 (дата обращения: 02.02.2021).
4. *Agell A., Arve-Parès B., Björnberg U.* (eds.). Modern familjeliv och familjeseparationer: en antologi från ett symposium i Sigtuna i maj 1992. Stockholm: Socialvetenskapliga forskningsrådet, 1993.
5. *Kälvemark A.-S.* Kommer familjen att överleva? Historiska aspekter pääktenskap och familj i det svenska smahället // Den utSatta familjen: liv, arbete och samlevnad i olika nordiska miljöer under de senaste iv̊ahundra åren / ed. by H. Norman. Stockholm: LT, 1983.

Ю.В. Бучатская
Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

О женщинах на кухне и в семейной экономике немецких домохозяйств XX и XXI в.

Традиционный кулинарный гендерный порядок в европейских культурах таков, что именно на женщину возлагалась обязанность заботиться о повседневном пропитании. Это обстоятельство приводило к тому, что женщина оказывалась привязана к дому и принуждена к традиционному гендерному разделению ролей [2, с. 42]. В этой связи возникает ассоциация с известным немецкоязычным рифмованным выражением, известным далеко за пределами немецкого языка: *Kinder, Küche, Kirche*. Он адресован женщине, точнее, характеризует ее как ограниченную из-за традиционалистской привязки к указанным трем сферам – церкви, материнству и кухне. Русская версия интернет-словаря на «Академике» так определяет это устойчивое выражение: «Немецкий лозунг, определяющий, по мнению авторов лозунга, роль идеальной женщины в Германии» [1]. В своем сообщении я хотела бы сфокусироваться на том, какой представляют женщину и ее роль в домашней экономике письменные источники XX и XXI в. – эгодокументы, мемуарная литература, тексты из блогосферы.

В связи с такой постановкой вопроса возникает интерес к самому феномену немецкой домохозяйки как субъекта, породившего в свою очередь феномен домашней кухни Германии.

Особенно значимой в процессе становления образа немецкой домохозяйки стала эпоха кайзера Вильгельма II, в первую очередь благодаря фигуре его супруги, императрицы Августы Виктории, глубоко религиозной дамы, ангажированной в благотворительности, сильно концентрировавшей свою деятельность на семье и этим отличавшейся от двух предшественниц – политически влиятельной и либерально настроенной первой немецкой императрицы Августы, а также британской принцессы Виктории, поддерживавшей связи с феминистским движением. Августа Виктория подчеркивала традиционные сферы влияния женщины в домашнем хозяйстве, воспитании детей и церкви. Ее супруг, кайзер Вильгельм II, поддерживал воззрения Августы Виктории на разделение гендерных ролей и заявлял: «Главная задача женщины заключается не в завоевании каких-то прав, в которых она может стать равной мужчине, но в молчаливой работе на благо дома и семьи» [6, с. 420]. Именно из этих исторических обстоятельств родилось знаменитое рифмованное клише, приведенное выше и означающее подчиненное и ограниченное положение женщины в Германии – *Kinder, Küche, Kirche* – которое в конце XIX и на рубеже XIX–XX вв. употреблялось с негативной коннотацией не в самой Германии, но в феминистски настроенных кругах США и Британии. Уже в XIX в. самые ранние феминистские движения выступали за учреждение общественных кухонь, которые освобождали бы женщину от этого приватного, трудоемкого, но не престижного занятия. Эти проекты очень скоро потерпели неудачу, плиты вновь были встроены в домашние кухни, а женщины вернулись обратно к ним и к своей ноше.

В периоды мировых войн и в послевоенное время немецкие домохозяйки сыграли особенную роль в сохранении экономической стабильности и эмоционального баланса домашних хозяйств. Домохозяйки вынуждены были приспособиться к условиям дефицита продуктов и фактического голода, готовить для своей семьи, и полноценность питания, полнота физического насыщения и потому эмоционального климата в семье полностью зависела от умения хозяйки и матери экономить и обходиться малым и простейшими продуктами.

Многие воспоминания о простой домашней кухне матерей первой половины XX в. характеризуют ее как особое искусство, волшебство или колдовство. В контексте истории дефицита продуктов интерпретацию кулинарных практик домохозяек как «искусства» нужно понимать не как абсолютную характеристику немецкой кухни, но как успех относительно условий дефицита. Интересно, что и в современной городской культуре, казалось бы, в условиях избытка продуктов и полной интеграции женщин в занятость, приносящую доход, на первом плане также оказывается экономия – экономия ресурсов: исследования временного менеджмента показали, что женщины эффективнее организовывают время на домашние хлопоты и умеют использовать его рациональнее для приготовления пищи [2, с. 42]. Поэтому даже занимая высокопоставленные профессиональные и руководящие позиции, отнимающие значительное время, женщина остается ответственной в хозяйстве за повседневное питание семьи.

К исходу XX в. в домохозяйствах Германии стала заметна тенденция упрощения кулинарного и хозяйственного поведения женщины. Эта тенденция была связана не только с наполненным техникой и продуктами рынком, но, прежде всего, с меняющимся образом жизни и трансформацией семейных отношений – отказом от семьи в пользу свободных отношений, появлением «синглов» и многообразия форм брачных союзов, интенсивной профессиональной занятостью женщин, в том числе высоким уровнем профессионального номадизма в академической среде, когда фактически отсутствует постоянство места домохозяйства. Кухня и домашняя стряпня же неизменно ассоциируются с семьей в традиционном понимании – союзом мужчины и женщины в рамках общего хозяйства: «Семья там, где на плите кастрюля» [3].

Французский социолог Жан-Клод Кауфманн рассматривает в своей социологии еды любые повседневные рутинные дела как процессы становления идентичности. Приготовление еды – один из них. Повседневные дела служат домашними механизмами социализации индивида, и люди, стоя возле плиты или сидя за трапезой, каждый раз определенным образом осознают свое «я», находят себя или же теряют [4]. Поэтому, считает Ж.-К. Кауфманн, в современном мире все чаще в среде молодых девушек и девочек-подростков можно отметить феномен «поведения социального избегания» применительно к домашней кухне и пита-

нию: статистически именно они предпочитают быстрые перекусы и избегают долгих семейных обедов. Кауфманн связывает это поведение с «генетически запрограммированным вкладом в историю женской эмансипации, оно есть реванш за все то время, когда женщина была прикована к плите» [4]. Поведение избегания или сопротивления традиционалистским ролям женщины связано с феминистическим движением в Германии 1960-х годов и снова отсылает к дискуссионному слогану *Kinder, Küche, Kirche*. До этого времени в самой Германии это выражение не было расхожим, и только с середины 1980-х годов оно вошло в историческую литературу и стало служить инструментом описания и критики распространившегося представления об исключительной ограниченности повседневности буржуазной женщины тремя сферами жизни – церковью, детьми и кухней. Собственно говоря, уже с 1980-х годов слоган переосмысливался и получал новые редакции в виде трех или более «К»: *Kinder, Küche, Kombinat*; *Kinder, Küche, Kirche und Karriere* или же «не только *Kinder, Küche, Kirche*» [6, с. 429]. В этих редакциях он не только обыгрывает традиционные ожидания от женщины, но и представляет проект будущего как новую роль женщины, совмещающей успешную профессиональную деятельность с детьми, хозяйством и гармоничными отношениями с партнером. Так, с одной стороны, общество сопротивлялось закрепощению женщины кухней, а с другой – к концу столетия сделало управление домашними хлопотами в сочетании с успешной карьерой вызовом и критерием состоятельности женщины как индивида.

В сегодняшней Германии можно говорить о возвращении практики домашней стряпни, своеобразной моде на *Selbstkochen* – приготовление еды своими руками. В условиях достигнутой эмансипации женщины в профессиональной и сексуальной сфере в Германии практика домашнего приготовления блюд интерпретируется как стиль жизни и активный выбор субъекта. Показательна саморефлексия по поводу смены ценностных ориентаций в гастрономических практиках в блоге журналистки Зигрид Нойдекер: «Пока я вела свою жизнь одиночки, я была убежденной противницей готовки. В конце концов, все можно купить готовое. По вкусу это, конечно, не самое лучшее, но можно еду просто запить. Для меня это был феминистический акт, как я себя убеждала: моя мать должна была готовить для семьи, хоте-

ла она того или нет. У меня же был выбор и не было семьи, я избегала готовки и была собой довольна» [5].

В 2000–2010-е годы даже молодые женщины – студентки, аспирантки, подруги и новобрачные – питались дома, умели и охотно практиковали *Selbstkochen.* Умение готовить дома как тенденция совпало с новым европейским трендом использовать экологически чистые продукты (нем. *Bio-Lebensmittel, Bio-Produkte*), значительно более дорогие, чем «обычные», «массовые». Сегодня молодые немцы осознанно подходят к выбору продуктов, избегают продуктов животноводства массового производства из-за наличия антибиотиков и гормонов в кормах, предпочитают покупать овощи и зелень из контролируемых хозяйств, выращенные без использования инсектицидов или т.н. косметики, придающей продукции безупречный товарный, почти искусственный вид. Вместе с тем нельзя сказать, что немецкая повседневная кухня вернулась к своему довоенному состоянию именно по причине изменения социальной роли женщины в XX в. Сегодня молодые женщины заняты на работе или учебе и в реальной повседневности семьи ограничиваются быстрым и часто холодным завтраком или ужином дома, тогда как обедают в гастрономических заведениях – столовых, кафетериях.

Приготовление пищи рассматривается и сегодня как сугубо женская практика, если она осуществляется в домашнем хозяйстве, нацелена на первичное удовлетворение потребностей питания и относится к повседневности, тогда как увлечение мужчин гастрономией и завоевание ими этой сферы может рассматриваться в одном ряду с другими досуговыми практиками и демонстрировать проявление стилевого плюрализма в современном европейском обществе.

Список литературы

1. Киндер, кюхен, кирхе // Академик. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ ruwiki/966269 (дата обращения: 12.07.2020).
2. *Barlösius E*. Weibliches und Männliches rund ums Essen // Kulinaristik: Forschung, Lehre, Praxis / hgbn. von A. Wierlacher, R. Bendix. Berlin: LitVerlag, 2008. Bd. 1. S. 35–45.
3. *Bossy F*. Familie ist dort, wo der Kochtopf steht // Frankfurter allgemeine Zeitung. 07.08.2006 URL: https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/rezensionen/sachbuch/soziologie-vom-kochen-familie-ist-dort-wo-der-kochtopf-steht-1357203.html (дата обращения: 28.07.2020).

4. *Kaufmann J.-C.* Kochende Leidenschaft. Soziologie vom Kochen und Essen. Konstanz: UVK, 2006. 372 S.
5. *Neudecker S.* Ich koch doch // Zeit Online. 13. April 2015. URL: https://www.zeit.de/zeit-magazin/essen-trinken/2015-04/kochen-lernen-gesundes-essen (дата обращения: 06.07.2020).
6. *Paletschek S.* Kinder – Küche – Kirche // Deutsche Erinnerungsorte / hgbn. von E. Francois, H. Schulze. Bd. II. München: C.H. Beck, 2001. S. 419–434.

Ф.М. Гарибова
Москва, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Место и роль женщины в современном таджикском обществе

Объявив о своей независимости, Таджикистан унаследовал идеологию, которая поддерживала равные права для женщин и мужчин. В начале переходного периода возродились традиционные патриархальные модели семейной и общественной жизни, т.к. страна отошла от своего советского прошлого. Это усугубилось разрушительной гражданской войной, которая, по оценкам, оставила после себя 25 000 вдов, 55 000 детей-сирот и почти один миллион перемещенных лиц. Сразу же после гражданской войны девочек выдавали замуж, не дав им возможность завершить образование, что привело к появлению поколения женщин с более низким уровнем образования, чем у их матерей, которые повторяют этот же цикл, но уже со своими собственными детьми. Эти условия способствовали возрождению консервативных ценностей, которые можно было наблюдать в постсоветском и послевоенном Таджикистане, а вместе с ним к увеличению числа случаев ранних браков, многоженства и ограничению общественной жизни женщин.

В 2021 г. Таджикистан занимал 126-е место из 156 стран в Глобальном индексе гендерного неравенства Всемирного экономического форума с оценкой в 0,650 балла.

Основным учреждением, ответственным за гендерную политику в стране, является Комитет по делам женщин и семьи (Комитет по делам женщин), который наделен разнообразными функциями: от исследований до рассмотрения жалоб от граждан, поощрения прав женщин через средства массовой инфор-

мации, контроля соответствия международным стандартам, координации работы правительственных и неправительственных организаций, которую они выполняют по вопросам гендерного равенства и профессиональной подготовки.

Численность населения на 1 января 2024 г. составила 10 277,1 тыс. человек, из них 5 239 391 человек – женщины. Вклад женщин в валовой национальный доход (ВНД) страны составляет лишь четверть от его объема. Женщины чаще бывают безработными: 69% женщин трудоспособного возраста по сравнению с 49% мужчин не работают за плату. Молодые женщины реже работают или обучаются: 49% женщин в возрасте от 15 до 24 лет по сравнению с 7% мужчин в Таджикистане нигде не учатся и не работают. Отчеты показывают, что средняя месячная заработная плата (независимо от типа работы) была неизменно выше у мужчин, чем у женщин во всех секторах экономики.

Действительно, женщины являются не только создателями жизни и преемственности будущих поколений, но и создателями материальных благ, воспитателями подрастающего поколения, целителями человеческих недугов, исследователями естественных и гуманитарных наук, а также факелом будущего пути развития общества страны, в целом ведущим во всех аспектах жизни.

Одним из главных достижений Республики Таджикистан в продвижении гендерного равенства является, без сомнения, разработка и принятие политики и законодательства в области гендерного равенства и продвижения прав женщин.

В стране приняты и реализованы «Национальная стратегия активизации роли женщин в Республике Таджикистан» (на 2011–2020 и 2021–2030 гг.). Главным предназначением стратегии является создание предпосылок и необходимых условий для наиболее полной реализации способностей женщин во всех сферах общественной жизни с целью обеспечения устойчивого развития общества.

Сегодня невозможно представить сферу, где бы не была представлена таджикская женщина. В настоящее время около 70% работников сферы здравоохранения, более 70% работников сферы образования, почти 27% научных сотрудников – женщины. В сельском хозяйстве женщины составляют более 23%.

Женщины активно участвуют в экономических процессах страны. В государстве создаются условия для привлечения к за-

нятости женщин-домохозяек и создания для женщин новых рабочих мест. Для девушек и женщин-домохозяек почти во всех городах и районах страны создаются центры по обучению профессиям. Только в 2021 г. к обучению профессиям были привлечены 15870 женщин, что на 2508 человек больше, чем за 2020 г.

Учитывая преобладание сельских женщин в общей численности женского населения и их уязвимость, правительство страны обращает особое внимание на защиту прав сельских женщин.

Несмотря на патриархальный общественный строй, в странах Центральной Азии к женщинам во все времена было особое отношение. В каждой эпохе были женщины-героини, которые меняли историю и оказывали значительное влияние на развитие общества. Балерина советских времен Малика Сабирова оставила неизгладимый след в истории искусства как прима-балерина Таджикского академического театра оперы и балета им. Айни.

Представляя Советский Союз, Зебинисо Рустамова выиграла чемпионат мира и командный чемпионат по стрельбе из лука в 1975 г., установив новый рекорд.

Известная своим исключительным талантом в искусстве народного танца, Малика Каландарова оказала значительное влияние на его развитие своим уникальным сочетанием грации и силы, что принесло ей международную известность.

Саражан Юсупова – советский геохимик, заслуженный деятель науки и техники Таджикистана, академик Академии наук Таджикской ССР, доктор геолого-минералогических наук.

Выдающийся ученый-медик София Хакимова заняла свое место в истории, став первой таджикской женщиной, получившей степень доктора медицинских наук в возрасте всего 33 лет.

Ойнихол Бобоназарова – известная активистка, заслужившая международное признание своей работой, которая в первую очередь была сосредоточена на защите прав человека и расследовании нарушений в ее родной стране.

Илария Райкова (1896–1981) – таджикский и советский ученый, биолог, географ, памировед, в 1923 г. впервые посетила Памир в составе экспедиции Туркестанского отдела Русского географического общества (РГО) и стала одним из главных памироведов страны.

Мунзифа Гафарова (1924–2013) – первая женщина из Центральной Азии, получившая докторскую степень по философии,

и первая женщина – академик АН Таджикистана. Мунзифа Гафарова написала свыше 200 научных и учебно-методических работ, включая статьи, брошюры, учебники, монографии.

Бароат Ходжибаева (1928–2016) – советский и таджикский филолог-русовед. В число научных интересов Бароат Ходжибаевой входили проблемы литературных взаимосвязей и вопросы преподавания русской литературы в таджикских школах и вузах. В своих трудах Ходжибаева рассматривала восточные мотивы в творчестве русских поэтов и писателей.

Дилоро Искандарова (р. 1960) – таджикистанский филолог, автор более 40 научных статей по вопросам сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания, нескольких словарей, хрестоматий и монографий, участник ряда международных конференций и симпозиумов.

Сорочон Юсупова – первая женщина-ученый в области геологии. Она посвятила свою жизнь изучению и нахождению полезных ископаемых в Таджикистане. Ее именем названы геологические учебные заведения.

Мухиба Якубова – известный в мире ученый-биолог Таджикистана, единственная женщина-академик, которая и ныне занимается изучением физиолого-биохимических и генетических механизмов, обеспечивающих и регулирующих жизнедеятельность растений.

Таджикистан – страна гор, ледников и, следовательно, источник питьевой воды. В современных условиях особую актуальность приобретает их освоение. Гляциологу Дилором Джалоловой (30 лет) удалось пять раз совершить восхождение к ледникам.

Наука с первого взгляда выглядит легкой профессией с женским лицом. Однако за этими маркерами в таджикистанском обществе стоит выполнение домашних обязанностей, забота о членах большой семьи и бессонные ночи за компьютерами. И возможно, именно характер таджичек: обладание терпением, желанием заботиться о других и вести любое начатое дело до конца – вкупе с политикой государства, направленной на достижение гендерного равенства, в том числе в науке, приводит их к высоким результатам. Тем не менее требуется уделить внимание каждой женщине-ученой, которая выбирает этот тернистый путь, каждой девушке, которая заканчивает аспирантуру. Несмотря на то, что доля женщин со средним или высшим

образованием в Таджикистане немного больше доли мужчин, в сфере высшего образования все еще сохраняется гендерное неравенство в пользу мужчин.

2.2. РОЛЬ ЖЕНЩИН В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, КУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Л.А. Агрба
Сухум, Республика Абхазия,
Абхазский государственный университет

Аксиологический статус жрицы в традиционном абхазском обществе

Статус женщины-жрицы в традиционном абхазском обществе был значимым. Исследователи сообщают о большом почитании абхазами «некогда специального женского – традиционного святилища Лдзаа-ныха» [3, с. 107]. Женское начало подчеркивается и названием святого места Анана-Лдзаа-ныха, где «Анана» означает «мать матери» [9, с. 304], она считается сестрой верховного бога Анцэа [4, с. 446]. Подобным же образом именуют еще одно святилище – Анан-Лыхных, храм Лыхненской богоматери. Вообще в Абхазии сохраняется архаичная традиция разделения святилищ на «женские» и «мужские», что свидетельствует о предполагаемом наличии на территории Абхазии немалого количества иных женских капищ, соответственно, были и жрицы, служительницы культа, вероятность присутствия которых в ритуальной жизни традиционного абхазского общества довольно высока.

В сферу основных функций жрицы входило совершение охранительных и защитных обрядов. Испокон веков женщина посвящала себя миссии заботы о членах семьи, а также физического и духовного воспитания своего потомства. Именно женщина занималась врачеванием, предохраняла от сглаза и порчи, прогоняла нечистую силу, гадала, отыскивала потерянное, низводила на землю плодородие, а в дома – обилие и покой.

Мудрость и прозорливость женщины всегда восхвалялась абхазами, что нашло отражение в древнейшем эпосе «Нарты». Во

многих сказаниях повествуется о том, как благодаря мудрости женщины наступает мир и гармония не только в семье, но и в обществе, поэтому во многих ситуациях ей уступают старшинство, с ней обязательно советуются в принятии решения.

Используя различные средства духовного и коммуникативного опыта, с разнообразными каналами передачи информации (словесные, предметные, действенные), жрица выполняла роль защитницы, хранительницы жизни – в этом была ее основная функция. На семиотическом уровне она выступала олицетворением жизненного начала и связанных с этим культурных ценностей. Центральный персонаж нартского эпоса, мать всех нартов, прародительница всего сущего, Сатаней-Гуашьа, использует весь арсенал магических средств для сохранения жизни и здоровья своих сыновей, нартов. В абхазской мифологии главным божеством-целительницей была мать Аиргь (по другой версии мать Ажэеипшаа)[3], Рарира, которая противостояла всем злым силам, помогала охотникам и рыцарям, отправлявшимся в походы, лечила великих Нартов, в целом оберегала тех, кто попал в беду [5, с. 10].

Как и многие другие народы, абхазы считали, что женщины могли управлять стихиями природы, а значит обилием и плодородием. Они отвечали за гармонию во взаимодействии мира культуры и мира природы. Главные стихии представлялись в образе богинь-матерей: «царицы земли» Джаджа – богиня плодородия, Анаца-нага – устроительница земледельческого порядка, «владычица вод» Зызлан-захкуажэ, обитающая в озере или роднике, Ханзиса – богииня целомудрия, Хания – здоровья, Атана – ума и знания, Агунда – красоты, Сау-нау (Сауына) – богиня мукомолья, Кэыкэына – богиня льна и конопли, Ерыш – богиня ткачества, прядения и шитья, Нар – богиня виноградарства и плодовых деревьев. Моления им предположительно осуществлялись женщинами-жрицами. Например, ритуал Жэабран в честь богини плодородия Джаджа проводится старшей в семье женщиной, и в нем «принимает участие вся женская половина дома, включая детей… Она просит у Бога Анцэа благополучия в семье, большого урожая, здоровья, удачи и долголетия» [7, с. 258].

Абхазы уделяли большое внимание взаимоотношению человека и природы. В рамках традиционной системы представле-

[3] Данная версия принадлежит А.А. Аншба [2, с. 159].

ний абхазов женщина ассоциируется со светом и теплом, в ее руках жизненная сила. Небезынтересно отметить, что небесное светило ассоциируется у абхазов с женским началом. Верховным божеством скифов была богиня Табити (ср. с индоиранским Агни), чье имя близко имени индоарийской Тапати (букв. ‘жар’, ‘зной’) [10, с. 33]. «Солнце представляет собой высшую божественную персонификацию – амра анцәахәы. Солнце – светило верховного божества Анцәа. Именно поэтому одним из многочисленных эпитетов Анцәа является “тот, кто освещает” – изырлашо» [4, с. 124]. Амра считалось Божеством и Покровительницей женщин, и до сих пор у абхазов популярно женское имя Амра (букв. ‘солнце’).

Обращает на себя внимание, что существовал целый ряд значимых традиционных обрядов, проводимых только жрицами-молельщицами или при их участии. Так, они выполняли множество ритуалов, связанных с облегчением родов, защитой здоровья матери и ребенка, защищали новорожденных от злых духов, исцеляли бесплодных женщин, совершали обряды, связанные с воспитанием детей, и т.д. [6]. Через три недели после рождения ребенка в дом приглашали старуху-молельщицу, которая проводила жертвенный обряд Нан-ахкуав (покровительница детей в традиционной религии абхазов). Исполнение этого обряда гарантировало ребенку здоровье и благополучие.

Вообще каждая хозяйка дома регулярно совершала моления о благополучии семьи и дома. Она умела лечить членов своей семьи от легких болезней и недомоганий. Многие опытные женщины заготавливали лечебные травы, делали обереги, знали различные наговоры, читали защитительные молитвы и т.д. Также старшей женщиной в семье ежегодно совершался обряд моления божеству очага. Считалось, что если этот обряд совершали с опозданием, то могла заболеть невестка или сын [11].

Одной из основных функций женщины-жрицы было предсказание будущего. «В Абхазии есть несколько женщин, утверждающих, что они пророчествуют по повелению Аныбсныха; их приказания исполняются свято, и если к ним обращаются с просьбой разрешить какой-нибудь спор или тяжбу, то на определение их нет апелляции» [11, с. 18]. Вообще гадательные практики известны абхазам с древнейших времен. Гадание осуществлялось по лопатке или внутренностям животного, с помощью четок, фасоли и иных

предметов, считавшихся сакральными. И всё же монополией женщины-жрицы было решение «внутренних» проблем: семейных, бытовых, личностных. Женщинами-жрицами были в основном опытные, взрослые благочестивые женщины-молельщицы, а также знахарки-целительницы, которые пользовались особым уважением за умение заговорами и специальными молитвами избавлять людей от болезней и хворей, лечить души, изгонять злых духов, благословлять на удачу, готовить обереги и т.д.

Жрицами становились не только женщины опытные, но также удачливые, «счастливые». Считалось, что они приносили удачу во всех начинаниях, поэтому к ним обращались для благословения. Интересный ритуал, совершаемый женщиной-жрицей, касался освящения морских судов. «Прежде чем спустить суда на море, их освящала и благословляла женщина из рода Бжания, дочь Кура… Для того, чтоб совершать молебен судну и освятить его, изготовляли в человеческий рост “свечу, благословляющую корабль” – “*ашхуаныхэарацэашьы*” (досл. “свеча для моления о судне”). Затем чистая женщина освящала судно, его спускали на воду, садились в него и шли по морю. При этом исполнялась специальная ритуальная песня “Ашхуа ашэа” – “Песнь ладье”» [1].

Известны также родовые моления, которые совершались с участием женщин-жриц. К примеру, сохранились свидетельства о молениях рода Лейба (абх. *Леиаа рныхэара*) из с. Мгудзырхэа Гудаутского р-на. В роду есть жрица-знахарка, избранная, как считают, самой аныхой и говорящая по ее вдохновению[4]. «Лейбовы верят в свою аныху, как в особое духовное существо, являющееся для них покровителем, охраняет не только их самих от всякого несчастья, но их имущество и скот…» [12, с. 18–19].

Таким образом, женщина-жрица в традиционном абхазском обществе выполняла роль не только молельщицы, целительницы, заклинательницы [2], но также распорядительницы, отвечающей за порядок и чистоту исполнения ритуалов. Она также являлась посредницей между высшими силами и людьми.

---

[4] По мнению Ш. Инал-ипа, *аныхэара*, что означает ‘празднование’, ‘торжество’, дословно переводится как ‘моление матери’. Он видел в этом перекличку с образом великой богини Ананы – прародительницы всего сущего в мифологическом пантеоне древних абхазов [см.: 8, с. 181].

Список литературы

1. *Агуажба Р.* К истории мореходства у абхазов: мифология, фольклор, история // Абхазоведение: История. Археология. Этнология. Вып. III. Сухум: Алашара, 2004. С. 34–37.
2. *Аншба А.А.* Собрание сочинений в 5 т. Т. 1. Сухум: Academia, 2022.
3. *Барциц Р.М.* Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и современной обрядовой практике. Сухум, 2010. 187 с.
4. *Бигуаа В.Л.* Абхазская фамилистика. Секреты абхазского долгожительства. Этнография традиционно-бытовой культуры абхазов. Сухум: АГУ, 2023. 638 с.
5. *Габниа Ц.С.* Амифи аритуали (аенциклопедиатә ҟазшьа змоу астатиақәеи афольклортә нтцамҭақәеи). Аҟәа: Д.И. Гәлиа ихьӡ зху Аԥсуаҭцааратә институт, 2022. 296 даҟьа. (на абх. яз.)
6. *Дбар С.А.* Обычай и обряды детского цикла у абхазов (вторая пол. XIX – нач. XX вв.). Сухум: Алашара, 2000. 135 с.
7. *Зельницкая (Шларба) Р.Ш.* Ритуал жәабран в абхазской традиции // Лавровский сборник. Материалы XXXIV и XXXV среднеазиатско-кавказских чтений 2010–2011 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 256–259.
8. *Инал-ипа Ш.Д.* Отражение в абхазской религии и мифологии роли женщины // Сообщения Академии наук Грузинской ССР. Т. 10. № 3. Тбилиси: Изд-во Академии наук Грузинской ССР, 1949. С. 178–185.
9. *Инал-ипа Ш.Д.* Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми: Алашара, 1976. 463 с.
10. *Клейн Л.С.* Индия и Скифия: общие истоки идеологии // Скифо-сибирский мир (искусство и идеология): Тезисы докладов [второй археологической конференции по проблемам скифо-сибирского мира. 3-6 апреля 1984 г.]. Кемерово: Наука, 1984. С. 31–34.
11. *Мачавариани К.* Религиозное состояние Абхазии // Кутаисские губернские ведомости. 1889. № 22, № 24.
12. *Патейпа Н.С.* Избранное. Статьи, рассказы, стихи. Сухуми: Алашара, 1979. 157 с. (на рус. и абх. языке).

Н.Н. Гарунова
Махачкала, Дагестанский государственный университет

Женское население в истории повседневной жизни низовий Терека (XIX – начале XX в.)

Проблемам гендерной асимметрии, гендерной идентичности, проявлению гендерных начал в истории повседневности уделяется значительное внимание, поскольку без этих исследований

невозможно составить всестороннее и полное представление об исторических процессах и явлениях.

Женщины в Низовьях Терека занимались всем кругом хозяйственных дел: возделывали поля, огороды, бахчи, виноградники, ходили за скотиной, они вырастили пышные сады, в которых утопали станицы. Они собирали урожай, пекли хлеб, делали заготовки на зиму, стряпали, обшивали всю семью, растили детей, ткали, вязали, могли и хворобы лечить, и хату подправить.

В Архиве Республики Дагестан сохранились документы, иллюстрирующие статистические данные о частичной характеристике женского населения, проживающего в столице Терского казачества – Кизляре. По «Ведомостям различных сословий Кизляра от 29 июня 1832 года» количество достигает: «Казаков и причисляемых к оному – мужчин 710 человек, женщин – 527 человек». По «Годовому отчету за 1835 год показано количество домов, принадлежащих казакам и казачкам 232 и 27». Согласно «Описи домов и лавок у казаков терского полка живущих в Кизляре» за 1836–1837 гг.: домов – 239, лавок – 8.

Среди владельцев земельных участков на картах «Кизлярского округа» в XIX в. встречается много фамилий чиновников. Согласно «Ведомости» за 1832 г., «количество чиновников составили: мужчин – 35 человек, женщин – 45 человек». По данным 1835 г., в Кизляре чиновников было: мужчин – 114, женщин – 36 человек. И им принадлежало 180 домов. Они, как и другие привилегированные сословия, обладали большой собственностью. По данным 1832 г., в Кизляре мещан было – 51 человек мужского пола и 41 – женского. В 1835 г. им принадлежало 28 домов. По «Ведомости» за 1832 г., количество дворян в Кизляре достигало мужчин – 149 человек и женщин – 117 человек. По данным 1835 г., им принадлежало 114 и 36 домов.

Число людей, входящих в сословие духовенства в 1837 г., дается следующее: «Монашеств мужчин – 5, женщин нет; монах. служителей мужчин – 8, женщин нет; священнослужителей мужчин – 27, женщин – 17; церковнослужителей мужчин – 4, женщин – 4». К 1848 г. произошло значительное увеличение количества лиц духовного сословия, их число достигло: мужчин – 111 человек, а женщин – 81. Все население города составляло: мужчин – 6933 человека, а женщин – 5067 человек.

Число браков заключено: холостых (с девицами – 62, с вдовами – 13); вдовцов (с девицами – 22, с вдовами – 23). Число рожденных: всего – 404, мужчин – 220, женщин – 184 (из них законнорожденных – 393, незаконнорожденных – 11). Число умерших в частных домах: мужчин – 95, женщин – 125; в городской больнице мужчин – 21, женщин – 4, в военном госпитале мужчин – 81, женщин – нет; самоубийств: мужчин – 2, женщин – нет. В городской тюрьме содержатся арестанты: в течении года – 127 мужчин и 1 женщина; выпущено мужчин 84, умерло 11 мужчин, 1 женщина. Возраст арестантов «20–25 лет – 25 мужчин и одна женщина; 25–30 лет – 40 мужчин; 30–35 лет – 30 мужчин; 35–50 лет – 10 мужчин».

Любопытны документы, которые иллюстрируют добросовестность верующих по выполнению своих обязанностей. В переписке Астраханской епархии с Кизлярским духовным управлением найден документ «Рапорт командиру Гребенского полка от священника Виноградова», где он жалуется на дерзкое поведение в православной церкви казака Плотникова и казачек с ним Лотниковой, Андросовой, Свинцовой, Черновой. Они громко разговаривали, смеялись и вели себя вызывающе. О столь вопиющем факте и был составлен рапорт.

Наибольшие доходы населению низовий Терека приносило садоводство и виноградарство. Примитивный способ возделывания виноградной лозы в начале XIX в. был полностью приспособлен к условиям военной обстановки. И в отсутствие мужчин главная забота о хозяйственных нуждах ложилась на плечи женщин. Именно они под охраной обрабатывали и собирали урожай виноградных садов. Но и при таких условиях обработки виноградники ежегодно приносили стабильные доходы. Это позволяло не только безбедно жить многочисленным казачьим семьям, но и одновременно снаряжать по несколько мужчин на царскую службу. В XIX в. не только все окрестности Кизляра превратились в сплошные виноградные сады количеством до 4830 штук, но и берега Терека превратились в сплошные виноградники. В пригородах Кизляра к началу XIX в. формировались крупные имения, зафиксированы частые перепродажи земли помещиков, виноградные сады переходили из рук в руки. Так, например, в 1821 г. дворянка Калустова свои земли общей площадью в 6353 десятины, используемые для пода виноградники и их переработку на вино продала прапорщику Качкалову.

На рубеже 1830–1840-х годов винодельческая промышленность, обложенная поборами, переживала долговременный кризис. Основные меры правительства были направлены на поиски финансов для продолжения войны, но никак не на улучшение экономического положения жителей станиц. Поэтому главная забота о достатке семьи опять ложилась на плечи казачек. Следует отметить, что среди тех, кто сыграл большую роль в развитии виноградарства в конце XIX и начале XX в., играли предприниматели, имевшие крупные виноградные сады промышленного значения и заводы. Среди них определенное место занимали женщины. Об одной из женщин, имевшей виноградные сады и заводы, занимающейся виноделием на профессиональной основе, так упоминают архивные источники: «Мещанка А.И. Науменкова имела в округе виноградные сады и свой коньячный завод. В феврале 1904 г. она получила разрешение открыть огневой фруктово-винный завод под одной крышей с коньячным». В 1923 г. в Кизляре работали вино-водочные и коньячные заводы.

Интересные факты встречаются в материалах Архива Республики Дагестан, в которых указывается, что в 1923 г. в Кизляре из 30 сохранившихся и описываемых с целью запуска в работу заводов двенадцать принадлежали женщинам. По данным 1926 г., «список издольщиков» одного из коньячных заводов из 44 человек включал 19 женщин, объемы производства продукции которых были выше, чем у мужчин: «Цунцулова А.Н. – спирта выдано на 308 рублей, Карибова Г.Н. – 572 руб., Тарасова Х.К.– 326 руб., Татосова Г.И. – 43 руб., Саруева М.Г. – 197 руб., Ананьева П.Н. – 541 руб., Сукиязова И.И. – 421 руб., Баласанова 298 руб, Камбарова С.Н. – 457 руб, Агаджанова А.М. – 239 руб., Попова В.М. – 254 руб., Ананьева С.В. – 403 руб., Тамазова А.С. – 126 руб., Лазарева В.С. – 263 руб. и т.д.».

Характеризуя жизнь людей в этих местах, следует отметить, что местность находилась в самых неблагоприятных условиях: на окраине Кавказа, среди болот в местах постоянного затопления, на удалении от других крупных городов России, в сотнях километров безводных степей, подвергаясь постоянным набегам и грабежам. Тем не менее трудолюбие жителей, особенно женского населения, их неутомимость и предприимчивость преодолели все невзгоды.

М.Ю. Курбанов
Махачкала, Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН

Даргинка в соционормативной культуре: прошлое и настоящее

Читая о положении женщины, в том числе девушки, в обществе, семье в дореволюционном Дагестане, убеждаешься в сознательном искажении действительности, старании обрисовать жизнь горянки в мрачных тонах. Оно продолжалось в научных исследованиях, чтобы более красочно преподнести значимость принесенных Октябрьской революцией и советской властью изменений. Не отрицая того, что даргинке действительно приходилось выполнять много работ, а мужчины принимали обыкновенно меньше участия в хозяйстве, нельзя не отметить, что это достаточно поверхностное суждение о явлении, которое имеет свое объяснение. Проезжающим исследователям прежде всего бросается в глаза труд женщины, все хлопоты по домашнему хозяйству, ибо в поле или на пастбище, где главным образом протекает труд мужчин, эти исследователи не выходили. Но именно такие единичные случаи и попадали в криминальные сводки, по которым нередко создавалось искаженная картина взаимоотношений супругов в даргинской семье.

Действительно ли работали только женщины, а мужчины проводили время в праздном безделье? Разумеется, нет. В традиционном даргинском обществе существовало жесткое разделение труда, особенно по признаку пола. Были работы чисто женские (прополка, уход за скотом, приготовление пищи, заготовка продуктов впрок, поддержание порядка в доме, ткачество, изготовление одежды, приготовлении кизяка, обеспечение семьи водой и пр.), которые мужчины никогда и ни за что не стали бы выполнять, но были и мужские работы.

Однако совершенно иной порядок распределения работ можно было бы встретить у даргинцев в равнинно-предгорных районах (Кайтагском и Сергокалинском), где преобладало земледелие; здесь труд даргинки в основном ограничивался работами по дому, тогда как в местностях с преобладанием роли скотоводства

(главным образом в горных районах Акушинском и Дахадаевском) даргинки наравне с мужчинами участвовали в сельскохозяйственных работах. Соответственно, даргинка сохраняла свой независимый характер, достоинство, открытый нрав и уважение в кругу членов семьи. Недаром говорят, что женщины-горянки делают горцев горцами. Сюргинцы говорят: «Муж голова, а жена шея» (*мургул бекI, жIунул хъяб*); *Мургул хьунуй ахъвиркIу* (жена поднимет мужа), «женой подорванный авторитет мужа в обществе не восстановить, а обществом подорванный престиж мужа способна восстановить хорошая жена» и др. С другой стороны, мужчины берегли своих женщин и не задумываясь отдавали свою жизнь в делах охраны их достоинства и чести. Все свои чувства к жене мужчина мог проявить только наедине с супругой, без посторонних, в рамках горской сдержанности.

Обладая правом неприкосновенности со стороны мужчин, только женщина могла остановить кровную месть между мужчинами. Относительно даргинского с. Бутри отметим, если мужчина собирался кого-нибудь убить, то женщина снимала с себя платок и, держа его перед мужчинами, бросала перед ними на землю, просила изменить свое решение. Как полнейшую противоположность описанному дореволюционными авторами можно рассматривать своеобразный обычай, описанный Ахмедхан Абубакаром в книге «Даргинские девушки» и встречающийся главным образом у народов Кубачинско-Даргинского нагорья: «Женщины сс. Ицари, Урцаки и других обществ во время полевых работ выходили группой на дорогу, останавливали постороннего одинокого мужчину или нескольких мужчин и заставляли их танцевать, петь, раздеваться и т.д. Если тот не соглашался выполнять эти требования и оказывал сопротивление, его опрокидывали на землю, снимали с него одежду, отнимали оружие, хлестали крапивой». Это случается особенно в тех случаях, когда женщина выходит из аула для сбора мха и особой травы на брачные подушки и тюфяки новобрачным. Подобный обычай встречался у ахвахцев, кулинских лакцев, что может служит безусловным доказательством раскрепощенности горянки.

Значительная роль женщины в хозяйстве и семье в отдельных случаях давала возможность участвовать в общественной жизни джамаата. При решении дел по адатам отдельных обществ Кубачино-Даргинского нагорья (с. Ширн и с. Харбук) при

отсутствии главы семьи в качестве полноправной свидетельницы могла быть приглашена и женщина. Кроме того, сюргинские женщины имели адатное право на присягу. Они пользовались большим авторитетом, вели основные работы по дому, хозяйству и воспитанию детей. Женщина не могла лишь взять на себя функции материального обеспечения семьи. Изменения в традиционной семье стали происходить начиная с 1960-х гг., когда резко возросла профессиональная занятость даргинки. Это привело к изменению ее жизненных стратегий и положения в семье.

Не будем подробно вдаваться в эту проблему, лишь скажем, что в даргинском обществе немало женщин, которые своим героизмом и самоотверженным трудом прославляли и прославляют даргинцев, кто заслуживает, чтобы о них помнили потомки и кем по праву может гордиться наша республика. Их имена известны всему Дагестану. Это красная партизанка Нурганат Гаджиева из Кадара, которая работала в Левашах в Совете обороны, была награждена грамотами ВЦИК СССР и СНК Дагестана; руководитель известного во всем мире фольклорного ансамбля из Акушинского р-на Патимат Кайтбекова – партийный руководитель Акушинского р-на и председатель Левашинского р-на, награжденная Орденом Ленина; Герой Социалистического труда, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР Ханум Магомедова из Сергокалинского р-на; директор Усишинской средней школы, Герой Социалистического Труда Хамис Казиева; далеко за пределами Дагестана известно имя Манабы Магомедодовой – талантливой художницы-златокузнеца, заслуженного деятеля искусств ДАССР, заслуженного художника Грузинской ССР и др.

В данном сообщении мне хотелось бы коснуться взаимоотношений семьи и религии. Так, сегодня мусульманские религиозные догмы Акушинского, Левашинского, Карабудагского (Губден) и Буйнакского (Кадар) р-нов требуют установки таких порядков в отношении к женщине, которые никогда не были присущи даргинской женщине: затворничество, ношение ими хиджаба и т.д. Мужчины не только заставляют надевать хиджаб своих жен и дочерей, но и регулярно призывают женщин Дагестана выполнять все установки, порядки, якобы проповедуемые исламом. С этими воззваниями не только даргинские, но и даге-

станские муллы неоднократно выступали по телевидению, радио, в газетах и т.д.

Если мы обратимся к историческим фактам, то даргинская женщина никогда не была на положении рабыни и никогда не носила ни паранджу, ни чадру и т.д. Она всегда носила чухту, которая не в полной степени покрывала волосы на голове, а при выходе на улицу надевала платок. Ведь мы хорошо знаем, что костюм («хиджаб») носили только женщины арабских стран. А что же получается сейчас, если следовать этим принципам даргинским женщинам? Получается, что наши даргинские женщины должны носить арабский костюм, а не свой национальный. Как прекрасно, когда кубачинка из города, подъезжая к селению Кубачи, надевает белый каз, или когда так поступает аштынка, которая считает белый каз обязательным атрибутом свадьбы. Почему современные муллы призывают девочек одеваться в чужой традиционный костюм, а не носить традиционный костюм ицаринке, акушинке, губденке, нарядный костюм кубачинке, сутбукинке, урагинке, худуцинке и т.д.? Мы не поощряем такие призывы этих мулл, ибо мы сейчас живем в иных социально-экономических условиях.

З.С. Исакиева
Грозный, Чеченский государственный педагогический университет

О роли женщины в чеченском обществе

В современном мире с возрастанием роли женщины исследование традиционного женского статуса в Северо-Кавказском регионе становится актуальной проблемой. Обычаи почитания женщины наиболее сильны в Чеченской Республике. Так было на протяжении веков, так остается и сейчас. Но определенная трансформация происходит и здесь. Все процессы изменения общества проходят через женщину, оказывая влияние на ее жизнь. Воздействие на статус женщины, усилия по регламентации ее жизни всегда сопровождают любые общественные трансформации, особенно в обществах традиционных и ретрадиционализирующихся, обществах с высокой степенью религиозной регламентации всех сторон жизни человека [7, с. 57].

Глобализация и технологии повлияли на эволюцию традиционных культурных практик в современном мире. Под воздействием внешних факторов в жизни народов Северного Кавказа, в том числе и чеченцев, происходят сложные социальные и гендерные изменения. К существовавшим традиционным обязанностям женщин (хранительница очага, продолжательница рода) добавились новые, ранее несвойственные для них: глава семьи, распорядитель бюджета, добытчица, кормилица, руководитель; соответственно, прибавились и такие личные качества, как лидерство, мужественность, бесстрашие, ответственность [2].

Роль женщины в чеченском традиционном обществе была очень значимой. Она принимала самое активное участие в семейной и общественной жизни, передавала детям традиционные представления об этике и этикете.

В старину лучшие представители села собирались в доме самой красивой девушки. У нее был статус «Мялхазни» – луч солнца. Вместе с ней обсуждались вопросы жизни, смерти, защиты села и другие, и голос этой девушки был решающим. Когда село окружали враги, а воины защищали его от неприятеля, опять же у нее собирались остальные девушки. Во время боя они пели и танцевали, вдохновляя защитников на подвиги. Так происходило в Средние и более ранние века. Отголоски этих традиций существовали вплоть до последнего времени. Например, во время защиты с. Гойты, Чечен-Аула от белогвардейцев девушки вдохновляли воинов своим личным примером, в наивысший накал битвы с кинжалами бросаясь на врага. До сих пор в народе помнят конкретные имена героинь-патриоток. Стало легендарным, к примеру, имя Петимат Арсановой, которая во время Гражданской войны принимала активное участие в стодневных боях в Грозном. Она была медсестрой и выносила раненых с поля боя. О ее подвиге написано очень много. Большую роль играли женщины в улаживании каких-то спорных, конфликтных ситуаций, именно они находили мирный путь решения проблемы [4].

Этнограф Ян Чеснов писал, что «с первых своих лет, еще в младенческом возрасте, женщина несет благословение семье и миру». У чеченцев есть представление, что если у родителей умрет девочка-первенец, то эти родители непременно попадут в будущем в рай. Девушка входит в категорию «мехкари» – девушек страны, о которых память народа сохраняет предания. В

древности, если вместе с отрядом воинов сражалась девушка, ее платье и косынка становилась священным знаменем отряда.

Девушка, становясь невестой, входит в дом жениха, приближается к ковру-истангу, положенному на ее пути. Орнамент на истанге показывает, что она идет с юга или с востока, со стороны тепла и плодородия, которые она вносит в жилище. При строительстве нового дома, когда стройка закончена, первой внутрь входит женщина и приглашает хозяина войти. Женщина рожает детей, о которых у чеченцев говорится: «Без детей родства не бывает». Сама деятельность деторождения священна.

В старину знали: если женщина спешит к воде – она имела сношение и ей надо уступить дорогу, чтобы она немедленно сделала нужные омовения, иначе зачатый ребенок будет в чем-либо ненормальным. Перед беременной женщиной должны встать даже старики. Черты почитания женщины-матери со стороны общества живы до сих пор: «Ведь она ему сыновей родила», – с уважением говорят о жене общего знакомого. Вот еще современная сентенция, в 1980-е годы записанная в Чечне: «Нет мужчины, который исправил бы женщину. Но многие женщины из недостойных мужчин делают достойных». Удивительно, что в чеченском фольклоре почти не выражен образ колдуньи, злой безобразной старухи, распространенный в фольклоре многих народов. Колдуньей (*гІам*) если и называют, то женщину-спорщицу или девушку слишком свободного поведения [9, с. 40, 41].

«Женщина-мать у чеченцев поставлена в совершенно особое положение. Самая жестокая схватка, как по мановению волшебной палочки, прекращалась при появлении женщины с непокрытой головой, т.е. когда женщина снимала платок и бросала между дерущимися. Стоило потенциальной жертве кровной мести прикоснуться рукой к подолу платья любой женщины, как оружие тотчас пряталось. Величайшим позором считалось непочитание родственников матери и жены» [8, с. 124].

В книге «Калужский пленник» А.А. Айдамиров описывает размышления имама Шамиля о чеченцах и об их отношении к женщинам: «О, этих наивных легкомысленных чеченцев Шамиль уже знает хорошо. Не зря он отказывался встать во главе их вооруженного восстания до тех пор, пока они не послали к нему с этой просьбой своих женщин. Чеченец никогда не встает на колени, кроме как на молитвах к Аллаху. Когда он вынужден

обратиться к кому-нибудь с нижайшей просьбой, в крайнем случае, чеченец снимает папаху. А женщины обращаются с просьбой к мужчинам в очень редких случаях. Женщина у них какая-то святая, неприкосновенная личность. Ее нельзя оскорблять и унижать ни словом, ни делом. Человек, нарушивший этот закон, расплачивается головой» [1, с. 256, 257].

Русский военный писатель, генерал-лейтенант М.Я. Ольшевский, прослуживший на Кавказе двадцать пять лет, отмечал: «У чеченцев женский пол пользуется несравненно большей свободой, нежели у их соседей. Не только девушки, но и замужние женщины не прятались, не закрывались покрывалами и не стыдились присутствия мужчин. Несмотря на свою леность и праздность, мужчины старались по возможности делить с ними свой труд и ни в каком случае не считали их своими рабынями, как это делалось у их соседей. У чеченцев по закону допускалось многоженство, но оно не было общепринятым. Если же были случаи многоженства, то это было скорее исключением. То предположение, что многоженству препятствовала бедность или неимение средств содержать по нескольку жен, отчасти справедливо» [6].

Чеченские девушки относительно свободно могли общаться с юношами в рамках строго определенных обществом норм: у источника (*хийистехь*), в рамках «белхи» (коллективная взаимопомощь), на вечеринках (*синкъерам*), на свадьбах (*ловзар*), посиделках (*чукхайкхина*, *ирахь 1ар*). Однако когда мы говорим об относительной свободе общения девушки с мужчинами, это не означает распущенности. У чеченцев, как и у других народов Северного Кавказа, даже прикосновение молодого человека к девушке расценивалось как прелюбодеяние и сурово каралось. Несмотря на свою суровость и жесткость, обычаи и традиции чеченцев были направлены на обеспечение гендерного равноправия женщин и предупреждение дискриминации по признаку пола. Особенно это проявлялось в вопросах неприкосновенности чести и достоинства женщины.

Известный грузинский писатель XIX в. Александр Казбеги, хорошо знавший обычаи и нравы чеченцев, писал: «Чеченская женщина свободнее всех женщин и поэтому честнее всех. Никогда не допустит она никакой непристойности, хотя имеет право свободно общаться с мужчинами». Обращаясь к хозяйке дома,

чеченцы до сих пор говорят “ц1енана” (хозяйка огня), что говорит о преимуществе женщин» [5].

О высокой оценке роли женщины в чеченском обществе говорит и тот факт, что Указом Главы Чеченской Республики Р.А. Кадырова в сентябре 2009 г. учрежден День чеченской женщины, который отмечается ежегодно в третье воскресенье первого месяца осени. В основу праздника положен исторический факт – подвиг чеченских девушек времен Кавказской войны, совершенный ими 14 сентября 1829 г. После сожжения царскими войсками под командованием генерала Ермолова чеченского селения Дади-юрт, которое было расположено на берегу реки Терек, 46 чеченских девушек попали в плен. Когда их переплавляли на плоту через Терек в сопровождении царской охраны, девушки, чтобы не попасть в руки врагов, утопили плот и сами погибли, увлекая за собой солдат. Бессмертен подвиг женщин Дади-юрта, Гордали и других, которые наравне с мужчинами защищали родину, отстаивали свою честь и достоинство, погибали. Нельзя предать забвению подвиг чеченских женщин, которые в годы тяжелой сталинской депортации сохранили нашу нацию, воспитывая детей в любви к родному языку, народным традициям, поддерживали в своих сыновьях и дочерях веру в возвращение на родину.

С начала 1990-х годов, когда не выплачивались зарплаты, детские пособия, пенсии, на стихийных рынках вдоль длинных дорог и в зной, и в стужу, как памятник, стояла чеченская мать! Каждая из них, спасая свою семью от голода и холода, а спасла чеченское общество. Образец мужества и стойкости проявили женщины во время военных действий в Чеченской Республике! Спасали, защищали, заслоняли собой родных, близких и даже незнакомых людей от смерти, голода, холода, лишений. Здесь уместно назвать имя Зарган Эпендиевой, которая закрыла своим телом русского солдата, раненного напавшими боевиками на рынке, где торговала Зарган, и осталась навсегда в инвалидной коляске в результате ранений, полученных тогда.

Десятки женщин-врачей остались вместе со своими пациентами в лечебных учреждениях и погибли на боевом посту – в больницах рядом с больными и за операционным столом. Когда несколько лет в республике не выплачивали зарплату, тысячи женщин: учительницы, врачи, библиотекари, сотрудницы детских садов – ни на один день не остановили работу, воспитывали детей

в любви к родному языку, передавали подрастающему поколению всю красоту и благородство чеченских национальных традиций и обычаев, сохраняли тепло домашних очагов [3, с. 13, 14].

Невозможно переоценить вклад чеченских женщин в дело восстановления и развития республики. В настоящее время они преуспевают в образовании, науке, здравоохранении, строительстве, в гостиничной и туристской индустрии, в бизнесе.

Список литературы

1. *Айдамиров А.А.* Собрание сочинений: в 6 тт. Грозный: Книжное издательство, 2005. Т. 4. 486 с.
2. *Доронина Н.В.* «Женский мир» в культурно-исторических традициях народов Северного Кавказа. URL: https://upload.pgu.ru/iblock/921/Doronina.pdf (дата обращения: 27.04.2024).
3. *Межидова П.Г.* Слово о чеченской женщине. Эссе // Образование и право. 2023. № 6. С. 11–14.
4. *Мунаев И.Б.* О роли женщины в чеченском традиционном обществе. URL: https://www.grozny-inform.ru/news/review/5027/ (дата обращения: 28.04.2024).
5. *Натаев С.А.* К вопросу о социальном статусе женщины в чеченской традиционной семье // Женщина в российском обществе. 2015. № 1. С. 48–53.
6. *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год // drevlit.ru – Библиотека древних рукописей. URL: https://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1840-1860/Olsevskij_M_Ja_IV/text2.php (дата обращения: 27.04.2024).
7. *Сиражудинова С.В.* Гендерные границы и перспективы гендерного диалога на Северном Кавказе // Женщина в российском обществе. 2015. № 1. С. 53–61.
8. *Хасиев С.А.* Чеченцев древняя земля. СПб.: Седа-С, 1994. 240 с.
9. *Чеснов Ю.В.* Женщины и этика жизни в менталитете чеченцев // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 34–44.

Н.В. Крюкова
Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Женщины в практиках народного христианства в Армении

В армянской народной христианской традиции женщины играют важную роль в сохранении и передаче духовных и культурных ценностей. Они выступают в качестве хранительниц

традиционных знаний и социальных посредников. Традиционно в Армении именно женщины являются опекунами, педагогами и моральными наставниками для своих семей, внушая им важность веры, морали и социальной ответственности.

Религиозный компонент является важнейшей частью армянской идентичности. И в городах, и в сельской местности нет недостатка в храмах. При этом в сельской местности, к примеру в Апаранском р-не Арагацотнского марза приходская жизнь практически полностью отсутствует. Многие информанты, назвавшие себя верующими приверженцами Армянской апостольской церкви, особенно мужчины, церковь не посещают и не причащаются. Повседневная религиозная жизнь сельских жителей этого региона протекает не в церкви. Центрами духовной жизни для сельчан являются сурбы.

Сурб в переводе с армянского «святой», «священный», «божественный». Сурбами называют домашние реликварии, общинные святилища, почитаемые природные объекты. Обустройство и посещение сурбов – наиболее распространенные формы народного христианства в Армении. Сурбом может быть хачкар, дерево, камень, родник, гора, пещера, икона, богослужебные предметы, старинные книги религиозного содержания – первопечатные или рукописные. Часто именно книги являются домашними реликвиями – тан сурбами («святыми дома»). Тан сурб наделяют способностью исцелять и помогать членам семьи в трудную минуту. «Святые дома» дают советы, являясь членам семьи во сне, и даже могут наказать за ослушание и неповиновение. В центральном помещении традиционного армянского дома глхатуна располагался «священный угол», в котором бережно хранилась семейная святыня. Эта традиция сохраняется и сегодня. У каждой святыни есть свой смотритель – тот, кто поддерживает в святилище порядок, имеет право прикасаться к святыне, сохраняет с ней духовную связь. Зачастую это пожилая незамужняя женщина, у которой имеется какой-либо физический недостаток.

В одном из домов в с. Лусагюх тан сурб Нарек – рукописное Евангелие – находится в специальной стенной нише в центральной комнате. Хранителем реликвии является С. – пожилая незамужняя прихрамывающая женщина 65 лет. Лишь она обладает правом прикасаться к книге. С. строго следит за соблюдением табу и правил взаимодействия со святым, за тем, чтобы святыня

не покидала дом. Прежде чем достать книгу, она зажигает жертвенные свечи для того, чтобы вызвать расположение сурба. Вместе с книгой в шкатулке хранятся православный образок и несколько предметов. Камешки, икона, ключ-крест и книга – это комплекс предметов, которые использовались в целительских практиках. Мать и бабушка С. также были хранительницами сурба и обладали способностью исцелять. Они использовали семейную реликвию при родовспоможении, лечили грыжи. Бабушка имела прямую связь с сурбом-святым, от него она получила дар исцеления, он помогал в лечении больных. Матери С. этот дар передался от бабушки. С. также обладает способностью исцелять телесные боли.

Святой дома семьи А. – книга «Нор Ктакаран» (Новый Завет) издания 1886 г. Бабушка А. принесла с собой этот сурб в 1918 г. из Карса, куда ее семья бежала из Муша. У бабушки было 14 детей, одной из дочек была Маро. Бабушка была целительницей, и Маро была целительницей. Бабушка передала свой дар и сурб Маро. Бабушка лечила испуг, раны и рубцы, умела делать лекарства из растений. Маро с детства хромала, была инвалидом, школу не посещала, замуж не вышла. Она лечила раны, ее вызывали на роды. Бабушка и Маро получили свой дар от семейного святого. Маро лечила книгой-сурбом и травами и занималась этим до самой своей смерти. И С. – хранительница Сурба Нарек, и Маро имеют физический недостаток. Вероятно, такие женщины становятся хранительницами реликвий, поскольку в азговом (родовом) армянском обществе им отводилась особая ритуальная роль целителя. Уборка в святилище также имеет ярко выраженный гендерный аспект. Она доверяется только девочкам и незамужним женщинам. Если в семье нет подходящего человека, в сурбе могут не убирать годами. Девочки в отдельном чистом тазике или в миске, где замешивается тесто, специальным куском мыла моют шушпы и подношения святому. Только им разрешено подметать и мыть пол в святилище.

Со святыми сурбами связаны женщины-целительницы, предсказательницы и гадалки. Они льют воск, используют в своей работе различные целительские практики. Часто прием клиентов и ритуалы проводятся ими в домашнем или сельском святилище. Они утверждают, что получили свой дар непосредственно от сурба-святого. Таких женщин в сельской местности уважают и побаиваются.

Роль женщины в армянском народном христианстве является многосторонней. Женщины почитаются как духовные посредники и даже лидеры, обладающие глубоким пониманием христианской веры и народных практик. Они являются носителями знания, которое передается из поколения в поколение, помогают поддерживать чувство общности, культурной идентичности и принадлежности к единой религиозной традиции.

С.Е. кызы Тарвердиева
Баку, Азербайджан, Бакинский славянский университет

Вклад женщин в историю образования: на перекрестке Востока и Запада (Азербайджан в начале XX в.)

Вопрос женского образования всегда был спорным моментом в истории развития человечества. Великие мужские умы задавались вопросом, быть или не быть женскому образованию. Поскольку именно они определяли поле действия женщин, они рассматривали женщин только с ракурса дома и быта. Известны даже суждения о сомнениях по поводу интеллектуальных способностей женщин. И тем не менее многие просветители своей эпохи не раз утверждали необходимость получения образования женщинами. Конечно же, оговаривался перечень необходимых знаний и предметов, но основной аргумент необходимости получения женщинами знаний был неоспорим: знания, полученные женщинами, должны были служить именно во благо семьи и ведению хозяйства. Основное предназначение женщины – ее репродуктивная способность, поле действия – дом, хозяин – мужчина. Но чем образованнее становились женщины, тем больше понимали трагичность своего положения и тем больше рвались к свободе. К свободе выбора и права голоса, к свободе получения образования, к свободе работать и получать равную с мужчинами оплату за свой труд и т.д.

Следует также отметить, что при изучении истории женщин на разных этапах развития человечества на первый план выходят разные субъекты истории. Невозможно однозначно охарактеризовать тот или иной фактор, воздействующий на процессы, т.к. влияние оказывают также различные специфические аспекты исторического момента или же географии. Например, если

мы говорим о вопросе образования женщины в век куртизанок, они были допущены к наукам, в то время как аристократки и простолюдинки были лишены данного права. «Отдельной перспективой открытия не-единства истории, ранее считавшейся всеобщей (и потому так и называвшейся – general history, allgemiene Geschiche), было признание права на существование не одной, а именно разных историй» [1, с. 82]. Речь идет о существовании и разных «женских историй» – истории европейских женщин и женщин Востока, Африки, истории женского социального опыта белых и черных, имевших высокий образовательный статус и не имевших вообще никакого образования, и т.п. Историческая феминология заставила научный мир говорить о «разных историях» (как это ни казалось сначала непривычным для уха), о множественности истории, такой подход оказался впоследствии, на рубеже XX–XXI вв., очень созвучным постмодернистской идее плюральности.

Например, изначально на Западе религиозные деятели, поняв роль и значение женщин в воспитании будущего поколения как распространителей своих религиозных воззрений, решили обучать женщин грамоте. Поэтому у истоков женского образования стоят монастыри. Мартина Сонне пишет: «Обычно дом был местом получения знаний, преимущественно в сфере домоводства. В период между XVI и XVIII в. использование домашнего пространства для обучения эволюционирует, но дом так и остается первым “школьным” помещением для обучения девочек. Когда приходит осознание, что для них необходимо знать больше и лучше, появляются альтернативы: монастырь, небольшая школа, светский пансион» [2, с. 124]. Однако перечень предлагаемых для обучения женщин наук везде был ограничен: письмо, начальная математика, шитье и домоводство. Список мог меняться, но суть оставалась неизменной. Женщины не допускались к серьезным наукам. Целью их обучения не предполагалось саморазвитие, и тем более влияние на других своими советами. Главный замысел был в том, чтобы женщина легче было ориентировалась в быту, где было ее неизменное основное место и род деятельности. Но ход истории, конечно же, движется вперед, и с течением времени все больше становилось понятно, что женщин в этих оковах не удержать. Появились ряд трактатов и памфлетов, где говорилось о необходимости соблюдения прав

женщин. Сами женщины стали отстаивать свои права на образование, право голоса и выбора и т.д. Желание озвучивать и реализовать свои права привело к созданию женских сообществ, организаций, где они могли объединиться для борьбы. И XIX в. в этом плане является важным историческим периодом на пути достижения целей для женщин.

Что же происходит в Азербайджане в данный период? XIX в. для Азербайджана также является периодом развития женского образования. В истории Азербайджана, конечно же, были женщины-правители, поэтессы. Но они так же, как в Европе и в России, были представителями высших сословий. Например, первая на Востоке женщина-дипломат Сара хатун, мать правителя Ак-Коюнлу Узун-Хасана в XV в. Или же поэтесса Хуршудбану Натаван, дочь Карабахского хана. Но эти примеры были лишь исключениями из правил. Уже в XIX в. появляется ряд женских благотворительных сообществ, где обсуждаются проблемы прав женщин. Например, в числе членов сообщества «Святая Нина» в Тифлисе было 17 азербайджанок. А в Иреванской губернии общество «Святой Рипсиме» открыло школу, где из 65 учениц 45 были азербайджанками. В последующие годы именно эти женщины станут способствовать развитию женского образования в Азербайджане. Следует отметить, что на Востоке было намного сложнее убедить людей в необходимости получения образования женщинами. И тем не менее в различных регионах Азербайджана открывались женские гимназии. Так, например, в 1872 г. в Закаталах, в 1873 г. в Шуше, в 1883 г. в Гяндже открылись гимназии, где девочки обучались различным наукам. А в 1901 г. за счет мецената Зейналабдина Тагиева под руководством его жены Сона ханум открывают первую русско-мусульманскую педагогическую школу для девочек. В 1910 г. в Тифлисе создают Благотворительное общество мусульманских женщин Кавказа, которые также способствуют открытию женских школ. А в 1914 г. ячейка этого общества открывается и в Баку. Однако в Азербайджане большинство школ для девочек действовали в домах просвещенных аристократок. На страницах азербайджанской истории навсегда останутся имена этих женщин: Фатима Асадбекова, Рахиля Гаджибабабекова, Сакина Ахундзаде, Ханифа Меликова-Абаева, Гамида Джаваншир, Софья Шахтахтинская и т.д.

В это же время, в 1911 г., выходит первый женский журнал под названием «Свет» под руководством Хадиджи Алибековой, где публикуются статьи о правах женщин. Конечно же, в Азербайджане и прежде выходили газеты и журналы, где освещали проблемы женщин. Но этот журнал был первым изданием, где издателем и редактором была женщина.

Благодаря этим факторам мы сейчас отмечаем, что впервые на Востоке представителями таких сложных творческих профессий, как композиторы, художники, архитекторы, летчики, балерины, были женщины Азербайджана. Фактически Азербайджан является ведущей страной на Востоке в вопросах развития и достижений женщин. А в вопросах политического равноправия женщин и мужчин Азербайджан даже опередил многие прогрессивные европейские страны. В Азербайджане еще в 1918 г. женщины обрели право голоса. Исходя из всех факторов, в дальнейшие годы перед женщинами Азербайджана открылись новые горизонты развития и самореализации.

Список литературы

1. *Дюлон К.* «Хозяйки» и салоны // История женщин на Западе: в 5 тт. Т. 3. Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. СПб.: Алетейя, 2008. С. 246–251.
2. *Пушкарёва Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 495 с.

К.К. Басирова
Махачкала, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН

Положение женщины и преобразования семейного быта у народов Дагестана в советский период

Одной из характерных черт семейного быта являлось строгое соблюдение половозрастного разделения и кооперации труда, во всех районах на плечи женщины ложились многочисленные обязанности по дому, а во многих – и вне дома. За годы советской власти в семейных отношениях народов Дагестана произошли глубо-

кие изменения [2, с. 34], которые обусловили формирование семьи советского типа и трансформацию ее структуры и функций.

Огромную роль в этом сыграли созданные в Дагестане в 1920-х годах женотделы при областных, окружных и городских комитетах партии. Женсоветы активно помогали женщинам в их борьбе за свои права. Большое значение для улучшения быта женщин и повышения культуры имела созданная в 1926 г. при ЦИК ДАССР Межведомственная комиссия по улучшению труда и быта горянок [3, с. 169]. Повседневная политико-воспитательная и культурно-просветительная работа среди женщин проводилась делегатскими собраниями, избами-читальнями, красными уголками, саклями горянок, клубами. В них велась пропаганда правовых знаний, работа по охране материнства и младенчества, развитию культурных навыков для воспитания детей, ликвидация неграмотности среди женщин, их профессиональное обучение. Организовывались курсы кройки и шитья, создавались мастерские, производственные артели, профтехшколы. Женщины активно вовлекались в кооперативы, промысловые артели, которые формировали у них навыки коллективного труда и профессиональной деятельности [4, с. 48].

Постепенно они стали занимать равное с мужчиной положение во всех звеньях народного хозяйства и культуры. Повышение уровня общих и профессиональных знаний позволило женщине Дагестана выполнять организаторские, руководящие функции. Эти процессы изменили положение дагестанской женщины в семье, повысили ее место и роль как в обществе, так и быту. Полевые этнографические данные свидетельствуют о фактическом равенстве супругов во всех сферах жизни семьи. Обычно жена распоряжалась бюджетом семьи, следила за рациональным использованием заработной платы. Глава семьи советовался с другими ее взрослыми членами по тем пли иным вопросам. Сохранилось и получило дальнейшее развитие характерное для дагестанской семьи традиционное уважение к старшим. К их мнению прислушивались, их советам следовали [1, с. 201].

Ряд работ, считавшихся в прошлом женскими, а часто и непрестижными (уход за домашним скотом, уход за маленькими детьми, работа на приусадебном участке и др.), выполнялись совместно женщинами и мужчинами или теми, кто в данное время был свободен. Это давало возможность женщинам уде-

лять больше внимания воспитанию детей, повышать свой профессиональный и общественный статус. Женским делом по-прежнему остались хлебопечение, стирка и глажение одежды, переработка молочных продуктов, приготовление еды, уборка помещения и другие работы, связанные с поддержанием чистоты, порядка и уюта в доме. Значительной обязанностью женщины-матери в семье являлась забота о детях и организация распорядка жизни в семье. Мужчины ухаживали за скотом, засевали и поливали приусадебный участок, ухаживали за фруктовыми деревьями, заготавливали топливо, сено.

Ответственность за воспитание детей несли перед семьей и обществом оба супруга – и муж, и жена. Семьи стремились воспитать в своих детях трудолюбие, честность, добросовестное и творческое отношение к делу, самостоятельность, уважение к людям, почитание старших. Важнейшей формой деятельности, формирующейся в детстве, являлся труд [5, с. 132]. Когда ребенку исполнялось 6–7 лет, семья приучала его к хозяйственной деятельности (по дому, на приусадебном участке). Как пишет М.К. Мусаева, «для того, чтобы приучить детей к труду, использовали были, притчи, прибаутки» [6, с. 150]. Школа и общественные организации оказывали влияние на семью, на воспитание детей. Была создана сеть детских дошкольных и внешкольных учреждений, интернаты при крупных школах и школы-интернаты. Эти учреждения благотворно влияли на семейно-бытовой уклад.

Важное значение имел для семьи рост денежных доходов населения, доходов многодетных семей, улучшение их жилищно-бытовых условий, развитие сети детских дошкольных учреждений, единовременные пособия по случаю рождения ребенка, увеличение ежегодного отпуска женщинам-работницам, имеющим двух или более детей в возрасте до 12 лет.

Рост благосостояния семей иллюстрировался широким развитием жилищного строительства. Дом дагестанской семьи в сельской местности обычно состоял из нескольких жилых комнат, обставленных мебелью. В быт горца вошли фабрично-заводская посуда, телевизоры, радиоприемники, холодильники, швейные машины, ковры. Дома городского типа строились с большими окнами, галереями, верандами, лоджиями, балконами. В быт трудящихся села широко вошли электричество, газ, водопровод, малая механизация домашнего труда, которые сви-

детельствовали о ликвидации различий в культурно-бытовом уровне населения города и села. В Дагестане увеличивался объем коммунально-бытовых услуг в расчете на душу населения. Это ремонт и индивидуальный пошив одежды и обуви, ремонт мебели, бытовых машин и приборов, жилищ, услуги прачечных, бань и парикмахерских. Многие хозяйки пользовались услугами предприятий обслуживания, что позволило экономить время и силы, затрачиваемые на бытовые нужды, уделять больше внимания семье, детям, своему интеллектуальному развитию.

Таким образом, забота о семье, о женщине, о создании благоприятных условий для осуществления репродуктивной и воспитательной функции семьи стала государственной политикой, нравственным законом советского общества. Построение развитого социалистического общества в корне изменили образ жизни народов Дагестана, привели к коренному преобразованию быта дагестанской семьи.

Список литературы

1. *Алиев А.К.* Народные традиции, обычаи и их роль в формировании нового человека. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1968. 290 с.
2. *Гаджиева С.Ш.* Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1967. 105 с.
3. *Гаджиева С.Ш.* Современная культура и быт народов Дагестана. М.: Наука, 1971. 240 с.
4 . *Гаджиева С.Ш., Янкова З.А.* Дагестанская семья сегодня. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1978. 120 с.
5. *Мусаева М.К.* Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала: ИД «Наука плюс», 2006. 220 с.
6. *Мусаева М.К.* Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. 252 с.

Т.Т. Дауева
Владикавказ, Северо-Осетинский институт
гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева,
филиал ФГБУН Федерального
научного центра «Владикавказский научный центр РАН»

Традиция умыкания девушек и современное ее осмысление

Интересно, что сегодня многие считают умыкание элементом национальной свадебной традиции. Существует достаточно много материалов и исследований, в которых похищение женщин на Кавказе сводится к насилию, приводятся различные положения для урегулирования этого вопроса. Мы решили исследовать данный вопрос на территории Северной Осетии, среди осетинского этноса. Несомненно, тема актуальна.

В настоящее время принято заключать браки двумя способами: путем сватовства по взаимному сговору между родственниками жениха и невесты, а также с помощью умыкания девушки, будущей невесты. Последнее явление, согласно этнографическим источникам, считалось нарушением брачно-семейных норм и влекло за собой такие последствия, как кровная месть.

Сложно выделить одну причину, по которой умыкание настолько популярно среди осетин. Основной причиной попрежнему остается опускание большей части свадебных традиций с целью сокращения материальных расходов.

Исследование судебных материалов объясняет причины происходивших похищений в процессе заключения брака. 1) Семья девушки не всегда принимала сватовство молодого человека, т.к. обращала внимание на условия жизни жениха, на родовитость фамилии и на его возможность быстрой уплаты калыма. Неудовлетворенность одним из условий приводила к отказу в заключении брачного союза. 2) В случае, если один из претендентов на руку девушки был из другого осетинского поселения, а второй являлся односельчанином, то предпочтение отдавалось последнему. 3) Если несколько парней сватали одну и ту же девушку, то один их них, опасаясь выбора не в его пользу, решался на умыкание, хотя зажиточные женихи в таких случаях могли предложить семье невесты двойной калым. 4) Если у девушки

были старшие незамужние сестры, то какой бы калым парень ни предлагал, он всегда получал отказ, т.к. младшая сестра не могла выйти замуж до тех пор, пока не выйдут старшие. В таких случаях парень решал вопрос путем умыкания девушки. На сегодняшний день данное требование сохранилось, однако категорического запрета нет. В случаях, если младшая сестра выходит замуж ранее, старшим сестрам полагаются подарки.

Мы изучили 30 уголовных дел, возбужденных в связи с умыканием девиц в Осетии с 1872 по 1919 г. Условно умыкание можно разделить на две формы: насильственное и формальное, т.е. фиктивное.

К фиктивному умыканию прибегали в некоторых случаях. Причиной могло быть несогласие родителей невесты на брак, высокий калым, сословное неравенство или то обстоятельство, что девушка была засватана за другого.

Последствия заключения брака вопреки желанию родителей были достаточно суровы как для жениха, так и для невесты. Родители девушки могли лишить ее права возвращения домой в случае развода и права посещения своей семьи. Известны случаи, когда семья невесты отказывалась брать калым, считая, что умыканием ей нанесли оскорбление. Рождение детей являлось главным поводом для примирения враждующих сторон.

Еще одной причиной формального похищения было желание родителей сократить свадебные расходы, т.к. умыкание не предполагало сватовства и организации свадьбы. К такой форме брака прибегала малоимущая часть населения. Подобное умыкание не являлось поводом для уголовного дела, поскольку последнее обычно заводилось по просьбе отца или брата похищенной. В своих отчетах старшины указывали, что слышали об умыкании девушки, протоколировали случай, но на этом дело заканчивалось, т.к. девушка добровольно согласилась на похищение и родители не имели ничего против.

Насильственное умыкание могло служить поводом серьезного столкновения между фамилиями в исследуемый период. Умыкание часто происходило с применением силы и всегда приводило к конфликту.

Проанализировав архивные материалы, мы пришли к выводу, что, несмотря на распространенное мнение об отсутствии выку-

па за невесту при похищении, калым во многих случаях все же выплачивался.

На сегодняшний день мы сталкиваемся с некоей вариацией умыкания, которой несвойственны классические причины умыкания. Решение об умыкании принимают сами молодые, жених ставит в известность своих родителей, т.к. им нужно подготовить торжественный стол, пригласить некоторых родственников и соседей. Обычно при разговоре с девушкой он заранее говорит ей о намерении жениться, и молодые могут выбрать форму вступления в брак исходя из финансовых ситуаций семей.

Практика похищения невест оказалась настолько живучей, что существует до настоящего времени. Она интерпретируется, модернизируется, обосновывается новыми причинами и практикуется параллельно традиционному свадебному обычаю. Сама процедура умыкания переняла характерные для традиционной свадьбы обычаи и ритуалы, что может говорить о вхождении умыкания в традицию.

Б.Б.-А. Абдулвахабова
Грозный, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова

Памяти К.З. Махмудовой (1956–2019) – ученого, педагога

Кемси Зелимхановна Махмудова – одна из ярчайших личностей научной интеллигенции Северного Кавказа в современную эпоху. К.З. Махмудова, занимая разные должности в республике, и в административной, и в педагогической сферах, начиная со студенческой скамьи активное участие принимала в научно-исследовательской сфере. Известный историк, этнограф, К.З. Махмудова вложила огромную энергию и труд, чтобы объективно, профессионально изучать неисследованные страницы истории и культуры чеченского народа, и достойным результатом стали ее многочисленные научные статьи, публикации, монографии. Занимая высокую административную должность в республике, сразу после окончания военных действий очень много работы предприняла она по социальной помощи людям, которые пострадали в военное лихолетье.

Судьба предоставила К.З. Махмудовой недолгую, но яркую, порой трагическую, насыщенную жизнь. Далеко не каждый так достойно пройдет отмеренной судьбой дорогой жизни. К.З Махмудова была удивительно ярким человеком, в котором сочетались черты жизненной мудрости, глубокой порядочности, человечности, принципиальности, ее характеризовали высокие этические качества, заложенные в ней традиционным семейным воспитанием.

К.З. Махмудова (Ерзанукаева) родилась 16 декабря 1956 г. в г. Актюбинске Казахской ССР в семье Ерзанукаевых. В 1957 г. семья вернулась на родину и обосновалась на постоянное место жительство в г. Гудермесе. В 1974 г. с отличием завершив среднее образование в школе № 1 г. Гудермеса, пройдя большой конкурс, в том же году она поступает на исторический факультет ЧИГУ им. Л.Н. Толстого.

С первых дней учебы в вузе Кемси Зелимхановна втянулась в студенческую стихию, все годы обучения училась на отлично, была Ленинской стипендианткой. В студенческие годы серьезно увлеклась научной деятельностью, активно принимала участие в работе студенческих научных конференций и начала публиковать научные статьи по древнему периоду истории чеченского народа, принимала участие в археолого-этнографических экспедициях.

В 1979 г. Кемси с отличием – с красным дипломом – окончила учебу на историческом факультете ЧИГУ им. Л.Н. Толстого. Начала свою трудовую деятельность организатором по воспитательной работе и преподавателем истории в средней школе № 3 в Гудермесе. Невзирая на отсутствие свободного времени: его отнимали и работа в школе, и проблемы в семье – научную деятельность Кемси не прекращала. Наоборот, научные интересы ее постоянно расширялись. С 1983 г. вся ее дальнейшая преподавательская работа оказалась тесно связана с историческим факультетом Чечено-Ингушского госуниверситета, где К.З. Махмудова трудилась сначала в должности ассистента кафедры всеобщей истории, а с 1993 г. – старшего преподавателя, доцента кафедры музееведения и культурологии. Работая с разными этнографическими, историческими и др. источниками, Кемси Зелимхановна всё больше увлекалась историческим периодом XVIII – первой половины XIX в., когда происходят эпохальные

события в истории чеченского народа, в корне изменившие судьбу этого народа.

В 1989 г. К.З. Махмудова поступила в аспирантуру ЧИГУ по специальности «история». Постепенно воплощая свои научные мечты в статьях, выступая на различных научных форумах с докладами по истории, археологии, этнографии народов Кавказа, Кемси определилась с темой для кандидатской диссертации по направлению этнографии. В процессе своей педагогической деятельности К. Махмудова издает научно-методические разработки, программы курсов и т.д.

В тяжелые 1990-е годы К.З. Махмудова упорно трудится над избранной темой. В 1993 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова Кемси Зелимхановна защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Вайнахи конца XVIII – середины XIX в. (историко-этнографическое исследование)». В тяжелые годы военных действий в Чечне семья Махмудовых испытала все тяготы, которые выпали на долю чеченского народа. Дом, в котором проживала семья К.З. Махмудовой в Грозном, был стерт с лица земли в период бомбардировок Грозного, семья еле спаслась от гибели под ударами.

После завершения двух страшнейших чеченских войн К.З.Махмудова проработала в должности заместителя министра труда, занятости и социального развития Чеченской Республики восемь лет. Испытывая чувство сострадания к обездоленным, оказавшим без жилья, потерявших близких и родных, к детям-сиротам, инвалидам, Кемси Зелимхановна отдавала всю свою энергию, пытаясь по мере возможности помогать этим людям. И эти старания, конечно, были заслуженно вознаграждены. К.З. Махмудова была удостоена медали «За заслуги перед Чеченской Республикой» в 2008 г.

Несмотря на занятость в государственной службе, у Кемси не ослабевает интерес к истории своего народа. Одновременно она продолжает кропотливую, увлеченную работу в научной сфере, анализируя разные направления избранного периода. Все это подтверждается анализом многочисленных научных трудов Кемси Зелимхановны.

Серьезно привлекала К. Махмудову тематика духовной и материальной культуры чеченского народа. Она часто обращалась в своих научных изысканиях к этой проблеме. Так, в очередной

статье автор рассматривает традиции и новации в чеченской семье, т.к. в современных условиях данная тема приобретает особое значение. В студенческой аудитории Кемси Зелимхановна пыталась донести до молодежи важнейшие составляющие чеченской традиционной семьи, проводя большую воспитательную работу среди студентов. Исследуя общественный быт чеченцев XIX–XX вв., привлекая разноплановые источники, отмечала, что большинство обычаев чеченцев способствовали формированию дружественных отношений с другими народами, что общественные институты гостеприимства, куначества, побратимства и т.д. являлись стабилизаторами социального взаимодействия и общественных связей внутри горских обществ и с соседними народами.

Диапазон научных интересов К.М. Зелимхановой был очень широким и разноплановым. Она пишет и критические статьи, объективно анализируя труды дореволюционных и современных авторов. В своих научных изысканиях, в выступлениях на различных научных форумах К.З. Махмудова, будучи ученым-интернационалистом, постоянно подчеркивала позитивные последствия дружеских межнациональных связей народов Северного Кавказа и России.

Кемси Зелимхановна, как вузовский работник (она совмещала преподавательскую деятельность с должностью советника ректора ГГНТУ), постоянно общаясь с молодежью, пыталась воспитывать ее на примерах истории, вносить в сознание студенческой молодежи научные концепции об историческом прошлом, духовно-нравственной культуре чеченцев, вобравшей многовековую мудрость, гуманизм, помогавшие народу выжить, сохранить себя и свою культуру на сложных перепутьях, крутых поворотах, выпавших на их долю во время известных всему миру трагических исторических событий.

К.З. Махмудова опубликовала не менее 160 исследовательских трудов, учебно-методических изданий, учебных пособий и продолжала публиковаться до конца своих дней. Труды ее издавались как в российских научных журналах, включенных в перечень ВАК, так и в изданиях, цитируемых в Scopus, Web of Science. Она является автором двух монографий. Первая монография, изданная в 2012 г., посвящена особенностям культурно-этнографических процессов вайнахов XVIII – первой половины

XIX в., теме, не потерявшей по сей день своей актуальности. Но фундаментальным трудом К.З. Махмудовой явилась монография «Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е годы XIX в.».

Итогом многолетнего скрупулезного научного труда К.З. Махмудовой явилась докторская диссертация «Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е годы XIX в.». Кемси Зелимхановна задействовала в своих исследованиях огромную научную базу: ресурсы РГВИА, Архива внешней политики Российской империи, РГАДА и т.д. Отметим и широчайший диапазон ее ВАКовских публикаций.

Кемси Зелимхановна Махмудова трижды совершила паломничество в Мекку. Она была эталоном чеченской женщины, ярким, талантливым исследователем, который оставил немеркнущий след в истории чеченского народа.

М.С.-Г. Албогачиева
Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Научное наследие Л.З. Кунижевой

В статье будет представлен анализ научного наследия первого профессионального этнографа абазинского народа, кандидата исторических наук Лели Замахшериевны Кунижевой.

Успешно закончив среднюю школу, она поступила в Карачаево-Черкесский педагогический институт, который закончила с отличием в 1966 г. Получив высшее образование, она по распределению вернулась в Карачаево-Черкесию и работала два года учительницей в школах хутора Фроловский и аула Икон-Халк. Трудолюбивую и способную молодую абазинскую девушку трудно было не заметить. Пунктуальная, исполнительная, талантливая и любознательная, она отличалась от своих сверстниц.

Регион нуждался в своих профессиональных кадрах и регулярно отправлял в аспирантуру Москвы, Ленинграда, Тбилиси талантливых и подающих надежды молодых людей, в числе которых оказалась и Л. Кунижева. В 1969 г. она поступила в аспирантуру Ленинградского отделения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Известный кавказовед Леонид

Иванович Лавров, который многие годы занимался изучением абазинского народа и издал несколько работ, посвященных этому малочисленному народу, ставших классическими в отечественном кавказоведении, стал ее научным руководителем. Сельской учительнице, приехавшей в Ленинград, удалось наладить дружеские отношения и с коллегами, и с научным руководителем. Ее коммуникабельность и творческий подход к любой теме позволял ей двигаться в научном поиске дальше других. Хорошее знание абазинского языка и ее умение во время полевых исследований работать с людьми дали уникальную возможность запечатлеть различные аспекты как материальной, так и духовной культуры абазинского народа. Результатом ее творческого и научного подхода стала кандидатская диссертация, успешно защищенная в стенах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН в 1974 г. по теме «Домашние промыслы и ремесла абазин (XIX – начало XX в.)». Официальными оппонентами диссертации были доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой этнографии и антропологии исторического факультета Ленинградского государственного университета Рудольф Фердинандович Итс и кандидат исторических наук, научный сотрудник Кавказского кабинета Института народов Азии АН СССР Саурмаг Саргисович Какабадзе (1928–1977). Оба оппонента являлись признанными учеными, внесшими существенный вклад в этнографическую науку. Их согласие быть оппонентами свидетельствует о высоком уровне диссертационного исследования Л.З. Кунижевой. Знания, полученные во время обучения у корифеев науки в стенах петровской Кунсткамеры, она пронесла через всю свою жизнь, изучая и вводя в научный оборот никем до нее не изученные и не описанные этнографические и исторические материалы, касающиеся абазинского народа. Научные интересы Лели Кунижевой были столь широки и многоплановы, что трудно найти проблему, которой бы она не коснулась в своих исследованиях. Л.З. Кунижева – автор более 60 научных трудов, в том числе монографических исследований «Абазины: историко-этнографический очерк» (Черкесск, 1989) (в соавт.), «Народные промыслы абазин» (Черкесск, 2005), «Абазины в источниках иностранных и российских авторов» (Черкесск, 2008) и др. Ею написан раздел по абазинам в учебном пособии для учащихся старших классов

«Народы Карачаево-Черкесии: история и культура» (Черкесск, 1998).

С 1974 г. и до конца своей жизни Л.З. Кунижева работала в Карачаево-Черкесском институте гуманитарных исследований, пройдя путь от младшего научного сотрудника до ведущего научного сотрудника. В последние годы своей научной работы она была заведующей сектором этнографии народов Карачаево-Черкесии и отделом абазиноведения.

Как профессиональный этнограф-абазиновед Л. Кунижева воплотила в себе непреходящие по своей ценности традиции российской этнографии. Прекрасное владение абазинским языком позволило ей ввести в научный оборот многие материалы, касающиеся различных аспектов абазинской культуры и этнографии. В работах Лели Замахшириевны подняты и отражены различные проблемы этнографии, этнической истории, социальной организации абазинского народа, которые позволяют изучать не только историко-этнографические аспекты бытования народа, но и другие, смежные вопросы, касающиеся языка и культуры абазинского народа. Возможно, именно из-за такого комплексного подхода работы Л. Кунижевой в равной мере интересны специалистам в разных областях науки: как историкам, так и филологам, философам и даже краеведам.

Ее опыт и знания были очень востребованы в Карачаево-Черкесии. Она была экспертом по всем вопросам, связанным с историей, этнографией и антропологией абазинского народа. На радио и телевидении она всегда была долгожданным гостем. В июне 1993 г. на государственной телерадиовещательной компании «Карачаево-Черкесия» вышла в эфир первая телевизионная передача на абазинском языке. Цикл передач «Наши обычаи» неизменно вела Леля Кунижева. Они пользовались большим интересом зрителей, имевших возможность из уст первого профессионального этнографа абазинского народа слышать различные интересные истории из жизни абазин, узнавать об их традициях и обычаях на родном языке. К великому сожалению, за 50 лет в абазинском обществе не появились исследователи такого уровня, как Л. Кунижева. Большая часть кандидатов исторических наук преподают в вузах или ушли в коммерческие структуры. До сегодняшнего дня Леля Змахшириевна остается единственным исследователем, скрупулезно собиравшим этнографические материалы

о своем народе, которые не только не утратили своей значимости, но и продолжают оставаться важным источником для исследователей, занимающихся изучением истории и этнографии народа. К юбилейной дате защиты ее диссертации автором доклада готовится издание «Научное наследие Л.З. Кунижевой».

М.Б. Гимбатова
Махачкала, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН

Вклад Б.М. Алимовой в развитие дагестанской этнографической науки

Первая женщина – доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Республики Дагестан из Кайтага Барият Магомедовна Алимова родилась 16 ноября 1937 г. в с. Маджалис Кайтагского р-на ДАССР.

Б.М. Алимова пришла в науку в довольно зрелом возрасте. В 1974 г. она поступает в аспирантуру ДагФАН АН СССР. В 1976 г. в Москве в Институте этнографии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР она защищает кандидатскую диссертацию «Брак и свадебные обычаи кумыков в прошлом и настоящем (конец XIX – XX вв.)». После защиты диссертации Б.М. Алимова сразу включается в работу отдела этнографии ИИЯЛ ДагФАН СССР и вместе с его сотрудниками отправляется в этнографические экспедиции. За годы своей работы в отделе этнографии Барият Магомедовна объездила почти весь Дагестан, побывала в самых отдаленных его уголках. Научные интересы Б.М. Алимовой чрезвычайно широки; нет, пожалуй, ни одного раздела в этнографии Дагестана, которым бы она не занималась. Это и хозяйство, и вопросы материальной культуры, семьи и семейного быта.

Барият Магомедовна одна из первых приступила к исследованию малочисленных народов, ее монография «Табасаранцы (XIX – нач. XX в.): историко-этнографическое исследование» стала эталоном для других в написании подобных трудов по народам Дагестана. Она первая рассмотрела систему питания

народов Дагестана с культурологической точки зрения, придав, казалось бы, обыкновенным предметам народной культуры: хлебу, напиткам и т.п. – научно осмысленную весомость. Ее рассуждения на тему культуры питания переросли в докторскую диссертацию «Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX – нач. XX вв.», которую она защитила в 2003 г.

Барият Магомедовна – автор более 200 научных публикаций, в том числе в энциклопедиях «Народы России», «Народы мира», «Энциклопедия культур народов Юга России», «Народы и религии мира», в сборнике «Народы Дагестана», а также за рубежом (США) в энциклопедии «Мировых культур», и 13 монографий: «Сценарий безалкогольной свадьбы (методические рекомендации)» (1986) (в соавт.); «Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем (равнинный Дагестан)» (1989); «Табасаранцы. XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование» (1992); «Ботлихцы. XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование» (1993) (в соавт.); «Годоберинцы. Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в.» (1997) (в соавт.); «Кайтаги. XIX – начало XX в.» (1998); «Из истории духовной культуры табасаранцев» (2000) (в соавт.); «Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX – XX вв.: общее и особенное в свете генетических истоков и этнокультурных взаимодействий» (2003); «Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в.» (2005); «Этнокультурное взаимодействие в материальной культуре южных кумыков и дагестанских азербайджанцев (XIX–XX вв.)» (2007); «Этнокультурное взаимодействие и взаимовлияние народов Дагестана и Северного Кавказа в XIX–XX вв. (на примере культуры питания)» (2012) и др.

Возвращаясь к книге «Табасаранцы (XIX – нач. XX в.): историко-этнографическое исследование», хотелось бы отметить, что Б.М. Алимовой удалось показать историю табасаранцев как отдельного самостоятельного народа, состоявшего в тесных взаимосвязях с другими народами Дагестана, особенно Южного, и составлявшего с ними единую дагестанскую этнокультурную и историко-культурную общность.

В этнографической части работы Б.М. Алимовой освещены основные занятия табасаранцев, представлена социально-экономическая природа поселений, описаны типы жилищ, прослежена связь истории жилища и поселения с эволюцией обще-

ственного и семейного быта. Много познавательного написано о табасаранской одежде, специфике мужской и женской одежды, об этнических влияниях и взаимодействиях, отразившихся в одежде табасаранцев. Содержательным получился и раздел о пище табасаранцев, богатство и разнообразие блюд которой поражает.

Один из самых интересных разделов книги посвящен семье; в нем представлены формы семьи и брака, большой цикл семейной обрядности табасаранцев. Другим, не менее интересным разделом, является раздел, посвященный общественному быту и жизни табасаранцев. В книге показана высокая общественно-политическая культура табасаранцев, зрелый уровень их общественной жизни, развитость общественных институтов и традиций, разнообразие и разработанность общественно-бытовой обрядности, место общины в регуляции разнообразных общественных институтов и обрядов, выступающей в роли и качестве гаранта общественного порядка и безопасности и личной защищенности членов общины.

Много внимания автор уделяет и освещению духовной культуры табасаранцев. С большой долей достоверности и объективности представлены фольклор и образование, религиозные верования и народная медицина.

Завершает книгу раздел о социалистических преобразованиях в быту и культуре табасаранцев. Б.М. Алимова показывает, что в этих областях произошли бесспорно положительные сдвиги, повысился жизненный уровень, наблюдаются большие изменения к лучшему в семейном и общественном быту, образовании, народной культуре, медицине.

С такой же научной достоверностью и любовью к объекту исследования написана и другая книга Б.М. Алимовой – «Кайтаги. XIX – начало XX в.». Будучи уроженкой Кайтага, автор подробно описывает все нюансы бытовой и духовной культуры кайтагов, глубокое знание предмета позволило всесторонне рассмотреть жизнедеятельность этой этнической группы даргинцев.

В сфере научных интересов Б.М. Алимовой оказалась система питания тюркоязычных народов Дагестана. В 2012 г. вышла в свет ее монография «Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в.».

Используя большой фактологический материал, Б.М. Алимова выявляет генетические корни отдельных элементов культуры пи-

тания и конкретных блюд, определяет основные факторы становления и развития этнокультурных особенностей в том и другом, место и роль культурных традиций, направление и степень этнокультурного взаимодействия тюркоязычных народов Дагестана, прослеживает влияние специфики социальной истории на культуру питания этих народов, показывает общее, повсеместное и особенное, локальное в традиционной культуре питания у исследуемых народов в ее историческом развитии. Кроме того, в монографии проведены широкие культурно-исторические параллели с соответствующими формами традиционной культуры других народов Дагестана, Северного Кавказа, Закавказья, тюркоязычного населения России, ближнего и дальнего зарубежья с целью выявления этнических и локальных вариантов традиционной культуры питания и пищи в плане их истории и эволюции.

Исследование Б.М. Алимовой содержит совершенно новые подходы к изучению пищи и культуры питания этих народов. Новым является то, что впервые детально исследуются поведенческие, ритуальные и престижные аспекты питания. Работа написана во взаимосвязи поведенческого и престижного аспекта системы питания с традиционными нормами общественных традиций, морали, этикета и характеризует взаимоотношения людей и нормы поведения во время семейной, гостевой, праздничной, ритуальной трапез.

Принципиально новые подходы применены также к структуре работы. Помимо выделения отдельных проблем, раскрывающих роль и место пищи и пищевых продуктов в повседневном и обрядовом меню тюркоязычных народов Дагестана, отмечена особая роль традиционных блюд в ритуально-обрядовой пище, выделяются конкретные черты пищи и пищевых продуктов в обрядах каждого народа и общие для всех тюркоязычных народов Дагестана, Кавказа, других народов особенности. Еще раз хочется отметить, что подобное исследование пищи и культуры питания тюркоязычных народов Дагестана было проведено впервые.

Труд ученого не остался незамеченным. Б.М. Алимова награждена медалью «За доблестный труд», грамотой Президиума РАН», почетными грамотами ДНЦ РАН и ИИАЭ ДНЦ РАН, в 2006 г. ей было присвоено звание заслуженного деятеля науки Республики Дагестан.Под руководством Барият Магомедовны

защитилось шесть аспирантов, которые сейчас преподают в вузах и занимаются наукой.

Вклад Б.М. Алимовой в развитие дагестанской этнографической науки неоценим, с ее трудами и с ней лично знакомы практически все этнографы Северного Кавказа и старшее поколение отдела Кавказа Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Труды Б.М. Алимовой стали настольными книгами для российских этнографов, исследующих традиционно-бытовую культуру народов Кавказа.

С.А. Козлов
Санкт-Петербург, Высшая школа технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна

Нина Васильевна Потокова: историк-американист и терская казачка

В последние десятилетия большой интерес в гуманитарных науках вызывают исследования, посвященные ученым XX в., что было вызвано и разработкой биографического метода, который стал активно применяться в работах о «человеке науки». Для ученого (советского ученого, женщины-ученого) были выделены следующие траектории биографии: научная социализация, карьерный рост, научный поиск, взаимодействия в научном поле (контакты, полемики, конфликты), вненаучная траектория (семейная, миграционная и др.) [10, с. 6, 9]. При этом важное значение приобретает личностная память о прошлом ученого, которая является «в каких-то случаях спасением и самооправданием, в других – аргументом, в третьих – источником вдохновения и творчества» [9, с. 323]. В этой связи реконструкция научной биографии доктора исторических наук, профессора Н.В. Потоковой представляет особую значимость, т.к. она относится к т.н. биографиям «ученых в вихре времени» [5, с. 5, 6].

В социальной сети «Одноклассники» на странице сообщества «Волонтерское движение “Единство”. Помощь в поиске родных по всему миру» 17 августа 2021 г. Руслан Кединский разместил следующий пост: «Прошу помочь найти Потокову Нину Васильевну <…>. Проживала в Грозном и преподавала на историче-

ском факультете ЧГУ (ЧИГУ). Выехала из Грозного уже после войны [чеченской. – *С.К.*] <…>. Самим узнать ничего не удалось, кроме того, что, согласно последней информации, она была в Москве. Мы ее студенты. Ищут ее ученики» [6].

Статья основывается на личных воспоминаниях автора об ученом. Родилась Н.В. Потокова в 1928 г. (?) в станице Червленной, ее девичья фамилия – Титкина. Род терских казаков Титкиных берет свое начало от обрусевших представителей вайнахского тайпа гуной [1].

Знания по истории станицы Червленной у Нины Васильевны были неисчерпаемые. Будучи студентом исторического факультета ЧИГУ, я в июле 1983 г. проходил фольклорную практику в станице Червленной, и Н.В. Потокова оказывала мне всяческую поддержку [2, с. 3]. По ее инициативе мною со слов станичного учителя-краеведа В.С. Дегтяревой было записано предание об обычае куначества. Впоследствии это предание было опубликовано в книге по истории терско-гребенского казачества [4, с. 161].

В 1986 г. мне удалось взять у Н.В. Потоковой большое интервью, которое было опубликовано в местной прессе [3]. Мы встретились с Ниной Васильевной в аудитории Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова после защиты ею докторской диссертации «Аннексия Техаса Соединенными Штатами Америки (1821–1845 гг.)» [7, 8]. Звучало немало восхищенных отзывов. Безусловно, это был научный подвиг женщины-исследователя. Вы только представьте: написать диссертацию вдали от координирующего центра по истории США с использованием оригинальных источников на английском, французском и испанском языках, многие из которых не только удалены от автора географически, но подчас и труднодоступны для чтения. Эта работа не давала быстрый успех, а обрекала на длительное, подчас изнурительное изучение документов, кропотливый анализ и сопоставление различных по характеру и содержанию материалов. К этому следует прибавить домашние хлопоты, которыми обременены женщины. Вопрос о том, что заставляло ученого так упорно идти к своей цели, озадачил мою собеседницу, она растерялась и вдруг протянула тетрадь. Это был дневник. Оказалось, что Н.В. Потокова впервые побывала в Америке сразу после войны, будучи радисткой на советском судне. И все впечатления и размышления от поездки она записы-

вала в дневник. Приведу лишь одну запись: «5 августа 1946 года, час ночи. Входим в порт Нью-Йорк. Уже по обеим сторонам нас обступают огни освещенных автострад, а впереди неясное нагромождение миллионов сверкающих электрических глаз. Небоскребы вызывают немое удивление. Они застыли, словно древние гиганты, в ночном безмолвии. Мы в Америке уже третий месяц. Стояли на ремонте в доке в порту Балтимора. Сдавали груз, брали на борт новый. <…> Скорей бы домой, на Родину. Россия и Америка – мы союзники, а значит, и друзья!» [3, с. 30]. Память о союзнических отношениях, встречах с простыми американцами и желание познать историю американского народа помогли Нине Титкиной (Потоковой) выбрать профессию историка, поступить на исторический факультет университета в Грозном, затем в аспирантуру в Москве, позже вести преподавательскую работу на кафедре всеобщей истории Чечено-Ингушского госуниверситета, которую она возглавляла с 1974 по 1982 г.

В 1979 г. Н.В. Потокова в качестве приглашенного профессора читала лекции студентам Техасского технологического университета (Texas Tech University). Одна из местных газет сообщила своим читателям, что советский профессор допоздна засиживается в библиотеках и архивах, изучая историю штата [3, с. 29]. В лекциях Н.В. Потокова аргументированно раскрыла роль финансовых кругов Северо-Востока США в аннексии Техаса, т.е. их активное участие в земельных спекуляциях и владении крупными пакетами техасских ценных бумаг. На вопрос американского студента о том, насколько важно делиться опытом с коллегами, советский профессор ответила так: «Тогда исчезнет страх, и мы поймем, что угрожать друг другу просто бессмысленно» [3, с. 30].

Н.В. Потокова – известный американист, пользующийся заслуженным авторитетом в научном сообществе и любовью ее многочисленных учеников. Публикация воспоминаний о ней является важным шагом на пути воссоздания биографии женщины-ученого.

Список литературы

1. *Ибрагимов М.М.* Что объединяет терских казаков и чеченский тайп гуной // Нохчалла. URL: https://nohchalla.com/tejp-i-tukhum/486-chto-obedinyaet-terskih-kazakov-i-tajp (дата обращения: 22. 04. 2024).

2. *Козлов С.* А у нас – практика [Из дневника фольклорной экспедиции] // Комсомольское племя. 1983, 20 августа.

3. *Козлов С*. Диалог с Америкой. Расскажу о преподавателе университета // Блокнот агитатора. 1988. № 17. Сентябрь. С. 29–31.

4. *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII вв.). Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Историческая иллюстрация, 2002. 284 с.

5. *Новак Е.* Ученые в вихре времени: воспоминания об орнитологах, защитниках природы и других натуралистах / пер. с нем. И.М. Маровой, ред. М.В. Калякин. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2009. 473 с.

6. Поиск людей // Одноклассники. URL: ok.ru›profile/581302372582/statuses/ (дата обращения: 21. 04. 2024).

7. *Потокова Н.В.* Аннексия Техаса Соединенными Штатами Америки, 1821–1845 гг. / отв. ред. Н.А. Акимкина. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1986. 164 с.

8. *Потокова Н.В.* Аннексия Техаса Соединенными Штатами Америки 1821–1845: Автореф. дисс. … докт. ист. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова, М., 1986. 48 с.

9. *Пушкарёва Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 495 с.

10. *Разумова И.А.* Биография советского ученого: прагматика текста // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Гуманитарные исследования. 2017. № 4 (8). Вып. 11. С. 5–17.

Е.Г. Муратова
Нальчик, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

«Женское лицо» высшего исторического образования Кабардино-Балкарии (1940–1960-е годы)

Исследования Н.Л. Пушкарёвой ставят важный вопрос о женщинах-историках России, об их жизненных стратегиях и образе жизни в академическом сообществе, побуждают к сохранению памяти о научном и педагогическом вкладе женщин-ученых [5].

Женщины-историки появились в научно-педагогическом сообществе Нальчика в годы Великой Отечественной войны. Вскоре они реэвакуировались по месту жительства, но уже к началу 1950-х годов в Кабардинском государственном пединституте (с 1957 г. Кабардино-Балкарском государственном университете) стали по-

являться историки-преподаватели «из лиц коренной национальности». Одной из таких женщин-горянок была Евгения Джамурзовна Налоева, 1920 г.р., из с. Старый Урух. Судьба ее полна драматическими событиями. После расстрела отца в 1937 г. ее семья скрывалась в Душанбе, где Евгения Налоева поступила на первый курс исторического факультета Таджикского государственного университета. В 1940 г. она перевелась в Северо-Осетинский государственный педагогический институт и совмещала учебу с преподавательской деятельностью. В октябре 1942 г. ее репрессировали по политическим мотивам, но через восемь месяцев реабилитировали ввиду отсутствия каких-либо доказательств по предъявленному обвинению. В 1948 г. Е.Дж. Налоеву пригласили в Кабардинский государственный пединститут ассистентом кафедры истории СССР. Однако в мае 1950 г. ее вновь арестовали за «антисоветскую агитацию» и приговорили к восьми годам лагерей. Е.Дж. Налоева была реабилитирована только в 1963 г. с правом восстановления на прежнем месте работы. Ее научная деятельность была сосредоточена на разработке ключевых проблем истории Кабарды первой половины XVIII в.: определении социально-экономического развития, характеристики государственно-политического строя и внешнеполитического положения, исследованиях по генеалогии кабардинских князей [4]. Долгие годы Е.Дж. Налоева плодотворно работала на кафедре истории СССР, читала лекции по истории России периода феодализма, преподавала вспомогательные исторические дисциплины, прошла в КБГУ все этапы преподавательской карьеры.

С именем Тамары Табишевны Шиковой в Кабардино-Балкарском университете связано развитие этнографии как учебной дисциплины. В 1951 г. она окончила исторический факультет МГУ, затем аспирантуру Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР и стала первой в истории народов Северного Кавказа женщиной-горянкой, которой присуждена ученая степень кандидата исторических наук [1, с. 117]. Дальнейшая научная и трудовая деятельность Т.Т. Шиковой была связана с историческим факультетом КБГУ, где на протяжении 40 лет она преподавала историю и этнологию народов Северного Кавказа. Она изучала традиции и новации в культуре и быту народов Кабардино-Балкарии, исследовала те изменения, которые произошли в численном составе, во внутрисемейных отношениях, в условиях и

формах заключения брака, в семейных институтах кабардинского городского населения за годы советской власти, а также работала над пособием по этнографии кабардинцев и балкарцев.

Яркий след в истории высшего исторического образования в Кабардино-Балкарии оставила Таисия Ивановна Агапова, 1919 г.р., из семьи сельских учителей станицы Успенской Кубанской обл. После окончания в 1941 г. Северо-Осетинского государственного педагогического института работала учителем в с. Плановском Кабардино-Балкарской АССР. В 1950–1960 гг. Т.И. Агапова – ассистент, старший преподаватель, затем доцент кафедры истории СССР Кабардинского государственного пединститута. В это время ею был собран богатый источниковый материал и сформулированы основные положения о развитии цветной металлургии и системе управления горно-металлургической промышленности Сибири второй половины XVIII – первой половины XIX в., получившие свое продолжение в последующий период. Можно отметить, как бы сейчас сказали, высокую академическую мобильность Т.И. Агаповой. В 1960-е годы она заведовала кафедрой истории государственного пединститута в г. Комсомольске-на-Амуре; работала в Новосибирске заведующей сектором памятников истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР; а в начале 1970-х годов Т.И. Агапова была переведена в Краснодарский институт культуры, где создала кафедру истории и музееведения, которую возглавляла до 1986 г. [3, с. 258–261].

Значимыми научными достижениями отмечена жизнь Веры Ивановны Горемыкиной, 1920 г.р., родом из Ярославской обл. В 1957 г. она была принята по конкурсу в Кабардино-Балкарский государственный университет старшим преподавателем кафедры всеобщей истории и стала вести курсы истории древнего мира, археологии, истории первобытного общества и основ этнографии. В.И. Горемыкина руководила археологическими экспедициями университета и ежегодно проводила раскопки в различных районах Кабардино-Балкарии. В частности, она исследовала полуразрушенный курган эпохи бронзы в Нальчикском парке и Этокское городище – известный археологический памятник предскифского и сарматского времени. В 1962 г. В.И. Горемыкина перешла на работу на кафедру всеобщей истории Минского государственного пединститута. В 1960–1980-е годы она стала

ярким представителем одного из трех основных направлений, связанных с исследованием природы древнерусской государственности. Положение о том, что древнерусское общество отнюдь не миновало стадию рабовладельческого строя и носило рабовладельческий характер, было сформулировано именно Верой Ивановной Горемыкиной. Таким образом, она вошла в советскую историографию Древней Руси как сторонник рабовладельческой природы древнеславянской государственности [2].

Так выглядит «женское лицо» в академическом пространстве высшей школы Кабардино-Балкарии 1950–1960-х годов. Четыре женщины, четыре историка-преподавателя Кабардино-Балкарского государственного пединститута (с 1957 г. – университета) принадлежали к одному поколению, участвовавшему в становлении советской исторической науки и высшего исторического образования на периферии и испытавшего на себе все перипетии этого процесса. Разным было происхождение этих женщин, поразному складывались их судьбы, но есть в представленных биографиях и общая черта – успешная научно-педагогическая карьера. Несмотря на невысокую долю женщин среди историков-преподавателей КБГУ (в 1950–1960-е годы она составляла около 10%), женское наследие в академическом и преподавательском сообществах высшей школы оказалось весьма значительным и востребованным в последующий период.

Список литературы

1. КБИГИ 1926–2016: наука в лицах (Юбилейное издание). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. 194 с.
2. *Муратова Е.Г., Ортанова Ю.А.* Советские историки «второго плана»: случай Веры Ивановны Горемыкиной // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 3. С. 140–153.
3. *Муратова Е.Г., Ортанова Ю.А.* Кафедра истории СССР Кабардинского государственного пединститута (конец 1940-х – 1957 г.): основные направления научных исследований // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 3. С. 243–269.
4. *Налоева Е.Д.* Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / сост. А.С. Мирзоев. Нальчик: Печатный двор, 2015. 368 с.
5. *Пушкарёва Н.Л.* «Хотелось бы всех поименно назвать»: женщины-историки в России и вопрос сохранения памяти об их научном вкладе

// Страна – наука – люди: к 300-летию Российской академии наук: Материалы всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 20 октября 2023 года / отв. ред. В.А. Веременко. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2023. С. 9–12.

Г.Ш. Каймаразов, Л.Г. Каймаразова
Махачкала, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН

Гендерный аспект общего и профессионального образования в Дагестане в 1970–1980-е годы

Большинство исследователей, которые в своих трудах касались гендерных проблем, рассматривали их, как правило, в русле т.н. женской истории. Не стало исключением и настоящее исследование.

В общем комплексе проблем гендерного развития вопросы образования занимают особое место, поскольку гендерное равенство именно в этой области создает условия для реального равноправия мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности. При этом в системе образования сохраняются проблемы: диспропорция в численном представительстве мальчиков и девочек, юношей и девушек в учебных заведениях; феминизация преподавательского состава; гендерная сегрегация в профессиональном образовании; гендерная асимметрия в руководящем звене системы образования и др.

Дагестанская общеобразовательная и профессиональная школа в 1970–1980-е годы в целом развивалась поступательно. Хотя по основным показателям развития народного образования Дагестанская АССР довольно длительное время попеременно занимала то последнее, то предпоследнее место среди 73 территорий Российской Федерации, однако в 1980 г. республика поднялась на 48-е место [2, л. 1]. Сложности в функционировании общеобразовательной школы в Дагестане проистекали из специфики географических, экономических, культурных, этнографических, традиционных, религиозных особенностей республики, которые во многом обусловили и изменения в численности и составе учащихся общеобразовательных школ Дагестанской АССР по полу.

В 1970–1980-е годы и в целом по стране, и в Дагестанской АССР в школах наблюдалось гендерное равновесие учащихся. К концу 1980-х годов учащиеся и не учащиеся в школах девочки по Дагестанской АССР составили 55% от общей численности учащихся и не учащихся детей школьного возраста [3, л. 1]. В начальной школе Дагестанской АССР гендерные различия в составе учеников практически отсутствовали. В средней школе сельской местности доля девочек несколько снижается. В старших классах в городских школах девочек становится больше, чем мальчиков, а в сельской их численность продолжает снижаться: родители не желали, чтобы девочки продолжали образование, и стремились выдать их замуж. Что же касается гендерного состава дагестанского учительства, то с каждым годом в учительский корпус школ, в том числе сельских, вливались новые представители женской педагогической интеллигенции. При этом в руководящем звене системы школьного образования их было немного. В 1983 г. только 5,1% женщин от общего числа женщин-учителей являлись руководителями школ, и лишь четыре женщины заведовали отделами народного образования [2, л. 202].

В конце 1970-х – 1980-е годы заметно активизировалось участие женской части населения страны в социально-образовательном процессе. К концу 1980-х годов не только выровнялся образовательный уровень мужского и женского населения СССР, но и по некоторым образовательным параметрам женщины даже превзошли мужчин, особенно среди работающего населения. В 1980 г. в Дагестанской АССР женщины-специалисты составляли 41,3% от общего числа специалистов в республике [3, л. 35]. Уровень образования населения ДАССР имел устойчивую тенденцию роста как у мужчин, так и у женщин. При этом темпы роста образования у женщин не снижались. Обращение к гендерному аспекту в сфере профессионального образования прежде всего связано с характеристикой гендерных различий в выборе юношами и девушками будущей профессии. Женскую молодежь республики все больше стало привлекать экономическое образование, хотя она не теряла интереса к приобретению медицинской, педагогической профессий и специализации в сфере культурно-просветительской деятельности.

1980-е, как и 1970-е годы, стали временем значительных изменений в системе профессионально-технического образования

в Дагестане. Особенностью состава обучающихся в учебных заведениях начального профессионального образования являлось то, что здесь преобладали юноши. Их подготовка велась по более широкому набору профессий, тогда как для женщин часть рабочих профессий была запрещена. Заметные изменения произошли в системе среднего специального образования республики. В 1980/1981 учебном году в 28 средних специальных учебных заведениях республики женщины среди учащихся составляли 45%, а через пять лет был отмечен рост их численности еще на 6% [1, с. 178]. «Женскими профессиями» среди специалистов со средним специальным образованием оставались профессии из медицинской и педагогической сферы, все большее внимание девушек привлекали финансы и торговля.

В 1980-е годы продолжалось развитие пяти вузов республики – университета, педагогического, медицинского, сельскохозяйственного и политехнического институтов. Среди принятых в высшие учебные заведения росло число представителей сельской молодежи, девушек, в том числе девушек-горянок. Больше всего их было среди первокурсников госуниверситета, пединститута и мединститута, а профессии сельскохозяйственного и технического профиля пользовались у девушек меньшей популярностью. Девушки охотно шли в вузы и через подготовительные отделения.

В преподавательском корпусе, к примеру, кафедр общественных наук вузов Северного Кавказа в середине 1980-х годов женщины составляли немногим более 11% [2], причем наибольшим этот показатель оказался по кафедрам политической экономии. Список областей, краев и республик Северного Кавказа возглавила Дагестанская АССР, в которой женщины стали наиболее активно продвигаться на руководящие должности структурных единиц факультетов вузов, осуществлявших подготовку студентов в рамках общественно-научной специализации.

В заключение отметим, что обозначенная в докладе проблема и в наши дни имеет актуальное научное и не менее актуальное практическое значение.

Список литературы

1. Дагестанская АССР в цифрах в 1981 г. Статистический справочник. Махачкала: Дагестанское статистическое управление, 1982. 521 с.
2. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 5592. Л. 202.

3. ЦГА РД. Ф. 22-р. Оп. 70. Д. 350. Л. 1–11.

О.С. Мутиева
Махачкала, Дагестанский государственный университет

К проблеме гендерной асимметрии в сфере высшего образования (на примере вузов Республики Дагестан)

Проблема гендерного равенства в профессиональной сфере остается актуальной и в XXI в. Несмотря на то, что нет оснований для дифференциации мужских и женских ролей, в образовательной среде высшего образования сохраняется гендерный дисбаланс. Женщины представляют подавляющее большинство занятых в сфере высшего образования и составляют наиболее многочисленную группу профессорско-преподавательского состава – более 50% [1].

Так, по данным на 2022/2023 учебный год, профессорско-преподавательский состав вузов без учета внешних совместителей состоял из 125 800 женщин из общего числа в 215 100 человек [4, с. 95]. Несмотря на тенденцию роста женщин в сфере высшего образования, по мере продвижения по иерархии управления их доля сокращается: представленность женщин на руководящих и высокооплачиваемых должностях в вузах остается на низком уровне.

Анализируя соотношение численности исследователей, имеющих ученую степень, мы видим существенные диспропорции. Так, например, по данным Росстата, с 2015 по 2019 г. удельный вес женщин – кандидатов наук составлял стабильно 42%, докторов наук – 27%, в то время как удельный вес мужчин, имеющих ученую степень, был существенно больше и составил 58% кандидатов наук и 73% докторов наук [1, с. 84]. Незначительную динамику мы можем наблюдать в 2020–2021 гг. Удельный вес женщин, имеющих ученую степень, увеличился всего на 1 % и составил 43% кандидатов наук и 28% докторов наук [2, с. 69]. У мужчин отмечается небольшая отрицательная динамика – на 1%: кандидатов наук – 57%, докторов наук – 72% [2, с. 69]. В целом сохранялась гендерная асимметрия.

Что касается аспирантуры и докторантуры, то и здесь наблюдается гендерная асимметрия. Так, распределение аспирантов в

2020 и в 2021 г. было следующим: 44% женщин и 56% мужчин, докторантов в 2020 г. – 46% женщин и 54% мужчин, на конец 2021 г. у мужчин наблюдалась небольшая положительная динамика на 1%: 47% женщин и 53% мужчин [2, с. 67].

Гендерная асимметрия сохраняется в структуре внутривузовского управления: высокооплачиваемые руководящие должности занимают мужчины, а женщины занимают менее оплачиваемые управленческие должности в структурных подразделениях. По мнению ряда исследователей, это объясняется как сложившимися в обществе социокультурными традициями, так и отношением самих женщин к построению карьеры: им трудно совмещать семью и работу, они недооценивают свой управленческий потенциал, не желают брать на себя ответственность [3, с. 87; 5, с. 101; 6, с. 165].

Рассмотрим данную проблему на примере шести ведущих вузов Республики Дагестан за 2023/2024 учебный год: Дагестанского государственного университета, Дагестанского государственного медицинского университета, Дагестанского государственного технического университета, Дагестанского государственного педагогического университета и Дагестанского государственного университета народного хозяйства.

Несмотря на тенденцию к увеличению доли женщин во внутривузовском управлении, среди управленческого состава вузов Республики Дагестан на ректорской должности нет ни одной женщины, на проректорских должностях – всего восемь женщин. Лишь на должностях заведующих кафедрами наблюдается гендерный баланс. Аналогичная картина наблюдается и в составе ученых советов вузов: имеет место гендерный дисбаланс, мужчин в составе ученых советов больше.

В аспирантуре вузов республики доля женщин незначительная, очевидно, что гендерное распределение сместилось в пользу мужчин. Такая диспропорция свидетельствует, что мужчины, поступив в аспирантуру, используют возможность получить законную отсрочку от армии на срок обучения.

Анализ соотношения численности мужчин и женщин в профессорско-преподавательском составе кафедр свидетельствует о тенденции роста женщин на различных должностях. Так, например, в ДГМУ в 2023/2024 учебном году численность работников кафедр составляла 204 человека, из них 132 – женщи-

ны; в ДГУ всего работников кафедр 1079, женщин – 700. Примерно аналогичная ситуация и в других вузах.

Очевидно, что по причине относительно небольшой зарплаты преподавательская работа мужчин не привлекает. Особенно это касается молодых сотрудников кафедр – преподавателей и ассистентов. Как правило, проработав несколько лет, молодые преподаватели вузов готовы сменить свое место работы: стараются переквалифицироваться на высокооплачиваемые профессии в другой сфере. Мужчины более нацелены на карьерный рост, а в вузе он возможен нескоро.

Женщины, несмотря на низкую зарплату и большую учебную нагрузку, реже готовы к смене своего основного места работы: их устраивает рабочий график, возможность подрабатывать по совместительству в других вузах, колледжах и школах.

Таким образом, можно сделать вывод, что гендерная асимметрия в сфере высшего образования сохраняется, как в целом по стране, так и в Республике Дагестан. Несмотря на феминизацию профессорско-преподавательского состава кафедр, женщины составляют незначительную долю среди высшего управленческого состава вузов.

Список литературы

1. Женщины и мужчины России. 2020: Статистический сборник. М.: Росстат, 2020. 239 с.
2. Женщины и мужчины России. 2022: Статистический сборник. М.: Росстат, 2022. 208 с.
3. *Макарова С.Н.* Женщины-руководители в системе внутривузовского управления: проблемный аспект // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2014. № 1. С. 85–89.
4. Образование в цифрах: 2023: Краткий статистический сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.К. Озерова и др.; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 132 с.
5. *Резник С.Д., Макарова С.Н., Сазыкина О.А.* Гендерная асимметрия в управленческой среде российских университетов // Интеграция образования. 2017. Т. 21. № 1. С. 96–111.
6. *Фахрединова А.Б., Замалетдинова Л.Р.* Гендерная асимметрия в управленческой среде высших учебных заведений г. Казани // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 1. С. 163–165.

Х.Л. Ханмагомедов, Д.А. Айламматова
Махачкала, Дагестанский государственный университет народного хозяйства

Этнические азербайджанки – ученые теркемейского региона Дагестана

Дагестанское Теркеме – одна из уникальных природных, социально-географических и историко-географических территорий площадью 206 кв. км. Коренными жителями этой небольшой территории на севере Дербентского р-на являлись азербайджанцы, с ними по-братски жили и живут даргинцы Дахадаевского и Кайтагского, табасаранцы Табасаранского, агулы Агульского, кумыки Каякентского и Кайтагского р-нов и других территорий великой России.

Определенный вклад в социально-экономическое развитие и культуру вносят представители женского пола – дагестанские теркемейки. Изучение их значимости для науки неоспоримо, хотя сделано для этого недостаточно. Всего век тому назад научные занятия считались привилегией мужского пола, а сегодня женщины-теркемейки участвуют в разработке немалого количества проектов и экспериментальных разработок. Из 29 ученых-азербайджанцев в дагестанской Теркеме 12 (41,38%) – это теркемейками. Они вносят весомый вклад в социальное и хозяйственное развитие не только теркемейского региона Дагестана, но и всей Республик Дагестан и России. В данной работе мы широко используем вклад теркемейских азербайджанок, изложенный в защищенных ими кандидатских диссертациях.

Ярким представителем дагестанских азербайджанских теркемеек является Муслимат Гаджи кызы, бабушка Х.Л. Ханмагомедова, из с. Берикей. О ее литературоведческих знаниях и экспертности в области фольклора знают не все исследователи-дагестановеды. Муслимат-ханум завещала своим внукам изучить родной теркемейский край, его традиции, обычаи, социально-экономические связи с другими народами Дагестана и ближнего зарубежья. Муслимат Гаджи кызы была хорошо знакома с творениями азербайджанских поэтов, писателей, драматургов Хагани Ширвани (1120–1209), Физули (1498–1556), А.Т. Сабира (1812–1911). Наизусть читала нам отрывки из произведений Низами

(1141–1209) «Семь красавиц» («Едди гозель»), «Искандер-наме», «Сокровищница тайн», «Хамсе» («Пятерица»). Ей была знакома поэма грузинского поэта Шота Руставели (XII в.) «Витязь в тигровой шкуре», произведения таджикских поэтов: «Шахнаме» Фирдоуси (934–1020), «Хафт Авранг» («Семь престолов»), «Бахарестан» («Весенний сад») Хисроу (1004–1492), белорусского поэта Якуба Коласа (1882–1956) – «Песни печали», «Песни неволи»; и других народов (табасаранцев, даргинцев, кумыков).

Муслимат Гаджи кызы рассказывала нам, что среди теркемейских азербайджанцев Дагестана были распространены сарыны. Х.Л. Ханмагомедов помнит, как она их пела. Очень важно все сохранившие сарыны собрать для будущих поколений. Слово «сарын» означает бытовую песню с четким метром, в умеренно подвижном темпе, чаще всего любовно-лирического содержания. Строфы сарынов бытуют в фольклорном «частушечном» фонде хаотично, разбросаны и не имеют определенной последовательности в тексте, т.е. не «сцеплены».

Определенный вклад в изучение фольклора вносит С.Х. Хурдамиева. На основе изучения ее автореферата диссертации на соискание степени кандидата филологических наук мы можем сказать, что она не затрагивает женскую тематику в работе «Дастаны и ашугская поэзия дагестанских азербайджанцев», защищенной в 2000 г. С.Х. Хурдамиева родом из с. Джемикент Дербентского р-на, работала в г. Дербенте в филиале Дагестанского государственного педагогического университета (ДГПУ) преподавателем.

А.Н. Гебекова в 2004 г. защищает кандидатскую диссертацию по педагогическим наукам на тему «Методика обучения управлению русского языка в начальных классах азербайджанской школы Республики Дагестан» на основе кропотливой экспериментальной работы в азербайджанских школах Дербентского и Табасаранского р-нов Республики Дагестан. Данная тема впервые разрабатывается в условиях Дагестана. А.Н. Гебекова долгое время работала в Чеченском государственном педагогическом университете, была секретарем аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Республики Дагестан, заведующей кафедрой дошкольной педагогики и методики начального образования в Дагестанском институте развития образования. В настоящее время – учитель Лицея № 8 г. Махачкалы. А.Н. Гебе-

кова – отличник образования Республики Дагестан, почетный работник воспитания и просвещения Российской Федерации.

Событием в филологической науке является защищенная в 2005 г. диссертация А.Н. Шилхановой, посвященная «Союзам и союзным словам в кумыкском и азербайджанском языках (в сравнении с русским)». А.Н. Шилханова в настоящее работает заведующей кафедрой русской и зарубежной филологии Дербентского филиала Московского педагогического государственного университета (МПГУ).

Сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному изучению посвящена диссертация Д.Б. Мирзахановой на тему «Фитонимическая лексика азербайджанского языка в сравнении с другими тюркскими языками» (2007). Она в настоящее время трудится в Дербентском филиале МПГУ на ответственной должности.

Успешно защитила в 2004 г. кандидатскую диссертацию по филологическим наукам (по языкознанию) теркемейская азербайджанка Э.Б. Тахмезова. Тема ее работы – «Фонетические и морфологические особенности теркемейского говора азербайджанского языка». Она работала в Дербентском филиале ДГПУ, ныне заместитель директора Железнодорожного колледжа в г. Дербенте.

Фонетическим особенностям турецкого и кумыкского языков посвящена кандидатская диссертация Р.Г. Раджабалиевой, защищенная в 2003 г. Свою дальнейшую судьбу она связала с Москвой.

Тема кандидатской диссертации по отечественной истории И.С. Гусейновой – «Горская Республика: зарождение, становление и причины падения (1917–1920 гг.)» (2003). Здесь исследована проблема процесса формирования и развития горцев Северного Кавказа, Дагестана и Горской Республики, роль этих земель в формировании и развитии федерального государства. И.С. Гусейнова долгое время работала в Дербентских филиалах ДГПУ, МПГУ, в настоящее время работает – в МПГУ и живет в Москве. В 2013 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию в области педагогической науки на тему «Подготовка будущего педагога профессионального обучения к использованию элементов искусственного интеллекта» по специальности «Теория и методика профессионального обучения» Г.Г. Исаева. Она с золотой медалью окончила родную берикейскую среднюю школу Дербентского р-на Республики Дагестан, с отличием – ДГПУ по специ-

альности «информатика и экономика». Она долгое время работала преподавателем в родном вузе. Сейчас Г.Г. Исаева трудится в должности доцента кафедры информационного права и информатики Юридического института Дагестанского госуниверситета. Н.М.-С. Гасанова в 2006 г. защитила кандидатскую диссертацию по биологическим наукам на тему «Эколого-фаунистическая характеристика жуженицы (Coleptera, Carolidae) Курушского высокогорного массива» (Республика Дагестан).

Дагестанское Теркеме богато выдающимися дочерями и сыновьями, прославившими свой край, свой народ, свою страну Россию. Таких небольших регионов, как дагестанское Теркеме, немало. В особом списке значатся дагестанские азербайджанки с большими задатками в хозяйственно-социальном и научном отношении. Для разработки данной темы, посвященной ученым-теркемейкам, в Дагестане есть достаточно высококвалифицированные силы в вузах и научных подразделениях ДФИЦ РАН, а также среди местных теркемейских азербайджанцев Дагестана, которые позволяют исследовать вопрос с учетом достижений российской и мировой науки.

М.А. Текуева
Нальчик, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Традиции добрачного ухаживания в адыгской культуре в послевоенные годы

Актуальность темы обусловлена тем, что добрачные отношения, манера ухаживания, принятые в данном обществе знаки внимания – важный компонент культуры и яркий образец традиционных гендерных отношений.

Объектом изучения становится традиционная культура адыгов, проблема сохранения которой стала насущной в современном научном дискурсе. Предмет же исследования не просто вызывает интерес, он интригует, обещает разнообразить монотонность научного анализа яркими сюжетами и мелодраматическими пассажами. Можно с уверенностью сказать, что этот аспект этнографии адыгов из сферы брачно-семейных отношений – добрачное ухаживание – в такой формулировке никогда не ставил-

ся в региональной историографии, и в этом состоит его научная новизна.

Гендерный подход к изучению ухаживания в этнографической науке важен тем, что он преодолел границы позитивистских вопросов, в рамках которых практически без исключений оставались исследования обычая до конца XX в., и предложил новую критическую перспективу, нацеленную на изучение гендерных режимов власти.

Эмпирической базой для анализа станут фрагменты этнографических описаний, содержащие прямую речь респондентов. В таких источниках можно найти примеры используемой информантами лексики для обозначения их интимных чувств и переживаний, критериев брачного выбора, места традиции в изменившемся мире.

Для своего исследования я провела сбор полевого материала в нескольких кабардинских сельских поселениях, т.к. в кавказском селе были сильнее родственные связи, традиционный подход к созданию семьи, трепетное отношение к заветам предков. На этом этнографическом материале интересно проявляются трансформационные процессы в семейно-брачных отношениях, характеризующих гендерный фактор в распределении власти – подчинения, степени свободы и (не)равенства девушек и юношей в брачном выборе.

Узость хронологических границ – 1950–1960-е годы – определяется тем, что Великая Отечественная война повлияла на характер гендерных отношений в адыгской этнической среде. Элементы традиции культуры заметно трансформировались, но при этом сохранилась их местная специфика и уникальный этнический колорит. Хронология исследования – время перемен и новаций, происходящих в традиционном культурном пространстве. Важно заметить, что выбранный период для исследования удобен для этнографа-полевика, потому что позволяет ему самостоятельно собрать и обобщить обширный нарративный материал, ввести в научный оборот новые этнографические источники. Это то, что художники называют «уходящей натурой» – воспоминания наших бабушек и дедушек, родителей и их друзей – свидетельства, пока еще доступные сегодня, нуждающиеся в срочной фиксации. Расточительное отношение к ним приведет к утере бесценного культурного пласта нашей жизни и истории народа в целом.

Среди мотивов брачного выбора теперь преобладают любовь и общность интересов. Растет тенденция к межнациональной брачности. «Когда я сюда пришла работать в школу, я абсолютно не знала кабардинского языка. Шогенцуков М.Х. (директор) сразу же в меня влюбился. Мы дружили три года. Он мне всячески помогал. Каждый вечер водил в кино. Он был очень ревнив, но быстро отходил и сам приходил мириться. Вот так мы дружили, а потом и поженились» (Г.Е. Макоева, 1928 г.р., г. Баксан КБР).

Хотя и значительно реже, но по-прежнему продолжают практиковаться браки по договоренности родителей, родственников. Напрямую речь о калыме редко заходит, но отголоски обычая предстают в разных формах. «Я не знала будущего мужа. Он предложил моему брату пистолет и сказал, что хочет обменять его на меня. Брат согласился, и мы сыграли свадьбу. Некоторым предлагали овцу, нож, а за меня дали пистолет. Это было в те времена почетно» (Л.М. Гучакова, 1945 г.р., г. Терек).

Возрастает количество браков вопреки воле родителей, и для того, чтобы избежать семейных конфликтов, они заключались путем умыкания, когда невеста заранее договаривалась с женихом и тайно покидала родительский дом. Записанные истории создают представление об эксплуатации молодыми людьми древнего обычая умыкания. «Я была в седьмом классе, когда познакомилась с молодым парнем. Он служил в армии и на несколько дней приехал в отпуск домой. Мы год тайно переписывались: мать у нас (четыре сестры, я предпоследняя) была строгая. В одно утро, собираясь в школу (зная, что он меня “украдет”), я положила в портфель то малое, что у меня есть, и вышла из дома. Он ждал меня на повороте. Я села к нему в телегу и таким образом, никому ничего не сказав, вышла замуж» (Л.А. Кашева, 1942 г.р., с. Малка КБР).

Тем не менее в послевоенное время доминирующими становятся браки по обоюдному желанию детей и родителей. «Мы часто с однокурсницами после учебы гуляли по парку. В одну из таких прогулок я и познакомилась с мужем. Мы встречались полтора года, наши родители одобряли это. После очередной прогулки он сказал, что “украдет” меня. Он приезжает с друзьями на “Волге”, я выхожу и сажусь в машину. Когда уже мы прилично выехали из Терека, машина заглохла. Парни вышли под-

толкнуть ее, чтобы она завелась, но сил не хватало. И мне пришлось им помогать» (Р.Х. Берхамова, 1940 г.р., г. Баксан КБР).

Исследование показало, что в 1950–1960-е годы в кабардинской культуре сильна традиционная идеология в отношении добрачного ухаживания, имеют место браки по сговору родителей и насильственные похищения невест. Однако война сыграла роль катализатора модернизационных процессов в отношении между полами, и на первый план выходят браки по обоюдному желанию молодых, с поддержкой их родителей. Увеличивается продолжительность знакомства, что играет важную роль в самостоятельности выбора брачного партнера, проверке правильности решения вступить в брак. Таким образом, возможности общения и взаимного выбора девушек и юношей теперь неизмеримо возросли по сравнению с предыдущим периодом.

Обращает на себя внимание то, что институт ухаживания содержит ряд регламентаций и ограничений, требующих целомудрия и сохранения девственности до брака. Это вписывается в дискурс «национального романтизма» о строгих принципах нравственности в сельской молодежной среде.

Ю.М. Гусейнов
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН

Положение женщины во внутрисемейных отношениях второй половины XVIII в.: на примере кумыков

Положение женщины и взаимоотношения в семье регулировали адатные и шариатские нормы. Вопреки сложившимся стереотипам, кумыкская женщина не была в угнетенном положении. Женщина имела определенные права и привилегии в семье и обществе. Данные ее права гарантировали нормы обычного и мусульманского права.

Специальная литература иллюстрируют почти полное доминирование малой семьи, состоящей из 4–6 человек. Кроме того, бесспорно, что ранее исследуемого нами периода больших, т.е. неразделенных семей, когда под одной крышей жило два-три поколения, было гораздо больше, что отражается в словосочета-

ниях *ортакъ уьй* («общий дом»), *уллу ожакъ* («большой очаг»), *уллу агьлю* и *уллу хизан* («большая семья), *бир къазан агьлю* («семья, питающаяся из одного казана – котла») [5, с. 34].

Адаты кумыков определяли нормы поведения каждого члена семьи, подчеркивая особый статус ее главы. «Порядочные жены не ели при мужьях и даже воды не пили на их глазах», – отмечал автор суровость патриархального быта [2, с. 30]. Кумыкские адаты порицают проявление мужней любви к жене и отцовской к детям при посторонних. В старину мужчине нельзя было появляться вне дома со своим ребенком на руках.

Специальная этнографическая литература, фольклор кумыков, полевой материал свидетельствуют о традиционном патриархальном укладе семейного быта кумыков. Любое указание главы семьи должно было быть выполнено незамедлительно. Авторитет отцов был беспрекословен и сравнивался с властью судьи: *Ата улу оьз тёресин оьзю этер* («Отец сам вершит суд»). Но при принятии наиболее важных решений он не мог не советоваться с другими взрослыми членами семьи [4, с. 188].

Согласно нормам адата, женщинам запрещалось наносить различные побои. В адатах, например, говорится: «Если побои, нанесенные женщине, не опасны, то муж почти не ответствен, даже если они нанесены ни за что». В случае же серьезности побоев жена обладала полным правом жаловаться своим родителям, а те, как правило, обращались в суд, где, согласно нормам адата, муж обязан был выплатить штраф в соответствии с причиненным им увечьем [6, с. 110].

О праве наказания мужем жены в кумыкской семье Ф.И. Леонтович отмечал: «Жена подчинена мужу. Она должна работать на него, сносить безропотно наказания и во всех своих поступках оказывать ему раболепное уважение» [8, с. 172]. Вместе с тем нельзя говорить об особом угнетении женщин в кумыкском быту. Поговорки утверждают: «Жена – крыло мужчины», «Дом без женщины – мельница без воды», «Дом без хозяйки подобен скотине без пастуха-хозяина» [3, с. 280]. Особенное уважение оказывалось матерям, что коррелирует с мусульманскими хадисами.

В свою очередь, хотя шариат допускает физическое воздействие со стороны мужа по отношению к жене, но оговаривает его как вид увещевания и запрещает садистское обращение. «Они не входят в ряды лучших из мужчин», – так, согласно

«Сунне», сказал пророк Мухаммад о мужчинах, избивавших своих жен [7, с. 92]. Сходное осуждение присутствует и в Коране: «Если же они станут покорны вам, то не ищите пути против них» (Коран 4:34).

Говоря о привилегиях женщины в семье, стоит отметить, что, согласно нормам адата, женщина не несла ответственности за убийство; от нее за убийство родных детей освобождалась и мать. «Если мать убьет сына или дочь, то она не отвечает за кровь… штрафуется лишь двумя быками: одним в пользу управляющего, другим в пользу общества», – сказано в адатах селения Башлы [1, с. 59]. В то же время в Эндиреевском и Костековском княжествах мать несла ответственность за убийство своих детей. Если происходило подобное убийство, мать становилась кровным врагом своему мужу, который в отведенный срок имел право лишить жизни свою жену.

Иное отношение было к женоубийцам. «Муж не имеет права лишить жену жизни», – отмечено в кумыкском адате. Наказание за подобное убийство конкретизируется в «Сборнике адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского», где сказано: «За убийство мужем жены безвинно взыскивается с родственников мужа смертная пеня, а сам убийца с шестью ближайшими родственниками изгоняются из селения под именем кровного врага и не возвращаются до тех пор, пока простят его наследники убитой им жены» [1, с. 59]. Исключением подобного наказания были убийство жены в случае ее измены мужу либо отступления от мусульманского вероисповедания.

Таким образом, внутрисемейные отношения кумыков регулировались в основном обычаями, традициями и этикетными нормами. Некоторые аспекты внутрисемейных отношений нашли отражения в адатных нормах. Достаточно сказать, что ослушание и буйство в отношении родителей, неисполнение их поручений, убийство родителей детьми рассматривались по нормам обычного права, т.е. в данном вопросе наблюдается превалирование адатных норм над шариатскими.

Список литературы

1. Адаты южно-дагестанских обществ // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 8. Тифлис: Издательство Кавказского горского Управления, 1875. С. 1–72.

2. *Алибеков М.* Адаты кумыков / пер. Т. Бейбулатова. Махачкала: Дагкнигиздат, 1927. 40 с.
3. *Гаджиахмедов Н.Э.* Къумукъланы айтывлары ва аталар сёзлери (Кумыкские пословицы и поговорки). Махачкала: Издательство ИП Хайбуллина Ф.Ф., 2017. 280 с.
4. *Гаджиева С.Ш.* О семейных отношениях кумыков в XIX в. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1958. Т. 4. С. 183–212.
5. *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX вв. М.: Наука, 1985. 360 с.
6. *Далгат Б.* Материалы по обычному праву даргинцев // Из истории права народов Дагестана: материалы и документы. Махачкала: Дагестанский государственный университет, 1968. 45 с.
7. *Исак Ф.* Ислам и гендерная справедливость: за рамками тривиальной апологии // Исламская мысль: традиция и современность: религ.-филос. ежегод. 2021. Вып. 5. С. 92–94.
8. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Одесса: тип. П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1883. Т. 2. 396 с.

2.3. ЖЕНСКОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ АЗИИ

А.Н. Прокопьева
Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Женские погребения в свете археологии, фольклора и обычного права (на примере могильного комплекса Истээх Бырааи)

Могильники являются особенно важными источниками для изучения ранних и традиционных обществ в русле гендерного подхода, т.к. в их организации, планиграфии и особенностях погребального обряда отражена внутренняя иерархия общества. Для якутской археологии изучение могильников с точки зрения гендерной истории является новым опытом и имеет большой информационный потенциал. Родовые могильники, как правило, привязаны к территориям *ага уус* – отцовского рода, и основными погребениями являются могилы мужчин, вокруг которых захоронены жены, дети, слуги и любимые кони. При этом среди погребенных в одном могильнике женщин часто видна явная дифференциация, выраженная в структурных компонентах погребений: размеры и сложность могильных конструкций, коли-

чество и состав вещевого комплекса, наличие символов власти и пр. Если право быть погребенной в родовой усыпальнице могло быть регламентировано обычным правом, то особенности погребального обряда, скорее всего, вызваны набором индивидуальных качеств, среди которых могли значиться репродуктивный успех, наличие патрона, личная харизма и пр. Фольклорные материалы и сохраняющийся до сих пор нарратив могильников в некоторой мере отражает наличие «особых» женщин в истории рода, но это скорее редкие случаи. Могильный комплекс Истээх Бырааан, датируемый XVII–XVIII вв., является одним из самых значимых для большинства якутских родов и наиболее археологически изученным, что является важным для интерпретации его материалов.

Могильный комплекс Истээх Бырааан – один из уникальных археологических памятников Якутии. Так, комплекс состоит из нескольких могильников, расположенных вдоль коренной террасы р. Лены и на его подножье, отделенном от террасы старичным озером. Другим фактором его особенности является нарратив, согласно которому здесь погребены потомки известной исторической фигуры XVII в. Якутии – Тыгын Дархана. Принадлежность захоронений тыгынидам способствовалоа привлечению внимания археологов к памятнику с самого начала становления якутской археологии, и к данному моменту на протяжении 90 лет здесь работало пять экспедиций. Всего за весь период работ на могильном комплексе было изучено около 40 погребений, в том числе три погребения лошади, и только шесть погребений были определены как женские. Среди них было два погребения подростков возрастом около 12–15 лет, молодой женщины 25–30 лет и двух женщин возрастом старше 45 лет. По одной могиле сведений о возрасте женщины не сохранилось. Судя по расположению и структурным компонентам захоронений, женские погребения могильника дистанцированы друг от друга по статусности, и скорее всего это вызвано не только возрастной дифференциацией, а набором условий, как данных при рождении, так и накопленных к моменту смерти. Среди них могла быть близость к основателю патронимии, наличие детей-наследников, доли в общем имуществе и размер личного имущества и многие другие факторы.

Согласно гипотезе автора, основанной на анализе письменных источников об обычном праве, основная часть комплекта сопроводительного инвентаря женских могил могла быть составлена из ее личного имущества. Это имущество формировалось из доли наследства при замужестве и входило в часть приданого невесты. Известно, что женщина имела право личного распоряжения этим имуществом (которое могло состоять из скота, денег и предметов роскоши) и даже в случае развода по вине женщины сохраняла его за собой. Известные и богатые роды стремились к укреплению отношений посредством браков, и особо статусные женские погребения могли содержать в себе знаковую символику обоих родов.

Самым статусным из этих захоронений является могила самой старшей женщины. Вероятно, с ее особым статусом связано и расположение: в нескольких метрах от вершины холма, где был погребен мальчик-подросток с конем. Богатство погребения выражено в наличии привозных предметов (нож с эмалевой инкрустацией, перстни с резными камнями и пр.), элементов конского убранства и ритуальной безрукавки *тангалай*. Часть маркирующих статус вещей призваны подчеркнуть связь погребенной с самой значимой фигурой могильника – Мазары Бозековым, о чем будет написано ниже. При этом ритуальная безрукавка и конское убранство могли быть ее личными вещами, как правило, специально изготавливаемыми родителями для невесты. Еще три женщины, погребенные на том же холме, но на значительном удалении от его вершины, не имели столь знаковых предметов сопроводительного инвентаря. При этом наличие шелка, бисера и меха пушных зверьков в составе их костюма говорит об относительном богатстве женщин.

В памяти местного населения могильник прежде всего ассоциируется с мужчинами, погребенными здесь. В первую очередь это Мазары Бозеков – внук Тыгын Дархана – и его потомки. Массивное надмогильное сооружение Бозекова сохранялось вплоть до начала XX в. Судя по составу сопроводительного инвентаря и его особенностям, погребение Бозекова и пожилой женщины взаимосвязаны: в обоих погребениях были обнаружены идентичные эмалированные предметы и перстни с геммами. Высокий статус женщины подчеркнут еще и металлическим котелком, уложенным на крышку гроба – элемент, характерный

для статусных мужчин. Вариантами объяснения этой близости могут быть как брачная связь, так и родственная, но несомненно, что женщина занимала высокую позицию внутри своего рода. Между тем женщина вряд ли может быть сестрой или дочерью Бозекова, т.к. женщин погребали в усыпальницах рода мужа, а незамужние женщины не могли иметь высокий статус в своем роду, тем более выраженный столь ярко в погребальном обряде. Она могла быть одной из жен его отца или одной из жен самого Бозекова, что более вероятно.

О женах Мазары Бозекова сохранилось несколько легенд, согласно которым у него было три жены, в том числе одна калмычка, подаренная ему царем во время якутской депутации в Москву. По некоторым данным, именно калмычка смогла подарить ему наследников, и ее потомки до сих пор проживают на территории наслега. К сожалению, имена женщин не сохранились в памяти потомков и рассказы об их жизни не зафиксированы в письменных источниках. Вероятнее всего, жены были погребены в этом же могильном комплексе, и ими могут быть одна или несколько рассматриваемых женщин. «Невидимость» этих женщин в источниках может быть объяснена особенностями документирования: в глазах исследователей (как правило, мужчин, независимо от времени) более яркими и значимыми были мужские фигуры и сюжеты, а женщины заслуживали право быть упомянутыми только в исключительных случаях или при соответствии стереотипам «женщины-шаманки» или «девы-божества», что подтверждается множеством однотипных линий в зафиксированном фольклоре.

Таким образом, материалы могильного комплекса свидетельствуют о взаимоотношениях внутри одного рода, вызванных сложной структурой якутского общества, где женщина и после смерти занимала специфичную знаковую роль. Чем выше был ее статус, тем более значимым символом положения ее рода, семьи и мужа она выступала, что отражалось в особенностях погребального обряда. Чем ниже статус женщин, тем менее насыщенными маркерами были их погребения.

Ж.А. Аякова
Улан-Удэ, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова

Образ героической шаманки Эреэхэн в бурятской культуре

Одним из ярких событий, сохранившимся в исторической памяти бурят, является визит делегации 11 родов хори-бурят в Москву к Петру I в 1702–1703 гг., в составе которой единственной женщиной была Эреэхэн, согласно народным преданиям, обеспечившая успех делегации и не пожалевшая жизни ради счастья своего народа. Эта знаменательная встреча стала важнейшей вехой в истории Бурятии, закрепила статус бурятского народа в составе России и сыграла большую роль в укреплении восточных границ русского государства. К образу молодой шаманки Эреэхэн не раз обращались бурятские ученые, писатели, художники.

События происходили в период зарождения и становления русско-бурятских отношений на рубеже XVII–XVIII вв. Представители 11 хоринских родов отправились к «Белому царю» (бур. *Сагаан хаан*) Петру I за защитой от бесчинств и насилия местных правителей, непомерных поборов ясаков, покушений русских переселенцев и набегов маньчжуров на их родовые земли, за защитой своих женщин и детей, которых забирали в качестве заложников аманатов за недоплаченные подати.

О походе к царю говорится во множестве фольклорных преданий и песен, а также литературных произведений. При этом в разных текстах встречаются различные интерпретации и трактовки причин похода, его подробностей и значения для истории бурятского народа. Не везде авторы обращают внимание на роль и значение шаманки Эреэхэн в этом походе. Женщина редко занимала центральное место в бурятских летописях, ее практически не видно в общественной жизни бурят ни в архивных документах, ни в творчестве бурятских деятелей.

В 1921 г. выходит пьеса бурятского ученого, общественного и политического деятеля, писателя Базара Барадина (1878–1937) «Великая сестрица-шаманка» («Ехэ удаган абжаа»). Опираясь на фольклорные предания, автор создает образ Эреэхэн как героической женщины, самопожертвование которой обеспечило выживание и возвращение бурятской делегации в родные края с

царским указом, гарантирующим защиту и справедливость в отношении бурятского населения. Она отправляется в далекий путь, не только исполняя волю высших сил, но и ведомая голосом своей совести и состраданием к своему народу. Особым смыслом наполняются слова Эреэхэн в сцене ее прощания с любимым человеком. Эта пьеса долгое время была запрещена. О шаманке Эреэхэн вскользь упоминалось в других советских бурятских произведениях.

В них описываются страдания бурятского народа, решение отправиться за защитой к Белому царю с ценными подарками, сборы в долгий путь, выбор шаманки в возрасте 23–24 лет как духовного предводителя и охранителя от бед и несчастий во время долгого и опасного путешествия в Москву. Эреэхэн славилась острым умом, добрым нравом, учтивостью, прекрасным обликом, хорошим здоровьем. В дороге она совершала обряды и камлания для защиты от злых духов и избавления от препятствий. Возможно, она обладала магическими способностями, но, нам представляется, ее мудрость была той силой, которая поддерживала бурятскую делегацию. Например, в сцене с плененными разбойниками, напавшими на бурят в пути, Эреэхэн останавливает своих соплеменников от кровопролития, предлагает разбойникам горячую пищу, отдает часть провизии и отпускает их, в свою очередь, пообещавших делегации дальнейший безопасный путь [2].

Прибыв в Москву 22 февраля 1703 г., делегация была принята Петром, а уже 22 (25) марта 1703 г. им был обнародован указ в защиту бурят. В пьесе Барадина в сцене встречи с царем именно Эреэхэн озвучивает цель визита делегации, таким образом, здесь она становится центральной фигурой, одновременно претендующей на традиционно мужские формы самовыражения и проявления смелости и решительности перед лицом не только духовной, но светской власти [5].

[5] Встреча запечатлена на известной картине бурятского художника С. Ринчинова (1936–2014) «Делегация хори-бурят на приеме у Петра Великого». Интересно, что художник написал две одинаковые картины с небольшими отличиями в деталях. На одной из них делегация подносит Петру I статуэтку Будды.

На обратном пути «все истощены, находятся на грани смерти от голода. Одежда на них вся истрепалась… Из-за тягот пути Эреэхэн ослепла. Число путников уменьшилось, потому что двое, заболев, умерли в пути» [1, с. 61].

Как Великая Мать, Эреэхэн отводила беды и напасти от своих соплеменников: «усмиряла легко / Свистящие вьюги, метели», находила пищу, воду, не давала сбиться с пути. Как Великая Мать, защищала их до последнего, пока сама не ослабла и не ослепла. Вот уже съедены лошади и даже в ход пошли останки погибших путников, возникает спор о том, кто будет следующим. Свой героический путь Эреэхэн завершает тем, что жертвует собой ради единственной цели – чтобы указ царя был доставлен бурятскому народу.

Список литературы

1. *Барадин Б.* Великая сестрица-шаманка // Антология литературы Бурятии XX – начала XXI в.: в 3-х т. Т. 3. Драматургия / сост. С.С. Имихелова. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2011. С. 11–64.
2. *Пурбуев Б.-М.* Шэлэгдэмэл зужэгууд. Избранные пьесы. Улаан-Үдэ: Бэлиг, 2006. 319 с.

Р.Н. Сулейманова
Уфа, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Социально-правовой статус башкирской женщины в общественной жизни: из истории Башкортостана XX в.

Роль женщины в том или ином обществе, занимаемое ею место, функции, которые она выполняла, всегда были различными. Это зависело от множества факторов: исторических, экономических, географических условий, обычаев, традиций и общепринятых норм морали, характерных для данного народа и данного общественного строя, и др. В отечественной истории положение женщины в семье и обществе, распределение обязанностей и ролей мужчины и женщины в семейно-бытовой сфере, занимаемое женщиной место в семье, которое регулярно подвергалось изменениям – все это стало общепризнанными традициями. В этом отношении особый интерес вызывает социально-правовой

статус женщины в традиционном башкирском обществе, который в XX в. претерпел кардинальные перемены.

Если в общественной жизни России возникновение женского вопроса, представлений о новой роли женщины в обществе, отличных от прежних патриархальных, приходится на XIX в., особенно на его вторую половину, то в истории Башкортостана активное осознание и понимание необходимости изменения взглядов на положение женщин происходит в начале XX в., в период после революционных событий 1905–1907 гг. Именно в это время на передний край общественной жизни региона выходят женский вопрос и взаимосвязанные с ним проблемы брака, семьи, воспитания детей, образования и духовной культуры. О забитости и бесправии, тяжелом положении женщины в семье и обществе, о господстве патриархальных традиций, взглядов и предрассудков, косности религиозных догм, утверждавших естественность неравенства женщины с мужчиной, немало рассуждали в своем творчестве представители национальной творческой интеллигенции. В 1904 г. в Оренбурге вышла книга известного религиозного и общественного деятеля Ризаитдина Фахретдинова «Машхур хатынлар» («Знаменитые женщины»). В ней женский вопрос возводится им в ранг государственно-политической и национальной проблемы [2].

Происходившие в этот период события в общественной жизни вызвали подъем социальной активности самих женщин. В национальных периодических изданиях стали открываться специальные рубрики, где помещались их статьи и письма в редакции по проблемам, которые волновали не только их.

Эти проблемы становились предметом обсуждений и бурных дискуссий на заседаниях Государственной думы. Необходимость правового уравнения женщин с мужчинами тесно увязывалась с «переустройством всей государственной жизни России на демократических началах». Особую активность проявляли депутаты, представлявшие Башкирский край в российском парламенте. Так, башкирский депутат Ш.Ш. Сыртланов при обсуждении законопроекта «Основных положений закона о гражданском равенстве» считал, что в основе будущих законопроектов должно быть положение: «Все граждане обоего пола равны перед законом». То есть он поддержал его распространение и на женщин. В то же время относительно мусульманской женщины он придерживался иных позиций и заявлял: «Я желаю сказать,

что когда будет разговор в комиссии о равноправии, то, чтобы Шариат был принят во внимание» [1].

В последующие годы, когда идея эмансипации вызрела и оформилась, ее подхватили, наполнили активным содержанием и действием женщины, ставшие ее инициативными проводниками в жизнь. Именно в это время появились в Башкирском крае специальные организации женщин-мусульманок, среди которых было немало башкирок, ставших первыми не только в региональной, но и в российской истории. Можно упомянуть Уфимское мусульманское дамское общество во главе с М.Т. Султановой и Оренбургское мусульманское женское общество во главе с Ф.М. Адамовой. Нужно заметить, что в крае появлялись общества женщин, различавшиеся по своей направленности и поставленным задачам. Несмотря на это, именно своим возникновением и деятельностью, в основном носившей благотворительный характер, они определенным образом влияли на общественную жизнь края. Пока они не ставили в своей деятельности политических целей, а лишь занимались решением «благих» дел, имевших социальную эффективность. В то же время нужно отметить, что они послужили объединением усилий значительной части женского социума края. Участие в них, приобретенный опыт совместной работы стали началом вовлечения женщин в общественную жизнь, дали толчок процессу их раскрепощения и переменам в сознании и понимании необходимости кардинального изменения статуса в обществе, что впоследствии и произошло.

Этот переломный период в истории России, ее народов, в их числе мусульманских, стал важным этапом в борьбе за политические права женщин, за их вовлечение и активное участие в общественно-политической жизни. Осознание важности женского вопроса в общественной жизни, предоставления им равных с мужчинами прав, прежде всего избирательных, в этот период было знаменательным событием в общественно-политической жизни. Итогом упорных споров и дискуссий, вопреки протестам и запретам, стало принятие на прошедшем в мае 1917 г. в Москве I Всероссийском съезде мусульман резолюции «О женском вопросе», в котором было закреплено равноправие мусульманок в обществе и семье [4].

После этого съезда в Башкортостане была развернута подготовка по созыву I Всеобщего съезда (курултая) башкир. Работа

его началась в Оренбурге в июле 1917 г. На нем среди внесенных в повестку важных вопросов единственной делегаткой, башкиркой Р. Юмагуловой, был предложен женский вопрос. После долгих обсуждений, резкого противостояния, прежде всего со стороны мусульманского духовенства, съезд принимает постановление по женскому вопросу, тем самым признав башкирских женщин равноправными гражданками в обществе [3]. Это, безусловно, можно отнести к числу важнейших решений в истории национально-государственного развития Башкортостана в начале XX в. Принятое постановление фактически стало первым законодательным актом в деле раскрепощения башкирской женщины, коренного изменения ее социально-правового статуса в обществе, в семье и дало мощный толчок вовлечению в общественно-политическую жизнь.

Список литературы

1. Женский вопрос в Государственной Думе. Из стенографических отчетов о заседаниях Государственной Думы. СПб.: Типография Н.Н. Фридберга, 1906. 304 с.
2. Культура Башкирии: история и современность. Уфа: Башкирский университет, 1993. 280 с.
3. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 1832. Оп. 4. Д. 171.
4. Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке. М.: Издательство Ком. Академии, 1930. Т. 3. 448 с.

Т.С. Каландаров
Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Этнографическое поле в горах Памира: штрихи к портрету Лидии Федоровны Моногаровой

Лидия Федоровна Моногарова (1921–2011) – замечательный советский и российский этнограф; она всю свою научную жизнь посвятила изучению этнографии таджиков. Обычно бóльшая часть ученых-этнографов в советское время при публикации своих научных работ мало освещали трудности в поле. Сухой научный язык текстов требовал от авторов минимизации эмоци-

ональных пассажей. Само вхождение в поле, работа в поле и выход из него обычно обсуждались в личных беседах и во время неформальных застолий и т.д. Автор доклада попытается восполнить этот «эмоциональный пробел» в полевой работе Л.Ф. Моногаровой. Доклад основан на личных беседах автора с исследовательницей, а также на архивных дневниках Лидии Федоровны, которые ныне хранятся в архиве Института этнологии и антропологии РАН в Москве.

Речь пойдет и о научных достижениях Л.Ф. Моногаровой. Выпускница Московского государственного университета (МГУ) им. М.В. Ломоносова, Л.Ф. Моногарова в 1947 г. впервые в составе Таджикской этнографической экспедиции поехала в Таджикистан и попала на Памир, где начала изучать традиции, обычаи, семейный уклад горных таджиков Таджикистана[6]. За год до этого, в 1946 г., после получения диплома с отличием, Лидия Федоровна поступает в аспирантуру в Институт этнографии АН СССР. Ее научный руководитель – выдающийся этнограф и археолог С.П. Толстов – порекомендовал ей заняться этнографией язгулёмцев – этнографической группы горных таджиков, о которых почти ничего не было известно. Она вместе с руководителем экспедиции, ленинградским этнографом Н.А. Кисляковым, и московским архитектором В.Л. Ворониной отправилась в долину Язгулём в Горно-Бадахшанской автономной обл. (ГБАО) Таджикской ССР. Через пять дней коллеги Моногаровой ушли в Ванч и Дарваз, а Лидия Федоровна сделала своей базой кишлак Андербак в долине Язгулём.

В 1947 г. московская исследовательница оказалось словно в другой исторической эпохе, где господствовали натуральное хозяйство и меновая торговля, люди жили без электричества, радио, телефона и даже медицинского пункта. В наших личных беседах она рассказывала о том, как впервые в жизни проходила по о́врингам – ветхим мосткам-тропам, висящим над бушующей

[6] В 1947 г. также состоялась экспедиция альпинистов на Памире. Начальник экспедиции Д.М. Затуловский пишет Докладную записку на имя зам. председателя Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при Совете Министров СССР И.И. Никифорову о том, что они обследовали пик Маяковского и Амбарку на Памире, все прошло благополучно, никто не пострадал (ГА РФ. Ф. Р7576 Оп. 14 Д. 108а. Л. 56; 56 об.).

рекой. В одном из дальних высокогорных селений, как она рассказывала, жители, поразившись отчаянной смелости русской девушки-исследовательницы, добравшейся к ним путем, опасным даже для местных, все повторяли: «Заррабин! Заррабин!» Так они произносили фамилию И.И. Зарубина – классика отечественного памироведения, изучавшего их язык и культуру. В 1948 г. она вновь оказалась в Язгулёме. По результатам экспедиции 1947–1948 гг. Л.Ф. Моногарова опубликовала в 1949 г. содержательную статью «Язгулёмцы Западного Памира». В марте 1951 г. Л.Ф. Моногарова на основании архивных источников и полевых исследований защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Язгулёмцы (опыт этнографического описания)».

С начала 1952 до середины 1959 г. она работала в редакции археологии, этнографии и антропологии Большой советской энциклопедии (БСЭ) – сначала старшим научным редактором, а затем исполняющей обязанности заведующей редакцией. Деятельность редакции курировал тогдашний директор Института этнографии и член редколлегии БСЭ, ее научный руководитель в годы аспирантуры С.П. Толстов. «Сергей Павлович знал, что я очень хочу заниматься полевыми исследованиями, – рассказывала мне Лидия Федоровна. Работая в энциклопедии, я только в 1953 и 1956 г. смогла в свой очередной отпуск поехать в Таджикистан. Получить пропуск в пограничные районы ГБАО мне помогло Всесоюзное географическое общество, членом которого я состояла».

В мае 1959 г. осуществилась давняя мечта Л.Ф. Моногаровой – ее приняли на работу в Институт этнографии, в сектор этнографии народов Средней Азии и Казахстана. Именно в этом секторе в начале 2000 г. произошло знакомство автора этих тезисов с ней. К этому времени она уже была доктором наук (докторскую степень она получила в 1993 г., когда защитила диссертацию в форме доклада) и патриархом в этнографии таджиков. Позже наше знакомство переросло в дружбу. Она по-матерински, с нежностью и любовью относилась ко мне. Часто приглашала меня к себе домой и за чаем рассказывала мне много интересных случаев из своей полевой этнографической жизни в Таджикистане. Практически всегда в своих разговорах она касалась темы научных связях с коллегами из Таджикистана. Часто просила ме-

ня узнать, как дела у Икромиддина Мухиддинова, Зухры Мадамиджоновой и других коллег. В одной из наших последних встреч у нее дома она с грустью говорила, что скоро уже покинет этот мир и не сможет в последний раз поехать в Таджикистан, попрощаться со своими коллегами и многочисленными информантами. «Свое сердце я оставила в горах Памира», – говорила мне Лидия Федоровна. В ту последнюю нашей встречу она поделилась своими негативами фотопленок из экспедиции по ГБАО. «Некоторые фотографии из моих экспедиции так и не были опубликованы, если будет возможность, опубликуй их, это будет моя последняя воля к тебе как к духовному внуку», – сказала она на прощание. Через несколько месяцев, 16 октября 2011 г., ее не стало.

Данный доклад на XVII Международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) также является данью памяти этой неутомимой труженицы науки.

Дж.З. Мирзаев, С.Б. Раджбова, Ф.У. Холманова
Термез, Узбекистан,
Термезский государственный университет

Роль женщин в экономической и культурной жизни Узбекистана

Происходящие в мире социально-политические процессы положительно влияют на статус женщины в обществе. Начавшись во второй половине XX в., они заметно изменили роль женщин в мире, произошли кардинальные сдвиги в правовом положении женщин, и идея гендерного равенства стала покорять сознание людей. Место женщины в обществе многих стран значительно изменилось по сравнению с прошлыми веками. По этой причине в целях создания широких возможностей для деятельности женщин на основе принципа гендерного равенства 18 декабря 1979 г. ООН была принята «Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин», а 30 августа 1997 г. – «Конвенция о политических правах женщин, о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности». Данный процесс диктует необходимость глубокого изучения роли женщины в жизни общества.

Во всем мире проводятся научные изыскания, целью которых является ретроспективный анализ социального статуса и ролей женщин в исторически сложившихся системах, выявление основных направлений реализации функций социальной роли женщины в экономике переходного периода, прогнозирование перспектив развития функций социальной роли женщины в обозримом будущем, оценка состояния гендерных исследований в современном обществе, выявление характерных особенностей социально-экономических аспектов появления женских проблем. Вместе с тем на уровне ООН принимаются документы по обеспечению социально-политических прав женщин, разрабатывается план мер по защите женщин, исходя из социальной среды в пределах каждого региона, совершенствуются меры по их защите путем внесения в правовые документы дополнений исходя из требований текущего момента. В осуществляемой в последние годы в республике Стратегии развития нового Узбекистана на 2022–2026 гг. особое внимание уделяется расширению прав и возможностей женщин на основе принципа гендерного равенства и опыта развитых государств мира. Так, «одним из приоритетных направлений государственной политики стало достижение гендерного равенства, обеспечение прав, свобод и законных интересов женщин, защита семьи, материнства и детства, развитие предпринимательства среди женщин, создание для них новых рабочих мест, улучшение условий жизни и труда». В этой связи актуальное значение приобретает научный анализ реализуемых в регионах мер, направленных на повышение социальной и экономической активности женщин, а также места женщин в изменениях, происходящих в культурной жизни.

В связи с необходимостью анализа деятельности женщин в жизни общества нашей страны было осуществлено множество исследований в таких областях науки, как история, социальная философия, правоведение, экономика. В первые годы независимости таких исследований было недостаточно, а после 2005 г. наблюдается динамика роста научных изысканий и литературы, освещающих место и роль женщин в жизни общества.

Республика Узбекистан становится государством, в котором осуществляется программа всесторонней защиты прав и интересов женщин, отвечающая международным требованиям, и в этом процессе в стране формируются законодательные акты, в

основе которых лежит принцип гендерного равенства. Вместе с тем в оказании женщинам правовой помощи, решении их социальных проблем с каждым годом растет значение и негосударственных, некоммерческих организаций.

В Узбекистане в целях всесторонней поддержки и развития женского предпринимательства, а также повышения занятости женщин в различных сферах систематизируется кредитование женщин-предпринимателей коммерческими банками и расширяются их возможности в экономической сфере. В 1990-е годы в результате тенденции спада экономики республики произошел рост безработицы, а с 2015 г. – трудовой миграции среди женщин, что вкупе с сокращением рабочих мест в легкой и пищевой промышленности, широко использовавших женский труд, привело к нарушению гендерного равновесия среди экономически активного населения. Лишь с 2017 г. в связи с развитием отраслей легкой промышленности начала возрастать доля участия женщин в этом секторе экономики.

В Республика Узбекистан уделяется особое внимание дальнейшему совершенствованию деятельности женщин в сельском хозяйстве и расширению их возможностей в этой отрасли. Всесторонняя поддержка женщин, занятых в сельском хозяйстве, является важным направлением государственной политики. В целях налаживания оптимальной и продуктивной деятельности женщин-фермеров им оказывается активная помощь. Для обеспечения социальной занятости сельских женщин области считается целесообразным создание малых производственных предприятий исходя из региональных возможностей, что позволит сформировать новые рабочие места и обеспечить женщин постоянным трудовым доходом.

Признаком целенаправленного и активного участия женщины в развитии общества является ее творческий подход к рабочему процессу. Социальный потенциал женщины всегда направлен на конкретные цели и обуславливает степень ее активности в обществе. С момента обретения независимости в Узбекистане было начато реформирование системы образования и подготовки кадров в этой сфере, превратившееся в одно из приоритетных направлений государственной политики. В Узбекистане разработаны прикладные программы, направленные на повышение потенциала

женщин в получении знаний и формирования их интереса в создании инновационных проектов.

В годы независимости в Республике Узбекистан особое внимание уделяется воспитанию здорового поколения путем укрепления здоровья женщин, охраны материнства, поэтому система подготовки кадров в области медицины входит в число важнейших задач, решаемых на государственном уровне. В Узбекистане осуществлен целый комплекс мер, направленных на охрану здоровья женщин, а также на профилактику женских и детских заболеваний. Сегодня в масштабе республики реализуется целый ряд государственных программ, целью которых стала охрана и укрепление репродуктивного здоровья, являющегося залогом здоровой семьи. Путем повышения квалификации медицинских работников, создания женских консультаций при сельских врачебных пунктах было взято под контроль здоровье женщин, проживающих в отдаленных местностях.

Г.Р. Асатова
Чирчик, Узбекистан,
Узбекский государственный университет
физической культуры и спорта

Женщины Узбекистана в сфере физической культуры и спорта: исторические традиции и современность

Культурный уровень любого общества определяется его отношением к женщине, в силу этого в современном Узбекистане обеспечение прав и интересов женщин, формирование условий для их достойного труда и жизни, реализации способностей и потенциала возведены в ранг государственной политики. Женщины из года в год все активнее и полноценнее проявляют себя во многих сферах жизнедеятельности: производственной, предпринимательской, фермерской, социальной отраслях, работе органов власти и управления, внося неоценимый вклад в поступательное развитие государства.

Следует отметить, что на сегодняшний день, к примеру, доля женщин в государственном управлении достигла 35%; свыше 653 тысяч (или 50,2% из 1300 тысяч) студентов, обучающихся в вузах, составляют девушки; среди обучающихся в магистратуре

их доля еще выше – около 14 тысяч (или 60% от общего числа магистрантов); более того, за истекшие семь лет 5247 женщинам были присвоены ученые звания докторов наук (DSc) и докторов философии (PhD) в разных направлениях; в области науки трудятся около пяти тысяч женщин-ученых; в вузах преподают и ведут научные изыскания более 14 тысяч женщин и т.д. [8].

Наряду с этим весьма значима деятельность женщин и в сфере физической культуры и спорта. Современный женский спорт приобрел существенную аудиторию и стал некоей шкалой социально-политических и культурных преобразований, а влияние на образ жизни и популярность создали предпосылки появления определенного количества литературы и ряда научных исследований. Так, специалистами представлен широкий обзор феминистских исследований в области спорта, досуга и физического воспитания, одновременно подчеркиваются возможности теоретического, методологического и эмпирического применения полученных результатов [15]. Анализируются также вопросы гендерных отношений в истории спортивных организаций, деятельность женщин в сфере спортивного администрирования, управления и дипломатии и др. [14]. Что касается отечественной историографии, то заметим, что комплексных научных исследований по истории женского спорта не проводилось. Однако ряд работ заслуживают внимания [1, 3, 10, 13].

Подчеркнем, увлеченность женщин физической культурой и спортом на протяжении всей истории оставалась высокой [6, 7]. К примеру, бесстрашием отмечены боевые подвиги славных дочерей Узбекистана в годы Великой Отечественной войны – ушедших на фронт, ставших медсестрами, связистами, разведчицами. При этом невероятное мужество и отвагу проявляли тысячи представительниц сферы физической культуры и спорта, удостоенных орденами и медалями. Многие из них еще до войны активно участвовали в сдаче норм ГТО, занимались военно-прикладными видами спорта [2, 4, 5 и др.].

Особо можно отметить славный путь на Олимпийских играх представительниц Узбекистана, начавшийся в Хельсинки в 1952 г. Так, гимнастка Галина Шамрай в составе олимпийской сборной СССР завоевала золотую медаль. Бронзовые призеры XVIII Олимпиады (Токио-1964) Светлана Бабанина и Наталья Устинова радовали успехами в плавании. Вера Галушко, отстаи-

вая честь женской команды СССР по волейболу на XIX Олимпиаде (Мехико-1968) завоевала золотую медаль. На играх XX Олимпиады (Мюнхен-1972) удостоились наград высшей пробы волейболистка Вера Дуюнова, гимнастка Эльвира Саади. Особым успехом ознаменовалась московская XXII Олимпиада (1980), в этом есть, безусловно, и вклад узбекских спортсменок. Золотые медали завоевали Лариса Павлова, Ольга Зубарева (гандбол). Серебряной медали была удостоена Наталья Бутузова (стрельба из лука). Бронзовые медали были завоеваны хоккеистками на траве: Лейлой Ахмедовой, Алиной Хам, Валентиной Заздравных, Нелли Горбатковой. На XXV Олимпийских играх (Барселона-1992) узбекские спортсменки приняли участие уже в составе сборной команды СНГ, добившись высоких результатов. Своим мастерством внесли три золотые медали в общую копилку достижений Марина Шмонина (легкая атлетика, эстафета 4 х 400 м), Оксана Чусовитина, Розалия Галиева (спортивная гимнастика).

Заметим, в норвежском Лиллехаммере в 1994 г. впервые прозвучал гимн, был поднят флаг Республики Узбекистан в честь победителя по фристайлу Лины Чирязовой, навсегда оставившей свой след в истории Олимпийских игр.

Многих удивляет своей преданностью спорту и волей к победе легендарная гимнастка Оксана Чусовитина, включенная в Книгу рекордов Гиннеса как единственная в истории гимнастики участница восьми Олимпийских игр (1992, 1996, 2000, 2004, 2008, 2012, 2016, 2020). Более того, О. Чусовитина – первая в истории действующая спортсменка, введенная в Международный зал славы спортивной гимнастики. Именно про нее можно заявлять «впервые», «единственная» – О. Чусовитина по праву снискала себе славу бессмертной гимнастки. Это уникальный случай для спорта.

Нельзя не сказать, что успехи не становятся случайными, за ними стоит колоссальный труд не только спортсменок, но и тренеров, большого количества специалистов, медицинских представителей спортивных федераций, родных и близких. Достигнутые результаты свидетельствуют прежде всего о положительной динамике развития физической культуры и спорта, о заложенных предпосылках побед в спорте высоких достижений.

Необходимо отметить, что эффективная работа тренеров, функционеров, общественности, государственных органов приводит к определенным результатам, и количество женщин – участников Олимпийских игр из Узбекистана из года в год возрастает. Так, если в 1996 г. Узбекистан представляли восемь женщин (8%), в 2000 г., в 2004 г. 18 (26%), то уже в 2016 г. – 22 (32%), в 2020 г. – 149 (39%) девушек.

Наряду с наставниками в достижение высших результатов вносят свой вклад и некоторые общества. Например, принимая во внимание мировой опыт, в целях укрепления роли женщины в олимпийском движении, более широкого привлечения женщин к занятиям физической культурой и спортом при Национальном Олимпийском комитете Узбекистана была образована в декабре 2004 г. комиссия «Женщины и спорт». Комиссия способствует обмену опытом между женскими организациями в Узбекистане и за рубежом, создает условия для привлечения женщин в физкультурно-спортивное движение, занимается вопросами пропаганды физического воспитания девочек в школе, поддерживает девушек, женщин-спортсменок и тренеров. Одновременно с этим в центре внимания комиссии находится и работа с детьми из детских домов, интернатов, широкое распространение спортивных праздников по принципу «семья – школа – махалля (квартал)», увеличение числа оздоровительных групп, подготовка тренеров-женщин, обучение и переподготовка специалистов по физическому воспитанию и др.

Обратим внимание, в Узбекистане при созданных условиях физическая культура и спорт превратились в общенациональное движение. В результате осуществления системных и целенаправленных мер возросло число желающих поддерживать состояние здоровья, добиваться высоких результатов, что немаловажно. К примеру, по итогам исследования Госкомстата, по данным за январь – сентябрь 2020 г. 59% узбекистанцев регулярно занимаются физической культурой. При этом 65,4% из них – мужчины и 52,4% – женщины. Анализируется этот показатель в городской и сельской местности. Доля ведущих физическую активность в городской местности составила 60,6% и в сельской местности – 57,2% [9].

Что касается видов спорта, то заметим, в Узбекистане возрос интерес к боксу и среди женщин. Так, согласно данным

Агентства по статистике Республики Узбекистан, на 1 января 2023 г. общее количество занимающихся боксом в спортивно-образовательных учреждениях и секциях составило 36072 человек, из них женщин – 1410 человек (3,9%). Принимая во внимание, что женская сборная Узбекистана по боксу в последние годы удачно выступает на международных турнирах, на Олимпийских играх, власти планируют и дальше развивать данный вид спорта среди женщин [11]. Наряду с этим есть женщины, отдающие предпочтение футболу. Например, по данным на 1 января 2023 г., количество занимающихся футболом в спортивно-образовательных учреждениях и секциях составило 63 318 человек, из них женщин – 1455 человек (2,3%). Отметим, Ассоциация футбола Узбекистана стала оказывать больше внимания повышению мастерства женских команд. Женская сборная Узбекистана, организованная еще в 1995 г., пять раз участвовала в Кубке Азии среди женщин [12].

Таким образом, анализ пути развития физкультурного и спортивного движения в Республике Узбекистан позволяет рассмотреть особенности и практику организации женского спорта в свете социально-политических процессов, протекавших в данном регионе. Более того, динамика изменения в олимпийском движении свидетельствует о неподдельном интересе и внимании к вопросу женщины в спорте. Реалии подтверждают, что женщины в обществе Узбекистана имеют необходимые условия для выражения своего потенциала, есть предпосылки для достойного представления узбекского спорта на мировых аренах. Однако несмотря на стремительное развитие женского спорта, дать однозначную оценку этому феномену в современном обществе пока трудно, поскольку есть необходимость решать существующие проблемы.

Список литературы

1. *Асатова Г.Р.* Гендерный аспект в развитии физической культуры, спорта и олимпийского движения в Узбекистане // Физическая культура и спорт: наука, образование, инновации: Сборник Республиканской научно-практической конференции. Ташкент: б.и., 2017. С. 445–447.
2. *Асатова Г.Р.* Исторический опыт Узбекистана: деятельность женщин в спортивной и физкультурно-массовой работе в годы Второй мировой войны // Исторические документы и актуальные проблемы ар-

хеографии, источниковедения, Российской и Всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов VII Международной конференции – Clio – 2017. М.: РОССПЭН, 2017. С. 35–39.
3. *Асатова Г.Р.* Физкультурно-спортивная деятельность женщин Узбекистана в тылу и на фронте (1941–1945 гг.) // Вклад народа Узбекистана в победу над фашизмом во Второй мировой войне: Материалы научно-практической конференции. 28 апреля 2020 г. Ташкент: б.и., 2020. С. 118–124.
4. *Асатова Г.Р.* Женщины-спортсменки на фронтах Второй мировой войны // Вторая мировая война в истории и памяти народов Центральной Азии: события, участники, символы: Материалы международной научно-практической конференции. 30 апреля 2021 г. Ташкент: Zamin Nashr, 2021. С. 43–46.
5. *Асатова Г.Р.* Проблемы физической культуры и спорта Узбекистана в межвоенный перид (1920–1930 гг.) // Жамият ва инновациялар – Общество и инновации – Society and Innovations. 2022. № 2. Специальный выпуск. С. 342–355.
6. *Асатова Г.Р.* Физическая культура и спорт в Туркестанском крае на рубеже XIX–XX вв.: отражение социокультурных изменений // Ўтмишга назар журнали. Journal of Look to the Past. Взгляд в прошлое. 2022. Т. 5. № 3. С. 15–25.
7. В Новом Узбекистане обеспечение достойной жизни народа, прежде всего женщин, и впредь будет нашей важнейшей задачей. Выступление Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева на торжественной церемонии, посвященной Международному женскому дню. URL: https://president.uz/ru/lists/view/7076 (дата обращения: 24.06.2024).
8. Госкомстат: сколько узбекистанцев занимаются спортом? // Plov. URL: https://plov.press/news/lifestyle/goskomstat_skolko_uzbekistantsev_ zanimayutsya_sportom (дата обращения: 24.06.2024).
9. *Казиева Р.А.* Развитие женского физкультурного движения в Узбекистане. Ташкент: б.и., 1979. 260 с.
10. Стало известно, сколько женщин в Узбекистане занимаются боксом // Новости Узбекистана. upl.uz. 2023, 6 июня. URL: https://upl.uz/sport/34375-news.html (дата обращения: 24.06.2024).
11. Стало известно, сколько женщин в Узбекистане играют в футбол // Новости Узбекистана. upl.uz. 2023, 6 июня. URL: https://upl.uz/sport/34370-news.html (дата обращения: 24.06.2024).
12. *Шакиржанова К.Т.* Счастье здоровой матери и ответственность физического воспитания // Образование, наука и инновация. 2016. № 3. С. 29–35.

13. *Cervin G., Nicolas C.* (eds.). Histories of Women's Work in Global Sport: A Man's World? UK: Palgrave Macmillan, 2019. XXV, 347 p. (Palgrave Studies in Sport and Politics).
14. *Mansfield L. et al.* (eds.). The Palgrave Handbook of Feminism and Sport, Leisure and Physical Education. UK: Palgrave Macmillan London, 2018. XIII, 888 p.

Н.Г. Краснодембская, Е.С. Соболева
Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Шри-Ланка: женщина в воззрениях сингальского социума, ее потенциал, права и долг

Уже существуют примеры ярких судеб восточных женщин: первым в мире премьер-министром – женщиной была сингалка буддистка Сиримаво Бандаранаике, вторым – индианка индуистка Индира Ганди (можно вспомнить и Беназир Бхутто, мусульманку, и др.). А у некоторых европейцев все еще бытует предрассудок насчет того, что женщина Востока «обижена судьбой», не свободна и лишена многих человеческих прав. Изучение деталей положения вещей в разных этнических обществах открывает более сложную картину, и пример тому – сингальский социум. Сингалы (основные жители Шри-Ланки) – представители индийской (в широком смысле слова) цивилизации, но их историческая судьба внесла в их культуру оригинальные черты. Их предки в древности были переселенцами из северо-западного Индостана, также в течение многих веков они соседствовали с могучим дравидским миром Южной Индии; и на само́м острове живут дравиды – т.н. *ланкийские тамилы*, индуисты. К тому же остров был в европейской колонизации 400 лет, и потомки браков европейцев с местными женщинами живут в стране и, тяготея к западным стандартам, имеют немалое культурное влияние в местной среде. Главное вероисповедание сингалов, буддизм южного толка, тоже сыграл свою роль в формировании их взглядов на женщину и ее роль в социуме.

Сингалки обычно держатся с большим достоинством, в оптимистичном тонусе, в свободе движений. Как правило, они ничем не укрывают голову, ограниченно используют украшения,

что придает благородство их внешности; их национальные одеяния не мешают демонстрации женских достоинств, а скорее их подчеркивают (в пожилом возрасте более умеренно). Этим женщинам не отказано в праве на кокетство, а также на капризность. Особенно этими качествами прославлены горянки – жительницы внутренних районов острова (*уда рата*), Кандийского края/региона. Именно здесь до 1815 г. еще существовало последнее сингальское независимое царство, здесь до сих пор сохраняются традиции аристократических родов, здешние мужчины славятся особым, прямо-таки рыцарским, отношением к женщине. Жительницы прибрежных районов (*пахата рата*) считаются менее своевольными.

Впрочем, все сингалки в своем большинстве улыбчивы, приветливы, не прячут взгляда от окружающих. Да, существуют некоторые ограничения в их (это касается в основном женщин фертильного возраста) общении за пределами родственного круга: избегают сближения в пространстве с чужими мужчинами, не вступают в разговор с ними; в прежние времена считалось, что выходить из дома им следует в сопровождении мужчины (современные ситуации несколько меняют дело, но правило это не забыто). Принимая гостей в своем доме, женщина исполняет роль прислужницы, но для сингальской среды характерно, что и в этом случае она подчеркивает свой значимый статус – вступает в разговор с гостями, задает вопросы. В общественно значимых ситуациях женщина подчеркивает уважительное отношение к мужу, демонстрирует свое положение *при нем*. Но все эти ограничения объясняются стремлением защитить, оберечь женщину от опасностей, прежде всего магических (в частности, в местной среде весьма актуальны представления о сглазе, который возможен от взгляда, слова и даже мысли).

Буддийская местная традиция отводит женщине второстепенное место по сравнению с мужчиной (например, считается, что родиться мужчиной она может лишь *с разрешения* мужа: как и в индуизме, предполагается, что во всех последующих рождениях люди связаны со своей парой). Женщины не могут принять для себя полное монашество, их удел – статус *дасасил матава, матери десяти обетов*). Женщина не должна касаться монахов и даже их одежды (монахи стирают для себя сами, часто млад-

шие это делают для старших); а вот готовить для них еду ей не только позволяется, но и вменяется в обязанность. Вообще-то этот статус выглядит как утешительный бонус для мужчин, отстраненных от женской близости, хотя главное объяснение такого положения заключено в понятии, что женская красота – слишком великий мирской соблазн, опасный для монахов.

В сингальской семье девочек и мальчиков любят примерно одинаково, даже скорее (особенно это касается отцов) более нежны к девочкам. Вообще не редок тип семьи, где мама к детям строже, чем отец; немало и отцов-*подкаблучников*. Забота обо всех детях примерно одинакова, девочкам так же, как и мальчикам, стремятся дать образование (в зависимости от социального ранга семьи). Существует обряд приобщения к письму, обязательный для всех детей, даже тех, кто потом грамоте так и не учится (хотя у сингалов, считается, образовательная система высоко развита). Браки у сингалов сватанные, с консультацией астролога. И все-таки для девочек стараются, как и у других народов региона, поскорее устроить семейную жизнь, о мальчиках беспокоятся реже. У сингалов приняты обе формы брака – патрилокальный и матрилокальный, так что многие мужчины живут в статусе *примака*. В само́м свадебном обряде сингалка выглядит в равном статусе с мужчиной, в отличие, например, от индуски. В системе наследования все дети имеют примерно равные доли.

Как известно, наиболее патриархальный семейный уклад характерен для жителей северных районов Индии, женщины юга считаются более независимыми; так вот сингалки, в свою очередь, считают себя более независимыми, чем ланкийские тамилки, которых находят слишком покорными мужьям.

У сингалов отсутствует четкая концепция обладания женщиной особой энергией (*анангу*), как у дравидов: тем не менее имеется понятие, что ее женская сила гарантирует благоденствие семьи, особенно детей (сингальская среда видит в ней прежде всего мать и строго судит ее поведение в отношении потомства). В частности, еще одна именно женская обязанность – поддерживать жизненный тонус семьи на должном уровне. Потому женскую *силу* и берегут, защищают от чужих посягательств и вредоносных влияний. Так объясняются ограничения, накладываемые на женское поведение. Наличие в женщине (совершающей правильно

свой жизненный путь) этой силы проявляется в некоторых обрядовых действиях. Так, наряжать (или хотя бы причесать) к свадебному ритуалу юную невесту обычно приглашают женщину замужнюю и имеющую детей. А чтобы у молодой матери было достаточно грудного молока, устраивается особый обряд ублаготворения нескольких старушек, тоже со счастливой семейной историей. Замужняя женщина в своем доме отвечает за то, чтобы все члены семьи были накормлены, поэтому сама она чаще всего ест последней (общие трапезы в сингальской среде редки, все едят в свое удобное время). Ее слово главное при выборе женихов и невест для детей, и вообще оно достаточно весомо. В целом роли женщины и мужчины в сингальской семье можно сравнить с задачами министра внутренних дел и министра внешних сношений.

Илэй Ли
Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, Китайская Народная Республика

Революция достоинства: отношение к женщинам и женскому труду в китайских крестьянских семьях в первой половине XX в.

В 2007 г. известный японский китаевед решился поставить вопрос о том, принесли ли десятилетия верности социалистическому учению счастье Китаю, нужно ли было стране руководствоваться идеями марксизма, перерабатывая их в «идеи социализма с китайской спецификой», привела ли социальная революция и последовавшие за ней преобразования к действительному освобождению от пут прошлого большинства китайского населения, крестьян [5]? Продолжая подобные размышления, современные западные исследователи предлагают рассмотреть ту же проблему в ракурсе женского вопроса: смог ли китайский социализм «освободить женщин» [6].

Поиски ответа на эти вопросы заставляют обратиться к китайской истории XX в., самым крупным переломным событием в которой была Вторая гражданская война, длившаяся с 1 августа 1927 г. по 7 декабря 1949 г. Пограничный район Шэньси-

Ганьсу-Нинся в северной части Китая оказался единственным, который Коммунистической партии Китая удалось сохранить под своим контролем с середины 1930-х годов до завершения войны. С сентября 1937 г. именно в этих провинциях располагался базовый лагерь революции, и за 12 лет КПК провела в этой части страны ряд политических, экономических и культурных реформ, обретя опыт и заложив фундамент для упрочения новых социальных отношений в стране. Выбирая именно этот район в качестве локуса пристального изучения китайской женской истории, мы поставим задачу проанализировать положение китайских крестьянок с начала XX в. до обозначенного выше лиминального периода 1930–1940-х годов. Именно в то десятилетие КПК направила вектор реформирования в деревню и возглавила проведение ряда социальных реформ, приведших к изменениям в повседневной жизни всех сельских жителей страны.

Об этих реформах в китайской и западноевропейской научной литературе написано немало. Некоторые авторы сосредоточили внимание на верхнем уровне власти, поставив задачей выяснить, как решения, принятые сверху, реализовывались на местах [1; 2]. Другие историки, базирующие свои подходы на основе универсального инструмента рационального определения мира как бинарных оппозиций, выносили негативные суждения о женском освободительном движении в Китае того времени [7, 9]. Обращение к живой истории Китая того времени, которая может быть реконструирована на основе воспоминаний людей, переживших эти годы скорых перемен, а также их детей и внуков, позволяет усомниться в правоте и тех, кто во главу угла ставил историю государственного вмешательства в жизнь китаянок, и тех, кто был целиком ориентирован на западный феминистский образец.

Целью данного текста является выяснение того, какими были условия жизни китайских сельских жительниц к началу периода реформ на пересечении трех провинций Шэньси, Ганьсу, Нинся в период Китайской Республики. Какие действия предпринимали женщины, столкнувшись с новой политикой, проводимой политической партией, о которой были лишь наслышаны? Каковы были мотивы их социального поведения? Какие чувства они испытывали? Какие последствия имела проведенная в те годы политика для социально-правового и бытового положения

китаянок в последующие годы? Интервью с жителями на пересечении трех провинций Шэньси, Ганьсу, Нинся, собранные нами летом 2023 г., дополнены материалами краеведческих записок, газет и других источников, позволяющих выяснить, как именно задуманные китайскими идеологами мероприятия воспринимались жителями на местах, где семья считалась синонимом стабильности и всегда давала шансы на выживание в условиях социально-политических катаклизмов [3].

Массовое кооперативное движение 1930–1940-х годов, создание «прядильно-ткацких групп» в сельских районах страны в известной степени было шагом по пути реализации старого, но не забытого идеала «общего единения» (Датун). Подкрепленное новой идеей – революцией достоинства для женщин, оно оказывалось идеальным субстратом для укрепления идей новой идеологии в массовом сознании. «Символическая власть имплицитно соответствовала жизненной логике, философии и идеалам выживания простых людей» [4], женщины ощущали очевидную выгоду от перемен, и выгода эта была не только экономической, но и символической, означая новый статус и осознание собственного человеческого достоинства.

Как ни критиковали отдельные активисты такой подход, считая его отказом от социалистической революции в деле реформирования семейных отношений, ликвидации патриархальных семей и скорейшей окончательной эмансипации женщин, именуя возникшую систему «социалистическим патриархатом» [8], стоит помнить, что подобные выводы сделаны учеными, считающими образцовой западную модель эмансипации. Они стараются не замечать эмоциональной поддержки идей КПК со стороны женщин (или трактуют эту поддержку как идеологический прессинг), равно как того, что в обстановке военного противостояния середины XX в. сплетение идей конфуцианства с требованием предоставления женщинам большей экономической независимости было той идеологической конструкцией, которой позволила сделать успешной революционную практику в сложнейшем политическом, экономическом и социальном контексте.

В экстремальных условиях войны КПК представила труд представительниц мелких крестьянских хозяйств эффективным и востребованным звеном общественного производства, придала

труду прявших и ткавших не только видимую экономическую ценность, но и политическое значение, сделала экономический вклад женщин в домашнюю экономику заметным и признанным, а в определенной степени даже способствовала большему равенству в распределении труда и получаемых на его основе благ. Она ввела в общественный дискурс новые понятия: «освобождение женщин», «равенство женщин с мужчинами», «независимость и самостоятельность женщин» – а с ними крестьянки, никогда никаких прав и никакой субъектности не имевшие, обрели статус членов нового общества и, следовательно, ощущение человеческого достоинства в семейной и социальной сферах, значительную автономию и право принимать решения.

Список литературы

1. *Ван И.* Выход из семьи и укрепление семьи: эмансипации женщин в пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся в период антияпонской войны (1937–1945 гг.) // Кайфан шидай. 2018. № 4. С. 31–35.
2. *Ван Я.Л.* Исследование супружеской жизни женщин в пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся – с точки зрения отношений между женщинами, браком и революцией. Дис. … канд. ист. наук. Шаньсийский университет, Тайюань, 2016. 481 с.
3. *Вощилина Е.В.* Семейно-клановые отношения в китайском обществе // Культурологические опыты / отв. ред. М.В. Амгаланова, Е.С. Манзырева. Улан-Удэ: ВСГИК, 2017. С. 27–30.
4. *Го Ю.Х.* Коллективизация души: воспоминания женщин о кооперировании сельского хозяйства в деревне Цзи, Северная Шэньси // Чжунго шэхуэй кэсюэ. 2003. № 4. С. 79–92.
5. *Китамура М.* Принес ли социализм счастье Китаю? Тайбэй: Юаньлю, 2007. С. 140–154.
6. *Cheng L.* Women and class analysis in the Chinese Land Revolution // Berkeley Women’s Law Journal. 1988. Vol. 4. Is. 1. P. 62–93.
7. *Kay A.J.* Women, the Family and Peasant Revolution in China. Chicago: University of Chicago Press, 1983. 292 p.
8. *Stacey J.* Patriarchy and Socialist Revolution in China. Berkeley: University of California Press, 1983. 324 p.
9. *Stranahan P.* Yan’an Women and the Communist Party. Berkeley: University of California, Institute of East Asian Studies, 1983. 130 p.

Е.Б. Лопатина
Москва, Институт славяноведения РАН

Женщины-христианки в мусульманской стране: к вопросу о педагогической деятельности Зофьи Турович и Марии Янги-Микульской в Пакистане

Одна из малоизвестных страниц истории Полонии связана с эмиграцией польских летчиков и их семей в Пакистан. Переезд туда был во многом вынужденной мерой. По окончании Второй мировой войны целый ряд польских военных, служивших в британских Военно-воздушных силах, должны были сделать выбор, возвращаться в социалистическую Польшу или нет. Военные, поддерживавшие польское правительство в Лондоне, безусловно, не были готовы вернуться в Польшу, где начался процесс строительства народной демократии. Они искали пути остаться в Великобритании, но возможности работать по профессии у большинства из них не было. Тогда польским летчикам представился неожиданный случай: в получившем в 1947 г. независимость Пакистане была острая нехватка профессиональных военных, в особенности летчиков. И когда в 1948 г. пакистанский Верховный комиссариат в Лондоне объявил о наборе обученных техников и пилотов на замену британцам, уехавшим после обретения Индией и Пакистаном независимости, около тридцати польских военных летчиков подписали трехлетние контракты с руководством Военно-воздушных сил Пакистана и переехали в эту молодую азиатскую страну со своими семьями. В числе поселившихся в Пакистане был Владислав Турович со своей женой Зофьей и Ян Збигнев Микульский с женой Марией.

И Зофья, и Мария, как и их мужья, были профессиональными летчиками. Зофья Турович (в девичестве Щетинская) изучала самолетостроение в Варшавском технологическом университете, также она посещала Варшавский аэроклуб, где и научилась пилотированию и познакомилась со своим будущим мужем Владиславом Туровичем. Мария Янга (по мужу Янга-Микульская) обучалась пилотированию во Львове, затем работала в Волынской школе дельтапланеризма под началом своего будущего мужа Яна Збигнева Микульского [5].

С началом Второй мировой войны Зофья была разлучена со своим женихом, а Мария – со своим мужем. Если Зофья вновь соединилась с Владиславом уже в лагере для интернированных в Слатине, откуда они переместились во Францию, а затем в Великобританию, то судьба Марии Янги-Микульской и ее семьи сложилась гораздо драматичнее. Мария со своими родителями и маленькой дочкой Анной Яниной была депортирована из Львова в Семипалатинск. Мария стала единственной из своей семьи, кому удалось пережить холодные и голодные зимние месяцы 1940–1941 гг. В 1942 г. в составе армии Андерса она выехала в Иран, а годом позже была переведена в Великобританию, где соединилась со своим мужем, который, будучи военным летчиком и инструктором, проделал, как и Владислав Турович и многие другие польские военные, путь из Польши во Францию, а затем в Великобританию.

Когда Владислав Турович и Ян Збигнев-Микульский решили заключить договор с руководством Военно-воздушных сил Пакистана, их жены поддержали это решение. Кроме того, в Пакистане они смогли продолжить свою профессиональную карьеру. Мария Янга-Микульская в апреле 1950 г. переехала из Лондона к мужу в Пакистан, где стала первой женщиной-инструктором по планеризму в пакистанской авиации. Мария была одним из организаторов Центральной школы планеризма (Central Gliding School) в Карачи. Она работала гражданским инструктором до 1956 г.: сначала в Карачи в качестве второго инструктора, а затем руководителем планерного подразделения на авиабазе Пакистана недалеко от г. Равалпинди, где добилась высоких результатов в обучении молодых пакистанских летчиков.

Зофья Турович так же, как и Мария, стала инструктором по планеризму и работала в Карачи и в Равалпинди, позже, вплоть до выхода на пенсию в 1970 г., она преподавала математику и химию в американской школе в Карачи.

Если семья Микульских после окончания службы в ВВС Пакистана вернулась в Великобританию, то Туровичи решили остаться в Пакистане. Владислав Турович в 1967 г. был назначен исполнительным директором СУПАРКО (Агентство по исследованию космоса), кроме того, он входил в комиссию по исследованию урана. За свою деятельность Турович был награжден высшими государственными наградами Пакистана: Тамга-я-Пакистан и Нишан-я-Пакистан, а в 2005 г. на площади перед

музеем ВВС Пакистана в Карачи был открыт памятник Владиславу Туровичу. Зофья Турович пережила мужа на 32 года, до своей смерти в 2012 г. она была активной участницей Полонии, ее заслуги перед Польшей были отмечены Министерством национальной обороны Польши: в 2006 г. ей вручили медаль Войска Польского за вклад в прославление доброго имени польской армии в мире.

Семья Туровичей стала единственной, кто решил связать свою судьбу с Пакистаном. Потомки Туровичей и сейчас живут в Карачи, сын и внук Владислава и Зофьи Туровичей пошли по стопам своих родителей и также служат в ВВС Пакистана.

Информация о семье Туровичей и о других польских специалистах, эмигрировавших после войны в Пакистан, была закрытой для Польши и в целом для стран советского лагеря до начала 1990-х годов. Впервые сведения о Туровиче появились в «Энциклопедии польской эмиграции», которая была издана в 1992 г. И лишь спустя 25 лет в журнале «Пшеглонд Полонийны» вышла в свет заметка профессора Торуньского университета Яцека Кнопека о Туровиче под заголовком «Забытый организатор пакистанских ВВС» [3], информацию о котором он получил через польское Генеральное консульство в Карачи. Затем фигура Туровича была популяризирована за счет документального фильма, снятого Анной Петрашек по мотивам биографии польских летчиков в Пакистане – «Польские орлята в небе Пакистана». В 2018 г. Анна Петрашек при поддержке посольства Пакистана в Варшаве опубликовала книгу «Свобода под небом Пакистана» [4]. А профессор Ягеллонского университета А. Глодовский в свое исследование включил и главы, посвященные женам польских летчиков Зофье Турович и Марии Янге-Микульской, которые также были профессиональными планеристками и инструкторами по летному делу [1; 2]. В современном Пакистане помнят о поляках, которые служили во благо молодого государства в первые десятилетия его существования, что подтверждает финансовая поддержка в издании книг о Туровиче со стороны посольства Пакистана в Варшаве и проведение презентации труда А. Глодовского в Исламабаде. Однако в первую очередь вспоминают о заслугах Владислава Туровича и Яна Збигнева Микульского, в то время как фигуры их жен находятся в тени.

Список литературы

1. *Głogowski A.* Polskie orły and Himalajami. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2011. 106 s.
2. *Głogowski A.* They Polished the Royal Pakistan Air Force. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2016. 122 s.
3. *Knopek J.* Władysław Turowicz (1908–1980): zapomniany organizator lotnictwa pakistańskiego // Przegląd Polonijny. 2006. R. 32. Z. 1. S. 119–129.
4. *Pietraszek A.* Freedom under the Pakistani Sky. Warsaw: Fundacja Kultury "Wspólna Sprawa", 2018. 470 s.
5. *Ziółkowski J.* Te wspaniałe kobiety... Toruń: Wydaw. Adam Marszałek. 2003.

А.А. Ярзуткина
Анадырь, Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета

Начальницы чукотских сел: пути прихода во власть

В 2018 г. на экраны вышел документальный фильм «Начальницы Чукотки» режиссера Светланы Нехорошевой, повествующий о трех советских женщинах-чукчанках, возглавлявших Чукотский окружной исполком в 1960–1980-е годы. Эти три десятилетия, когда Чукоткой руководили женщины, неофициально назвали «золотым веком» [4]. В фильме показывается их вклад в развитие суровой и отдаленной территории и утверждается значимая роль женщины в культуре чукчей [1]. Лейтмотивом всего фильма звучит мысль о том, что женщины преобразуют вверенную им территорию не только посредством грамотного и гибкого выполнения задач, поступающих сверху, но и через заботу, отзывчивость и мягкость, т.е. через свои женские качества.

Тридцатилетие «правления» женщин в одном из самых удаленных от столицы регионов страны сделали образ женщины-руководителя привычным на Чукотке. Вместе с тем на низовом уровне – в сельских поселениях – исполкомы сельсоветов и советы депутатов вплоть до середины 1980-х годов возглавляли в основном мужчины. Женщины же, и чаще всего приехавшие на

работу из других регионов страны, руководили в селах объектами социальной сферы: школами, детскими садами, больницами[7].

После массового выезда с территории Чукотки приезжего населения в 1990-х годах и экономических сложностей ситуация с гендерным и национальным распределением власти постепенно менялась, но при этом не имела какой-то системы [5]. В начале 2000-х годов все ключевые позиции в региональном управлении и в районных администрациях занимали в основном мужчины. В настоящее время чукчанки не имеют серьезных позиций в органах власти региона, но при этом занимают ключевые представительские должности, являясь членами высшего представительного и законодательного органа Российской Федерации от Чукотского АО[8].

В низовых структурах власти, особенно в последнее десятилетие, главами сел все чаще стали избираться женщины, как коренные, так и не коренные, но родившиеся или давно приехавшие на Чукотку. Из 35 сел Чукотки в 23 (65%) главами[9] являются женщины.

Почему произошло такое гендерное смещение и во главе самых сложных территорий – труднодоступных, со сложным снабжением и порой не вполне законно решаемыми проблемами – встали женщины? На чем основана их власть и можно ли го-

---

[7] Данный вывод основан на анализе архивных документов исполкомов сельских советов всех районов Чукотского национального округа с 1953 по 1989 г., хранящихся в Государственном архиве Чукотского автономного округа и районных архивах Чукотского АО.

[8] Анна Отке последние десять лет занимает должность сенатора Российской Федерации от Чукотского АО в Совете Федерации; Елена Евтюхова – депутат Государственной думы, избранный по избирательному округу № 224 (Чукотский – Чукотский АО).

[9] Под «главами сел» мы подразумеваем как глав муниципальных образований, статус которых сохранили в настоящее время несколько сельских поселений Чукотки, так и уполномоченных глав сельских поселений, назначенных главами районов или городских округов после включения села в состав более крупного муниципального образования в результате вступления в силу Федерального закона от 03.04.2017 № 62-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”». Большинство уполномоченных глав сельских поселений – это ранее избранные главы поселений.

ворить, что пост главы села подтверждает лидерские позиции его носительницы? Как женщины удерживают свое место в политическом поле села и какие стратегии применяют для осуществления властных полномочий? Множество вопросов возникает в связи с политической активностью женщин внутри территории, представляемой «мужской» – суровой, жесткой, экстремальной. В предлагаемом исследовании я остановлюсь только на одном вопросе: как и почему женщины получили властные полномочия и заняли должности главы поселения?

Источником информации стали наблюдения и интервью, которые я проводила в течение последних двадцати лет в сельских поселениях Чукотки. Было обследовано 14 сел и изучена работа девяти глав поселений (пять из которых – женщины), а также записаны интервью с двумя бывшими сельскими главами, трехмя представителями районной администрации, в том числе главой муниципального района, и более чем тридцатью жителями.

В ходе изучения мнения жителей о том, почему женщины все чаще становятся сельскими главами, я выявила противоречивые суждения. Часть информантов утверждали, что увеличение числа женщин-руководителей связано с изменением/сокращением функций глав сел. Согласно Федеральному закону № 136-ФЗ, вступившему в действие в 2015 г., была скорректирована процедура перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов РФ, что предусматривало сокращение полномочий сельских администраций с 39 до 13 [3, с. 124]. Вот как объясняли это наши собеседники:

Раньше только мужики [занимали пост глав], *потому что было хозяйство и нужно было много проблем решать. Это реально сложная работа… Иногда кулаком приходилось стучать. Женщина бы не справилась. А сейчас что – только бумажки перекладывай да вовремя в район пиши – вот и вся работа. Поэтому бывшие секретарши теперь все главами стали*[10].

Сейчас глава – это просто название. Ты никем не управляешь. Один человек тебе подчиняется – делопроизводитель. Все… Поэтому не важно – мужчина, женщина. Главное –

[10] ПМА (полевые материалы автора), м., 1966, украинец.

уметь с документами разбираться. Ну, вот обычно женщины с этим… хорошо ладят[11].

Другие объяснения ссылались на то, что женщины в настоящее время более ответственны, «*больше разбираются в ведении хозяйства*», «*грамотнее большинства мужчин*», «*не пьют*». В частности, приводились следующие доводы: «*Ее дети здесь живут, внуки будут жить, все родственники, конечно, она хочет, чтобы в селе все хорошо было. Она же мать прежде всего. Это ее дом. А у нас, у чукчей, хозяйкой дома, очага всегда женщина была. Кто лучше нее за домом присмотрит…*»[12].

Политические биографии глав сел – женщин показывают совершенно различные траектории прихода во власть. Две женщины-главы были выбраны на свой пост около двух десятков лет назад и несколько раз побеждали на выборах. После объединения этих поселений в единый муниципалитет с районом им было предложено оставаться уполномоченными глав сел. «*Люди уже не представляют, что кто-то другой будет. Мне кажется, она всегда была. Никого другого не представляю. Работает человек и работает. На своем месте*»[13].

Одна женщина-глава – бывшая учительница, была выдвинута своим предшественником-мужчиной, который решил оставить пост главы. Так как он имел авторитет среди земляков, жители поддержали ее кандидатуру, при этом районные власти на тот момент были не согласны с подобным выбором, но не могли вмешаться. Еще одна женщина-глава, бывшая медсестра, была рекомендована районной администрацией и получила поддержку своих родственников и некоторых старейшин. «*Я тогда без работы была… Думала, чем бы заняться. В больнице сократили, и я то там, то там. Из района предложили выдвинуться на главу, я подумала и согласилась. Люди поддержали… Может быть, из-за бабушки. Она у меня известной здесь была, и ее все уважали… До меня глава была женщина, очень долго… Я совсем ничего не знала, никакие законы, нормативку. Полгода читала-читала…*»[14]. Еще одна женщина-глава получила долж-

[11] ПМА, м., 1968, чукча.
[12] ПМА, ж., 1958, чукчанка.
[13] ПМА, ж., 1974, эскимоска.
[14] ПМА, ж., 1992, чукчанка.

ность по просьбе региональных органов власти. На момент выдвижения она уже около двадцати лет жила в окружном центре и, хотя, родилась в поселении, из-за труднодоступности длительное время не была там. Однако получила поддержку жителей, потому что, по их словам, «*всегда защищала права коренных*» и «*некого выбирать было уже*».

Важным критерием попадания во власть в селе, объединяющим почти всех глав-женщин, является способность к мягкой коммуникации между двумя полюсами – местными жителями и районной властью, а также опыт хорошего ведения хозяйства в пределах своего собственного дома. Наблюдения и интервью свидетельствовали о том, что у всех глав-женщин еще до начала выборов был «*самый аккуратный дом*» и «*всегда порядок*». Глава-женщина продолжает оставаться женщиной, только управляет более широким хозяйством и заботится о большем количестве людей [2, с. 135].

Еще одним важным фактором попадания во власть именно для женщины (в отличие от многих глав-мужчин) является наличие и активная поддержка родственников. Это та сила, которая вначале выталкивает женщину во власть, а затем удерживает ее позиции во власти.

* *Доклад подготовлен в рамках в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00556), проект «Лидерство в удаленных арктических поселениях: антропологическое и социолингвистическое исследование властных отношений».*

Список литературы

1. Начальницы Чукотки. Документальный фильм. URL: https://www.youtube.com/watch?v=rKe8b6q5PPk (дата обращения: 20.04.2024).
2. *Папян А.* Женщина-руководитель армянского села // Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни / под ред. Е. Богдановой, О. Бредниковой. СПб.: Алетейя, 2013. С. 126–143.
3. *Фадеева О.П.* Трансформация сельского самоуправления: сибирский фокус // Крестьяноведение. 2022. Т. 7. № 2. С. 122–157.
4. Фильм о женщинах-руководителях Чукотки покажут в регионе в конце ноября // ТАСС. URL: https://tass.ru/kultura/5441913 (дата обращения: 20.04.2024).
5. *Gray P.* The Predicament of Chukotka's Indigenous Movement: Post-Soviet Activism in the Russian Far North. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. XXVI, 276 p.

Л.В. Чиркина
Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Женское наследие в малоизученных мусульманских сообществах Москвы и практика временного брака

Шиитские сообщества Москвы – это малоизученные мусульманские сообщества, которые ведут активную религиозную и социальную жизнь. Они являются своего рода параллельными религиозными общинами, т.к. не встроены в суннитские религиозные структуры и таким образом остаются почти незаметными как для большинства мусульман, так и для исследователей, что отражается в достаточно небольшом количестве работ. При этом только в шиитских сообществах распространены некоторые практики, которые, например, с точки зрения суннитских ученых являются неодобряемыми. Одной из таких практик считается временный брак (мута), который зародился еще до появления ислама и сохранился в некоторых сообществах и по сей день.

Временный брак – одна из самых противоречивых практик, которая зачастую ассоциируется лишь с недолгим сожительством ради удовлетворения сексуальных потребностей мужчин и финансовых потребностей женщин. Эта практика очень часто демонизируется даже в самих шиитских сообществах, но при этом продолжает сохраняться, в том числе и за пределами основного очага распространения (Ближний и Средний Восток).

В данном докладе я хочу сфокусироваться на том, что позволяет временному браку сохраняться и развиваться на протяжении столетий, и продемонстрировать результаты анализа изменений, которые произошли в самой практике: как она переосмыслялась со времен пророка и как из способа для поддержания общества, девушек в частности, после войны в Иране она превратилась в единственно возможный вариант для некоторых религиозных девушек-шииток в Москве?

В англоязычном мире тема временного брака последнее время набирает популярность, и появляется все больше исследований, посвященных ее анализу в странах с мусульманским большинством (Иран, Индонезия). Но при этом работ, изучающих диаспоры, а также трудов в русскоязычной науке существует

совсем немного, и они скорее посвящены истории практики, нежели ее современному положению. Поэтому мое исследование основано не только на результатах анализа источников и литературы, но и на материалах полевой работы (включенное наблюдение, глубинное интервью), которая проходит с марта 2023 г. по настоящее время в иранском, хазарейском и азербайджанских сообществах Москвы.

В рамках данного доклада я предлагаю посмотреть, как общество пересоздает практику мута: находит ей новые смыслы существования в изменяющемся обществе. Во многом этому способствует слабо оформленная юридическая сторона практики. Несмотря на то, что в последние десятилетия практика получила более четкое юридическое осмысление, она все-таки остается достаточно свободной в плане трактовок. Основное ее положение, согласно информантам, «никто никому ничего не должен» означает, что практика на деле может применяться в достаточно большом количестве случаев не только как способ удовлетворить финансовые или физиологические потребности, но и как возможность создать семью, если пока нет денег, или ближе познакомиться со своим будущим постоянным мужем и накопить на свадьбу.

Помимо слабой юридической оформленности переосмыслению практики способствует особое параллельное положение шиитского сообщества в Москве, т.е. отсутствие необходимых для полноценного функционирования общества религиозных институтов. В результате этого временный брак превращается в подобие «пробного» брака, который, во-первых, позволяет девушкам лучше узнать партнера перед вступлением в постоянный брак, а во-вторых, в случае если отношения не сложились, быстрее их завершить, т.к. в отличие от постоянного брака, для расторжения временного не нужно обращаться в религиозные институции за пределами России.

В результате анализа становится очевидным, что практика все еще выполняет свои первостепенные функции по поддержанию сообщества и в частности девушек, но уже в совершенно другой форме, давая женщинам больше агентности. Таким образом практика пересоздается и приспосабливается к новым условиям большого города.

А.В. Киняева
Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Особенности поминальных практик и женский опыт в традициях ашуры в Лакхнау

В рамках экспедиции, исследовавшей перформативные сообщества мусульман Северной Индии, проходившей в июле и августе 2023 г., нам удалось наблюдать традиционный комплекс поминальных ритуалов Хусейна ибн Али[15], совершающийся в Лакхнау в начале священного месяца мухаррам. В антропологических исследованиях мусульманских сообществ пол самого исследователя, безусловно, играет важную роль, т.к. влияет на возможность участвовать в тех или иных собраниях и ритуальных действиях. Даже в рамках процессий и общих маджлисов[16], открытых для всех без ограничений по полу, возрасту и вероисповеданию, женский опыт значительно отличается от мужского, при этом в сообществе шиитов Лакхнау существует традиция отдельных женских маджлисов, участие в которых мужчинам недоступно. В своем докладе мы рассмотрим шиитские традиции, связанные с трауром по Хусейну ибн Али, которые мы исследовали в рамках экспедиции, и их особенности с точки зрения женского опыта.

Определенного рода физическим центром шиитской ритуально-религиозной жизни является имамбара. Слово *имамбара* дословно переводится как «двор имама»; она представляет собой отдельную постройку либо зал для маджлисов. После того как

[15] В ходе борьбы за власть, разгоревшейся после смерти Али б. Аби Талиба, его сын Хусейн (внук пророка Мухаммада) отказался присягнуть Язиду, сыну Муавии б. Аби Суфьяну. Хусейн направился в Куфу, жители которой обещали, что поддержат его, однако его отряд, состоявший в основном из родственников, был перехвачен войском Язида. Хусейн и его сподвижники были отрезаны от воды и все время, пока шли переговоры, страдали от жажды; 10 мухаррама завязалась битва, в которой погибла в неравном бою большая часть семьи Хусейна и сам Хусейн. В живых остались женщины и некоторые дети.

[16] Собрания верующих шиитов; как правило, такие собрания связаны с поминовением Хусейна ибн Али и его сподвижников. Включают в себя проповеди и рецитации элегической поэзии.

первая имамбара на территории Индии – Бадшахи Ашурхана – была построена в 1594 г. в Хайдарабаде, их начинают строить на всем субконтиненте; в частности, в Лакхнау, городе, где около 22% населения составляют мусульмане, шиитские религиозные постройки пронизывают центр старого города. Ниболее известны Бара Имамбара и Чхота Имамбара, однако помимо них в центре Лакхнау находится по крайней мере 15 крупных имамбар, в которых проходят общие собрания верующих шиитов. В имамбарах, как правило, проводятся общие маджлисы, в таких собраниях женщины и дети, в особенности дети женского пола, располагаются в занане – части помещения, расположенной в конце зала за спинами мужчин либо же сбоку от них. На общих маджлисах женщинам не только отведено отдельное место, но и определено допустимое для них поведение. Поминовения во время мухаррама отличаются высокой эмоциональной вовлеченностью участников, однако уровень эмоциональной экспрессии, допустимый в публичных местах, в рамках как маджлисов, так и процессий, для мужчин и для женщин разнится. Основным местом выражения скорби для женщин являются женские маджлисы.

Маджлисы делятся на мужские, доступные для посещения всем, выступать на которых, исполняя марсии, *соз, ноха* или читая проповеди, могут, однако, лишь мужчины; и женские, на которых мы остановимся подробнее. Женские маджлисы не имеют привязки к каким-либо специально сооруженным местам и проводятся, как правило, в жилых домах, в больших комнатах, отведенных под тазию[17]. Мужчины в таких собраниях не участвуют вовсе. Как проповедник, так и исполнители поминальных рецитаций и пения – женщины. Манера и порядок рецитаций заслуживают отдельного внимания, т.к. некоторые описания шиитских традиций, относящиеся к недавнему прошлому, уже не совпадают с реальными практиками на общих маджлисах, но сохраняются на женских. Помимо особенностей исполнения традиционных поминальных жанров, которые можно выделить у женщин, особого внимания заслуживают эмоциональная открытость (в отличие от общих маджлисов, женщины плачут, кричат и бьют себя в грудь не стесняясь) и отдельная культура

[17] В Южной Азии тазией называют макеты гробниц различных форм и размеров, как правило, это символическая гробница Хусейна ибн Али.

посещения женских маджлисов. В период перед ашурой маджлисы начинаются с самого утра, женщины перемещаются из одного дома в другой, участвуя в них. Навещая таким образом своих знакомых и родных, они укрепляют существующие социальные связи и заводят новые.

Помимо маджлисов, для женщин также доступно участие в еще одной форме публичных поминовений – процессиях. Наиболее массовые процессии проходят в центре старого города в первые десять дней мухаррама. Первая процессия – Зари Джулус – проходит вечером в первый день мухаррама и знаменует собой начало периода скорби, в этот день из Бара Имамбары выносят тазию и различные штандарты с символикой Хусейна ибн Али и его семьи. Большинство предметов несут мужчины, мужчины же бьют в барабаны, восседают на слонах и в целом представляют собой основное ядро процессии, иногда можно увидеть женщин, несущих небольшие легкие флажки, но это скорее исключение. В процессиях менее официозных и более “народных” женщины могут нести небольшие тазии, как, например, во время процессии 7 мухаррама, посвященной гибели Касима, сына Хасана, который, по поверьям, успел перед битвой жениться на Фатиме Кубра, дочери Хусейна. Девятого числа проходит третья большая процессия, посвященная Хазрат Аббасу[18], и в этот день происходит массовое кровавое самобичевание, продолжающееся и на следующий день. Женщины не принимают участия в самоистязании, однако находятся в толпе среди других участников процессии. Многие из этих женщин приходят на процессию со своими мужьями и сыновьями, участвующими в самоистязаниях. Завершающая процессия происходит 10 мухаррама утром, в рамках этой процессии шииты, независимо от пола, выносят свои домашние тазии, чтобы захоронить их на кербеле[19].

Женский опыт мухаррама в Лакхнау ни в коем случае не стоит считать ограниченным. Имея возможность участвовать как в общих собраниях и процессиях, так и в специальных женских маджлисах, шиитки создают собственную культуру выражения

[18] Сподвижник и брат Хусейна ибн Али, убитый при попытке принести воды в лагерь и напоить детей, в частности дочь Хусейна – Сакину.

[19] Шиитское кладбище, в Лакхнау – копия места погребения Хусейна ибн Али и его сподвижников в Ираке.

скорби, немного отличную от мужской, и сохраняют традиции, утерянные на общих поминовениях.

О.В. Яблонская
Арзамас, АФ ННГУ им. Н. И. Лобачевского

Спасение «узниц зенаны» Индии британскими женщинами-врачами и медсестрами XIX в.

К женщинам в Индии, независимо от касты и состоятельности, на протяжении веков относились как к неполноценным существам с «клеймом неразумности». Олицетворением их «рабской участи» была *зенана* – женская часть дома. В Европе этим термином стали обозначать не только место физического размещения женщин, но и широкий спектр норм поведения, направленных на поддержание социальной дистанции между полами через ограничение свобод индианок. Руководствуясь религиозными чувствами, а также либеральными ценностями свободы, равенства, феминистскими установками, тысячи жительниц метрополии устремились в «жемчужину Империи» спасать «узниц зенаны». Одним из основных направлений помощи станет их лечение.

Большая часть индианок не имела доступа к медицинским услугам. Тысячи женщин и детей умирали из-за религиозных предрассудков. Их здоровьем пренебрегали в самый сложный момент жизни – при рождении детей. Роженицу даже самого высокого статуса выселяли из дома в отдельное помещение, зачастую в грязный сарай, в котором она находилась под присмотром местной повитухи. Британские врачи указывали на опасные последствия для матери и ребенка массажа, который использовали для родовспоможения местные акушеры. В случае же болезни женщины, как правило, совсем не получали квалифицированную помощь. Для бедняков медицина была недоступной роскошью, а дамы высоких статусов были заперты в зенанах, куда был закрыт доступ всем мужчинам, в том числе врачам. Многим предпочтительнее была смерть. В тех же случаях, когда близкие отваживались на приглашение специалиста, осмотр происходил с серьезными ограничениями. Доктор, увидевший «лишнее» у пациентки, обрекал ее на позор, а иногда и на гибель.

«Призрак зенаны» стал не только причиной развития лечебного направления миссионерских организаций, но и важнейшим мотивом получения англичанками медицинского образования и в определенной степени обеспечил их победу в борьбе за право получения диплома врача. В Великобритании лишь в 1874 г. появилась первая медицинская школа для женщин, в 1877 г. Королевская больница стала принимать ее студенток для клинической практики, что позволяло им регистрироваться в качестве квалифицированных практикующих врачей.

В то время как университеты и медицинские ассоциации Великобритании спорили о том, должны ли женщины изучать медицину, этот прогрессивный шаг был сделан в Индии. Учитывая важность помощи роженицам, были организованы курсы для акушерок. В 1867 г. в Барейли основали женскую медицинскую школу, по окончании которой выдавались сертификаты врачей общей практики. В 1875 г. англичанка Скарлиб добилась того, чтобы женщин стали принимать в медицинский колледж Мадраса, а затем в колледжи в Пенджабе, Бенгалии и Бомбее. Их сокурсниками и преподавателями были в основном мужчины, поэтому некоторые студентки, следуя традиции парды, сидели за занавеской даже на занятиях. В 1877 г. в Бенаресе организовали медицинскую подготовку для вдов брахманов. Но все это появилось не без участия английских властей и миссионерских организаций. Так, в первом наборе школы в Барейли обучалось 30 девочек, из которых 28 были христианками. Миссионеры сами обучали индийских женщин медицине. Миссионерка-врач К. Суэйн обучила 14 девочек из сиротского приюта лечебной практике.

Однако количество медработников и качество их подготовки были недостаточными. Религиозные традиции, консерватизм общества, массовая безграмотность, возведенная в культ женская бездеятельность препятствовали освоению лечебного дела. Решение проблемы могло произойти только на имперском уровне. Противников женского медицинского образования было много и в колонии, и в метрополии. Политики понимали, что образование и высокая квалификация превращали представительниц любого класса в респектабельных женщин. Многие женщины-врачи оказались в рядах активных феминисток. Врачи-мужчины, с одной стороны, не верили, что женщины могут освоить эту профессию, с другой стороны, боялись их конку-

ренции. Предоставлению медицинского образования миссионеркам противились и женщины-врачи. Их оппозиция во многом была обусловлена опасениями, что медсестры, прослушавшие небольшой курс лечебного дела, испортят репутацию движения за женское медицинское образование в метрополии.

М.Э. Печи и С.Л. Джекс-Блейк, входившие в «эдинбургскую семерку», добивавшуюся доступа женщин к университетскому медицинскому образованию, указывали, что Англия, дискредитировавшая себя поставками во все страны фальсифицированных товаров, через миссионерок будет слыть поставщиком некачественных медицинских услуг. Джекс-Блейк называла Англиканскую миссию зенаны «отъявленным преступником». Но были среди первых британских женщин-врачей и те, кто поддерживал миссии зенаны, некоторые пополняли их ряды, как, например, Э.Дж. Хантли. М.Э. Печи, 20 лет проработавшая в Индии, не была категорична в запрете миссионеркам оказывать медицинские услуги, но она требовала, чтобы они, принадлежа к двум профессиям, одинаково предано служили обеим. Ф.Дж. Батлер, разделяя идеи о «неженственности» медицинской работы, но преданная делу евангелизации Индии, стремясь помочь «узницам зенаны», получила диплом врача и отправилась в колонию в составе Миссии зенаны англиканской церкви.

Помимо искреннего желания помочь несчастным индианкам, упорство в освоении медицины было продиктовано стратегией интеллектуальной и профессиональной самоидентификации англичанок. Окраины империи предоставляли «неиспользованную» область для осуществления новых социальных ролей, они придавали самой категории женского труда грандиозные масштабы, имперский престиж, а также всемирно-цивилизационный статус.

В 1881 г. миссионерка-врач Бэйлби обратилась к королеве Виктории за помощью в организации подготовки медицинских кадров для работы в колонии. Королева поддержала идею спасения «узниц зенаны», по ее рекомендации Х. Дафферин в 1885 г. основала специальный фонд.

Итак, женщины Индии из-за религиозных и социальных предрассудков были лишены права на здоровье. Инициатива оказания медицинской помощи «узницам зенаны» принадлежала миссионеркам. Британская общественность и имперское правительство оказали им содействие в подготовке кадров и орга-

низации медицинской службы. Лечение стало мощным оружием по исправлению порочных нравов в колонии и распространению западных ценностей. Имперский и цивилизационный характер деятельности медицинских сестер и врачей в Индии оправдывал притязания англичанок на врачебную практику в метрополии, способствовал усилению их позиции в обществе.

М.Б. Щербак
Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Феномен dalit feminist literature: репрезентация образов женщин из низких каст в современной литературе Индии

Проблема кастовой дискриминации в современной Индии остается одним из насущных вопросов. Другой часто обсуждаемой проблемой индийского социума является дискриминация женщин. Однако нет ничего хуже, чем быть неприкасаемой женщиной. Неприкасаемых женщин часто называют «далитами среди далитов» или «угнетенными среди далитов» [5].

В период борьбы за независимость вопрос кастовой дискриминации неоднократно поднимался лидерами индийской нации. Необходимость включить все страты населения страны в борьбу за независимость заставила отцов индийской нации претворять в жизнь различные реформы и проводить акции: от введения совместных трапез представителей высоких каст и неприкасаемых до организации маршей протеста низкокастовых индийцев за свободный доступ к питьевой воде. Именно во время национально-освободительной борьбы в общественном и политическом дискурсе стало фигурировать слово «далит» для обозначения маргинализированных слоев населения, угнетаемых более привилегированными кастами. Далит – это народная форма санскритского *dalita*, означающего «разделенный, разбитый, рассеянный». Также это слово означало «[человек], не принадлежащий ни к одной из четырех варн». Впервые термин был использован антикастовым социальным реформатором и писателем Джиотирао Пхуле (1827–1890) из Пуны в контексте борьбы с угнетением, с которым столкнулись неприкасаемые касты. Термин «далиты» использовался в качестве

перевода классификатора Depressed classes в переписи населения во времена британского владычества до 1935 г. Однако наибольшую популярность этот термин получил благодаря общественной деятельности Бхимрао Рамджи Амбедкара – борца за права неприкасаемых каст, автора конституции свободной Индии. Идеолог движения за права неприкасаемых считал, что термин «далит» наиболее полно отражает бедственное положение неприкасаемых каст в индийском социуме. Из-за своей политизированности и яркой эмоциональной окраски термин не использовался в официальной документации. Так, в конституции современной Индии фигурируют термины «зарегистрированные касты» (Scheduled Castes, SC), «зарегистрированные племена» (Scheduled Tribes, ST), «другие отсталые классы» (Other Backward Classes, OBC). Однако термин «далит» прочно укоренился в неофициальном дискурсе, особенно среди представителей населения, говорящих на языке маратхи, и всегда ассоциируется с протестом против кастовой дискриминации и борьбой за права человека.

После обретения независимости появляется специфический жанр dalit literature – литература неприкасаемых. Основными темами произведений становятся борьба с кастовой дискриминацией через публикацию автобиографических произведений авторов, выходцев из низкокастовой среды. Гаджаравала характеризует далитскую литературу «как литературу протеста и исторического ревизионизма, обычно с акцентом на документирование насилия, угнетения и структурного неравенства, порожденных кастовой дискриминацией» [1, с. 2–3]. Далитская литература была вдохновлена деятельностью общественной организации «Далитские пантеры» (Dalit Panthers), созданной группой писателей и поэтов из касты махаров в 1970-е годы в штате Махараштра. Идеология организации сочетала марксизм с взглядами индийский общественных реформаторов Б.Р. Амбедкара и Дж. Пхуле.

Несмотря на то, что в Индии до обретения независимости движения Пхуле и Амбедкара открыто подчеркивали равенство женщин и поддерживали образование далитов, ни движение за права неприкасаемых, ни женское движение не смогли учесть проблемы женщин-далиток. Шармила Реге подчеркивает многослойность дискриминации далиток, которые находятся на пересечении пола, касты и этнической принадлежности [8, с. 35]. Индийское феминистское движение не смогло отразить точку

зрения женщин-далиток, подвергавшихся преследованиям испокон веков, вследствие чего женщины из неприкасаемых каст были вынуждены инициировать отдельное движение, направленное на привлечение внимания к бедственному положению неприкасаемых женщин, получение средств к существованию и представительства в общественной жизни [2]. С 1980-х годов развивается отдельное направление литературы неприкасаемых – женская далитская литература, в которой поднимаются вопросы дискриминации женщин в традиционном кастовом обществе.

Женщины-далитки в Индии подвергаются двойной дискриминации по половому признаку и из-за своей низкокастовой идентичности. Женщин из низких каст эксплуатируют, унижают, насилуют, они недоедают и часто не имеют доступа к питьевой воде. Патриархат, гендерное неравенство и сексуальное насилие являются центральными темами в трудах писательниц-далиток, описывающих опыт кастовой дискриминации с точки зрения женщин. В настоящее время существует плеяда писательниц-далиток, пишущих на вернакулярных индийских языках (Бэби Камбле [3], Урмила Павар [6; 7] на маратхи, Гита Нагабхушан на каннада, Шиваками, Бама на тамильском языке), чьи работы получили высокие литературные премии и были переведены на иностранные языки [4].

Несмотря на то, что отмена неприкасаемости была законодательно закреплена в конституции Индии в 1950 г., социальная и экономическая изоляция и эксплуатация женщин из неприкасаемых каст по-прежнему остаются распространенной культурной практикой. В докладе на материалах женской далитской литературы будут рассмотрены особенности эгонарратива в современной индийской культуре, а также женские образы и способы их репрезентации в литературе Индии XX в.

Список литературы

1. *Gajarawala T.J.* Untouchable Fictions: Literary Realism and the Crisis of Caste. New York: Fordham University Press, 2013. 272 p.
2. *Hariharan D.* Representation of feminism in African American and Dalit literature // Smart Moves Journal. 2022. Vol. 10. Is, 2. P. 52–63.
3. *Kamble B.* The Prisons We Broke. Chennai: Orient Longman, 2008. 200 p.
4. *Kamble S.P.* Repression and resistance in Dalit feminist literature // The Creative Launcher. 2021. Vol. 6. Is. 3. P. 79–82

5. *Omvedt G.* The downtrodden among the downtrodden: An interview with a Dalit agricultural laborer // Signs. 1979. Vol. 4 (4). P. 763–774.
6. *Pawar U.* The Weave of My Life: A Dalit Woman's Memoirs. New York: Columbia University Press, 2009. 320 p.
7. *Pawar U.* Motherwit. New Dehli: Zubaan, 2013. 381 p.
8. *Rege Sh.* Caste and Gender: The Violence against Women in India // Dalit Women in India: Issues and Perspectives / ed. by J. Prahlad Gangaram. New Delhi: Gyan Publlishing House, 1995. P. 18–36.

М.А. Владимирова
Москва, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Представления архиепископа Николая (Касаткина) о служении диаконисс в Русской духовной миссии в Японии

Во второй половине XIX в. в Российской империи происходило развитие миссионерской деятельности Русской православной церкви, различным аспектам чего посвящено значительное количество работ в историографии. Но вопрос участия женщин в миссионерской деятельности освещен достаточно скудно. Отдельным пластом выделяются работы, в которых отмечается деятельность женщин в Алтайской духовной миссии, что во многом было связано с принципами, заложенными ее основателем архим. Макарием (Глухарёвым). Однако необходимость участия женщин в деле миссии рассматривались как в церковном общественном пространстве, так и непосредственно начальниками духовных миссий. Среди них особо необходимо выделить архиеп. Николая (Касаткина), начальника Русской духовной миссии в Японии. Как и архим. Макарий, он осознавал важность участия женщин в деле проповеди и видел особое место для женщины в новой, только зарождающейся Церкви. Этому способствовали и реформы Мэйдзи, которые породили новые в жизни Японии веяния и явления.

Архиеп. Николаем в дневниках отражались миссионерская повседневность, в том числе и разнообразная деятельность женщин в Русской духовной миссии в Японии, и теоретические рассуждения относительно ее развития, например, его представления о служении диаконисс в миссии и описание дальнейших попыток реализации этого. Важно отметить, что последнее ста-

ло возможно вследствие того, что архиепископ воспринимал служение диаконисс не как сан в церковной иерархии, а как определенную должность сотрудника миссии, что подчеркивается и требованиями, которые им выдвигались.

В древней Церкви функционал диаконисс выражался в помощи при совершении таинства Крещения, помощи бедным и уходе за больными женщинами. Архиеп. Николай обращался к опыту древней Церкви апостольских времен, а в контексте вопроса о диакониссах вспоминал «благочестивых Лидию, Фиву, Прискиллу, после них необозримый лик диаконисс» [6, с. 169].

Проекты возрождения чина диаконисс, возникавшие в Русской православной церкви в XIX в., ориентировались в первую очередь на активную благотворительную деятельность женщин. Лишь в проекте архим. Макария Глухарёва возрождение чина диаконисс основывалось на необходимости, вытекающей из дела миссионерского служения. С направлениями деятельности, предполагаемыми им, совпадал и функционал диаконисс, обозначенный архиеп. Николаем, т.к. он исходил из особенностей миссионерского служения в Японии – проповеди в условиях полностью языческой среды.

Архиеп. Николай, безусловно, сравнивал служение в православной миссии с примерами служительниц западных миссий, но исходя из записей в дневниках, можно утверждать, что копирования иноконфессионального опыта, по крайней мере, сознательного, тут не было.

Диакониссами должны были быть женщины, не состоявшие в браке и не отягощенные другими семейными обстоятельствами (девушки, желавшие посвятить себя Богу, или вдовы). Они не должны были быть слишком юными, однако обязаны были иметь достаточно сил для выполнения своих обязанностей. Оптимальным архиеп. Николай считал возраст около тридцати лет. Важным условием было обладание достаточным уровнем знаний, необходимых для выполнения обязанностей. При несоответствии предполагалось, что желающие могли пройти обучение в школе миссии [1]. Будущие диакониссы не должны были быть «вульгарными», но «с характером, вполне подходящим для церковной службы, усердно желающими служить Церкви и искренне благочестивыми» [5, с. 373].

Диакониссы должны были заниматься «научением женщин и детей христианской вере и нравственности, как словом, так и собственным примером» [5, с. 374], что осуществлялось бы в подготовке японцев к Крещению, знакомстве с азами христианской жизни, научении уже воцерковившихся, например, через толкование Священного Писания, разъяснение катехизиса и молитв. Предполагалось, что диакониссы окажут существенное влияние на развитие женского христианского образования. Архиеп. Николай считал, что «вера Христова только тогда прочно обоснуется в стране, когда сделается основой семейной жизни; внести же ее в семейства может по преимуществу женщина. Без того христианство выйдет каким-то хромающим…» [6, с. 169].

У архиеп. Николая была и идеалистическая цель, которой он хотел достичь с помощью диаконисс. Он считал, что диаконисса русского происхождения должна обратить императрицу Японии Харуко в православную веру [4, с. 262], следствием чего стала бы христианизация населения страны. Помимо того, архиеп. Николай искал и другие средства, «которые могут быть употреблены для обращения императора» [4, с. 267], чем могло стать обучение дочерей знатных сановников, которые должны были повлиять на свои семьи.

Немаловажной обязанностью диаконисс являлась помощь при таинствах, в частности при Крещении, особенно необходимом в связи с менталитетом жителей Японии. В своих дневниках архиеп. Николай никак это не отражает, очевидно, считая само собой разумеющимся, однако обширную информацию об этом дает письмо свт. Николая к архим. Павлу (Ивановскому), с 1904 г. являвшемуся начальником Корейской духовной миссии в Сеуле. Из письма следует, что в Корее на тот момент существовала традиция, в соответствии с которой женщины не могли ходить без покрывала на лице, а любое прикосновение к ним постороннего мужчины являлось неприличным, и взрослые кореянки испытывали сильную стыдливость при Крещении. Это вызывало у архим. Павла затруднения, и он был вынужден просить совета у архиеп. Николая как миссионера в стране, схожей по культурным установкам. В ответ на его вопрос архиеп. Николай описал совершение Крещения в Японской церкви, где диакониссы подготавливают женщину к таинству и помогают с

одеждой, что позволяло совершить таинство «совершенно прилично и по чину» [7, с. 554].

Функционал деятельности диаконисс, выделенный архиеп. Николаем, демонстрирует потребность в женском служении, существовавшую как в Русской духовной миссии в Японии, так и в миссионерской деятельности Русской православной церкви, отражает его представления о женщинах – сотрудницах миссии и подчеркивает неординарность его личности. И хотя служение диаконисс не было осуществлено в ожидаемом им виде [2], архиеп. Николай во время своего служения в Японии находился в поиске и других форм участия женщин в жизни Церкви, некоторые из которых в дальнейшем успешно реализовались на практике [3].

Список литературы

1. *Владимирова М.А.* Роль Женской школы в Русской духовной миссии в Японии в конце XIX – начале XX века // Сборник студенческих научных работ 2020. 2021. № 1. С. 27–34.
2. *Владимирова М.А.* Служение диаконисс в Русской духовной миссии в Японии во второй половине XIX – начале XX века // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XX Международной научной конференции, Иваново, 30 марта – 1 апреля 2021 г. Иваново: Ивановский государственный университет, 2021. С. 74–77.
3. *Владимирова М.А.* Деятельность женщин в церковных общинах Русской духовной миссии в Японии по «Дневникам» архиепископа Николая (Касаткина) // Жизнь как служение: Сборник научных статей. М.: ПСТГУ, 2023. С. 79–85.
4. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / сост. К. Накамура. Т. 2. СПб.: Гиперион, 2004. 584 с.
5. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / сост. К. Накамура. Т. 3. СПб.: Гиперион, 2004. 756 с.
6. *Николай (Касаткин), архим.* Воззвание Японской духовной миссии к Русской Церкви // Миссионер. 1876. № 21. С. 166–170.
7. Собрание трудов равноапостольного Николая Японского в 10 т. Т. 3. Официальная переписка (1860–1883). М.: Пенаты и книга, 2019. 756 с.

РАЗДЕЛ 3
ЖЕНСКАЯ СЕМЕЙНАЯ ПАМЯТЬ ОБ УДАЛЕННОМ И НЕДАВНЕМ ПРОШЛОМ. ЖЕНСКИЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ АКТИВИЗМ

А.В. Белова
Тверь, Тверской государственный университет;
Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Женская семейная память о дворянском прошлом

Концепт женской семейной памяти определяет одно из актуальных направлений в современной исторической науке. Исследования семейной памяти (*Family Memory Studies*) – перспективная область в изучении памяти на стыке с нарративными исследованиями – обращены к семейным воспоминаниям как ресурсу в самых разных условиях, касающихся индивидуальной и коллективной идентичности, национальных воспоминаний, процессов передачи данных из поколения в поколение, а также миграционных, транснациональных и диаспорических исследований [12]. Значение семейной памяти как аналитического инструмента и исследовательской концепции связано с выявлением ее роли в передаче социальных и политических ценностей из поколения в поколение. Исследования женской семейной памяти изучают исторический опыт женских нарративов в формировании и трансляции личных и коллективных представлений прошлого, стратегий запоминания и забывания, соотношения моделей повествовательной коммуникации и социальной практики [4, с. 54].

В российском дворянском сообществе XIX в. семейная память воплощалась в женском нарративе. На это указывают не только частные и семейные архивы, но и литературные свидетельства, например документальная повесть «Старина. Семейная память» Н.С. Кохановской, писавшей: «…Рассказ мой есть семейная память о старине, о лицах дедушек, бабушек, не исключая и тех местных происшествий, которые были настолько важны, чтоб сохраниться им по памяти до наших времен <…> я укажу на те источники, на те живые, дорогие мне летописи, откуда я почерпаю мои сведения: это – мать моя и тетушка, ста-

рушки за шестьдесят лет и которые имеют то важное преимущество, что одна из них до самого замужества жила и воспитывалась в доме бабки с материнской стороны; а другая – у другой бабки с отцовой стороны» [8, с. 209]. Женщины, выступая хранительницами и трансляторами традиционного дворянского этоса [1, с. 41], воспроизводили его, помимо прочего, через механизмы семейной памяти. Важное замечание сделано М. Игнатьевым, канадским историком и писателем русского происхождения, потомком древнего дворянского рода: «В прошлом реально лишь то, что сохранилось в памяти живущих людей» [7, с. 6]. Поскольку в дворянской повседневности, по его словам, «весь уклад жизни определялся нормами семейного этикета» [7, с. 9], прошлое дворянства сохранялось как семейная память.

Вокруг женщин концентрировались коммуникативные связи семьи, о чем свидетельствует преобладание женских писем в составе семейной переписки провинциального дворянства [2, с. 7]. Изучение этих «сетей влияния» представляется существенным для понимания механизмов внутренней консолидации дворянской общности [2, с. 8] в синхронном срезе. В диахронном же измерении именно женская семейная память обеспечивала преемственность семейного социума и осознание сопричастности внутрисемейной идентичности.

Женская семейная память реализует себя в нарративах, воспроизводящих, как правило, наиболее драматические аспекты жизни членов семьи. Автобиографические воспоминания фиксировали отрефлексированные переживания и социальный опыт дворянок в качестве своеобразного резервуара женской семейной памяти. Именно такие ретроспекции, отобранные как наиболее значимые и повторенные публично, стали основой консолидации женской памяти о травматическом жизненном опыте семьи.

Гендерные особенности запоминания и семейной памяти, с одной стороны, выявляли отличия женских жизненных опытов и социальных практик от мужских, вносивших коррективы в структуру традиционных гендерных ожиданий и систему гендерных отношений, с другой – позволяли в ряде случаев переосмыслить имеющийся опыт семейных взаимодействий, играли важную роль в трансформации гендерных идентичностей, прежде всего женской [3, с. 43]. Личная память, транслируемая в мемуарах женщин, становится системообразующим дискурсом

в повседневной жизни семьи, в организации внутрисемейных связей в синхронном и диахронном аспектах и конструировании статусных и властных иерархий.

Для многих образованных дворянок заключительный «возраст жизни» становился временем воспоминания о прожитом и пережитом [11, стб. 1121]. Ведя диалог с воображаемыми читателями, они отстаивали конструктивные возможности собственной памяти, преодолевая стереотип ее возрастной ограниченности [10, с. 68, 69]. Женщинам «третьего возраста» в той или иной степени было присуще ретроспективное мышление: устремленность не вперед, в будущее, а, наоборот, назад, в прошлое [9, с. 335]. Отсюда – нацеленность пожилых дворянок на процесс вспоминания собственной прожитой жизни [5, с. 42]. Нежелание образованных дворянок бесследно «кануть в небытие» побуждало многих из них «по себе оставить на память журнал» [5, с. 42].

Вместе с тем процесс «оживания воспоминаний» соотносится, по словам французского специалиста по аналитической психологии Патрика Эстрада (Patrick Estrade), с «настоящим обретением себя» [6, с. 153]. Возможно, «обращение в слова» и запись тяжелых переживаний из собственной жизни, плохих воспоминаний, которыми, за редким исключением, пропитаны мемуары российских дворянок XVIII – середины XIX в. и особенно XX в., были способом избавиться от них, отложить их, отодвинув от себя, в то время как хорошие воспоминания, поддерживаемые женской памятью, служили, цитируя того же П. Эстрада, своеобразными «резервуарами счастья».

Конструирование текстов воспоминаний на склоне лет как субъективные попытки отстранения пережитой боли и душевных страданий и одновременного прорыва к внутренним источникам счастья свидетельствует о наибольшей востребованности скрытых эмоциональных ресурсов женской личности для нее самой именно в этом возрасте и вместе с тем о наличии достаточного количества разнообразных жизненных опытов, позволявших иначе (менее травматично) осмыслять и истолковывать свое прошлое. При этом нужно иметь в виду, что подлежавшие записи и прочтению посторонними воспоминания в любом случае были селективными и могли соотноситься не только с внутренним образом себя, но и с образом, моделируемым для внешнего восприятия.

* *Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 24-18-00212 «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия».*

Список литературы

1. *Белова А.В.* Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX в.: «корневое» и «иноземное» // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете: Научно-методический сборник / отв. ред. В.И. Успенская. Тверь: ТвГУ, ЦЖИГИ, 2000. С. 32–44.
2. *Белова А.В.* Женская дворянская повседневность в контексте гендерно чувствительной социальной истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 2 (8). С. 5–14.
3. *Белова А.В.* Женская социальная память: интеграция гендерной антропологии и антропологии памяти // Вестник антропологии. 2019. № 3 (47). С. 39–51.
4. *Белова А.В.* «За честь сестры»: история несостоявшейся помолвки как эпизод женской семейной памяти в России середины XIX века // Новое литературное обозрение. 2024. № 1. С. 53–68.
5. *Долгорукова Н.Б.* Своеручные записки // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века / сост., автор вступ. ст. и коммент. Г.Н. Моисеева. М.: Современник, 1990. С. 41–66. (Серия мемуаров «Память»).
6. Зачем нам нужны воспоминания // Psychologies. 2007. № 21. URL: https://www.psychologies.ru/articles/zachem-nam-nujnyi-vospominaniya/ (дата обращения: 25.06.2024).
7. *Игнатьев М.* Русский альбом: Семейная хроника / пер. с англ. и примеч. А. Вознесенского. СПб.: Журнал «Нева», 1996. С. 5–168.
8. *Кохановская Н.С.* Старина. Семейная память // Отечественные записки. 1861. № 3 (март). С. 209–246; № 4 (апрель). С. 355–390.
9. *Сабанеева Е.А.* Воспоминание о былом. 1770–1828 гг. // История жизни благородной женщины / сост., вступ. ст., примеч. В.М. Боковой. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 333–434. (Россия в мемуарах).
10. *Смирная Е.-А.В.* Данила Яковлевич Земской. Один из птенцов Петра Великого / сообщ. П.В. Лобанов // Русская старина. 1883. Т. 40. № 10. С. 67–78.
11. *Хилкова Е.Г.* Воспоминание об императрице Марии Феодоровне // Русский архив. 1873. Кн. 2. Вып. 7. Стб. 1121–1130.
12. Family Memory: Practices, Transmissions and Uses in a Global Perspective / ed. by R. Švaříčková Slabáková. Abingdon: Routledge, 2021. 260 p.

О.И. Секенова
Москва, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Женская семейная память в генеалогических трудах Елизаветы Григорьевны Волконской

Современные исследования в области Memory Studies включают в себя изучение роли женской социальной памяти в аккумулировании ключевых составляющих устойчивого цивилизационного развития. Проблемы женской социальной памяти как специфической формы меморизации культуры исследовались в работах Н.Л. Пушкарёвой [8; 9], А.В. Беловой [1], Е.Ф. Ивановой [7]. Хотя культурно-транслирующий потенциал практик женской меморизации наиболее явно проявляется в автодокументальных источниках, в XIX в. образованные дворянки осваивают еще одну форму фиксации памяти о прошлом – семейные хроники / генеалогические исследования. В данной статье феномен женской семейной памяти рассматривается на примере трудов Е.Г. Волконской, религиозного мыслителя и исследовательницы семейной истории рода Волконских.

Елизавета Григорьевна Волконская (1838–1897) – княгиня, фрейлина двора, супруга М.С. Волконского (сына декабриста С.Г. Волконского). Глубоко религиозная с ранних лет, росшая в Италии, под влиянием двоюродной бабушки, католички З.А. Волконской Елизавета Григорьевна рано заинтересовалась изучением богословия и церковной истории [5]. Религиозные труды Е.Г. Волконской отражали ее духовные поиски (в зрелом возрасте она перешла в католичество) и отличались глубиной текстологического и историко-культурологического анализа (самостоятельно изучив латынь и древнегреческий, Е.Г. Волконская увлеченно исследовала труды отцов церкви). Работы непрофессиональной исследовательницы вызывали ожесточенную полемику в духовных кругах и аристократических салонах. Е.Г. Волконская считала необходимым подробно отвечать на критические замечания православных богословов [4].

Генеалогические штудии Е.Г. Волконской были опубликованы уже после ее смерти в 1897 г. Книга «Род князей Волконских» [3], изданная в 1900 г., содержит материалы, собранные и

систематизированные ею в течение десяти лет. Большая часть документов относится к истории XVI–XVII вв., но наибольший интерес для изучения механизмов женской социальной памяти представляет именно часть, посвященная истории династии в XVIII–XIX вв.

Готовил рукопись к печати супруг Е.Г. Волконской князь М.С. Волконский при помощи одного из лучших русских генеалогов конца XIX в. В.В. Руммеля, автора «Родословного сборника русских дворянских фамилий» [10]. Князь М.С. Волконский утверждал, что печатал текст без изменений, за исключением незначительных «поправок корректурного свойства» [3, с. VI]. По его мнению, краткость сведений о наиболее близких родственниках – современниках Е.Г. Волконской объясняется тем, что подробное изложение их биографий придало бы книге «нежелательный автору характер семейной хроники и тем нарушило бы ту *строгую историческую объективность,* которою проникнуто настоящее генеалогическое исследование» [3, с. VI]. Тем не менее именно заключительные главы «Рода князей Волконских», описывающие историю семьи второй половины XVIII – XIX в., содержат отдельные семейные предания, записанные Е.Г. Волконской по следам разговоров с членами разветвленной княжеской семьи.

Обрабатывая устные нарративы, Е.Г. Волконская видела необходимым сохранять историческую память о героических сюжетах прошлого, связанных с именами князей Волконский – о подвигах, которых «ничто не изгладит напоминания в сердцах и летописях русских» [3, с. 701]. Исследовательница кропотливо фиксировала легенды о причудах и странностях «полоумного чудака» оренбургского губернатора Г.С. Волконского [3, с. 703]; о том, как знание французского языка помогло Д.М. Волконскому добиться милости Павла I [3, с. 718]. Семейные предания украшали биографии князей Волконских, но тем не менее многие сюжеты семейной памяти (в частности, посвященные участию в восстании декабристов и последующей ссылке) Е.Г. Волконская предпочла опустить (эту часть семейной истории опубликует ее сын, С.М. Волконский [6]).

Особая часть семейных преданий посвящена взаимоотношениям представителей рода Волконских и крепостных крестьян. В источнике они описаны идиллически, несмотря на то, что имения самой Е.Г. Волконской были местом серьезных кре-

стьянских волнений в 1878 г. [2]. Е.Г. Волконская отдельно упоминала «уважение и привязанность», которые крестьяне испытывали к представителям княжеской династии разных поколений [3, с. 699, 721]. По мнению Е.Г. Волконской, главным связующим звеном между крестьянством и представителями аристократии были именно «общие воспоминания прошлого» [3, с. 721], которые сохранялись даже после Великих реформ Александра II. Материальным выражением воспоминаний о крепостной зависимости были крестьянские подарки – «свидетельство о памяти, оставленной ея родителями среди населения» [3, с. 721]. Семейная хроника превращалась в пространство социального мира и согласия, в котором не было места конфликтам.

«Род князей Волконских» как генеалогический труд демонстрирует пример конструирования собственной семейной истории, впервые столь тщательно выполненный русской исследовательницей, сочетающей работу с документами и устными свидетельствами. Принадлежность к роду Волконских облегчала доступ к документам и устным нарративам, а личная заинтересованность исследовательницы способствовала сохранению памяти о семье.

** Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 24-18-00212 «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия».*

Список литературы

1. *Белова А.В.* Женская социальная память: интеграция гендерной антропологии и антропологии памяти // Вестник антропологии. 2019. № 3 (47) . С. 39–51.
2. *Волконская Е.Г.* Письма М.С. Волконскому // РГИА. Ф. 914. Оп. 1. Д. 55.
3. *Волконская Е.Г.* Церковное предание и русская богословская литература: Критич. сопоставление: (По поводу критики на кн. «О церкви»). Фрейбург в Бризгаве: Б. Гердер, 1898. 584 с.
4. *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских: [Материалы, собр. и обраб. кн. Е.Г. Волконской]. СПб.: [Изд. М.С. Волконского, тип. М.М. Стасюлевича], 1900. 980 с.
5. Волконская Елизавета Григорьевна // Католическая энциклопедия. Т. 1. М.: Издательство францисканцев, 2002, ст. 1068–1069.

6. *Волконский С.М.* О декабристах. По семейным воспоминаниям. Петроград: Начала, 1922. 135 с.
7. *Иванова Е.Ф.* О гендерных особенностях памяти // Гендерные исследования. 1999. № 3. С. 242–252.
8. *Пушкарёва Н.Л.* Андрогинна ли Мнемозина? (Гендерные особенности запоминания и исторической памяти) // Сотворение истории. Человек – память – текст: Цикл лекций. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 274–304.
9. *Пушкарёва Н.Л.* Особенности памяти о женском социальном прошлом и труд историка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. № 2 (18). С. 206–213.
10. *Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий: в 2-х т. СПб.: А.С. Суворин, 1886–1887.

А.И. Архипова
Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Повседневность жен губернаторов Якутской области середины XIX – XX в.

Жизнедеятельность жен сибирских чиновников стала объектом внимания ряда исследователей [1]. При изучении темы ощущается недостаток исторических свидетельств о повседневной жизни этих женщин. В качестве источников выступают архивные документы о деятельности обществ Якутской об., эпистолярное наследие, материалы периодической печати.

Изолированность Якутской области от культурных центров, отсутствие многих общественных заведений способствовали тому, что губернатор, как образованный представитель власти, являлся главой местного общества. Его семья активно участвовала в общественной жизни, выполняла благотворительные и представительские функции. На характер и объем их выполнения влияли компетенции и культурный потенциал самих чиновников.

В рассматриваемый период в Якутскую обл. было назначено 14 губернаторов, фактически пребывало у власти 13 из них. В основном они приезжали на службу в область со своими семьями, их дети учились в местных учебных заведениях. Рассмотрена деятельность жен губернаторов: Ю.И. Штубендорфа,

В.З. Коленко, В.К. Бодиско, В.Н. Скрыпицына, В.Н. Булатова, М.А. Пономарева, Р.Э. фон Витте.

Учитывая труднодоступность Якутской обл., первым испытанием становился путь к месту назначения. По приезде женам губернаторов приходилось приспосабливаться к новым условиям жизни, окружению и в данном случае суровому климату. Определенные трудности возникали с организацией воспитания и образования детей. Помимо этого, в судьбе некоторых из них были такие драматические моменты, как потеря ребенка, потеря мужа и возвращение с гробом на родину.

Обязанностью жен губернаторов было руководство светской жизнью провинциального общества, организация праздничных обедов и приемов. Еще одной негласной функцией губернаторш являлось занятие благотворительностью, они состояли попечительницами благотворительных обществ, приютов, больниц, участвовали в благотворительных акциях.

Стараниями губернатора Ю.И. Штубендорфа и его супруги в Якутской обл. 9 октября 1860 г. было открыто Якутское областное попечительство детских приютов. Супруги пожертвовали приюту дачу и иконы. Однако конец карьеры губернатора был наполнен слухами о взятках, а жена стала объектом карикатуры в сатирическом журнале. Супруга губернатора Владимира Николаевича Скрыпицына Елизавета Васильевна Скрыпицына входила в инициативную группу по организации в г. Якутске бесплатной библиотеки-читальни, в последующем она числилась ее пожизненным членом, сам губернатор пожертвовал в фонд библиотеки 30 рублей. Жены губернаторов являлись попечительницами якутского Сиротского детского приюта.

В мае 1915 г. в Якутске действовал Областной Якутский организационный Комитет для производства сбора в пользу Комитета Великой Княжны Татьяны Николаевны. Его активным членом стала супруга губернатора Алиса Эрнестовна фон Витте, а в кружечном сборе пожертвований участвовала дочь Каролина Рудольфовна фон Витте. А.Э. фон Витте обеспечивала деятельность Дамского комитета при местном управлении Российского общества Красного Креста.

Во второй половине XIX в. в городах Сибири появляются тюремные комитеты, благотворительные общества попечения, во главе женских отделений этих организаций стояли супруги

глав местной администрации. Рассмотрев повседневность жен губернаторов, мы можем наблюдать их место в организации семейного быта и важную роль в светской, культурной и благотворительной жизни области рассматриваемого периода.

Список литературы

1. *Матханова Н.П., Александрова Н.Н.* Первые дамы. Сибирская провинция XIX века // Наука из первых рук. Новосибирск: Издательство ИНФОЛИО, 2007. № 3. С. 102–113.

О.В. Ванюшина
Тверь, Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний

Две женские ипостаси в российском уголовном праве второй половины XIX – начала XX в. (по материалам Тверской губернии)

Проблема супружеского насилия не утратила своей актуальности даже в XXI в. По мнению некоторых исследователей, патриархальные устои стали фактором виктимблейминга (обвинение жертвы, а не агрессора), а терпимое отношение общества к проявлениям домашнего насилия вызвано сохранением архаичных традиций патриархальной семьи и стереотипа о подчиненном положении женщины в браке [2].

В представлении крестьян побои мужем жены с целью «поучения» считались делом обычным и естественным. Зачастую поводом могли стать даже небольшие провинности, порой какая-либо причина отсутствовала вовсе («бьет меня безо всякой причины»). Многочисленные примеры истязаний мужьями своих жен были описаны мировыми судьями в конце XIX в. на страницах журнала «Юридический вестник». Ужасающие описания жестокого обращения одного супруга с другим мы находим в делах окружных, волостных и мировых судов Тверской губернии.

Власть мужа над женой была безгранична. Вплоть до 1914 г. официально женщина не могла покинуть мужа из-за жестокого обращения с ней. Следует отметить, что случаи обращения женщин по семейным вопросам в судебные инстанции различ-

ного уровня свидетельствуют о постепенной эмансипации женщин, изменении женского традиционного самосознания, в том числе женщин-крестьянок во второй половине XIX – начале XX в. В изучаемый период женщина могла рассчитывать и на некоторую защиту со стороны судебной власти. Однако в большинстве случаев наказание было лишь призрачным, а жестокое обращение не давало ей право на развод.

По приговору мировых и городских судей муж мог быть подвергнут короткому аресту, по приговору волостного – телесному наказанию или короткой «отсидке» в помещении для арестантов. Волостные суды нередко становились на сторону мужей и ограничивались возвращением жены в дом мужа, находя обвинение недоказанным, тем самым следя за сохранением предусмотренных традицией норм о безоговорочном подчинении жены мужу. Так, Антоновский волостной суд Весьегонского уезда Тверской губернии, рассмотрев дело по обвинению крестьянина А. Радионова за нанесение побоев его жене, нашел вину недоказанной, «если обвиняемый и бросил в жену молотком, то это обида небольшая и сделана по вынуждению самой жалобщицы…» [7]. Пытаясь противостоять домашнему насилию, женщины нередко сталкивались с осуждением со стороны односельчан, считавших, что жена должна повиноваться мужу как главе семейства.

Понимая, что наказания мужей приносят крайне мало, женщины соглашались на примирение. Так, дело Ржевского окружного суда 1881 г. о предании суду крестьянина Н. Дроздова, обвиняемого с умыслом в истязании и мучении жены своей, было прекращено вследствие примирения супругов на основании прошения его жены М. Гавриловой: «Имея в виду 1) что я теперь совершенно здорова 2) что муж мой причинил мне <…> необдуманно 3) что я все таки любящая своего мужа жена и имеющая от него детей, покорнейше прошу Ржевский Окружной Суд дело относительно моего мужа прекратить <…> и сделать распоряжение об освобождении моего мужа из под стражи» [4].

Результативность жалоб была невысока: даже жестокое обращение и истязания было достаточно сложно доказать. Так, в 1880 г. в Ржевском окружном суде рассматривалось дело о жестоком обращении крестьянина Тверской губернии П. Логинова с женой. Суд постановил обвиняемого оправдать (свидетели не

подтвердили жестокого обращения, хотя на теле женщины были обнаружены следы от розг), посчитав, что причиной обращения было нежелание истицы жить с мужем [3]. Лишь в случае тяжких побоев и истязаний за жестокое обращение с женой можно было получить реальные тюремные сроки и лишение всех прав состояния с отправкой на каторгу.

Сложность бракоразводной процедуры и фактическое отсутствие возможности расторгнуть брак по причине жестокого обращения толкали женщин на тяжкие преступления, в частности на убийства и покушения на жизнь своих супругов. Так, в 1889 г. крестьянка Тверской губернии Екатерина Михайлова, сознаваясь в убийстве мужа, добавила, что муж жил с ней несогласно, постоянно бил ее без всякого повода, подозревал ее почему-то в неверности. Но мысли лишить его жизни у нее в голове никогда не было [5].

По мнению А.П. Богомаз, грань между преступницей и жертвой нередко была трудноразличимой [1, с. 144]. Если мужчины совершали убийство, как правило, «в запальчивости», под воздействием алкоголя, то женщины чаще всего заранее продумывали совершение преступления, нередко используя в качестве орудия совершения преступления яд. Крестьянка Бежецкого уезда Марина Яковлева дважды покушалась на отравление своего мужа посредством мышьяка, за что в 1876 г. по решению суда была лишена всех прав состояния, сослана в каторжные работы на заводах на 11 лет, а по истечении срока обязана была поселиться в Сибири навсегда [6].

Таким образом, в рассматриваемый период существовала жесткая гендерная асимметрия, закреплявшая подчиненное положение жены по отношению к мужу, основанная на патриархальных представлениях о семейной жизни. Консервативность нравов и взглядов на девиации семейной жизни служили причиной широкого распространения домашнего насилия. Следует согласиться с мнением изучающих крестьянскую преступность исследователей,, отмечающих некоторые параллели, имеющие место между современным состоянием российского общества, в котором в трансформированном виде во многом сохраняются крестьянские ценности и менталитет, и состоянием общества на рубеже XIX–XX вв.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-78-10103.*

Список литературы

1. *Богомаз А.П.* Преступница или жертва: домашнее насилие в России в конце XIX – начале XX в. (на материалах Тверской губернии) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2015. № 2. С. 143–153.
2. *Ворошилова С.В.* Патриархальная семья как фактор виктимблейминга: историко-правовой аспект // Домашнее насилие: предупреждение и ответственность: Сборник статей по итогам II Международной научно-практической конференции, Томск, 24–25 апреля 2020 года. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2022. С. 45–47.
3. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 659. Оп. 1. Д. 262. Л. 49–50, 57.
4. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 659. Оп. 1. Д. 331. Л. 4, 28.
5. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 660. Оп. 3–2. Д. 2594. Л. 24 об.
6. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 661. Оп. 3. Д. 22. Л. 43, 81.
7. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 709. Оп. 1. Д. 221. Л. 7.

А.В. Спичак
Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

Опыт проявления традиций женской преданности и терпения в архивных делах духовных консисторий второй половины XIX – начала XX в.

2024 год объявлен В.В. Путиным годом семьи. Год семьи, согласно указу Президента РФ от 22 ноября 2023 г., проводится «в целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей». Для того чтобы найти новые методы укрепления семьи, стоит обратиться к истории Русской православной церкви, особенно когда

она наиболее тесно взаимодействовала с государством – в синодальный период ее истории в 1700–1917 гг.

В настоящее время институт семьи претерпевает кризис, который обусловлен такими негативными явлениями, как поздние браки, малодетность и бездетность, увеличение количества разводов. Все это ведет к серьезной социальной проблеме – убыли населения. Поэтому сейчас особенно важно обращение к позитивному опыту прошлых поколений, касающемуся проявлений семейных ценностей. В работе рассмотрено отражение женского стремления сохранить семью вопреки серьезным препятствиям, зафиксированное в их прошениях в духовные консистории. Эти источники изучались в рамках проекта о методах решения супружеских конфликтов в центре и на периферии Российской империи – в Тверской, Ярославской и Тобольской губерниях. Хронологические рамки исследования охватывают конец XIX – начало XX в., нижняя грань периода обусловлена итогами проведения буржуазных реформ, верхним рубежом являются события 1917 г.

Вопросу о разводах и «расходах» во второй половине XIX – начале XX в. на основании региональных архивных документов посвящены работы З.З. Мухиной (Центральные губернии России) [5], К.С. Прохоровой и Е.А. Макаровой [6], В.В. Белослудцевой (Пермская губерния) [1], Т.В. Фроловой (Ярославская губерния) [7] и др. В настоящее время делается упор на региональные исследования, однако материалы Тверской и Тобольской губернии по истории семейных отношений еще ждут своего исследователя, а документы Ярославской губернии изучены преимущественно в рамках темы истории городской семьи.

Наиболее яркие и четкие проявления традиций женской преданности и терпения зафиксированы в прошениях представительниц прекрасного пола по следующим причинам: «неспособности к супружескому сожитию» («физической неспособности к отправлению полового акта»), прелюбодеянию (изменам) и побоям.

В делах о неспособности к брачной жизни наибольший разрыв между моментом венчания и подачей прошения составил 16 лет. Женщины, следуя традициям верности и терпения, несмотря на достаточно скорое обнаружение мужской неспособности к брачной жизни, вели «брачную жизнь, достойную верной супруги» («терпеливо ждала, пока муж вылечится» [4, л. 50–50 об.]), пойти на крайние меры их побуждали негативные поступки су-

пруга, например уход из дома, отказ от финансовой помощи и поддержки.

Прошению о расторжении брака с изменником могла предшествовать просьба об его увещевании. Женщины никогда не подавали на развод после единственной измены (в отличие от мужчин), должны были пройти годы уговоров и слез. Когда собственных сил на вразумление супруга не хватало, представительницы прекрасного пола обращались за помощью в духовную консисторию. Так, крестьянка Тобольской губернии М.Г. Гладкова в 1854 г. просила увещевать супруга, что не принесло долговременного результата, спустя 12 лет она заключила: «Ничто как видно не может возвратить его нравственности» [3, л. 1 об.].

Можно упомянуть еще один мотив подачи женских прошений – побои, однако дела с подобными заголовками в государственных архивах в рассматриваемый период не обнаружены, о случаях жестоких избиений (легкие побои и не обсуждались) можно узнать из дел о прелюбодеянии как о дополнительной причине (официально не входила в состав «разрешенных», т.е. таких, по которым можно было развестись) и части характеристики существующих супружеских отношений. Мужчины, уходя к другой женщине и бросая жену, нередко вели себя с ней агрессивно, хотя, согласно текстам прошений, жена не давала к этому никакого повода. Так, муж крестьянки Тобольской губернии А.А. Орловой наносил ей тяжкие побои, которые она «старалась сносить безропотно, покоряясь постигшей» ее участи. Спустя два года мучений, в 1899 г., когда муж избил ее до полусмерти и выгнал из дома, не пуская обратно, угрожая «убить или задавить как собаку», и, кроме того, привел в дом новую хозяйку, женщина обратилась за помощью в духовную консисторию: «Насколько я старалась ласками и слезами возвратить к себе своего супруга?!» Примечательно, что после «увещевания» со стороны приходского священника просительница не сразу, но согласилась примириться с мужем [2].

Таким образом, женские прошения в духовные консистории во второй половине XIX – начале XX в. отражают роль представительниц прекрасного пола в браке как хранительниц семейного очага, а именно тех, кто своей мудростью и терпением до последнего сохранял семью. Милосердие, терпение и прощение как главные и подлинные христианские ценности были и остаются

присущи русской женщине в полной мере. Конечно, судьба большинства женщин-просительниц была несчастна, однако рассмотренные дела о расторжении брака фиксировали взаимоотношения только тех супружеских пар, в которых имелись серьезные проблемы, которые уже практически невозможно было решить мирным путем. Современное поколение может позаимствовать семейные ценности и традиции прошлых поколений ради сохранения и передачи потомкам, т.к. без их знания невозможно и применение на практике. Важно также обеспечить соответствующее воспитание женщин, т.к. в их социальную роль, как исторически сложилось, входит обеспечение диалога поколений, а также сохранение и передача духовно-нравственных ценностей, в том числе семейных традиций и ценностных ориентиров, чему должна способствовать и работа института образования.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 22-78-10103, https://www.rscf.ru/project/22-78-10103/.*

Список литературы

1. *Белослудцева В.В.* «Как же я могу жениться на тебе, когда я женат?»: о расторжении брака в Пермской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Пермского университета. История. 2020. Вып. 4 (51). С. 117–126.
2. ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГАТ). Ф. И-156. Оп. 18. Д. 77. Л. 1−17.
3. ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГАТ). Ф. И-156. Оп. 18. Д. 98. Л. 1−170.
4. Государственное казенное учреждение Ярославской области «Государственный архив Ярославской области» (ГАЯО). Ф. 230. Оп. 6. Д. 540. Л. 1−50 об.
5. *Мухина З.З.* Разводы в русской крестьянской семье в пореформенной России: гендерный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2013. № 1. С. 49–63.
6. *Прохорова К.С., Макарова Е.А.* Проблемы практической реализации института расторжения брака в Новгородской губернии в конце XIX – начале XX вв. // BENEFICIUM. 2019. № 4 (33). С. 101–106.
7. *Фролова Т.В.* Городская семья в XIX в. (на материалах городов Ярославской губернии). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2008. 23 с.

А.Т. Фот
Оренбург, ООО «Климат контроль»

«…Благоволите, Владыка, приискать сироте достойного жениха». Путь к алтарю девушки духовного сословия XIX – начала XX в.

Семья – основа домашнего быта приходских клириков. Вступление в брак являлось обязательным при определении на должность священника или дьякона. Кроме того, в первой половине XIX в. не существовало системы пенсионного обеспечения священнослужителей. Потому состарившимся представителям духовного сословия оставалось только рассчитывать на родственников. Екатерина II законодательно утвердила наследование мест умерших клириков их детьми. Если дети еще «не достигли возраста», разрешалось нанимать викариев, выплачивая им определенную часть получаемого дохода. Указ учитывал и сирот женского пола: вдовы получили право подбирать кандидата на место умершего мужа с условием «взятия в замужество» одной из дочерей и содержания сирот [1, с. 444]. Данный механизм не только решал проблему замужества дочери, но и сохранял за семьей дом, который иначе уходил в чужие руки. Положение девушки, от которой зависело благополучие престарелых родителей, а также младших братьев и сестер, оказывалось весьма затруднительным. Его красочно живописует бытописатель духовного сословия Е. Крыжановский: «Невеста не слыхала еще от своего жениха заветного слова, не испытала никакой расположенности к нему, даже говорила с ним мало, и то о предметах совершенно чуждых прямому их интересу, а уже всё готовится к их свадьбе. <…> Большею частию невеста такая и под венцом не знает ни одной наклонности, ни одной черты характера своего жениха» [3, с. 336]. Так выдавали замуж Анну Васильевну Феодоровскую. В 1837 г. она была обвенчана с Михаилом Силычем Альбицким. За девушкой закрепили священническое место в женском Феодоровском монастыре г. Переславля-Залесского Владимирской епархии [16, с. 46]. Два сына этой пары тоже приискали себе «невест с местом». Александр связал судьбу с Елизаветой Васильевной Былинской и поступил на место покойного тестя. Михаил Силыч бурно радовался, что «место богатое, можно сказать пер-

вое по епархии» [16, с. 80]. Алексей всю жизнь прослужил в с. Шекшово Суздальского уезда Владимирской епархии. Приход он получил в качестве переданного за женой – Анастасией Васильевной Поспеховой» [16, с. 106].

Священнослужители и их вдовы в Оренбургской епархии стремились устроить «счастье» дочерей этим путем. Матрона Косогорова в прошении от 4 июня 1834 г. сообщала епископу Оренбургскому и Уфимскому Михаилу о смерти своего мужа Василия – священника Пречистенской крепости Оренбургского уезда. Денег у нее не осталось, а следовало воспитать двух сыновей и выдать замуж дочь Александру, которой уже исполнилось 16 лет. «…Благоволите, Владыка, приискать сироте достойного жениха, коего и назначить на место покойного мужа моего и передать ему мою дочь вместе с оставшимся домом и скотом», – просила вдова [6, л. 1 об.]. Привычная схема здесь дала некоторый сбой. Найти молодого человека с семинарским образованием в более чем скромный приход не удалось. Александру Васильевну просватали за дьячка Градо-Уральской православной церкви Иосифа Яковлевича Смирнова [6, л. 2]. Жениха исключили из третьего класса пензенского духовного училища [7, л. 45 об.]. Его нельзя было сразу определить на место покойного тестя. Однако пару обвенчали 2 февраля 1835 г. [13, л. 95]. После свадьбы Смирнова возвели в сан дьякона. Очевидно, все участники этой истории надеялись, что, послужив, Иосиф Яковлевич со временем сможет достигнуть священства. К сожалению, молодой человек оказался подвержен страсти к алкоголю. Выпив, он становился грубым и буйным. За пьянство, буйство и нетрезвую жизнь дьякона не раз отправляли в черные труды в монастырь [9, л. 43]. Иереем Иосиф Яковлевич так и не стал. Супруги прожили вместе более 20 лет и произвели на свет шестерых детей [9, л. 42 об.]. Старший сын пары Семен в 1858 г. взял в жены «сироту из духовного звания» Елену Матвеевну и стал дьяконом в с. Абрамовка Оренбургского уезда [9, л. 11 об.].

Во второй половине XIX в. правительство отменило наследственный принцип замещения церковных должностей [5, с. 797–798]. Духовенство запрет проигнорировало. Теперь клирики договаривались с прихожанами, и они за деньги или выпивку направляли епископу бумагу с просьбой определить на приход будущего зятя заинтересованного священника. Это называлось

«купить заручную». [4, с. 432–455]. Так действовал протоирей Николай Васильевич Кречетов, устраивая судьбу двух из семерых дочерей. Покидая в 1851 г. Кундравинскую станицу Троицкого уезда, чтобы занять должность настоятеля собора Александра Невского в Уральске, он передал прежнее место будущему мужу дочери Анны – Льву Емельянову [8, л. 2; 10, л. 8 об.]. Николай Васильевич уходил на заслуженный отдых в 1874 г. с должности настоятеля Христорождественского собора г. Челябинска, добившись перевода Льва Емельянова на свое место [2, с. 327]. В Кундравинскую станицу отправился служить Евгений Федорович Шмотин, супруг младшей дочери Николая Васильевича Ольги [11, л. 6 об.]. У настоятеля Богородицкой церкви с. Птичье Челябинского уезда за 35 лет службы в приходе сложились прекрасные отношения с крестьянами. Он без труда уговорил их поспособствовать устройству мужей своих дочерей Веры и Анны на должности младших священников Богородицкого храма [12, л. 286–287 об.]. Конечно, не все священники могли обеспечить дочерей приходами. К тому же у клирика часто бывала не одна дочь. В этом случае отцы стремились обеспечить их деньгами [10]. Упомянутый выше священник с. Шекшова Суздальского уезда Алексей Михалович Альбицкий сообщает в воспоминаниях, что отец жениха его дочери Анны согласился на брак только при условии «хорошего приданого, 2000 рублей деньгами за невестой и 500 рублей в распоряжение жениха». Отцу семейства было «ужасно обидно упускать жениха», он пошел по приходу и набрал нужную сумму [16, с. 118–119]. Устройство двух других дочерей обошлось несколько дешевле: «За Сашенькой я дал 1500 рублей и 200 рублей жениху, а за Варей 100 рублей [16, с. 123]. Для 1890-х годов такие суммы были весьма значительны. В Оренбургской епархии даже в начале XX в. расценки были ниже. Бытописатель жизни местного духовенства С.И. Гусев-Оренбургский в повести «В глухом уезде» так излагает беседу сельского священника отца Онуфрия с матерью возможного жениха своей дочери: «Не заботьте свою душу. У меня на Сашеньку тысяча положена. Ты-ся-ча, – тихо повторила попадья. – Ну, что же… давай Бог!» [1, с. 447].

Даже городские клирики не всегда могли устроить замужество дочери. Согласно переписи населения 1897 г., в городах Оренбургской губернии проживало 824 представительницы ду-

ховного сословия. Из них девицами числилось 584 [15, с. 53], т.е. 70,9%. Вероятно, дело объяснялось тем, что далеко не каждая девица была обеспечена достаточным для выхода в замужество приданым [14].

Таким образом, вступление в брак для девушки из духовного сословия было напрямую связано с наличием приданого. Наилучшим обеспечением считался приход. Если же обеспечить будущего зятя местом службы не удавалось, в качестве приданого предлагалась значительная сумма денег. Бесприданницы из среды духовенства, как правило, оставались старыми девами.

Список литературы

1. *Гусев-Оренбургский С.И.* В глухом уезде // Повести и рассказы. М., 1958. С. 390–560.
2. Движение по епархиальной службе // Оренбургские епархиальные ведомости. 1874. № 10. Часть официальная. С. 327.
3. *Крыжановский Е.* Вдова сельского священника // Руководство для сельских пастырей. 1860. № 13. С. 324–345.
4. *Несмелов П.* Заручная // Странник. 1883. Ноябрь. С. 432–455.
5. Об общих средствах призрения для всего служащего при церквах духовенства (22.05.1867) // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание II. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1871. Т. 42. № 44610. С. 797–798.
6. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 173. Оп. 2. Д. 3022.
7. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 176.
8. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 290.
9. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 382.
10. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 837.
11. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 904.
12. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1579.
13. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д. 1249.
14. О заведении шнуровой книги для внесения записей на домы и дворы священно- и церковнослужителей и о порядке перехода таковых мест от одного лица к другому (22.01.1768) // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание I. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 18. № 13067. С. 444.
15. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / под. ред. Н.А. Тройницкого. Т. XXVIII. Оренбургская губерния. СПб.: б.и., 1905. XX, 173 с.

16. Страницы истории России в летописи одного рода (Автобиографические записки четырех поколений русских священников), 1814–1937 / сост., подгот. коммент. Л.П. Соколова-Ковальчук. М.: Отчий дом, 2004. 774 с. (Православная церковь в воспоминаниях и документах).

Е.Ф. Фурсова
Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

Троицкие кумления как формы женской коммуникации и единения(по материалам русских Сибири конца XIX – первой трети XX в.)

Этнические обряды, связанные с ними верования русских старожилов и переселенцев Сибири, длительное время хранились в этнокультурной памяти и передавались в результате межпоколенной коммуникации вплоть до 1930-х годов. В работе будут рассмотрены обряды кумления как традиционные собрания сибирских женщин из старожильческой и переселенческой среды. Редкие свидетельства этого были записаны в процессе полевых исследований 1980–1990-х годов (организованных Институтом археологии и этнографии СО РАН) в сельской местности на юге Западной Сибири и относятся к периоду конца XIX – первой трети XX в.

В конце XIX в. в старожильческих деревнях Северной Барабы, Васюганья (д. Минино, Малоархангельской, Тычкиной и других Шипицынской и Усть-Тартасской волостей Томского уезда и губернии) весело проходил коллективный сбор угощений накануне Троицы в субботу, когда девушки ходили «цыганить» в наряженном виде: «старухи», травести, «цыганки». Не считалось предосудительным также воровство: пока одни выпрашивали подаяние на троицкие гуляния, другие «*по пригонам, по гнездам бегали, где куры несутся*» (А.Ф. Лавришева, 1913 г.р., д. Минино Венгеровского р-на НСО). В 1990-е годы здесь еще фиксировался обычай «кумления», приуроченный к празднику Святой Троицы, когда девушки при совместной трапезе обменивались дарами, например лентами, платками и пр. и после этого становились как бы духовными сестрами, «подругами на всю жизнь». Такие подруги впоследствии называли друг друга «кумами», откуда и пошло название обряда «кумление» (глаг. «ку-

миться»). Трапеза украшенных цветочными венками девушек сопровождалась шутками, хороводами, исполнением песен. В какой-то установленный момент девушки, желавшие разгадать судьбу, удалялась из общего круга и шли к реке бросать венки. Кумления и гадания производились втайне от молодых людей, которые норовили испортить мероприятие. Старики, напротив, не хотели вмешиваться в эти дни в дела молодежи.

В ряде деревень Васюганья в Троицу на собранное угощение устраивалось гуляние молодежи в одном из заранее откупленных домов: «Девки стряпают, а ребяты берут водки» (О.К. Кыштымова, 1913 г.р., с. Верх-Красноярка Северного р-на НСО). После совместной трапезы, сопровождавшейся пением и плясками, молодежные компании шли в березовую рощу, где молодые гуляли по лесу, водили хороводы и пели песни. Следует все же заметить, что в большинстве районов Сибири на период наших полевых работ 1970–1990-х годов у сибирячек и чалдонок обряд кумления сохранился слабо: сообщения о нем либо были весьма лаконичны, либо отсутствовали совсем.

Потомки выходцев из Рязанской губернии в Новосибирском Приобье довольно долго сохраняли на Троицу обряд кумления. Девушки собирались в доме у какой-либо из участниц и «жарили яишню»; в процессе коллективного столования назывались между собой «кумами». *«Мы гуляли, сказались кумой, так мы и звались – кумой. Так всю жисть и кума. Мы говорили – ты с той кума, эта с той кума. Каждая полюбовно себе подругу находила. Считалось – как познакомились»* (Е.С. Кузнецова, 1918 г.р., д. Кайлы Мошковского р-на НСО). «Покумившись», уходили компаниями в лес, где «елку делали», т.е. украшали ель, сосну, а также прогуливались вместе.

В селах, где потомки курских переселенцев составляли большинство населения, их влияние ощущалось в том, что исполнялся обряд «похорон кукушки» [4, с. 42]. Кумление курских девушек являлось составной частью обряда «ломания кукушки» с последующим «поминанием кукушки». Покажем это на примере с. Верх-Ирмень Ординской волости Барнаульского уезда Алтайского горного округа. Здесь в праздник Вознесения – *на* сороковой день после Пасхи – рубили и наряжали березку, называвшуюся «кукушкой». Украшенное деревце устанавливали в передний (вариант: красный) угол у каких-либо односельчан. На десятый день

его «хоронили», т.е. несли к реке и топили. Только после этого бросали в воду венки и гадали в зависимости от характера движений на воде. Информаторы хорошо помнили дальнейшие события: *«...Тада скатерть в березнике* (вариант: «в зАсике», месте, где косили траву. – *Е. Ф.*) *расстилаем. Садимся,* ***поминаем*** *эту кукушку. Кто чё принесет. Вареными яйцами, блинами, пирожками, шаньгами, калачами. И сидим, прощаемся...»* «Поминки» постепенно перетекали в обряд кумления. В верховьях Тартаса «куряне» при кумлении крестились, целовались и со словами «*Я твоя кума*» обменивались предметами одежды (О.Т. Седнева, 1909 г.р., пос. Северное НСО). *«...Кумились парами. Песни пели всякие, какие нравились... Парни были тут же, но с ними не кумились. С покумленной подружкой потом кумами звались»* (А.А. Бирюкова, 1897 г.р., с. Верх-Ирмень Ордынского р-на НСО). Подобные рассказы были нами услышаны не менее чем от десяти информаторов, которые единодушно заверяли, что на всю жизнь «кумами и оставались» (Ф.М. Новикова, 1904 г.р., д. Романово Панкрушихинского р-на АК и др.).

Таким образом, в ряде мест и в некоторых этнокультурных группах Сибири можно было еще менее ста лет назад наблюдать некоторые архаичные элементы обычая кумления (собрания, совместные пиршества девушек, женщин, духовное породнение). Несмотря на приуроченность к празднику Святой Троицы, в этих формах коммуникации можно видеть пережитки такого общественного института прошлого, как женский союз [2, с. 191]. Девушки, женщины могли делиться по возрасту и кумиться отдельными группами, что дает основание видеть связь и с возрастными классами, т.е. тоже весьма архаичными институтами прошлых эпох. Как показывают полевые материалы, обязательным условием обряда кумления была не приуроченность к Троице (кое-где даты сдвигались), но привязка к сакральному для славян месту – лесу, чаще всего березовой роще, т.е. деревьям, которые срубали для выполнения обряда. Потомки первых переселенцев из Курской губернии начала XX в. вспоминали, что их предки брали с собой в дальний путь, наряду с прочими необходимыми для жизни предметами, саженцы молодых берез (отростки, корешки). Если обычаи почитания деревьев, молодежные увеселения в весенних обрядах хорошо известны у европейских народов (обычай «майского дерева»), то подобные обряды-кумления девушек, а в

отдельных местностях и женщин, в этнографической литературе не описаны [1, с. 103, 132, 157, 172]. Отдаленный аналог русским кумлениям можно увидеть у южнославянских народов: это обходные обряды в селениях группами ряженых девушек («кралиц»), украшенных цветами, которые в первый или другие дни Троицы собирались и пировали в каком-либо доме на собранное угощение [1, с. 269]. Праздник во имя Троицы был введен в обрядовую практику Русской православной церкви в начале XV в. подвижником русской земли св. Сергием Радонежским [3, с. 637]. Поэтому в русском обряде можно увидеть также христианский смысл троицкого кумления как пример духовного единения, т.е. следования заповеди любви.

Список литературы

1. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. М.: Наука, 1977. 358 с.
2. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М.: Наука, 1986. 238 с.
3. *Тульцева Л.А.* Календарные праздники и обряды // Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 2005. С. 616–646.
4. *Фурсова Е.Ф.* Семицко-Троицкие обычаи и обряды восточных славян Приобья второй половины XIX – 30-х годов XX в. // Этнографическое обозрение. 1998. № 3. С. 35–48.

Н.А. Мицюк
Смоленск, Смоленский государственный медицинский университет

Политика эвакуации женщин и детей Поволжья в 1921–1923 гг.: официальный дискурс и женская память (по материалам Смоленской губернии)

Трагические события, развернувшиеся в Поволжье в 1921–1922 гг., заставили советскую власть принимать экстраординарные действия для спасения населения пострадавших регионов [1; 10; 12]. Дотижения и неудачи реализуемых мер оказали существенное влияние на формирование очертаний социальной политики в первое десятилетие советской власти. В современных условиях обострения проблемы беженцев, поиска эффек-

тивных форм социальной помощи семьям, оказавшихся в зонах природных бедствий и боевых действий, изучение опыта социальной политики в отношении семей и детей, эвакуированных из Поволжья, становится актуальным.

Цель данной публикации состоит в изучении организации социальной помощи семьям, женщинам и детям Поволжья в Смоленской губернии в 1921–1923 гг., куда было переселено значительное число «голодбеженцев». Города Смоленской губернии стали важнейшими железнодорожными пунктами, через которые проводилась эвакуация населения на территории западных регионов РСР, затем РСФСР, БССР, а также за границу (в Чехословакию). Важно было понять, насколько быстро были выработаны различные формы социальной помощи в отношении детей, с какими сложностями сталкивались местные органы власти, какие новые формы социальной работы впервые были опробованы на местах, насколько они были эффективными. С использованием методов источниковедческого анализа, повседневной истории, микроистории были изучены и впервые введены в научный оборот документы фондов губернских и уездных комиссий Помгола и Послеголода, губернских и уездных отделов здравоохранения Государственного архива Смоленской области.

Социальная политика в отношении населения голодающих регионов выстраивалась централизованно. Большие усилия были потрачены на организацию различных комитетов, комиссий, которые должны были отвечать за сбор и распределение помощи, а также за организацию эвакуационных мероприятий. При этом всё финансовое бремя содержания эвакуированных ложилось «на плечи» региона. Впервые в регионе была опробована новая модель благотворительности, которая состояла в массовом и обязательном участии всех групп населения, а также иностранных организаций (АРА).

Одной из ключевых мер, направленных на помощь голодающим, стала политика переселения особо уязвимых категорий населения – многодетных семей, детей – в урожайные губернии России. Центральной комиссией Помгол при ВЦИК был разработан план привязки «благополучных губерний к голодающим регионам». Смоленской губернии определялось принимать и оказывать помощь голодбеженцам из Саратовской губернии. Основные усилия в регионе были брошены на организацию со-

циальной работы с эвакуированными детьми, что стало серьезным испытанием для органов местной власти.

План эвакуации фактически провалился в первые месяцы переселения голодбеженцев, главным образом по причине нехватки железнодорожных составов и невозможности контролировать потоки переселенцев [13]. В Смоленской губернии особенно катастрофически складывалась ситуация зимой 1921–1922 гг. [3]. Беженцев прибывало значительно больше, чем было запланировано [3, л. 364]. Помимо Саратовской губернии, голодбеженцы приезжали из других регионов, вне планового переселения (из Башкирии, Самарской, Симбирской, Казанской, Рязанской, Нижегородской, Оренбургской губерний).

Количество прибывших в губернию детей более чем в два раза превышало плановые значения. К концу 1921 г. прибыло четыре санпоезда с 1743 детьми [9, с. 5]. В регион поступало большое число детей «самотеком». Только к концу 1921 г. было зафиксировано более 600 детей, приехавших в Смоленскую губернию не организовано [9, с. 6]. Среди беженцев были полные сироты, а также дети, чьи родители, оставшись в голодающих регионах, отправляли своих детей подальше от зоны бедствий. У многих детей родители умирали в пути, в связи с чем в Смоленскую губернии они прибывали уже в статусе детей-сирот. Нередко дети умирали в пути. По сообщениям очевидцев, «обессиленные дети валялись на железнодорожных путях» [3, л. 77].

Делопроизводственные документы свидетельствуют о несогласованности действий, многочисленных бюрократических проволочках, столкновении интересов между органами местной власти (социальными отделами, отделами здравоохранения, подотделами охраны материнства и детства, женотделами). Выстраивалась сложная бюрократическая система, которая не могла эффективно реализовывать социальную политику на местах [11].

Положение многих семей, эвакуированных в Смоленскую губернию, мало чем отличалось от их жизни в Поволжье. Важнейшей проблемой, которую не в состоянии были решить местные органы власти ввиду внепланового движения населения голодающих губерний, было отсутствие у региона достаточных финансовых средств. Неспособность местных органов власти контролировать потоки беженцев, отсутствие минимального

обеспечения их питанием и медицинской помощью приводили к высокой смертность среди голодбеженцев [7; 8].

Основными методами работы с детьми были размещение их в специализированных детских домах, открытие отраслевых детских домов, изоляторов и распределителей, определение детей на патронатное воспитание. В Смоленске появился специализированный детский приют с соответствующим названием – «Дети Поволжья». Если эвакуированные взрослые и семьи с детьми не обеспечивались бесплатным питанием, все эвакуированные дети, размещенные в учреждениях губернии, снабжались таковым. Для обеспечения детей питанием в губернии стали открываться временные питательные пункты [5].

С конца 1921 г. в приюты Смоленска все чаще стали обращаться изможденные матери-беженки, которые были не в силах прокормить своих детей [4]. Широкое распространение получил вынужденный отказ родителей-беженцев от детей с целью спасения их от голодной смерти. Экстренной мерой заботы о детях Поволжья, по той или иной причине лишившихся родителей, являлась «выдача» их «на воспитание отдельным гражданам» [9]. Положение эвакуированных детей было чрезвычайно тяжелым. Бюрократические проволочки, межведомственная несогласованность, халатность на местах приводили к плохому обеспечению детей питанием, одеждой и медицинской помощью. Косвенные данные свидетельствуют о высокой детской смертности.

Серьезным испытанием для региона стала организация отправки беженцев обратно на родину [2]. С лета 1922 г. в губернии стали формироваться первые составы по возвращению беженцев [6]. Особо тяжелая ситуация складывалась с организацией реэвакуации детей, которая растянулась на несколько лет. Многие дети остались в приютах Смоленска и не были реэвакуированы [6]. Проблема детской беспризорности и организации функционирования детских приютов стала одной из центральных в социальной работе по охране материнства и детства в регионе в последующее десятилетие.

Изучение многочисленных законодательных актов, инструкций, директив показывает, что органы центральной власти проводили эффективную работу по эвакуации населения; однако архивные материалы региона раскрывают иную картину. Микроисторический анализ материалов регионального архива пока-

зал, что процесс эвакуации населения в урожайные районы проходил в чрезвычайно сложных условиях. Местные органы власти не в состоянии были справиться с возложенной на них обязанностью принятия голодбеженцев. Новая система социальной работы по охране материнства и детства не была до конца сформирована. Работа с прибывавшими детьми стала серьезным испытанием для органов местной власти прежде всего потому, что всё финансовое бремя по содержанию прибывавших в губернию ложилось «на плечи» региона.

** Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) № 24-18-00212 «Женская семейная память в России XVIII–XX вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия».*

Список литературы

1. *Бадмаева Е.Н.* Голод в Нижнем Поволжье в 1921 и 1933 г. // Новый исторический вестник. 2010. № 4. С. 47–59.
2. ГАСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 29. Л. 4, 30.
3. ГАСО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 248.
4. ГАСО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 531. Л. 2–6.
5. ГАСО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 532. Л. 8.
6. ГАСО. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 9. Л. 38.
7. ГАСО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 1. Л. 96.
8. ГАСО. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 37.
9. Дети Поволжья в Смоленской губернии // Смоленская новь. 1922. № 1.
10. *Макеева Е.Д.* Социоприродные аспекты причин и следствия голода 1921–1923 гг. // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12. № 1. С. 170–175.
11. *Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л., Мухина З.З.* «Освобождение женщин» и семейная политика 1918–1920-х гг.: приобретения и издержки // Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 75–92.
12. *Поляков В.А.* Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2007. 735 с.
13. *Федотова А.* «Мы с переселением ужасно провалились» (Эвакуация как один из видов помощи голодающим ТАССР в 1921–1923 гг. // Эхо веков. 2016. № 3–4. С. 71–78.

Т.Ю. Новинская
Пенза, Пензенский государственный технологический университет

Женская память о войне как феномен советской общности

Об исторической категории советской общности существует немало исследований и публикаций – от определения в БСЭ до современных научных дискуссий, посвященных феномену советскости [9]. Изучение феномена советской общности часто сочетают с исследованием понятий «советское общество», «советский человек» [1, с. 9, 17, 170]. Мы отойдем от традиционного подхода, в основе которого лежит идея единой нации, и попытаемся раскрыть феномен советской общности в военные годы с позиции гендерного подхода, обращаясь к теме женской памяти. И это не попытка сделать ее особенной – через воспоминания женщин, используя их как инструмент, мы сможем шире раскрыть понятие «советская общность» в годы Великой Отечественной войны.

Вклад женщин в победу над врагом велик как на фронтах, так и в тылу. «Фронт нужно было обеспечить одеждой и продовольствием, – вспоминает Евдокия Егоровна Володина. – Работать было тяжело, но всегда старалась работать на совесть. За свою трудовую деятельность я была трижды награждена медалью за доблестный труд и этим я горжусь!» [2]. Война – серьезное испытание для людей, поэтому воспоминания о ней связаны с трагическим, травматичным опытом прежде всего. Однако есть в этих воспоминаниях и радость, надежда, вера, любовь – то, что позволяло выжить, вытерпеть, перенести боль и трудности.

Основу статьи составили воспоминания женщин Малосердобинского р-на Пензенской обл., которые были собраны когда-то давно в результате опроса тружеников тыла, работников колхоза, машинно-тракторных станций (МТС), учителей и участников строительства оборонительной линии «Сурский рубеж», который возводился осенью 1941 г. с севера на юг Пензенской обл., через с. Ключи на Петровск. Сегодня эти материалы хранятся в фондах

Малосердобинского краеведческого музея. Часть материалов размещена в информационной базе данных «Дети войны»[20].

Воспоминания чаще всего касаются условий труда, на втором месте – описание скудного рациона еды, на третьем – отсутствия одежды. Большинство женщин, рассказывающих свою историю, осознают связь с общей судьбой народа, что отражается в использовании местоимения «мы». «Повествование строится как рассказ о повторяющихся в жизни многих людей бытовых ситуациях, сама обыденность которых выражает драматизм народной судьбы» [10, с. 92–93]. О тяжелом труде женщин-трактористок читаем в воспоминаниях Анастасии Петровны Плотниковой: «Работа была трудной, трактор заводили руками, таскали буксирами друг другу. Работали с утра до ночи, жили в отряде, только в субботу приходили домой, чтобы сходите в баню, а затем сразу же бежали обратно в отряд. Оборудование было очень плохое, но и выбора не было» [7]. «Особенно трудно было весной, когда размывалась речка, сапог не было, через мостик шла вода, переходили босиком. Ноги отнимались, невозможно было растереть их», – вспоминала Елена Ефимовна Марменкова [6].

В декабре 1941 г. райкомом комсомола была мобилизована молодежь допризывного возраста на рытье окопов под Петровском. О тяжелых условиях труда можно судить по воспоминаниям Ксении Ивановны Жуковой: «Мерзлую землю откалывали по кусочкам лопатой и ломом. Сначала ладони рук покрывались кровавыми мозолями, переходящими потом в огрубевшую кожу. Спина разламывалась от непосильной работы, в глазах стояли разноцветные круги от недоедания. По правде говоря, ко всему привыкаешь» [4]. Строительство продолжалось до тех пор, пока гитлеровцы, потерпев поражение под Москвой, не отошли на запад. Вспоминает Елена Тимофеевна Карякина, работавшая на сооружении линии обороны в Хомяковке в 1941–1942 гг.: «Вставали очень рано и сразу принимались за работу. После обеда снова работали до самых сумерек. Засыпали как убитые. Домой отпустили в 1942 году» [5].

[20] Информационная база данных «Дети войны». URL: http://detiwar.ru/ (дата обращения: 26.06.2024).

Став главной рабочей силой на селе, женщины вынуждены были совмещать работу в колхозе с домашним хозяйством и воспитанием детей [8]. Вспоминает Анна Кузьминична Вырыпаева: «Рук – две и четверо детишек. Так что работать приходилось с ними. Брала их с собой в поле, на бахчу, на ток. Но мы держались и не падали духом, знали, что хлеб нужен нашим воинам» [3].

Воспоминания женщин Малосердобинского р-на Пензенской обл. о войне являются источником ценного опыта, который во многом созвучен с официальной военной памятью. Исследование женской памяти как феномена советской общности в годы Великой Отечественной войны представляет собой значимый вклад в понимание исторической категории «советская общность». Женщины, чей подвиг стал неотъемлемой частью победы над врагом, не только сражались на фронтах и трудились в тылу, но и поддерживали семьи, воспитывали детей и обеспечивали страну необходимыми ресурсами. Их воспоминания о тяжелом труде, лишениях, историях выживания и солидарности в условиях войны являются ценным источником для понимания коллективной памяти и духа советского времени. Рассмотрение этого аспекта через гендерную призму позволяет увидеть не только индивидуальные истории, но и общие черты советской общности, выраженные в солидарности, трудолюбии и патриотизме женщин, которые остаются ярким символом той эпохи.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия. Т. 24. II. Часть 1. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1977. URL: http://bse.uaio.ru/BSE/2421.htm (дата обращения: 22.03.2024).
2. Володина Евдокия Егоровна, 1920 г.р., с. Малая Сердоба, Пензенская обл. Единство тыла и фронта. URL: https://nleb1.blogspot.com/p/blog-page_7.html (дата обращения 22.03.2024)
3. Вырыпаева Анна Кузьминична, 1911 г.р., с. Малая Сердоба, Пензенская обл. // Фонд МБУК Малосердобинского краеведческого музея.
4. Жукова Ксения Ивановна, 1926 г.р., с. Малая Сердоба, Пензенская обл. // Фонд МБУК Малосердобинского краеведческого музея.
5. Карякина Елена Тимофеевна, 1914 г.р., с. Малая Сердоба, Пензенская обл. // Фонд МБУК Малосердобинского краеведческого музея.
6. Марменкова Елена Ефимовна, 1915 г.р., с. Малая Сердоба, Пензенская обл. // Фонд МБУК Малосердобинского краеведческого музея.

7. Плотникова Анастасия Петровна, 1924 г.р., с. Малая Сердоба, Пензенская обл. // Фонд МБУК Малосердобинского краеведческого музея.
8. *Полубояров М.С.* Малая долька России. Очерки о Малосердобинском районе Пензенской области. Малая Сердоба: б.и., 2003. 193 с.
9. *Сомов В.А.* Феномен советскости: историко-культурный аспект // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 12–20.
10. *Чередникова М.П.* Типология повествовательной структуры в меморатах о Великой Отечественной войне // Сказка и несказочная проза: Межвузовский сборник научных трудов. М.: Прометей, 1992. С. 90–109.

А.С. Карибаева
Семей, Казахстан,
Университет им. Шакарима

Женщины в тени войны: их истории депортации и выживания

В хаосе войны, когда мир превращался в бурю, женщины становились свидетелями и участницами одного из самых мрачных периодов истории – депортации. Депортация означала не только потерю дома и родных мест, но и разлуку с близкими, попытку сохранить семью в условиях безысходности. Женщины вынуждены были идти на эти страшные скитания, собирая остатки своей жизни как свои пожитки и отправляясь в неизвестность. Воспоминания немецких женщин о депортации пронизаны страхом, горем и надеждой. Они рассказывают о тяжелых испытаниях в пути, о потерях и страданиях на новом месте жительства. Но среди их историй просматривается и несгибаемая сила духа, способность адаптироваться к переменам и стремление к сохранению человечности в самых тяжелых условиях.

Целью настоящей работы является исследование исторического опыта и внутренних переживаний немецких женщин, столкнувшихся с депортацией во время Великой Отечественной войны, с целью пролить свет на их уникальный опыт, а также понять влияние этого трагического периода на их жизни и судьбы.

Главным источником стали интервью с потомками депортированных женщин, проживавших на территории Казахстана. Сведения, полученные от них, наиболее ценны именно потому, что они непосредственно участвовали в процессе депортации; также мате-

риалы дают возможность сформировать представление о судьбе немецкого народа, оценить историю со стороны человека, оказавшегося в трудной жизненной ситуации. В нарративах о депортации и последовавших за ней событиях встречается много общих сюжетов. Все эти рассказы наполнены болью, поэтому многие представители старшего поколения стараются вытеснить из памяти трагические воспоминания. Стоит отметить, что воспоминания мужчин были логически более выдержанны, женщин – эмоционально окрашены и часто содержали подробности личной жизни.

При подготовке данной публикации использовались общенаучные методы исторического исследования и научного анализа, такие как анализ и синтез информации, метод аналогии, позволившие рассмотреть и охарактеризовать процессы расселения, хозяйственно-бытового устройства, трудоиспользования, правового положения депортированного немецкого народа, кроме того, метод индукции и дедукции позволил нам оценить полученные выводы. В ходе изучения проблемы были применены принципы историзма, научной объективности, целостности, развития. Следуя принципу историзма, материал излагается в хронологической последовательности, объективность же достигается привлечением архивных документов. В работе использованы и этнографические методы: включенное наблюдение, глубокое и полуструктурированное интервью, с помощью которых стало возможным выявить переживания и понять осмысленное поведение женщин немецкой национальности, их реакцию на обстоятельства, в которых они сами участвовали.

Депортация стала испытанием, которое определило их жизни. Их истории напоминают нам о необходимости помнить о прошлом и ценить то, что мы имеем сегодня. Эти женщины – символы выносливости, мужества и надежды. Их голоса должны быть услышаны, их истории должны быть переданы будущим поколениям, чтобы они могли почерпнуть уроки из этого горького опыта и стремиться к миру и справедливости.

Е.В. Ануфриева
Волгоград, Волгоградский государственный технический университет
Н.В. Дулина
Волгоград, Центр социологических и маркетинговых исследований «Аналитик»

Заводская культура советского промышленного города в женской памяти

СССР прекратил свое существование в 1991 г. Первое в мире социалистическое государство, ставшее мировой индустриальной державой, де-юре ушло в прошлое, но де-факто продолжает жить в памяти людей не только родившихся в то время, а и сформировавшихся как личности. В советском прошлом у этих людей октябрятское и пионерское детство, комсомольская юность… Сегодня – это уже родители и прародители поколения молодежи, входящей во взрослую жизнь, но знающей о советском прошлом из школьных или вузовских учебников истории, средств массовой информации и других источников. Как показывает реальная практика и свидетельствуют результаты социологических исследований, важную роль в формировании памяти о советском прошлом играют именно эти, ныне взрослые (родители и прародители), люди. Более того, чаще всего это мамы и бабушки, которые, занимаясь воспитанием детей, становятся проводниками воссоздания культурной памяти о советском прошлом, которое им знакомо.

Из истории советского государства все знают, что с середины 1920-х годов оно занимается развитием своего промышленного потенциала, следствием чего неизбежно становилось не только увеличение количества заводов и фабрик, но и рост численности городского населения, городов в целом. Именно это сосуществование промышленного предприятия, как правило крупного (завода или фабрики) и всех других элементов городской инфраструктуры, по нашему мнению, и стали основой процесса формирования заводской культуры, которая в итоге и стала, во многом, основой городской культуры.

Если культуру вообще, вслед за В.С. Библером, можно представить как «форму одновременного бытия и общения людей

различных – прошлых, настоящих и будущих культур, форму диалога и взаимопорождения этих культур ...» [1, с. 289], то заводская культура не только «вплетается», но и подчиняет себе городскую культуру, поскольку в советское время такие заводы являлись полигоном для внедрения культурных практик и правил трудовых отношений, формирования традиций.

Заводы, их прошлое и настоящее, становятся предметом исследования отечественных ученых в последние в годы (см., напр., [2] и др.), в связи с интенсивностью трансформационных процессов, переживаемых российским обществом. Заводская культура привлекала наше внимание ранее (см., напр., [3] и др.), и продолжает оставаться предметом исследования, поскольку город Волгоград представлял собой крупный промышленный город в советское время и представляет интерес то, как формировалась его культура, что о ней могут сказать его жительницы.

Возникает вполне закономерный вопрос: «Являются ли параметры сложившейся в крупном промышленном городе, каким был и остается Волгоград, заводской культуры достаточно устойчивыми, независимыми от трансформации города?». Чтобы получить ответ на этот и ряд других вопросов ответ, мы провели опрос жительниц города в возрасте от 18 до 70 лет (N-487), а также взяли интервью у горожанок Волгограда (20 интервью в 2024 г., возраст от 75 до 26 лет).

Формат тезисов не позволяет подробно раскрыть все результаты проведенного исследования, поэтому остановимся на примерах, в которых мнения респонденток касаются заводской культуры советского периода в истории Волгограда.

Наибольший интерес в контексте нашей работы представляют ответы горожанок на вопросы о том, была ли в Волгограде заводская культура и сохраняется ли она сегодня, поскольку является важным элементом формирования городской культуры в целом, формирования горожан. В ответе на этот вопрос мы увидели определенное единодушие наших собеседниц, которые сказали, что заводская культура в Волгограде советского периода была и играла весомую роль.

Например, «у меня вот есть родственники, которые просто вот даже боятся расстаться с заводом. Им кажется, что если они расстанутся с заводом, все оборвется, ну, все нити, связывающие их с жизнью, оборвутся. Для них завод – это всё <…> разу-

меется заводы участвуют в формировании городской культуры, ведь люди, которые работают на заводах, или сказать работали, ведь они составляли основную массу населения и <…> их поступки в основном определяли лицо города (ж, 1956 г.р.).

«Раньше – да. Это где-то в 1970-е, 1960-е годы очень много было заводов и знаменитый Тракторный завод, сталелитейный… это металлургический завод, и они действительно были очень большими, работало много людей, они давали промышленности большое подспорье, поэтому жизнь людей тоже сосредотачивалась на этих заводах. Очень много работало людей <…> у нас как бы именно рабочий город» (1955 г.р.).

«Раньше «заводы» давали путевку в жизнь. Люди, работающие на заводе, так как мои родители работали на заводе. Это всегда был бесплатный отдых для детей в летнее время года. Это путевки куда-то еще в течение года для детей. У них была стабильная, хорошая зарплата. Работать на заводе было престижно; школьники, которые закончили девятый класс, шли на завод, у них была возможность поступать в высшее учебное заведение, учиться от заводов, получать другие профессии, опять же специализированные на данный завод. В данный момент времени у нас, к сожалению, это все потеряно» (1976 г.р.).

«Заводские мероприятия были, праздники свои (*профессиональные*) отмечали. Металлурги завода “Красный Октябрь” праздник всегда был около ДК имени Ленина, соревнования, много было всего этой площади» (1959 г.р.).

«При заводах организовывали в своё время кружки, потом это стало домами культуры при заводах. Раньше они были маленькими, а сейчас, вы посмотрите, какой Дом культуры на Красном Октябре громадный. Там ведь столько секций. И все эти работники после трудового дня (помимо того, что есть семья), они все равно идут, посещают какие-то секции, театральные, танцевальные, драматические, вокал, гимнастика. Пожилые люди, насколько я слышу и знаю, так же. Аэробика, хоровое. То есть рабочая жилка все-таки присутствует у нас в характере, волгоградцев» (1960 г.р.).

«Заводская культура… Вы знаете, мне кажется, в Волгограде она ушла. Это все-таки больше... Я бы, наверное, связала заводскую культуру со Сталинградом, да, с крупнейшим промышленным городом XX века. Но не вот сегодняшний Волгоград,

хотя, возможно, Волгоград движется в сторону вот… развития, поднятия, восстановления заводов… Ну и однозначно, да, вот вы меня спросили, вот заводы, «путевка в жизнь». Ну, конечно же, если заводы и, как сказать, в тот период времени работали, да, это была некая «путевка в жизнь», которая влияла и на размер заработной платы, на то, что людям, которые работали на заводах, опять же-то я говорю про период существования Сталинграда, давали бесплатные квартиры, да, и вообще много было каких-то, знаете, маленьких в кавычках «плюшечек» для работников завода. Сейчас, мне кажется, это все куда-то, ну, точнее, не то, что куда-то, но ушло. Этого нет. Да и заводы тоже, да, не особо-то и работают» (1995 г.р.)

По мнению наших собеседниц, с которым мы солидарны, и сегодня «заводы участвуют в формировании городской культуры: Дома и дворы культуры существуют до сих пор. Дети заводчан там до сих пор занимаются, взрослые посещают тоже, концерты на их базе проводят. Они очень активно участвуют в жизни города» (ж, 1969 г.р.).

«Многие люди, особенно те, которые из сел приезжали к нам в Сталинград-Волгоград, куда шли? Шли на заводы, сначала учениками, потом становились бригадирами, мастерами, а ведь потом уже и инженерами. А сколько у нас заводов: Красный Октябрь, Баррикады, там ведь много научной основы. Оттуда уже люди идут конструкторами. Поэтому, я считаю, что завод – как первая ступень. Она, конечно, поднимает человека-рабочего очень высоко» (1960 г.р.).

От общего числа принявших участие в опросе горожанок на вопрос о том, что они знают об учреждениях культуры, детских оздоровительных лагерях предприятия / завода своего района почти пятая часть (18,4%) ответили положительно и даже назвали такие учреждения (например: лагерь «Босоногий гарнизон», медсанчасть «Баррикад», библиотека, детский оздоровительный лагерь «Дубки», Дом культуры и т.д.).

Таким образом, заводская культура советского промышленного города Волгограда сохраняется в памяти горожанок. Важно, что разговор о заводской культуре вызывает разные эмоции, но чаще всего положительные, с ноткой сожаления о том, что это связанное с ушедшей в прошлое молодостью.

Список литературы

1. *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1991. – 412 с.
2. *Лейбович О.Л.* Социалистический завод в коллективной памяти горожан (по материалам Перми) // Уральский исторический вестник, №3 (52), 2016. С. 33-42
3. *Ануфриева Е.В., Дулина Н.В.* Заводская культура как элемент городской культуры // XXIII Уральские социологические чтения. Личность, культура, общество: наследие Л. Н. Когана и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 17–18 марта 2023 г.) / [под общ. ред. Ю. Р. Вишневского, М. В. Певной] ; Мин-во науки и высш. образования РФ. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2023. — 375 с.

А.В. Жидченко
Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Повседневность жительниц нового советского города нефтяников в 1950–1960-е годы (по материалам г. Октябрьского Башкирской АССР)

Антропологический поворот в гуманитарных науках второй половины XX в. открыл исследователям возможности изучения социальных процессов прошлого на материалах более широкого круга источников и с применением более обширной теоретико-методологической базы. Новые подходы к изучению вопросов истории повседневности, женской истории, локального социокультурного пространства и многих других аспектов исторической реконструкции пополнили инструментарий работы ученых XXI в.

Женская история как самостоятельное направление исследовательского поиска со второй половины XX в. развивалось преимущественно в западных институциях [5], лишь после распада СССР став предметом изучения российских историков. В настоящее время различные аспекты женской повседневности изучены в работах таких отечественных авторов, как Н.Л. Пушкарёва [6], А.В. Белова [2] и др.

В предлагаемой работе автор обращается к вопросу реконструкции женской городской повседневности 1950–1960-х годов на примере одного из новых городов СССР, строящегося вокруг

крупного предприятия нефтехимической отрасли с конца 1940-х годов – г. Октябрьского Башкирской АССР.

Предысторию г. Октябрьского как образцового города на этапе послевоенной индустриализации принято отсчитывать с 1937 г., когда в западной части Башкирской АССР были открыты месторождения нефти, а на правом берегу р. Ика был организован поселок нефтяников. 5 апреля 1946 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР рабочий поселок нефтяников, насчитывавший в то время 14 тысяч жителей (вместе с поселками Туркменево, Муллино, Нарышево, Верхнее Заитово, Московка), был преобразован в г. Октябрьский республиканского подчинения.

В строящихся городах СССР в 1950-е годы женщинам приходилось выполнять сложные строительные работы. На улицах города в тот период можно было часто видеть женские строительные бригады с лопатами и ломами. «…Как так получается, что у девушек в руках ломы? На тяжелые работы женщин тут не привлекают. Но Октябрьский – город нефти, и легко найти работу *могут только люди с нефтяной или строительной* специальностью. Женщин занять негде, пока работают немногие. Озабоченные внезапно возникшей проблемой, городские власти стали хлопотать о строительстве швейной фабрики. Многие девушки уходят покамест, в ожидании более подходящей работы, в штукатурные и малярные бригады…» [7, с. 129]. В официальной периодической печати эпизоды, когда в образцовом социалистическом городе женщины оказывались землекопами там, где не оказалось экскаватора, были призваны внушить мужчинам чувство стыда: *девушки* с лопатами и ломами [7, с. 30].

В годы строительства Октябрьского условия не только труда, но и жилища у приехавших на «стройку пятилетки» молодых девушек были очень трудные. «…В комнате, где мы жили, матрас соломенный был, нищета полная, это был 1951 г. …» Уже с созданием городской инфраструктуры начал меняться и облик горожанок. На место рабочих курток и фуфаек пришли жакеты и пальто, в том числе особенно модные пальто зеленого цвета. «Зеленый цвет моден нынче и в Приуралье. В руках саквояжи, которые все больше вытесняют прежние базарные корзинки и сумки» [3].

В отличие от заявляемого официальной пропагандой в периодической печати, жилищный вопрос в Октябрьском в 1950-е годы также решался с трудом. Зачастую именно женщинам при-

ходилось хлопотать за хорошие условия проживания своей семьи. Вот как вспоминает об этом Т.М. Абрамова: «…В Октябрьском мы сначала в одной комнате жили с соседями, а потом нам давали двухкомнатную квартиру – угол Лермонтова и Островского – в хрущевке – строили быстро – я пришла посмотрела, а под окнами были дыры. И я отказалась, а потом стала хлопотать за соседку, и ей дали однокомнатную квартиру, и нам дали комнату, в которой она жила, и мы в этой квартире жили на улице Островского, дом 51…» [3].

Для организации быта и уюта дома женщинам приходилось уделять внимание покупке мебели и бытовой техники, которые, несмотря на спецснабжение города, были в дефиците. «…Первую кровать, столик мы сами сделали, в магазинах ничего не было. Какая там стиральная машинка? Все на руках стирали, только в 1960-е купили “Тулу-6”, но и там воду сами нагревали в ведрах, а плите…» [1]. Здесь часто переезжали в новые квартиры из коммунальных квартир. «…Бывает, что сразу заселяются целые кварталы. Потом начинаются заботы о мебели. Пока жили в бараках или полуземлянках, не замечали, что мебели маловато. Как перебрались в благоустроенные квартиры, тут-то и оказалось, что пустовато и надо бы чем-нибудь обзавестись. Но это не просто: мебели в магазине немного, выбор скудный. Недавно в магазин привезли шесть мебельных гарнитуров. Гарнитуры роскошные, но и цена оказалась крепкая: по двадцать тысяч рублей каждый. Ну что же! Раскупили! Случалось, раскупали сообща: тебе стол, мне шкаф и так далее. Во всяком случае, через несколько дней гарнитуров в магазине уже не было» [4, с. 128].

Таким образом, идеальная и реальная картина женской повседневной жизни нового советского города имели значительные отличия, что заметно на материалах о г. Октябрьском. С одной стороны, развитая сеть социально-культурных учреждений, идеологически правильная городская топонимика, а также визит руководителя страны – все свидетельствовало об удовлетворении потребностей советской женщины в повседневном быте. С другой стороны – реальные проблемы дефицита, характерные для советской плановой экономики, профессиональный гендерный дисбаланс (тяжелая физическая работа, которую приходилось выполнять женщинам) и отсутствие необходимых товаров и услуг в молодом городе.

** Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 24-18-00212 «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия».*

Список литературы

1. Анонимные воспоминания // АА. 23.10.2023.
2. *Белова А.В.* Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 25–67.
3. Воспоминания П.М. Замесиной, 1933 г.р. // Авторский архив. 22.10.2016.
4. *Гехт О.* Жители нового города // Знамя. Июнь 1956. С. 128.
5. *Людтке А.* История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти / пер. с англ. и нем. К.А. Левинсона и др.; под общей ред. С.В. Журавлева. М.: РОССПЭН, 2010. 270 с.
6. *Пушкарёва Н.Л., Битокова Т.В.* Женская городская повседневность второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. в советской и постсоветской историографии // Вестник РУДН. Серия «История России». 2021. Т. 20. № 2. С. 305–320.
7. *Сущенко И.* Встречи с будущим: из записной книжки художника // Молодая гвардия. 1959. № 4. С. 129.

А.В. Усачева
Москва, Институт славяноведения РАН

Румынский коммунизм глазами женщин: частная память в романе Д. Лунгу «Я коммунистическая старуха!»

В декабре 1989 г. в Румынии государственный строй из настоящего в одночасье превратился в воспоминание. Революция – это всегда акт разрыва с прошлым, акт разрушения идентичности, и целью осмысления ушедшей эпохи является восстановление утерянной связи. Я. Ассман в работе «Культурная память» вводит понятие помнящей культуры, которая имеет дело с «памятью, создающей общность» [1, с. 30]. «Невозможно помыслить вообще никакого социального объединения, в котором не просматривались бы – пусть в сколь угодно ослабленном виде – формы помнящей культуры» [1, с. 30]. В 2000-е годы у румынского читателя возник сильный интерес к личным историям, и ответом на него стал выход книг, центральной темой которых стали воспоминания о жизни при коммунизме, например сборники «Исчезнувший

мир» (2004), «Розовая книга коммунизма» (2004), книга Василе Эрну «Рожденный в СССР» (2007). Критик Александру Кэлинеску так объясняет это явление: «В нашей стране большие проблемы с памятью, мы совсем плохи в этом отношении. Мы живем в состоянии всеобщей тяжелой амнезии» [2]. По его мнению, интерес к воспоминаниям об ушедшей эпохе – попытка вылечить эту коллективную амнезию. То же стремление нашло отражение и в литературе авторов постдекабристской эпохи. Произведения Филипа Флориана «Маленькие пальцы» (2005), Флорины Илис «Детский крестовый поход» (2005), Богдана Сучавы «Ночь, в которую кто-то умер ради тебя» (2010) и другие – это поиск ответа на вопрос «Кто мы после коммунизма?» [21]

Писатель и социолог Дан Лунгу (р. 1969) создает т.н. романы переходного периода – устоявшийся в румынском литературоведении термин, обозначающий произведения, описывающие жизнь людей до революции 1989 г. и в первые два десятилетия после нее. Таковым является и анализируемый в докладе роман «Я коммунистическая старуха!» (2007), в основу которого легло интервью Лунгу-социолога с пенсионеркой, родившейся в селе и мечтавшей жить в городе («Сейчас я тебе расскажу, как хорошо жилось при коммунизме!») [4]. Сюжет строится вокруг воспоминаний разных лет главной героини – пожилой женщины Эмилии Апостоае – и окружающих ее женщин (дочери Алисы, сестры Санды, коллег и приятельниц). Выросшая и прожившая бóльшую часть жизни при Чаушеску, Эмилия ностальгирует об ушедшей эпохе, собирается голосовать за партию коммунистов на выборах в ближайшее воскресенье и лелеет «великий план о возрождении прошлого»: «…Возможно, не прямо точь-в-точь, но что-то близкое. Восстановить фабрику нереально, но мастерскую, как та, наша, – мне казалось вполне по силам» [3, с. 92]. Написанное от первого лица произведение показывает, как человек пытается сохранить ускользающее прошлое, об уходе которого сожалеет, сохранить единственным доступным способом – через личную память: «…Я осталась в мыслях о прошлом. Когда тебе уже много лет, такое погружение в воспоминания даже приятно. Ты

[21] В румынских работах обычно используется термин «коммунизм», в отечественных – «национал-коммунизм» или «социализм».

смотришь события прошлого, словно фильм, переставляешь их местами так, как тебе нравится, не скучая ни минуты» [3, с. 44].

В данном докладе представляется интересным сравнить воспоминания об ушедшей эпохе, принадлежащих женщинам из одной семьи, дополнив их для полноты картины деталями, о которых рассказывают другие. Это важно, поскольку именно разница восприятия событий недавнего для героинь прошлого запускает основной конфликт в романе. В произведении, как становится понятно из названия, сосуществуют два вектора повествования: один об Эмилии, женщине, которой не удалось адаптироваться к новому капиталистическому миру, а второй – об эпохе Чаушеску. Этот второй пласт представлен рассказами самой героини и ее подруг: как принимали в партию («Меня сделали членом партии. Я говорю не “я вступила”, а именно “меня сделали”, потому что я и пальцем для этого не пошевелила. В один прекрасный день секретарь парткома нашего предприятия решил, что женщин в партии слишком мало» [3, с. 74]); как по мелочи воровали с фабрики («Если бы у меня в магазине девочки-продавщицы воровали так же, как мы “брали” с фабрики, я бы прогорела за две недели» [3, с. 154]).

Сюжет о жизни главной героини разворачивается в нескольких временны́х и пространственных планах: в книге описано ее деревенское детство, первый опыт жизни в городе, работа на заводе. Обращаясь к этим воспоминаниям, Эмилия выстраивает собственный универсум – практически идеальную вселенную, которая помогает ей обрести уверенность в отношениях с новым миром. Однако этот идиллический мир разбивается, встретившись с чужой памятью о тех же событиях. Сначала телефонный разговор с дочерью, критикующей коммунизм, который она успела застать. Потом беседа с приятельницей, госпожой Розалией, рассказавшей о своей судьбе дочери врага народа. Дальше – встреча с сестрой и бывшей коллегой, которые помнят совсем не то, что Эмилия. Героиня вдруг понимает: общей для всех коллективной памяти не существует, она складывается из индивидуальных воспоминаний. «Я чувствовала, что мое прошлое больше мне не принадлежит. В игру вступили новые фигуры, которые совсем сюда не подходили, которые заставили меня начать партию с самого начала. Всплывали другие воспоминания. Жесты и чувства, про которые я забыла. Те же места, те же

люди, то же время, но другие события. <…> Почему наши воспоминания оказались такими разными?» [3, с. 156].

Эмилия начинает задумываться, анализировать, сомневаться, однако развязки как таковой не случается. Не в силах отказаться от веры в коммунизм и понимая, что новое неотвратимо наступает, женщина решает сохранить статус-кво: «Сегодня утром я проснулась старой. Завтра? Ах да, завтра же выборы… Думаю, что я останусь преспокойненько дома и… найду, чем заняться» [3, с. 157].

Важно отметить, что роман Лунгу реконструирует не сам период до 1989 г., а воспоминания о нем и чувства, которые эти воспоминания вызывают. Изображаемые персонажи обречены на бесконечное проживание прошлого в своем сознании, и это прошлое рисуется из двух перспектив: внутренней – героев произведения, и внешней – автора. Писатель сталкивает коллективную и индивидуальную память и обнаруживает их противоречивость, а порой и противоположность, показывая субъективность личных воспоминаний, построенных на вытеснении одних эпизодов и приукрашивании других. Данный роман был выбран к анализу потому, что в нем именно женщины выступают хранительницами памяти об эпохе, мужские же персонажи исполняют роль своего рода статистов, являясь лишь фоном для действия и конфликта. В докладе точки зрения героинь рассматриваются подробнее и с привлечением большего количества иллюстративного материала.

Список литературы

1. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: ЯСК, 2004. 368 с. (Studia historica).
2. *Corlatan M.* 13 scriitori ieșeni au scos „Cartea roz a comunismului” // Ziarul de Iași. 26.05.2004. URL: https://www.ziaruldeiasi.ro/local/iasi/13-scriitori-ieseni-au-scos-cartea-roz-a-comunismului~ni3daj (дата обращения: 01.05.2024).
3. *Lungu D.* Sînt o babă comunistă! Iași: Polirom, 2010. 192 p. (Перевод выполнен автором доклада).
4. *Stoleru I.* Dan Lungu, despre nostalgia paradoxală a romanilor dupa comunism // Suplementul de cultură. 2013. № 380. URL: http://suplimentuldecultura.ro/8253/dan-lungu-despre-nostalgia-paradoxala-a-romanilor-dupa-comunism/ (дата обращения: 01.05.2024).

Е.А. Закревская
Москва, Институт научной информации
по общественным наукам РАН
С.В. Белянин
Москва, Институт научной информации
по общественным наукам РАН;
Лаборатория теоретической фольклористики
Института общественных наук,
Школа актуальных гуманитарных исследований,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Женский мемориальный активизм на Северном Кавказе: между семейной памятью и государственной политикой

В планируемом выступлении мы расскажем о роли женщин в мемориальном активизме на территории Северного Кавказа. Сохранение памяти о Великой Отечественной войне – одна из приоритетных задач российских властей и общественных организаций; существует множество как государственных, так и вернакулярных или смешанных инициатив, направленных на достижение этой цели. Исследуя память о войне и Холокосте в современной России, мы обратили внимание на то, что значимый процент мемориальных инициатив запускают и возглавляют именно женщины; зачастую активистки обращаются к коммеморации событий ВОВ. Такие кейсы мы встречали по всей России: в европейской ее части, на Урале и в Сибири – однако в этом докладе мы сделаем акцент на женском мемориальном активизме на Кавказе.

Среди исследователей памяти и антропологов общепризнанно, что трансляция семейной памяти традиционно является женским делом, т.к. именно женщины проводят время с пожилыми родственниками и детьми. Однако в описанных нами случаях работа с памятью «масштабируется»: активистки обращаются не только к семейным рассказам, но и к «общегосударственной» памяти. В горско-еврейской среде женщины в силу социальных и культурных обстоятельств лишены власти и не могут претендовать на роль религиозных или общинных лидеров. Создание вернакулярного мемориального музея – это доступный им способ

построить карьеру и получить некоторую власть. Такой активизм поощряется общественным мнением, находится в русле одобряемой государством политики, и поэтому заниматься им можно даже наперекор гендерным конвенциям. В планируемом докладе мы обратимся к кейсу созданного женским клубом мемориального музея ВОВ и Холокоста в горско-еврейской синагоге в Дербенте; в качестве вспомогательных кейсов будут привлекаться истории музеев и выставок из других регионов России.

Н.М. Великая, А.А. Голосеева
Москва, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Воспоминания женщин семьи Колбасиных-Черновых о революции 1917 г. и Гражданской войне

Биографии, будучи одним из важнейших исторических источников, широко используются в гендерных исследованиях, оставаясь предметом особо пристального внимания историков, социологов, философов и лингвистов, которые обращаются к изучению женских нарративов. Особую эвристическую ценность женских автобиографий при изучении гендерной проблематики показала Н.Л. Пушкарёва, рассматривающая их как своеобразный «банк данных» женской истории, обогащающий наши представления о социально-историческом контексте жизни женщин в разные исторические эпохи [3, с. 226].

Мы опираемся на идеи ученых, утверждавших, что акт повествования по своей сути является политическим и относительным [6], а анализ автобиографии позволяет путем анализа репрезентации собственной социализации и идентичности выявить и описать социальный контекст событий [8].

В данных тезисах в качестве объекта исследования мы используем воспоминания Ольги Елисеевны Колбасиной-Черновой (1886–1964), второй жены В.М. Чернова (лидера партии социалистов-революционеров, председателя Всероссийского Учредительного собрания (УС), эсерки, журналистки и писательницы, и ее дочери Ольги Викторовны Черновой-Андреевой (1903–1978) о трагических событиях, которые переживала их семья в период ре-

волюции 1917 г., Гражданской войны и последующей эмиграции. Их воспоминания – интереснейшие эгодокументы, позволяющие увидеть существенные стороны включения женщин в революционное движение и политическую деятельность. Личная память, транслируемая в мемуарах этих женщин, интересует нас как системообразующий дискурс в статусных и властных иерархиях [1].

Сама Ольга Колбасина родом из состоятельной левой либеральной семьи. В первом браке у нее родилось трое детей: сын Вадим (умер от туберкулеза в 1914 г.) и девочки-близнецы Ольга и Наталья. Своего мужа художника М. Федорова она оставила вскоре после рождения дочерей, но в отличие от некоторых других матерей-революционерок, своими материнскими обязанностями никогда не пренебрегала.

С 1906 г. она становится членом партии эсеров, работает в редакции партийной газеты «Дело народа», принимает участие в работе I съезда ПСР, который проходил в Финляндии. В это же время она знакомится с Викторым Черновым и выходит за него замуж, в 1908 г. у них рождается дочь Ариадна. После брака с Черновым она несколько растворяется в его делах: она верная соратница мужа, его секретарь, помогает ему с журналом «Заветы». На ней дети и дом, который был и приютом для многочисленных соратников по партии. Возвращаются Черновы в Россию только после Февральской революции, и Чернов с головой уходит в политическую борьбу: становится министром земледелия во втором Временном правительстве, работает в Совете крестьянских депутатов, готовится к выборам в УС и т.д.

После октябрьского переворота жизнь их семьи меняется: из жены известного активиста она превращается в жену опального политика на нелегальном положении. С конца 1919 г. ВЧК занялась настоящей охотой за членами ЦК ПСР и особенно Черновым. Однако умение конспирироваться позволило ему несколько раз избегать ареста.

Оля и Наташа выполняли отдельные поручения Виктора Михайловича, ходили по его заданию на партийные явки. Оля вспоминала, как во время выполнения одного задания она попала в облаву и 15 дней провела в заключении [4, с. 147–155]. В конце января 1920 г. Ольга Елисеевна с детьми, включая 11-летнюю Ариадну, были арестованы и отправлены на Лубянку. Чекисты оставили семью Чернова в тюрьме в качестве заложников, наде-

ясь поймать и его самого. Однако судьба их сложилась счастливо, и осенью 1921 г. они получили возможность выехать из советской России. Именно об этом трагическом периоде расскажут в своих воспоминаниях два поколения женщин этой семьи.

В Париже в 1921 г. вышла небольшая брошюра О. Колбасиной «Воспоминания о советских тюрьмах» [5], в которой рассказывалось о 15 месяцах тюремного заключения в чекистских застенках. Кроме живого свидетельства об условиях содержания заключенных, перенесенных голоде и лишениях, иезуитски-беспощадных методах, используемых большевиками против своих политических противников и всех инакомыслящих, это еще и тонкие наблюдения о реакции людей на заключение, работе провокаторов, поведении рядовых тюремщиков и представителей большевистского начальства.

Позднее дочь Ольги Елисеевны, Ольга Викторовна, также опубликовала свои воспоминания о тех событиях [4], которые так охарактеризовал Артур Миллер: «Эта книга – своего рода отчет, какой написать могла только женщина. Автор находится в некоей точке, где волшебная палочка великих событий прикасается к человеческой плоти, обжигая, причиняя боль и оставляя шрамы. Всегда именно женщинам выпадает доля продолжать ту жизнь, которая еще остается после таких катаклизмов, и им дается возможность видеть человеческую суетность глазами генов, мельчайших частиц живой материи, тех пылинок, в которых живет Бог и отделяет ложь от правды» [2, с. 127].

С 1924 г. они живут во Франции. В эмиграции, несмотря на развод с В. Черновым, О.Е. Колбасина продолжает участвовать в жизни партии: она делегат Первого зарубежного съезда партии эсеров (1923), делегат на Женской секции объединительного Конгресса Рабочего социалистического интернационала (1923), публикуется в партийной прессе.

В 1930-е годы, после того как партия эсеров в эмиграции фактически перестала существовать, О.Е. Колбасина продолжала придерживаться социал-демократических взглядов, у нее осталось много знакомых из среды европейских социалистов, она стала членом французской социалистической партии – т.н. SFIO, Французской секции Рабочего интернационала, писала для ряда французских антифашистских газет и в годы войны участвовала в движении Сопротивления. В эмиграции она работала над боль-

шой книгой воспоминаний о революции «Новые горизонты», которую опубликовала уже на английском языке [7].

Революционные события, укрепление большевистского режима, вынужденная эмиграция описываются женщинами с помощью различных дискурсов, среди которых есть и традиционно мужские, и женские, которые показывают особенности становления типа женщин-революционерок, совмещающих традиционно женские роли с паттернами, появившимися в эпоху масштабных социальных потрясений

Список литературы

1. *Белова А.В.* Профессиональное, личное, обыденное в женской автобиографической памяти: (на примере записей тверичанки середины 1970-х гг.) // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 103–119.
2. *Миллер А.* Предисловие к английскому изданию книги О.В. Черновой-Андреевой «Холодная весна» // Звезда. 2001. № 8. С. 126–127.
3. *Пушкарёва Н.Л.* Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 214–245.
4. *Чернова-Андреева О.В.* Холодная весна. Годы изгнаний: 1917–1921. М.: АСТ, 2022. 368 с. (Серия «Чужестранцы»).
5. *Чернова-Колбасина О.Е.* Воспоминания о советских тюрьмах. Издание Парижской Группы Содействия Партии Социалистов-Революционеров, 1921. 36 с.
6. *Cavarero A.* Relating Narratives: Storytelling and Selfhood / trans. by Paul Kottman. London: Routledge, 2000. 146 p.
7. *Tchernoff O.* New Horizons. Reminiscences of the Russian Revolution. London: Hutchinson, 1936. 287 p.
8. *Trabasso T.* Whose memory is it? The Social context of remembering // Memory for Everyday and Emotional Events / ed. by N.L. Stein. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 429–445.

РАЗДЕЛ 4
ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ, ЖЕНСКИЕ ГОЛОСА, ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОГО ЭГОНАРРАТИВА В ТРАДИЦИОННОМ И СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Е.П. Пирогова
Екатеринбург, Российский государственный профессионально-педагогический университет

Женщины из семьи русского дипломата в Италии второй половины XIX в. в документах и воспоминаниях современников

Среди забытых имен в истории русской дипломатии XIX в. оказалось имя Н.А. Кокошкина, оставившего свой след на внешнеполитической арене русско-итальянских связей, и однажды оно уже было введено нами в научный оборот [4]. Дипломат был внуком уральского промышленника, владельца Сысертского горного округа А.Ф. Турчанинова, а его единственная дочь вышла замуж за своего троюродного брата, таким образом двое правнуков заводчика создали семью, в которой родились три девочки, со временем вышедшие замуж за итальянцев. Взаимоотношения членов этой необычной семьи, яркие женщины, достойные внимания и исторической памяти. нашли отражение в документах, альбомах, воспоминаниях, вещественных памятниках, сохранившихся у итальянских потомков рода, и автору статьи удалось с ними познакомиться.

С 1833 г. и вплоть до 1860 г. Николай Александрович Кокошкин находился в составе российской дипломатической миссии в разных итальянских государствах. В 1841 г., когда он пребывал в должности русского посланника в Сардинском королевстве (столица Турин), у него родилась дочь Мария. По свидетельству ее потомка, профессора Сиенского университета Маурицио Котто, история рождения девочки осталась темным пятном в семейных преданиях. Дело в том, что ее мать – француженка Andelica Adelaida de Volabreru, была тогда замужем за другим. Только после смерти первого мужа Анжелика Аделаида и Н.А. Кокошкин смогли пожениться, а затем по закону удоче-

рить рожденную вне брака Марию. Судя по воспоминаниям ее дочери, написанным в 1909 г., Мария Николаевна навсегда сохранила в себе пережитую детскую травму, помнила отсутствие «заботы и доброты» со стороны родителей и не могла им этого простить [7, л. 8]. Между тем ее мать, А.А. Валаброг, была женщиной незаурядной: «Полна талантов, пела, сочиняла, любила писать, обожала общество и была любезной, но <…> непостоянной в своих симпатиях» [7, л. 5]. Сама она была дочерью известной итальянской певицы Анджелики Каталани, колоратурный голос которой современники называли «чудом природы». О том, что дочь унаследовала таланты матери, говорят многочисленные музыкальные сочинения, сохранившиеся у современных потомков, на титульных листах которых стоит ее имя: «А.А. Кокошкина». Хранятся у потомков и выполненные ею замечательные акварели, отдельные и в альбомах, среди которых особенно ценными следует признать те, что изображают сцены жизни русского посольства в Неаполе. Дело в том, что в 1853 г. Н.А. Кокошкин был назначен посланником при Неаполитанском дворе, а с 1856 г. стал уже его чрезвычайным и полномочным министром [4, с. 5]. Именно здесь, в Неаполе, он нашел учителя русского языка для своей единственной дочери, им стал не кто иной, как И.С. Тургенев. Вот как сам писатель вспоминал об этом факте в одном из писем Е.Е. Ламберт в феврале 1860 г.: «…Я познакомился с одной молодой милой женщиной 18 лет, русской, рожденной в Италии, которая плохо знает по-русски: я предложил ей читать с ней вместе Пушкина – она так мило покраснела и так ясно поблагодарила меня…» [6, с. 38].

Мужем Марии Николаевны Кокошкиной стал, как уже было сказано, ее троюродный брат, тогда ротмистр, Алексей Алексеевич Зубов. Вскоре после свадьбы молодожены прибыли в Петербург, где привлекли всеобщее внимание светского общества. Одна из участниц костюмированного бала, проходившего в столице зимой 1859/1860 г. в доме великой княгини Елены Павловны, позднее вспоминала, как среди мелькающих «групп пьеро, арлекинов, коломбин, костюмов всякого рода <…> выделялось 12 дам, открывших бал процессией четырех времен года». Далее она пишет: «Между тремя дамами, представляющими Лето, выделялась красивая Марья Николаевна Зубова, итальянка по матери, только что вышедшая замуж, 18 лет, новая звезда на гори-

зонте Петербургского большого света, т.к. она только что прибыла с родины своей Неаполя, и Михайловский дворец имел primeur ее дебютов. Она была умна, естественна, живая, как дитя южного солнца <…> и была окружена вниманием умных мужчин», сам государь «любил беседовать с нею» [1, с. 210].

В 1878 г. А.А. Зубов вышел в отставку в чине генерал-майора с мундиром, был назначен екатеринославским вице-губернатором, а с 1881 по 1887 г. находился в должности саратовского губернатора. Современники высоко оценили его деятельность на последнем посту, где он приобрел звание почетного гражданина города. Но не осталась незамеченной и жена губернатора. Вот как об этом вспоминал гласный городской думы и непосредственный свидетель саратовской общественной жизни И.Я. Славин: «Очень хороший и добрый след оставила в Саратове супруга его (А.А. Зубова. – *Е.П.*) Марья Николаевна…», и далее он описывает годы совместной работы с ней в дирекции музыкального общества, «председательницей» которого та была, оставив «добрую память у всех, знавших ее». Автор воспоминаний приводит сведения и о прошлом супруги губернатора, объясняя причину ее «неважного» владения русским языком: «Она родилась в Италии в то время, когда ее отец состоял в каком-то русском посольстве при одном из итальянских дворов… Родилась она слабой, больной, хилой, почти умирающей, боялись, что она умрет не крещенной». Поскольку православного священника не нашли, пригласили католического, – так она стала католичкой, а так как семья жила за границей, «домашним обычным ее языком был французский, который вместе с итальянским и был родным языком М[арии] Н[иколаевны]» [5, с. 117]. В памяти чиновника остался тот факт, что М.Н. Зубова всегда была «во главе местных дам», вместе с которыми устраивала мероприятия «в пользу различных благотворительных учреждений», проводила «лотереи-аллегри», т.е. моментальные [5, с. 149].

М.Н. Зубова писала рассказы и после смерти мужа, живя во Флоренции, предпринимала попытки их опубликовать в Петербурге. Об этом свидетельствуют документы, хранящиеся в архиве редакции журнала «Русское богатство» за 1907–1909 гг. Первые два рассказа под названием «Паук» и «Вор» присланы М.Н. Зубовой с просьбой издать их под псевдонимом «тетя Маруся Хуторянка». Главный редактор журнала, писатель В.Г. Ко-

роленко, сделал тогда пометку в тетради: «Один паук съел одну муху, хотя она просила не есть ее. Один вор отдал украденные деньги. Детски наивная чушь. Автор просит поддержать ее. В жизни ее одна мечта – делиться с ближними своими впечатлениями». Дав такую невысокую оценку присланным повествованиям, редактор отметил: «Возвращено автору» [2, л. 8–8 об.]. Затем были возвращены и другие рассказы М.Н. Зубовой: «Кошмар и грезы», «Странник» (помета Короленко: «Пришел странник и рассказал разныя происшествия. Госпожа <…> записала, но вышло совсем неинтересно») и, наконец, «Грешница», о которой редактор записал: «Рассказы старой монахини, как в молодости она грешила, изменила больному мужу для другого эгоиста и как потом жила в монастыре. Длинно, тягуче, бледно. Возвращено» [3, л. 19 об. – 20]. Очевидно, что детские кошмары и обиды на родителей не давали покоя Марие Кокошкиной-Зубовой, и она пыталась излить их в своих рассказах.

Осталось упомянуть, что все три дочери супругов Зубовых родились в России, а средняя, Мария (домашние звали ее Stella) в Екатеринбурге, куда отец после крестьянской реформы 1861 г., как землевладелец, вынужден был приехать на полтора года. Именно рожденная на Урале Мария-Стелла является автором семейных воспоминаний, хранящихся в фамильном замке ее мужа, Carlo Emilio Nicolis di Robiland, представителя старинной аристократической семьи Пьемонта северной Италии. Здесь же находятся ее письма, фотографии, портреты. семейные и школьные документы.

Список литературы

1. *Нарышкина Е.А.* Мои воспоминания. СПб.: Госдарственная типография, 1906. 384 с.
2. ОР РГБ. Ф. 135 /1. К. 22. Д. 1330.
3. ОР РГБ. Ф. 135 /1. Короленко В.Г. Д. 1332.
4. *Пирогова Е.П.* Наследники и наследие уральского заводчика Турчанинова в Италии: межкультурные связи // Запад, Восток и Россия: исторический опыт межкультурного диалога: Ввопросы всеобщей истории: Сборник научных и учебно-методических трудов (Ежегодник). Вып. 19. / под ред. проф. В.Н. Земцова. Екатеринбург: УрГПУ, 2017. С. 132–139.
5. *Славин И.Я.* Минувшее – пережитое. Воспоминания. Саратов: КнигоГрад, 2013. 404 с.

6. *Тургенев И.С.* Письма: в 13 т. М.; Л.: АН СССР, 1962. Т. 4.: 1860–1862. 611 с.
7. Хроника моего времени и прошлого. Мария Стелла ди Робилант, урожденная Зубова. 1861–1875 [Флоренция. 1909 г.]. Частный архив в Италии. (Рукопись. Перевод с итал. яз. И.Д. Шилоносовой).

Е.В. Комлева
Новосибирск, Институт истории СО РАН;
Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека

Детство и юность в семье сибирского купца в отражении мемуаров А.М. Рандруп (конец XIX – начало XX в.)

Совсем недавно крохотным тиражом в 60 экземпляров увидело свет весьма любопытное издание – книга «Цветам былого нет забвенья…» [6], в которой впервые были обнародованы в оригинале (на английском и датском) и в переводе на русский язык воспоминания двух женщин, чья судьба оказалась связанной с дореволюционным Омском. Одна из мемуаристок – Александра Михайловна Рандруп (1879–1929) – воспитывалась в семье богатого тарского и кяхтинского купца М.Ф. Пяткова и состояла в родстве с такой известной купеческой династией Сибири, как проживавшие в Кяхте Немчиновы. Ее воспоминания – редкий пример автобиографического текста, созданного женщиной из среды сибирского купечества и представляющего женский взгляд на домашний уклад, внутрисемейные отношения, традиции воспитания детей в купеческих семействах Сибири на рубеже XIX–XX вв. И хотя проблематика, связанная с городской, в том числе купеческой, семьей в России пореформенного периода достаточно хорошо освещена в историографии [1; 3; 4; 5 и др.]), каждый новый источник позволяет взглянуть на одни и те же события под несколько иным ракурсом, углубляя, а иногда и существенно корректируя казалось бы прочно устоявшиеся представления.

Мемуары А.М. Рандруп, написанные в конце 1920-х годов в эмиграции и озаглавленные «Моя жизнь», охватывают период с 1840-х по 1910-е годы, начинаясь с краткого пересказа преданий о семейных корнях, сведений о биографиях ее отца и матери. Главную цель создания этого текста автор видела в том, чтобы ее заброшенные на чужбину дети и их потомки знали о своем

происхождении и о совершенно другой, казавшейся навсегда потерянной жизни. В центре повествования – личный опыт автора начиная от самых ранних сохранившихся в памяти впечатлений до первых лет супружества. Естественно, что основное внимание сосредоточено на описании семейного быта, воспитательных и образовательных практиках, собственных интересах и увлечениях.

Вспоминая свое детство, Александра Михайловна употребляет такие слова и выражения, как «счастье», «замечательное время». Память мемуаристки сохранила светлые образы родителей, бабушки (матери отца) и других близких родственников. Обладая внушительным состоянием, ее отец не жалел денег для двух своих дочерей, у которых было все, что только они могли пожелать. При этом девочек не растили в роскоши – они привыкли к комфорту, но не к излишествам.

В основе нравственного воспитания в основном, как и в более ранний период (хотя уже появлялись и исключения [2]), продолжало оставаться православие с присущей ему ориентацией на милосердие, помощь ближнему, честность. В подростковом возрасте Александра Михайловна за три года (по главе в день) прочитала весь Ветхий Завет, а многие евангельские тексты знала наизусть [6, с. 146]. Православное вероучение подкреплялось примерами щедрости, проходившими перед глазами маленькой Александры: это и ее любимая бабушка, раздававшая «деньги нищим и беднякам, которые каждый день толпились у окон дома», и родные тети по матери – десять сестер Немчиновых, воспитывавшихся «очень добрыми и щедрыми, и их первым побуждением всегда было отдавать» [6, с. 118, 132]. Впоследствии, во взрослой жизни, она всегда старалась руководствоваться привитыми в детстве христианскими взглядами. В частности, эти нравственные установки обусловили ее увлечение благотворительной деятельностью: она на свои средства организовала и содержала несколько бесплатных столовых (в Москве и Омске), открыла библиотеку для рабочих омской фабрики ее мужа, участвовала в «Противотуберкулезной лиге», в годы Первой мировой войны помогала русским воинам и их семьям [6, с. 161–169, 175–178].

Если говорить о процессе обучения, то рассматриваемый источник демонстрирует, что в купеческой среде, в том числе на территории Сибири, к концу XIX в. прочно утвердился курс на

всестороннее образование молодежи, включая девушек, с которыми работали те же учителя и по тем же программам, что и в мужских учебных заведениях. Домашнее обучение включало знакомство с точными и естественными науками, при этом особое внимание уделялось гуманитарным предметам и искусству: литературе, музыке, театру, живописи. Чтобы обеспечить детям наилучшие условия, наиболее богатые сибирские купцы старались либо вообще переехать в Москву или Санкт-Петербург, либо проводить в них по несколько месяцев в году. Если это было невозможно, поездка в столичные города рассматривалась как заключительный аккорд обучения – там молодым людям показывали «музеи, заводы и театры» [6, с. 134]. Кто мог, устраивал любимым отпрыскам заграничные турне для знакомства с культурным наследием европейских стран. После этого образование считалось законченным.

Из форм проведения досуга А.М. Рандруп упоминает прогулки, пикники, посещение театров, концертов, публичных лекций, отдых в Крыму. Важное место занимала переписка с друзьями, на которую отводилось по пять-шесть часов в день. Как нечто увлекательное описываются многодневные поездки на лошадях, речном и железнодорожном транспорте. В тексте затронута и такая тема, как общественно-политическая настроенность молодежи на рубеже XIX–XX вв., когда широкую популярность приобрели различные теории, ориентированные на достижение всеобщего равенства, поддержка же правительства считалась, напротив, крайне немодной.

В целом мемуары А.М. Рандруп, содержащие множество мелких подробностей, подчеркивают единство образа жизни, подхода к воспитанию и образованию детей, сложившееся к последней четверти XIX в. среди состоятельных слоев горожан Российской империи, отражают присущие эпохе увлечения молодежи, размах и общественное значение частной благотворительности. Но, наверное, одно из главных впечатлений, возникающих при знакомстве с данным источником, – то, насколько сложным зачастую оказывалось переплетение в сознании молодых людей рубежа XIX–XX вв. – переломного для России периода – заложенных с детства ценностных установок, приобретенных позднее идеологических воззрений, эмоциональных пере-

живаний и каким образом все это влияло на их вовлеченность в разворачивавшуюся на их глазах историческую драму.

** Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках проекта «Возникновение и развитие автобиографической традиции в русской письменной культуре конца XVI – начала XX в. в контексте изучения изменений в сознании человека эпохи Нового времени», проект № 22-78-10135, https://rscf.ru/project/22-78-10135/.*

Список литературы

1. *Абдрахманова Е.Н., Бурлуцкая Е.В.* Ребенок на рубеже столетий. Детская повседневность в Оренбурге второй половины XIX – начала XX в. Оренбург: Оренбургская книга, 2024. 496 с.
2. Агеевы / редкол. С.М. Мушкалов, О.А. Ренёва. Пермь: Издатель Богатырёв П.Г., 2020. 420 с.
3. *Бокова В.М.* Честное слово дороже денег. Как воспитывались купеческие дети. М.: Ломоносовъ, 2013. 274, [3] с.
4. *Веременко В.А., Жукова А.Е.* Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. 232 с.
5. *Гончаров Ю.М.* Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2004. 130, [2] с.
6. «Цветам былого нет забвенья…»: воспоминания А.М. Рандруп и А.М. Розенплэнтер / авт., вступ. ст., биогр. А.Г. Киселев, П. Нильсен; сост. А.Г. Киселев, И.И. Крот, П. Нильсен. Омск: Издательство ОмГПУ, 2023. 282 с.

Е.А. Крестьянников
Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Забытое имя в женской истории: лидер российских женщин-юристов Анна Ивановна Бахтерева (1910–1916)

Героиня доклада, незнакомая современной историографии, заслуживает известности. А.И. Бахтерева занимала важнейшее место среди россиянок, первыми получивших высшее юридическое образование и пытавшихся отвоевать право наравне с мужчинами участвовать в отправлении правосудия. Также она отметилась присутствием в феминистских организациях и мероприя-

тиях, может, и не играя там ведущих ролей, но тем не менее являясь заметной активисткой.

Проследить биографию женщины удается лишь в интервале нескольких лет, когда она оканчивала вузы и занимала лидерские позиции в сообществе юристок. Исторические источники позволяют установить, что А.И. Бахтерева выпустилась с Санкт-Петербургских (Бестужевских) высших женских курсов по юридическому факультету (отделению) в 1910 г., а в следующем году подала прошение о допуске к государственным экзаменам на имя председателя Юридической испытательной комиссии при Санкт-Петербургском университете.

Тем временем 19 декабря 1911 г. был принят закон, разрешавший подданным женского пола выпускные экзамены при университетах, и этим правом сразу начали пользоваться россиянки. Анна Ивановна окончила столичный университет с защитой дипломного сочинения «Опасный преступник и меры борьбы с ним», которое сохранилось в архиве. 42 страницы печатного текста посвящались актуальным вопросам криминологии и уголовного права, демонстрировались хорошее знание юридической литературы и кругозор. В частности, давалась оценка характеристикам злоумышленников с точки зрения популярной тогда антропологической школы. Однако первые выпускницы юридических факультетов быстро поняли, что наличие диплома не гарантирует трудоустройства: для работы женщин юстиция была закрыта. Предстояла борьба, необходимость которой поначалу сближала их с феминистскими движением и организациями. 25 сентября 1911 г. в столице при Российской лиге равноправия женщин (РЛРЖ) образовался юридический отдел. Членство в нем разрешалось исключительно выпускницам юридических факультетов отечественных и зарубежных университетов. Отделом руководило бюро из пяти женщин. Первоначально это были А.И. Бахтерева, С.Е. Рынкевич, А.В. Лучинская, Т.Н. Доктор и Т.Л. Якобсон. Вероятно, юристки испытывали дискомфорт под крылом крупной организации, скоро задумавшись о выходе из лиги, чему поспособствовали определенные разногласия, упоминавшиеся в отчете РЛРЖ за 1912 г. Камнем преткновения стало одно из положений инструкции, регламентировавшей деятельность юридического отдела. В совет лиги направлялось заявление о несогласии, но оно осталось без

ответа. На общем собрании отдела 27 апреля указанного года началось обсуждение идеи самостоятельного учреждения.

Наверняка стремление к автономии диктовалось приоритетом специфических и отдельных от остального феминистского движения задач, решение которых заставляло искать союзников преимущественно в правоведах противоположного пола. Главной же задачей юристок было добиться для женщин права на трудоустройство в юстиции, прежде всего в адвокатуре, а также завоевать для россиянок право заседать в коллегиях суда присяжных. Для этого выпускницы вузов по профилю правоведения создали собственную организацию, и, по воспоминаниям С.М. Хлытчиевой – тоже одной из первых юристок, именно «благодаря энергичной и неутомимой работе» А.И. Бахтеревой в 1913 г. возникло Общество санкт-петербургских женщин-юристов.

Хотя уставом организации не предусматривалась должность руководителя, но современники считали, что фактически с самого начала это место занимала Анна Ивановна, заслужившая авторитет в женском движении еще до формирования автономного союза юристок. В прессе ее упоминали, к примеру, в связи с выступлением 13 марта 1911 г. на собрании отдела избирательных прав Русского женского общества, где будущий лидер ассоциации сделала доклад о личных правах лиц женского пола в гражданском законодательстве, в котором удалось, по словам хроникера, «ярко нарисовать бесправное положение замужних женщин не только в России, но и в других странах».

8 ноября 1912 г. в столичном Соляном городке на Фонтанке при значительном стечении публики состоялся суфражистский по характеру митинг, инициированный петербургским клубом Женской прогрессивной партии. В компании выдающихся феминисток эпохи М.И. Покровской, А.В. Тырковой, А.Н. Шабановой с речью выступила А.И. Бахтерева, рассказывавшая об импульсах женского движения и убеждавшая слушателей, что россиянки «будут бороться до тех пор, пока не сделаются равноправными». Докладчица указала на острый вопрос, намерение разрешить который во многом определяло деятельность союза юристок: о допуске женщин в адвокатуру.

На инициированном названным клубом в Александровском зале Санкт-Петербургской городской думы митинге 21 марта 1913 г. Анна Ивановна снова напомнила аудитории о необходимости

разрешить россиянкам адвокатскую работу. Эффект от поднятой проблемы усиливался тем, что на собрании выступала Е.А. Флейшиц, уже ставшая к тому времени знаменитой как первый помощник присяжного поверенного женского пола, допущенный однажды на судебное заседание в качестве защитника подсудимых.

Лидерские качества А.И. Бахтеревой проявились в организации анкетирований, проведенных среди россиянок с юридическим образованием с целью выяснить их положение. Не приходится сомневаться, что работа проводилась со знанием дела, поскольку такому роду занятий юристки имели возможность научиться еще в вузе. Например, на юридическом факультете Бестужевских курсов желающим предлагалось пройти подготовку по статистике, при нем же действовал наряду с юридическим статистический кабинет. В 1914 г. анкетные листы рассылались в разные города страны, и ответы были получены примерно на 60% из них. Похоже, объем работ оказался такой величины и трудности, что обобщение сведений затянулось. Доклад Анны Ивановны о результатах состоялся лишь на собрании общества юристок 24 февраля 1916 г. Докладчица рассказала о причинах, вызвавших проведение кампании, о возмездной, безвозмездной и научной деятельности юристок, а также о сложившемся у населения отношении к женщинам на юридическом поприще. Позже материалы анкетирования опубликовал «Женский вестник».

Проведенное в военном 1916 г. второе анкетирование осуществлялось с корректировкой задач. Подстраиваясь под потребности решения вопроса о женщинах в адвокатской профессии и понимая, что из-за нараставшего дефицита мужчин-поверенных увеличивался спрос на соответствующий труд юристок, теперь А.И. Бахтерева и соратницы хотели увидеть цифры, подтверждавшие необходимость разрешения женской адвокатуры. Собранные сведения вполне удовлетворили их ожидания. По сравнению с первым анкетированием возросла доля трудоустроенных юристок, они чаще находили работу по специальности и их охотнее нанимали на места, требовавшие более высокой квалификации, о чем можно было прочитать на страницах «Женского вестника» в материале, снова подготовленном лидером юристок.

Н.Л. Пушкарёва
Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
И.М. Пушкарёва
Москва, Институт российской истории РАН

Память и забвение: подвиг русской казачки в 1910–1911 гг.

Исследователям «женской истории» представляются особо значимыми акторами прошлого те из женщин, кто не просто был в чем-то первым, но кто первым совершил прорыв в мужскую область знания и действия. В мировой истории путешествий должно сиять имя россиянки, в одиночку одолевшей 12 тысяч верст пути с Дальнего Востока до столицы Российской империи. Это имя *Александры Георгиевны* (по иным данным – Герасимовны) *Кудашевой* (1873–1921), которое ныне совершенно забыто.

***

Уроженка пос. Благословленного Оренбургской станицы, Александра была дочкой казака, чья фамилия неизвестна. Казак этот был участником Хивинского похода 1873 г. Там, в Хивинском походе, он и сложил голову, так что девочка воспитывалась попечителем и войсковой средой. Год ее выхода замуж за войскового старшину 6-го Уральского казачьего полка по фамилии Кудашев также неизвестен. После войны супруги оказались в Харбине, там же в 1909 г. Александра овдовела и неожиданно для сослуживцев мужа обратилась к войсковому начальству с просьбой разрешить ей… не больше и не меньше, как одиночный конный переход из Харбина в столицу.

«*Хочу доказать выносливость и смелость, которую может выказать русская женщина, в частности – доказать опытность казачки в отношении ухода за лошадью и способности сделать пробег совершенно самостоятельно*», – писала она в прошении и получила согласие.

Поход начался 2 мая 1910 г. План достижения цели предполагал начало пути рядом с Большим Московско-Сибирским трактом. Способ передвижения Кудашева выбрала, как уже было сказано, конный, найдя необъезженного жеребца, которого она назвала Монголиком. Вместе со всадницей в путь отправился 8-месячный сенбернар по кличке Фараб.

От Харбина путь всадницы лежал на северо-запад в направлении Читы. В мае – июне 1910 г. Александра уже была в Манчжурии, где в то время начался период дождей, пришлось ехать «*по затопленным разлившимися реками местам, тайгой, бродяжьими тропами.* Экипированная по-мужски, в удобных штанах, казачьем суконном чекмене, в большой казачьей папахе, весь день проводившая в седле и имевшая из вооружения охотничий кинжал, шашку, ногайку через плечо и револьвер, Кудашева весь необходимый дорожный багаж уместила в двух вьюках.

Сенбернар Фараб в выносливости оказался хуже своей владелицы и ее коня; пришлось оставить его в Чите. Всадница же перевалила через Яблоновый хребет и оттуда двинулась к Верхнеудинску, где пришлось ехать по совершенно безлюдной местности. Ей удалось не заблудиться и уже в начале июля (по-видимому, объехав Байкал с юга) прибыть в Иркутск.

Два месяца путешествия требовали передышки, ее Кудашева сделала в Красноярске. «*Почтенная туристк*а, – как именовал ее местный корреспондент, – *завела себе тут рекламера, рассылающего в редакции условия помещения известий», «за помещение снимков – 5 рублей, за печатную строчку – 3 коп.*».

От Красноярска до Омска она двигалась около месяца. Офицерам и рядовым казакам велено было ее достойно в Омске встречать. В течение последующих полутора месяцев ей удалось преодолеть следующие полторы тысячи верст (800 км) и 6 января 1911 г. прибыть в Челябинск.

«*Рысью я проезжаю 18 верст в час, тропою 8 верст*», – отчитывалась позже она, жалуясь в то же время, что в «*Тобольской губ. старообрядцы»* ее «*приялли за антихриста*», и она еле унесла оттуда ноги.

Новым рубежом Александры Кудашевой после Челябинска было родное Оренбуржье. Однако «в *селе Картамыш крестьяне откуда-то взяли, что лошадь говорит со мной по-немецки*, – записала она в дневнике. – *Любопытные приехали и настойчиво предлагали мне поговорить с нею за какую угодно цену!*»

Стараясь уберечь коня от перегрузок, казачка в декабре на полторы недели застряла в Кургане. Там местные заметили, что конь «*настолько объезжен и обучен г-жой Кудашевой, что превосходно понимает приказания своей владелицы и так приучен, что никого, кроме ее, до себя не допускает*». В Миасс из Кунд-

равинской станицы 25 верст женщина прошла пешком из-за растяжения связок на ноге Монголика. Казачка была готова «*вести Монголика в поводу все время, пока не пройдет болезнь его*». Спасала она коня примочками из сырой глины и горячими травяными компрессами.

В конце января 1911 г. А. Кудашева уже «*перевалила за Урал*», сделав остановку в Саткинске, где переждала 42-градусные морозы. «*Ни на шаг не отходила сибирячка-наездница от своего скакуна, каждый день его кормила, чистила и даже мыла, на ночевках ложилась рядом с ним, деля все трудности тяжелой дороги*». В деревнях Кудашева просила для себя только хлеб и чай, но готова была все отдать за фураж и сено для Монголика. К марту 1911 г. всадница была в Казани, в апреле – в Нижнем Новгороде. В каждом из городов давался для нее обед на губернаторском уровне.

Достигнув Москвы в июне 1911 г. и будучи принятой в старой столице офицерами 1-го Донского казачьего полка, она заметила, что на нее смотрели не без изумления. «*Высокая, сухая женщина, с короткими стриженными волосами, 36-ти лет, одетая в казацкий бешметик и плисовые шаровары*», настаивала, что «*цель ее поездки – доказать выносливость русской женщины вообще и казачки в частности*». Так это и записал корреспондент «Русского слова».

Дав отдых Монголику и себе, через 10 дней А.Г. Кудашева покинула Москву, направившись по Петербургскому шоссе на Тверь и Вышний Волочек. В первых числах августа 1911 г. она была в С.-Петербурге, была приглашена на царскую дачу в Петергофе. Там на вопрос царя о цели путешествия она ответила: «*Я пыталась доказать Государю Императору верность ему не только казаков, но и казачек, которые всегда готовы вступить в ряды войска на защиту Родины*». Тут же «*г-жа Кудашева имела счастье подвести наследнику цесаревичу свою лошадь Монголик, совершившую трудное путешествие из Харбина в Петербург*» и подарить ее цесаревичу. В ответ от императора «*спортсменка Кудашева*», как ее характеризовали газеты, тоже получила подарок – бриллиантовую брошь в виде короны с часами. Взамен Монголика император подарил Кудашевой четырехлетнего арабского скакуна по имени Крит. Он уже прошел около 2000 верст по Корее, но задачей, поставленной перед от-

важной путешественницей, было дальнейшее «испытание выносливости русской кавалерийской лошади».

К исполнению «*угодного царю опыта*» А.Г. Кудашева приступила тут же, получив в подарок еще и «седло казачьей формы», стремена, подпругу и шлем. За два года, выехав в 1911 г. «из Петербурга через Сибирь в Корею, Китай, Монголию», Кудашева достигла знакомых ей дальневосточных рубежей. В середине 1913 г., выехав на этот раз из еще более дальнего от столицы города – Владивостока – она оказалась на севере Монголии. Первой целью ее путешествия было Семипалатное, где ее встречал губернатор А.Н. Троицкий – сохранилось фото, где он приветствует всадницу.

В феврале же 1914 г. она уже была в крепости Верный. В нем – как в каждом крупном городе, где встречали всадницу – был устроен прием на генерал-губернаторском уровне. В городах помельче в ее честь тоже давали обеды и приглашали ее на военные собрания. «*Грандиозное путешествие пока проходит благополучно*, – сообщала газета “Искра” в статье “Женщина-путешественница” от февраля 1914 г., – *Кудашева и ее лошадь совершенно здоровы. А.Г. почти никогда не расстается с Критом, спит в том же помещении, где он стоит, кормит его и кует сама».* С учетом того, что работа коваля (кузнеца для лошадей) всегда требовала большого мастерства и ювелирной точности, это умение Кудашева, очевидно, выработала еще на первом своем маршруте.

На окраине Верного у Алферовской рощи А.Г. Кудашеву встретили представители местной администрации и местного скакового общества, созданного в 1913 г. [1]. Там она выступила в Военном собрании, рассуждала о приспособленности разных пород лошадей к сложным природным условиям. Следом за Верным казачка добралась в апреле 1914 г. до Ташкента, где для ее встречи «*от 5-го Оренбургского казачьего полка назначена была вся учебная команда, во главе с ее начальником подъесаулом Чуваковым и оркестром полковой музыки*».

А вот где ей пришлось побывать далее, у каких рубежей застала А.Г. Кудашеву начавшаяся в августе 1914 г. Первая мировая война, неясно. Но о том, что на ее фронтах сражается «*спортсменка из Оренбурга Александра Кудашова, явившаяся на передовую на своем любимом жеребце Крите*» [4], стало известно в ок-

тябре 1914 г. О «казачке Кудашевой», сражающейся на собственном жеребце, писала французская пресса [8]. Служила она в разведывательных соединениях генерала от кавалерии П.К. Ренненкамфа, где ее храбость, опыт ухода за лошадью и способность быстро осваивать иностранные языки нашли адекватное применение [3]. В английской историографии она называлась «женщина-боец»; информация о ней была опубликована в 1915 г. как о командующей Шестым Уральским казачьим полком; она была дважды ранена в боях в Восточной Пруссии и награждена Георгиевским крестом за храбрость [2]. Можно ли доверять информации из той же газетной заметки, что она получила звание лейтенанта, а затем даже полковника, неясно [7, с. 238–239].

Очевидно, что А.Г. Кудашева была фигурой в российской женской истории незаурядной. Имя ее незаслуженно забыто. Объяснение тому – в последнем периоде ее жизни. Мы не знаем, где застали ее – офицера царской армии – революционные потрясения, но новозеландская газета Hawera & Normanby Star от 24.09.1917 сообщала, что А. Кудашева была верна присяге, а потому сражалась в составе ударного женского Батальона смерти [5, с. 2]. Как разворачивались далее события в биографии А.Г. Кудашевой, остается только гадать. Женские ударные формирования были расформированы 30 ноября 1917 г. Многие добровольцы оставались в своих частях до января 1918 г. В воспоминаниях жителя с. Пресногорьковки (между Курганом и Петропавловском) удивительная женщина побывала в их краях «*в конце 1917 года*». «*Конечной целью ее поездки была эвакуация в Омск, а дальше – в Китай*», записал очевидец.

По словам автора (которому было тогда 13 лет), она прожила в том далеком селе около года, «*говорила на многих языках, свободно по-казахски*», «*лечила гипнозом и лекарствами из трав*», а далее уехала в Курган на Смолинский конный завод и там заведовала городской ветеринарной амбулаторией. Бывшему офицеру царской армии не суждено было уберечься. Александра Кудашева, проживавшая в Кокчетаве Акмолинской обл. (недалеко от Кургана) была арестована 08.03.1921 ЧК Акмолинской губернии и приговорена тройкой ВЧК по Сибири к высшей мере наказания. «Реабилитирована 2 августа 1999 г.» по распоряжению Департамента Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по г. Алматы.

***

Такое завершение жизненного пути выдающейся россиянки, совершившей – и не однажды! – длительный одиночный конный поход в тысячи верст, печалит, но не удивляет. Она разделила судьбы многих из тех, кто был верен присяге. И задачей современного исследователя становится обнаружение забытых имен, возвращение их из небытия.

Вся судьба А.Г. Кудашевой – вызов устойчивому представлению о том, что путешественниками-первооткрывателями в отечественной истории были одни мужчины. Она – вторая после Н.А. Дуровой «кавалерист-девица», для которой женское предназначение было второстепенным в сравнении с желанием испытать себя на прочность, посоперничав с сильным полом.

** Исследование ведется при поддержке РНФ, грант № 24-18-00212.*

Список литературы

1. Вестник русской конницы. 1912. № 17–18. С. 716.
2. *Кудашева А.* Мое путешествие верхом. Набросок для «Синего журнала» // Синий журнал. 1911. № 33. С. 15–16.
3. A Female fighter // Trove. Burra Record. 1915 (SA : 1878–1954). URL: https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/39037958 (дата обращения: 28.06.2024).
4. *Abensour L.* Les Femmes Slaves à la Guerre // Les Vaillantes. Paris: Marc Imhaus et René Chapelot, 1917. P. 271–303). URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Les_Vaillantes/III/3 (дата обращения: 28.06.2024).
5. Battalions of death. Women in the Army // Hawera & Normanby Star. 1917, 24 September. Vol. LXXIV.. P. 2.
6. *di Leonardo M.* (ed.). Gender at the Crossroads of Knowledge: Feminist Anthropology in the Postmodern Era. Los Angeles: University of California Press, 1991. 423 p.
7. *Miller F.T.* True Stories of The Great War. Tales of Adventure: in 6 vol. Vol. 2. Tales of Adventure; Heroic Deeds; Exploits Told by the Soldiers, Officers, Nurses, Diplomats, Eye Witnesses. New York: Review of Review's Company, 1917. 376 p.
8. Une heroine Russe, M-me Koudacheff, la femme cossaque // Le Petit Journal. Couverture du Petit Journal du 15.11.1914.

И.А. Комиссарова
Иваново, Ивановский государственный университет

«Это мой путь». По материалам архивного фонда Комаровой Анны Ивановны: фотопортрет и воспоминания

Интересной судьба бывает не только у людей, но и у архивных фондов. Содержание фондов может удивить даже опытных исследователей. В этом нам посчастливилось убедиться во время практики студентов в Государственном архиве Ивановской области. Для знакомства в руки студентов передали только что обработанный, очень небольшой фонд «Комарова Анна Ивановна (1892–1970) – врач, участница Гражданской войны, депутат Иваново-Вознесенского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» [1]. Как объяснила начальник отдела специальных фондов и современной документации Государственного архива Ивановской области Елена Вячеславовна Болтунова, очень долго эти материалы не обрабатывали, т.к. не знали, к какому действующему фонду их присоединить и как в принципе сформировать дела – уж очень необычным по составу материалов и в целом небольшим по объему был этот набор. История поступления не была зафиксирована. Предположительно, материалы были переданы в архив самим фондообразователем в конце 1960-х годов. Почему не обработали материалы сразу, неизвестно. Решение о создании самостоятельного личного фонда А.И. Комаровой было принято только в 2023 г. Всего в фонде 11 дел, в описи они разделены на четыре раздела: документы к биографии, о служебной деятельности, об отце и изобразительные документы. Четвертый раздел – 20 фотографий и одна почтовая открытка. Есть среди материалов воспоминания А.И. Комаровой, документы об образовании, партийные документы и материалы о служебной деятельности, а также один документ от отца героини Ивана Георгиевича Комарова. Все вместе семь единиц хранения с общим количеством 46 листов, т.е. фотографии составляют почти половину всего фонда. Сотрудники архива предполагают, что все документы были переданы самой Анной Ивановной. Мы предполагаем, что они были не только переданы, но и предварительно отобраны из личного архива и подготовлены к передаче. В своих предположениях мы отталкиваемся от воспоминаний, которые написала Анна Ивановна в школьной тетради на 12 листах, постскриптум на обложке. Очень похо-

же, что написаны воспоминания за один день 7 мая 1966 г., практически без исправлений, т.е. Анна Ивановна все обдумала и знала, что будет писать, когда открыла чистую тетрадь. Фотографии и документы подобраны под содержание воспоминаний. Практически все фотографии, за исключением одной, атрибутированы тем же почерком и ручкой, которой написаны и воспоминания.

При таком отборе материалов Анна Ивановна очень мало рассказала о себе, о своей жизни, родителях. Скорее всего, семьи у Анны Ивановны не было. Она работала и была членом партии, абсолютно ей преданной. Начинает свои воспоминания Анна Ивановна не с рождения и не с семьи, а с создания Первого Совета рабочих депутатов… Собственно, ее воспоминания скорее не о себе, а о советской власти: «Рабочий класс получил широкое поле деятельности, особенно вышли на широкую дорогу женщины» [1, д. 3, л. 2 об.]. Заканчивает свои воспоминания Анна Ивановна не выходом на пенсию, например, а 1930 г., когда она окончила медицинский факультет Московского государственного университета. И только в последнем предложении упоминает, что в годы войны работала в госпитале, а в после ее окончания в больнице терапевтом. Эти воспоминания даже личными назвать сложно, в них много партии, Ленина, советской власти и нет женщины, человека. Они не эмоциональны, нет мелочей, и даже повседневные моменты, например о жизни рабфаковцев, скорее похожи на отчет, а не на воспоминания о пережитом. Контекст этих воспоминаний – всё было хорошо, все были внимательны и добры и всё для рабочих и крестьян. При этом нельзя сказать, что биография Анны Ивановны не заслуживает рассказа. Чуть больше подробностей мы узнаем из других документов, в том числе партийных, они подтверждают и дополняют то, что написано самой А.И. Комаровой.

Первая дата, которая упоминается в тетрадке с воспоминаниями, – 2 апреля 1917 г. – дата вступления Анны Ивановны в РСДРП. Нет детских, юношеских лет, нет упоминаний о родителях, событиях до апреля 1917 г., кроме, полученного в сельской школе образования – трех классов. Это образование наша героиня иронично называет «ученым багажом» [1, д. 3, л. 4]. Заключительная дата – 7 мая 1966 г., именно она стоит на последней странице тетради [1, д. 3, л. 13]. Данные воспоминания назвать биографией сложно, Анна Ивановна очень мало пишет о

себе, не пишет о семье, о друзьях, коллегах, только об учителях и преподавателях. В тетради упоминаются годы учебы на рабфаке, в медицинском университете и о партийной работе.

Итак, Анна Ивановна родилась 8 (20) декабря 1892 г. в д. Михеево Суздальского уезда Владимирской губернии (ныне – Тейковский р-н Ивановской обл.) в семье крестьян. В личной карточке Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. указано, что и дед и отец были землепашцами и владели четырьмя десятинами земли, а мать занималась домашним хозяйством. Анна окончила одноклассное низшее начальное училище в 1905 г. с похвальным листом за успехи в учебе и поведении [1, д. 1, л. 1]. Далее указано, что с 16 лет жила своим трудом, работала на фабрике ткачихой. По всей видимости, в этот период она приобщилась к рабочему движению. В листке переписи членов РКП(б) указано участие в стачках, уличных демонстрациях, восстании и конференции [1, д. 2, л. 5]. Указано, что с 20 лет Анна Ивановна была атеисткой, в апреле 1917 г. вступила в ряды РСДРП и выполняла партийные поручения от фабрики. Была депутатом первого состава Шуйского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. С января по май 1918 г. участвовала в Гражданской войне в составе 3-го Московского революционного отряда Красной гвардии под псевдонимом Митька. В октябре по состоянию здоровья вернулась на родину и поступила на работу в инфекционную больницу г. Шуи, позднее прошла курсы медсестер и с декабря 1919 г. по сентябрь 1921 г. повторно отправилась на Гражданскую войну уже в качестве медсестры, службу проходила в Крыму на Южном фронте против П.Н. Врангеля. Оказалась в плену и была приговорена к казни, но бежала, в ноябре демобилизована и опять вернулась в Шую. Оттуда рекомендована на обучение на рабочий факультет Иваново-Вознесенского политехнического института им. М.В. Фрунзе в 1925 г. его окончила, имея в итоге «удовлетворительно» по истории и зачтено по другим предметам. Получила рекомендацию в Московский государственный университет на медицинский факультет, окончила его в 1930 г., получила квалификацию врача и работала в больницах г. Шуи и г. Иванова. В разные годы была депутатом Шуйского и Иваново-Вознесенского городских комитетов ВКП(б). Умерла Анна Ивановна 1 ноября 1970 г. Собственно, это всё из биографии нашей героини, обычной и необычной судьбы советской

женщины, преданной делу партии и профессии, которую сама выбрала. Но это часть биографии, которая рассказана словами, а в фонде есть и другая, рассказанная через фотографии.

В архив Анна Ивановна передала восемь личных фотографий. Первая относится к 1911 г., Анне – 19 лет. Последняя – 2 апреля 1966 г. На последней Анне Ивановне 74 года, она изображена в полный рост на ковре с сумочкой в руках и с тремя наградами: орден «Знак Почета», орден «Красного Знамени» и медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Очень похоже, что эту фотографию Анна Ивановна создала, чтобы, так сказать, завершить свою биографию, т.е. чтобы и фоторассказ был полным и заканчивался 1966 г. так же, как и воспоминания. На первой фотографии перед нами барышня в юбке в пол, с прической, с бантом в волосах и с сережками в ушах. Дальше женщина пропадает – на фотографиях «Митька» в мужской военной форме, в сапогах с пистолетом за поясом. Именно этот образ и стал основным на всю оставшуюся жизнь. С военной формой Анна Ивановна не расставалась, волосы отрастила, но строго собирала в пучок, бижутерии не видно. Все пуговицы застегнуты. Ни на одной фотографии (даже на групповых) Анна Ивановна не улыбается, даже намека на улыбку нет. Губы сжаты, и выражение лица скорее суровое, чем просто сосредоточенное. Человек явно организованный, требовательный, строгий. И счастливой назвать ее сложно. Но, судя по воспоминаниям, Анна Ивановна на жизнь не жаловалась, восхищалась тем, чего смогла добиться, и благодарила за это не судьбу, а партию. В числе восьми переданных Анной Ивановной фотопортретов есть снимки, сделанные в 1930-е, 1950-е и в 1960-е годы. Все они, выложенные в ряд по хронологии, одновременно рассказывают и иллюстрируют жизнь человека, судьбу женщины, врача, члена партии.

Анна Ивановна рассказала свою историю двумя способами: словами и тщательно отобранными фотографиями. На наш взгляд, это и голос, и взгляд на собственную женскую судьбу и биографию советского человека. А еще – особый шанс узнать, увидеть и попытаться понять советского человека.

Список литературы

1. Государственный архив Ивановской области. Ф. Р-3105. Оп. 1.

Е.П. Баринова
Самара, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева

Наследие дворянской культуры в повседневности советской горожанки 1920-х годов

Проблемы, связанные с приспособлением бывших дворян к условиям жизни в первые годы советской власти, до сих пор недостаточно изучены. Актуальным является вопрос о способах выживания в условиях отсутствия средств к существованию дворянских вдов. Отметим, что правом на социальное обеспечение обладали по декрету Совета народных комиссаров от 8 декабря 1921 г. «лица, работавшие по найму и потерявшие трудоспособность вследствие: увечья, профессионального заболевания или иных причин (старческая дряхлость и пр.), но в последнем случае проработавшие по найму в различных предприятиях и учреждениях не менее 8-ми лет» [1]. Этим законодательным актом и не преминула воспользоваться Мария Рудольфовна Фере (1860–?), вдова статского советника, проживавшая по адресу: Петроград, ул. Кавалергардская, д. 12, кв. 80, которая в 1922 г. обратилась с заявлением в народный суд 2-го отделения Смольного района Петрограда о признании за ней как принадлежащей к «классу трудящихся» права на получение пенсии из отдела социального обеспечения. В заявлении было указано, что в период с 1913 по 1922 г. она занималась педагогической деятельностью, давая уроки французского и немецкого языков. В качестве доказательства своей трудовой деятельности М.Р. Фере предоставила свидетельства двух граждан, проживавших в этом же доме [2, л. 5].

28 октября 1922 г. народный суд рассмотрел ее заявление и принял решение признать М.Р. Фере «принадлежащей к классу трудящихся и имеющей право на получение пенсии». Но случилось непредвиденное. В тот же день секретарь этого отделения суда гражданка Скрипицына заявила о том, что М.Р. Фере – «...бывшая фрейлина какой-то графини, имеет собственную квартиру, прислугу и таким образом не является членом класса трудящихся» [2, л. 8]. В этой связи по вновь вскрывшимся обстоятельствам состоялось еще одно судебное заседание, и тот же народный суд без всяких проверок принял за истину свидетельство предста-

вительницы рабочего класса Скрипицыной и постановил: «Решение суда от 28 октября 1922 г. считать недействительным и в срочном порядке сообщить зав. Петрогубсобеза об исключении указанной гражданки из числа получающих пенсию» [2, л. 9].

Попробуем разобраться в этой судебной коллизии и проследить судьбу бывшей дворянки, вынужденной искать средства к существованию. Кто же был прав: секретарь Скрипицына или вдова М.Р. Фере? Каковы причины этого конфликта? Что стоит за этим делом? Классовая ненависть? Обиды? Личная неприязнь? Или, может, Скрипицына и была ранее служанкой М.Р. Фере? К сожалению, на эти вопросы мы ответить не сможем. Однако можно оценить правдивость их показаний суду. Так кто же из них лукавил? Правду ли показали гражданка Скрипицына и М.Р. Фере?

Выясним, как Мария Рудольфовна пыталась вписаться в новое общество. Отметим, что как в первоначальном, так и в поданном после отказа суда на имя губернского прокурора при гражданском и уголовном кассационном отделении губернского суда заявлениях нигде не указывается, что она принадлежит к дворянскому сословию. Она сообщает, что до 1914 г. она была замужем за секретарем городского по делам присутствия, а в 1892 г. ее муж был членом суда. В заявлении на имя прокурора она вновь просит назначить ей пенсию в соответствии с советским законодательством, т.к. «показаниями свидетелей» она доказала свой непрерывный восьмилетний стаж. Далее она указывала, что в настоящее время является вдовой, ей 62 года, безработная, «живет при внуке» и не имеет средств к существованию [2, л. 21].

Конечно, Мария Рудольфовна не сообщает всех сведений о своем покойном муже, вернее, пытается представить его как рядового чиновника в выгодном для себя свете. Ведь иначе ее принадлежность к «бывшим» была бы очевидной, а потому поданное прошение даже не рассматривали бы. Между тем ее муж Николай Юльевич Фере принадлежал к достаточно знатной дворянской фамилии. Его отец, поручик Юлий Егорович Фере (1824–1905), немец лютеранского вероисповедания в 1851 г. женился на дочери генерал-майора Юлии Александровне Базилевич, православного вероисповедания. В семье военнослужащего, дослужившегося до лейб-гвардии полковника, ставшего почетным мировым судьей Крапивенского уезда Тульской губер-

нии, родилось пять детей, в том числе Василий (1864–1935?), тургайский, затем смоленский вице-губернатор, Владимир (юрист, служил в Пермской губернии), и Николай.

Николай Фере (26.08.1866–24.06.1915) окончил курс гимназии Я. Гуревича, затем в 1887 г. юридический факультет Петроградского императорского университета. Он был чиновником особых поручений при эстляндском губернаторе, в 1894 г. составил указатель законов для Прибалтийских губерний за период с 1885 по 1894 г. В 1896–1911 гг. он выполнял обязанности секретаря при эстляндском губернском по городским делам присутствии, осуществлявшим контроль за земским и городским самоуправлением. Присутствие представляло собой межведомственную комиссию, состоящую из губернатора, губернского предводителя дворянства, вице-губернатора, управляющего казенной палатой, прокурора окружного суда, председателя губернской земской управы, непременного члена, городского головы губернского города, представителя губернского земского собрания, представителя городской думы губернского города. Его основной задачей было обсуждение правильности и законности постановлений земских и городских учреждений. Делопроизводство было достаточно большим, поэтому должность секретаря присутствия была важной, он считался одним из ближайших помощников губернатора. Карьера Николая Юльевича была успешной, о чем свидетельствует присвоение ему чинов гражданского ведомства: в 1905 г. он коллежский ассессор, в 1908 г. – надворный советник, в 1911 г. – коллежский советник. Уволен в отставку по собственному желанию в должности статского советника в 1912 г., после чего семья переехала в в Санкт-Петербург. Не удалось установить причину этого переезда. Возможно, Н.Ю. Фере болел и вынужден был уйти со службы, либо в уходе нуждалась его престарелая мать. Но в 1912–1915 гг., вплоть до своей смерти, Н.Ю. Фере не служил, семья проживала по ул. Кавалергардской, д. 12, и, по-видимому, сильно не нуждалась. Тем не менее, согласно поданному заявлению, в 1913 г. М.Р. Фере начинает преподавать: дает уроки французского и немецкого языка. Вряд ли она сдавала комнаты в наем, как утверждала Скрипицына, в квартире она продолжила жить и после смерти мужа, а после революции, скорее всего, подверглась уплотнению. Детей в семье не было, поэтому вызывает удивление заявление М.Р. Фере о

том, что «она живет при внуке». Возможно, это был двоюродный племянник – Алексей Васильевич Фере, который в 1921 г. только что переехал вместе с матерью из Смоленска, подрабатывал пианистом в трех различных учреждениях, поступил учиться в консерваторию, либо другой дальний родственник.

Губернский прокурор Н.И. Каблуков провел по существу дела формальное расследование. Вернее, им, несмотря на абсурдность доводов Скрипицыной о наличии в 1922 г. у безработной дворянки прислуги, ее заявление не подверглось никакой проверке. Он безоговорочно поддержал несоответствующие действительности доводы Скрипицыной об извлечении нетрудовых доходов и отказал Марии Рудольфовне в удовлетворении ее заявления как «ранее принадлежавшей к имущественному классу» [2, л. 23].

Итак, попытки М.Р. Фере подкорректировать свое прошлое с тем, чтобы попытаться вписаться в новое советское общество и получить средства к существованию, не увенчались успехом. Ее дальнейшая судьба нам неизвестна, но скорее всего, она трагична, как и у большинства представителей дворянского сословия.

Список литературы

1. Декрет СНК РСФСР от 08.12.1921 «О социальном обеспечении инвалидов». URL: https://e-ecolog.ru/docs/54hOb1MnOAPSv1KzUpsJH (дата обращения: 28.06.2024).
2. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-809. Оп. 11. Д. 15.

М.В. Кротова
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Реконструкция жизненной стратегии женщины через эпистолярное наследие 1920-х годов

Эпистолярное наследие имеет огромный исследовательский потенциал, т.к. именно письма отражают субъективное восприятие окружающего мира и могут рассматриваться как нарративные источники. Уникальный стиль изложения, личное отношение к событиям, живая реакция на изменение жизненной ситуации, непосредственные впечатления делают эпистолярный жанр бесценным источником с бесконечными возможностями интерпретации.

В личном архиве известного геолога Э.Э. Анерта (1865–1946), хранящемся в РГАЭ, содержится переписка с его бывшей женой Ниной Семеновной Озеровой (143 листа). Сохранились письма Нины с 1922 по 1932 гг. из Ленинграда в Харбин, где проживал Анерт. Переписка происходила с разной интенсивностью, иногда письма были ежедневными, но были перерывы и в несколько лет. Письма, судя по содержанию, не были предназначены для сторонних лиц, написаны живым языком и несут на себе отпечаток эпохи. Даже не зная истории жизни Н.С. Озеровой, из стиля и текста писем можно сложить определенный образ мятущейся женщины, пытавшейся найти равновесие между карьерой и семьей, личной жизнью и профессией.

Чтобы понять детали и подробности жизни Нины Семеновны (возраст, происхождение, образование), пришлось обратиться к ее личному делу и другим дополнительным источникам, из которых выяснилось, что она родилась в Тбилиси в 1892 г., где и окончила гимназию в 1908 г., затем недолго училась на курсах Герье в Москве, Бестужевских курсах в Санкт-Петербурге (1909–1911), которые также не окончила, много путешествовала, мечтала быть архитектором, затем вышла замуж за Э.Э. Анерта.

Стоит заметить, что между бывшими супругами была большая разница в возрасте – Э.Э. Анерт был старше Нины на 27 лет. Из переписки осталось неясным, когда и почему состоялся брак. Но привлеченные источники, в том числе справочники, показали, что они начали жить вместе с 1914 г., когда Нине был 21 год, а Анерт был уже состоявшимся ученым. В 1919 г. супруги развелись, по-видимому, из-за увлечения Нины. Анерт, выехав по долгу службы в 1918 г. на Дальний Восток, перебрался впоследствии в Харбин и остался там, Нина вышла замуж вторично за инженера Н.В. Озерова, родила в 1921 г. дочь. Муж покончил жизнь самоубийством в 1925 г., и Нина Семеновна, оставшись одна с четырехлетним ребенком на руках, вынуждена была искать новой опоры, возобновив эпистолярные отношения с Анертом, предлагая ему вернуться в Ленинград и опять вступить в брак. Нина Семеновна даже вернула фамилию бывшего мужа и стала именоваться Озерова-Анерт. В дальнейшем из писем можно понять, что бывшие супруги больше не виделись: Нина в 1928 г. в очередной раз вышла замуж, а Анерт так и остался в Харбине.

Судя по всему, для Нины письма бывшему мужу были нужны как способ разобраться в своих чувствах и довольно запутанной личной жизни. Сама она считала свой женский опыт бесценным, утверждала, что ей пришлось испытать «почти все», сообщала, что пишет об этом книгу. Действительно, в ее письмах можно встретить многочисленные оттенки женского поведения – от образа «рабы любви» до независимой женщины. В письмах нашли отражение перипетии ее личной жизни, романы и увлечения, представления об идеальном браке, финансовые проблемы, поиски работы, мечты об окончании образования, разнообразные эмоции: отчаяние, надежда, скука, злость.

Можно выделить и еще один мотив писем: новая женщина и старый быт. Скорее всего, до революции Нина была вхожа в артистическую и художественную среду Петербурга, и переход от обеспеченной жизни к суровым будням, необходимость зарабатывать на жизнь и выживать в непростых условиях давались ей нелегко. К этому можно добавить сложности в отношениях с партнерами, алкоголизм нового мужа – отца ее ребенка, бытовые проблемы, домашнее насилие, квартирный вопрос, безденежье.

Собственно, тема денег – одна из центральных в письмах Нины, в которых восторженность сочетается с меркантильностью. Заметно, что частота писем зависела от пересылаемых переводов от Анерта. Декларируя ценности свободы, необходимость собственного пространства и отказ от домашнего рабства, Нина напрямую связывает их с финансовой независимостью, но денежные вопросы предпочитает решать с помощью бывшего мужа, который ежемесячно посылает ей разные суммы. Кстати, последние письма 1932 г. после четырехлетнего перерыва также касались выплат по страховому полису.

Своеобразен и стиль писем, в которых соседствуют архаические и модные словечки, игривость и прагматизм, позирование и желание нравиться, умелое и неумелое манипулирование, эксцентричность и претензии на оригинальность. Особой является интимная интонация писем, когда откровенность подчас граничит с вульгарностью, особенно в тех случаях, когда автор писем делится с бывшим мужем своими любовными похождениями и особенностями своей сексуальной жизни. По-видимому, Нина считала себя не обыкновенной женщиной, а выдающейся, достойной получить от жизни многого.

Из писем можно заметить, как героиня примеряла на себя разные роли и жизненные сценарии: роковая женщина и ребенок, нуждавшийся в опеке, свобода и богемное существование, служение и подчинение мужчине, семья и дети, профессиональный рост и самореализация. Помимо личных особенностей Нины: эгоизма, взбалмошности, склонности к самолюбованию и пр. – можно выделить и некоторые характеристики, присущие женщинам этого переходного периода, которые вынуждены были решать вечные вопросы, связанные с женским предназначением. Стремление к независимости, реализации в профессии, поиск своего места в мире и духовные искания сочетались с сомнениями и слабостями, метаниями между традицией и модерностью. В письмах Нины Озеровой отразились ее представления о современной женщине, новой морали, свободной любви, профессионализме, браке, материнстве и т.п. С одной стороны, она разрушала гендерные стереотипы, с другой, подтверждала их.

Конечно, представить законченный портрет женщины через эпистолярное наследие, причем только с одним адресатом, невозможно; скорее это только эскиз, первый подход к биографии. Но письма дают возможность реконструировать жизненные стратегии, отдельные свойства и приоритеты, а также приметы времени. Информация, содержащаяся в письмах, помогает представить черты интеллигентной женщины 1920-х гг., оказавшейся на сломе эпох, которая хочет любви и самореализации, но не может понять, что для нее главнее. Судя по последним сохранившимся письмам 1932 г., к сорока годам Нина Семеновна смогла достичь желаемого равновесия между семьей и профессией, страстью и материнством. По-видимому, судьба была к ней благосклонна – она нашла любимого человека и работу по специальности.

Следует признать значение источников личного происхождения и их ценность в реконструкции внутреннего мира человека и особенностей эпохи, конечно, при условии сравнения с другими нарративными источниками и эгодокументами. В частности, письма Нины Озеровой и их анализ могут помочь в изучении феномена новой женщины 1920-х годов и поиска женской идентичности.

П.Д. Кубышева
Ярославль, ООО «Бигам-инвест»

Автобиография Коко Шанель как манифест феминистких взглядов автора

Коко Шанель – гениальный кутюрье и стилист первой половины XX в., которая изменила женскую моду. Благодаря ей в женском гардеробе появились брюки, свободные рубашки и тельняшки, знаменитое маленькое черное платье и бижутерия. *«Если тебе не подходит то, что носят все, разве это не повод, чтобы изменить моду»* [2, с. 288].

Коко Шанель активно занималась мифотворчеством: подкупала собственных биографов и современников, писавших мемуары, и крайне редко давала интервью [1, с. 295]. Обратимся к вершине мифотворчества Габриэль Шанель – ее автобиографии, где она не только повествует о своей жизни, но и рассуждает о любви и деньгах, о женской моде, о положении женщины в обществе.

Любовь и брак. Родилась Габриэль Шанель в 1883 г. в бедной семье. В конце XIX – начале XX в., когда движение за женские права в Европе только зарождалось, выгодное замужество было для юной девушки единственным способом удачно построить свою жизнь. Сирота, рано лишившаяся матери и отданная отцом в монастырский приют, не могла рассчитывать на статус официальной жены состоятельного мужчины – общество того времени могло предложить ей лишь роль содержанки.

«*Вы можете осуждать меня сколько угодно. Я действительно жила у Бальсана, на деньги Бальсана, ездила с ним в Париж, спала с ним, каталась на его лошадях, одевалась за его счет, но при этом самого его не любила»,* – пишет Шанель [2, с. 288]. Согласившись на роль любовницы, Шанель тем не менее сохраняла гордость и стремление к независимости: «*Я ничего не собиралась просить у Бальсана, пока у меня оставался хоть один собственный франк*» [2, с. 288]. Она называла себя странной содержанкой: *«О любви речи не шло, значит, мужчин можно только использовать. Я тоже стала содержанкой, но только необычной»* [2, с. 288].

Большую роль в жизни Шанель сыграл ранний аборт. *«Беременность в моем положении равносильна смерти!»* – вспомина-

ет мадемуазель Шанель юные годы, когда она выступала в барах Виши [2, с. 288]. В начале XX в. незапланированная беременность вне брака влекла за собой осуждение и порицание со стороны общества не только в отношении матери, но и ребенка. Проблему можно было решить, выйдя замуж за вдовца или вернувшись в дом родственников. Но Габриэль обратилась к акушерке: *«Послушать акушерку и оставить ребенка? Временами мне кажется, что свой главный выбор я сделала именно тогда, ведь не будь аборта, дальше Варенна мне ничего не видеть»* [2, с. 288]. До конца жизни в Шанель боролась несчастная женщина (*«…Наступил день, когда я горько пожалела об аборте, потому что ребенка от Боя выносить не смогла, и детей у меня не было»* [2, с. 288]) и великий кутюрье (*«И все-таки, если бы я не поступила так, не было бы и меня самой, не было бы Коко Шанель»* [2, с. 288]).

«У каждого в жизни должна случиться сильная любовь. Хоть на несколько лет, хоть на несколько часов, хоть на миг, но должна» [2, с. 288].

В жизни Коко Шанель главной любовью был Артур Кейпел, которого она называла Бой. Именно он поверил в юную неопытную девушку, мастерившую шляпы, и оплатил покупку бутика: *«Мужчина должен обеспечивать женщину деньгами на жизнь, а не на работу»* – отговаривали Шанель [2, с. 288]. Спустя время Габриэль вернула Бою все деньги, которые он вложил в ее дело.

«Почему нужно подчиняться общим правилам, если они меня не устраивают? Почему нужно быть благовоспитанной, выйти замуж, нарожать детей и всю жизнь тянуть свою лямку, эту же жизнь проклиная? Почему нужно зависеть от мужчин, от всеобщего мнения, много от чего?» – Шанель не стремилась к браку и рождению детей [2, с. 288]. Она хотела другого: *«Успеха! Большого успеха»* [2, с. 289].

Работа и деньги. Отношение к работе и деньгам у Шанель во многом складывались из ее отношения к браку: *«Мне всегда приходилось выбирать между мужчинами и моей работой. И я всегда выбирала работу, потому что без нее я просто Габриэль, а с ней – Коко Шанель, единственная и неповторимая»* [2, с. 289]. Имея статус содержанки, Коко даже в юном возрасте стремилась к финансовой независимости: «*Жить на чьи-то*

деньги, прекрасно понимая, что ты игрушка, которую купили на время, не для меня» [2, с. 289].

«Возможность выписывать чек дорогого стоит», – вспоминала Шанель свое знакомство с русским миром белой эмиграции после революции в России 1917 г. [2, с. 289]. Многие бежавшие за границу русские были уверены в победе белой армии и скором возвращении на родину: они не стремились ассимилироваться во Франции, не старались найти работу и вели праздный образ жизни на последние деньги. Шанель вспоминает, что русские женщины, в отличие от мужчин, держались с достоинством и честно трудились. Кутюрье нанимала на работу русских вышивальщих и манекенщиц, замечая, что русским не хватает «*стервозности и хваткости*»: *«Закончились времена, когда женщина могла позволить себе быть лишь хрупким цветком, пора показывать, что есть шипы, а то и клыки»* [2, с. 289]. Свою работу кутюрье называла «*битвой с мужчинами*» за право *«показать женщинам, какими они должны быть»* [2, с. 289].

Женский костюм и мода. После окончания воспитания в монастыре Шанель начала выступать в кабаках, а по ночам ремонтировать одежду. Именно тогда в ней зародилась нелюбовь к строгому и сковывающему женскому костюму: *«Женщин мне было жалко. Чтобы понять почему, достаточно посмотреть, как одевалась и раздевалась дама»* [2, с. 289].

Наравне с Жанной Пакен (первая женщина-кутюрье и одна из основоположниц современного модного бизнеса) Коко Шанель произвела революцию в сфере моды, которая раньше принадлежала мужчинам: *«По какому праву моду женщинам диктуют мужчины-кутюрье? Кто-нибудь из них пробовал надеть на себя то, что изобретает, и проходить хоть несколько часов? Случись такое, со следующего дня кутюрье выпускали бы на подиум манекенщиц исключительно в пижамах!»* [2, с. 289].

Более того, Коко Шанель выступала против не только устоявшихся модных правил – она выступала против структуры модного бизнеса: *«Как можно загнать в организацию совершенно несовместимых людей? Заставить подчиняться правилам тех, кто призван эти правила разрушать, причем дважды в год – по числу сезонных показов?»* [2, с. 289].

«Когда оглядываешься вокруг, становится понятно, что моя мода всегда создавалась из моих собственных интересов», –

Шанель изменила модель шляпок, отказалась от корсетов и турнюров, укоротила платья, ввела в женский гардероб элементы мужской одежды [2, с. 289]. По словам самой Шанель, она ввела в моду короткую стрижку, когда остригла волосы после смерти Боя, и загорелую кожу, потому что не любила зонтики. Как писала сама Габриэль, *«Коко Шанель не будет, но обязательно останется стиль Шанель – удобная элегантность»* [2, с. 289].

В 1998 г. Коко Шанель стала единственным человеком из мира моды, кого Time включил в список самых влиятельных людей XX в. Ее взгляды на положение женщины в обществе и семье, ее профессиональную реализацию не только отражали тенденции женской эмансипации своего времени, но и во многом были более радикальными.

Список литературы

1. *Делэ К.* Одинокая Chanel / пер. Н. Кулиша. М.: Слово/Slovo, 2011. 291 с.
2. *Шанель К.* Жизнь, рассказанная ей самой / пер. Н. Павлищевой. М.: Яуза-пресс, 2023. 288 с.

З.В. Анайбан
Москва, Институт востоковедения РАН

Х.А. Анчимаа-Тока – видный государственный деятель Тувы и ее семья

В данной работе на примере жизненного пути известной в Туве женщины-политика Хертек Амырбитовны Анчимаа-Тока делается попытка определить не только роль женщины в социально-политической жизни региона, но и в той же мере показать ее статус и положение в собственной семье как «хранительницы домашнего очага». В данном случае это обусловлено тем, что она на протяжении многих лет занимала не только высокие руководящие посты в республике, но и была женой, верным соратником и помощником Салчака Токи, который более тридцати лет руководил Тувой: в годы Тувинской Народной Республики (ТНР) был генеральным секретарем Центрального комитета Тувинской народно-революционной партии (ЦК ТНРП), затем в советский период первым секретарем обкома КПСС (до 1973 г.).

Надо признать, что в разные годы о пройденном трудовом пути этой четы было написано немало. Однако непосредственно о роли и авторитете матери в этой семье и их детях говорилось, на наш взгляд, достаточно отрывочно и фрагментарно. Как совершенно справедливо заметил в одной из своих телепередач, посвященной семьям российских царей (из цикла «Рассказы из русской истории») В. Мединский, «в нашей истории жены русских императоров XIX в. традиционно находятся “в тени” своих супругов. И это несправедливо, поскольку перипетии их судьбы заслуживают отдельного рассказа» [3]. Как показывает опыт, сказанное в той или иной степени относится ко многим вторым половинкам разных правителей, независимо от страны, времени и эпохи проживания, а также их этнической и религиозной принадлежности. Кроме того, выбор и освещение названной темы исследования объясняется тем, что, при том что Х.А. Анчимаа-Тока достаточно хорошо знают в республике, к сожалению, ее имя фактически не известно за ее пределами.

Исследование основано на эмпирических данных, полученных из разных источников, начиная с опубликованных и неопубликованных материалов, размещенных в том числе на разных сайтах Интернета, на результатах встреч и бесед с ближайшими родственниками и людьми, окружавшими Хертек Амырбитовну в повседневной жизни и в быту.

Итак, Х.А. Анчимаа-Тока прожила долгую, хотя и сложную, но содержательную, насыщенную разными событиями и однозначно интересную во всех отношениях жизнь. Родилась она в бедной аратской семье в далеком 1912 г. в одном из красивейших мест Тувы – ныне с. Кызыл-Даг Бай-Тайгинского р-на. Судя по всему, уже в юном возрасте у нее проявились способности и желание заниматься общественной работой. Начало ее трудовой биографии пришлись на годы становления молодого государства – Тувинской Народной Республики (1921–1944). Как известно, после принятия в 1930 г. национальной письменности на основе латиницы в Туве началась масштабная кампания по ликвидации неграмотности. Молодая 18-летняя ревсомолка (комсомолка) приняла в этом активное участие [4]. Ее первые шаги и полученные результаты на этом поприще были замечены руководством и заслуженно вознаграждены. И уже в следующем 1931 г. она стала

членом ТНРП и была направлена на учебу в Москву в Коммунистический университет трудящихся Востока им. Сталина (КУТВ).

Ее стремительная политическая и трудовая карьера началась сразу после возвращения в 1935 г. в Туву. Так, в этом же году она поступила на работу в ЦК ревсомола (комсомола) и стала руководителем отдела пропаганды и агитации, уже через три года она руководитель женского отдела ТНРП. Здесь она занималась главным образом ликвидацией безграмотности среди женщин, решала вопросы по формированию женских советов в Туве. Весной 1940 г. стала председателем Президиума Малого Хурала ТНР [1, с. 26]. Таким образом, в 28 лет она – первая в истории женщина, ставшая во главе государства. Особо следует отметить, что именно ей принадлежит важная роль в решении такого судьбоносного вопроса в истории Тувы, как добровольное вхождение в 1944 г. в состав Советского Союза. Далее с 1944 по 1961 г. Х.А. Анчимаа-Тока была заместителем председателя облисполкома, а после преобразования в 1961 г. Тувинской автономной области в Тувинскую АССР она становится заместителем председателя Совета министров [5, с. 438]. Уйдя в 1979 г. на заслуженный отдых, она до конца своих дней продолжает активно заниматься общественной работой.

И, наконец, о семье. В 1941 г. Хертек Амырбитовна выходит замуж за Салчака Току. В этой дружной семье в любви и согласии воспитывались пятеро детей [5, с. 445]. Уместно заметить, что по традиционным понятиям тувинцев дети – это главное богатство. Так, этнограф Ф.Я. Кон, побывавший в Туве в начале XIX в., отмечал, что «сойоты (тувинцы) страшно любят детей. Много детей считалось чуть ли не “божьей благодатью”» [2, с. 142]. Люди, которые были знакомы с их детьми, прежде всего отмечают их не присущую для «золотой молодежи» скромность. Несомненно, это заслуга родителей и плоды их воспитания. Все, чего добились их дети – это их собственные достижения, основанные на хорошем образовании и желании чего-то добиться в жизни. Кстати, впоследствии, когда дети выросли, ни один из них не пошел по родительской стезе, т.е. не стал политиком или общественным деятелем, каждый нашел свое достойное призвание. Так, старший сын Валентин служил на флоте, сын Валерий работал в строительстве, дочь Анна была журналистом и долгое время работала в «Известиях», сын Владимир – пианист, компо-

зитор, получивший блестящее консерваторское образование, младший сын Виктор – дирижер, стоял у истоков создания первого симфонического оркестра Тувы.

Одним словом, Х.А. Анчимаа-Тока, будучи одним из лидеров государства и в этой связи занимаясь важными государственными делами, сумела с успехом совмещать работу и семейные обязанности. Свидетельством тому и воспоминания очевидцев. Так, одна из наших собеседниц, проживавшая продолжительное время по соседству с этой семьей, призналась нам, что «ее всегда восхищала и удивляла эта незаурядная женщина, которая умудрялась успешно делать все. Поскольку ее муж, являясь первым лицом в Туве, целиком и полностью был занят на службе, именно на ее хрупких плечах лежали заботы и хлопоты по семье и детям». В своем повествовании наш информатор также добавила, что «эта семья, помимо всего прочего, своим примером вдохновляла и настраивала всех на здоровый образ жизни. Например, по их инициативе среди соседей стало традицией в дни отдыха играть в волейбол, бильярд, а зимой – катание на лыжах».

Преподаватель Тувинского государственного университета Т.Б. Будегечи, которая была лично знакома с ней, поведала нам, что Хертек Амырбитовна осталась в ее памяти «как человек доброжелательный и удивительно внимательный к людям. По характеру она была очень демократичной. В частности, в ней импонировало то, что, несмотря на свое положение и почтенный возраст, даже при случайной встрече она всегда интересовалась делами собеседника, внимательно выслушивала его. Одним словом, она была чрезвычайно приятным в общении человеком, в ней не было ни грамма чванства, что, увы, и сегодня часто встречается средь “власть предержащих”».

А вот что рассказала нам ее внучка Саяна: «Ее звали “железная леди Тувы”. Иначе как выдержать все испытания, которые ей послала жизнь? Слава, известность, тяжкая работа без выходных, стресс политика и менеджера. Да, она действительно была железной. Но я больше помню ее нежность, я купалась в этой нежности, хотя и строгого воспитания от нее тоже хватало… В ней был какой-то удивительный симбиоз силы, воли и нежности. В семье Тока не принято было показное сюсюканье, на воспитание детей у политиков такого уровня почти не оставалось времени, но и его хватило для того, чтобы дедушка и ба-

бушка передали им что-то, что сделало их очень достойными людьми. Они оставили своим детям правильные заповеди, возможно, своим собственным примером. Не нравоучениями, а какими-то делами, которые просто схватывались их детьми, как то, что правильно и надо делать именно так! Когда бабушка приезжала к нам в Москву, это всегда походы в театр, музеи. И да, вообще у бабушки было развито чувство прекрасного. Она всем своим детям передала любовь к искусству, умение им наслаждаться. Она удивительная была, многогранная и разная – от пирожков до подписания Декларации о вхождении Тувы в состав СССР… Самое главное наставление, о котором бабушка не говорила, но все же оставила нам – жить по совести, не обманывать тех, кто тебе доверяет, не бросать близких, не менять убеждений в зависимости от настроения или ситуации».

Таким образом, подытоживая вышесказанное, прежде всего следует отметить, что хотя в истории Тувы было не так много женщин-политиков, оставивших заметный след своей активной и плодотворной деятельностью, все же такие были. И ярким примером тому наша героиня – Хертек Амырбитовна Анчимаа-Тока, которая была непосредственным свидетелем и участником всех известных политических и социально-экономических преобразований в жизни республики и ее народа. Не будет преувеличением сказать, что ее на родине и в наши дни помнят, чтят и хранят память о ней не только как о легендарной тувинской женщине, внесшей огромный вклад в становление и развитие государственности Тувы, в формирование системы образования и культуры, но и как о матери, вырастившей и воспитавшей пятерых детей, замечательной хозяйке большой и дружной семьи, которая, безусловно, достойна безмерного уважения и почтения.

Список литературы

1. История и развитие женского движения в Туве / сост. и ред. текстов И.Ш. Очур. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2018. 250 с.
2. *Кон Ф.Я.* За 50 лет. Экспедиция в Сойотию. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. Т. 3. 296 с.
3. *Мединский В.* Рассказы из русской истории. URL: https: //www.dvhab.ru/tv/cast/264/1078954/event/2171950391 (дата обращения: 12.03.2024).
4. *Монгуш С.М.* Хертек Анчимаа-Тока: «Умирая, он сказал: носи мою фамилию» // Центр Азии. 2001, 21–28 декабря. № 52.
5. Салчак Тока: Коллективная монография. М.: Слово, 2015. 544 с.

Н.Э. Анисимова
Москва, Институт российской истории РАН

Отображение военной повседневности в женских эгодокументах как элемент исторического наследия (1941–1945)

Проблема восприятия женщинами экстремальных событий войны на сегодняшний день является одним из актуальных направлений исследования социальной истории. Важной проблемой для историков является изучение передачи женского военного опыта, который затирается на фоне многочисленных мужских свидетельств о войне. Вместе с тем имеется ряд работ, отображающих женский боевой опыт [7; 10]. Однако женский опыт повседневности в тылу, в том числе индустриальной повседневности, в настоящее время в исторической литературе имеет ряд относительно малоизученных аспектов. Между тем документальные свидетельства, оставленные женщинами о переживаниях различных аспектов экстремальной военной повседневности, представляют собой важный элемент исторического наследия.

В данном исследовании будет предпринята попытка рассмотреть отображение вклада женщин (трудового, бытового, эмоционального) как неотъемлемую часть исторического наследия на примере свидетельств из эгодокументов. Большую работу по изучению эгодокументов, в том числе женских, проделали отечественные (Т.Л. Михайлова, А.Б. Бушев, Н.В. Середа, А.В. Голубев, С.И. Быкова и др.) [2; 3; 4; 12; 18] и зарубежные исследователи (С. Мендельсон, Н. Земон Девис, П. Сивер и др.) [9; 20; 21]. Важно отметить также ряд методологических и историографических работ Л.П. Репиной [16; 17], М.Х. Гуговой [5], Н.Л. Пушкарёвой [14; 15], Г. Абдыкуловой [1] и др.

В фокусе данной работы – дневниковые записи, тексты мемуаров, бесед и интервью очевидиц событий Великой Отечественной войны: материалы Комиссии И.И. Минца (Научный архив ИРИ РАН), дневник Ирины Песковой («Прожито»), неопубликованные мемуары Марии Ягодиной. В них отображены такие аспекты военной повседневности, как сложности индустриального труда, эмоциональные переживания, тяготы быта, особенности

межличностных отношений. Так, встречаются похожие фразы, отражающие эмоциональный фон первых месяцев войны: «Идя по улице, можно было видеть сумрачные лица знакомых, которые провожали своих родных на фронт. С первых дней ушли два двоюродных брата на фронт. Жить становилось все тяжелее» [8, л. 11] (Зайцева (имя не указано), 16 лет); «Все ужасно подорожало, о рыночных ценах и говорить нечего – это в магазинах все цены повысились вдвое-трое. А сколько сейчас налогов! <...> Жизнь становится все труднее и труднее» (Ирина Пескова, 16 лет).

Отображена разница в отношении к труду: «Мы работали от души. Нам приятно, когда мастер пройдет, похвалит, скажет, что молодцы. Рабочие соберутся, обсуждают, как выполнили программу. Нам было очень лестно, что мы работали 4–5 месяцев, и скажут, что по нашему узлу программа выполнена до срока. Хотя и устанешь, но сознание такое, что с чистой совестью идешь домой…» [19, л. 14] (Валентина Орлова, 17 лет); «Нет слов для описания тоски, которая всегда меня мучает перед ночной сменой! Сердце разрывается. Боже мой, боже мой, сколько уносит здоровья и нерв эта проклятая ночная смена! На сердце как будто гора тяжести лежит. Сейчас сижу и плачу, а сердце болит и болит», «…завод отравляет мне всю жизнь» [6] (Ирина Пескова, 16 лет); «Дрова возили весело… Я всегда на своем месте. При мне выкладывают дрова добросовестно. Целый день не ухожу со склада, хоть дом и рядом… Я эту работу полюбила – она нужна для войны» [11] (Мария Ягодина, 52 года).

Обилие сюжетов, содержащихся в обозначенных эгодокументах, позволяет рассматривать их как элемент женского наследия, оставленного потомкам и историкам. Их изучение позволит дополнить картину женской военной повседневности и будет полезно исследователям в области социальной, гендерной истории и биографики.

Список литературы

1. *Абдыкулова Г., Мусабалина Г.Т.* Методы исследования истории женской повседневности // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 02–04 апреля 2020 года / отв. ред. В.А. Веременко, В.Н. Шайдуров.СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2020. Т. 1. С. 54–59.

2. *Бушев А.Б.* Эго-документы: мемуарное письмо // Восточнославянская филология. Языкознание. 2015. № 1 (27). С. 19–27.
3. *Быкова С.И.* Дневники 1930-х годов: terra sovietica incognita // История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Издательство «АсПУр», 2014. С. 117–139.
4. *Голубев А.В.* Формирование антигитлеровской коалиции глазами советского общества (по дневникам современников) // История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Издательство «АсПУр», 2014. С. 139–162.
5. *Гугова М.Х.* Женская военная повседневность: история изучения, источники и методы // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2017. № 1 (32). С. 23–29.
6. Дневник Ирины Песковой // «Прожито». URL: https:// corpus. prozhito.org/note/625059 (дата обращения: 29.06.2024).
7. Женщины города Ленина: очерки о женщинах Ленинграда в дни блокады / редкол. А.Ф. Волкова, Т.В. Закржевская, В.М. Инбер и др. Л.: Лениздат, 1944. 181 с.
8. Зайцева – ватерщица. Июль 1945 г. Воспоминания рабочих Трехгорки // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 5. Оп. 35. Д. 53. Л. 11.
9. *Земон Д.Н.* Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века / пер. с англ. Т. Доброницкой. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 400 с.
10. *Иванова Ю.Н.* Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М.: РОССПЭН, 2002. 271 с.
11. Мемуары М.Я. Ягодиной.
12. *Михайлова Т.Л.* Эго-документы как вид практики речевого дискурса изучения женской субъективности // Актуальные проблемы социальной коммуникации: Материалы первой международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 20 мая 2010 г. Нижний Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 2010. С. 630–632.
13. *Мурманцева В.С.* Советские женщины в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1974. 272 с.
14. *Пушкарёва Н.Л.* Устная история и гендерная история: сближение и перспективы развития // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 168–176.
15. *Пушкарёва Н.Л.* Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспективы // Женщина в российском обществе. 2002. № 2–3. С. 32–37.

16. *Репина Л.П.* От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. С. 55–77.
17. *Репина Л.П.* Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение истории. Человек. Память. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 344–357.
18. *Середа Н.В.* История города, семей и индивидуальностей в тверских купеческих дневниках // История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Издательство «АсПУр», 2014. С. 67–86.
19. Стенографическая запись беседы с Орловой В.В. НА ИРИ РАН. Ф.2. Р.5. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
20. *Mendelson S. H.* The Mental World of Stuart Women: Three Studies. Amherst, MA: The University of Massachusetts Press, 1987. 235 p.
21. *Seaver P.S.* Wallington's World. A Puritan artisan m Seventeenth-century London. Stanford, CA: Stanford University Press, 1985. 272 p.

Р.Р. Хисамутдинова
Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет

Поэтическое наследие фронтового поэта Юлии Друниной для народов России

10 мая 2024 г. исполняется 100 лет со дня рождения фронтового поэта Юлии Друниной. Она среди писателей-фронтовиков занимает особое место. Ей удалось показать войну глазами женщины, не просто попавшей в огненный вихрь, но и сделавшей для победы всё, что было в ее силах.

У войны не женское лицо, но Великую Отечественную невозможно представить без участия в ней девчонок, уходивших на фронт добровольцами со школьной скамьи: «Я ушла из детства в грязную теплушку <…> / Потому что имя ближе, чем "Россия", / не могла сыскать» [1, с. 295].

Юлия Владимировна позже напишет: «Какие удивительные лица военкоматы видели тогда! Текла красавиц юных череда – казалось, выпал жребий им родиться в пуховиках "дворянского гнезда",» [2, с. 190]. В войне принимало участие свыше 800 тысяч женщин, которые добровольно или по мобилизации ушли на фронт. К их числу относится Юлия Друнина. Выросшая в горо-

де, «Я – горожанка. / Я росла, не зная, / Как тонет в реках / Медленный закат…» [1, с. 289], в интеллигентной московской семье (отец – учитель истории, мать – библиотекарь), она отринула все уговоры и слезы родителей и ушла в 1942 г. из десятого класса в 18-летнем возрасте со школьной скамьи добровольцем на фронт. «Напрасно дочек умоляют дома, уж не властен материнский взгляд – у райвоенкоматов и райкомов тургеневские девушки стоят» [2, с. 190]. При всей романтичности своего характера, так естественно совпавшего с чистотой помыслов ее ровесников, она, кажется, почти не совершала необдуманных шагов. Ее порыв непременно соотносился с точным осознанием конечной цели. Но, приняв решение, она уже не отступала. После первого тяжелого ранения снова ушла на фронт добровольцем. Под обстрелы. В холод и грязь.

Именно в военные годы начинается творческий путь кумира нескольких читательских поколений Советского Союза Юлии Друниной. Ее творчество можно без преувеличения назвать поэзией человеческого достоинства. Это тот редкий случай, когда поэт пишет, как живет, и живет, как пишет. Военная тема постоянно занимает главное место в ее творчестве. До конца своих дней старшина медицинской службы Друнина ощущала себя «связной между теми, кто жив и кто отнят войной». Поэтому даже в ее многочисленных стихах о любви так часто возникает тема войны. Надо понимать, что основную часть Красной армии составляла молодежь, поэтому между молодыми людьми вспыхивала любовь, иногда короткая, но на всю оставшуюся жизнь. «Ко мне в окоп / Сквозь минные разрывы / Незваной гостьей / Забрела любовь. / Не знала я, / Что можно стать счастливой / У дымных сталинградских берегов» [1, с. 25].

Военную повседневность и психологию женщины на войне невозможно представить без фронтовой поэзии Юлии Владимировны. Ее первая военная дорога пролегла в Подмосковье, когда 17-летняя Юля, окончившая курсы медсестер, но отправленная из столицы на рытье окопов во время вражеского авианалета, потерялась, отстала от своего отряда, оказалась в окружении, откуда выходила почти месяц с остатками одного из изрядно потрепанных пехотных полков. Через два года на госпитальной койке она напишет стихотворение о том, что она испытала в те дни. Признается, что сначала оно получилось необычайно длин-

ным, но в окончательном варианте осталось знаменитое классическое, навсегда вписанное в русскую поэзию четверостишие девятнадцатилетней Ю. Друниной: «Я только раз видала рукопашный, раз – наяву и сотни раз во сне. Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне» [1, с. 294].

И вот на фронт прибывают девушки, робкие, невинные: «Худенькой нескладной недотрогой я пришла в окопные края, и была застенчивой и строгой полковая молодость моя», – напишет Юлия Друнина [1, с. 273]. Свое участие в войне она считала не заслугой, а удачей: «Нет, это не заслуга, а удача – стать девушке солдатом на войне, когда б сложилась моя жизнь иначе, как в День Победы стыдно было б мне» [1, с. 278]. Она описывает, какое напряжение испытывали молодые девчонки, когда им приходилось «побледнев, стиснув зубы до хруста от родного окопа» оторваться и «бруствер проскочить под обстрелом…» [1, с. 25], чтобы оказать помощь раненым. «И за то, что снова до утра смерть ползти со мною будет рядом, мимоходом: – Молодец, сестра! – крикнут мне товарищи в награду. Да еще сияющий комбат руки мне протянет после боя: Старшина, родная, как я рад, что опять осталась ты живою!» [2, с. 27].

Девчонки молодые, вынесшие все тяготы солдатской жизни, после войны не понимали, как они смогли выдержать. «До сих пор не совсем понимаю, как же я, и худа, и мала, сквозь пожары к победному Маю, в кирзачах стопудовых дошла» [1, с. 279]. «Всю жизнь / От зависти томиться мне / К той девочке, / Худющей и неловкой – / К той юной санитарке, / Что с винтовкой / Шла в кирзачах пудовых / По войне» [1, с. 44].

Усталость от войны была у всех, но наиболее остро ощущали это девушки. «Новогоднюю ночь / Третий раз я на фронте встречала. / Показалось – конца / Не предвидится этой войне. / Захотелось домой, / Поняла, что смертельно устала. / (Виновато затишье – / Совсем не до грусти в огне!)». О ребятах, пытавшихся скрасить опасную, однообразную жизнь девушек, свидетельствует стихотворение Ю. Друниной «Елка», описывающее, как разведчики решили устроить ей праздник и принесли с боевого задания елку. «Не игрушки на ней, / а натертые гильзы блестели, / Между банок с тушенкой / Трофейный висел шоколад… / Я зарылась лицом / В эти детством пропахшие ветки… / Вдруг обвал артналета / И чья-то команда: ложись!» В ее памяти осталась эта ел-

ка. «Сколько было потом / Новогодних сверкающих елок! / Их забыла, а эту / Забыть до сих пор не могу…» [2, с. 210–212].

Женщинам в силу их эмоциональности пережить смерть любимого человека, близких друзей, подруг было намного сложнее, чем мужчинам: «Машенька, связистка, умирала на руках беспомощных моих», «Девочка в шинели уходила от войны, от жизни, от меня», «А вечером над братскою могилой с опущенной стояла головой…» [2, с. 148, 41]. «Почему же в бинтах кровавых / Светлокосый солдат лежит? / Ее тело своей шинелью / Укрывала я, губы сжав…» [1, с. 292].

Многие фронтовики в своих воспоминаниях и интервью говорили о том, что перед боем наступала тревожная тишина. Именно тогда в памяти возникали, казалось бы, давно забытые молитвы и обряды. Фронтовики утверждают, что «на войне не бывает безбожников», хотя в 1920–1930-е годы в стране проводилась широкомасштабная антирелигиозная кампания [3]. Об этом очень емко написала Юлия Друнина: «Мы лежали и смерти ждали – <…> / И молились мы, атеисты, / Чтоб нагрянули ястребки» [2, с. 154]. Юлия спасала солдат, видела их страдания, сотни раз рисковала своей жизнью. Приближалась победа... И обиднее было умирать в такое время. Осенью 1944 г. снова ранение и контузия. На полгода ее признают негодной к несению военной службы. И как раз через полгода окончилась война. К этому времени Друнина, награжденная орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу» – студентка литинститута [2, с. 7].

Для представителей фронтового поколения День Победы стал вторым днем рождения: «Мы родились два раза. / И вторым был День Победы – / Как забудешь это?» [1, с. 33]. Вернувшиеся фронтовики не могли поверить, что выжили: «Любить любовь, благословлять свой труд / И удивляться, что остались живы» … [1, с. 286]. Для фронтовиков жизненные ценности коренным образом поменялись: «Я принесла домой с фронтов России / Веселое презрение к тряпью – / Как норковую / шубку я носила / Шинельку обгоревшую свою. / Пусть на локтях топорщились заплаты, / Пусть сапоги протерлись – не беда! / Такой нарядной и такой богатой / Я позже не бывала никогда…» [1, с. 288].

На следующий день после победного салюта, 10 мая 1945 г., Юлии Друниной исполнился 21 год, но пережито было уже много: «Шли девчонки домой / Из победных полков. / Двадцать лет за

спиной / Или двадцать веков? / Орденов на груди все же меньше, чем ран. / Вроде жизнь впереди, / А зовут “ветеран”» [2, с. 155].

«Я боюсь и избегаю громких слов, но тут должен совершенно честно сказать, что человека, который более искренне и глубоко любил бы свою Родину – Россию, Советский Союз, чем Юлия Друнина, за свою жизнь не встречал», – вспоминает ее первый муж, поэт Николай Старшинов. Любовь к родине, к России звучит во многих стихах Юлии Друниной: «О Россия! / С нелегкой судьбою страна… / У меня ты Россия, / Как сердце одна. / Я и другу скажу, / Я скажу и врагу – / Без тебя, / Как без сердца, / Прожить не смогу…» [1, с. 17]. «Только вдумайся, вслушайся / В имя “Россия”! / В нем и росы, и синь, / И сиянье, и сила / Я бы только одно у судьбы попросила – / Чтобы снова враги не пошли на Россию…» [1, с. 218]. Последние ее стихи, написанные незадолго до ухода из жизни, начинались словами: «Безумно страшно за Россию…» [1, с. 312]. 21 ноября 1991 г. Юлии Друниной не стало. Она могла тысячу раз погибнуть на той войне, на которую ушла в 17 лет. А ушла из жизни по своей воле… Израненная войной, она не смогла пережить ещё одной трагедии – развал страны. «Как летит под откос Россия, / Не могу, не хочу смотреть!» [1, с. 218].

Как поэт, как женщина, как человек Юлия Друнина была любима и обожаема в самых разнообразных читательских аудиториях Советского Союза. Радует то, что интерес к ее стихам возрождается у молодежи и в современной России.

Список литературы

1. *Друнина Ю.В.* Есть время любить: Стихотворения. М.: Эксмо, 2008. 320 с.
2. *Друнина Ю.В.* За минуту до боя. М.: АСТ Астрель, 2012. 352 с.
3. *Хисамутдинова Р.Р.* Антирелигиозная пропаганда среди населения Чкаловской области накануне Великой Отечественной войны // Христианство и ислам на рубеже веков: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Оренбург: ДиМУР, 1998. С. 197–200.

О.А. Рашитова
г. Санкт-Петербург
СПБ ГБПОУ «Академия реставрации и дизайна»

Женское наследие в истории русского православия: обращение женщин к Богу как к источнику моральных силв блокированном Ленинграде

В годы войны в реалиях блокады молитва становится источником духовных сил жителей города. На примере уникальных исторических свидетельств жительниц Ленинграда можно увидеть, что женщины, даже далекие от религии, начинаютотождествлять себя с Православием.

Если религиозность вообще глубоко заложена в сердце человеческое, то для женской души религиозность – родная стихия. Верующие солдатские матери и жены по старой традиции зашивали в одежду своим близким, уходившим на фронт, записки с текстом девяностого псалма «Живый в помощи Вышняго...» Православный солдат чувствовал себя более защищенным, знающим, что о нем молятся его близкие. Женщины и девочки блокадного города, не зная канонического молитвословия, в ситуации безвыходности, когда надеяться было не на кого, обращались к Богу свободной молитвой, т.е. «своими словами», это вселяло надежду в то, что помощь свыше будет оказана.

Вера Александровна Магаева, бывшая воспитанница детского дома № 30 (111), однажды ночью увидела, как молится её воспитательница, и с той поры перед сном сама стала молиться Богу. Как нужно молиться, не знала и придумала свою молитву» [1].

В музее «Неизвестная неоконченная война», действующем при Скорбященском храме на Шпалерной улице, есть одна удивительная реликвия – «Письмо к Богу», написанное зимой 1941/42 гг. в блокадном Ленинграде 13-летней Лидой Рыбаевой. Девочка была незнакома с тем, как пишутся церковные тексты, но слышала молитвы. *«Боже милосердный!* – взывала Лида. – *Спаси нас от голода, холода, всякого зла и несчастья, прекрати войну, отжени врага и супостата, дай мир. Не остави нас, грешных».* Лида молилась за всю свою семью, поминала скончавшуюся от голода маму и к каждому молитвенному прошению добавляла сокровенную просьбу: *«Подай хлебца!»*...[2].

Матери в страшных условиях блокады вынуждены были переживать не только физические страдания, но еще и нравственные. Не имея возможности накормить своих голодных детей, женщины молитвенно обращались к Богу, веря в заступничество и помощь. И происходили чудесные явления помощи Божией. Одна из блокадниц вспоминала: «В одну ночь я почувствовала – умираю. Рядом лежала моя дочка. Но, поскольку я верующая, я стала на колени и говорю: «Господи! Пошли мне, чтобы я до утра дожила, чтобы ребенок не увидел меня мертвую». Я пошла на кухню и – откуда силы взялись – отодвинула стол. И за столом нахожу бумагу из-под масла сливочного, валяются еще там три горошины и шелуха от картошки. Я бумагу сжевала, дожила до шести часов утра, а там пошла за хлебом» [3].

Молитва матери имеет огромную силу: она своей горячностью, искренностью, чистотой, способна вымолить ребенка. Блокадницы, которые во время войны были детьми, вспоминают молитвы верующих своих матерей о том, чтобы Господь помог отвести беду от города, чтобы их дети остались живы.

Марина Ивановна Шаботковская рассказывала: «…На Рождество 1943 года мы все спали на одной кровати и вот маму стали спрашивать об этом празднике, мама нам рассказала и прочла молитву. Она нам очень понравилась, и мы всю ночь пели эту молитву, заучив ее наизусть. А перед этим три месяца от нашего отца не было совершенно никаких известий, и мы думали, что он погиб. И вот я считаю, что свершилось чудо: на следующий день мы получили от отца письмо. Он был жив и остался жив».

В комнате у Марии Ивановны Дорошенко всю блокаду висела икона Спасителя. Блокадница вспоминает, как её мама всегда зажигала лампадку и молилась пред этой иконой. Считает, что осталась живатолько с Божией помощью [4]. Поразительная устойчивая воля к жизни у женщин осажденного города, помогавшая преодолеть многие трудности и страдания, была основана на вере в Бога.

Важное место в церковной жизни занимают культ святых и почитание икон. Мария Максимовна Дмитриева рассказала об удивительном событие, которое объединило единоверцев. Женщина проживала напротив храма св. Иоанна Богослова подворья Леушинского монастыря. Однажды в 1942 г. убирая территорию, увидела во дворе, прилегающем к подворью, «сваленные в

кучу иконы». И Мария, будучи человеком верующим, благоговейно взяла одну из икон, которая ей сразу бросилась в глаза, и поспешила отнести домой. Это оказался образ Божией Матери «Всех скорбящих радость». Мария Максимовна жила в полуподвальном помещении. Поскольку поблизости не было бомбоубежища, то именно к ней, как только начиналась бомбежка, приходили люди из близлежащих домов и квартир. Здесь они вместе пережидали вражескую бомбардировку и горячо молились. Молитва совершалась именно пред нечаянно обретенной иконой Божией Матери за месяцы блокадымного раз. После такой сердечной молитвы бомбы пролетали мимо, и в этот дом, как и в близлежащие дома, не попала ни одна бомба за всю блокаду. К иконе привыкли, ее полюбили и стали называть «блокадной иконой». Образ стал для страждущих людей утешением и радостью в блокадных скорбях [5].

Если частную молитву каждого отдельного верующего Святые Отцы называют «дыханием души», то общественное богослужение, совершаемое всем собором верующих, есть как бы дыхание всего церковного организма. Принадлежность к церковной общине позволяла ленинградцам с большим успехом преодолевать страх смерти.

Любовь Васильевна Шапорина находилась в блокадном городе, работала медсестрой в госпитале. Она все время вела личный дневник. Вот что она записала 2 августа 1943 г.: «Ездила получать карточки. Сильный обстрел. Пошла в Никольский собор, Бога благодарила за то, что все мои близкие пока целы, и за себя, что дает силы стоять на ногах. Хорошо в церкви. Люди подлинно молятся. Каждому есть за что и за кого молиться. Все в смертельной опасности. При неожиданных и близких разрывах я вздрагивала, я единственная. Все кругом стояли совсем спокойно, как будто не слыша. Меня восхищает подтянутость ленинградцев» [6].

Вера женщин в высшие силы в критической ситуации давала оптимизм, помогала сохранять твердость духа в самых невероятных, нечеловеческих условиях войны. Потребность обращения к религии, в обычной жизни зачастую дремлющая, тем или иным образом начала актуализироваться в блокадных условиях.

Список литературы

1. *Магаева С.В.* Ленинградская блокада: Психосоматические аспекты. М., 2001. С. 81–82.
2. *Евгеньев С.* Блокадный благовест. // Санкт-Петербургские ведомости. № 14 (7590). 26.01.2024.
3. Спаси и сохрани. Свидетельства очевидцев о милости и помощи Божией России в Великую Отечественную войну. М.: «Ковчег», 2005. С. 126.
4. *Смирнов С.В.* Свет блокадной лампады // Леушино. 2002. № 16. С.1–2.
5. Протоиерей Геннадий Беловолов. Непридуманная история об обретении в блокаду иконы Божией Матери. URL: https://otets-gennadiy.livejournal.com/156731.html. (Дата обращения 20.04.2024).
6. Дневник блокадной прихожанки. URL: https://www.spb.kp.ru/daily/27009/4071034 (дата обращения: 10.01.2024).

Л.Н. Мазур
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

«Я должна их оберегать...»: послевоенная история одной семьи

Великая Отечественная война имела трагические последствия для демографической и семейной структуры советского общества. Как отметил А. Г. Вишневский, «война дестабилизировала брачную и семейную структуры населения, разрушила многие, часто едва начавшиеся браки, усилила конкуренцию на брачном рынке, что имело свои следствием рост числа разводов.В стране осталось огромное количество вдов, однако сколько их было – неизвестно» [1, с. 17].Действительно, тема вдовства в историко-демографических исследованиях затрагивается не часто, в том числе по причине ограниченности источниковой базы.

Еще менее изучена тема послевоенного вдовства и сиротства. Возможно, она не осознавалась так явственно, как проблема военных вдов и сирот. Муж вернулся с фронта живым, но нередко инвалидом с подорванным на войне здоровьем. Высокий уровень смертности среди населения (мужского и женского), пережившего войну, породил такое социальное явление как «демо-

графическое эхо», частью которого стало послевоенное овдовение и сиротство [2; 3; 4].

Материалы переписей и текущей статистики не позволяют в полной мере изучить эти деструктивные процессы. В качестве дополнительных источников информации могут быть использованы материалы устно-исторических исследований, позволяющие раскрыть проблемы вдовства и сиротства с новой личностной стороны. В этом отношении весьма показательна история одной семьи, рассказанная в 2022 г. женщиной-информанткой[22]. Она родилась после войны в многодетной семье (восемь детей). В середине 1950-х годов умерла мать, здоровье которой было подорвано трудными бытовыми условиями жизни, работой и многочисленными родами. Инвалид-отец, ветеран войны, будучи не в состоянии заботится о детях, отдал их в детский дом. Оправдывая решение отца, информантка фиксирует ситуацию распада семьи на 3 семейные линии:

1 – старшие дети – две сестры и брат, рожденные до войны и к моменту распада семьи имевшие свои семьи. Они проживали в разных городах, не поддерживая тесных контактов с родительской семьей*(«Нина была тоже инвалидом, потому что в годы войны она переболела полиомиелитом, и она хромала …. Старшая сестра Рая была уже замужем, Миша, старший брат, он уже жил своей жизнью, там работал где-то»*;

2 – отец, через некоторое время женившийся и создавший новую семью (*«Но здесь нужно что понять: отец инвалид, других доходов не было, пособий не платили никаких, у него была одна пенсия по инвалидности – и все. Отец … умер, когда я была уже взрослая, я была уже в аспирантуре. Там совершенно отдельная история. Он к нам никогда не приезжал. Затем у него появилась жена. Когда я уже училась в педучилище, то один раз я девочек отвезла к нему туда, это было на месяц. Больше я никогда их туда не возила, потому что мачеха как-то восприняла, даже на такое короткое время, и девчонки там почувствовали себя очень неуютно»*);

[22] Интервью с Барановой Лидией Яковлевной (1948–2024), доцентом Уральского федерального университета.

З – младшие дети (брат и три сестры), рожденные после войны и выросшие в детском доме.

Причиной распада семьи, по мнению информантки, стала смерть матери, жизненные силы которой были подорваны трудностями военного и послевоенного времени, работой и многочисленными родами:

«Потому что мама всю войну работала…. Она родила восемь детей, семеро вот осталось в живых, старшая – Люба, умерла. Потому что простыла, ее не могли спасти, Нина тоже заболела, вот осталась инвалидом, и мама, конечно… она надорвалась просто. Еще, так сказать, после войны четверо детей, да, четверо родов».

Со смертью матери начался новый – детдомовский – этап истории младших детей, основным содержанием которого стала борьба за сохранение осколка семьи и родственных связей. И основная роль в этой истории принадлежала нашей героине:

«В Змеиногорске же были младшие наши, только в дошкольном детском доме. Вот что я хочу отметить, что стремились тогда… , в общем-то семьи как-то сохранить. Вот рядом был…взрослый детский дом и дошкольный. Поэтому каждую субботу-воскресенье я или с братом, или одна, как правило, я туда бежала, навещала их, потому что у меня была главная задача – чтобы они меня не забыли».

Интересно воспоминание о детском доме послевоенного времени как особом типе семьи: *«…это были послевоенные семьи. Это были сёстро-братья, потому что умирали отцы, умирали матери после войны, вот после всей этой тяжелой… <жизни> и <дети> попадали в детский дом. Это раз. Во-вторых, это были люди, дети, которые знали свои корни, источники знали, кто у них родители, и был уже какой-то опыт семейной жизни».*

Красной нитью через воспоминания проходит сюжет о борьбе с угрозами дальнейшего раздела семьи:

«…И, собственно говоря, мы ждали, и я ждала, и брат ждал, что, значит, они <младшие сестры> пойдут в первый класс, мы будем вместе и все, так сказать, нормально. Мы жили в комнате по три человека, и я мечтала, что вот приедет Тамара, придет в первый класс, потом Валя придет, и вот у нас

будет своя комната. А в 1960 году детские дома начали расформировывать…».

Детский дом в Змеиногорске был закрыт, детей распределили по разным городам. Для сохранения семьи моей героине пришлось сбежать из интерната, добраться до Барнаула и там обратиться в краевой отдел образования, чтобы получить разрешение на перевод сестер к ней – в интернат г. Горняк. Через 2 года в 1964 г. она поступила в педучилище в Рубцовске, в 1968 г. закончила его с красным дипломом и вернулась в интернат в качестве старшего воспитателя, продолжая помогать сестрам. По мере взросления жизненные пути сестер расходятся, но родственные связи и чувство семьи остается с ними навсегда. И основная заслуга в этом принадлежит девочке, принявшей на себя функции старшей сестры, функции главы маленькой семьи, сохранившейся после распада: *«…как-то так вот получилось, что в семье я оказалась старшая. …я за девчонками смотрела, вот, потому что… чтобы они никуда там не попали, ничего. …Понимаете, в общем-то, здесь не было ничего особенного, это… тот деревенский уклад, в котором все и жили, помогая друг другу».*

Послевоенная история распада и частичного восстановления семьи, главными фигурантами которой были женщины, не уникальна. Она встречается в воспоминаниях информантки в разных вариациях:

«У Кати М. отец умер, наоборот, мать была жива. Она в детдом отдала четверых, потому что надо было кормить. И она на свои деньги, так сказать, работая, четверых детей не могла тащить. …Вот я помню, моя подруга, Соня С., да. …Вот у них такая ситуация была, что их было пятеро, двое было постарше, отец умер после войны сразу, очень быстро. Вот и потом умерла, ушла мама, то есть старшие брат с сестрой были, сестра оформила опекунство».

В качестве дополнительных источников информации по изучаемой проблеме могут быть использованы кинодокументы и художественные тексты тех лет. Так, например, в фильме «Старшая сестра» (1967, реж. Г.Г. Натансон) снятом по пьесе А.М. Володина, рассказывается о судьбе двух сестер, взятых на попечение из детского дома дядей. В фильме «Сверстницы»

(1959, реж. В. Ордынский) одна из героинь – Светлана – живет в семье без родителей под попечительством старшего брата.

Любопытно, что в интернате, где проживала наша героиня со своими сестрами и братом, в 1964 г. снимался фильм «Мимо окон идут поезда» (1965, реж. В.И. Кремнёв, Э.А. Гаврилов), в котором запечатлены не только интерьеры классов и спален, но и повседневные практики, нравы и проблемы интерната. По воспоминаниям, воспитанники интерната принимали участие в съемках массовых сцен.

***

Война нарушила естественный ход вещей, оставив множество женщин без перспективы иметь полноценную семью. Рост доли «осколочных» форм семьи способствовал утверждению неполной семьи и одиночества в качестве нормы. Демографическое эхо проявилось и в феномене послевоенного вдовства и сиротства.

Помимо личной трагедии и психологической травмы в результате утраты мужа и отца, которую пережили миллионы женщин и детей в годы войны, меняется отношение общества к вдовам и осиротевшим семьям, вынужденным адаптироваться к новым экономическим условиям существования. Этот процесс включал перераспределение семейных функций, освоениеновых семейных ролей, дальнейшее усиление роли государства в воспитании и содержании детей.

Список литературы

1. *Вишневский А.Г.* Демографические последствия Великой отечественной войны // Демографическое обозрение. 2016. №2. С. 6–42. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-posledstviya-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения: 08.05.2024).
2. *Поляков Ю., Жиромская В., Араловец Н.* «Демографическое эхо» войны // Война и общество. 1941–1945. Кн. 2. М.: Наука, 2004. С. 232–264.
3. *Переведенцев В.И.* Послевоенная динамика СССР и России // Полис. 1995. №2. С. 24–33.
4. *Рыбаковский Л.Л.* Динамика и факторы демографического развития СССР во второй половине XX века // Демографическое развитие СССР в послевоенный период: советские доклады к французско-советскому семинару по проблемам демографии, Париж, декабрь 1984 г. М.: Ин-т социологических исследования АН СССР, 1984. С. 4–25.

Р.В. Евстифеев
Москва, Институт научной информации
по общественным наукам РАН
М.Р. Евстифеева
Владимир, Владимирский государственный
университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Женские антропотопонимы в городском топонимическом пространстве региональных столиц Центрального федерального округа

Пространство современного города, не являясь социально и политически однородным и нейтральным, отражает сложившиеся иерархии и разнообразные неравенства [3]. Такое отсутствие нейтральности свойственно и городским топонимическим системам, важной частью которого являются антропотопонимы – наименования, произошедшие от имен и фамилий людей. Значимость названий улиц определяется их ролью в идентификации конкретного места и навигации, не менее важно и то, что названия улиц имеют культурную и социальную значимость, оказывают постоянное влияние на людей, репрезентируя и навязывая определенную картину мира.

В современной социальной науке город часто рассматривают как текст, как систему связанных между собой элементов, содержащих смыслы и являющихся основой социально-политического процесса культурного воспроизводства и изменений [2, с. 32–37]. Городскую топонимию можно рассматривать как гипертекст, изучение и разворачивание которого позволяет нам понять антропологические и культурологические константы и переменные конкретного общества, включая городскую локальную идентичность, основным механизмом конструирования которой является деятельность в символической сфере, направленная на переопределение и переинтерпретацию прошлого и настоящего городского сообщества [1, с. 75–89]. Антропотонимический гипертекст городских улиц отражает и порождает пространство, где различные видения прошлого сталкиваются в настоящем и конкурируют друг с другом в борьбе за идентичность и память, формируя городское символическое пространство [5].

Исследования представленности (видимости) женщин в городском топонимическом пространстве до последнего времени проводятся чаще всего журналистами и активистами, заинтересованными в изменении гендерного разрыва в названиях городских улиц [4; 6]. Можно сказать, что научное изучение данного вопроса началось только в последнее десятилетие и пока в научной литературе представлены только единичные случаи изучения городского топонимического пространства с гендерной точки зрения.

Данная статься основана на предварительных результатах исследования антропотопонимического гипертекста региональных столиц Центрального федерального округа (16 городов, кроме Москвы). Сбор данных осуществлялся с помощью анализа документов с сайтов городских администраций, в списки включались только официальные названия улиц, в результате чего был составлен общий список топонимов (12 873 наименования). Затем из составленного списка была произведена выборка антропотопонимов и выделение женских и мужских антропотопонимов.

В среднем по изученным 16 городам доля антропотопонимов в названиях улиц составила 24,5%. Доля антропотопонимов в исследованных городах колеблется от 34,68% (Липецк) до 13,56% (Курск). Выделеные антропотопонимы носят в подавляющем большинстве отфамильный характер, гораздо реже встречается совмещение отфамильного и отыменного образования; случаи отыменных антропотопонимов, как и антропотопонимов, образованных от прозвищ, чрезвычайно редки.

Доля женских антротопонимов в общем количестве антропотопонимов в среднем составила 6%, тогда как доля мужских антропотопонимов – 94%. Такое распределение в целом соответствует ситуации в городах различных стран, в которых проводились подобные исследования. Распределение по городам получилось довольно разнообразным – от 1,5% в Белгороде до 12% в Рязани.

Всего в топонимических системах 16 региональных столиц ЦФО выявлено 189 женских антропотопонимов, причем многие из них основаны на именах и фамилиях одних и тех же женщин – из списка можно выделить 73 женщины, имена и фамилии которых использованы в 189 антропотопонимах. Большинство часто упоминаемых в топонимах имен женщин являются наследием

советской эпохи – это герои-летчицы (Осипенко и Раскова), герои Великой Отечественной войны (Космодемьянская, Шевцова, Чайкина и др.), деятели революционного движения (Крупская, Люксембург, Цеткин, Перовская, Фигнер). Характерно, что деятелей культуры и науки в топ-списке всего двое – Софья Ковалевская и Мария Мордасова. Более разнообразная ситуация представлена в остальных женских антропотопонимах (55 названий), в которых увековечен широкий круг женщин, в основном имеющих значения для конкретного города.

В целом можно отметить, что анализ названий улиц столиц регионов ЦФО показал, что топонимическое пространство городов тесно связано с социально-политическими периодами жизни страны, носит исключительно светский характер, репрезентирует подавляющее доминирование мужских имен над женскими, причем женщины в антропотопонимическом гипертексте представлены в основном в героическо-милитарном образе, тогда как имена женщин мирных профессий, деятелей культуры, искусства и науки представлены в единичных случаях.

Выявленный гендерный дисбаланс в названиях городских улиц обостряет вопрос о праве женщин быть полноценным актором городской жизни и истории на равных с мужчинами.

Дальнейшее изучение, предполагающее выявление динамики изменений городского топонимического пространства, норм практики наименования/переименования улиц, более подробная типологизация антропотопонимов, определение степени значимости представляемых городских объектов позволит выявить закономерности и причины чрезвычайно слабой «видимости» женщин в городском пространстве, а также разработать предложения по преодолению генденрного дисбаланса.

Список литературы

1. *Евстифеев Р.В.* Конструирование городских идентичностей: цели, механизмы, акторы // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 4 (26). С. 75–89.
2. *Потанина Н.Л., Голобобов М.А.* Городской текст как теоретическая проблема // Филологическая регионалистика. 2012. № 1 (7). С. 32–37.
3. *Ouali N., Lannoy P., Desamoury V., Guilleaume D., Mayné F., Merville S., Odier C., Thébaux A.* Women in Brussels street names. Topography of a minoritisation // Brussels Studies. 2021. General Collection. No. 154. URL: http://journals.openedition.org/brussels/5433 (дата обращения: 30.04.2024).

4. *Poon L.* Mapping the Sexism of City Street Names. Bloomberg City Lab. 2015. URL: https://www.citylab.com/equity/2015/11/mapping-the-sexismof-city-street-names/414094/. (дата обращения: 30.04.2024).
5. *Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M.* The urban streetscape as political cosmos // The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics, and Place / ed. by R. Rose-Redwood, D. Alderman, M. Azaryahu. Abingdon, U.K.: Routledge, 2017. P. 1–24.
6. *Sebastian T.* Invisibility of female street names in India: Exploring the intersection of culture, law and social situations // McGill GLSA Research Series. 2021. № 1 (1). P. 1–19.

И.С. Петухова
Санкт-Петербург, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Внуки как женское наследие: реконструкция представлений пожилых женщин о роли бабушки (по материалам интервью 2022–2023 гг. в Санкт-Петербурге и Республике Карелия)

Происходящие и прогнозируемые демографические, социальные, экономические и другие трансформации неизбежно приводят к изменению возрастной, социальной, семейной и других структур современного общества. Данный факт актуализирует важность изучения тех сфер, где эти изменения пересекаются. В частности, роль бабушки и особенности заботы о внуках в старшем возрасте связаны с пересечением гендера, возраста и семейного статуса женщины. Для России характерно традиционно высокое участие прародителей в жизни своих внуков [2]. Забота о внуках представляет собой нисходящий поток ресурсов от одного поколения к другому [1]. Несмотря на тот факт, что межпоколенные трансферты обычно описывают независимо от пола, в первую очередь они носят феминный характер и передаются от женщин, а результаты современных исследований свидетельствуют о высокой оценке роли бабушек в жизни внуков [3]. Однако современные исследования, на наш взгляд, недостаточно обращены к изучению того, как сами пожилые женщины осмысляют присутствие внуков в своей жизни и как оценивают свою роль бабушки.

Опираясь на результаты устных интервью с пожилыми женщинами (60+) (N = 31), собранных преимущественно в Санкт-Петербурге и Республике Карелия в 2022–2023 гг., в данной работе мы описываем то, как пожилые женщины осмысливают присутствие внуков в своей жизни и как они оценивают свою роль бабушки. При описании результатов нашего исследования мы приводим цитаты из интервью для того, чтобы более выпукло показать «голос» наших информанток.

Нашими информантами выступили русские женщины, проживающие в Санкт-Петербурге и Республике Карелия (в городах и в сельских населенных пунктах), работающие и неработающие. Возраст варьировался от 60 до 95 лет. Количество внуков – от одного до пяти. Некоторые имеют правнуков. Несмотря на то, что сравнение характера заботы о внуках у работающих и неработающих женщин не ставилось в качестве основных наших задач, мы предполагали, что сам характер заботы и роль бабушки в первом и во втором случаях будут различаться. Однако анализ результатов показал, что характер внимания, уделяемого внукам, как и в целом место внуков в жизни информантов, не зависит от наличия профессиональной занятости у женщин 60+. Более важными факторами являются возраст внуков, характер проживания, взаимность отношений.

В целом место заботы о внуках варьируется от полного неучастия в жизни внуков и отсутствия общения с ними (как в связи с семейным конфликтом, так и в его отсутствие) до центрального места прародительства в жизни пожилой женщины. Осмысление роли бабушки также варьируется: от «бабушки по телефону» до «бабушки-подружки»: *«Мы с ней подружились. Она мне сказала: “Ты моя не бабушка, ты моя подружка!” Я ей стала подружкой, поэтому я ее воспитала, как хотела»* (И 4, работ., 78, СПб.). Нередко в оценках наших информантов звучало мнение о том, что внуки служат продолжением рода женщины, продолжением семьи и детей. Многие информантки артикулировали любовь к внукам, необходимость регулярного общения и совместных встреч: «*Люблю очень внуков, очень внуков люблю, очень переживаю всегда за них, молюсь всегда за них»* (И 3, неработ., 64, сельская местность, Респ. Карелия). Встречаются как те, кто ждет просьбы о помощи со стороны детей – забрать из сада/школы, отвезти по делам, посидеть с внуками, так и те, кто, не

дожидаясь просьб, стремится проводить свое свободное время в кругу детей и внуков: *«И теперь вот я очень активно занимаюсь маленьким. Хотя он ходит в детский сад, но все равно в какие-то дни мы даем ему отдохнуть, он приходит ко мне, и в субботу, в воскресенье»* (И 7, неработ., 75, СПб.).

Любовь к внукам и взаимоотношения с ними не такие, как с детьми, внуков можно баловать, с ними можно больше проводить времени, никуда не торопиться. Воспитание, по мнению наших информанток, – это задача родителей, а роль бабушки заключается в том, чтобы баловать своих внуков и позволять то, что не позволяют родители. Многие отметили, что важно не вмешиваться в процесс воспитания как в связи с различными ценностями, так и в связи с приоритетом мнения родителей: *«Я считаю, тут поменьше надо вмешиваться все-таки. Все-таки они сами. Спросят – да, пожалуйста. Если попросят, спросят, помогаю. А если так, я думаю, надо меньше вмешиваться»* (И 1, работ., 67, СПб.).

Некоторые из наших информанток отметили, что забота о внуках является своего рода семейной традицией, когда бабушки нескольких поколений активно участвовали в заботе. При этом такая традиция тоже имеет феминный характер: *«Моя свекровь, когда уже вышла и родился ребенок, она занималась нашим сыном. А потом мы стали заниматься, у нас это такая семейная. Мы все занимаемся»* (И 7, неработ., 75, СПб.).

Те, кто имеет уже взрослых внуков, отмечают, что в их детском возрасте общение было более частым и насыщенным. Взрослые внуки уже заняты собственными делами, поэтому общение с ними сокращенное: *«Но внуки тоже подрастают. И им тоже уже как-то проводить у бабушки все выходные менее интересно, и с бабушкой в театр ходить тоже уже как-то. Лучше с подругами там, с друзьями где-то потусоваться»* (И 13, неработ., 60, Петрозаводск). Были и те, кто отметил, что с возрастом общение становится более осмысленным и содержательным, основанным на принципах «взрослый взрослому». Забота о внуках включает в себя приготовление пищи («бабушкины пирожки»), походы в кино, театр, музеи, совместные поездки, материальную помощь. Более тесные отношения в детском возрасте, со слов наших информанток, способствуют сохране-

нию близких отношений во взрослом возрасте внуков, тесному общению с правнуками.

Таким образом, забота о внуках занимает важное место в жизни пожилой женщины. При этом роль бабушки варьируется от ситуативной помощи в виде присмотра до каждодневного и смыслообразующего присутствия в жизни детей и внуков, видения во внуках продолжения своего рода, семьи. Наряду с другими статусами и ролями пожилой женщины, забота о внуках укрепляет социальные и семейные связи женщин и способствует социальной инклюзии.

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00461 (https://rscf.ru/project/22-18-00461/).*

Список литературы

1. *Арбер С.* Старение и гендер в глобальном контексте: роль семейного статуса / пер. с англ. Е.В. Вьюговской, А.А. Ипатовой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 59–78.
2. *Гурко Т.А.* Взаимопомощь поколений в городских семьях // Женщина в российском обществе. 2023. № 3. С. 43–58. DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.4.
3. *Саралиева З.Х., Судьин С.А., Янак А.Л.* Прародительские отношения в современной российской семье: опыт пилотного исследования // I Российско-Иранский социологический форум. Сборник тезисов докладов участников форума (Москва, 16–18 ноября 2020 г.) / отв. ред. С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская. М.: ИТД «Перспектива», 2020. С. 509-521.

В.В. Нуркова, Д.Д. Ганул
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Ностальгические периоды в памяти пожилых женщин: «Хотелось бы снова вернуться туда…»

В юности, молодости, в зрелые годы интерес к своему прошлому во многом обусловлен задачей извлечения уроков из пережитых событий для успешной реализации целей в будущем. В пожилом возрасте время будущего неумолимо иссякает, построение отдаленных планов теряет значимость. Какая судьба ожидает в данной ситуации приобретенный за долгие годы багаж

воспоминаний? Прошлое может субъективно обесцениться, а человек погрузиться в беспрестанно обновляющееся настоящее, начать жить одним днем. Однако благополучная траектория старения, по мнению Э. Эриксона [4], заключается в обратном: в повороте к своему опыту как источнику создания целостной истории уникальной жизни, аутентичный смысл которой открывается лишь перед ее завершением, когда жизненный проект полностью воплощен [2]. Старость тогда воспринимается не как тягостный возраст «дожития», а как дар потенциала «решительной полноты самореализации» [3, с. 77].

Эффективная работа с прошлым требует, во-первых, развитой системы автобиографической памяти – способности мысленно путешествовать во времени, выстраивать причинно-следственные связи между далекими событиями, совершать «биографические открытия». Автобиографическая память, в отличие от других когнитивных функций, претерпевая ряд возрастных изменений (например, становясь более созерцательной), развивается в течение всей жизни и при благоприятных условиях достигает своего расцвета именно в пожилом возрасте [5]. Во-вторых, важна общая положительная установка по отношению к прожитой жизни, своеобразная «позитивная предвзятость». Субъективным состоянием, отражающим оптимальный контакт между образами «я в прошлом» и «я в настоящем», является переживание ностальгии. Ностальгирующий человек, с одной стороны, грустит о завершившемся периоде прошлого, в котором он располагал теми качествами и отношениями, которые теперь утратил, но, с другой стороны, испытывает радость от того, что это время было в его истории. «Все мое прошлое со мной, в любой час моей жизни», – писала Н. Берберова в романе «Курсив мой». Обеспечение подобной субъективной самопреемственности этапов жизненного пути, насыщение настоящего ресурсами прошлого – основная продуктивная функция ностальгии [6].

Однако свойства ностальгической автобиографической памяти до сих пор изучены мало. Насколько генерализована во времени ностальгия? К каким возрастным периодам она относится? Какова событийная и эмоциональная насыщенность ностальгических фрагментов памяти? Насколько сильна субъективная связь между образом себя в ностальгическом прошлом и тем, как человек воспринимает себя сейчас? Наконец, как удовлетво-

ренность своей жизнью в настоящее время отражается в ностальгическом компоненте автобиографии?

В пилотном исследовании приняли участие 39 женщин в возрасте 60–86 лет (M = 70) из Москвы, Севастополя и Ярославля.

Использовалась графическая методика «Линия жизни» [1]. Бланк методики предлагался дважды. В первом случае участниц просили обозначить на оси времени периоды прошлого, которые вызывают ностальгические переживания. Затем им предлагалось подробно отобразить один из них, размещая события в пространстве листа и обозначая дистанцией от оси направленность и силу связанных с событием эмоций. Для оценки психологического слияния с центральным ностальгическим периодом участниц просили выбрать изображение, которое наиболее точно отражает отношения между «я в период, вызывающий ностальгические воспоминания» и «я в настоящем» из пяти пар равных кругов, где степень их пересечения изменялась с шагом в 20%. Полностью изолированные круги обозначали отсутствие интеграции, круги, перекрывающиеся на 80%, – максимальную степень интеграции. Для диагностики субъективного благополучия применялись «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера и «Шкала одиночества» (UKL).

В среднем участницы отмечали на «Линии жизни» шесть периодов прошлого, «воспоминания о которых вызывают чувство светлой печали по прошлому, которые хочется оживить в своей памяти, в которые хочется вернуться, принести в сегодняшний день» (от 1 до 18). Указанные периоды охватывали в среднем 40 лет (от 1 до 83). Протяженность выбранного центрального ностальгического периода составила в среднем 19 лет (от 1 до 49). Он включал в себя в среднем семь событий (от 1 до 31), из них пять – позитивные (от 1 до 26) и два – негативные (от 0 до 7). В среднем 79% воспоминаний ностальгического периода позитивны (от 50 до 100%). Ожидаемо чаще всего центральный ностальгический период относился к юности и молодости (12 участниц). Однако 11 участниц описали период, относящийся к зрелости; пять – к детству; четыре – к пожилому возрасту, а семь описали продолжительные периоды, захватывающие более одного возрастного этапа. При этом 11 участниц выбрали круги, обозначающие отчуждение от «ностальгического “Я”», 11 – среднюю степень идентификации с ним и 17 – высокую.

Дальнейший анализ показал, что удовлетворенные жизнью участницы вспоминали больше ностальгических периодов и переживали максимальное слияние с тем из них, которое выбрали в качестве центрального. Немногочисленные и короткие ностальгические периоды характеризовали участниц с низкой удовлетворенностью жизнью. Участницы, считающие себя умеренно одинокими, вспоминали максимальное количество ностальгических периодов и средний по протяженности центральный период. Низкая степень одиночества была связана с максимальным слиянием с центральным ностальгическим периодом при его низкой насыщенности негативными событиями.

Итак, адресованная продолжительным периодам прошлого ностальгия выступает психологическим аккомпанементом благополучного проживания пожилого возраста. Причем продуктивная ностальгия – это не розовые очки, а скорее склонность к благожелательной рефлексии опыта, позволяющая быть великодушным судьей накопленных «богатств старости» (так называла воспоминания Ф. Раневская).

Список литературы

1. *Нуркова В.В.* Автобиографическая память в оптике культурно-исторической и деятельностной методологии // Психология. Журнал Высшей Школы экономики. 2010. № 7 (2). С. 64–82.
2. *Нуркова В.В.* Самоопределяющие нарративы в развитии личности // Психологическая наука и образование. 2014. № 4. С. 22–30.
3. *Сапогова Е.Е.* Экзистенциально-психологический анализ старости // Культурно-историческая психология. 2011. Т. 7. № 3. С. 75–81.
4. *Erikson E., Erikson J.M., Kivnick H.* Vital Involvement in Old Age. NY.: Norton, 1986. 352 p.
5. *Piolino P., Desgranges B., Clarys D., Guillery-Girard B., Taconnat L., Isingrini M., Eustache F.* Autobiographical memory, autonoetic consciousness, and self-perspective in aging // Psychology and Aging. 2006. Vol. 21. № 3. P. 510–525.
6. *Sedikides C., Wildschut T., Cheung W.Y., Routledge C., Hepper E.G., Arndt, J., ..., Vingerhoets A.J.* Nostalgia fosters self-continuity: Uncovering the mechanism (social connectedness) and consequence (eudaimonic well-being) // Emotion. 2016. Vol. 16. № 4. P. 524–539.

И.В. Богдашина
Волгоград, Волгоградский государственный университет

Роль и место советской женщины в провинциальном городе 1950–1960-х годов: межличностные и сексуальные отношения (на материале дневниковых записей)

Данный очерк посвящен теме внутрисемейных, межличностных и сексуальных отношений между полами в период 1950–1960-х годов, когда наметился перелом в общественных настроениях, начался отход от патриархатных ценностей и идеалов, наконец, в то время, когда женщина стала свободной в вопросах развода и, самое главное, деторождения. Отметим, что тема сексуальности являлась табуированной в СССР, о половых отношениях мало писали в газетах и журналах. Первые исследования были проведены еще в 1960-е годы, однако публикации тех лет были вписаны скорее в историю советской медицины, нежели в антропологию повседневности [1; 2; 10; 12]. Социологам, историкам и антропологам было позволено изучать аспекты сексуальности советского человека только в 1990-е годы, что выразилось в трудах И.С. Кона, С.И. Голода и Н.Л. Пушкарёвой [3; 11; 13]. Однако исследование сексуальности и в настоящее время остается темой весьма узконаправленной и требующей осторожности даже в кругах гендерологов. Аспекты интимной сексуальной жизни 1950–1960-х годов представляется возможным изучить, привлекая источники личного происхождения (письма, дневники, воспоминания). Уникальным источником в этом направлении (на уровне провинции в частности) выступают дневниковые записи врача-хирурга Зинаиды Сергеевны Седельниковой (1920 г.р.) – практически ежедневные заметки, сообщающие подробности из жизни не только самой женщины, но и ее окружения. В частности, женщина описывала межличностные и сексуальные отношения между полами, о чем (как показала наша практика) с неохотой рассказывают респондентки в устных беседах.

Врач-хирург Зинаида Сергеевна Седельникова (далее – З.С.) вышла замуж в феврале 1948 г. Отметим, что до замужества и после развода женщина не была обделена мужским вниманием. Неудачный брак начал разлаживаться буквально сразу – растра-

та денежных средств, измена и алкоголизм со стороны супруга вынудили женщину решиться на развод и начать новую жизнь [4, л. 16, 43, 53, 54 об]. Единственный выход из сложившейся ситуации молодая 31-летняя женщина видела в переезде в другой город, прежде всего для того, чтобы продолжить обучение в медицинском институте. Свои чувства в тот момент З.С. описала так: «Оставаться здесь я совершенно не думаю. Я не могу видеть Владимира. Я должна уехать» [4, л. 20 об]. З.С. стремилась к финансовой независимости несмотря на нужду. Муж не разделял ее точку зрения о том, что современная женщина должна обладать самостоятельностью и независимостью, потому как его устраивала «просто жена во всех отношениях», в то время как Зинаида ратовала за то, чтобы «женщина была равноценна в общественной жизни, науке» [4, л. 25]. «Потеряв целых три года», она хотела устроить свою жизнь в Сталинграде, в который переехала летом 1951 г. и где осталась на всю оставшуюся жизнь. Женщина самостоятельно приняла решение о разводе, подготовила все необходимые документы. Муж пытался вернуть жену, однако З.С. четко настаивала на своем и уверяла неверного супруга в том, что «глупости я делала здесь, живя с тобой, туда (в Сталинград. – *И. Б.*) я еду работать и жить» [4, л. 53].

По приезде в разрушенный практически до основания в годы войны Сталинград З.С. «невольно вспоминала прекрасную квартиру в Ульяновске», но «ведь зато я совершенно свободна» – это было для нее главной ценностью (развивать и реализовывать себя), чего в несчастном браке женщина не могла себе позволить. Неудачный брак породил страх вступления в новые отношения, женщина с осторожностью относилась к мужчинам с алкогольной зависимостью и опасалась их. Однако спустя 8 лет З.С. все-таки встретила достойного мужчину – механика-металлурга Виктора Ивановича Тращенко, за которого вышла замуж через пять лет после знакомства (в дневнике женщина обозначала его просто «ВИ»). В 1960-е годы пара жила в одной из комнат коммунальной квартиры (комната З.С.), свою же заводскую квартиру мужчина оставил сыну [8, л. 183]. После первого неудачного брака женщина не раз писала: «Да я и не надеюсь ни на кого! Только на себя. Всю жизнь только на себя» [8, л. 183]. Несмотря на стремление к самостоятельности, женщина с большой благодарностью и охотой принимала помощь от супруга, главным

образом выражающуюся в совместном выполнении домашних дел (готовка, уборка, глажка, стирка) [7, л. 194а; 9, л. 54].

Совместность и взаимопомощь сближали супругов, в дневнике имеются и подробности о сексуальных отношениях, правда, весьма осторожные. Женщина описывала совместный досуг и общение, первые прикосновения и ласки, испытанные чувства. В качестве примера приведем несколько записей: «Мы с ВИ успели отдохнуть и поласкаться. Вели ужасно откровенный разговор о близости полов и кроме всего ВИ дал слово, что ни при каких условиях не перешагнет границу наших близких отношений, сохраняя самое сокровенное на будущее! Мне снова легко, а ВИ вспотел от внутренней борьбы»; «Не доходя к переезду мостика, мы остановились и как влюбленные целовались. ВИ соскучился. Устал от предыдущей (речь о 1960–1961 гг. – *И.Б.*) моей сдержанности» [5, л. 62 об; 6, л. 120]. Женщина с трепетом и осторожностью описывала сексуальную близость с мужчиной (будущим мужем), в отношениях она четко ограничивала рамки дозволенного, хотя ей было на тот момент 40 лет.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что именно дневниковые записи являются ценнейшим источником для воссоздания подробностей личной сексуальной жизни советского человека, ведь обсуждение и демонстрирование данной стороны повседневной жизни являлось весьма табуированным (в том числе в СМИ) вплоть до периода перестройки.

** Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 24-78-10005 «Женский голос российской науки 1800–1980-х гг.».*

Список литературы

1. *Богданович Л.* Организация полового воспитания подростков // Вопросы сексопатологии. М.: Министерство здравоохранения РСФСР, 1969. С. 5–6.
2. *Голод С.* Отчет читателю. Об индивидуальной сексуальной свободе // Наука и техника (Рига). 1969. № 11. С. 32–33.
3. *Голод С.И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб.: Алетейя, 1996. 188 с.
4. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6880. Оп. 1. Д. 13.
5. ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 1. Д. 25.
6. ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 1. Д. 26.
7. ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 1. Д. 30.

8. ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 1. Д. 33.
9. ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 1. Д. 34.
10. *Кон И.С.* Половая мораль в свете социологии // Советская педагогика. 1966. № 12. С. 64–77.
11. *Пушкарёва Н.Л.* Женщина, семья, сексуальная этика в православии и католицизме. Перспективы сравнительного подхода // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 55–70.
12. *Шевченко Э.* Задачи основ полового воспитания среди дошкольников // Вопросы сексопатологии. М.: Министерство здравоохранения РСФСР, 1969. С. 14–15.
13. *Kon I.* Sex and Russian Society. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1993. 168 p.

РАЗДЕЛ 5
ЖЕНСКОЕ ЗДОРОВЬЕ И РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ТРАДИЦИОННОМ И СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Т.И. Зайцева
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Гендерные аспекты средневекового врачевания: к вопросу об изучении социальной истории медицины

В аналитической литературе неоднократно отмечалось выделение в рамках истории медицины двух направлений исследований: с одной стороны, традиционной, с другой стороны, «новой» (или социальной) истории. На наш взгляд, в изучении Средневековья преобладает второе направление, на становление которого определяющее влияние оказало развитие исторической антропологии и демографии; научное наследие таких ученых, как основатели «новой исторической науки» М. Блок и Ж. Ле Гофф, в отечественной традиции А.Я. Гуревич и Ю.Л. Бессмертный.

Как и в других «департаментах» социальной истории медицины, формирование интереса к гендерной проблематике произошло с двух сторон – гендерной медиевистики и собственно медицинской истории Средних веков. Так, в 1985 г. была опубликована статья именитого немецкого историка медицины Г. Кайля «Женщина как врач и пациент в медицинских текстах немецкого Средневековья» по материалам его доклада на состоявшемся в Австрии и получившем широкий резонанс форуме «Женщина и средневековая повседневность». Практически одновременно была представлена в виде доклада и вошла в сборник материалов международного коллоквиума по истории средневековой медицины в Орлеане статья известной французской исследовательницы Р. Перну «Женщина и медицина в Средние века».

В современной российской историографии истории медицины нередко можно встретить анализ передовых наработок зарубежных исследователей. Однако в большинстве случаев речь идет об англоязычных публикациях. Может сложиться впечатление, что изучение данной области – заслуга исключительно англо-

американской школы. В то же время весьма активно данная проблематика рассматривается в немецко- и франкоязычных исследованиях, что справедливо, наряду с другими темами, и для изучения женской истории средневекового периода. В рамках доклада мы обратимся к представителям двух указанных европейских школ; публикациям 1980–2000-х годов, с которыми связан всплеск интереса медиевистов к женской и гендерной истории.

В рассмотренных публикациях используется термин «женская медицина», под которым авторы подразумевают как женское здоровье, так и практическую деятельность женщин в области врачевания. Остановимся более подробно на втором аспекте, обозначив изучаемый в данной исследовательской области круг вопросов. Так, в двух монографиях немецкой исследовательницы Б.-Ж. Крюзе – «Скрытые лечебные услуги. История женской медицины в позднее Средневековье» и «“Врачевание стоит золота”. Средневековые аспекты лечения женщин» – большая часть текста посвящена представлениям о женской анатомии и женских болезнях, прежде всего, связанных с гинекологией и деторождением. Однако в обеих книгах выделены разделы относительно участия женщин в медицинском вспомоществовании в целом, а также профессиональной практики и стиля жизни повитух.

Автор приводит целый ряд имен женщин, практиковавших в области медицины; перечень специализаций (женщины-врачи и женщины-хирурги, специалистки по глазным болезням, повитухи и банщицы, женщины-фармацевты и медицинские сестры), упоминает женщин – авторов медицинских текстов; сравнивает отдельные моменты в региональном плане – сопоставляя факты из итальянской, французской, английской истории с ситуацией, бытовавшей собственно в немецкоязычном пространстве; показывает высокую активность еврейских женщин в данной сфере. Анализ делается преимущественно на городском материале, приведена доступная статистика. Показан процесс роста гендерной конкуренции с врачами-мужчинами и расширения запретов со стороны властей; анализируются существовавшие на протяжении средневекового периода гендерные ограничения медицинского образования (и исключительный пример Салернской школы X в.).

В посвященной женской деятельности в области врачевания квалификационной работе на звание доктора медицины фран-

цузского автора К. Норманн «Какое место (занимали) женщины в медицинской практике в Средние века?» в поле внимания также оказались занимавшиеся лечебной практикой женщины и повивальные бабки в Германии (и в сравнительном плане – в Италии и Англии); еврейские женщины; связанная с женской медициной лексика.

Одним из распространенных сюжетов истории средневековой медицины является женская магическая деятельность в области врачевания и направленные на излечение больных чудеса святых. Так, в разделе «Традиционная медицина и представления о теле» монографии французских историков Р. Портера и Ж. Вигарелло «История тела» упоминаются матери, пробиравшиеся со своими детьми к подножию эшафотов, чтобы через прикосновение к казненному передать его мертвому телу болезнь; поверья, приписывающие повитухам способность влиять на форму частей тела ребенка, и пр.

Другая сторона эзотерического подхода к болезни – представления о лечебных действиях святых. Немецкий историк О.Г. Эксле в статье о Елизавете обращается к распространенным сюжетам о том, что после смерти на ее могиле совершались чудеса: слепые вновь начинали видеть, параличные – ходить; автор подчеркивает, что исключительно большую долю среди исцеляемых занимали дети и молодые люди. Приписываемые посвятившим себя церковной жизни женщинам чудесные исцеления изучаются историками и на примере другой средневековой религиозной деятельницы – Хильдегарды Бингенской. Так, Р. Перну в своей одноименной монографии упоминает об исцелении Хильдегардой одержимой бесом; эта же проблематика затрагивается в статье Л. Мулинье «Магия, медицина и душевные болезни в научных работах Хильдегарды».

Весьма популярной при изучении женского участия в медицинской сфере является история акушерской практики эпохи Средних веков. В 2014 г. во Франции вышел специализированный номер междисциплинарного журнала средневековых исследований «Квест», посвященный вопросам деторождения. В опубликованной в этом номере статье К. Менажер «В палате роженицы: некоторые сведения о том, как проходили роды в Средние века» выделен подпункт «Роль акушерок». Автор перечисляет использовавшиеся в акушерской практике термины, по-

казывает эволюцию родовспоможения в затрагиваемый период. Гендерным аспектам средневековых практик родовспоможения посвящена статья французского исследователя С. Шапюи-Деспре «Пол в гинекологии и акушерстве. Врачи и повитухи в Священной Римской империи».

Важное место при анализе гендерных аспектов истории медицины занимает вопрос об участии женщин в развитии медицинской теории; их роли как авторов медицинских текстов. Одной из наиболее популярных фигур в данном плане является уже упоминавшаяся Хильдегарда Бингенская. На русском языке наиболее подробно речь об этом идет в переводной книге немецкоязычного автора В. Штрелова «Семейный лечебник. Советы легендарной целительницы». Как показывает Штрелов, в своем труде Хильдегарда описала более тридцати слоев подсознания в виде пар «порок – добродетель», каждая из которых, по ее мнению, состоит из болезнетворного душевного фактора риска (порок) и целительного душевного принципа здоровья (добродетель). Средневековая мыслительница подробно перечислила физические симптомы, которые могут быть вызваны «душевными факторами риска», полагая, что по болезням как по своего рода сигналам можно выявлять их душевно-психические причины.

По мнению Штрелова, бингенская монахиня создала собственную психотерапию, выдвинув в качестве причины психических заболеваний неверие в Бога (ведущее к страхам, неврозам и психозам); труды Хильдегарды основаны на представлениях о тесной связи состояния души и телесных недугов; желании вылечить не сколько болезнь, сколько больного. Исходя из этого, исследователь приходит к выводу, что идеи Хильдегарды соответствуют «переднему краю» психосоматической медицины современности.

Анализируют историки значение этой средневековой врачевательницы и для других областей медицины. В вошедшей во второй том «Истории женщин на Западе» статье французской исследовательницы К. Томассе «Природа женщины» рассматриваются представления Хильдегарды о женской анатомии, физиологии и сексуальности. В совместных статьях немецкого историка А.М. Ногаллера и отечественных исследователей В.Ф. Карпова и Н.А. Козеевской упоминаются рекомендации Хильдегарды по лечению минералами, посредством растительных средств, диеты

и кровопускания; авторы оценивают медицинский подход Хильдегарды как прогрессивный для своего времени.

В завершение хочется также выделить такой встречающийся в публикациях по гендерной истории средневековой медицины сюжет, как символическая память и рецепция наследия оставивших свой след в области теории и лечебной практике женщинах, что можно продемонстрировать на примере Хильдегарды Бингенской. Так, А.М. Ногаллер и его соавторы отмечают наличие посвященного Хильдегарде огромного пласта зарубежной научной литературы, исследовательских центров и групп изучения ее медицинского (шире – научного) наследия, медицинских центров для больных и пожилых людей.

В целом можно отметить, что при обращении французских и немецких медиевистов к гендерным аспектам врачебной деятельности на первый план выходит социальная и историко-антропологическая проблематика. Изучаются народные магические практики и осуществляемые женщинами-святыми чудесные исцеления; деятельность женщин в области акушерства и родовспоможения; исключительные примеры женского научного творчества и вопросы интеллектуальной истории; сюжеты истории повседневности.

К.М. Яковлева
Якутск, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

Традиционная медицина якутов: роды

Традиционная медицина является одним из основных аспектов культуры любой этнической общности. Знания, накопленные народом, передавались из поколения в поколение и обогащались не только все новыми методами борьбы с болезнями, но и определенными действиями во время и после родов.

У якутов традиционно считалось, что счастливая семья – это многодетная семья. Дети – символ достатка и продолжения рода человека. Но не каждая семья могла похвастаться многодетностью в силу высокой женской и детской смертности и неизлечимой бездетности. Бездетность приравнивалась к проклятию. В архаическом мировоззрении якутов ответственность в деторож-

дении лежала только на плечах женщины. Бездетных женщин не принимали в гости, чурались их, считали, что даже бездетность может быть заразной [12, с. 231–239].

По якутским религиозным представлениям, душу (кут) ребенка даровала богиня Айыысыт, которая спускается с небес в виде богато одетой пожилой женщины или кобылицы. Айыысыт появляется при родах, помогает благополучно родить, благословляет родившееся дитя и покидает дом роженицы на третий день после родов [4]. В представленных тезисах мы не будем останавливаться на сакральных составляющих родильного обряда якутов, а рассмотрим практические методы традиционной медицины якутов в вопросе деторождения. Данный вопрос в своих трудах рассмотрели следующие авторы: В.Л. Серошевский [9], А.Н.Алексеев [3; 4], А.И. Гоголев [6], Р.И. Бравина [5], А.И. Григорьева [7], П.А. Слепцовым [10], Д.У. Сапалова [8].

Сохранились сведения о родах якутской женщины, которые проходили в присутствии повивальной бабки *о5о кете5еччу* [2]. Г.Ф. Миллер отмечал, что повитухи оказывали помощь, которую в Германии могли оказать только опытные акушерки [11]. Повивальные бабки во время всего процесса поддерживали женщину, смазывали ей живот маслом, массировали спину и направляли ребенка по родильным путям, даже поменяв внутриутробное положение ребенка. Роженица стояла на коленях, иногда на корточках, держась за специально установленную перекладину. А.И. Гоголев отметил, что перед началом и после родов женщина пила чашку топленого сливочного масла, а если запаздывал послед, пили отвар из нароста лысухи. Ребенок при рождении сразу падал на заранее настеленную траву [6].

Интересен факт, что искусный лекарь Уһунньук из Сунтарского улуса еще в конце XVIII – начале XIX в. при осложнении в родах производил операцию, напоминающую кесарево сечение. Зашивал разрез тонкими нитками из телячьей жилы. А.И. Гоголев, описавший деятельность известного лекаря, удивлен, как он мог производить подобную операцию на живой женщине без асептики и антисептика [6].

По данным Р.И. Бравиной, в фондах А.А. Саввина имеются данные о 96-летней повитухе Д.М. Саввиной, проживавшей в Болтогинском наслеге Чурапчинского р-на, которая после рождения ребенка сразу «смазывала его свежим сливочным маслом

или теплыми сливками для смягчения и очищения кожи» [5]. Подобная процедура описана и В.Л. Серошевским [9], и П.А. Слепцовым [10]. Традиция смазывания ребенка маслом сохранялась во многих семьях до 1970–1980-х гг. [1]. Это делалось для укрепления суставов, ровности черепа. Особенное внимание уделяли тому, чтобы голова ребенка была идеально округлой. По представлениям якутов, по форме черепа можно было определить умственное и физическое развитие человека и даже его характер. Существовали особые методы при тяжелых послеродовых кровотечениях. Например, распространено было вкладывание во влагалище свежего конского навоза. Для остановки излишних маточных кровотечений тампонируют влагалище женщины свежим коровьим или конским пометом [7].

Таким образом, в арсенал традиционной медицины, применимых во время и после родов, входили и элементы массажа, и применение лекарственных средств растительного и животного происхождения. Особое значение уделялось повитухам и лекарям, которые не только сопровождали сам процесс родов, но и могли даже воздействовать операционным путем. На сегодняшний день практически не сохранились методы традиционной медицины, которые применялись в прежнее время. Конечно, это в первую очередь связано с развитием медицины и науки, которое способствовало усовершенствованию практики здорового деторождения.

В современной Якутии есть некоторые люди, которые считают, что необходимо практиковать роды «как в древности». Женщина должна рожать стоя, опершись на перекладину, а ребенок, родившись, должен коснутся земли. Это делается для того, чтобы «буор кут» младенца моментально вселился в его тело. Нам неизвестно, действительно ли практикуется такой метод родов, но некоторые женщины всерьез задумываются над этим. Также сохранились рекомендации смазывать ребенка маслом, но иногда, если нет топленого сливочного масла, можно и растительным [2].

Рассмотренный этнографический материал и собранный полевой материал показывают, что якуты, используя все доступные методы и знания, вели нескончаемую борьбу за свое существование и продолжение рода. С развитием общества не имеющие практической значимости обряды исчезли, т.к. развитие медицины и науки способствовало усовершенствованию практики здорового рождения детей.

Одним из наиболее сложных обрядов жизненного цикла выступали родильные, которые были нацелены на репродуктивную деятельность женщины, а также на сохранение жизни ребенка. Даже в современной Якутии остались представления о том, что бездетные люди непременно несчастны. Малодетность также не вызывает уважения. Один из старожилов Верхневилюйского улуса отметил, что семьи, в которых рождаются и растут трое сыновей, отмечены и благословлены божествами Айыы [1; 2].

Список литературы

1. Полевые материалы автора. Яковлева К.М. Материалы экспедиции в Мегино-Кангаласский улус Республики Саха (Якутия), 2017.
2. Полевые материалы автора. Яковлев А.И. Материалы экспедиции в Верхневилюйский улус Республики Саха (Якутия), 2018.
3. *Алексеев Н.А.* Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 99 с.
4. *Алексеев Н.А.* Этнография и фольклор народов Сибири. Новосибирск: Наука, 2008. 493 с.
5. *Бравина Р.И.* Народная медицина в свете ранних этнических контактов: к проблеме происхождения якутов // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. № 2 (39). С. 84–93.
6. *Гоголев А.И.* Народные знания якутов в XVII – начале XX вв. (календарь, метрология, медицина). Якутск: Издательский дом СВФУ, 2015. 104 с.
7. *Григорьева А.М.* О народной медицине якутов. Якутск: Якутское книжное издательство, 1991. 72 с.
8. *Сапалова Д.У.* Традиционная родильная обрядность якутов и кыргызов // Ойкумена. 2010. № 2. С. 72–77.
9. *Серошесвкий В.Л.* Якуты: опыт этнографического исследования. М.: Центрполиграф, 1993. 720 с.
10. *Слепцов П.А.* Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX – начало XX в.). Якутск: Книжное издательство, 1989. 159 с.
11. *Яковлева К.М., Яковлев А.И.* Родильные обряды якутов: традиции и современность // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3. С. 231–239.
12. *Элерт А.Х.* Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1999. 210 с.

М.К. Мусаева
Махачкала, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН

Бесплодие: традиционные представления и лечение его у народов Южного Дагестана

Важной социальной обязанностью человека считалось продолжение рода путем создания семьи и рождения детей. Вступление в брак обставлялось самыми различными обрядовыми действиями и ритуалами, как зрелищными, так и тайными, которые в основном были направлены на то, чтобы сообщить новой семье продуцирующие способности и усилить их в ней.

Имплицитный интерес к отсутствию детей в семье начинали проявлять уже через год после начала совместной жизни, поскольку считали, что именно это время требуется, чтобы два организма привыкли друг к другу.

Отсутствие детей воздействовало на психологический климат семьи, взаимоотношения между супругами и их близкими родственниками. Либо с бесплодной женщиной разводились, либо брали вторую жену. Бездетные люди считались самыми несчастными – за ними некому было присмотреть во время болезни, в старости, надежды их были направлены на жалость родственников и общественности.

Эксплицитно виновник бесплодия не был известен, но вина, как правило, перекладывалась на женщину. Именно с этим связано то, что рациональные и иррациональные манипуляции, действия и лечебные приемы, якобы помогающие вернуть детородные функции, предназначались только женщинам. Единственный случай, когда к мужчине обращались – обновление религиозного оформления брака, т.к. считалось, что кто-то во время первого его заключения мог помешать специально или неосознанно таинству брака и стать причиной бездетности.

По традиционным представлениям сех народов без исключения, бесплодие женщин рассматривалось двояко: 1) как болезнь, имевшая в своей основе патологические нарушения организма (в результате тяжелого физического труда, вследствие простудных и целого ряда других заболеваний); 2) как результат воздействия враждебных человеку сверхъестественных сил. В соответ-

ствии с этим, чтобы избавить женщину и всю семью от такого бедствия, как бездетность, прибегали как к рациональным, так и к иррациональным методам лечения. Часто проводились манипуляции, которые сочетали в себе оба метода. Рациональные способы решения проблем бесплодия основывались на народном опыте и включали в себя различные лечебные процедуры. Опытные повитухи пытались лечить бесплодие женщины лечебным массажем и прогреваниями. Широко применялись для лечения бесплодия паровые ванны. Для этой же цели пользовались и горячими минеральными источниками и грязями: на известных в Южном Дагестане источниках в окрестностях Каякента, Ахты и др. уже с древнейших времен сооружались водоемы из каменных плит, используемые в лечебных целях, в том числе и для лечения женских болезней.

Болезни, вызвавшие бесплодие, знахари объясняли и порчей («сглазом») или «ударом нечистой силы» и «боролись» с ними с помощью различных обрядов. У горских евреев, например, при долгом отсутствии детей женщину проводили под носилками покойника, которого несли на кладбище. Для этой же цели у них бездетным женщинам рекомендовали 40 дней носить или держать под подушкой рубашку покойника. У рутулов бесплодную женщину заставляли перешагнуть через живого волка, которому, как и у многих других народов Кавказа, приписывали магическую, в том числе продуцирующую, силу. Такие же свойства у табасаранцев, лезгин приписывались и шерсти, поэтому с целью избавления от «зла» женщину просовывали три раза через отверстие, сделанное в нитях, которые служили основанием ковра, читая при этом специальную молитву.

Если, испробовав все доступные способы лечения, женщина не беременела, то бесплодие считали следствием воздействия *чила* (перс. ‘число сорок’) – некоей потусторонней силы, специфической порчи, которая может перейти к ней от другого человека или предмета, поразить и сделать бездетной. По представлениям всех народов лезгинской группы, бесплодие женщина может получить прежде всего в период свадьбы, под воздействием *чила невесты*. Для устранения этого последствия предпринимали многоступенчатые действия. Прежде всего, устанавливали источник *чила* при помощи гадальщика (*килигдай касс*), которым мог быть и мулла. Одной из причин *чила бездетности*

считался покойник. Бесплодной женщине рекомендовалось три раза пройти под носилками в момент, когда покойного несли на кладбище, или три раза пройти под мойкой, в которой обмывали покойного. Такую женщину даже мыли рукавицами для обмывания. Есть сведения, что в некоторых лезгинских селениях для исцеления от бесплодия использовали воду, оставшуюся после омовения покойного. Избавлялись от *чила* омовениями и окуриваниями с различными манипуляциями. Некоторым деревьям, имевшим большие сквозные отверстия в стволе, также приписывалась магическая роль, их так и называли – *чилад ттар* (дерево от *чила*). Если женщина проходила через него беспрепятственно, то ребенок у нее родится, если нет, то ребенка не будет. Существовал еще целый ряд магических приемов, при помощи которых женщина могла избавиться от *чила бездетности*. В частности, для этого во время представления канатоходцев, которые часто разъезжали по разным населенным пунктам со своей цирковой программой, бесплодные женщины три раза пробегали под канатом.

Бездетные женщины искали исцеления от бесплодия и в посещении святых мест. Таковыми считались *пиры* (*пIир*) – могилы святых, культ которых был особенно распространен в Южном Дагестане. Пиры были весьма многочисленны, но среди них выделялись именно те, что почитались бесплодными женщинами. Универсальным местом паломничества с просьбой о придании продуцирующих способностей женщине для всех народов Южного Дагестана являлось кладбище Кырхлер (*Къыркъ-лар* ‘сорок могил’) в Дербенте, где похоронены 40 шахидов – мусульман, погибших за веру. По сей день здесь бездетные женщины после жертвоприношений и молитв с просьбой даровать детей пытаются раскачать большой камень, по форме напоминающий каменную колыбель. Считается, если «колыбель» качнется – женщина родит, если нет – детей не будет.

Особенно почитались бесплодными женщинами Южного Дагестана пиры священной горы Шалбуз-Даг, где женщины, загадав желание, часто оставляли как в знак надежды самодельные тряпочные куклы. У подножия Шалбуз-Дага имеется множество источников, вода которых якобы является священной. Наиболее действенным средством от бесплодия считалась вода, собранная из источников семи разных пиров. В Южном Дагестане, как из-

вестно, было множество могил, деревьев, причудливых созданий природы и других объектов, которые являлись местом поклонения бездетных женщин.

Независимо от того, куда отправлялись бесплодные женщины с просьбой о наделении их продуцирующими способностями, действия их были практически одинаковы: они привязывали к дереву или древку на могиле «святых» или в другом святом месте полоску ткани, оторванную от подола, и просили, предварительно помолившись, о рождении ребенка. Иногда резали в святом месте жертвенное животное и раздавали мясо в своем селении, обычно нечетному количеству семей. Самым действенным временем проведения обрядов, предназначенных для придания женщинам продуцирующих свойств, считалось начало весны, когда просыпается вся природа.

Н.А. Мицюк, Д.И. Калашникова
Смоленск, Смоленский государственный медицинский университет

«Материнские тексты» XIX – начала XX в. в репрезентации культуры материнства и детства

В настоящее время исследования материнства превратились в междисциплинарное направление, оперирующее современными научными методиками и подходами, актуализирующее новые источники информации. В рамках научной школы, созданной Натальей Львовной Пушкарёвой, тема материнства получила широкое историко-антропологическое осмысление [3]. Совмещение этнографических, историко-антропологических методов и подходов позволило сфокусироваться на таких важных темах, как эволюция материнских практик, связь между историческими событиями, эмоциональным режимом эпохи и субъективными переживаниями матерей, выделить типы материнства в различные исторические периоды, определить пути формирования идеалов материнской заботы, доказать на исторических источниках социально-конструктивистские основы материнского поведения.

Ключевым источником историко-антропологического изучения материнства выступают «материнские тексты». К ним мы относим женские автодокументальные источники (дневники,

воспоминания, заметки, письма, а также «родительские дневники»), в которых женщины описывали свой опыт материнства.

В исследовательский фокус попали представительницы элиты российского общества – дворянки – прежде всего потому, что они оставили после себя богатое эпистолярное наследие. Культура женского письма впервые была сформирована именно в данном социальном слое [2]. Среди нарративов – как те, которые имеют рефлексивную природу (размышления женщин о материнстве, воспитании детей, описание своих чувств и эмоций, связанных с материнством), так и «профессиональные» заметки о детях («родительские дневники», которые под влиянием врачебного и педагогического сообщества получили распространение в конце XIX в.) [4]. Изучая данные источники, вполне можно согласиться с выводами отечественного филолога И. Савкиной, которая назвала женские автобиографии россиянок источниками «тройной маргинальности» [6, с. 3]. Эгодокументы женщин, не отличившихся в политике, науке, общественной деятельности, длительное время не рассматривались российскими исследователями как социально значимые свидетельства памяти [10].

При работе с опубликованными и архивными «материнскими текстами», несмотря на уникальность опыта каждой из женщин, в характере проведения беременности, родов, ухода за детьми, в их повседневных страхах, эмоциональных переживаниях оказалось много схожих черт. Выявление типичных черт в восприятии материнских практик дало возможность определить основные тенденции в социокультурной эволюции материнства. Автобиографические нарративы, принадлежавшие русским дворянкам XIX – начала XX в., оказались едва ли не единственным источником, легитимирующим эмоциональность женщин, их субъективность, а также женские телесные практики (сексуальные отношения, беременность, роды, кормление грудью), табуированные в официальных источниках. Женщины в автобиографических текстах выступали в роли носительниц и трансляторов знаний о повседневном, в то время как мужские тексты воспроизводили события в социально-политической, событийной сфере [5, с. 294]. Мужчины если и писали о семейной жизни, детях, то их тексты редко передавали эмоции и переживания, особенности межличностной коммуникации членов семьи.

Репрезентировать мир материнских чувств и переживаний позволяют исключительные по своему характеру материалы – личные дневники, т.к. в них женщины фиксировали свои мысли, изливали собственные чувства, самопрезентировали себя в формате «здесь и сейчас». Дневники обладают рядом преимуществ перед устным рассказом респондента, часто применяемым в этнографии. В дневнике отражена субъективность автора на момент происходящего события, сохраняется рефлексивность размышлений [7, с. 45]. Дневники не предназначались для публичного чтения. Они были ориентированы не вовне, а внутрь, раскрывая сложные пласты женской личности. В них «информантки» концентрировались не столько на описании происходивших событий, сколько на передаче своих внутренних ощущений от пережитого.

Сложно согласиться с зарубежными исследователями женских нарративов [8; 9], которые подчеркивали, что чаще в архивах встречаются дневники незамужних девушек, которые по природе более склонны к рефлексивным размышлениям о себе, своем поведении, взаимоотношениях с окружающими, чем замужние женщины. В российских столичных и региональных архивах были обнаружены многочисленные дневники, принадлежавшие провинциальным матерям-дворянкам. Эта практика была не просто распространенной среди замужних женщин, она превратилась в своеобразный ритуал. Дневник выступал в роли собеседника, которому дворянки изливали свои переживания. В повсеместную продажу входили специальные женские тетради-дневники, особо декорированные, нередко оснащенные миниатюрными замочками и закладками. Культуру автобиографического письма матери нередко передавали своим дочерям, преподнося красивые тетради-дневники в качестве подарков.

В то же время «женские тексты» нередко вызывают сложности при работе с ними по той причине, что их содержание может характеризоваться фрагментарностью, противоречивостью, сложностью прочтения и интерпретации. Помимо этого, в женском письме сложно уловить субъективность автора, его собственную позицию, т.к. центром автобиографической наррации выступает любимый/нелюбимый мужчина [1, с. 152–160]. В условиях мужского доминирования, преобладания патриархатных норм в семейной жизни, где творцом и актором выступал мужчина, субъективность матери-дворянки часто находилась в

зависимости от мужских взглядов и оценок. Что бы ни описывала женщина (даже сугубо интимный по своему характеру родовой акт), она всегда рассматривала себя в зависимости от представлений мужчины: как оценивает это событие муж, каковы его переживания и действия. Чувство вины, неудовлетворенность настоящим, рефлексивные размышления раскрывались на страницах «материнских текстов». Отсюда – преобладание драматичного, «болевого» письма.

Женские письма в меньшей степени, чем дневники, отражают субъективность автора. Повествование в них сдержанное, зачастую облаченное в нормы приличия и светского этикета, но в то же время более яркое и содержательное, чем в мужской переписке, которая часто носила деловой характер. В большинстве семейных фондов преобладают письма, принадлежавшие женщинам, которые отвечали за социальную коммуникацию, выступая транслятором семейных ценностей. Личная переписка явилась важнейшим источником по изучению женской повседневности. На страницах личной семейной переписки запечатлелись такие области материнской повседневности, как подготовка к родам, поиск акушеров и врачей, грудное вскармливание, покупка и пошив одежды для новорожденного, поиск кормилиц, уход за ребенком, контакты с педиатрами, болезни и смерть детей. В эмоциональном отношении более содержательна интимная переписка между влюбленными и супругами. Собранные «голоса матерей» позволяют обогатить важную страницу исторической памяти – семейную память, репрезентировать повседневный мир, чувства и переживания матерей прошлого и представить материнство в качестве сложного социально-культурного явления, имеющего социально-конструктивистскую природу.

**Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 24-18-00212 «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия».*

Список литературы

1. *Жеребкина И.* «Прочти мое желание…». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000. 251 с.
2. *Мицюк Н.А.* Типы российских дворянок начала XX в. по отношению к собственной фертильности и материнству // Женщины в российском обществе. 2014. № 2. С. 17–28.

3. *Мицюк Н.А.* Проблема материнства в современных зарубежных исторических исследованиях // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 2. С. 124–135.
4. *Мицюк Н.А.* Родительский дневник – важный источник в репрезентации истории семьи, детства дореволюционной России // Вестник Пермского университета: Серия История. 2015. № 4. С. 56–63.
5. *Пушкарёва Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 495 с.
6. *Савкина И.* «Пишу себя…». Женские автодокументальные тексты в русской литературе XIX в. Tampere: University of Tampere, 2001. 360 с.
7. *Ярская-Смирнова Е.* Одежда для Адамы и Евы: очерки гендерных исследований. М.: ИНИОН РАН, 2001. 254 с.
8. *Cott N.* Root of Bitterness: Documents of the Social History of American Women. 2nd ed. Boston MA: Northeastern University Press, 1996. 385 p.
9. *Cott N.* Public Vows: A History of Marriage and the Nation. 2nd ed. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2002. 297 p.
10. *Heldt B.* Terrible Perfection. Women in Russia Literature. Bloomington: Indiana University Press, 1987. 192 p.

О.И. Лисицына
Тверь, Тверской государственный университет

Женское репродуктивное здоровье в восприятии профессионального медицинского сообщества Российской империи конца XIX в.

Во второй половине XIX в. в Российской империи происходит интенсивное развитие медицинской науки, являющее собой часть общеевропейской тенденции. Одновременно в отечественной медицине завершается процесс выделения в самостоятельные клинические научные дисциплины акушерства и гинекологии [3, с. 158], и несмотря на то, что последняя продолжала восприниматься преимущественно в репродуктивном контексте, ее развитие в данный период также представляется несомненным.

К концу XIX в. в дискуссии о положении женщины и о месте материнства в ее жизни, возникшие в контексте «женского вопроса», включаются медицинские периодические издания, такие как «Акушерка», «Журнал акушерства и женских болезней» и др. В такого рода изданиях публиковались материалы как российских, так и зарубежных представителей медицинского сообщества, и если переведенные материалы в большинстве своем носят сухой,

справочный характер (как правило, это рефераты работ западных врачей, зачастую – их публикаций в зарубежной медицинской периодике, представляющих собой описание отдельных «случаев», т.е. «казуистику», либо тех или иных новшеств: «влагалищных оросителей», спиралей», «пессариев»), то русскоязычные статьи и материалы нередко покидают предметную область медицины и через вопросы, связанные с проблемами беременности, родов, «женских болезней» и т.д. выходят в плоскость демографии, этнографии, антропологии и, что особенно важно, этики.

В частности, в этической плоскости, связанной непосредственно с восприятием женщины в российском обществе конца XIX в., разворачивается полемика по такому, казалось бы, сугубо медицинскому вопросу, как определение предметной области гинекологии. Как уже упоминалось, гинекология в данный период испытывает сильное влияние акушерства и вне его фактически не развивается, женские половые органы зачастую именуются «детородными частями» [7, с. 230], и значительно более распространенной, чем «акушерство и гинекология», является такая связка понятий, как «акушерство и женские болезни».

Несмотря на то, что термин «гинекология» еще лишь начинал входить в научный обиход [2, с. 1] и подразумевал под собой лечение «женских болезней», некоторые врачи пытались давать ему собственную трактовку, отличную от общепринятой, что представляется весьма интересным в контексте данной темы. Так, профессор акушерства и женских болезней, директор Варшавского повивального института Н.В. Ястребов определяет гинекологию как «науку о женщине» и в качестве ее главной задачи выдвигает «соблюдение интересов женщины» [5, с. 15]. Но интересно отметить, что именно он подразумевает под этим: речь идет о необходимости максимального сохранения репродуктивных функций женщины – даже в ходе оперативных вмешательств [5, с. 22], проводившихся в сфере гинекологии лишь по очень весомым показаниям. Следовательно, с точки зрения профессора, именно сохранение репродуктивных функций с необходимостью должно отвечать интересам женщины. Однако по сути даже в реалиях последнего десятилетия XIX в. данная установка подразумевала весьма значительный риск для жизни оперируемой, т.к. увеличивала время проведения операции, что, в свою очередь, существенно повышало требования к антисептике, анестезии и

врачебному профессионализму до уровня практически недостижимого в условиях реальной врачебной практики.

Позиция другой части медицинского сообщества нашла отражение в докладе доктора медицины П. Зейдлера, прочитанного на заседании Санкт-Петербургского акушерско-гинекологического общества в 1889 г. Он находит возможным «на законных основаниях» пожертвовать «жизнью плода <…> для спасения жизни матери» [1, с. 321], причем считает допустимым по медицинским показаниям осуществлять как прерывание текущей беременности, так и предотвращение последующих. Однако он также делает симптоматичную оговорку, что считает «невежеством» и «дерзостью» [1, с. 322] просьбы о прерывании беременности со стороны физически здоровых пациенток. Подобные тенденции вполне вписываются в русло общественного мнения, для которого прокреативная функция «половых отправлений» имеет неоспоримый приоритет перед рекреативной, и нерепродуктивный секс продолжает восприниматься как грех и преступление против человеческой природы [4, с. 162]. Однако постепенные изменения в медицинском дискурсе о «функции» и «предназначении» женщины вст же происходят, постепенно оказывая влияние и на широкую общественную полемику о положении женщины в обществе в контексте ее репродуктивных обязанностей. Важно, что постепенно главной проблемой, вокруг которой развивается этот дискурс, становится проблема признания ценности женщины не только как матери, но и как личности, обладающей собственной субъектностью, голосом и правом выбора, когда речь идет о ее здоровье и, возможно, жизни. Данная полемика демонстрирует не только наметившийся «тектонический сдвиг» в общественном сознании, но и то, насколько медленным и нелинейным является процесс трансформации медицинского (и общественного) дискурса о женском репродуктивном здоровье, как и о материнской роли женщины в целом.

Список литературы

1. *Зейдлер П.* Допустимы ли при некоторых патологических процессах меры, клонящиеся к временному предотвращению беременности // Журнал акушерства и женских болезней. 1889. № 5. С. 28–31.
2. *Массен В.Н.* Гинекология на парижской всемирной выставке 1889 г. // Журнал акушерства и женских болезней. 1889. № 10. С. 81–84.

3. *Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л.* От повивального искусства к акушерской науке: анализ акушерской литературы, изданной в России в 1760–1860 гг. // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2017. Т. 16. № 3. С. 151–164.
4. *Толстой Л.Н.* Крейцерова соната // Собрание сочинений: в 20 т. Т. 12. Повести и рассказы. 1855–1902 гг. М.: Гослитиздат, 1965.
5. *Ястребов Н.В.* К вопросу об удалении двухсторонних пароваріальных кист // Журнал акушерства и женских болезней. 1887. Т. 1. № 1. С. 15–21.
6. *Meadows A.* Должна ли быть уничтожена краниотомия? // Журнал акушерства и женских болезней. 1887. Т. 1. № 2. С. 91–93.
7. *Nardmann.* Случай повреждения половых частей маленькой девочки // Журнал акушерства и женских болезней. 1889. Т. 3. № 3. С. 15–19.

И.В. Синова
Санкт-Петербург, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина;
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

«Наука о бабичьем деле»: медицинские новации и гендерная характеристика кадрового состава Санкт-Петербургского клинического повивально-гинекологического института для бедных в конце XIX – начале XX в.

Вопросы материнства и детства, а также родовспоможения в разные исторические периоды представляют интерес для историков, психологов, социологов, врачей. В публикациях специалистов XIX – начала XX в. преимущественно рассматривалась эволюция медицинских учреждений и школ для повивальных бабок в России [2; 5; 10]. В современной науке историки исследуют вопросы развития охраны материнства и младенчества, гендерные аспекты медицинского образования в дореволюционный период времени [1; 3; 4; 6].

Первое родовспомогательное заведение в Санкт-Петербурге «для бедных замужних женщин» было открыто на средства жены Павла I Марии Федоровны в 1797 г., и одновременно при нем начала действовать повивальная школа. Сословная принадлежность рожениц определяла место и условия, в которых проходили роды, поэтому и заведения открывались именно для

бедных представительниц. У женщин из привилегированных слоев населения их, как правило, принимали врачи на дому.

По мере роста численности населения столицы медицинские учреждения перестали удовлетворять потребностям нуждающихся в помощи женщин-рожениц, особенно городских окраин. В связи с этим они нередко разрешались от бремени в полицейских будках, во дворах домов и на улицах в процессе поиска свободных мест в одном из родовспомогательных заведений [5, с. 5]. Говорить не то что о соблюдении санитарных норм, но элементарно о чистоте в этом случае не приходилось. Отсюда и высокий уровень смертности младенцев, а у женщин – инфекции и порой летальные исходы.

В соответствии с Указом Николая I Повивальный институт в 1828 г. был объявлен государственным учреждением под покровительством Великой княгини Елены Павловны, в связи с чем его иногда называли «Еленинским». При этом развитие системы родовспоможения в столице по-прежнему отставало от возрастающих потребностей в связи с ростом численности населения. Но Повивальный институт на протяжении XIX в. не только менял свои названия и покровителей, а прежде всего расширял свои функции, выйдя за рамки чисто медицинских в сторону педагогических и научных. А следовательно, развивался, набирая опыт и готовя кадры. Согласно новому Уставу, утвержденному в 1904 г., Императорский повивальный институт являлся не только лечебным, но и научным и высшим специальным учебным заведением, имевшим целью всестороннее изучение акушерства и женских болезней, а также разработку способов наиболее успешного врачевания больных [7].

В фонде Повивально-гинекологического института Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) хранятся протоколы заседаний врачей института, которые свидетельствуют о демократическом принципе обсуждения вопросов организации его деятельности, взаимоотношений между персоналом, системе обучения. В документах содержатся сведения об обсуждении нового устава, о разборе каждого сложного случая родов, о принятии оперативных решений и выработке системы передачи и распространения опыта, о дезинфекции помещений и одежды персонала, о питании рожениц и учеников [8; 9]. В связи с тем, что с 1900 г. ин-

ститут получил права высшего учебного заведения и полноценно стал заниматься подготовкой врачей, а не только повивальных бабок, в документах видна эволюция, которая происходила в отношении форм и методов обучения. По просьбе слушателей для облегчения занятий по оперативному акушерству решено было «выписать фантом, тазы, куклу и поставить черные доски в курительной комнате» [9, л. 1].

С 1904 г. Повивальный институт продолжил работать в новом здании на Васильевском острове, рассчитанном на 190 кроватей [8, л. 2]. В начале XX в., когда водопровод, канализация, отопление и электрическое освещение были далеко не в каждом доме столицы, в институте была собственная электростанция, водопровод с фильтром для механической очистки, центральное пароводяное отопление и уж совсем редкость для того времени – вентиляция. При этом для каждого помещения устанавливался индивидуальный температурный режим и уровень влажности. Это было особенно важно для операционных. При институте работали собственные прачечная и хлебопекарня. Условия пребывания в клинике были гораздо лучше тех, в которых женщины проживали постоянно.

Большое внимание уделялось гигиене как матерей, так и новорожденных. Центральное отопление, ванна и туалет в доме для большинства представительниц бедного населения были роскошью. А в институте имелись умывальники с горячей и холодной водой, пеленальные столы, ванны для рожениц, электрическое освещение у каждой кровати и индивидуальные предметы гигиены. Вместе с матерями в палатах размещались также новорожденные дети. Для них были созданы все необходимые санитарно-гигиенические условия, включавшие ванночки и даже специальные паровые шкафчики, которые подогревали белье.

Согласно отчету, только за 1905 г. в институт было принято 2693 беременных женщин и рожениц [8, л. 6]. В новом здании было создано отделение физических методов лечения с кабинетами для рентгеноскопии, радиографии, электризации, общего массажа и водолечебницей [8, л. 2]. Такой набор методов диагностики и лечения для начала XX в., да еще и для бедных слоев населения был показателем того, что внедрению инноваций в систему родовспоможения уделяли особое внимание. И это было государственной политикой, исходившей от импера-

торского двора, о чем свидетельствует выделенное на институт финансирование в 1905 г. Оно составило 312 337 рублей 05 копеек из средств Государственного Казначейства и из Собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии [8, л. 2]. Но такой бюджет был только у данного института. Кроме того, существовала проблема недостатка персонала, прежде всего, способного работать в отделении физических методов лечения [8, л. 2].

Институт выполнял еще и педагогические функции, поэтому приезжавшие со всех концов России врачи слушали теоретические курсы, а также допускались до дежурства в родильном отделении, где под руководством директора, профессоров и дежурных ассистентов «не только упражнялись в различных способах клинического исследования больных, но и допускались до производства операций» [8, л. 3]. Только в 1905 г. слушателей врачей было 157 человек, а слушательниц женского медицинского института – 254 человека [8, л. 3]. Данная статистика свидетельствует не только о доминировании женщин в данной сфере образования, а в дальнейшем и деятельности, но и о самом факте их интереса и возможностей получения высшего образования. Одновременно в институте продолжалось обучение в повивальной школе, число учениц насчитывало 415 человек. Из 253 женщин, принятых в 1905 г., более 60% были в возрасте от 20 до 30 лет, принадлежали к привилегированным сословиям, т.е. являлись выходцами из семей дворян или священнослужителей, были дочерями или женами чиновников – 25,6%, остальные принадлежали к купцам, мещанам и разночинцам. Что касается их образования, то только одна женщина имела высшее образование, у 27,4% было среднее, ниже среднего – у 38,8%, домашнее – у 33,3% [8, л. 4–5].

Несмотря на то, что в документах института не выявлены факты какой-либо дискриминации в отношении женщин-врачей или обучающихся, хотя познакомиться с уровнем их зарплаты не представилась возможность, зато в фонде хранятся сравнительные ведомости мужской и женской прислуги. Представленный перечень свидетельствует не только о наличии мужских и женских должностей, связанных, прежде всего, с физическими возможностями тех и других, но и о разнице жалованья, а также дополнительных средствах на питание и одежду.

К мужским должностям относились кочегар, садовник, кладовщик, рабочий при пекарне, кухонный мужик, сторож при покойницкой, паспортист, вахтер, часовой у ворот, истопник, дезинфектор. К женским – надзирательница над женской прислугой, при этом подобной должности у мужчин не было, поломойки, горничные, акушерки, помощницы при кухне, при послеродовом отделении, при аптеке, при библиотеке, в приемном покое. Жалованье мужчин в зависимости от должности в 1899 г. было от 120 до 360 рублей. Максимальную сумму получал вахтер старшего оклада и повар старшего оклада. Кроме этого, предусматривались выплаты на пищу от 54 до 120 рублей и некоторым категориям работников на одежду от 17 до 76 рублей. В результате самые большие выплаты – 480 рублей – получал вахтер старшего оклада. Выплат в размере менее 174 рублей в 1899 г. у работников-мужчин не было, а в 1909 г. не было меньше 209 рублей [8, л. 283 об. – 284].

Что касается женских должностей, то по штату должность надзирательницы над женской прислугой появилась только в 1909 г., и жалованье ей составляло 180 рублей. При этом выплата на питание у всех женщин была одинаковой и составляла в 1899 г. 62 рубля, в 1909 г. – 72 рубля. Жалованье у всех женщин вне зависимости от должности в 1899 г. было 90 рублей, на одежду платили всем одинаково – 18 рублей. В 1909 г. повысили жалованье только помощнице в операционной до 120 рублей [8, л. 205 об. – 206]. Данная статистика очень показательна для понимания господствовавшей дихотомии по отношению к женщине в российском обществе. С одной стороны, происходившие перемены по отстаиванию их прав не могли не привести к возможности получения образования, но, с другой стороны, эти права ограничивались и оплатой труда, и возможностью занимать определенные должности. Аналогов Императорскому повивальному институту в начале XX в. не было ни в Европе, ни в России. И в этом огромная заслуга Дмитрия Оскаровича Отта, чье имя он носит до настоящего времени.

** Подготовлено по гранту Российского научного фонда № 22-18-00421, https://rscf.ru/project/22-18-00421/.*

Список литературы

1. *Айламазян Э.К., Цвелев Ю.В.* От Императорского повивального института до первого академического института акушерства и гине-

кологии России // Журнал акушерства и женских болезней. 2004. Т. 3. Вып. 1. С. 4–10.
2. *Груздев В.С.* Краткий очерк истории акушерства и гинекологии в России // Акушерско-гинекологические учреждения России. СПб., 1910. С. 5–76.
3. *Зимин К.В.* Женское медицинское образование в России (вт. пол. XVШ – начало XX вв.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. 52 с.
4. *Зимин К.В.* Подготовка медицинских кадров в России (XIX – начало XX вв.). СПб.: Издательство СПбГМУ, 2004. 367 с.
5. *Кривошеин М.П.* Сравнительный обзор призрения рожениц в городских родильных приютах. СПб.: б.и., 1897. 296 с.
6. *Синова И.В.* Материнство на рубеже XIX–XX веков // Сборник материалов международной научной конференции «Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX–XX вв. СПб, 14–16 марта 2012 г. СПБ.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2012. С. 126–131.
7. Устав Императорскаго С.-Петербургскаго клиническаго повивально-гинекологическаго института для бедных: [утвержден 30 сентября 1904 г.]. СПб.: Типография штаба Отдельного корпуса пограничной стражи, 1904. 23 с.
8. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 469. Оп. 2. Д. 16.
9. ЦГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 29.
10. *Чистович Я.А.* История первых медицинских школ в России. СПб.: Типография Якова Трея, 1883. 67 с.

М.С. Сергеева, А.А. Старкус
Москва, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова

Место женщины в акушерской практике конца XIX – начала XX в.

В первой половине XIX в. происходит постепенный переход от повивального дела к акушерской науке, связанный, с одной стороны, с включением повивального искусства в учебную программу медицинских факультетов, с другой – с введением обязательных для повивальных бабок учебных курсов и экзаменов на право заниматься профессиональной деятельностью. Тем не менее акушерская наука долгое время оставалась теоретической дисциплиной, а возможности выпускников университетов при-

менить свои знания на практике были ограничены исключительно крупными и столичными городами.

Целью статьи является выявление роли женщины в акушерской практике провинциальной России, рассмотренной на примере Нижегородской губернии конца XIX – начала XX в. Данный кейс привлекает внимание исследователей характерным развитием земской медицины, специфической эпидемической обстановкой в регионе и повсеместным распространением народной медицины: деятельностью знахарок и неученых повитух, к которым предпочитало обращаться население деревень.

Практика женщин-повитух издревле существовала в русской деревне [2, с. 153–160]. Потребность в квалифицированной медицинской помощи во время родов впервые возникла в среде аристократов в XVIII в., поскольку необразованность и профессиональная некомпетентность отечественных повивальных бабок часто становилась причиной патологий новорожденных детей [1, с. 6]. С XVII в. проблема дефицита специалистов-медиков решалась в России за счет приглашения профессионалов из-за границы, однако помощь в родах иностранок стоила дорого и была доступна далеко не всем [1, с. 9]. Сохранявшаяся в деревнях в неизменном виде практика необразованных повитух влияла на демографическую ситуацию в стране, выводя вопросы родовспоможения в череду важнейших государственных задач. Требовалось введение повсеместного контроля за подготовкой и деятельностью повивальных бабок. Однако в XVIII в. в России при явной потребности в развитии акушерства как науки женщины не допускались в академическую среду, привилегии университетского образования были доступны исключительно мужчинам. В силу исторической традиции представительницы женского пола и не стремились проникнуть в университеты, поэтому акушерство первое время развивалось изолировано от практики. Поэтому в 1797 г. по инициативе императрицы Марии Федоровны (1759–1828) в Санкт-Петербурге был открыт Повивальный институт [3, с. 154] и при нем родильное отделение. Единственный повивальный институт, конечно, не был способен обеспечить нужды всего государства, тем не менее, постепенно расширяя свою деятельность и штат, он начал обучение женщин повивальному делу [7].

Рассмотрим проблему формирования и деятельности профессиональных акушерок в провинции на примере Нижегородской губернии. Активное развитие медицина в изучаемом регионе получила с 1870-х годов, когда появилась стационарная система оказания медицинской помощи населению. Она характеризовалась созданием медицинских участков под руководством врача в составе акушерки, провизора и фельдшера [4, с. 58]. Тем не менее в силу консервативности и недоверия крестьян к городским ученым акушерок редко звали на роды в деревнях, предпочитая по традиции обращаться к местным повивальным бабкам.

Такая практика часто приводила к смерти младенцев в родах. Данную проблему женщина-врач М.П. Лихарева подняла в своем выступлении на 3-м Съезде нижегородских врачей Нижегородской губернии 1890 г. [6]. В качестве решения она предложила открыть восьмимесячные акушерские курсы для деревенских повитух. С одной стороны, это позволяло решить медицинскую проблему (повысить их квалификацию и снизить младенческую смертность), с другой – сохранить отношения с деревенским населением, что имело особую важность, т.к. крестьяне не были склоны доверять приезжим ученым акушеркам.

Другой сложностью была низкая оплата труда среднего медицинского персонала. Так, вопрос об улучшении экономического положения помощников врачей поднимался на заседании врачебного совета в г. Балахне Нижегородской губернии 27 августа 1907 г. и широко освещался в «Нижегородской земской газете» [8]. Особенно остро эта проблема вставала в период ухудшения эпидемической обстановки в губернии, например при распространении холеры. Таким образом, недостаток акушерок объяснялся не только сложными условиями труда, но и низким уровнем заработной платы.

Тем не менее в 1908 г. в Нижнем Новгороде при женской Канавинской лечебнице появилась Повивальная школа женщины-врача Х.А. Шапиро. В Уставе школы отмечалось, что женщины должны были проходить основательную теоретическую и практическую подготовку с «обязательным принятием не менее 12-ти родов» [5, с. 8]. Этот факт указывал на потребности в подготовленных акушерских кадрах, подобных учебных заведениях в провинции и стремление женщин занять достойное место в данной медицинской профессии.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что родовспоможение, несмотря на значительный вклад университетских профессоров в развитие акушерской науки, на практике продолжало оставаться преимущественно женской сферой деятельности, в связи с чем единственной возможностью повысить качество родовспомогательной деятельности вдали от университетских городов было увеличение в провинции профессионально грамотных повивальных бабок. Во второй половине XIX в. благодаря развитию общественного движения за гражданские права женщины не только чаще стали проявлять интерес к обучению на медицинских факультетах, но и получили возможность обучаться в локальных повивальных школах. Одним из таких примеров является повивальная школа Х.А. Шапиро в Нижнем Новгороде.

Список литературы

1. *Зимин И.В., Журавлев А.А.* ПСПбГМУ им. акад. И.П. Павлова: этапы большого пути. Возникновение женского медицинского образования в России и создание Женского медицинского института (XVIII – начало XX вв.). СПб.: Изд-во СПбГМУ, 2020. 387 с.
2. *Мицюк Н.А.* Формирование системы клинического родовспоможения в России (конец XVIII – начало XX в.) // История медицины. 2021. Т. 7. № 2. С. 153–160.
3. *Мицюк Н.А.*, *Пушкарёва Н.Л.* Формирование системы клинического родовспоможения в России (конец XVIII – начало XX в.) // История медицины. 2021. Т. 7. № 2. С. 153–160.
4. *Мустафин И.Р., Мустафин Р.Р., Пятилышнова О.М.* Развитие системы здравоохранения и медицинского обслуживания населения в уездах Нижегородской губернии в 60–80-е годы XIX века // Манускрипт. 2018. № 12–1 (98). С. 57–61.
5. Нижегородская повивальная школа Х.А. Шапиро. Устав Повивальной школы женщины-врача Х.А. Шапиро, при ее Женской Канавинской лечебнице с отделением для рожениц в городе Нижнем Новгороде. Нижний Новгород: б.и., 1908. 8 с.
6. Об акушерской помощи в деревне // Нижегородский листок. 1895. № 346.
7. Петербургский клинический повивальный институт. Сто лет деятельности Императорского Клинического повивального института: (1797 г. – 1897 г.): Историко-медицинский очерк / сост. под ред. проф. Дм. Отта. СПб.: Государственная типография, 1898. 1281 с.
8. Текущие сведения // Нижегородская земская газета. 1907. № 35. С. 9.

А.В. Яворская, Е.А. Крестьянников
Тюмень, Тюменской государственный университет

Детоубийство в поздней Российской империи: социальная болезнь города или деревни?

Детоубийство – это убийство матерью собственного новорожденного ребенка. В культурном контексте поздней Российской империи детоубийство стало традиционно женским преступлением, совершавшимся под давлением сложных и многообразных жизненных обстоятельств. Осмысляя феномен детоубийств, современники – юристы, журналисты и врачи – обращали пристальное внимание на причины данного преступления. Кроме того, в центре дискуссии оказался и вопрос о характере детоубийства. Исследователи пытались ответить на вопрос: детоубийство – это городское или сельское преступление? Интерес к этой проблеме был вызван тем, что в поздней Российской империи наблюдался бурный рост городов и городского населения, широкое распространение получал городской образ жизни, началось изучение преступности в городской среде.

Исследователи помещали детоубийство либо в рамки типичного городского преступления, либо в рамки типичного деревенского преступления. Изучение городского или сельского характера детоубийства основывалось на противопоставлении города и деревни, сравнении образа жизни их населения, признании разницы в уровне нравственности горожан и деревенских жителей.

Размышляя о том, сельским или городским преступлением является детоубийство, большинство исследователей склонялись к первому варианту. Так, М.Н. Гернет считал городскую культуру с ослабевшим корпоративным контролем и отсутствием стигматизации фактором, сдерживающим детоубийство, свойственное отсталому деревенскому обществу. Напротив, С.С. Шашков видел в городах ядро порока и цинизма, противопоставляя ему деревню, сумевшую сохранить в себе остатки архаичной праведности, называя, таким образом, детоубийство городским преступлением. Для многих исследователей-современников, занимавшихся вопросом детоубийства, факт регистрации большей части подобных преступлений в деревне не свидетельствовал о падении нравов в сельских поселениях, а

говорил об особенностях сельского быта. Ряд авторов в своих размышлениях даже приходили к мысли, что деревня сохранила в себе исконную добродетель и, возможно, даже нравственнее города, способного устранять свидетельства своей порочности.

Такая линия сравнения и выводы, сделанные с ее помощью, не уникальны для детоубийства. Схожие суждения, объяснительные модели и противопоставления встречались, например, и в культурной интерпретации проблемы сифилиса. Л. Энгелстейн рассмотрела взгляд земских врачей на «сифилис, секс и общество». Дело в том, что в поздней Российской империи сифилис получил большее распространение в деревенской местности, но это опять же не означало нравственного падения деревни, поскольку большая часть заболевших заражалась бытовым путем. Там способствовал росту заболеваемости сифилисом низкий уровень гигиены – образно такое заболевание именовали «сифилисом невинных». В городе же случаи заболевания сифилисом были реже, но заражения происходили чаще половым путем.

Подобная схожесть объяснительных моделей этих явлений – детоубийства и сифилиса – возможна, поскольку фокус внимания переносится с медицинской оптики (в первом случае еще и с юридической) на оптику социальную. Последняя же в поздней Российской империи тесно сопрягалась с городским сюжетом. Тенденции к модернизации и урбанизации невозможны без социальных трансформаций, вызывавших острый интерес со стороны ученого сообщества. Сильное влияние городского образа жизни на изменение традиционных социальных отношений и определило тот энтузиазм исследователей при рассмотрении общественных бедствий, подобных сифилису или детоубийству, именно в городской среде. Сравнение проявлений тех или иных социальных пороков в городе и деревне, где темпы социальной трансформации шли медленнее, позволяли лучше понять природу и характер проблемы и, самое главное, помочь разработать меры по ее устранению. Таким образом, детоубийство понималось в форме социальной болезни, симптоматику которой, а также меры по устранению которой возможно было обнаружить в ходе сравнения города и деревни.

В.А. Веременко
Санкт-Петербург, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Деятельность государственных и общественных организаций по стимулированию матерей к грудному вскармливанию младенцев в С.-Петербурге в конце XIX – начале XX в.

Детская смертность в конце XIX в. была настолько высокой, что грозила ощутимыми демографическими последствиями. Так, в Лондоне в 1881–1885 гг. на 100 родившихся в возрасте до года умирало 15 младенцев, в Мюнхене – 33,1, в Петербурге в этот же период – 30,1, в Москве – 34 [8, с. 607–608]. Конечно, причины такой статистики были многочисленными, их решение требовало комплексного подхода. Одним из главных факторов был способ питания, ведь «смертность при грудном кормлении, по крайней мере, в 7 раз меньше, чем при искусственном вскармливании» [10, л. 34 об. – 35 об.]. В этой связи государственные и общественные организации однозначно провозглашали необходимость создания всевозможных условий для привлечения матерей к выполнению одной из главных природных функций женщины – обеспечения новорожденного младенца грудным молоком.

Однако значительная часть жительниц Санкт-Петербурга не имела возможности (а некоторые и желания) предоставить своим детям доступ к соответствующему их возрасту питанию. В отдельных случаях это было связано с отсутствием у женщины молока или с состоянием ее здоровья [11, с. 12]. Однако значительно бóльшая часть матерей переводила своих детей на искусственное вскармливание из-за работы, которая вынуждала женщину оставлять младенцев на 10–14 часов в день. Наконец, были и те, кто имея все возможности, все же не находили времени и сил для этого «утомительного занятия».

В многочисленных статьях и лекциях, ориентированных на самую разную аудиторию, гигиенисты, врачи и педагоги стремились доказать матерям важность их особого предназначения, не уставали подчеркивать значимость грудного вскармливания как важнейшего фактора здоровья детей [3; 6]. Значительную роль в пропаганде этой формы питания играли и многочислен-

ные городские и общественные организации, занимавшиеся консультированием молодых матерей и помощью им. Прежде всего, речь идет о столичной «Капли молока», процесс реорганизации которой в «Городские консультации для матерей и грудных детей» начался в 1914 г. [2]. При всей важности пропагандистской и консультационной работы результаты ее были крайне незначительны: большинство матерей либо вообще не получало никакой информации, либо не имело возможности реализовать полученные знания. В этой связи, как это ни удивительно, наиболее успешной формой привлечения матерей к грудному вскармливанию собственных детей стала деятельность С.-Петербургского воспитательного дома, занимавшегося призрением оставленных родителями незаконнорожденных детей.

Воспитательный дом был самым крупным учреждением детского призрения столицы империи: только в 1882 г. туда был принесен 9201 ребенок, из которых в первый год жизни умерло 5378 человека (58,4%) [4, с. 5]. Долгие годы основной формой обеспечения молоком младенцев было приглашение на работу в учреждение кормилиц, причем одна женщина должна была вскармливать только одного питомца. Стоимость услуг этих работниц в Воспитательном доме в начале 1880-х годов доходила до 60 коп. в день (18 руб. в месяц) [5, с. 174]. Помимо этого, «мамки» получали и «социальный пакет», например, в 1880 г. каждой кормилице Воспитательного дома полагалось выдавать только экипировочных (белье, юбки, рубашки, башмаки и т.д.) и постельных принадлежностей на сумму более 68 руб. [1; 9, л. 7 об., 26–27, 126–127].

На фоне трудностей с поисками и оплатой труда кормилиц руководство учреждения приняло решение привлечение к этому процессу самих матерей, поместивших своих детей в Воспитательный дом. С сентября 1882 г. почетным опекунам предоставлялось право разрешать матерям кормить своих детей в течение трех лет, оплачивая их деятельность в половину стоимости наемной кормилицы: в первый год – 30 коп. в сутки, во второй – 20 коп., в третий – 10 коп. в сутки. По истечении же трех лет матери имели право забрать своих детей из Дома [5, с. 174].

В течениие 1890-х годов число детей, попадавших в учреждение, но продолжавших вскармливаться собственным матерями, постоянно росло. Так, если в 1892 г. из 6486 человек поступивших сохранили связь с матерью 3862 человека (59,5%), то

в 1898 г. из 6265 человек принесенных вскармливались матерями уже 5272 (84,2%). Данное обстоятельство сказывалось как на выживаемости младенцев, так и на возвращении их назад в семью. Например, в 1900 г. покинули Воспитательный дом вместе со своими матерями 2309 питомцев учреждения [7].

Таким образом, в последней трети XIX – начале XX в. государственные, городские и общественные организации Санкт-Петербурга приступили к целенаправленной работе по снижению детской смертности. Главным направлением их деятельности стало стимулирование грудного вскармливания младенцев. Именно убеждение матерей не отказывать своим детям в полноценном питании должно было обеспечить выживаемость тысяч ежегодно гибнущих жителей столицы. Однако пропагандистская работа гигиенистов, врачей и педагогов оказывалась малодейственной для большинства задыхающихся от безденежья наемных трудениц. В этом плане значительно более серьезных результатов достигло руководство С.-Петербургского воспитательного дома. Труд кормилец в нем был заменен грудным вскармливанием самими матерями. Оплата их труда давала возможность женщинам, находившимся в трудной жизненной ситуации, сохранить связь с ребенком с возможной перспективой забрать его из учреждения.

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421, https://rscf.ru/project/22-18-00421/.*

Список литературы

1. *Веременко В.А.* Организация питания младенцев в столичных дворянско-интеллигентных семьях России во второй половине XIX – начале XX в // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: Материалы международной научной конференции: в 2-х т. СПб., 06–08 апреля 2023 года / отв. ред. В.А. Веременко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2023. Т. 2. С. 111–115.
2. Гигиена детства в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии (середина XVIII – начало XX вв.): Сборник документов и материалов / сост. В. А. Веременко, И. В. Синова, С. В. Зайцева, О. А. Семенова, А. Е. Жукова, С. В. Степанов, Т. В. Волгина. СПб.: Пропаганда, 2023.
3. Мать-кормилица. СПб., 1901.
4. По вопросу о некоторых преобразованиях Воспитательных Домов. СПб., 1888.

5. Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. 4. Кн. 1. СПб.: б.и., 1895. III, 617 с.
6. *Стржельбицкий И.К.* К вопросу о кормлении детей грудью их матери: Часть данной ст. была прочит. в Секции дет. болезней 8 Съезда рус. врачей в память Н.И. Пирогова в Москве, 7 янв. 1902 г. М. Товарищество типографии А.И. Мамонтова, ценз., 1902. 20 с.
7. *Термен С.Э.* Призрение несчастнорожденных в России. СПб.: Типография и переплетная Ю. Мансфельд, 1912. VII, 245 с.
8. *Уиппль Дж.Ч., Новосельский С.А.* Основы демографической и санитарной статистики. М.: Государственное медцинское издательство, 1929. 683 с.
9. Центральный государственный исторический архив г. С.-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 8. Оп. 1. Д. 377.
10. ЦГИА СПб. Ф. 210. Оп. 1. Д. 1000.
11. *Якобзон Л.Я.* Друг матери. Календарь для матерей на 1901 г. СПб.: А.Е. Ландау, 1900. 324 с.

О.А. Семёнова
Санкт-Петербург, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Наследие М.А. Дрожжиной: бесплатный родильный приют в Царском Селе в начале XX в.

Родовспоможение в медицинских учреждениях Санкт-Петербургской губернии в конце XIX – начале XX в. характеризовалось разнообразием форм. Это были акушерские клиники при медицинских учреждениях, родильные приюты и родильные отделения при больницах и дворцовых госпиталях [3].

В начале XX в. в предместье Царского Села на Павловском ш. по инициативе вдовы потомственного почетного гражданина М.А. Дрожжиной был открыт родильный приют. Возвела она его на личные средства на территории своей дачи, доставшейся в наследство от мужа Дмитрия Алексеевича Дрожжина. В память о нем, как сама Мария Александровна писала, она начала строить благотворительный приют с церковью во имя св. Дмитрия Солунского и преподобной Марии Египетской [5, л. 17].

Родильный приют начал свою работу 8 января 1907 г., первая роженица поступила 16 января. Приют, названный в честь основательницы, создавался для бесплатной акушерской помощи только бедному и малосостоятельному населению Царского Се-

ла без различия вероисповедания. Данный приют не принимал острозаразных и психически больных; жен, служащих в придворном, военном и других ведомствах. Последнее объяснялось тем, что у них было право бесплатно лечиться в ведомственных медицинских учреждениях и Дворцовом госпитале. За поступающих в общие палаты железнодорожных служащих Московско-Виндаво-Рыбинского пути руководство железной дороги выплачивало по 10 руб.

Здание состояло из четырех этажей, в котором функционировали родильное, послеродовое и амбулаторное отделения. Приют оснащался смотровой, ванной с уборной для поступающих, уборной и ванной для больных и служащих, буфетом-столовой, буфетом, узловой для хранения одежды поступающих, комнатой дезинфекции вещей, операционными, прачечной, квартирами для врачей и комнатами для прислуги, церковью и т.д. [1, с. 3–4]. Амбулатория была для больных женщин и детей с бесплатной выдачей лекарств. На дворе были устроены ледник, сарай, морг и специальное деревянное здание, внутри которого располагались прачечная с сушилкой, гладильней и автоклавом для стерилизации. В первый год работы учреждения было выделено 12 кроватей, но уже ко второму полугодию стало понятно, что мест сильно не хватает, и поэтому постепенно прием расширили до 26 кроватей для «нормальных» рожениц и 3–5 – для патологических. При жизни Марии Александровны устава не было, существовали только правила. В них было прописано, что «родильницы остаются в приюте 6 суток», в действительности же, особенно первородящие, выписывались на 8–9 день после родов при нормальном течении послеродового периода, а при отклонениях еще позже [1, с. 6]. После выписки женщину отпускали домой только в сопровождении родственников или знакомых, если за ней никто не приходил, то за определенную плату провожатым выступала сиделка.

Кормить своих детей грудью были обязаны все матери. Если у матери было мало молока, то ее ребенок прикармливался у других матерей, поэтому к искусственному вскармливанию не прибегали. Самих женщин кормили, судя по отчетам, довольно разнообразно и, как отмечалось, «продукты были всегда свежие и хорошего качества» [1, с. 7]. Питание было четырехразовое: в 8 ч. утра – чай с булкой и молоком ($^1/_2$ бут.); в 12 ч. дня – обед из двух блюд; в 4 ч. дня – чай с булкой и молоком и в 7 ч. вечера –

ужин из одного блюда и чай. При выписке самым бедным матерям выдавали небольшие пособия от 3 до 10 руб. из денег, поступивших с платных родильниц, или детские вещи.

Если говорить о платных приемах, то да, помимо железнодорожников, в первое время платные места в приюте были. Для них было отведено два места – отдельные комнаты с улучшенным столом и разрешением ежедневного посещения родильниц. Однако практика показала, что большинство таких женщин и их родственников постоянно нарушали правила распорядка, «требуя для себя вечных исключений и отступлений» [1, с. 5]. Поэтому вскоре такой прием был прекращен.

Посещение матери и ребенка родственниками допускалось один раз в неделю по субботам с 14:00 до 16:00. С 11:00 до 12:00 у дежурной акушерки родственники могли получить информацию о состоянии здоровья поступившей и родившей женщины.

Из отчетов мы видим динамику роста приема беременных, рожениц и родильниц (1907 г. – 421 чел., 1908 г. – 632 чел., в 1909 г. ожидали 800–900 чел.) [1, с. 7; 2, с. 3–4], и было отмечено, что рост происходил главным образом за счет сельского населения уезда. Из поступивших в приют ни одна женщина не умерла. Также наблюдалось падение уровня детской смертности. В 1907 г. всего родилось 413 детей, из них погибло 25, родились мертвыми девять, мацерированными 11, умерло по рождении в ближайшие дни пять детей. Общая смертность детей составила 6% [1, с. 18–19]. В 1908 г. родилось 597 детей, из них погибло 25, родились мертвыми 13, мацерированными шесть, умерло по рождении до выписки шесть. Итого общая смертность детей составила 3% [2, с. 17].

Благоприятное течение послеродового периода находилось в прямой зависимости от состава акушерского персонала и его опытности, наличия асептиков и антисептиков, хороших санитарных условий и полноценного питания. Приют М.А. Дрожжиной был местом не только оказания квалифицированной медицинской помощи, но и социальной поддержки матерей и их детей. Положительная динамика поступлений свидетельствовала о высоком уровне доверия к медицинскому учреждению среди местного населения.

После смерти М.А. Дрожжиной в 1910 г. руководство делами приюта, по ее завещанию, взял на себя председатель комитета приюта, купец 2-й гильдии, душеприказчик А.М. Треблов, воз-

главлявший его до своей смерти. В 1912 г. по инициативе профессора Н.В. Ястребова родильный приют был реорганизован для охраны материнства и грудных детей, впервые появился устав. Теперь приют носил название «Царскосельский Общественный Родильный приют им. М.А. Дрожжиной…» и находился под надзором Санкт-Петербургского губернского врачебного отделения, а в административном отношении – начальника дворцового управления [4]. Устав и инструкция к нему были прописаны в соответствии с завещанием М.А. Дрожжиной. С 1912 г. до 1916 г. в связи с судебными процессами с родственниками Дрожжиных деятельность приюта периодически приостанавливалась.

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421, https://rscf.ru/project/22-18-00421/.*

Список литературы

1. Краткий медицинский отчет по бесплатному родильному приюту М.А. Дрожжиной в г. Царском Селе за 1907 год: (1-й год существования Приюта) / сост. Н.Я. Примо. СПб.: Типолитография «Евг. Тиле и пр.», 1908. 20 с.
2. Краткий медицинский отчет по бесплатному родильному приюту М.А. Дрожжиной в г. Царском Селе за 1908 год: (2-й год существования Приюта) / сост. Н.Я. Примо. СПб.: Типолитография «Евг. Тиле и пр.», 1909. 20 с.
3. *Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л., Белова А.В.* Организация пространства первых родильных клиник в России (XIX – начало XX вв.) // Былые годы. 2022. № 17 (2). С. 621–630. DOI 10.13187/bg.2022.2.621.
4. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 255. Оп. 1. Д. 1098 А.
5. ЦГИА СПб. Ф. 356. Оп. 1. Д. 22958.

А.А. Кальсина
Пермь, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Вопросы акушерской помощи крестьянкам Пермской губернии (дискуссии на съезде санитарных врачей Пермского губернского земства)

Несмотря на старания Пермского губернского земства, во второй половине XIX в. вопросы родовспоможения для крестья-

нок Пермской губернии все еще не были решены. Земская статистика указывает, что лишь незначительное количество женщин (1–2 %) обращались во время родов за помощью к акушеркам и фельдшерам [2, с. 280]. В основном население Пермской губернии продолжало лечиться у знахарок, а в деле родовспоможения обращалось к повитухам.

В 1872 г. в Перми прошел съезд санитарных врачей Пермской губернии, где вопрос об акушерской помощи крестьянкам обсуждался очень активно и были предложены меры по его решению. На съезде земских врачей отмечалось, что губернское земство часто не считается с мнением врачей, в частности игнорирует негативное отношение врачей к «фельдшеризму», явлению в земской медицине, когда значительная нагрузка по оказанию медицинской помощи ложится не на врачей, а на недостаточно обученных фельдшеров. Один из авторитетных врачей Пермской губернии И.И. Молессон, назвал причину такой ситуации в том, что пока еще не установился единый взгляд на земскую медицину (Пермское губернское земство было открыто в 1870 г.), и нет четкого понимания, какой должна быть земская медицина для крестьян. Как лечить крестьян: в стационарных больницах, с помощью разъездов врачей по губернии или создавать врачебные пункты с небольшим штатом фельдшерского корпуса? [4, с. 6]. По организации земской медицины на съезде обсуждались следующие вопросы: акушерская помощь крестьянскому населению, аптеки, оспопрививание населения, сифилис, эпидемические болезни, врачебный персонал.

Вопрос об акушерской помощи был первоочередным. В частности, было отмечено, что земских акушерок не хватает, по статистике, в 1872 г. в Пермской губернии на одну акушерку приходилось 39500 женщин и 3400 родившихся младенцев [4, с. 60]. И.И. Молессон отметил, что при такой статистике достичь желаемого результата невозможно. Как правило, услугами акушерки пользуются городские жительницы, а здесь необходимо готовить сельских повитух. И.И. Молессона поддержал врач А.А. Рудольский. Он отметил: дело в том, что крестьянки не доверяют акушеркам, даже самым услужливым. Находясь во власти различных предрассудков, они боятся, что акушерка может раскрыть окружающим день и час родов и этим сглазить ребенка и саму роженицу. Населению не нравится молодой воз-

раст акушерок, тем более если акушерка девица и не была замужем. Часто крестьянка обращалась к акушерке с такими словами: «Ты, барыня, можешь смотреть, но сама не прикасайся ко мне». Крестьянки больше надеются на своих повитух [4, с. 61].

Как правило, повитухами были женщины в возрасте, с определенными нравственными качествами, имевшие своих собственных детей, а также определенную репутацию. Важно было, чтобы дети, которых принимала повитуха, не погибли во время родов и были здоровыми. Врач А.А. Рудольский рассказал следующий случай. В Ирбите одна крестьянка-повитуха под руководством акушерки хорошо изучила свое дело и стала весьма квалифицированным специалистом. Она пыталась разрушить предрассудки крестьянок и отказалась от разных варварских манипуляций с младенцами типа встряхивания и накидывания горшков на младенца, а в результате вскоре потеряла доверие среди крестьянского населения [4, с. 61].

Также имеющиеся в уездах земские акушерки особого доверия у населения не имели. В среднем акушерка в течение года принимала роды только у 10–12 женщин, и эта цифра слишком мала, чтобы решить проблему. Данные и последующих дет показывают, что по статистике крестьянское население в Пермской губернии в 1880 г. воспользовалось услугами земской акушерки всего 34 раза [1, с. 36]. На съезде поступило предложение поставить на постоянную основу подготовку повитух врачами земства.

Далее дискуссия разгорелась вокруг вопроса, что лучше: обучать повитух или все же использовать труд фельдшера, который имеет недостаточное, но медицинское образование и выполняет функции более широкие, чем повитуха. И.И. Молессон задал вопрос: а какой вред может быть от непрофессиональной повитухи? И привел статистику Соликамского уезда Пермской губернии, где на 90 тысяч женщин от неквалифицированных родов умирает 120 женщин, т.е. 0,0013%. По его мнению, фельдшер совершает ошибок гораздо больше и от него больше вреда. Ему возразил доктор А.П. Садыков, который заметил, что фельдшеры и земские акушерки получают специальное образование, и если возникает вопрос, кому поручить поставить инъекцию, акушерке или повитухе, то ответ очевиден: «повитухе – инъекцию не доверю» [4, с. 61].

Рассмотреть опыт других губерний предложил доктор В.Х. Хохряков. В Вятке создана Вятская школа повитух, которая появилась там для увеличения численности персонала акушерской помощи. В школу могли поступить лица разных сословий, в том числе и крестьянки. Единственное требование – они должны быть грамотными. По мнению В.Х. Хохрякова, крестьянки оказались более исполнительными чем представительницы других сословий, а в практических навыках даже преуспевали, поскольку не были белоручками. Обучение при школе повитух носило практический характер, непосредственно в больнице ученицам преподавали уход за больными, перевязки, давали общие знания. А основательность акушерских знаний зависела исключительно от старания врачей. Такие же школы повитух были открыты в Саратовской и Самарской губерниях. По мнению А.Х. Хохрякова, надо использовать имеющийся опыт и в Пермской губернии, поскольку такие повитухи вполне пригодны для акушерского дела [4, с. 63].

По вопросу акушерской помощи крестьянскому населению съезд принял резолюцию – разработать проект земских школ для повитух в Пермской губернии. Рабочая группа из трех врачей представила такой проект съезду, он включал следующие положения: организовать школу повитух при родильном покое, принимать в школу грамотных крестьянок не моложе 20 лет. Обучение было рассчитано на два года, преподавать акушерство поручалось врачу родильного покоя, ученицы должны изучать анатомию женщины и особенности детского организма, уход за новорожденными и роженицами. Ученицы должны научиться обследованию женщин и особенно больных сифилисом, а также уметь ставить прививки против оспы новорожденным детям. В конце обучения повитуха должна сдать экзамены врачу в присутствии члена губернской земской управы. Получив удостоверение, наиболее прилежные ученицы могли сдавать экзамен на звание повитух во врачебном отделении [4, с. 64]. Таким образом, данный проект съезда санитарных врачей предполагал решить проблему акушерской помощи крестьянкам Пермской губернии, однако острая нехватка квалифицированных повитух в Пермской губернии еще долго не была решена [3, с. 45].

Список литературы

1. *Ермолаева Е.В., Горшенина В.И., Дорфман С.В.* Становление и развитие земской фельдшерско-акушерской службы // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. Т. 6. № 1. С. 36–37. URL: https://medconfer.com/files/archive/2016-01/2016-01-35-A-5997.pdf (дата обращения: 02.07.2024).
2. *Мицюк Н.А., Белова А.В.* Акушерский труд как первая официальная профессия женщин в России в XVIII – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 270–285.
3. Очерк настоящего положения постепенного развития земской медицины в Оханском уезде Пермской губернии. Пермь: Типография губернской земской управы, 1890. 83 с.
4. Первый съезд земских врачей Пермской губернии в городе Перми в августе 1872 года. Пермь: Типография Поповой, 1872. 104 с.

Ю.С. Филина
Москва, Институт российской истории РАН

Женский vs государственный/мужской взгляд на роды: подходы А.С. Хохловой и Н.А. Семашко, запечатленные на кинопленке

Молодое советское кино 1920-х годов породило множество ярких талантов и продолжает оставаться подлинным наследием мирового искусства. Шедевры этого периода, новые приемы, которые были созданы советскими мастерами, остаются признанными и сегодня. Данное явление в области кино синхронно с другим видом изобразительного искусства – живописью. Советский авангард 1920-х годов, несмотря на то, что был отвергнут на какое-то время на своей родине, тем не менее сумел занять свое место на пьедестале искусств. Однако есть одно существенное различие в истории исследования данных двух областей. В начале XX в. область искусств стала относительно доступна для женщин, особенно после революции 1917 г. Оставались определенные зоны, куда доступ женщине был скорее закрыт, например архитектура. Но все же женщины массово стали проникать в сообщество художников и занимать в нем свое почетное место. Это привело к появлению целой плеяды художниц, скульпторш и т.д. К настоящему моменту их биографии и творче-

ские пути преимущественно изучены, опубликованы разные сборники и каталоги, посвященные «амазонкам авангарда» [2; 3].

Следует отметить, что «амазонки авангарда», как, впрочем, и соцреалистические, и разные другие «амазонки» от искусств, часто заключали браки внутри сообщества. Аналогичную историю мы увидим и в истории деятелей советского кино. Например, супругой Льва Кулешова была Александра Сергеевна Хохлова, режиссерка, сценаристка, актриса, а также представительница весьма знатного рода: дочь врача и коллекционера искусства С.С. Боткина и внучка П.М. Третьякова; Дзига Вертов прожил жизнь с Елизаветой Игнатьевной Свиловой, также режиссеркой и монтажеркой; и т.д. Тем не менее в отличие от изобразительного искусства и кино более позднего периода [1], эти женщины остаются до сих пор в абсолютной тени своих мужей. При этом в увековечивании имен своих мужей они сыграли значительнейшую роль.

1920-е годы стали временем пересечения множества явлений и тенденций, оказывавших непосредственное влияние на жизнь советского населения. К ним относится и демографический переход, и переход к биосоциальной модели деторождения, и трансформация патриархальной семьи, и, конечно, революционные события и последовавшие за ними изменения. В современной исторической науке консенсусом является понимание и важности репродуктивной политики для советского государства, и роли Н.А. Семашко как главного идеолога превентивной медицины, направленной в том числе на обеспечение здорового потомства.

В данных тезисах я предлагаю сравнить два подхода – мужской и женский – к изображению родов в художественном кино на примере фильмов «Дорога к счастью» (1925) и «Саша» (1930).

В 1925 г. был создан фильм «Дорога к счастью» [4]. Он поднимал сложные и тяжелые, в первую очередь для женщин, темы, такие как беременность и одиночное родительство, измена и самоубийство и т.д. Идея и предложение создания данного фильма принадлежала лично Н.А. Семашко, и фильм был создан по заказу Народного комиссариата здравоохранения. За выполнение этого заказа взялась киностудия «Межрабпом-Русь». Сценарий к фильму написал Г.Э. Гребнер, фильм был поставлен кинорежиссером С.В. Козловским. В воспоминаниях режиссер отмечал, что на съемку фильма было выделено очень ограниченное

количество времени – всего два месяца [5, л. 135]. Однако в итоге фильм устроил заказчика и получил хвалебные отзывы.

В центре сюжета находится любовный треугольник: солдат-красноармеец, городская девушка Настя (забеременевшая) и жена Ульяна (множественно рожавшая и живущая в деревне). Узнав о беременности и «двоеженстве» избранника, Настя пытается покончить жизнь самоубийством, однако ее и неродившегося ребенка спасают бдительные соседи. При поддержке подруг и советского государства она сохраняет беременность и становится матерью. Ульяна же (которая также вновь в положении), узнав о сопернице, направляется за отворотом. Большая часть фильма построена на противопоставлении города и деревни, где городская Настя отправляется в женскую консультацию, рожает в больнице, следует советам врачей, а затем, в конце фильма, отправляется просвещать деревенских женщин. Ульяна же ходит к бабке, негативно и даже агрессивно реагирует на врачей, когда ее приводит в консультацию муж, говорит, что ее засмеют, если она будет пить лекарство. В итоге во время родов Ульяна погибает. Настя же посещает врача, зрителю демонстрируют доброжелательную атмосферу, лишенную неловкости. Во время родов Настя демонстрирует умеренные страдания, а врач и акушерка выказывают всяческую заботу, взаимодействуют с роженицей и стараются облегчить ее боль.

Фильм «Саша» [6] – это режиссерская работа А.С. Хохловой. Сценарий к фильму написал О.Л. Леонидов, А.С. Хохлова (как и любой режиссер) вносила в него свои правки, например, внесла непосредственно сцену родов. «Саша» стала одной из первых самостоятельных режиссерских работ А.С. Хохловой. До этого она выступала ассистентом, сорежиссером и актрисой в фильмах Л. Кулешова. Отмечу, что кинокритика того периода была настроена к ней весьма критически. Данное обстоятельство было вызвано тем, что яркая внешность Хохловой не слишком вписывалась в существовавшие тогда стандарты экранной красоты. Съемки «Саши» проходили на киностудии «Белгоскино» и к их моменту режиссерка уже имела собственный опыт рождения ребенка. Сюжет фильма рассказывает о Саше, женщине, чьего мужа по ложному обвинению (кулак подставил) арестовали, а она, будучи на позднем сроке, отправилась впервые в большой город. В городе она чуть не угодила под трамвай, и ее

приютили в отделении милиции. Там, собственно, после перенесения тяжелого груза, у нее и начинаются роды. Она просит вызвать скорую помощь, и ее увозят в роддом. Сцена родов сильно отличается по тональности. Все происходит на абсолютно черном фоне, врач и акушерка не взаимодействуют с пациенткой. При этом сама Саша демонстрирует очевидные страдания, на протяжении этой сцены она кричит.

Объединяет эти два фильма в демонстрации родов стерильность. В обоих случаях нам демонстрируют стерильные врачебные инструменты, чистоту, белые халаты и т.д. Однако если мужской/государственный взгляд, артикулированный Н.А. Семашко через фильм «Дорога к счастью», стремится сделать акцент на преимуществах медицины, то женский взгляд А.С. Хохловой в сцене родов фокусируется на том опыте страданий, через который проходит большинство женщин.

Список литературы

1. *Артюх А.* Кинорежиссерки в современном мире. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 245 с.
2. «Амазонки авангарда»: (Творчество русских художниц первой четверти XX в.: Сборник статей) // отв. ред. Г.Ф. Коваленко. М.: Наука, 2004. 338 с.
3. Амазонки авангарда: Александра Экстер, Наталья Гончарова, Любовь Попова, Ольга Розанова, Варвара Степанова, Надежда Удальцова: (каталог выставки). Нью-Йорк: Музей Соломона Р. Гуггенхайма; М.: Гос. Третьяковская галерея, 2001. 365 с.
4. ГФФ. Р1287.
5. РГАЛИ. Ф. 3035. Оп. 1. Д. 180. Л. 135.
6. Хохлова А.С. Саша. 1930. URL: https://www.youtube.com/watch?v=1ojCNaUrDiM (дата обращения: 02.07.2024).

А.Н. Юрина (Горячева)
Москва, независимый исследователь

Наследие советского агитпропа: материнство и детство в плакатах 1917–1941 гг.

Советский плакат отражает социальные проблемы общества и формирует образ нового человека – строителя коммунизма. Одними из ведущих в плакатной живописи были темы материнства, воспитания и детства. Красочность и наглядность образов

делала плакаты понятными в том числе безграмотным слоям населения.

Плакаты, посвященные ведению беременности, обещали социальную защищенность («Ребенка не подкидывай. Взыщи с отца на воспитание» (1921–1924), «Матери, не подкидывайте детей. Идите в Советы социальной помощи, там вам помогут» (1925), «Новый быт – детище Октября. Завком. Столовая. Ясли» (1925), «Тракторы и ясли – двигатели новой деревни» (1930), «Образцовой работой детских садов и яслей поможем учебе, росту, выдвижению молодых работниц матерей» (1940), «Оберегайте женщину-мать» (1925)) и обличали опасные и смертельные предрассудки в уходе за детьми («Выкидыш, произведенный бабкой или акушеркой, не только калечит женщину, но часто ведет к смерти» (1925), «Полно в консультациях, пусто на детских кладбищах. Чем сознательнее мать, тем меньше болеют у нее дети» (1925), «Защищайте от мух ребенка и пищу» (1930), «Наши дети не должны болеть поносами» (1940)). Показателен плакат «Митинг детей» (1923), на котором малыши идут под лозунгами «Давайте нам свежее молоко», «Дайте нам разумных отцов», «Не целуйте меня в губы», «Дайте нам патронажных сестер» и пр. Проблемы, поднимаемые на плакатах, остро стояли в то время: в начале XX в. даже в самые благоприятные 1910–1913 гг. из-за отсутствия надлежащей медицинской помощи умирало 27–35% младенцев и 3,5–9% матерей, а ошибки в уходе за детьми и антисанитария были причинами высокой детской смертности, которая достигала 34% [2, с. 63–65].

В 1920-е годы поднимается вопрос безграмотности, в том числе через плакатное искусство, как для воздействия на родителей, чтобы они обучали детей, так и для воздействия через детей на неграмотных взрослых: «Эх, маманя, была бы ты грамотной, помогла бы мне» (1923), «Неграмотный ребенок – позор для матери» (1930), «Женщина, учись грамоте. У грамотных матерей дети умирают меньше» (1921–1924), «Если книг читать не будешь, скоро грамоту забудешь» (1925). Особенно важно было воздействовать на сельскую женщину. Проблема безграмотности на тот момент стояла остро. По переписи 1897 г. грамотного населения (от 9 до 49 лет) было 28,4%, а в 1926 г. – уже 56,6% [1, с. 245].

Следующий аспект, представленный на плакатах, – воспитание. Новые методы противопоставлялись старым, порицалось

физическое насилие. Это отражено на плакатах «Долой избиение и наказание детей в семье!» (1926), «Чем ребят бранить и бить, лучше книжку им купить» (1928), «Не бей ребенка» (1929) и «Долой наказания детей! Для новой жизни – новое воспитание» (1930). Старый мир противопоставлялся новому и в вопросе религии. На плакате «Религия – яд, береги ребят» (1930) бабушка за волосы тащит девочку от школы к церкви.

На агитационных плакатах против пьянства использовались паттерны детства, здоровья и защиты семьи: «Яд самогона отравляет здоровье трудящихся» (1923), «Где деньги? А семье?» (1928), «Папа, не пей» (1929), «Спорт с буквой О – сила, с буквой И – могила» (1929).

Следующие плакаты посвящены спортивному развитию у детей. На них изображены подтянутые, сильные, загорелые дети («Вступай в дошкольный поход» (1931), «Солнце, воздух и вода – друзья школьника, если он умело пользуется ими» (1930–1931), «Пионерский лагерь – кузница здоровья коммунистической смены» (1934), «Привет родному Сталину!» (1938), «Будь готов к труду и обороне!» (1933)). Отметим, что походы не только развивали физическое здоровье, но и способствовали расширению кругозора, учили духу коллективизма, преодолению трудностей, что было очень важно для поколения, которое было призвано строить коммунизм.

В рассматриваемом периоде большинство плакатов были универсальными, гендерные роли на них прописывались не столь явно, как на более поздних плакатах 1950–1960-х гг., показывающих разные увлечения, модели поведения у мальчиков и у девочек. В довоенный период делался акцент именно на ценности подрастающего поколения: «Вырастим здоровых, жизнерадостных детей, преданных своей советской родине!» (1937). Дети представлялись как преемники коммунизма: «Пионер, учись сражаться за дело рабочего класса» (1930), «Дети Октября, будьте готовы продолжить и завершить великое дело Ленина, дело мирового коммунизма!» (1933), «Да здравствуют юные пионеры – достойная смена Ленинско-Сталинского комсомола!» (1939). На плакатах 1934 г. «Пионеры, крепите оборону страны Советов! Больше кружков юных друзей ОСОАВИАХИМА!» и «Вырастим новые кадры советской авиации!» девочки изображены наравне с мальчиками, несмотря на то, что роль летчика ранее была

мужской. Это может быть обусловлено тем, что данный период проходил под лозунгами всеобщего равенства и освобождения женщины от кухонного рабства, и изображения, на которых девочки моют посуду, шьют и убирают, были бы неуместны.

После пионерии дети в 14 лет имели возможность попасть в комсомол; на плакатах комсомольцы не только продолжают дело Ленина («За многомиллионный ленинский комсомол» (1931)), но и заботятся о подрастающем поколении («Комсомолец, помогай детям хорошо учиться и хорошо отдыхать» (1937)).

Итак, можно проследить последовательность в плакатах довоенного советского периода: в первую очередь появились плакаты, ликвидирующие безграмотность в уходе и воспитании, плакаты, обещающие социальную защищенность для матери, обличающие проблемы сиротства и оставления детей, а ближе к 1930-м годам делался акцент на здоровом и идеологически правильном подрастающем поколении.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия: в 30-ти т. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия. Т. 7. Гоголь – Дебит. М.: Советская энциклопедия, 1972. 608 с.
2. Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3-х т. / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 1900–1939. 463 с.

М.В. Васеха
Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Раннесоветские практики планирования семьи: у истоков формирования «проклятой» части женской повседневности (кейс крестьянок Сибири)

Сегодня Российская Федерация, как наследница демографической политики СССР, все еще продолжает лидировать среди стран ОЭСР по количеству искусственных прерываний беременности, даже несмотря на неуклонное снижение этого показателя примерно на 6% в год. Количество абортов в стране сократилось с пиковых 7 млн в середине 1960-х годов до 506 тыс. в

2022 г. [8]. Эту впечатляющую цифрами печальную статистику можно считать логичными последствиями раннесоветской государственной политики в отношении семьи и женщин в рамках общей модернизации общества и построения «нового быта».

Молодая советская власть впервые в мировой практике 18 ноября 1920 г. легализовала медицинский аборт по медицинским и социальным показателям. Постановление Наркома здравоохранения «Об охране здоровья женщин» [5] подкрепляло политический проект по «раскрепощению женщины», целью которого было выведение ее за пределы семейных обязанностей (жены, матери, хранительницы семейного очага) и добавление функционала общественной работницы и политически активной гражданки [3, с. 43–46]. Эксперимент с внедрением медицинского аборта в существовавшее тогда традиционное репродуктивное поведение должен был не столько помочь женщине распоряжаться собственным телом, сколько высвободить женский трудовой ресурс для ускоренной модернизации советской страны. Дискуссии о легализации искусственного прерывания беременности активно велись в медицинских и политических кругах Российской империи еще с конца XIX в. Уже на рубеже веков в стране шел активный переход к капитализму, наблюдались отход крестьян в города, очевидное расшатывание устоев традиционного общества и традиционной семьи и как следствие, рост внебрачных связей и криминальных абортов. В православном государстве легализация абортов была невозможна, его производство было серьезным преступлением, а вот в новом атеистическом аборт стал «достижением» новой власти.

На собраниях 1920-х годов работников Крайздрава и отделов охраны материнства и младенчества Сибкрая вопрос об участившихся случаях подкидывания младенцев и криминальных детоубийствах стоял во главе угла. Сотрудники этих государственных органов считали главными мерами борьбы с этими явлениями проведение с женщинами консультаций, а также широкое ознакомление населения с методами искусственного прерывания беременности и методами контрацепции [4, л. 11]. Методами предохранения, известными в те годы, сибирский врач П.Б. Болтянская на страницах журнала «Красная сибирячка» в 1929 г. называла химические или лекарственные средства, например таблетки «Контрацептин», шарики «Контрацептин»,

пасту «Преконсоль». Эти препараты выпускались аптекой Отдела охраны материнства и младенчества Наркомздрава и выдавались по рецепту врача. Были известны и механические средства – колпачки и презервативы. Однако, по замечанию врача, оснвными средствами предохранения у населения считались «естественные меры» (coitus interruptus и пролонгация лактации до 2–3 лет). Как отмечала опытный сибирский врач, последнее средство предохранения было неэффективным: из 100 женщин 60 вновь становились беременными. Важно отметить, что в женской популярной периодике 1920-х годов, кроме этой публикации, автору не встретились другие документы, пропагандировавшие средства превентивной контрацепции [2, с. 12]. Идея планирования семьи посредством противозачаточных средств не стала популярной среди населения Сибири (как, впрочем, и всей страны) как по причине отсутствия медицинских контрацептивов в доступной продаже, так и по причине формирования паттерна абортивного поведения населения.

В середине 1920-х годов медработники констатировали резкий рост числа абортов как в городах, так и в селах Сибири [1, с. 39]. В сельской местности женская фертильность представлялась божественным даром, вмешательство в репродукцию у русских считалось страшным грехом. В то же время появление ребенка в бедных многодетных семьях воспринималось как отягощение, однако, как ни тяжело было бы женщине с детьми, она не решалась вмешаться в процесс беременности и родов [9, с. 192–195].

На протяжении 1920-х годов в Западной Сибири прослеживалась тенденция роста числа абортов, появилось много частных кабинетов, акушерок, «специалистов-абортистов», а в сельской местности просто «бабушек», не имевших отношения к медицине. Рост практик плодоизгнания, нелегальных абортов, в том числе с летальным исходом, происходил буквально в геометрической прогрессии. В своей статье «Аборт в деревне» в 1926 г. доктор В.Е. Смирнов из змеиногорской участковой больницы писал [7, с. 43–47], что в деревне знали три вида различных способов вытравления плода. Это абортативные вещества и растения с подобными свойствами: свинцовые белила, селитра, настойка багульника, можжевельник, чистотел, «мужской папоротник», «сорокапотужная травка» и т.д. Случалось, что крестьянки употребляли их в смертельных дозах, что приводило к ле-

тальному исходу. Автор также писал о распространенности на селе «случайных» причин, таких как падение, поднятие тяжестей, битье по животу бутылками и кулаками, «накидывание горшков» и пр. Как отмечал В.Е. Смирнов, оба эти метода широко использовались «бабушками» в деревне с давних времен. Нередко женщины после подобной «помощи» становились инвалидами на всю жизнь. По сведениям доктора, из города от невежественных «специалистов-абортистов», перенявших хирургические методы врачей-гинекологов, в деревенскую глушь пришли новые способы изведения плода. «Абортных дел мастера» в деревне по-своему восприняли методы бужирования матки и катеторы: за неимением инструментов «бабушки» использовали подручные инструменты. Сам врач сталкивался в своей практике со следующим: березовый прутик из веника или метлы, набивалка гильз «Катык», ржавые гвозди, спица от зонтика и т.д. Эти предметы извлекались из полости матки у женщин, которые приходили в больницу с очень сильными болями и кровотечениями. По словам больных, «бабушки» делали укол в матку и обещали, что «предмет выйдет сам вместе с кровями». В большинстве случаев, писал Смирнов, с т.н. начавшимся абортом в больницы обращались разведенные женщины и солдатки, пытавшиеся «скрыть свой позор» [7, с. 43–47].

В медицинских журналах 1920-х годов отмечалось: «Стали делать аборты наспех, не утруждая больную снять галоши, а больные, в свою очередь, стали проделывать аборты между делом, мимоходом» [1, с. 41]. По данным сибирских врачей, женщины, как городские, так и деревенские, в 1920-е годы продолжали обращаться к непрофессиональным частникам, а не в абортные комиссии. Абортные комиссии (врач-гинеколог и представители женотдела) решали, существуют ли социальные или медицинские показания для искусственного прерывания беременности. Отказы женщинам поступали только в редких случаях, в основном по причине нехватки мест в стационаре. Врачи-энтузиасты в некоторых городах Сибкрая пытались составить общую картину, характеризующую это явление, опираясь на имеющиеся у них официальные данные прошений в абортные комиссии и карточки пациенток после медаборта. Так, например, врачом П.Т. Приходько [6, с. 19–24] дается характеристика возрастного, социального, семейного состояния жен-

щин, прошедших медицинский аборт в томской и судженской больницах в 1925–1926 гг. В больницу обращались женщины от 16 до 46 лет, около 40% из них были с осложнениями после нелегального аборта, что говорит о широкой распространенности и неконтролируемости этого явления. По семейному состоянию большинство женщин были замужними (87,5%), и лишь 12,5% не имели законных мужей (одиночки, вдовы, девицы), однако сюда были включены и женщины, жившие в незарегистрированном браке. Данные о том, что большинство женщин, решившихся на операцию (как легальную, так и нелегальную) были замужем, говорит о том, что эта мера была не инструментом скрытия «позора», а вполне осознанным средством планирования семьи, сформировавшимся паттерном репродуктивного поведения.

Декларируя свободу женщины в распоряжении собственным телом, в том числе и в принятии решения по планированию семьи, государство пыталось решить вопросы восстановления народного хозяйства и перехода к курсу индустриализации. Вот почему среди городских женщин-работниц поощрялись отказы от права на отпуск по беременности, не говоря уже о селянках, привыкших на следующий день после родов приниматься вновь за хозяйство [9, с. 193]. Иллюзорная свобода прокреативного выбора, без альтернативных вариантов, сформировала тактику планирования семьи в Сибири и России в целом на протяжении XX в. На фоне общей дезорганизации семейной жизни, падения морально-нравственных установок в первое десятилетие советской власти все же довольно незначительная часть сибирских крестьянок, по сравнению с горожанками, обращались к новому для них способу регулирования рождаемости, при этом предпочитая «бабушек», т.е. криминальный аборт. Таким образом, вместо санитарного и полового просвещения населения, массового производства доступных контрацептивов государство сделало акцент на формировании нового типа демографического поведения – абортивного паттерна, который стал нормой повседневной жизни советских женщин.

Список литературы

1. *Благодаров А.А.* Современный аборт // Сибирский медицинский журнал. 1927. № 5. С. 39.

2. *Болтянская П.Б.* Предохранительные средства от беременности // Красная сибирячка. 1929. № 11. С. 12.
3. *Васеха М.В.* Вовлечение женщин в процесс строительства советского общества в 1920-е гг. (по материалам юга Западной Сибири) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. Т. 2. № 4. С. 43–46.
4. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 46.
5. Постановление Наркомздрава РСФСР, Наркомюста РСФСР от 18.11.2920 «Об охране здоровья женщин» // Консультант Плюс. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=26749 (дата обращения: 25.11.2014).
6. *Приходько П.Т.* Социальные основы абортов в Анжеро-Судженском районе Томского округа // Сибирский медицинский журнал. 1927. № 1. С. 19–24.
7. *Смирнов В.Е.* Аборт в деревне // Сибирский медицинский журнал. 1926. № 2. С. 43–47.
8. *Сакевич В.И.* От аборта к контрацепции // Демоскоп Weekly. 2016. № 687–688. URL: http://demoscope.ru/weekly/2016/0687/demoscope687.pdf (дата обращения: 29.06.2024).
9. *Фурсова Е.Ф.* Обычаи, связанные с рождением ребенка, в среде сибиряков Приобья: прошлое и настоящее (по полевым материалам 1980–1990-х гг.) // Сохранение и развитие русской культуры: семья, язык, общество. Омск: Издательство ОмГПУ, 2008. С. 192–195.

О.С. Суржик
Пушкино, Московский областной архивный центр

Женское наследие в документах низовых профорганизаций Московского региона: обсуждение законопроекта о запрете абортов 1936 г.

27 июня 1936 г. было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов…». В мае – июне его принятию предшествовали общественные обсуждения, зафиксированные в документах низовых профорганизаций Московского региона. Несмотря на всю комплиментарную риторику в адрес власти и ее заботы о трудящихся, люди выражали свое отношение к проблеме достаточно открыто.

Общим для всех документов было мнение о несвоевременности полного запрета абортов. Условия разрешения его варьировались. Собравшиеся требовали позволить аборты после рожде-

ния определенного количества детей, при отсутствии санитарной нормы жилплощади, алкоголизме, наследственных болезнях и низкой зарплате, кормящим матерям, студенткам, изнасилованным женщинам, а также по медицинским показаниям. Нюансы вызывали бурные дискуссии. Чаще всего звучало предложение о запрете аборта для первородящих. Больше всего с поддержкой полного запрета абортов выступали мужчины. Чтобы частые роды не портили фигуру, предлагалось «помочь гимнастикой сохранению красоты» [5, л. 23].

В документах зафиксированы высказывания, в которых раскрывается непростая судьба женщин в условиях разделения власти и ответственности, а также двойного давления власти [1, с. 28]. «Без абортов трудно, нельзя, но надо разбираться, кому можно, кому нет. А насчет разводов – мужчинам обязательно надо хвост прижать, а то ведь как распустились… Кому можно, тот сам от аборта откажется… Если государство не разрешит, к бабкам пойдут» [5, л. 18]. Женщины постарше высказывались за полный запрет: «Как же я девять ребят родила и здорова осталась, и дети хорошие… А то распустились – каждый месяц ходят на аборты». Коллега отвечает ей: «Настя-то хитрая – у нее муж помер. Она и требует, чтобы абортов не делали». Девушек требовали лишить права на аборт и на алименты, «чтобы держали себя в руках» и не «разлакомились»: «Мужчин подтянуть в разводе, а девушек в гулянье» [5, л. 19]. В качестве гарантированного средства от абортов среди молодежи иногда называли воздержание, что вполне соответствовало паттернам поведения в рамках православной традиции. Предлагалось также запретить вступление в брак в 18–20 лет [5, л. 36]. Встречались и радикальные точки зрения. Товарищ Чистосердов категорически высказался против запрета абортов, т.к. «зародыш является паразитом в теле матери, а ребенок до 18 лет – обузой для женщины» [4, л. 68].

Только один из восьми пунктов Постановления был посвящен запрету абортов, остальные – созданию условий для обеспечения возможности воспитания детей: пособиям, роддомам, детским учреждениям, источникам финансирования, материальной ответственности алиментщиков. В этой связи протоколы профсобраний фиксировали требование увеличить количество врачей-консультантов, улучшить положение матерей-одиночек

и вдов, расширить сеть яслей и детских садов, в том числе круглосуточных, увеличить число общественных прачечных и столовых, учредить дома отдыха для беременных, расширить производство детских вещей, увеличить сеть универмагов, выпускать литературу в помощь молодым матерям, сократить рабочий день для матерей, имеющих трех-четырех детей, воспитать правильный подход к браку и выбору подходящего супруга при посредстве профессионального научного сообщества, обеспечить жилплощадью многосемейных. Некоторые предлагали увеличивать площадь с рождением каждого ребенка.

При всей широте дискуссий о запрете абортов речь о средствах контрацепции, их разработке, улучшении и пропаганде, почти не шла, за исключением призывов профсоюза работников высшей школы и научных учреждений, которые предлагали «мобилизовать науку и технику» на создание эффективных и безопасных противозачаточных. Проблема отсутствия контрацептивов стояла остро [2, с. 75]. Часто в этой связи озвучивались идеи ответственного родительства [3, с. 197].

Предлагалось не только установить наказание врачу за незаконно произведенный аборт в виде тюремного заключения от трех до шести лет, но также мужчине, принуждающего женщину к аборту, не менее двух лет тюрьмы. Такой же срок требовали установить и для женщины, делающей аборт незаконно.

В целях борьбы с абортами планировалось установить уголовную ответственность за неуплату алиментов, причем не только для отцов, но и для администрации организаций, в которых они работали. Обсуждалась возможность записи в паспорт факта обязанности уплаты алиментов. На профсобраниях предлагалось усилить меры общественного воздействия против тех отцов, которые все домашние тяготы переносят на женщину. В отдельных случаях ребенок мог оставаться с отцом, тогда алименты платила мать. Мужчины предлагали оставлять ребенка отцу, если женщина «ушла от мужа к другому мужчине» [4, л. 52]. Часть обсуждавших требовала ввести уголовное наказание за третий развод.

В случае развода жилплощадь требовали оставить за супругом, с которым остаются дети. При невозможности отыскать ответчика по делу об алиментах, государство должно было обеспечить их выплату. Предлагалось также установить уголов-

ную ответственность для женщин, привлекающих ложных свидетелей с целью добиться выплаты алиментов.

Поступали предложения об установлении процедуры развода через суд, который должен определять место пребывания детей, алименты и то, за кем остается жилплощадь, наказать виновника домашнего насилия. Сумма платы за развод вызвала оживленные дискуссии и самые противоречивые предложения. Повышению демографических показателей должна была способствовать и налоговая политика в отношении холостых мужчин, достигших 30-летнего возраста, которые обязывались отчислять 25% от заработка в пользу детских учреждений. Предлагалось не допускать регистрации брака без свидетельства врачей о состоянии здоровья брачующихся. Высказывались также вполне антидарвинистские идеи, основанные на христианском архетипе, в поддержку проекта, что «родители не вполне здоровые тоже могут иметь детей» [5, л. 39]. Вместе с тем предлагалось разрешить аборт после 45 лет, т.к. «у таких родителей не могут быть полноценные дети» [4, л. 18]. В случае рождения больного ребенка государству и обществу предлагалось частично разделить зону ответственности женщины путем создания института сестер.

Понимая, что власть не пойдет на снижения производственной и общественной нагрузки на женщин, повышая биологическую нагрузку, работницы используют аргумент, который власть должна понять – угроза снижения производительности труда. Говоря о невозможности полного запрета абортов, мужчины предлагали «заставить женщину сдать зачет о вреде аборта», признавая, что «нельзя женщину заставить быть матерью», поскольку будет страдать, в первую очередь, ребенок [4, л. 54].

Хотя документы низовых профорганизаций ЦГАМО серьезным образом не повлияли на судьбу законопроекта, они отразили ожидания общества в области семейной и гендерной политики. На обсуждениях вскрылись не только материальные, но и духовные, культурные и психологические проблемы. Вопрос стопроцентного контроля над телами и жизнью женщин и детей поставило именно разрешение абортов, затем их запрещение при навязывании женщине новых ролей, новых зон ответственности в дополнение к старым. И если предложения сотрудников низовых профорганизаций являлись попыткой сократить все возрастающую нагрузку на женщину, увеличить ее правовой и

материальный ресурс, ответом власти стали меры по частичному охвату зоны материнской ответственности и принуждению отца к исполнению части своих функций.

Список литературы

1. *Кобзоева З.М., Скачкова У.О.* Женщина социальная и женщина биологическая в тисках ранней советской эпохи 1920-х гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 4. С. 28–33.
2. *Лебина Н.Б.* Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 203 с.
3. *Мицюк Н., Пушкарёва Н., Белова А.* Человек рождающий: история родильной культуры в России Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 510 с.
4. ЦГАМО. Ф. 319. Оп. 2. Д. 26.
5. ЦГАМО. Ф. 319. Оп. 2. Д. 27.

Д.В. Сидоркевич
Санкт-Петербург, Группа компаний «Центр речевых технологий»

Борьба за право быть матерью: испанское женское движение Madres protectoras

Уход за детьми традиционно рассматривается скорее как женская обязанность, нежели привилегия. Распространено мнение, что в европейских странах, в том числе в Испании, практика оставления детей с матерью после развода является чем-то само собой разумеющимся. Однако в некоторых ситуациях женщине приходится вступать в открытую конфронтацию с общественными институтами, отстаивая право на материнство.

В 2020–2021 гг. я работала в Каталонии с представительницами испанского общественного движения Madres protectoras. Они заявляют, что были разлучены с детьми в результате судебной ошибки. Поводом для этого было не плохое исполнение родительских обязанностей или асоциальный образ жизни, а обвинения в насилии, которые они выдвинули против бывших мужей. В результате детей передали под опеку отца, а контакты с матерью были ограничены.

Сообщество Madres protectoras насчитывает несколько сотен матерей в разных областях Испании. Их усилия направлены на борьбу с дискриминацией, когда женщины не могут получить доступ к средствам правовой защиты для себя и детей. Некоторые из Madres protectoras отбывали наказания в местах лишения свободы, поскольку предприняли попытку сбежать с детьми, что по испанским законам считается уголовным преступлением. Подобные ситуации находят отражение в публикациях социологов и правозащитников [1], политическом дискурсе и средствах массовой информации [7]. По мнению франко-каталанского социолога Глории Касас Вила [3] и социального антрополога Деборы Авила [2], права матери могут оказаться под угрозой за счет специфического сочетания законодательных мер. В 2004 г. в Испании был принят закон о гендерном насилии, который предусматривает наложение судебного запрета на приближение к жертве [9]. Если речь идет о паре с детьми, подобный запрет влечет за собой наложение ограничений на общение детей с отцом. С 2005 г. в испанский семейный кодекс были внесены изменения, устанавливающие приоритет совместной опеки [8]. В теории это можно рассматривать как способ обеспечения равенства полов в вопросах воспитания. Однако на практике женщина, заявляющая о насилии со стороны отца детей, воспринимается как сфабриковавшая обвинение, чтобы избежать совместной опеки.

Возникновению этого «испанского парадокса», как его называет Касас Вила, способствовало проникновение в испанское правовое поле в начале 2000-х годов социального конструкта «синдром отчуждения родителя» [11]. Этот концепт был разработан американским психиатром Ричардом Гарднером, чьим основным полем деятельности была защита обвиняемых в судебных процессах об инцесте. С его точки зрения, мать, заявляющая о жестоком обращении, в подавляющем большинстве случаев просто программирует детей на ненависть к отцу, вплоть до возникновения у ребенка «ложных воспоминаний» о сексуальном насилии. В настоящее время его идеи считаются псевдонаучными.

Формально «синдром отчуждения родителя» запрещен в испанских судах с 2021 г. [5], а отдельные документы рекомендовали воздержаться от его использования начиная с 2010 г. [10]. Тем не менее из-за высокой инертности бюрократической системы он продолжает играть важную роль в спорах об опеке и

является центральным компонентом дискурса судебной экспертизы при оценке детско-родительских отношений.

Помимо включенного наблюдения, интервью и изучения корпуса материалов о Madres protectoras, я также детально рассмотрела несколько типичных отчетов судебных экспертов с позиций критического дискурс-анализа и анализа фреймов [6]. В оптике Ирвинга Гофмана для женщин и детей из группы риска испанские суды предстают своеобразным «тотальным институтом под открытым небом»: они попадают под контроль не по своей воле, не имеют механизмов для выхода из системы и становятся носителями «подпорченной идентичности», что приводит к дискредитации их последующих заявлений о насилии.

Вместо запретного термина «синдром отчуждения родителя» в текстах судебной экспертизы обильно используются эвфемизмы в сочетании с типичными для Гарднера круговыми рассуждениями, где причина и следствие постоянно меняются местами. Оценка поведения матери и ребенка проводится по нескольким шкалам, что позволяет негативно интерпретировать любое высказывание или действие. Используемые техники опроса с точностью воспроизводят гарднерианские схемы для диагностики «отчуждения» и оценки достоверности показаний жертв инцеста, что отчасти объясняет особенно высокий процент дел о сексуализированном насилии в среде Madres protectoras.

По меткому замечанию главы детского отделения испанской ассоциации нейропсихиатрии Антонио Эскудеро, демонстративное недоверие со стороны представителей власти неизбежно приводит к эскалации защитного поведения у матери и ребенка [4]. А в рамках интерпретативной схемы Гарднера подобные поведенческие паттерны предлагается трактовать как «признаки усугубления синдрома отчуждения родителя», что рано или поздно приводит к решению разлучить ребенка с матерью. Таким образом, для женщины, которая однажды предприняла попытку защитить ребенка, обратившись в судебную систему, в дальнейшем не существует способа выйти из-под подозрения.

Список литературы

1. *Alsalem R.*. Custody, violence against women and violence against children. Report of the Special Rapporteur on violence against women and girls, its causes and consequences. 2023.

2. *Ávila D. et al.* Violencia institucional contra las madres y la infancia Aplicación del falso síndrome de alienación parental en España. Ministerio de Igualdad. Centro de Publicaciones. Madrid, 2023.
3. *Casas Vila G.* D'une loi d'avant-garde contre la violence de genre à l'expérience pénale des femmes : le paradoxe espagnol ? Champ pénal/Penal field [En ligne], vol. XIV, 2017.
4. *Escudero A. et al.* La lógica del Síndrome de Alienación Parental de Gardner (SAP): «terapia de la amenaza» // Rev. Aséoc. Esp. Neuropsiq. 2008. Vol. XXVIII. No. 102. P. 283–305.
5. GINSAP. Grupo de Trabajo de Investigación sobre el llamado Síndrome de Alienación Parental. Informe. Madrid: Ministerio de Sanidad, Política Social e Igualdad, 2010.
6. *Goffman E.* The characteristics of total institutions // A Sociological Reader on Complex Organizations / ed. by A. Etzioni, E. Lehman. 3rd ed. Holt, Rinehart and Winston, 1980.
7. *Kohan M.* Las cinco veces que la ONU ha pedido cuentas a España por usar el falso síndrome de alienación parental sin lograr cambios // El Público. 24.01.2022.
8. Ley 15/2005. URL: https://www.boe.es/eli/es/l/2005/07/08/15 (дата обращения: 03.07.2024).
9. Ley Orgánica 1/2004. URL: https://www.boe.es/eli/es/lo/2004/12/28/1/con (дата обращения: 03.07.2024).
10. Ley Orgánica 8/2021. URL: https://www.boe.es/eli/es/lo/2021/06/04/8/con (дата обращения: 03.07.2024).
11. *Marín P.* Resistencias a la aplicación de la Ley integral. El supuesto SAP y su proyección en las resoluciones judiciales. III Congreso sobre Violencia Doméstica y de Género. Madrid: Observatorio Estatal sobre la Violencia sobre la Mujer, 2009.

Н.В. Хомякова
Бузулук, Бузулукский гуманитарно-технологический институт (филиал)
Оренбургского государственного университета

Организация акушерско-гинекологической помощи в 1946–1950 гг. на Урале

В Советском Союзе функционировала государственная система охраны материнства, нашедшая закрепление на законодательном уровне в Конституции СССР 1936 г. и в других нормативно-правовых актах. Одним из важных аспектов системы являлась

деятельность в сфере обеспечения здоровья женщины, поэтому до начала Великой Отечественной войны в СССР была создана целая сеть лечебных учреждений: это и койки при общих больницах, фельдшерских, фельдшерско-акушерских, акушерских пунктах, и роддома, в том числе колхозные, и женские консультации – оказывающих акушерско-гинекологическую помощь женщинам, и эта сеть продолжила функционировать и в послевоенное время.

Возвращение страны к мирной жизни повлияло на демографические процессы в обществе, увеличив рождаемость населения. Это актуализировало задачи развертывания сети медицинских учреждений, предоставляющих услуги женщинам при беременности, родах и гинекологических заболеваниях. В связи с этим в годы четвертой пятилетки на Урале увеличивается сеть родильных коек. Так, если в 1945 г. было развернуто 7414 родильных коек, то в 1947 г., по сравнению с 1945 г., их количество увеличилось в 1,46 раза (до 10809 коек), а в 1949 г. – уже в 1,53 раза (до 11374 коек) (без учета родильных коек в фельдшерско-акушерских и акушерских пунктов и колхозных родильных домах Курганской области) [подсчитано автором по: 12, л. 3, 4; 1, л. 37, 58, 66; 3, л. 4, 7, 19; 13, л. 3, 4; 11, л. 3, 4; 2, л. 19; 8, л. 3, 4; 9, л. 3, 4; 14, л. 3, 4; 10, л. 3].

В разрезе отдельных регионов Урала наиболее быстрыми темпами развитие родильной сети шло в промышленно-развитых регионах: так, в Свердловской обл. в 1945 г. в общих больницах, родильных домах, фельдшерских, фельдшерско-акушерских, акушерских пунктах было 2097 родильных коек, в 1947 г. – 3111 (больше в 1,48 раза), в 1949 г. – 3484 (больше в 1,66 раза) [подсчитано автором по: 12, л. 3, 4; 1, л. 37, 58, 66; 3, л. 19], в Челябинской обл., соответственно, 1063, 1820 (больше в 1,71 раза), 2035 (больше в 1,91 раза) [подсчитано автором по: 13, л. 3, 4; 1, л. 37, 58, 66; 3, л. 4], в Молотовской обл. – 1220, 1631 (больше в 1,34 раза), 1637 (больше в 1,34 раза) [подсчитано автором по: 11, л. 3, 4; 1, л. 37, 58, 66; 2, л. 19].

Сельскохозяйственные регионы показывали более низкие темпы коечного прироста: в БАССР в 1945 г. работало 1120 родильных коек, в 1947 г. увеличение произошло в 1,14 раза (1277 коек), в 1949 г. – в 1,34 раза (1497 коек) [подсчитано автором по: 8, л. 3, 4; 1, л. 37, 58, 66; 2, л. 9], в УАССР, соответственно, 692, 831 (увеличение в 1,2 раза), 885 (увеличение в 1,28 раза) [под-

считано автором по: 9, л. 3, 4; 1, л. 37, 58, 66; 3, л. 19], в Чкаловской обл. – 803, 1016 (увеличение в 1,27 раза), 1237 (увеличение в 1,54 раза) [подсчитано автором по: 14, л. 3, 4; 1, л. 37, 58, 66], в Курганской обл. – 419, 585 (увеличение в 1,39 раза), 599 (увеличение в 1,43 раза) [подсчитано автором по: 10, л. 3; 2, л. 37, 58, 66; 2, л. 19]. Такая разница в развертывании коечной сети объясняется как различиями в нормах обеспечения городского и сельского населения (по установленным нормам 10 коек приходилось на 1000 городского населения и 2,4 койки на сельское), так и в целом экономической стратегией государства, где приоритетным было развитие промышленности.

Вместе с тем родильных коек во всех регионах Урала было явно недостаточно даже к концу четвертой пятилетки, поэтому женщин преждевременно выписывали из медицинских учреждений, они получали помощь при родах на дому, часть родов проходило без оказания медицинской помощи. Кроме того, факты территориальной отдаленности местожительства беременных и рожениц от родильных домов и больниц, отсутствие транспорта усугубляли ситуацию в области родовспоможения. Но, несмотря на указанные проблемы, большим достижением послевоенной медицины был факт постепенного уменьшения количества женщин, которые рожали вне стационара, в том числе без помощи медицинского работника. Так, в Свердловской обл. охват стационарным родовспоможением составил в 1945 г. 86,5% в городе и 51,4% в сельской местности, в 1947 г. – 90% и 47,1%; в 1949 г. – 84,2% и 65,9%, в 1952 г. – 96% и 65%, в 1953 г. – 99,1% и 69, 3% [7, л. 105], в Курганской обл. в 1945 г. в городах в стационарах рожали 86,5% городских женщин и 51,4% сельских женщин, в 1947 г. – 90% и 47,1%, в 1949 г. – 95,7% и 55,2%; а без медицинской помощи при родах в 1945 г. оставалось 12,5% женщин (общий охват составил 87,5%), а в 1949 г. – 6,3% (общий охват составил 94,7%) [4, л. 6].

Развертывание сети родовспомогательных учреждений предполагало и улучшение качества их работы, которое велось в следующих направлениях: проведение ремонта помещений, поступление нового оборудования, обязательная санитарная обработка рожениц, работа по улучшению гигиены персонала. В медицинских учреждениях все чаще стали использовать обезболивание при родах, переливание крови. Например, в УАССР в 1948 г. обезболива-

ние было применено в 1366 родах (9,6% от общего количества), в 1949 г. – в 2524 (12,1%). Активно велась профилактика послеродовых заболеваний посредством соблюдения санитарного режима: применялось проветривание, каждой женщине выдавались индивидуальные пакеты, маски, мыло, при проведении кесарева сечения в брюшную полость вводился пенициллин, медицинский персонал носил стерильные халаты [5, л. 11].

При общей положительной динамике изменения качественных показателей родовспоможения можно отметить отдельные негативные моменты, снижающие эффективность работы медицинских учреждений. Например, в Свердловской обл. была проделана большая работа, которая должна была помочь медицинскому персоналу применять обезболивание при родах: издан приказ № 1477, размножены инструкции, проведено девять семинаров. Но, согласно данным предоставленных отчетов, обезболивание применялось только в 4% случаев от общего количества родов. Отмечаются случаи, например, в родильном отделении 3-й городской больницы г. Каменск-Уральска, когда даже несмотря на наличие горячей воды многие роженицы не проходили санитарную обработку, смотровая также являлась выписной, следствием этого стала вспышка токсико-септической инфекции [6, л. 7, 15, 22].

В целом о росте качества оказания медицинской помощи при родовспоможении можно судить и по общей динамике материнской смертности, которая демонстрировала общую тенденцию к ее уменьшению [15, с. 133]. Следует отметить, что снизилась и материнская смертность, связанная с септическими осложнениями послеродового периода. В Свердловской обл. доля септической родовой смертности в 1945 г. составляла 0,05%, в 1947 г. – 0,035%, в 1949 г. – 0,005% [15, л. 7, 15, 22].

Таким образом, следует отметить, что в разоренном войной государстве вывести оказание акушерско-гинекологической помощи женщинам на качественно новый уровень было непросто, но архивные данные констатируют, что решить эту задачу в трудных послевоенных условиях советская власть смогла.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). А-374. Оп. 11. Д. 608.

2. ГАРФ. А-374. Оп. 11. Д. 836.
3. ГАРФ. А-374. Оп. 11. Д. 837.
4. ГАРФ. А-482. Оп. 11. Д. 834.
5. ГАРФ. А-482. Оп. 49. Д. 820.
6. ГАРФ. А-482. Оп. 49. Д. 861.
7. ГАРФ. Ф. 830. Оп. 1. Д. 330.
8. ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 1289.
9. ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 1298.
10. ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 1326.
11. ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 1329.
12. ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 1341.
13. ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 1349.
14. ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 1351.
15. *Хомякова Н.В.* Проблемные аспекты охраны материнства в послевоенные годы на Урале // Актуальные проблемы интеграции науки и образования в регионе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Бузулук: ОГУ, 2020. С. 131–134.

Т.Л. Кукса
Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Расставаясь с устаревшей лексикой: история/мерцание термина «старородящая» в медицинских и юридических источниках

Стремление современных городских женщин к социальной и финансовой самостоятельности отодвигает вопросы материнства на неопределенное будущее. В целом готовность к деторождению варьируется в традиционных и городских культурах, а также зависит от психической зрелости (одного или обоих) родителей, например, отставая или опережая семейные и собственные ожидания. Вместе с этим репродуктологи предупреждают о ситуациях угасания фертильности, когда желания не соответствуют репродуктивным возможностям родителей, в первую очередь матерей, и используют концепцию «репродуктивного возраста». В настоящей заметке проанализированы представления о длительности «репродуктивного возраста» в письменных и устных источниках и развитие этого концепта во времени (включая сдвиг биополитических возрастных пределов

и мерцание советского термина «старородящая») в медицинском, медийном и обывательском дискурсах.

Всемирная организация здравоохранения использует понятие «репродуктивного возраста», описывая его особенности и опасности в ряду других значимых для здоровья девочек и женщин периодов: грудной возраст и детство (0–9 лет), подростковый возраст (10–19 лет), репродуктивный возраст (15–49 лет) и зрелый возраст (20–59 лет) [3]. Данным концептом не устанавливаются запреты на сексуальные взаимоотношения и репродуктивные планы женщин, поскольку ВОЗ формулирует приведенную периодизацию возрастов для других целей – для описания *«биологических аспектов, гендерных факторов и других социальных детерминант»*, оказывающих воздействие на здоровье девочек и женщин. В развитие Пекинской декларации, принятой Четвертой всемирной конференцией по положению женщин в 1995 г. [6], ВОЗ разрабатывает также иные документы, указывающие на медицинские и социальные проблемы этих уязвимых групп и пути их решения, в том числе посредством обеспечения доступности медицинской помощи.

Мониторинг базовых нормативно-правовых актов в сфере здоровья и четырех десятков клинических рекомендаций на тему гинекологии и акушерства показал определенную вариативность словоупотребления концепта «репродуктивного возраста» вместе с отсутствием стигматизирующей женщину лексики и биополитических возрастных измерений (за исключением единственных клинических рекомендаций и порядка, регулирующего ВРТ). Актуальный федеральный закон 323-ФЗ от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – 323-ФЗ) [12] содержит в названии соответствующей главы упоминание «репродуктивного здоровья», которое, впрочем, не раскрывается в тексте документа. Вместе с приказом Минздрава России от 20.10.2020 № 1130н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю “акушерство и гинекология”» (далее – приказ от 20.10.2020 № 1130н) [7] 323-ФЗ не содержит ни стигматизирующей терминологии, ни возрастного биополитического предела, каким-либо образом ограничивающих доступность и качество медпомощи. Тем не менее некоторые формы, утвержденные приказом от 20.10.2020 № 1130н, сохраняют термины «репродуктивный анамнез», «первородящая», «первобеременн-

ная». Вместе с тем 18 пункт предыдущей версии приказа Минздрава России от 1.12.2012 № 572н [11], действовавшей в период с 2013 по конец 2020 г., содержал указание на то, что *«в консультативно-диагностические отделения перинатальных центров направляются беременные женщины» «с отягощенным акушерским анамнезом (возраст до 18 лет, первобеременные старше 35 лет, невынашивание, бесплодие, случаи перинатальной смерти, рождение детей с высокой и низкой массой тела, рубец на матке, преэклампсия, эклампсия, акушерские кровотечения, операции на матке и придатках, рождение детей с врожденными пороками развития, пузырный занос, прием тератогенных препаратов)»*. Данная формулировка свидетельствует от том, что «первобеременность» женщины старше 35 лет (равно как и несовершеннолетняя беременная) до конца 2020 г. воспринималась разработчиками документа, подписанного министром В.И. Скворцовой, как **«отягощенный анамнез»**. Однако из актуального приказа от 20.10.2020 № 1130н (подписанного министром М.А. Мурашко) такие биополитические возрастные измерения «до 18» и «старше 35 лет», указывающие на «отягощенный анамнез», исчезли.

В приказе Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» [8] содержатся возрастные ограничения для доноров ооцитов, которыми могут быть женщины, *«в возрасте от 18 до 35 лет, физически и психически здоровые, прошедшие медико-генетическое обследование»* (пункт 44), а также доноров спермы, которыми *«имеют право быть мужчины в возрасте от 18 до 35 лет, физически и психически здоровые, прошедшие медико-генетическое обследование, с нормальными показателями спермограммы»* (пункт 54). Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н (подписан М.А. Мурашко) также содержит в 10 пункте возрастную отсечку в 35 лет и показания, определяющие возможность *«проведения программы ЭКО и переноса криоконсервированных эмбрионов являются»*, к которым относят *«неэффективность лечения бесплодия в течение 12 месяцев при возрасте женщины до 35 лет или в течение 6 месяцев при возрасте женщины 35 лет и старше»*. Иными словами, при неэффективности лечения бесплодия в течение 12 месяцев при возрасте женщины до 35 лет или в течение 6 месяцев при возрасте женщины 35 лет и старше показано лечение с помо-

щью ВРТ, что подчеркивает, как мне кажется, условия доступности медпомощи в разном возрасте. Поэтому для описания вопросов, связанных с фертильностью, некоторые сайты клиник репродуктивных технологий оперируют понятием «поздний репродуктивный возраст», указывая жизненный период «старше 35 лет».

В клинических рекомендациях на тему гинекологии и акушерства, принимаемых с 2020 г. (свыше 40 штук), российские медики используют преимущественно указание на «поздний репродуктивный возраст» или «старший репродуктивный возраст» женщины, как правило, не определяя конкретные годы или возрастные отрезки [4]. При этом сам концепт был репрезентован в данных текстах (так же как и в утратившем силу приказе от 01.12.2012 № 572н) как **фактор риска, отягчающий здоровье пациентки**, в том числе при оказании медпомощи. Лишь в одном письменном источнике, клинических рекомендациях 2023 г. «Разрывы промежности при родоразрешении и другие акушерские травмы (акушерский травматизм)» [5], мною встречен термин **«пожилая первородящая»**, который, по всей видимости, перекочевал из много раз изданного учебного пособия по акушерству именитых авторов акушер-гинекологов: *«К основным причинам возникновения разрывов промежности относят: предшествующие изменения в области промежности и наружных половых органов (могут происходить на почве инфантилизма, вследствие ригидности тканей у пожилых первородящих или при рубцовых изменениях после предшествующих разрывов), быстрое прохождение головки плода через вульварное кольцо, акушерские операции, предполагающие быстрое извлечение плода, прохождение головки плода через вульварное кольцо большим размером»* [1].

Следует отдельно остановиться на порядке разработки клинических рекомендаций, чтобы подчеркнуть их «врачебное» происхождение и приведение в соответствие с актуальными исследованиями разного уровня доказательности. Клинические рекомендации по вопросам родоразрешения, гинекологических и репродуктивных вопросов разрабатываются не чиновниками Минздрава России и даже не подведомственными федеральному министерству и службам организациями, а врачами разных специальностей, являющимися членами профессиональных НКО. В изданных и периодически обновляемых документах указывались следующие

организации: «Российское общество акушеров-гинекологов» (РОАГ), «Ассоциация анестезиологов-реаниматологов» (ААР), «Ассоциация акушерских анестезиологов-реаниматологов» (АААР), «Российская ассоциация репродукции человека» (РАРЧ). В составе рабочих групп, принимающих участие в разработке и подписании клинических рекомендаций, может быть указано от 25 до 45 врачей, а также от 20 до 234 источников, имеющих разный уровень доказательности, надежности и актуальности. После разработки ассоциациями врачей клинические рекомендации одобряются научно-практическим Советом Минздрава России, что упоминается в тексте самих документов.

Стигматизирующие пациенток термины **«старородящая»** или «пожилая первородящая» остались, вероятно, в устной речи врачей на приеме, в том числе публичной речи, которая приводится федеральными медиаканалами как «советский пережиток». При этом сами медийные источники, как правило, осуждают некорректную лексику, маркирующую возраст беременной, а также транслируют голоса и опыт респонденток, столкнувшихся с обижающей их терминологией при приеме [10]. В медиапространстве Великобритании [13] также обличается аналогичная устаревшая терминология (**«гериатрическая беременность»**) применительно к женщинам после 35 лет.

По данным «Парламентской газеты», в апреле 2023 г. Минздрав России предложил закрепить «репродуктивный возраст» законодательно [2]. С какой целью? Регуляторы и парламентарии преследуют задачи сохранения населения и считают необходимым запретить доступ к ВРТ по ОМС в «старшем возрасте», как в зарубежных странах. Президент РАРЧ Владислав Корсак поведал, если его не исказили журналисты, что «сейчас первородящей старшего возраста медики считают женщину от 28 лет, также в ВРТ есть представление о позднем “репродуктивном возрасте” – 35–40 лет». Цитаты из приведенных выше НПА показывают, что либо медиаисточник, либо президент РАРЧ искажают формулировки, ибо 28-летняя отсечка считается, как мы помним, советским пережитком, а поздний «репродуктивный возраст» установлен в разных документах для разных задач.

В декабре 2023 г. заместитель председателя Правительства России по социальным вопросам Т.А. Голикова сообщила о подготовке проекта скрининга населения. В 2024 г. правительство

России включило диспансеризацию женщин и мужчин репродуктивного возраста в план по тарифам ОМС (в связи с объявленным Годом семьи). В апреле было опубликовано письмо Минздрава России от 08.04.2024 № 17-6/И/2-6434 «О направлении методических рекомендаций по диспансеризации мужчин и женщин репродуктивного возраста с целью оценки репродуктивного здоровья» [9], в котором предусмотрена диспансеризация женщин и мужчин от 18 до 49 лет (проводимая в рамках госгарантий один раз в три года, после 40 лет – ежегодно), по итогам которой граждан распределяют на три группы здоровья. При этом в целях улучшения демографической ситуации, разумеется, на мужчин тоже распространили понятие «репродуктивного возраста» да уравняли с женщинами стигматизирующей терминологией, хотя бы на уровне письма о диспансеризации.

Мониторинг и анализ устаревших и актуальных российских нормативно-правовых документов, порядков и клинических рекомендаций, рекомендаций ВОЗ, доказательных исследований показал, что границы «репродуктивного возраста» подвижны не только в пространстве и во времени, но даже по-разному определяются действующими и утратившими силу и значение источниками. С начала 2021 г. стигматизирующая терминология (типа советского пережитка «старородящая») исключена из текстов подписанных или одобренных регулятором (Минздравом России) нормативно-правовых документах (за одним удивительным исключением 2023 г., приведенноым выше), но сохраняется в медиадискурсе (для порицания невежественной коммуникации) и на парламентских обсуждениях (для введения запретов и ограничений). Международные и российские регуляторы, репродуктологи, акушеры-гинекологи, иные медицинские специалисты используют приведенную терминологию не только при описании всего периода репродуктивных возможностей женщин, а также для иных задач: указания рисков зачатия, беременности, родоразрешения («акушерских рисков») на поздних этапах; порядка диспансеризации, профилактики, применения ВРТ, маршрутизации, лечения на определенных жизненных и медицинских этапах; информирования об «отягощенном анамнезе»; введения запретов и ограничений для сокращения бюджетных расходов и демографических целей.

Список литературы

1. Акушерство: национальное руководство / под ред. Г.М. Савельевой, Г.Т. Сухих, В.Н. Серова, В.Е. Радзинского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ГЭОТАР-Медиа;, 2018. 1088 с.
2. В Минздраве предлагают закрепить репродуктивный возраст законодательно // Парламентская газета. 10.04.2023. URL: https://www.pnp.ru/social/v-minzdrave-predlagayut-zakrepit-reproduktivnyy-vozrast-zakonodatelno.html (дата обращения: 03.07.2024).
3. Информационный бюллетень ВОЗ. 25.09.2018. «Женщины и здоровье».
4. Клинические рекомендации 2021 года «Женское бесплодие».
5. Клинические рекомендации 2023 года «Разрывы промежности при родоразрешении и другие акушерские травмы (акушерский травматизм)».
6. Пекинская декларация 1995 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml (дата обращения: 03.07.2024).
7. Приказ Минздрава России от 20.10.2020 № 1130н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю “акушерство и гинекология”».
8. Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению».
9. Письмо Минздрава России от 08.04.2024 № 17-6/И/2-6434 «О направлении методических рекомендаций по диспансеризации мужчин и женщин репродуктивного возраста с целью оценки репродуктивного здоровья».
10. «Ты же старородящая»: Что переживают беременные женщины, которых осуждают из-за возраста // Takiedela.ru. 13.12.2023.
11. Утративший силу Приказа Минздрава России от 1.12.2012 №572н, «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология» (за исключением использования вспомогательных репродуктивных технологий)».
12. Федеральный закон 323-ФЗ от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».
13. It’s 2021 can we please stop calling women ‘Geriatric Mums’ already // Mumernity.co.uk. 20.12.2021. URL: https://mumernity.co.uk/its-2021-can-we-please-stop-calling-women-geriatric-mums-already / (дата обращения: 03.07.2024).

К.А. Галкин
Санкт-Петербург, Социологический институт РАН
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН

Традиционные женские практики «несогласия» со своими биологическим возрастом и социальными ролями (Европейская часть РФ, 2000–2020-е годы)

Определение старения и пожилого возраста в современном мире связано скорее с культурой, чем с биологическими и хронологическими рамками [6]. Важным и значимым в контексте определения старения выступает роль социальных институтов и детерминирование возраста пожилых людей социальными институтами, которое различается в зависимости от страны и особенностей понимания возраста в разных странах [7]. Именно социальным институтам отведена роль нормирования возраста, и нередко именно социальные институты конструируют возраст пожилых людей как время снижения привлекательности, активности и желаний. При этом существуют и половые различия в конструировании возраста, и в частности они связаны с тем, что в традиционных обществах роль женщины в старости еще больше связана с потерей прежних активностей, отсутствием возможностей и старением в кругу семьи [5]. Именно социальные институты в обществе стремятся ограничивать права пожилого человека на распоряжение своим собственном телом, определяя нормы и правило того, как должен выглядеть пожилой человек, а также требуя от пожилых людей следовать социальным нормам, которые приняты в той или иной культуре.

Отличительно особенностью российского общества выступает распространение негативных стереотипов относительно пожилых людей и их возраста [1]. Возникающие исследования социологов и представителей других смежных дисциплин свидетельствуют о том, что пожилые люди в России в целом ассоциируются со слабостью, немощностью, низкими возможностями и отсутствием необходимого ресурса для активного участия в социальной жизни общества [4]. Это подтверждают и данные опросов общественного мнения, в частности данные ВЦИОМ, которые свидетельствуют о том, что большинство опрашиваемых людей

по всей России на вопросы о том, какие чувства они испытывают при виде пожилого человека, отвечают «жалость». Очевидным является тот факт, что в современном обществе начинает формироваться серьезный разрыв между хронологическим и нормативным, сконструированным представлением о возрасте и тем, как пожилой возраст видят сами пожилые люди и как оценивают и описывают свой возраста (не соглашаются с биологическими старением). Цель настоящего исследования – рассмотреть практики пожилых женщин, наиболее дискриминируемой группы относительно возраста в России, и проанализировать несогласие пожилых женщин со своим биологическим возрастом и традиционными ролями на Европейской части России.

Методология исследования и эмпирическая база

Эмпирическую базу настоящего исследования составляют данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. В настоящем исследовании использовались данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья 29-й волны (2023). В рамках настоящего исследования мы отдельно выделяли пожилых женщин, как одиноко проживающих, так и семейных. Также для триангуляции данных были проведены и качественные исследования (глубинные интервью) с пожилыми женщинами, проживающими в городе федерального значения Санкт-Петербурге, в г. Петрозаводске, селах Республики Карелия, в Воронежской, Брянской, Новгородской обл. и в г. Москве. Всего было собрано 60 интервью. Метод анализа интервью – тематический. В исследовании обозначены темы несогласия со своими биологическим возрастом и традиционными ролями, которые представлены в результатах.

Результаты исследования

Наиболее часто встречаемыми практиками несогласия со своим биологическим возрастом и социальными ролями выступает либо прдолжение занятости пожилых женщин, занятость как стратегию и успешную практику сохранения своей активности отмечали 38% участников опроса, либо положение пенсионера, которое связано с тем, что пожилые женщины старались противодействовать своему возрасту через семейную заботу и активное участие в жизни семьи и преимущественно в воспитании внуков (57%). В крупных горо-

дах и городе федерального значения при этом многие из пожилых женщин отмечали в интервью, что только продолжение занятости и возможность общения с коллективом, а также наличие необходимых активностей в коллективе способствует отсутствию ощущений своего собственного возраста и старения, при этом в сельской местности чаще всего пожилые женщины видели возможности минимизировать эффекты пожилого возраста в семейной заботе и участии в жизни семьи.

Следует также отметить наличие связи между хронологическим возрастом (количеством прожитых лет) пожилых женщин и выполнением обязанностей по дому. Женщины более пожилых возрастов, от 75 лет, имеют меньше физических забот в повседневной жизни, также для женщин этих возрастов в меньшей степени характерна забота о внуках и помощь семье. Заботу о внуках и помощь семье, как правило, выполняли женщины более молодого возраста, и при этом подобную помощь они рассматривали как инструментальную возможность поддержания собственной активности и своего собственного здоровья, что может свидетельствовать о смене смыслов в понимании семейной заботы и переходе пожилых женщин к более европейскому образу жизни. При этом забота о доме и работа на приусадебном участке, хозяйственные работы, наоборот, расценивались пожилыми женщинами как хорошая возможность для подержания активности и сохранения своего здоровья, подобные виды активностей воспринимались пожилыми женщинами как хобби. Сам возраст и старение, как правило, воспринималось как нечто связанное с отсутствием активностей и потеря. Подобное было связано с погружением в старение, ощущением своего возраста.

Однако следует отметить, что в период пандемии COVID-19 произошел довольно резкий переход от желания продолжать работать и сохранять активность к традиционным семейным ролям «бабушек», которые скорее были навязаны пожилыми людям самой пандемией и изоляцией, и именно из-за изоляции пожилые люди начинали ощущать свой возраст и рассматривать его исходя из биологических трудностей, также подобные трудности конструировались и самой средой, а также СМИ, когда пожилой возраст стал вновь рассматриваться как время немощности и причина необходимости изоляции. Это обстоятельство достаточно сильно повлияло на ощущение своего возраста пожилыми женщинами.

Заключение

Настоящее исследование показало, что в современной России нормы возраста жестко определены социальными институтами и привязаны к хронологическим и биологическим детерминантам возраста. У пожилых женщин остается довольно ограниченный набор практик противостояния социально сконструированному возрасту и возможности выглядеть и чувствовать себя в соответствии со своими желаниями и потребностями. Эйджизм воспринимается как норма и, безусловно, негативно влияет на пожилых людей и в особенности на пожилых женщин [2; 3].

В нашем исследовании мы выделили три основных типа практик противостояния своему возрасту и старению у пожилых женщин. Подобные практики определены продолжением занятости и сохранением трудовых отношений после выхода на пенсию, семейной заботой и домашними делами, и хобби. Основной практикой несогласия со своими возрастом выступает трудовая занятость, которая позволяет общаться и коммуницировать с коллегами и активно интегрироваться в социальную жизнь и развиваться, продолжать быть активными участницами социальной жизни. Семейная забота, в особенности в малых городах и сельской местности, носила скорее инструментальную роль для пожилых женщин и была связана с необходимостью поддержания активности для пожилых женщин.

Таким образом, появившийся в социальных науках конструкт негативной феминизации старости представляет собой существенную проблему. Российские женщины испытывают множество затруднений, которые были накоплены в предыдущие фазы жизни и которые усиливаются с годами, в особенности в сельской местности и малых городах. Самыми сложными выступают социально-экономические проблемы, существующие в российском обществе и оказывающие негативное влияние на восприятие своего возраста пожилыми женщинами. Крайне важными оказываются информационная поддержка и сохранение значимости и возможностей для интеграции в социальную жизнь у пожилых женщин в России. Таким образом, для развития и сохранения практик несогласия пожилых женщин со своим возрастом и биологическим старением необходимым выступает профилактика гендерно обусловленных профессиональных кри-

зисов, продолжение участия женщин на рынках труда, в том числе и после выхода на пенсию, обновление социальных ролей пожилых женщин; подобное обновление становится особенно актуальным после пандемии COVID-19.

Список литературы

1. *Григорьева И.А., Келасьев В.Н.* Архаические стереотипы и новые сценарии понимания старения //Успехи геронтологии. 2017. Т. 30. №. 2. С. 243–247.
2. *Григорьева И.А., Сизова И.Л.* Траектории старения женщин в современной России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27. №. 2. С. 109–135.
3. *Зеликова Ю.А.* Субъективное благополучие пожилых людей (кросснациональный анализ) // Социологические исследования. 2014. № 11. С. 60–69.
4. *Кадневский В.М., Костенко О.Е., Лемиш В.В.* Образование пожилых людей как феномен цивилизации // Вестник Омского университета. 2015. №. 1 (75). С. 100–101.
5. *Gibson S.J., Helme R.D.* Cognitive factors and the experience of pain and suffering in older persons // Pain. 2000. Vol. 85. No. 3. P. 375–383.
6. *Gilleard C., Higgs P.* Aging without agency: Theorizing the fourth age // Aging & Mental Health. 2010. – Vol. 14. No. 2. P. 121–128.
7. *Schaie K.W., Elder G.* (ed.). Historical Influences on Lives and Aging. New York: Springer Publishing Company, 2005. 320 p.

И.Г. Полякова, Э.Э. Сыманюк
Екатеринбург, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Формирование культуры суррогатного материнства: социокультурные факторы с точки зрения био и суррогатных матерей

XX в. стал временем радикальных социальных изменений. Возможность оплачиваемого женского труда, разрушение традиционных систем родственных и брачных отношений, изобретение женских контрацептивов – все эти факторы способствовали сепарации и независимости женщин. Тем не менее важнейшей в жизни женщины остается потребность и возможность родить собственного ребенка. Развитие вспомогательных репродуктив-

ных технологий помогло человечеству приобрести не только негативный, но и позитивный контроль над рождаемостью. Суррогатное материнство, с одной стороны, является самой сложной медицинской технологией как с этической, так и с медицинской точки зрения. С другой стороны – это единственная возможность для ряда женщин стать матерью собственного, генетически родного ребенка. Фактически запрос на суррогатное материнство в медицинских центрах России не велик, но стабилен (по данным РАРЧ, ежегодно суррогатные матери в России рожают порядка 700 младенцев), т.е. непосредственно он затрагивает очень небольшую часть населения: женщин, имеющих диагноз «бесплодие», женщин, желающих стать суррогатной матерью, их близкий круг и специалистов-медиков. В то же время институт суррогатного материнства активно обсуждается в публичном пространстве и имеет большой общественный резонанс.

Цель исследования – рассмотреть основные социокультурные факторы, обуславливающие формирование культуры использования суррогатного материнства в современном обществе с точки зрения женщин – реципиентов услуг суррогатного материнства и суррогатных матерей.

В своей работе мы опираемся на теорию человеческого капитала Бурдье [1], теории родительства Роткича [5] , Фридман [3] и Хоффманов [4], теорию идентичности Парсонса [2]. Материалом для исследований послужили 16 глубинных полуструктурированных интервью с суррогатными матерями и 10 интервью с женщинами – реципиентами услуг суррогатного материнства (далее – био, биомамы).

Группы суррогатных матерей и биомам значимо отличаются друг от друга по социально-демографическим характеристикам. Средний возраст суррогатных матерей 30 лет. У девяти женщин высшее образование, у одной – среднее, у остальных – среднее специальное. Половина из них находятся в разводе (8 из 16), семь в браке, одна вдова. Все имеют опыт суррогатного материнства (семь беременны на момент интервью). Совокупно опрошенные нами суррогатные матери родили 23 детей. Группа биомам гораздо старше по возрасту (средний возраст 44 года), выше по уровню образования и социальному положению. Все информантки имеют высшее образование, состоят в официальном браке, большинство (8 из 10) – в повторном. Только три из

них не имеют собственных детей на момент обращения к суррогатному материнству, у остальных – взрослые дети от первых браков. Две женщины в прошлом столкнулись с трагедией – гибелью сыновей (14 и 16 лет). Анализ интервью позволяет выявить основные социокультурные факторы, определяющие возможность применения суррогатного материнства.

Мотивация. Все суррогатные матери полимотивированы, во все случаях первым обозначается мотив помощи людям, вторым – финансовый интерес как возможность улучшить жизнь собственной семьи. С точки зрения биомам, существует только один приемлемый мотив для суррогатного материнства – финансовый, все другие мотивы не рассматриваются и считаются вредными.

Религиозный фактор. Интересно, что среди суррогатных мам только четверть считают себя верующими, остальные атеисты или не задумывались об этом. Но ни одна из них не посоветовалась со «своим Богом» относительно своего участия в программах суррогатного материнства. Все биомамы, напротив, считают себя верующими людьми, и каждая думала о том, как отнесется Бог к ее поступку. Тенденция следующая: если «Бог даст», т.е. позволит ребенку родиться, то значит, Бог одобряет обращение женщины к суррогатному материнству. Практически все проговаривают, что в появлении новой жизни не может быть ничего плохого.

Ценность родительства. Семь из 16 суррогатных матерей отметили, что их первая беременность была не запланирована, тем не менее всем им состояние беременности нравится, и для большинства именно желание улучшить жизнь собственных детей является ведущим мотивом для суррогатного материнства. Биомамы, напротив, говорят о том, что все в их жизни уже сложилось и единственное, чего не хватает, – это рождение собственного ребенка.

Идентичность с ребенком. Обе группы едины во мнении, что мать не та, что родила, а та, что воспитала. Многие суррогатные матери проговаривают наличие чужой яйцеклетки, отмечают полное внешнее несходство с рожденными детьми, считая себя «няней до рождения, тепличкой, инкубатором». Одна из трех биомам, не имеющих собственных детей, обозначила наличие страха не полюбить ребенка, рожденного суррогатной матерью, все остальные женщины уверены в своем выборе.

Анонимность программ. Из 16 суррогатных матерей пять в разное время участвовали в анонимных программах. Одна из

них выносила двойню для иностранных граждан. По их отзывам, открытые программы лучше, т.к. можно рассчитывать на помощь, поддержку и дополнительное вознаграждение биородителей. Все опрошенные нами биоматери были знакомы со своими суррогатными матерями и активно участвовали в процессе выбора, в отличие от их супругов, которые данный процесс игнорировали.

Отношение общества. Для всех женщин эта тема наиболее сензитивна, т.к. беременность в итоге становится очевидной для всех окружающих, а биоматери, не будучи беременными, должны объяснять своему окружению, откуда взялись младенцы. Суррогатные матери чувствуют скрытую стигматзацию, но, по их отзывам, никто из них реально не сталкивался с открытым осуждением. Максимум при возникновении вопросов суррогатная мать отвечала, что ребенка нет, и собеседник отступал, чувствуя неловкость. Что касается биомам, большинство находят определенный баланс: особенно не скрывают этот факт, но и не распространяются о нем. Две женщины представляют полярные модели – одна имитирует беременность (суррогатная мать беременна на 20 неделе) и намерена скрывать правду в течение всей жизни; другая, из маленького города, рассказала об этом всему окружению, столкнулась с негативной реакцией и открытым коллективным осуждением вплоть до того, что детей отказались крестить в церкви.

Выделение социокультурных факторов, имеющих непосредственное отношение к становлению института суррогатного материнства в России, позволяет обозначить наиболее значимые аспекты процесса и структурировать дальнейшее всестороннее его изучение. Значимым в данном контексте является вопрос преодоления в обществе неравенства между женщинами, которые способны родить ребенка, и не имеющими такой возможности по медицинским показаниям.

Список литературы

1. *Бурдьё П.* Формы капитала. Социологическое пространство Пьера Бурдьё. URL: http://bourdieu.name/bourdieu-forms-of-capital (дата обращения: 12.12.2023).
2. *Парсонс Т.* Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалёва. М.: Аспект Пресс, 1997. 270 с.
3. *Friedman D., Hechter M., Kanazawa S.* A theory of the value of children. Demography. 1994. No. 31. 383 p.

4. *Hoffman L.W., Hoffman M.L.* The value of children to parents // Psychological Perspectives on Population / ed. by J. Fawcett. N.Y.: Basic Books, 1973. P. 19|76.
5. *Rotkirch A.* Baby fever and men's reproductive motivation // Vienna Yearbook of Population Research. 2011. Vol. 9. P. 283–306.

О.А. Парфенова
Санкт-Петербург, Социологический институт РАН
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН

Забота о здоровье в жизни стареющей женщины: наследие советской системы здравоохранения, проблемы доверия и меняющаяся реальность

В рамках исследования, посвященного старению в постпандемийной цифровой реальности, тема здоровья была одной из ключевых для нас. Наш предыдущий анализ, не учитывающий гендерных особенностей и охватывающий как женщин, так и мужчин, продемонстрировал отношение пожилых к медицине как способу решения уже имеющихся проблем, а не инструменту профилактирования. Пожилые пациенты становятся активными пользователями платных медицинских услуг, цифровых сервисов и гаджетов, позволяющих следить за здоровьем (осуществлять запись к врачу, отслеживать количество шагов и т.п.) [9], что, впрочем, не отменяет рисков изоляции, которые несет в себе цифровизация, отсекающая пожилых, для которых телефонный способ записи на прием является более привычным и желательным [3]. Данный доклад посвящен проблемам здоровья и здоровьесбережения в жизни стареющих женщин. На материалах глубинных полуструктурированных интервью мы анализируем практики заботы о здоровье женщин в возрасте 60+. Потребность в фокусировке именно на женских практиках заботы о себе выросла в ходе анализа интервью, в которых мы обнаружили гораздо более насыщенные и содержательные рассказы об опыте здоровьесбережения и взаимодействия с медициной, в том числе в молодости. Здесь, на наш взгляд, большое значение в жизни информанток играет советский опыт медикализации репродуктивного поведения, которая среди прочего не только утвердила иерархии в сфере репродуктивной медицины и пред-

ставления о «правильных» и «неправильных» родах [6], но и установила контроль над рождаемостью посредством абортивной культуры [6]. Мы рассматриваем тему здоровья в первую очередь в категориях доверия. Проблема (не)доверия к современному институту медицины актуализируется социологами и антропологами в постсоветский период. Низкий уровень институционального доверия в постсоветский период порождает практики самолечения и негативно влияет на здоровье [1]. К сожалению, и по прошествии почти 20 лет российские исследователи приходят к выводам о дефиците доверия между пациентом и врачом, который, наряду с кризисом коммуникации, толкает пациентов на поиски «альтернативного лечения» [7].

В ходе анализа интервью с пожилыми женщинами мы можем сформулировать основные характеристики здоровьесберегающего поведения и выделить аспекты проблемы (не)доверия. Наши информантки не просто обладают довольно подробными познаниями в части различных здоровьесберегающих практик (от современных рекомендаций по питанию до знания особенностей питания при различных хронических состояниях и роли физической активности в жизни), но и при описании собственных практик показывают вполне однозначное следование своим представлениям и знаниям. При этом мы наблюдаем очень сложное отношение к медицине как институту для поддержания здоровья. В этой плоскости доверие приобретает фрагментарный вид: условно говоря, вот здесь и в этом вопросе мы верим одному врачу/рекомендациям, а вот в том вопросе и вот тем специалистам – не особенно, их нужно перепроверять.

У нас у соседа частная клиника. Мы доверяем их специалистам. И внучка туда с детских лет, дочь (ж., 71 год).

Потому что как правомерно для людей, так и для врачей. Сколько врачей, столько и мнений. Кому-то одному доверишься… Нет. Надо прислушиваться к своему организму, он сам все скажет, что ему надо (ж., 66 лет).

Забота о здоровье включает и внешний вид, косметологические процедуры. *Платной* [медицине]*, я все равно почему-то больше доверяю платной, плюс мне больше нравятся отношения. Ну, как правило, это все анализы, терапевт, ну и, естественно, нужно заниматься стоматологией, ну временами все ж таки косметологию я не забываю, все эти процедуры косме-*

тологические. Я тоже считаю, чтобы в этом возрасте нормально выглядеть, нравиться себе и хорошо себя чувствовать – это необходимо (ж., 64 года).

Частной медицине доверяют больше, чем обслуживанию по ОМС, и наоборот – некоторые полагают, что по ОМС, помимо грубости, ты сталкиваешься с равнодушием и некомпетентностью. На желание и готовность доверить здоровье медицине влияет накопленный опыт (не)доверия. Так, очень яркая история о неудачной операции в молодости, рассказанная нашей самой старшей информанткой, заканчивается фразой: *После этого сказала: умирать буду, но к врачам не пойду. Не ходила очень долго. Температура 39, я иду на работу* (ж., 95 лет).

Тема индивидуального здоровья была и остается максимально сензитивной областью, в которой мы имеем дело со сложным миксом из негативного опыта, желания контролировать, страха, ощущения собственной уязвимости, что увеличивает запрос на доверие институту медицины [4; 5]. В случае с современной стареющей женщиной, которая имеет многолетний опыт взаимодействия с авторитарной советской медицинской системой (в том числе с репродуктивной) мы можем говорить о сформированном многолетнем недоверии, которое сегодня подвергается сложному влиянию различных факторов: от современного контекста до объективных изменений состояния здоровья. В частности, мы видим, как происходит трансформация медицины и появление новых альтернатив в виде платных медицинских услуг, пациентоориентированной медицины и «доказательного подхода» (который, к сожалению, в России и звучит, и по факту все еще является некоей альтернативой «официальной» медицине), что позволяет оценивать эти институциональные изменения в неолиберальной логике, при которой пациент выступает в роли гражданина-потребителя, что особенно хорошо видно на примере репродуктивной медицины [2; 8]. На эти изменения наслаиваются изменения состояния здоровья на индивидуальном уровне, требующие все большего контакта с медициной. К важным факторам мы относим и пандемию, которая продемонстрировала наиболее дисциплинированных последователей противопандемических мер (самоизоляция, вакцинация) как раз в лице представителей старшего поколения, социализированного в условиях более авторитарной в сравнении нынешней медицинской системы.

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00461 (https://rscf.ru/project/22-18-00461/).*

Список литературы

1. *Аронсон П.Я.* Утрата институционального доверия в российском здравоохранении // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. № 9 (2). С. 120–131.
2. *Бороздина Е.А.* Логики оказания медицинской помощи и телесное измерение доверия в медицинских взаимодействиях // Социология власти. 2017. № 29 (3). С. 82–102.
3. *Орлов Г.М., Чугунов А.В.* Цифровое здравоохранение: использование электронных сервисов пожилыми // Успехи геронтологии. 2023. № 36 (3). С. 375–382.
4. *Парфенова О.* Как развивалась доказательная медицина в россии: от закрытых форумов к «доказательным» клиникам // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2022. № 1. С. 111–132.
5. *Пушкарёва Н.Л., Мицюк Н.А.* У истоков медикализации: основы российской социальной политики в сфере репродуктивного здоровья (1760–1860 гг.) // Журнал исследований социальной политики. 2017. № 15 (4). С. 515–530.
6. *Пушкарёва Н.Л., Мицюк Н.А.* Зарождение биополитической моделиконтроля рождаемости в XIX – начале XX вв. // Журнал исследований социальной политики. 2021. № 19 (3). С. 421–436.
7. *Старцев С.В., Рождественская Е.Ю.* Как уходят в альтернативную медицину: кризис доверия в коммуникации врача и онкопациента // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. № 25 (2). С. 96–126.
8. *Тёмкина А.А*. «Экономика доверия» в платном сегменте родовспоможения: городская образованная женщина как потребитель и пациентка // Экономическая социология. 2017. № 18 (3). С. 14–53.
9. *Parfenova O.A.* Health-saving practices of older city dwellers in the context of delayed aging // Advances in Gerontology = Uspekhi Gerontologii. 2022. No. 35 (5). P. 679–685.

РАЗДЕЛ 6
ПАТТЕРНЫ ЖЕНСКОЙ ПЕДАГОГИКИ В ТРАДИЦИОННОМ И СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Н.Г. Соловьева
Черкесск, Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова

Паттерны женской и мужской этнопедагогики: проблема воспитания женственности и мужественности в традиционном обществе кубанских казаков

Этнопедагогика занимает особое, значимое место в истории становления и развития любого этноса и субэтноса. Являясь важным звеном в передаче и в усвоении главных этнокультурных характеристик, она основывается на паттернах женской и мужской воспитательной и обучающей практики. Под паттерном, в первую очередь, мы подразумеваем повторяющийся шаблон, модель, схему или образ поведения передающего информацию лица, в нашем случае это женщина-казачка и мужчина-казак. Нельзя не отметить, что благодаря паттерну создается опосредованное представление о типичном, идеальном с точки зрения культурных традиций, поведении и владении определенными навыками. В режиме синхронности повседневных процессов в обществе – традиционном обществе кубанских казаков – восприятие, тесно связанное с мышлением, проявляет у индивидов-казаков способность вычленять и успешно усваивать закономерности, передаваемые посредством паттернов женской и мужской педагогики. Паттерны при этом отличаются повторяющейся динамикой, определенной предсказуемостью своих проявлений.

Паттерны воспринимаются неодинаково, но усваиваются в неизменном виде, что объясняется устройством традиционного общества кубанских казаков, основанного на патриархальности и консерватизме во всем, в том числе и во взаимоотношениях внутри его. Отношения строились с учетом социальной дифференциации, положения каждого в рамках станичного общества и казачьей семьи. Нельзя не отметить, что особое, главное место в казачьем обществе занимал мужчина – казак-воин, глава семей-

ства и хозяин. На вече – открытом собрании станичной общины – он был главным лицом, принимающим решения по разным вопросам – вопросам «мира» и «войны» – путем открытого голосования. Управляя как своим индивидуальным хозяйством, так и взаимоотношениями среди членов семьи, он осуществлял главную педагогическую функцию – практика и идеолога-теоретика, блюстителя нравов, выражавшихся в том числе и в традиционных женских и мужских образах поведения.

Следует отметить, что существуют разнообразные паттерны поведения, которые подчинены гендерным принципам разграничения социальных ролей и функций, характерных для традиционного общества кубанских казаков. В первую очередь это наблюдается в этнопедагогике, которая также отличается своим, особым функционалом и средством осуществления эксклюзивной методологии. Однако сам процесс обучения и воспитания у кубанских казаков основывался скорее на опосредованном воспроизведении, чем на прямом повторении практически продемонстрированного паттерна обучающим лицом – казачкой или казаком. Так, паттерны женской педагогики проявлялись в материальной – хозяйственной – и нематериальной – духовно-религиозной и обрядовой деятельности. Первый вид деятельности был связан с традиционным крестьянским бытом, где практика передачи трудовых навыков была наглядна. Второй вид деятельности зиждился на соблюдении этнокультурных традиций, в основном проявляющихся в обрядово-ритуальном комплексе, включающем также негласные, но широко бытовавшие правила этикета. Выполнение постоянных чередующихся по функционалу, но не по гендерному признаку, разных видов трудовой деятельности, как то: приготовление пищи, содержание дома и других строений казачьей усадьбы в надлежащем состоянии – «исправе», проходило в присутствии и непосредственном участии молодежи – девочек и девушек-казачек. Метод наблюдения выступал главным элементом усвоения характерных женских образов в этнопедагогике кубанских казаков. Он же выступал скрепляющим звеном в сложной многоступенчатой мужской педагогической практике казаков-воинов, которые посредством сочетания метода наблюдения и визуального приятия мужского шаблона сочетали практический метод его воспроизведения через многократное повторение. Паттерны мужской педагогики можно раз-

делись на две основные группы: 1) ориентированные на воспитание и обучение казака-воина с морально-нравственными установками защитника и практикой ведения военных действий, несения службы в целом; 2) направленные на передачу навыков ведения крестьянского хозяйства, в том числе владения столярным и кузнечным делом [4, с. 30] и другими, определенными в соответствии с гендерной дифференциацией традиционного общества кубанских казаков, видами мужской деятельности.

При этом соотношение физических возможностей не всегда выступало главным критерием определения гендерных предпочтений в традиционных педагогических практиках кубанских казаков. Мобильный образ жизни, сопряженный с необходимостью экстренных передвижений и ведением оборонительных действий на новых местах проживания, определял высокую степень приспосабливаемости – выживаемости указанной группы российского населения, кубанских казаков. Об обязательности несения военной службы казаками говорилось следующее: «На линейную службу наряжаются без исключения все служащие казаки, между которыми ведется строгая очередь, под наблюдением бригадных и полковых командиров, дабы служебныя обязанности падали на всех казаков уравнительно» [2, с. 149]. Походная жизнь отражалась и на женских, и на мужских паттернах, которые включали элементы друг друга и не считались при наличии четкой гендерной дифференциации традиционного общества кубанских казаков зазорными, а в определенной степени полагались типичными для них. Так, казачка владела огнестрельным и холодным оружием, навыками столярного дела, управляла повозкой и конем и др. В дореволюционной литературе отмечалось: «Нужно удивляться той энергии, с какою казачка, отстаивая часто вместе с мужем свою станицу от врагов, несла еще тяжелые труды по домашнему и полевому хозяйству. Безстрашная, сильная и работящая – она была верным союзником мужа в борьбе с неприятелем, могла при случае сесть на коня верхом и стрелять из ружья, и в то же время, в долгие зимние вечера, она приготовляла для мужа необходимое платье, а летом жала хлеб» [1, с. 283]. А казак мог приготовить пищу, в походных условиях заштопать и постирать одежду и др. Эта особенность являлась частью паттернов женской и мужской этнопедагогики кубанских казаков, была их отличительной чертой и маркировала этнокультурную идентичность в целом.

Женские и мужские шаблоны оказали заметное практическое влияние на воспитание женственности и мужественности в рамках традиционного общества кубанских казаков. И.Д. Попко отмечал, что «казакови без ратища, як дивчини без маниста» («казаку без пики, как девушке без ожерелья») [3, с. 194], тем самым определяя указанные категории. Женственность казачки заключалась не только в умении красиво выглядеть (одеваться в соответствии с культурными традициями, акцентируя свою идентичность, в том числе и через ношение большого количества бус и других украшений) и достойно преподносить себя (в рамках казачьего этикета с покрытой платком головой и др. [5, с. 148–151]), казачьему обществу и остальному «миру», но и соответствовать традиционному понятийному аппарату кубанских казаков – понятию «казачка». Казачья женственность в нем приравнивалась к самой сути материнства, выражавшейся в заботе, безграничной любви и самоотверженности по отношению к членам семьи и рода в целом, а также хозяйственности – умении безукоризненно выполнять традиционные женские виды работ. При этом рукоделие и приготовление пищи, в том числе умение продлевать срок хранения продуктов, ценились особо высоко и также входили в идеальный образ женственности казачки.

Мужественность у кубанских казаков также ассоциировалась с рядом проявлений их этнокультурной идентичности. К ним относилось как умение «достойно» носить традиционный костюм вместе с аксессуарами: кинжалом, нагайкой, – так и наличие навыков владения оружием, объездки коней, выполнения других видов мужских работ вкупе с успешным ведением хозяйственной деятельности – землепашества и животноводства. Паттерн мужской этнопедагогики кубанских казаков строился на формировании у молодежи этих основных моделей мужественности, лежащих у основания их этнокультурного кода.

При этом воспитание женственности и мужественности в традиционном обществе кубанских казаков всегда предполагало достижение поставленных целей наивысшего порядка. Их паттерн воспринимался исключительно с идеальной стороны и должен был усваиваться, а затем проявляться только так, а не иначе. Именно поэтому паттерны женской и мужской этнопедагогики занимали такое знаковое, значимое место в процессе

воспитания женственности и мужественности в традиционном обществе кубанских казаков, выступали в качестве очевидных и неизменных маркеров их идентичности.

Список литературы

1. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Кавказ. Т. IX / под общей редакцией П.П. Семенова. М.: Изд. Надыршин, 2008. 408 с.
2. Исторический обзор Терека, Ставрополья и Кубани. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. 1. Ставропольская губерния. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. 10. Восточный берег Черного моря. Департамент Генерального Штаба. Справочник по Ставропольской епархии (обзор городов, сел, станиц и хуторов Ставропольской губернии и Кубанской области). Н.Т. Михайлов. М.: Изд. Надыршин, 2008. 840 с.
3. *Попко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб.: Типография П.А. Кулиша, 1858. XIV, 292 с.
4. *Соловьева Н.Г.* Культура русского населения Карачаево-Черкесии в конце XIX – начале XX вв. Монография / науч. ред.: А.Х. Карданова, Е.А. Щербина. Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах, 2019. 228 с.
5. *Соловьева Н.Г.* Традиционная материальная культура казачества Карачаево-Черкесии. Историко-этнографический очерк. Черкесск: РГБУ КЧИГИ, 2022. 340 с.

Л.А. Дашкевич
Екатеринбург, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН

Русская православная церковь и образование девочек-иноверок (по материалам Пермской епархии)

Образовательная политика правительства среди нерусских народов Урала во второй половине XIX – начале XX в. опиралась на широкую поддержку русской православной церкви. Просветительская деятельность церкви усилилась после основания в 1865 г. Православного миссионерского общества. Пермский комитет общества, открытый в 1872 г., направил основные усилия на работу с иноверцами в Красноуфимском уезде, где проживало около 15 тысяч язычников-марийцев («черемисов»).

Во второй половине XIX – начале XX в. в уезде действовали девять миссионерских русско-черемисских школ. Учебные заведения работали по программе церковно-приходских училищ. В соответствии со школьным проектом Н.И. Ильминского для изучения священной истории дети из марийских семей получали книги, написанные на родном для них языке, заучивали молитвы и некоторые церковные песнопения по-марийски, а затем обязательно пели их по-славянски [4, с. 350]. Миссионеры были уверены в благотворной и привлекательной силе христианских идей, способной обратить язычников в православие. В 1897 г. в миссионерских школах Красноуфимского уезда обучались 427 детей (175 русских, 247 марийцев, 5 татар; из них 125 православных, 223 язычника, 5 мусульман) [6, с. 104].

Миссионерские школы принимали на обучение первоначально только мальчиков. Опыт миссионерской деятельности, однако, убедил православных деятелей в том, что школьное образование необходимо распространить и на девочек. Миссионеры справедливо полагали, что «у грамотной и по-церковному воспитанной матери семьи и дети выйдут грамотные и религиозно воспитанные» [2, с. 266]. Задача привлечения в школы девочек была особенно актуальна для миссионеров и потому, что марийское женское население Красноуфимского уезда активно сопротивлялось миссионерскому давлению. Отчет Пермского комитета православного миссионерского общества за 1889 г. отмечал, что «черемисские женщины вообще относятся к христианству враждебнее, чем их мужья» [3, с. 144].

1 ноября 1889 г. миссионерский комитет открыл в с. Нижний Потам женскую русско-марийскую школу. Расположилась она на нижнем этаже здания Нижне-Потамского мужского училища. Согласно отчету миссионерского комитета, местное население выразило готовность к получению образования в женской школе, а один из крестьян-марийцев, Тихон Еметев, даже доставил на отопление школы 10 сажен собственных дров. Попечительницей школы стала Елизавета Михайловна Шевелина, супруга красноуфимского купца первой гильдии, потомственного почетного гражданина К.И. Шевелина. Председатель Казанского братства святителя Гурия, Чебоксарский епископ Сергий рекомендовал на должность учительницы 19-летнюю крещеную марийку Дарью Ивановну Ильину. Она получила звание учитель-

ницы инородческого училища после окончания курса женской школы при Козьмодемьянском Троицком «черемисском» женском монастыре и Казанской крещено-татарской школы.

В первый год существования женской школы в нее поступили 12 марийских и 6 русских девочек в возрасте от 8 до 15 лет. Они с удовольствием посещали уроки рукоделия, проводившиеся молодой учительницей. Дарья Ивановна учила своих воспитанниц вязанию варежек и перчаток, шитью, вышиванию тамбурным швом «разнообразными нитками и шерстью», плетению поясков. Стоимость рабочих материалов оплачивала попечительница школы Е.М. Шевелина. Миссионеры видели в рукоделии «одно из главных средств к привлечению черемисских девочек в школу» [4, с. 119]. Однако несмотря на старания учительницы, количество учениц в школе сокращалось. В 1891 г. в Нижне-Потамской женской школе остались на обучении семь воспитанниц из марийских семей, а в 1893 г. – лишь одна. В 1894 г. учительница Дарья Ильина покинула деревню, а женская и мужская миссионерские школы были объединены под руководством учителя-священника [5, с. 300]. В целом в миссионерских школах Красноуфимского уезда в 1897 г. количество девочек составляло 14,8% от общего состава учащихся. Число русских девочек среди воспитанников уездных земских народных школ того же времени приближалось к 41% [7, с. 167]. Печальный факт непопулярности школьного обучения среди марийского женского населения был отмечен в епархиальной газете в 1894 г.: «Миссионерские школы, пользующиеся уже достаточным уважением и авторитетом среди мужской половины инородческого населения, не могут привлечь к себе женскую часть этого населения. Мы видим почти только единичные случаи обучения девочек-черемисок в школах. Нет сомнения, что главную роль тут играет черемиска-мать, враждебно настроенная ко всему тому, что идет вразрез с исстари установившимися ее обычаями и взглядами. Школу и православную веру она более всего ненавидит» [6, с. 300]. Неприятие марийским женским населением миссионерского обучения стало одной из причин того, что в 1898 г. Пермский комитет православного миссионерского общества решил отказаться от содержания учебных заведений и перейти к другим, более эффективным, с точки зрения православных деятелей, методам деятельности. В решении комитета было записано: «Для озарения язычника светом христианской веры, для

убеждения его в ложности язычества нужна не школа, а прежде всего надлежаще организованная православная миссия, деятельность которой благотворнее и шире, ибо оказывает влияние не только на детей, но и на взрослых инородцев» [1, с. 160–161].

Список литературы

1. Журнал заседания Пермского епархиального комитета православного миссионерского общества, 27 января 1898 года, № 1, п. IV // Пермские епархиальные ведомости. 1898. № 8–9. Отдел офиц.
2. Итоги епархиальной жизни за время с 19 мая 1900 года по 1901 год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1902. № 6. Отдел неоф.
3. Отчет о деятельности Пермского епархиального комитета Высочайше утвержденного Православного миссионерского общества за 1889 год, XVII со времени открытия комитета // Пермские епархиальные ведомости. 1890. № 9. Отдел офиц.
4. Отчет о деятельности Пермского епархиального комитета Высочайше утвержденного Православного миссионерского общества за 1891 год // Пермские епархиальные ведомости. 1892. № 10. Отдел офиц.
5. Отчет о деятельности Пермского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1894 год // Пермские епархиальные ведомости. 1894. № 17. Отдел офиц.
6. Отчет о деятельности Пермского епархиального комитета, состоящего под покровительством Ея императорского величества, Православного миссионерского общества за 1897 год // Пермские епархиальные ведомости. 1898. № 6. Отдел офиц.
7. Отчет по народному образованию в Красноуфимском уезде Пермской губернии за 1897–1898 учебный год // Журналы Красноуфимского уездного земского собрания XXIX очередной, XXIII и XXIV чрезвычайных сессий Красноуфимского уездного земского собрания с докладами управы, комиссий и другими приложениями 1898–1899 годов. Пермь, 1899.

Д.А. Николаева
Улан-Удэ, Восточно-Сибирский
государственный институт культуры

Воспитание молодежи в традиционной культуре бурят

Современная цивилизация стремительно развивается, с каждым днем приобретая различные нововведения, реализующие углубленные знания в таких сферах, как наука, предпринимать-

ство, карьера, спорт и т.д. В результате в сознании молодежи превалируют устремления к достижению материального достатка, в том числе путем сознательного нарушения моральных норм («ничего личного – это бизнес», «все продается и все покупается»). Об этом писал Д.С. Лихачев, отмечая, что нравственный кризис, разгул нигилизма и вседозволенности, жажда обогащения любой ценой, настоящий шабаш массовой псевдокультуры связаны с потерей культурных корней, с утратой «нравственной оседлости», разрушением духовно-личностных опор [4, с. 304].

В современном образовательном пространстве упускается важнейший аспект – воспитание будущих граждан своей страны. В информационном пространстве они получают определенные профориентированные знания, но не осознание нравственных критериев: добра и зла, чести, справедливости, долга, совести, ответственности и др. Вытеснение ценностей нравственного порядка приводит к возникновению проблем соответствия образованности и нравственности.

Несомненно, в образовательной сфере делается упор на получение знаний и развитие чувства гордости за историческую жизнь своей страны, но упускается морально-нравственная основа – традиционные этнокультурные ценности, подвергшиеся в эпоху промышленной революции забвению. «Память – основа совести и нравственности, память – основа культуры. Хранить память, беречь память – это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками» [5, с. 112]. Традиционная этническая культура, как в статике, так и динамике, пронизана духовным миром человека. Она основана на представлениях о мере его персональной ответственности перед богом, природой, обществом, предками и потомками.

В традиционной культуре бурят при воспитании подрастающего поколения в первую очередь учитывались свойства мужской и женской природы. Так, девочку с самого раннего возраста («как только встанет на ноги») готовили к роли не только будущей жены и матери, но и хранительницы домашнего очага [6, с. 5]. Здесь выявляется важнейший аспект ее воспитания – многогранность понятия женщины.

Во-первых, оно включает роль матери и ее влияния на ребенка [6, с. 29–34]. Например, считалось, что дети, которые не питались материнским молоком, вырастают бездуховными и без-

нравственными людьми. А те дети, которые долго питались молоком матери, обычно вырастают любящими и сострадательными к людям [2, с. 85; 6, с. 35]. Считалось, что благодаря колыбельным песням мать через текст, мелодию, темпоритм покачивания моделировала будущее благополучие ребенка, закладывая в том числе и его психическое здоровье. У бурят бытовало выражение «несчастный человек – не слышал колыбельных песен матери» [6, с. 34]. Само материнское тело, руки матери были своего рода катализаторами не только устойчивости ребенка к разным болезням, но и будущего их благословения («ребенок должен есть только из материнских рук»).

Во-вторых, роль женщины как жены. В детстве девочка должна была быть «помощницей мамы», а будучи взрослой – уже «помощницей мужа». В сюжетах бурятских сказок («Алтан Хойша») и героического эпоса («Аламжи Мэргэн») можно проследить эту тему. Например, муж, попадая в тяжелую ситуацию, скрывался (или попадал в плен). Тогда жена в его отсутствие восстанавливала хозяйство, организовывала оборону, отбиваясь от «добрых» родичей или соседей, нападала на врагов (обрушивала скалы) и освобождала мужа. А когда он возвращался, его, как главу семейства, должны были ждать налаженное хозяйство и почетное место. Девочку с раннего детства приучали к уважительно-подчинительному поведению по отношению к мужчине, учили «понимать» его природу, потребности, воспринимать его таким, какой он есть, и т.д. [1, с. 55]. Таким образом, ее воспитывали быть для своего мужа надежной опорой, мудрым советником, верным помощником и путеводной звездой.

Воспитывая мальчиков в контексте роли будущего главы семейства, вырабатывали в них чувство персональной ответственности перед родом, племенем, предками, богами, потомками, учили также преодолевать свои страхи и комплексы [7, с. 74]. При этом сам мужчина может быть всяким (например, в бурятской поговорке говорится: «Пусть тупой, но это нож. Пусть дурак, но это мужчина»). Однако считалось, что только он способен защитить как в сакральном, так и профаном мирах свою семью и род.

Как видим, в традиционном обществе был сформирован универсальный механизм реализации у молодежи жизненных программ, основанный на формировании нравственных критериев духовного мира. Это помогало людям во взрослом возрасте де-

лать осознанный выбор между добром и злом на разных уровнях (физическом, моральном и т.д.).

В настоящее время наблюдается тенденции разрыва связей между поколениями и неопределенность в понимании жизненных ориентиров. Перед современным обществом стоят конкретные задачи не только по интеллектуальной подготовке молодежи, которая должна знать историю своей страны и гордиться ей, но и по их нравственному воспитанию, формированию мировоззрения будущих граждан своей страны, осознающих ценности этнокультурного наследия и таких понятий, как Родина, Отечество, государство, знающих меру собственной ответственности. Перефразируя И. Канта, утверждавшего, что, просвещение – это мужество думать своей головой [3, с. 481], следует сказать, что каждая традиционная культура была сформирована только своей головой. Отказываясь от ценностей своего этнокультурного наследия, мы думаем уже чужой головой, что приводит к предательству в настоящем своего прошлого и будущего.

Список литературы

1. *Васильева Н.Ю.* Проявление женственности в отношениях с мужчинами // Женский мир в научном дискурсе: исследовательские стратегии: Материалы региональной научно-практической конференции (Якутск, 22 октября 2009 г.). Новосибирск: Наука, 2010. С. 51–56.
2. *Галданова Г.Р.* Закаменские буряты. Новосибирск: Наука, 1992. 183 с.
3. *Кант И.* Ответ на вопрос: Что такое просвещение? (Berlinische Monatsschrift., 1784. IV. S. 481–494). На русском языке издается впервые / пер. Ц.Г. Арзаканьяна.
4. *Лихачев Д.С.* Прошлое – будущему: Статьи и очерки. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1985. 575 с. (Наука. Мировоззрение. Жизнь).
5. *Лихачев Д.С.* Раздумья: [Для сред. и ст. шк. возраста]. М.: Детская литература, 1991. 316, [2] с.
6. *Николаева Д.А.* Воспитание женщины в традиционной культуре бурят. Улан-Удэ: ИПК ФГБОУ ВО ВСГИК, 2020. 80 с.
7. *Николаева Д.А.* Воспитание мужчины в традиционной культуре народов мира на фольклорно-этнографическом материале // Этнокультурное образование и воспитание: опыт, технологии и современные тренды: Материалы всероссийской с международным участием научно-методической конференции. Улан-Удэ: ИПК ФГБОУ ВО ВСГИК, 2023. 30–31 марта 2023 г. С. 67–75.

Д.Е. Русскова
Санкт-Петербург, Европейский университет
в Санкт-Петербурге

Девичье чтение в 1850–1860-е годы в Российской империи: способы контроля и гендерные ожидания

В русском обществе со второй половины XIX в. стал активно переосмысляться идеал воспитания молодых девушек. Критическая литература, публицистические статьи, министерские документы представляли собой многоголосье мнений в отношении задач воспитания. Их постановка напрямую зависела от сословной принадлежности девушек и определенных представлений о предназначении женщин в семье и обществе. Период так т.н. девичества, времени, когда девушка получала свое основное образование – дома или в учебных заведениях – стал характеризоваться повышенным вниманием к ее занятиям в контексте «женского вопроса», в первую очередь, в стремлении к идеалу женского жизненного пути, верным направлением к которому было воспитание, в том числе и через контроль и организацию определенных читательских практик. Этот идеал, воплощенный ведомственными структурами в школьных уставах, инструкциях и прочих нормативных документах, представлял женщин матерями, женами, хозяйками и не в последнюю очередь христианками, которые, заручившись знаниями, могли их передавать будущим поколениям. Подобное видение нашло свое осязаемое проявление в мерах контроля женского чтения. Разумеется, этот контроль был частью регламентации более широкого детского чтения и соответствовал цензурной политике, однако он также определялся особенностями представлений о назначении женщины. Образовательные нормы и ограничения, налагаемые государством, не могли полностью контролировать диапазон и способы чтения молодых девушек, особенно за пределами учебных заведений, однако они, несомненно, устанавливали литературно-нравственные нормы, на которые ориентировалась в том числе взрослая аудитория.

Одной из главных задач доклада является подчеркивание различий практик чтения ожидаемых, предписанных, желаемых

и реальных, целей и задач, которые ставили перед собой субъекты женской педагогики: теоретики, исполнители, читательницы.

Акторы воспитания переосмысляли способы влияния на чтение молодых девушек, транслировавшие определенные гендерные ожидания и предписания. Ставшие всесословными мужские гимназии и женские гимназии и институты в этот период имеют разные учебные программы, при том что единой и подробной инструкции, регулировавшей женское чтение, не было. В этих условиях некоторые гимназии, опираясь на составленные правила для мужских средних учебных заведений, создавали свои собственные положения, которые ужесточали контроль над чтением. Книги, не разрешенные ведомством, могли быть прочитаны тайком от институтского начальства, их воспитанницы называли «подземной библиотекой».

Общим местом в такого рода ограничениях становятся опасения, связанные с формированием недолжного девичьего поведения, в связи с чем на гласном или негласном уровне любой текст мог быть раскритикован: научные и классические тексты открывали доступ к знаниям, которые женщина могла понять превратно; ботаника могла быть связана с темой сексуальности; романы и даже Библия могли извратить женскую деликатность. Подобные процессы были характерны не только для России – они являлись международной практикой и, зачастую были заимствованы.

Тем интереснее рассмотреть, как менялся подход к женскому чтению в неформальной семейной среде, где к субъектам воспитания и формирования будущей читательницы присоединялись наравне с институтами национального воспитания родители, гувернеры, подруги, домочадцы. При невозможности вывести единую универсальную формулу частного чтения можно восстановить отдельные прецеденты, где чтение могло рассматриваться, например, через призму религиозного и нравственного воспитания, которое в одних семьях доходило до недопущения романов, в других – до знакомства с мистической духовной литературой, не предусмотренной для юных читательниц. Кроме того, можно отметить, как активный рост популярности чтения отечественной литературы, явление также новое для этого периода, отражал устремления государства и общественности привить чувства национальной гордости и самобытности. Русская литература проникала в девичью культуру и служила мерилом обще-

ственно-политической активности: большая увлеченность отечественной художественной литературой, в особенности современной, сближала девушек с идеями эмансипации женщин, необходимости демократических реформ. Вероятно, прежние идеалы европейского образования, традиции домашнего гувернантского и пансионного воспитания, включавшие изучение иностранных языков, а также инерция книгоиздательского производства, обуславливали чтение девочками иностранной литературы, доступной преимущественно дворянским и купеческим семьям.

Изучение этих вопрсов позволяет проследить, как менялись подходы к воспитанию женственности вместе с трансформацией читательской среды общества в целом.

О.В. Морева
Новосибирск, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения РАН

Женщина-читательница: из истории женского социального опыта в расширении круга чтения на рубеже XIX–XX вв.

«Читательская революция» на рубеже XIX–XX вв. во всем мире и в России совершалась за счет женщин и детей [2]. Проследить этот процесс позволяет уникальный источник – «бюджетная анкета». В отделе рукописей Российской государственной библиотеки в фонде Н.А. Рубакина хранятся около тысячи (959) ответов на «бюджетную анкету», опубликованную в журнале «Вестник знания» в 1909 г. [6]. Вопросы анкеты касались состава семьи, финансовых расходов, включая «духовные запросы». «Вестник знания: ежемесячный иллюстрированный литературный и научно-популярный журнал» выходил в 1903–1918 гг. Тираж журнала в отдельные периоды составлял до 40 тысяч экземпляров. Издателю-редактору В.В. Битнеру удалось объединить подписчиков журнала в «Содружество вестникознаньевцев» под девизом «Учиться и учить других» [3]. Поэтому не удивительна активность отвечающих. Несмотря на то, что большая часть ответов написана мужчинами (представителями молодого поколения (младше и чуть старше 40 лет), разных профессий, социального и образовательного статусов), в анкетах

был вопрос о составе семьи и заработке всех членов семьи, который позволяет использовать этот массовый источник для изучения чтения и женской повседневности в начале XX в.

Автор «бюджетной анкеты» Александр Андреевич Николаев (1868–1921), эсер, теоретик кооперативного движения, городской голова Ростова-на-Дону, член Всероссийского учредительного собрания, автор 50 научных и публицистических трудов, посвященных потребительской кооперации и устройству сельского хозяйства в стране, значению всеобщего обучения, взаимоотношениям интеллигенции и народа, освобождению крестьян от крепостной зависимости и т.п. [1]. Он активно сотрудничал с журналом «Вестник знания», многие его книги были изданы В.В. Битнером. Представляя цель своего исследования, А.А. Николаев писал, что «вопрос о бюджете трудового населения важен, т.к. имеет значение для решения целого ряда социальных задач и недоразумений». Он руководствовался опытом американских исследователей рабочих бюджетов и планировал при анализе получить ответы на следующие вопросы: «Какие потребности существуют у трудового народа? Какие нарождаются? Какие умирают? Что представляет собой существование трудовой семьи или трудовой одиночки?» Под «трудовым народом» он понимал «такие семейные организации, которые строят свою жизнь на основании заработной платы (фабричные, заводские и сельскохозяйственные рабочие, прислуга, приказчики, мелкие служащие, народные учителя, фельдшеры, писари и т.д.» [4, с. 4].

Интерес представляет, как были сформулированы вопросы и как они группировались автором для последующего анализа. Опросный лист состоял из 20 пунктов, которые делились на две части. Первая касалась общих вопросов об отвечающем и его семье, занятиях, заработной плате и расходов. Кроме традиционных имени, отчества и фамилии, «лицо, согласившееся дать сведения по листку», должно было указать занятие и местожительство. Если отвечающий желал остаться анонимом, то эти графы заполнялись неполно, например только профессия или род деятельности, губерния, но без названия населенного пункта. О составе семьи нужно было не только написать количество, но и указать родственные связи и возраст каждого. Этот блок позволяет охарактеризовать изменения в составе семьи, увеличение количества работающих женщин, проживающих самосто-

ятельно. Далее шли вопросы о доходах главы семейства (часто это был отвечающий на анкету), а если зарабатывали другие члены семьи, то и о их заработках тоже. В этом пункте, кроме сумм, писали и о занятиях, приносивших их, особенно если они касались женщин и детей.

Отдельный блок был посвящен квартире: велика ли плата, кому принадлежит (хозяину, учреждению или находится в личной собственности); является ли она отдельным помещением или только частью; сколько комнат всего и не отдается ли часть в наем (если да, то за сколько). Для анализа планировалось использовать сведения и расходах на отопление и освещение. Квартирный вопрос, судя по анкетам, был огромной проблемой для учителей и учительниц в сельской местности. Порой их «квартиры» отделялись досками в классе (!). В таких условиях невозможно было создать семью: «Недаром в народной школе преобладают одиночки!», отмечали современники [5, с. 77].

Далее шли вопросы о питании: было ли оно «на стороне или у хозяина», сколько раз в день и что именно предлагалось. Отдельные пункты касались годовых трат на одежду и обувь для всех членов семьи, а также на табак и спиртные напитки. В этой же первой части нужно было показать, приходилось ли уплачивать налоги и подати, «какие-нибудь страховые» или членские взносы в профессиональные союзы или общества. Были и вопросы, касающиеся платы за образование детей, с указанием, «живут ли учащиеся дети круглый год в семье?». Последний пункт для нас особенно ценен информацией о обучающихся девочках и девушках.

Вторая часть касалась росписи расходов на питание. Предлагалось заполнить таблицу с указанием продуктов, их количества и стоимости, если подобная форма казалась сложной, то можно было указать только общую сумму, затрачиваемую на питание всей семьи в неделю. Ответ на вопрос о расходах «на предметы развития в семье» подразумевал траты на «книги, газеты, уроки, лекции, образовательные кружки, общества, образовательные экскурсии, театр и проч.». Ответы на эти вопросы содержали не только с указанием сумм, но и роспись, на что они потрачены. Для нашей темы сведения о тратах на подписку и покупку книг – повод для анализа читательских практик и свидетельство увеличивающейся роли чтения в досуговой, образовательной и

профессиональной сфере женщин на рубеже XIX–XX вв. Был в анкете пункт «прочие» с подсказкой, что подразумевались средства, затрачиваемые на «религиозные расходы и т. д.».

Получив заполненные опросные листы, А.А. Николаев не только смог подробно охарактеризовать бюджеты ответивших, но и сравнить полученные результаты с данными западных коллег [5, с. 88]. На наш взгляд, ответы на «бюджетную анкету» «Вестника знания» имеют высокий источниковедческий потенциал для решения более широких исследовательских задач, например связанных с историей женской повседневности и читательских практик представительниц «трудового населения» в начале XX в. В совокупности с анализом ответов на вопрос «Назовите наиболее ценимых Вами писателей в области литературы и науки» [5, с. 86–87] возможно воссоздание женского социального опыта в расширении круга чтения на рубеже XIX–XX вв.

** Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ СО РАН, проект «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX–XXI вв.», № 122041100088-9.*

Список литературы

1. *Алубаева Н.А.* Городской голова Ростова Николаев // Донской временник. Год 2019-й / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов-на-Дону, 2018. Вып. 27. С. 76–85.
2. *Лайонс М.* Новые читатели в XIX в.: женщины, дети, рабочие // История чтения в западном мире от Античности до наших дней. М.: Фаир, 2008. С. 399–441.
3. *Морева О.В.* Содружество читателей «Вестника знания» (1902–1918) – пример успешной коммуникации редакции журнала с аудиторией // Библиосфера. 2023. № 3. С. 20–27.
4. *Николаев А.А.* Бюджет трудового населения // Вестник знания. 1909. № 1. С. 4.
5. *Николаев А.А*. Хлеба и света!: Материальный и духовный бюджет трудовой интеллигенции у нас и за границей (по данным анкеты «Вестника знания»). СПб.: Издательство «Вестника знания» (В.В. Битнера), 1910. С. 77.
6. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Фонд 358. Картон 8. Дела 128–139.

А.А. Дорофеева
Астрахань, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

Деструктивное поведение учениц светских средних женских образовательных учреждений России в конце XIX – начале XX вв.

Становление личности женщин в конце XIX – начале XX в. происходило в период социально-политической трансформации общества и консервативно организованного образования. Появляющиеся новые идеи, потребности, общественные движения воспринимались оппозиционно по отношению к устоявшимся паттернам духовной жизни общества. В условиях высоких ожиданий родителей и общества, в рамках статической модели образования, с акцентом на легко измеримые параметры (оценки, результаты экзаменов, количество отчисленных и выпускников) были упущены проблемы становления личности учениц, приведшие к кризису идентичности.

Социальное «я» женщины конца XIX – начале XX в. представляло собой репертуар идентичностей: от идентичности ребенка, дочери, воспитанницы/ученицы, жены, матери до профессиональных и политических ролей. Идентичность женщин формировалась во взаимоотношении с педагогами, членами семьи, сверстниками и другими представителями общества. Кроме биологических и психологических перемен, в период обучения происходили и социальные перемены, оказывавшие влияние на складывание идентичности. Особенно важным в этом отношении был возраст 16–19 лет, время приобретения социальных ролей и статусов. Этот период психологической нестабильности подростков – «кризис идентичности» – был сопряжен с потоком социальных изменений, идеологиями времени, с историческим моментом [2, с. 184]. Социальное развитие страны характеризовалось ростом противоречий. Крестьянство получило свободу, миграционные потоки резко интенсифицировались, рост городского населения стал постоянным фактором. Шла перестройка государственного аппарата, совершенствовалась судебная система. В пореформенный период развитие страны сопровождалось эклектичным соединением противоречивых тенденций: свободы и вседозволен-

ности, созидания и разрушения. Аномия как характерная черта общественной жизни второй половины XIX в. выразилась не только в отрицании правовых норм, но и в неприятии общественной морали и этических установок [1, с. 3]. В период 1880–1917 гг. в сознании воспитанниц учебных заведений разного типа переживался внутренний конфликт, наблюдался рост девиаций. Типичным и опасным проявлениям девиаций воспитанниц стали участившиеся в 1900-е годы случаи самоубийств.

Проблема деструктивного поведения не была новой для своего времени, но впервые, как отмечали современники, она приобретала масштабный характер. Известный психиатр И.А. Сикорский в своих трудах указывал на то, что в этот период увеличивалась как общая статистика самоубийств, так и отдельные ее части, особенно это касалось самоубийств среди женщин и детей [5, с. 1]. В этой связи актуальным становится вопрос: что побуждало женщин в юном возрасте проявлять крайнюю форму деструктивного поведения?

Причины, по которым дети совершали самоубийства в рассматриваемый период, представляли собой «комплекс психологических и социальных факторов, среди которых как аномическое состояние общества, дихотомия нравственных принципов и ценностей, социально-экономические условия, так и общечеловеческие факторы, семейные отношения, отсутствие заботы и внимания к детям, возрастные особенности и депрессии, формализация системы обучения» [6, с. 231].

По статистическим данным Министерства народного просвещения о случаях самоубийства и покушений на самоубийства среди учениц учебных заведений за 1906–1915 гг., собранных Г.В. Хлопиным [3, л. 56–90; 4, л. 7–30; 7, с. 1–95], в течение девяти лет было совершено 547 попыток суицида ученицами от 10 лет до 21 года. Из них 294 случая являлись завершенными. Наибольшее число суицидов приходится на центральную часть России и на 1909–1912 гг. (70–90 суицидальных попыток ежегодно). В 1911 г. был достигнут пик по числу завершенных суицидов среди женского контингента обучающихся – 48 человек.

Численность учениц средних учебных заведений – 487 человек, совершивших попытки суицида в значительной степени превышает аналогичное число из низших учебных заведений (41 человек). Это составляет 89,03% от общего числа суицидальных

попыток. Такие данные явно свидетельствуют о том, что девушки среднего сословия, получавшие более глубокое образование по сравнению с низшим сословием, были сильнее подвержены духовно-социальному кризису, имели склонности к девиантному поведению, амбивалентные ценностные ориентации.

Данные выводы подтверждают также статистические данные по характеристике «сословие/профессия родителей» учениц учебных заведений, проявляющих суицидальное поведение. Примерно 33% суицидальных попыток совершили ученицы из мещанского сословия, 21% – крестьянского сословия. На втором месте по показателям суицидальных попыток находятся ученицы из сословия чиновников – 15%. Дочери дворян, военных и представителей духовного сословия составляют примерно 6–7% от общего количества совершивших суицидальные попытки.

Анализ данных позволяет обнаружить то, что наиболее сензитивным к преобразованиям в обществе, смене ценностных ориентиров был средний класс – мещане, чиновники, зажиточные крестьяне, которые имели возможность дать образование своим детям. Именно на среднем сословии более остро сказывался кризис власти и смена духовно-нравственных ориентиров.

Значительный интерес представляют данные, характеризующие вероисповедание учениц, склонных к суицидальному поведению. 81,36% девушек, совершивших суицидальные попытки, исповедовали православие, что значительно превышает число девушек других вероисповеданий. Так, среди девушек мусульманского вероисповедания был совершен всего один суицид в 1913 г. 7% составили ученицы иудейского вероисповедания, около 3% совершивших попытки суицида составили девушки католической и лютеранской веры.

Так как православие являлось фундаментом образования Российской империи, высокие показатели числа девушек, совершивших суицидальные попытки, исповедующих православие, отражают ценностный диссонанс, кризис утраты смыслов, охвативший умы многих молодых людей, получавших образование в период 1907–1915 гг.

Фактический материал, представленный Г.В. Хлопиным, дает возможность анализировать психологические факторы совершения суицидов ученицами учебных заведений. Возраст, максимально подверженный кризису личности и расцвету девиантных

форм поведения, приходится на 16–19 лет. В этот период девушки стояли перед выбором жизненного сценария, планирования своего будущего. Как правило, базовый личностный кризис, который переживали молодые люди на смене эпох, – противоречие между семейными традициями, укладом жизни, стереотипами о роли женщины в семье на фоне патриархальной культуры и теми знаниями, которые давало образование, научно-техническим прогрессом, влиянием западной культуры, политическими течениями и т.д. Деструктивное поведение являлось своеобразной формой протеста против старых устоев общества, а также характеризовало сложности обретения своей идентичности, нахождения своего места в жизни, адекватных форм социализации.

Если рассматривать состав семей, из которых происходили ученицы, проявившие деструктивную модель поведения, то становится очевидным, что большинство из них – порядка 60% – имели обоих родителей, полную семью. А еще 22% девушек воспитывались матерями, и только 5% являлись сиротами.

Аналогичные выводы можно сделать по фактору места совершения суицидальной попытки, где можно обнаружить, что 46% учениц совершали суицидальные действия в собственной квартире и только 4–5% в чужой (съемной) квартире. Можно предположить, что материальные трудности девушек являлись не первостепенной причиной, которая влияла на их решение свести счеты с жизнью. Определенная материальная стабильность и относительное благополучие семьи (полная семья) являлись неким катализатором амбивалентности юношеского сознания, обостряли внутренний кризис учениц. И напротив, нужда и материальные трудности давали молодому поколению более трезвый взгляд на жизнь. С одной стороны, необходимо было больше думать об удовлетворении базовых потребностей, о поиске заработка на жизнь и образование. С другой стороны, отсутствие материальной поддержки от родителей давало определенную независимость и свободу ценностного выбора, выбора самоидентичности, а также раннюю социализацию. Интересным фактом является то, что 13% человек от общего числа учениц, предпринявших попытки суицида, совершили таковые в учебных заведениях, демонстрируя тем самым явный знак протеста преподавателям, руководству учебных заведений, а также своим сокурсникам.

По фактору «способа совершения суицида» можно явно определить гендерные предпочтения девушек – самым доступным и «популярным» способом совершения попыток суицида являлось отравление – 65% учениц об общего числа суицидантов выбирали данный способ. На втором месте (15% учениц) – при помощи огнестрельного оружия. В значительно меньшей степени (2–3% девушек) выбирали другие способы: утопление, повешение, попадание под поезд и прочее.

В статических данных Министерства народного просвещения в 82% случаев суицидальных попыток зафиксированы причины совершения суицидов. Так, на первом месте в ряде причин суицидального поведения выступают нервные и психические заболевания, выявленные у учениц-суициданток, которые составляют 18% человек от общего числа девушек, демонстрировавших данный вид деструкции. Далее, 16% учениц пытались покончить с собой по причине семейных неприятностей. На третьих местах 6–8% ученицы, которые совершали суицидальные попытки по причине неуспеваемости, страха быть отчисленными из учебного заведения, страха наказания и осуждения родителями. Такие же показатели суицидальных попыток выявлены по причине несчастной любви. И значительно меньше, практически единичные случаи – 3–4% – суицидальных попыток, происходили по причине внебрачной беременности, сильных негативных переживаний, материальных трудностей.

Таким образом, обобщая результаты, собранные Г.В. Хлопиным по случаям самоубийства и покушений на самоубийства среди учениц учебных заведений Министерства народного просвещения, можно констатировать активизацию деструктивно настроенных учениц учебных заведений в период с 1909 по 1912 г., нарастание кризиса идентичности и поиска жизненных смыслов и ценностного самоопределения, которое не только было обусловлено проявлениями юношеского возраста, но и происходило тождественно духовно-нравственному общественному кризису.

В критический период истории произошла своеобразная ломка форм посредничества, т.е. серьезный отрыв между старшим и молодым поколением, отцами и детьми, педагогами и учениками, что затрудняло передачу духовных ценностей. Происходил некий ценностный разрыв между поколениями, что вызвало катастрофическое проживание кризиса идентичности,

проявлявшегося в крайней форме деструкции – самоубийствах. На рубеже XIX–XX вв. для многих молодых людей произошло соединение внутриличностного кризиса становления с общественно-историческим кризисом, который стал началом, предвестником исторических преобразований в России начала XX в. [2, с. 201–202].

Список литературы

1. *Богданов С.В.* Самоубийства в Санкт-Петербурге во второй половине XIX века: масштабы, тенденции, проблемы недоучета // Суицидология. 2013. № 4 (13). С. 3–10.
2. *Дорофеева А.А.* Государственно-церковная политика в сфере женского образования в России в конце XIX – начале XX в. (на материалах Нижнего Поволжья). Дисс. … канд. ист. наук. Краснодар, 2023. 239 с.
3. РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 6. (1913 г.). Л. 56–90.
4. РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 6. (1916 г.). Л. 7–30.
5. *Сикорский И.А.* Психологическая борьба с самоубийством в юные годы. Киев: Типография товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1913. 44 с.
6. *Синова И. В.* Дети трудящегося населения в городском российском социуме в 1861–1914 гг.: проблемы девиантности и виктимизации (на материалах Санкт-Петербурга). Дисс. … док. ист. наук. СПб., 2014. 414 с.
7. *Хлопин Г.В.* Самоубийства, покушения на самоубийства и несчастные случаи среди учащихся русских учебных заведений: Санитарно-статистическое исследование. СПб.: Сенатская типография, 1906. 95 с.

Е.В. Бурлуцкая
Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет

Традиционность женских конфликтов в учебных заведениях (на примере казуса из истории одной оренбургской гимназии конца XIX в.)

Подростковый период всегда рассматривался как сложный и для девушек, и для окружающих их взрослых. Девушки в это время переживают процесс поиска собственной системы жизненных ориентиров. Взрослые в идеале должны выступать в ка-

честве проводников подростков в свой, взрослый мир, оказывая им помощь и поддержку. Однако сами взрослые – родители, педагоги и пр. – не всегда выполняют данную функцию. Особенно непрочной такая связка «ведущий – ведомый» становится в период серьезных социальных трансформаций, когда взрослые сталкиваются с постоянно нарастающим валом разнообразных проблем и не могут выступать в качестве устойчивых носителей системы ценностей, жизненных правил и традиций. Разрыв в преемственности поколений, усугубляющийся общей нестабильностью социума, приводит иногда к самым драматичным и даже трагичным последствиям, воплощением которых становятся детские девиации, в том числе суициды. Попытки детей расстаться с жизнью и в предшествующие эпохи, и сегодня воспринимаются как нечто противоестественное и максимально трагичное. Однако на рубеже XIX–XX вв. Россию захлестнула волна подобных происшествий, вызвав бурное обсуждение как в среде специалистов, так и в сообществе простых обывателей.

Согласно данным статистики, приведенным в работе Г.В. Хлопина [10, с. 9–10], в Оренбургском учебном округе за 1888–1904 гг. среди учащихся средних учебных заведений произошло 53 самоубийства, 18 покушений на самоубийство и 178 несчастных случаев, под которыми также могли скрываться суициды. Хотя в эту трагическую статистику попали исключительно юноши, в более поздний период ее стали пополнять и случаи суицидов среди девушек. Юноши, как правило, стрелялись, а девушки пытались отравиться. Причем счеты с жизнью решали свести отнюдь не представители неимущих слоев населения, страдающие от тяжелых условий жизни. Количество подростковых суицидов пополняли преимущественно представители вполне зажиточных семей мещан, купцов, городской интеллигенции.

Очередная трагедия произошла в 1911 г. В своей квартире покончила с собой (отравилась карболовой кислотой) 14-летняя ученица V класса оренбургской 1-й женской гимназии Ольга Соболева. Никакой предсмертной записки она не оставила.

Полиция, проводившая расследование, опросила всех, кто мог быть причастен к событию. Начальница гимназии А. Жанколя [1, л. 12–12 об.] сообщала, что в этот день на уроках Ольга была спокойна. Во время второй перемены «она была в возбужденном состоянии, которое разрешилось слезами, но чрез несколько минут

это состояние прошло», и остальное время она была очень весела и в таком же настроении ушла домой. Вообще же во «время своего пребывания в гимназии она отличалась раздражительностью и нервностью и это состояние часто сменялось смехом и жизнерадостностью». В общем, ребенок был нервным и психически нестабильным. О причинах же этой нестабильности школьное начальство предпочитало не спрашивать.

Жена старшего брата Ольги Евдокия Александровна Соболева сообщила [1, л. 21], что Ольга возвратилась из гимназии в три часа дня, и «ничего выдающегося за ней замечено не было». Сама же Евдокия удалилась из квартиры «по своим надобностям», и что произошло с Ольгой, она не видела. Видимо, родственники были между собой не слишком близки и делами друг друга не интересовались.

Прислуга Соболевых, крестьянка Маликова, рассказала, что «часа в три пополудни Ольга Соболева из гимназии возвратилась очень веселая, ничего за ней подозрительного не было, после обеда занималась с "грамофоном"» [1, л. 18 об., 21]. Затем, часов около пяти, когда все родственники разошлись и они остались вдвоем, Ольга пошла на кухню и взяла воды. Прислуга, ничего не подозревая, вышла во двор за кизяком для печки, а когда возвратилась, Ольга уже была на полу в комнате и кричала: «Я отравилась, дай мне молока». Маликова подала ей стакан молока, помогла дойти до кровати и послала за врачом. Прибежавший доктор пытался оказать девушке помощь, но Ольга через полчаса умерла.

Сам факт самоубийства особого шума за собой не повлек. Информация попала лишь в метрическую книгу Покровской церкви [4, л. 213 об. – 214]. Однако спустя месяц эта трагедия получила свое продолжение. 29 декабря 1911 г. 17-летний реалист Александр Соболев на благотворительном вечере нанес пощечину начальнице первой женской гимназии г-же Жанколя и классной надзирательнице той же гимназии г-же Калачевой. Из первых показаний юноши выяснилось, что на него произвело удручающее впечатление самоубийство его сестры и что виновниками этого самоубийства он считал начальство женской гимназии, где его сестра обучалась. Дело Александра Соболева слушалось в сентябре 1913 г. в Уголовном отделении Оренбургского окружного суда, и вот уже таким образом оно попало на страницы оренбургских газет и стало предметом широкого обсуждения [9]. Суд в итоге вынес Соболеву оправдательный приговор.

Проведенное к тому времени расследование выяснило, что училась Ольга посредственно. Классная надзирательница г-жа Калачева утверждала, что к Соболевой в гимназии относились скорее снисходительно, чем строго. Однако по словам других свидетелей, Ольгу называли в гимназии «певичкой», «кобылой», «халдой» и пр. Да и вообще такие прозвища со стороны педагогического персонала в отношении учениц были обычными.

Помимо проблем с учебой, которые могли привести девушку к отчислению из гимназии, и явного психологического давления со стороны педагогов и классных дам, обстановка в доме Соболевых тоже была не слишком здоровой. Члены семьи практически непрерывно носили траур. 28 октября 1899 г. у супругов Соболевых умерла новорожденная дочь Анастасия [2, л. 234 об.–235]. В начале 1900-х годов умер отец. В семействе старшего брата Василия и Евдокии Соболевых, живших, по-видимому, в одном доме с матерью, тоже постоянно умирали младенцы – Борис (умер в 1906 г. [6, л. 161 об.–162]), Николай (умер в 1907 г. [7, л. 196 об.–197]), Валентина (умерла в 1908 г. [8, л. 180 об.–181]), Вера, родившаяся в 1909 г. [3, л. 142 об.–143], по всей видимости, тоже скончалась, поскольку ребенок, родившийся в семействе Василия в 1917 г., получил такое же имя [5, л. 105 об.–106]. Врач И. Гольдум в ходе расследования самоубийства сообщил об обнаруженных им у самой Ольги признаках туберкулеза и о «семейном туберкулезе» в анамнезе [1, л. 14].

Итак, молодая девушка, страдающая серьезным заболеванием, которое вполне могло привести к летальному исходу, находилась в семье, в которой до нее никому не было дела; посещала гимназию, где она, по сути, подвергалась травле, а ее интеллектуальные способности оценивались крайне низко. В доме непрерывно был траур. Для подростка причин для самоубийства было более чем достаточно. При этом поступок Ольги Соболевой был скорее демонстрацией намерения, а не реальной попыткой покончить с собой. Молоко, врач – все это должно было отыграть ситуацию назад, заставить всех окружающих пожалеть о своих действиях и наконец обратить внимание на проблемы подростка. Однако ожиданиям юной гимназистки так и не суждено было сбыться…

Список литературы

1. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 85. Оп. 1. Д. 139.
2. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 1124.
3. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 1789.
4. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 1899.
5. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 2280.
6. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 17. Д. 90.
7. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 17. Д. 107.
8. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 17. Д. 112.
9. *Павлович В.* Из зала суда. Дело А.Б. Соболева // Оренбургская газета. 1913. № 203. 14 сентября. С. 5.
10. *Хлопин Г.В.* Самоубийства, покушения на самоубийства и несчастные случаи среди учащихся русских учебных заведений: Санитаро-статистическое исследование. СПб.: Сенатская типография, 1906. 95 с.

М.Ю. Лачаева
Москва, Московский педагогический государственный университет

Русские учителя и учительницы на службе школьному делу и православию в Сирии на рубеже XIX – XX вв.

Просветительскую деятельность России на Ближнем Востоке, а в ее рамках проект создания русских православных школ в Сирии и упрочения православного влияния в регионе реализовывало Императорское православное палестинское общество (далее – ИППО). Оно работало начиная с 1882 г., действует и в наши дни.

К 1902 г. в регионе, который тогда входил в состав Оттоманской империи, ИППО создало 87 начальных православных школ, в них обучалось до 10 тысяч учащихся [1, л. 72]. Деятельность ИППО и привлекаемых обществом для педагогической работы в Сирии русских учителей и учительниц проходила в сложных условиях. Положение учебных заведений общества в Сирии и Палестине было предметом пристального внимания руководства ИППО: его председателя (до гибели 17 февраля 1905 г.) великого князя Сергея Александровича и секретаря общества Василия Николаевича Хитрово (1834–1903). Собственно, ИППО не имело «в Турецкой Империи юридических прав для какой-либо деятельности в Палестине и Сирии» еще к 1899 г.

Это серьезное затруднение в работе общества обсуждали в переписке генерал Михаил Петрович Степанов, состоявший в свите великого князя Сергея Александровича, и российский посол в Константинополе Иван Алексеевич Зиновьев [2, л. 32].

Серьезным фактором противодействия русскому влиянию были греческие иерархи и французские католики (религиозные деятели и дипломаты в лице французского консула), уже занявшие к тому времени разветвленные и укоренившиеся позиции в регионе.

Среди местного арабского населения были представители разных конфессий, в том числе и православные среди сирийской паствы. В последней трети XIX в. миссионеры западных держав усилили прозелитическую активность среди православных арабов, поощряя их переход в униатство, католичество или протестантизм [4]. Основным средством было открытие школ, в которые, поскольку они были единственной возможностью получить образование, шло мастное население. Так, ко времени открытия русских школ в Сирии, в течение последней половины столетия, православные сирийцы переходили в католичество. Но как сообщал И.А. Зиновьеву русский консул в Дамаске Алексей Петрович Беляев, «…очевидно, дух православия в них еще не погас окончательно». И когда в конце XIX в. появилась возможность учиться в православных школах, часть из них обратилась с ходатайством «принять их обратно в лоно веры, которую исповедовали их деды и прадеды» [2, л. 3]. Когда же в конце XIX в. греко-арабское противостояние в лоне Антиохийской православной (или «Сирийской») церкви достигло своего апогея [5], и в 1898 г. был избран, а в 1899 г. утвержден султаном на место патриарха араб Мелетий Думани (1899–1906), «разразились громкие просьбы» об открытии православных школ. За неимением материальных средств и нужных педагогов Антиохийская патриархия обратилась за помощью к России. Помощь оказало ИППО и русское консульство в Дамаске. Многие православные школы в Сирии были приняты Палестинским обществом, по свидетельству Беляева, на свое «полное иждивение». Среди русских учителей и учительниц были и те, кто продолжительное время прослужил на Ближнем Востоке. Письменные свидетельства-зарисовки оставили в основном учителя-мужчины, но есть в них и описания коллег учительниц и отношения к ним их учениц. Так, в опубликованных письмах учителя М.И. Овчинникова

рассказывается о теплых отношениях арабских девочек к русской учительнице Раисе Сергеевне Петровой, которая за свою любовь и ласку приобрела привязанность детей» [3, с. 16].

Участь арабских девочек, которые с раннего детства были «завалены работой», была незавидной. Причины такого положения Овчинников видел в том, что арабские девочки за все свои труды не видели ни от отца, ни от матери нежности; «вся ласка родителей на глазах дочерей расточается сыновьям. Для дочери требуется красота, чтобы будущий муж заплатил родителям побольше денег за свою невесту. Посылают девочек и в школу, но лишь тогда, когда нет дома работы; часто даже бывает так: дочь в школе, дома же есть дело, мать сама не сделает этого дела, а пойдет в школу, вызовет дочь и заставит ее сработать, что нужно». Но дети есть дети. Поэтому, отметив, что учительницы обыкновенно жалуются на девочек, которые «дико шаловливы и необыкновенно упрямы», Овчинников утверждает: «Эти черты свойственны и мальчикам: шалость – это общедетская черта, что шалости дики, так это – влияние среды; то же можно сказать и про упрямство: чем люди менее развиты, тем они более упрямы, – недаром же осла считают эмблемой глупости и вместе упрямства. Мальчиков, которые исправнее посещают школы, можно дисциплинировать и выбить (не физически, конечно) у них упрямство, но привязать к себе мальчика труднее, чем девочку: его, сколько ни корми, а он все будет в лес глядеть; ласка на мальчика плохо действует, разве на самого маленького; девочки же, по своей личной натуре, ей всецело поддаются» [3, с. 78].

О результатах педагогического процесса и глубине оставленного впечатления в душах учеников свидетельствовала живописная картина, составленная учителем: «Мне, кажется, до исступления бы молились девочки, если бы могли своей молитвой остановить отъезд учительницы, но они видели, что все надежды потеряны, что около дома уже стоит дорожный экипаж, и не могли молиться, а только плакали, плакали... Самого прощания даже и не опишешь: вопли, истерика... приходилось силой оттаскивать девочек от уезжавшей, даже учительницы арабские вели себя не лучше детей... Наконец, учительница вырвалась из школы и села в экипаж, убранный цветами» [3, с. 80].

Помимо педагогической работы, русские учителя участвовали в сопровождении русских паломников, называемых тогда

поклонниками, в периоды их наплыва во время православных больших праздников. Им, находясь вдали от родины, учителя были искренне рады. Совершали они походы и со своими учениками, изучая памятники Святой Земли. В качестве источника М.И. Овчинников использовал труды Иосифа Флавия. М.И. Овчинников отмечал, что правительство Турции «почти совсем не заботится о школах для христиан». Но одновременно он добавлял, что «на самом деле дурные условия только кажутся: христиане имеют свои школы» [3, с. 72]. У ИППО были на Святой Земле, или в «Русской Палестине», мужские и женские школы, цель которых виделась их организаторам в том, чтобы поддержать «падающее православие». Также работала учительская семинария.

Список литературы

1. АВП РИ (Архив Внешней Политики Российской Империи). Ф. 873/13. Ед. хр. 15. Л. 72 об.
2. АВП РИ.Ф. 180. Оп. 517/2. Ед.хр. 7686.
3. *Федотов П.В.* Русские учителя на Ближнем Востоке: Бытовые зарисовки 1889–1895 гг. / Государственный Музей истории религии. М.; СПб.: Индрик, 2021. 286 с.
4. *Якушев М.И.* Первый патриарх-араб на Антиохийском престоле // Восточный архив. 2006. № 14–15. С.99–106.
5. *Якушев М.И.* Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е – начало XX века / Фонд Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного. М.: Индрик, 2014. 534 с.

Т.В. Волгина
Санкт-Петербург, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Школа нянь в Царском Селе

Воспитание детей во все времена было делом сложным и ответственным, требующим не только специального образования, но и внутреннего призвания. В подавляющей массе случаев во второй половине XIX – начале XX в. няни осуществляли уход за младенцем, исходя исключительно из собственных представлений о «санитарии» [4, с. 19]. От кухарок, швей и горничных требовалось больших знаний, чем от няни [5, с. 49]. Матери стали нуждаться в помощнице, с которой бы она могла разделить дело

охранения жизни и здоровья своего ребенка. В начале XX в. для подбора нянь все чаще семьи стали обращаться к девушкам, имеющим специальное образование.

17 октября 1896 г. в Санкт-Петербурге была открыта школа нянь, однако растущую потребность в специализированном персонале она покрыть не смогла [6, с. 1]. Няни должны были «устранить иностранный элемент в воспитании русского ребенка» [10, с. 195]. 20 мая 1903 г. было принято решение о передаче участка земли, находящегося в Царскосельском парке, под постройку школы нянь Императорского женского патриотического общества [8, л. 40]. Школа нянь в г. Царское Село, устроенная на средства государыни императрицы Александры Федоровны, была открыта 29 мая 1905 г.

Школа принимала девушек на полный пансион на два года. Всего в школе было 50 мест. Были установлены строгие требования, предъявляемые воспитанницам при их приеме на обучение: это должны были быть здоровые, достаточно сильные и крепкие работоспособные девушки в возрасте не моложе 16 лет, т.к. няни младше 18 лет «вряд ли могут пользоваться достаточным доверием матери» [9, с. 2]. Общеобразовательные знания у поступающих должны были соответствовать программам четырехклассного городского училища [7, с. 1]. Стоимость обучения в год составляла 360 рублей. Однако бесплатно могли поступить неимущие, поскольку в школе существовали стипендии и бесплатные вакансии. В течение всего срока обучения воспитанницы находились на полном иждивении школы, получая еду, одежду, белье и учебные пособия [3, с. 56]. Таким образом, бедные девушки, выходили опытными нянями и, фактически не имея конкуренции, поступали на рабочие места. Так, в 1907 г. из 12 выпущенных девушек все получили рабочие места [9, с. 3].

Обучение в школе велось по четырем направлениям: общее, специальное, теоретическое и практическое. Целью теоретического обучения было повышение общего культурного и умственного уровня воспитанниц. Няня должна была прежде всего помочь матери пробудить в ребенке любовь к Богу, обучить его молитвам, научить его любить и понимать природу [9, с. 6]. Специальный курс включал в себя анатомию и физиологию, предметы по детским заболеваниям и гигиене детского возраста [1, с. 1]. Особое внимание уделялось практическому обучению, и при

школе был организован образцовый детский приют. Приют находился в одном здании со школой и мог принимать 50 детей начиная с рождения до 7 лет [3, с. 60]. На посещение детей в приюте существовали специальные билеты, где особое внимание уделялось вопросам соблюдения гигиены в приюте [2].

В приюте были созданы идеальные условия: изобилие света и воздуха, здоровая и вкусная пища, чистая одежда. Это должно было приучить будущую няню к тому, какая должна была быть обстановка в детской комнате. Принцип абсолютной чистоты в уходе за грудными детьми был положен в основу всего практического обучения: подходя к ребенку, чтобы накормить его или после пеленания, няня обязана была вымыть и продезинфицировать руки. Вторым немаловажным принципом был принцип изоляции – у каждого ребенка был индивидуальный инвентарь предметов ухода. Таким образом, основным принципом в отношении с детьми было соблюдение идеальной гигиены с целью сохранения здоровья ребенка и впоследствии распространения принципа абсолютной чистоты на семейную обстановку. Воспитанницы также выполняли ряд других работ: организация детского питания, изготовление лекарств, шитье и починка белья, уборка, стирка белья. Таким образом, помимо непосредственного ухода за детьми, воспитанницы были вынуждены выполнять всю домашнюю работу.

Во главе приюта был врач, который и занимался специальным обучением воспитанниц. Ежедневно во время обхода он проверял дневники и записные тетради девушек, куда они вносили все наблюдения, касающиеся ребенка. Врачом давались необходимые рекомендации по уходу за детьми. По окончании школы воспитанницам выдавался аттестат, где указывались полные сведения об уровне освоения программы [1, с. 1]. С 1905 по 1911 г. в школу было принято 174 воспитанницы, из них 80 курс окончили, 42 вышли до окончания курса, четыре умерло. Все заканчивающие школу получали работу нянь в семьях с вознаграждением 20–25 рублей в месяц и два года оставались под покровительством школы [3, с. 59]. Также выпускницы могли работать в детских приютах, консультациях и занимать места надзирательниц.

Школа нянь в Царском Селе имела огромное значение для распространения знаний о детском уходе и воспитании. Она играла важную роль в обучении женщин навыкам работы с деть-

ми. Школа не только предоставляла теоретические знания, но и организовывала практические занятия, где будущие няни могли применить полученные знания на практике.

Таким образом, школа нянь выпускала девушек, которые должны были стать ближайшими помощницами матерей во всем, что касалось физического и нравственного воспитания детей дошкольного возраста. Няни владели специальными знаниями по организации здорового образа жизни детей и всячески способствовали распространению этих знаний среди матерей.

** Подготовлено при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00421).*

Список литературы

1. Аттестат воспитанницы Школы нянь Государыни Императрицы Александры Федоровны. СПб., 1900-е гг. 2 с.
2. Билет на право посещения питомца приюта при Школе нянь Государыни Императрицы Александры Федоровны. СПб., 1900-е гг. 1 с.
3. Ведомство учреждений императрицы Марии и его учреждения в Царском селе и Царскосельском уезде. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 73 с.
4. *Веременко В.А.* Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 3. С. 18–31.
5. *Казмин Н.В.* Энциклопедия семейного воспитания и обучения. Современное семейное воспитание в России. СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1908. 68 с.
6. Петербургское Фребелевское о-во. Школа нянь: рекламное изд. СПб.: Типография Р. Голике, 1896. 2 с.
7. Проект устава Школы нянь государыни императрицы Александры Федоровны по обсуждении его Совещательным комитетом. СПб.: Типография Штаба Отдельного Корпуса Пограничной Стражи, 1909. 4 с.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 767. Оп. 1. Д. 174.
9. Школа нянь (Царское село). Краткие сведения о школе. СПб.: б.и., 1908. 8 с.
10. *Шумигорский Е.С.* Императорское женское патриотическое общество (1812–1912): Исторический очерк Е.С. Шумигорского. СПб.: Государственная типография, 1912. 226 с.

Л.В. Чебыкина
Киров, Кировский областной
краеведческий музей им. П.В. Алабина

Особенности путешествий женских школьных экскурсионных групп в начале XX в. (на примере Вятской губернии)

Конец XIX – начало XX в. – период расцвета дореволюционного отечественного детского туризма, характеризующийся значительным разнообразием его видов и организационных форм. Причинами расцвета послужили как изменения в сфере образования, так и объективная потребность общества в реализации данного вида социальной активности. Развитие педагогической мысли привело к включению экскурсий в образовательный процесс как действенного метода обучения и средства духовно-нравственного воспитания. Циркулярные предписания Министерства народного просвещения и училищного совета при Святейшем синоде обязывали подведомственные учебные заведения применять в своей работе экскурсии и путешествия детей. В этот период выходили многочисленные периодические издания, посвященные организации школьных экскурсий: «Русский турист», «Русский экскурсант», «Школьные экскурсии и школьный музей», «Хождение по Руси и за рубеж. Экскурсионный вестник».

Многие средние учебные заведения, в том числе и женские, ежегодно устраивали для своих воспитанников экскурсионные поездки по стране. Так, воспитанницы Вятской Мариинской женской гимназии в 1910 и 1912 г. ездили в Санкт-Петербург, в 1911 г. – в Крым; девочки из Елабужского Стахеевского женского епархиального училища в 1909 г. посетили Казань, в 1910 г. – Москву, в 1911 г. – Санкт-Петербург, в 1912 г. – Крым; епархиалки из Вятского училища в 1909–1911 гг. побывали в Казани, Санкт-Петербурге, Москве и Киеве.

По целям путешествия обычно бывали образовательными или паломническими. Однако на практике программа каждой поездки включала и посещение музеев, и знакомство с достопримечательностями, и поклонение святым местам, т.е. сочетала в себе элементы и паломнического, и образовательного туризма.

Особенностью путешествий женских экскурсионных групп являлось преобладание в содержании экскурсии паломнического компонента. Так, воспитанницы Вятской Мариинской женской гимназии, отправляясь в 1912 г. в «образовательную экскурсию» в Санкт-Петербург, большую часть времени пребывания в столице посвятили посещению храмов и монастырей и поклонению святыням [6].

Пространные заметки в журнале «Вятские епархиальные ведомости» об экскурсиях воспитанниц епархиальных училищ включали не только подробнейшее описание увиденных святых мест, чудотворных икон, святых мощей, но и пересказ различных легенд и поверий о чудесах. Эти публикации давали либеральной газете «Вятская речь» повод немного поерничать: «Весьма грустно видеть в этих отчетах воскрешение разных средневековых суеверий, выдаваемых руководителем экскурсии за подлинные факты, очевидно, для воспитания в экскурсантках и читателях “Вятских епархиальных ведомостей” религиозного чувства. <…> Читая это, можно думать, что экскурсанткам, под ферулой этого сверхблагочестивого руководителя, показывали и “Египетскую тьму”, и “перышки от крыльев архангела Гавриила”, и тому подобные реликвии, которыми современные невежественные монахи пытаются якобы взращивать благочестивые чувства верующих» [4].

Поездку обычно назначали на конец учебного года (реже – на зимние каникулы), но подготовку к ней начинали за несколько месяцев. Во-первых, предполагаемую экскурсию нужно было согласовать с непосредственным руководством: дирекцией народных училищ губернии или епархиальным училищным советом. Во-вторых, уведомить губернатора той местности, куда направляется экскурсия, о сроках пребывания, цели визита, составе участников и сопровождающих лиц. В-третьих, заранее заказать железнодорожные и пароходные билеты, чтобы получить скидки на проезд. И, наконец, в-четвертых, решить вопрос о проживании и питании во время поездки. Как правило, на ночлег экскурсанты останавливались в зданиях других учебных заведений той же ведомственной принадлежности: земские – земских, епархиальные – в епархиальных, министерские – в министерских, за весьма умеренную плату либо вовсе бесплатно.

К особенностям путешествий женских групп относится стремление организаторов обеспечить девочкам максимально возможный уровень комфорта и безопасности в пути: тщательная проработка маршрутов, придирчивый выбор мест для ночлега и остановки. Так, руководители экскурсии девочек из Стахеевского епархиального училища в Севастополе отказались от бесплатного помещения в церковно-приходской школе при Петропавловской церкви, потому что там «бетонный пол, располагающий к простуде», и предпочли поселиться в гостинице «Алушта», несмотря на ограниченность бюджета [2]. Одной из вятских епархиалок не понравился бесплатный вагон, который им выделили от Вологды до Ярославля: «Здешние вагоны <…> маленькие, низенькие, с какими-то примитивными задвижками вместо дверей на площадках – они кажутся совсем плохими по сравнению с вагонами Вологдо-Вятской железной дороги. Трясет тоже вдвое против прежнего» [3].

Путешествия женских групп обычно отличались бóльшим количеством сопровождающих лиц. Например, в поездке в Казань воспитанниц Стахеевского женского епархиального училища на 24 экскурсантки пришлось 18 сопровождающих лиц [5].

Поэтому женские путешествия зачастую обходились дороже. В 1911 г. на экскурсию воспитанников Вятского духовного училища в Москву и окрестности планировалось затратить по 12 рублей с человека. Один мальчик сначала заявил о согласии родителей на поездку, а потом – об отказе за неимением средств. Организатор поездки решил лично выяснить, что случилось. Отец мальчика пояснил: «Я обещал отпустить сына в Москву тогда, когда ничего не слыхал об экскурсии в епархиальном училище, теперь едет с экскурсией дочь, ей нужно 30 руб., отказать ей нельзя, она ведь постарше, оканчивает уже VI класс, да и учится получше сына» [7].

Вероятно, родители охотнее отпускали в путешествие девочек, т.к. предполагали, что это, возможно, единственная их возможность посмотреть страну. Как писал один из преподавателей, воспитанницы училищ «пользуются всеми правами и льготами, присвоенными экскурсантам. Совершать же поездки самостоятельно не всегда и удобно для сельской учительницы, живущей где-нибудь в глуши, вдали от города и общества. По-

этому, пока не поздно, нужно пользоваться удобным случаем для осуществления своего желания» [1].

Таким образом, можно сделать вывод, что в целом в организации путешествий женских школьных экскурсионных групп отразились традиционные для того времени взгляды на женское образование, такие как приоритет духовно-нравственного, в частности – религиозного, воспитания; ориентация на традиционные семейные ценности; забота о физическом и нравственном здоровье будущих хозяек, жен и матерей; стремление по возможности оградить учениц от опасностей окружающего мира.

Список литературы

1. В матушку – Москву // Вятские епархиальные ведомости. 1910. № 34. С. 1049.
2. *Головин В.* На «Юге» России // Вятские епархиальные ведомости. 1913. № 7. С. 222.
3. *Домрачева В.* В Киев через Москву // Вятские епархиальные ведомости. 1911. № 45. С. 929.
4. Пережитки средневековья // Вятская речь. 1913. № 56. С. 3.
5. *Танаевский С.* Первая экскурсия воспитанниц Стахеевского Епархиального женского училища – до Казани летом 1909 года // Вятские епархиальные ведомости. 1909. № 31. С. 818.
6. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 213. Оп. 1. Д. 942. Л. 1–7 об., 22–22 об.
7. *Чулков П.* Научно-паломническая экскурсия учеников Вятского духовного училища в Троице-Сергиеву Лавру и в г. Москву в июне 1911 г. // Вятские епархиальные ведомости. 1912. № 16. С. 447.

Т.А. Мищенко
Черняховск, Московский педагогический государственный университет (филиал)

«Дружить с детьми»: опыт советских интеллигенток 1940-1950-х годов в сохранении мира детства

Судьба семей советской интеллигенции во многом схожа с положением «бывших людей» в России – запрещенного сословия тех, чьи корни связаны с привилегированным положением в Российской империи. Многие семьи советской интеллигенции – люди умственного труда в нескольких поколениях. Их родители –

бывшие юристы, врачи, педагоги, писатели и журналисты дореволюционной России. Наряду с аристократами, буржуазией и чиновничеством, этот слой населения также потерял после 1917 г. свои привилегии и привычный образ жизни. В целом согласимся с позицией исследовательницы Е.С. Барановой: «…“бывшие люди” – это собирательный термин, в рамках которого оказались объединены представители разных социальных групп дореволюционного российского общества» [1, с. 28]. Их происхождение, семейный склад, образование, хобби, в целом типичные для лучших просвещенных представителей родовитых семей дореволюционной России, могут послужить и примером того, как, используя свой «культурный капитал», представители «запрещенного сословия» встраивались в новое советское общество, где непременным условием был труд, а наиболее желательным – труд на государственной службе.

Источниками данного исследования послужили художественные, биографические, мемуарные произведения женщин – советских интеллигенток: Лидии Чуковской, Фриды Вигдоровой и Евгении Гинзбург. Их объединяет и тема детства 1940–1950-х годов на страницах их книг, изучение которой позволит воссоздать мир ребенка с играми и игрушками, праздниками и семейными путешествиями. Мир детства, который пытались сохранить и описать эти женщины не только для своих детей, но и окружавших их маленьких советских граждан.

Прежде всего, отметим важность возвращения в круг детских праздников елки. Из рождественского таинства за несколько десятилетий праздник приобретает черты советского новогоднего веселья, адресованного прежде всего детям. Описание украшения праздничного дерева и подарков дает нам возможность уточнить набор игрушек, наличие которого было допустимым и возможным как в семьях, так и в коллективах, ведь теперь у праздника явный коллективный сценарий. В 1936 г. вышла статья Марии Улицкой «Праздник елки», в которой подробно объяснялось, как проводить торжество. В ней можно заметить, как впервые элементы «детской дворянской елки» переплетаются с новыми культурными образцами: «…Но самое замечательное в елке – это веселое содружество разнороднейших вещей. Пряник, дирижабль, барабанчик, бабочка, дед-мороз, золотой с блеском автомобиль, красный стеклянный шарик, парашютист, хлопуш-

ка, рыбка, крохотный медвежонок, огромная пестрая муха, карандаш с бантом, цветы и снег» [4]. Создать сценарии советского праздника, наполнить его материальным содержанием могли те, кто имел такой культурный опыт в детстве – семейный праздник с подарками или елку для деревенских детей в имении. В повести Лидии Чуковской «Софья Петровна», написанной в 1939–1940 гг., главная героиня – вот такая советская служащая «из бывших»: «Машинка давалась Софье Петровне легко; к тому же она была гораздо грамотнее, чем эти современные барышни… Девочкой она очень любила ходить в гимназию и плакала, когда ее из-за насморка оставляли дома, а теперь она полюбила ходить на службу. Заметив ее аккуратность, ее быстро назначили старшей машинисткой – как бы заведующей машинописным бюро» [5, с. 1]. Помогает ей организовать праздник для детей сотрудников типографии сотрудница Наташа, тоже из бывших: «Наташа сочувствовала советской власти, но, когда она подала заявление в комсомол, – ее не приняли. “Мой отец был полковник и домовладелец, и, понимаете, мне не верят, что я могу сочувствовать искренно, – говорила Наташа, щурясь. – С марксистской точки зрения, может быть, это и правильно…”» [5, с. 2]. В действиях женщин уже просматриваются контуры сценария «советского нового года»: лозунги, портреты Сталина и бюст Ленина, украшение елки фигурками советских летчиков, индустриальные игрушки. Но в главном женщины не отступают от своего опыта – детям следует дарить игрушки: «Самое важное и трудное было решить, какой подарок сделать кому из ребят так, чтобы не выйти из лимита и в то же время чтобы все были довольны. Из-за подарка девочке директора Софья Петровна и Наташа даже немного поссорились. Софья Петровна хотела купить ей большую куклу – побольше, чем другим девочкам, – а Наташа находила, что это будет бестактно. Помирились на хорошенькой дудочке с пушистой кисточкой» [5, с. 6].

В семье Фриды Вигдоровой и Александра Раскина даже в трудный год эвакуации в Ташкент взрослые организуют новогодний праздник ребенку: «Я купил ей елочных игрушек и домашнюю игру, пленившую меня своим названием “Наши мамы”. Игра простая – карточки с мамами: мамы – инженер, учительница, повар и т.д. плюс карточки с орудиями производства: глобус, мясорубка и прочее. <…> Галка очень увлеклась игрой и

быстро ориентировалась. Даже мама-трактористка усвоена. Мы играли весь вечер» [2, с. 17]. Познавательный смысл игры, смышленость ребенка, который понял, что у окружающих женщин есть разные профессии – автор отмечает положительные эффекты новогоднего вечера.

Заметно стремление советских интеллигенток, даже находящихся в такой беде, как ссыльная Евгения Гинзбург, не просто работать с детьми, но оградить их от идеологического прессинга, вернуть детям мир детства. Е. Гинзбург, описывая свою работу в Магадане в детском саду, замечает, что она начала делать для детей теневой театр «Кот в сапогах», они записывают на местном радио радиоспектакль «Волк и семеро козлят», к ней обращаются за созданием сценариев детских праздников. В начале 1950-х годов в детском саду не было произведений Чуковского и Маршака, Евгения Семеновна читала детям наизусть: «Я бывала очень довольна, когда дети в своих играх обращались к тем персонажам, о которых узнали от меня. Когда они играли в Мойдодыра, в храброго Ваню Васильчикова, в ленинградского почтальона» [3, с. 615]. Когда ей пришлось стать музыкантом в детском саду, Евгения Семеновна попросила мать прислать ноты, «…но прибыла бандероль, и я с изумлением обнаружила в ней мои старые детские ноты. Как она умудрилась сохранить их, вынести из двух пожарищ, своего и моего дома…» [3, с. 634]. В этой трогательной истории мы и обнаруживаем механизмы передачи «культурного багажа»: если у тебя за плечами гимназическое образование, ты читаешь на латыни и музицируешь, это поможет тебе даже в ссылке, в большой беде, среди людей гораздо более темных и несведущих.

Судьбы этих женщин были созвучны сложному времени. Однако именно им свойственно было «дружить с детьми», как пишет о Ф. Вигдоровой Л. Чуковская: «…дружила с детьми – ответственно и строго, по-учительски, и в то же время талантливо, весело, так что и со стороны было весело видеть ее вместе с детьми» [6]. Мир детства, который предстает на страницах произведений данных авторов, позволяет оценить роль советских семей интеллигентов, снаряженных «культурным багажом» прошлого, для всей концепции педагогики детства, формируемой в данный период в системе образования и воспитания.

Список литературы

1. *Баранова Е.С.* Социальная категория «бывшие люди»: изучение понятия в современной науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (44): в 2-х ч. Ч. II. С. 27–29.
2. *Вигдорова Ф.* Девочки. Дневник матери. М.: АСТ, 2014. 352 с.
3. *Гинзбург Е.* Крутой маршрут. М.: АСТ, Астрель, 2011. 928 с.
4. *Улицкая М.* Праздник елки. URL: http://vash-novy-god.ru/content/articles/igrushki/Prazdnik_elki_M_Ulitskaya (дата обращения: 09.07.2024).
5. *Чуковская Л.* Софья Петровна. Спуск под воду: Повести. М.: Московский рабочий, 1988. 219 с.
6. *Чуковская Л.* Памяти Фриды // Сочинения: в 2-х т. М.: Гудьял-Пресс, 2000. Т. 1. Повести. Воспоминания. С. 357–429.

М.Я. Мирзабеков
Махачкала, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН

Женщины в составе учительства и их вклад в развитие общеобразовательной школы Дагестана в 1960-е годы

С конца 1950-х годов перед общеобразовательной школой страны была поставлена задача перехода к восьмилетнему, а с 1966 г. – всеобщему среднему обучению подрастающего поколения. Решение задачи повышения качества работы общеобразовательной школы было напрямую связано с состоянием ее материальной базы. В новых условиях в Дагестане были достигнуты значительные позитивные результаты в укреплении материальной базы и расширении сети восьмилетних и средних общеобразовательных школ. В 1961–1970 гг. в республике было построено и введено в действие за счет всех источников 100 791 ученическое место [3, с. 168]. Несмотря на эти благоприятные результаты, материальная база оставалась одним из наиболее слабых звеньев общеобразовательной школы региона.

К началу 1962/1963 учебного года переход к восьмилетнему всеобщему обучению в Дагестане был завершен. Число восьмилетних школ в республике составило 591 [4, с. 98]. До середины 1960-х годов в регионе продолжался рост сети восьмилетних

школ. В последующие годы часть из них была преобразована в средние школы. В начале 1970/1971 учебного года в Дагестане насчитывалось 377 средних и 507 восьмилетних дневных общеобразовательных школ, в которых обучалось 342,2 тыс. учащихся. В начале 1960/1961 учебного года этот показатель равнялся 160,5 тыс. учащихся [3, с. 168]. За десятилетие общая численность обучающихся в дневных общеобразовательных школах Дагестана удвоилась и на начало 1970/1971 учебного года составила 373,9 тыс. человек., что являлось показателем высокого прироста населения в регионе [3, с. 168].

Количественные и качественные изменения в развитии общеобразовательной школы в Дагестане во многом являлись результатом деятельности органов власти и Министерства просвещения республики по удовлетворению их запросов и потребностей в подготовленных педагогических кадрах.

По ходатайству обкома партии и Совета министров республики в начале 1960-х годов были значительно увеличены планы приема в педагогические училища, педагогический институт и на педагогические факультеты Дагестанского государственного университета. Министерство просвещения РСФСР разрешило педагогическим институтам Северного Кавказа ежегодно принимать по 200 юношей и девушек Дагестана вне конкурса. В 1965 г. в средних и высших педагогических учебных заведениях Дагестана и Северного Кавказа обучалось 3745 юношей и девушек, в том числе из народностей Дагестана – 3028 человек. Только за три года семилетки (1962, 1963, 1964) средние и высшие педагогические учебные заведения Дагестана выпустили свыше трех тысяч учителей. За эти же годы на курсах Института усовершенствования учителей повысили свою квалификацию 14 430 учителей.

Однако, несмотря на значительное улучшение дела подготовки педагогических кадров, школы Дагестана продолжали испытывать острый недостаток в квалифицированных учителях. Так, в 1964/1965 учебном году в школах республики работало около 300 учителей, не имеющих даже среднего образования [5, с. 244]. Даже во второй половине 1960-х годов, когда ежегодный выпуск учителей с высшим образованием составлял в среднем 700–750 человек, а со средним специальным образованием – 850–900 человек, республика не могла полностью удовлетво-

рить собственными силами потребность в учительских кадрах. Как и в предыдущие годы, значительную помощь Дагестану продолжали оказывать братские республик, края и области. Только в 1966–1970 гг. по путевкам Министерства просвещения РСФСР в Дагестан прибыло для работы в школах и органах народного образования 636 учителей с высшим образованием и 1398 учителей со средним специальным образованием [2, с. 204]. Однако многие приезжие учителя не закреплялись на новом месте. Отработав положенный срок, они возвращались к местам постоянного проживания. Сказывались неустроенность быта, прежде всего в сельской местности республики.

Несмотря на эти и другие трудности, в анализируемое десятилетие был достигнут рост педагогических кадров в общеобразовательных школах Дагестана. В начале 1970/1971 учебного года в общеобразовательных школах всех типов республики насчитывалось 20,6 тыс. учителей (включая совместителей), что на 7,1 тыс. человек больше по сравнению с началом 1960/1961 учебного года [3, с. 204]. Рост численности педагогических кадров общеобразовательных школ республики сопровождался увеличением доли женщин в их составе. Так, если в начале 1965/1966 учебного года в дневных общеобразовательных школах Дагестана трудились 6675 учителей-женщин (42,6% от общего количества), то в начале 1969/1970 учебного года – 8651 человек (45,8%) [7, л. 52–53; 8, л. 57]. Во многом такой рост обеспечивался позитивными изменениями в повышении образовательного и культурного уровня женской половины дагестанского общества. Сотни учителей показывали пример творческого отношения к делу и добивались хороших результатов в обучении и воспитании подрастающего поколения. Достаточно сказать, что более трех тысяч учителей республики закончили 1964/1965 учебный год без второгодников [5, с. 251]. В 1969/1970 учебном году успеваемость в школах республики составила 91,7% [6, л. 153]. В этот успех существенный вклад внесла женская половина педагогических коллективов школ региона.

К началу 1970/1971 учебного года в школах Дагестана трудились два Героя Социалистического Труда, более 750 заслуженных учителей школ РСФСР и ДАССР, около 800 человек, награжденных значком «Отличник народного просвещения». Доброй славой пользовались в республике директор Усишин-

ской средней школы, Герой Социалистического Труда Х. Казиева, заместитель директора Хунзахской средней школы, Герой Социалистического Труда Х. Локалова, учительница математики школы № 1 Махачкалы Р.С. Алиева, учительница Крайновской средней школы Кизлярского района К.Г. Игнатьева, учительница Касумкентской средней школы Ф.А. Абдулмажидова и многие другие [1, с. 14].

Анализ фактического материала показывает, что в 1960-е годы роль учительниц в решении задач перехода к восьмилетнему и среднему всеобщему обучению подрастающего поколения и повышение качества школьного образования в республике существенно возрос.

Список литературы

1. Блокнот агитатора и политинформатора. 1971. № 13. С. 14.
2. *Магидов Х.Г.* Республика сплошной грамотности // В братской семье советских народов. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1973.
3. Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР: Юбилейный статистический сборник. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1972. 222 с.
4. Советский Дагестан за 45 лет: Статистический сборник. Махачкала: Дагестанское отделение издательства «Статистика», 1965. 122 с.
5. Школьное образование в Дагестане. Махачкала: Дагестанское учебно-педагогическое издательство, 1968. 267 с.
6. ЦГА РД. Ф. П-1. Оп. 155. Д. 4.
7. ЦГА РД. Ф. Р-22. Оп. 39. Д. 269.
8. ЦГА РД. Ф. Р-34. Оп. 38. Д. 18.

Г.П. Сидорова
Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

«Наш бы турист… терпел!»: социокультурные особенности «деликатной» темы

В исследовании ставится задача обобщения женского коллективного опыта, связанного с проблемами естественной физиологии человека – с «деликатной» темой. Используя термин «деликатная тема», предложенный лингвистами [3], автор пыта-

ется показать и объяснить, как телесное поведение женщин связано с национальным менталитетом и типом культуры.

Е. Иванян и др. авторы исследования по международному проекту «Деликатная тема на разных языках» поясняют, что это тема туалета, уборной, физиологической человеческой нужды, и справедливо отмечают, что тема естественных физиологических отправлений человека подлежит запрету на прямое обозначение в большинстве человеческих культур. В ситуациях, где все участники избегают прямолинейности, в языковой системе исторически сложились способы эвфемистической номинации всего, что нарушает культурные стереотипы общения. Иными словами, туалет, уборная, физиологическая нужда – табуируемые темы, где применяется непрямая коммуникация, эвфемизация [3].

Обыденные формы эвфемизации также затронули Н.Л. Пушкарёва и И.В. Богдашина в исследовании норм и практик ухода за телом жительниц нестоличного советского города 1950–1960-х годов – формы вербального табуирования темы менструации и необходимой гигиены [4].

Высоко оценивая указанные исследования и соглашаясь с их выводами, автор, в свою очередь, рассматривает сохраняющиеся в российской культуре особенности женского поведения, связанные не просто с эвфемизацией «деликатной» темы, но с табуированием этой физиологической нужды *в некоторых ситуациях*. В этом состоит особенность поведения: девушка, находясь в кино, театре, на концерте, на прогулке в парке и т.п. *вдвоем* с мужчиной, к которому чувствует влюбленность/симпатию/уважение, считает невозможным сообщить ему даже косвенно про свою физиологическую нужду. Но необходимость сокрытия вызывает у нее мучительные телесные и духовные ощущения.

Актуальность темы определяется тем, что на российских женских и др. интернет-форумах, в блогах, журналах нередко публикуют следующие сообщения: «Дело в том, что я стесняюсь ходить в туалет при своем парне (((. Хотя мне 21, вроде немаленькая и это мой третий парень. Но не могу и все ((. Прям внутренний барьер какой-то...стыдно ему говорить, что я хочу в туалет… И вот недавно тоже… когда гуляли в парке, мне очень захотелось в туалет...а ему стесняюсь сказать, к тому же пришлось бы искать где туалет специально… В итоге я терпела, а хотелось сильно… Настроение у меня, конечно, испортилось, и

я раньше уехала домой, сказав парню, что плохо себя чувствую. И уже дома сходила в туалет, еле успела добежать… Прошу не смеяться, а дать совет... спасибо» [5]. Интернет-журнал: «Судя по запросам в Google, этот вопрос много кого беспокоит. В интернете ходят байки про девушек, которые живут с парнями и бегают в туалет в ближайший торговый центр» [1].

Мемуары и устные женские истории показывают: эти особенности поведения устойчиво бытовали в российско-советском обществе от 1930-х до конца 1980-х годов. Киноактриса Л. Смирнова в мемуарах искренне рассказывает о своей жизни, в том числе пересказывает случай, когда ей было 20 лет, – о крайне неудачном походе в театр с солидным мужчиной-коллегой. Уже в начале спектакля она почувствовала, что «ужасно» хочет в туалет. В антракте он пригласил ее в буфет, а она не смогла встать. «*Мне было стыдно, что я вообще могу захотеть в туалет*». И после спектакля она не посмела пойти в туалет. «Мы <…> вышли из театра, горячая струя потекла в ботики…» [6, с. 33–34].

В памяти автора запечатлелись два случая из личной жизни. Первый: 1970-е годы, двум подружкам-одноклассницам 15 лет. Одну из них (В.) юноша из престижной школы пригласил в гости. Вторую (меня) позвали для компании. Мы вдвоем вошли в лифт, и тут «не угнетенная воспитанием» В. заявила, что сейчас «обосс…ся»… Несмотря на мой ужас и протесты, она присела и залила весь лифт. Мотивация В.: лучше поступить так некультурно, чем сходить в туалет в доме малознакомого юноши… Второй: я, студентка 1-го курса, встречалась с юношей из политехнического. В одно воскресенье мы договорились встретиться у него. Родители были дома, а мы вдвоем в его комнате разговаривали, слушали новые песни Ю. Антонова и пили сухое вино. Белое сухое дает мочегонный эффект, и через какое-то время я захотела в туалет. Долго терпела, но поняв, что может случиться непоправимое, со словами «Я сейчас приду!» выскочила из комнаты. В тесных хрущевках, как известно, туалет рядом с прихожей, и – ужас! – родители юноши в прихожей чистят обувь… Сгорая от стыда, не глядя на них, я проскользнула в туалет, даже не включив свет… Выйдя, не смела взглянуть на родителей: было стыдно…

Иногда девушка считает недопустимым, чтобы о ее нужде знал *любой* мужчина. Из воспоминаний Ларисы З.: на рубеже 1980–1990-х годов летела с коллегой-девушкой в командировку

военным бортом. В самолете не было туалета, лишь ведро за шторкой в кабине пилотов. Вскоре коллега поняла, что очень хочет в туалет. Вариант с ведром за шторкой категорически отвергла («все услышат – стыдно») и терпела до транзитной посадки. Но там по какой-то причине не было возможности дойти до здания аэродрома. Вариант присесть за кустами коллега категорически отвергла («все увидят, что я туда пошла») и мучительно терпела до пункта назначения. Там на аэродроме она, с переполненным мочевым пузырем, еле дошла до туалета и «минут 15 не выходила»…

По воспоминаниям Валентины А., для девушек было проще выйти в туалет, находясь в *большой* компании. Но даже на домашней вечеринке девушки ходили в туалет вдвоем: «не *так* стыдно». Удобно, если в доме был смежный санузел (девушка идет туда как бы «вымыть руки»). А трудовой коллектив, выезжая в субботу за грибами на своем автобусе, обычно делал две остановки в пути и веселыми группами разбегался: «девочки – налево, мальчики – направо».

В российской культуре «деликатная» тема психологически напрягает и мужчин, хотя меньше. В фильме О. Дугладзе «Невеста из Парижа» (Россия, 1992) вопрос француженки, которая поселилась в квартире ленинградской семьи, «Пардон, где у вас туалет?» вызвал ворчание деда: «Пардон… Какая-то беспардонная! Вот наш бы турист этого никогда не сказал. Он бы… терпел!». Но мужчины все-таки меньше, чем женщины, готовы терпеть. Вспоминает Валентина А.: «Года через два после школы была встреча одноклассников. Долго гуляли в парке, закусывали, выпили вина… Наконец один парень говорит: девчонки, пусть лучше лопнет моя совесть, чем мочевой пузырь! И – в кусты!»

Можно предположить, что эта специфика телесного поведения, особенно женского, обусловлена ментальными чертами: *иррациональность*, *терпение*, *коллективизм*, *открытость* и *недостаточность*. Российское общество – *открытое*, *но недостаточно*: пограничный тип между *закрытым* (иррациональные мышление, традиционные ценности, крайний коллективизм, не развиты критические способности человека) и *открытым* (рациональность, либеральные ценности, готовность отказаться от традиций, если они перестают быть полезными; развиты критические способности человека). Общество с низким индексом

потворства желаниям (по «измерениям» Г. Хофстеде). Наконец, у нас наблюдается *разрыв между грубостью быта и внутренней самоуглубленностью* [2, с. 48] вкупе с *отсутствием чувства меры*: применительно к «деликатной» теме – излишняя романтизация своей персоны и отношений с мужчиной.

Список литературы

1. *Амосова Д.* Ты же леди: как сходить в туалет, когда ты первый раз в гостях у парня. URL: https://thegirl.ru/articles/kak-skhodit-v-tualet-kogda-ty-pervyi-raz-v-gostyakh-u-parnya/ (дата обращения: 21.06.2023**).**
2. *Кондаков И.В.* Культура России. Ч. 1. 2-е изд., испр. М.: Университет, 2000. 360 с.
3. *Кудлиньска Х., Никитина И., Иванян Е.* Метафорические эвфемизмы деликатной темы в русском, польском и английском языках. URL: https://dspace.uni.lodz.pl/xmlui/handle/11089/4296?locale-attribute=pl (дата обращения: 21.06.2023).
4. *Пушкарёва Н.Л., Богдашина И.В.* «Лучшее украшение женщины – чистота» (Нормы и практики ухода за телом...) // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 119–133.
5. Про туалет и МЧ. У кого такая же проблема? URL: https://www.woman.ru/kids/teens/thread/3815696/ (дата обращения: 15.02.2008).
6. *Смирнова Л.Н.* Моя любовь / предисл. Г.А. Скороходова. М.: ПРОЗАиК, 2011. 416 с.

РАЗДЕЛ 7
ЖЕНСКОЕ НАСЛЕДИЕ В АКАДЕМИЧЕСКОМ И ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОМ СООБЩЕСТВАХ

Т.Н. Трофимова
Санкт-Петербург, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
В.С. Трофимова
Санкт-Петербург, независимый исследователь

Спор о высшем образовании для женщин между Е.Ф. Литвиновой и М.К. Цебриковой на страницах журнала «Женское дело» в 1899 г. и его отголоски в современную эпоху

Дискуссии о высшем образовании для русских женщин шли в России начиная с 1850-х годов и продолжалась на протяжении 1860-х годов. За исключением короткого периода в начале 1860-х годов, когда женщины были допущены в качестве вольнослушательниц в Петербургский, Харьковский и некоторые другие университеты, их доступ к высшему образованию вплоть до 1870-х годв был закрыт. Ситуация изменилась с открытием женских курсов – Аларчинских и Владимирских в Петербурге в 1869 г. и Московских высших женских курсов в 1872 г. Наконец, в 1878 г. были открыты Высшие женские (Бестужевские) курсы (ВЖК) в Петербурге. Многие русские женщины уезжали учиться за границу – сначала в Швейцарию, в Цюрихский университет, где получали ученые степени, а затем в Германию и Францию. Одним из свидетельств популярности темы женского университетского образования явилось издание перевода с немецкого брошюры политэконома К.В. Бемерта «Университетское образование женщины», в которой он рассматривает опыт Цюрихского университета в 1860-х – начале 1870-х годов в обучении студенток медицине. Он развенчивает мнение об ущербности умственных способностей женщин и об аморальности совместного обучения юношей и девушек и ратует за совместное университетское образование. Бемерт критически относится к специальным высшим школам для женщин, подчеркивая, что

не следует упрощать женщинам путь в науку: «В интересе женского дела лежит <…>, чтобы женщине не облегчали искусственно научную карьеру какими-нибудь отдельными популярными курсами, но наоборот, чтобы женщины испытывали всю трудность мужских курсов <…> Женщине с талантом должен быть открыт доступ в высшие образовательные заведения мужчин» [1, с. 33]. Именно в Цюрихском университете в 1872 г. начали обучаться две видные деятельницы женского образования в России – Елизавета Федоровна Литвинова (1845 – после 1921) и Мария Константиновна Цебрикова (1835–1917), первая изучала математику, а вторая – медицину. Е.Ф. Литвинова стала первой женщиной в мире, получившей степень доктора чистой математики в 1878 г. от университета Берна.

Нам пока не удалось обнаружить исследований, в которых бы эти две деятельницы рассматривались вместе. Между тем они, несомненно, были знакомы. Обе они дружили с Н.А. Некрасовым, в одно время были в Цюрихе, и, возможно, Цебрикова была среди тех двадцати русских подруг, с которыми Литвинова не нашла взаимопонимания [5, с. 732]. Самым ярким свидетельством связи между ним явился спор, который они вели на страницах журнала «Женское дело» в 1899 г. Спор этот касался высшего образования для женщин.

В июне 1899 г. Е.Ф. Литвинова публикует статью «К реформе высшего и среднего образования» в журнале «Женское дело». В ней, среди прочего, она обрушивается с критикой на ВЖК, которые не дают женщинам права после их окончания преподавать в старших классах женских гимназий. Так, она пишет: «Что касается Высших женских курсов, то они, не давая никаких прав, не открывают перед своими слушательницами никакого определенного будущего, в этом случае слушательницы не могут рассчитывать и на то, что их допустят к преподаванию в старших классах женских гимназий. В настоящее же время оканчивающие высшие курсы не имеют диплома университета» [3, с. 70]. Она предлагает совместное обучение мужчин и женщин в университетах и равные права на получение ученых степеней в духе К.В. Бемерта. При этом она считает целесообразным разделять профессиональное образование на мужское и женское. Литвинова выступает против всеобщего высшего образования, считает, что большее развитие профессионального об-

разования сократило бы количество псевдоученых и повысило бы уровень университетского образования. Литвинова ратует за четкое разделение университетов и высших профессиональных школ. Она считает нецелесообразным существование чисто женских университетов, таким образом, она считает нецелесообразным и существование Высших женских курсов, которые, по сути дела, являлись женским университетом. Литвинова ратует за создание специальных женских профессиональных школ при условии, что женщины будут иметь более слабую подготовку, чем мужчины, и не будут инноваторами.

В августовском номере журнала «Женское дело» за тот же год был опубликован ответ М.К. Цебриковой. Цебрикова считает мнение Литвиновой о ВЖК несправедливым. Она подчеркивает высокое общественное значение ВЖК и напоминает, что их открыли не от хорошей жизни, а потому, что путь женщин в университеты был закрыт указом министра народного просвещения графа Д.А. Толстого. В отличие от Литвиновой, она не считает университетское образование элитарным: «Светил науки не создают и университеты: это дело природы, с одной стороны, с другой – упорного изучения наук после университетского курса» [6, с. 122]. Студенты университета не должны обладать какими-то особыми способностями. Она призывает женщин, закончивших ВЖК, откликнуться на вопрос, поставленный Литвиновой.

В октябрьском номере журнала «Женское дело» Литвинова отвечает на критику Цебриковой. Она считает, что Цебрикова ее неправильно поняла, что она не имела цели ставить под вопрос значение ВЖК и сосредоточилась на вопросе о совместном обучении мужчин и женщин в университете. При этом Литвинова признает, что критика Цебриковой заставила ее изменить замысел продолжения своей статьи и сосредоточиться собственно на вопросах высшего образования, а не на совместном обучении мальчиков и девочек. Отвечая на финал письма Цебриковой о свете просвещения, она говорит: «Полный свет еще лучше неполного, а потому будем, не теряя времени, стремиться к полному свету!» [4, с. 122]. Литвинова настаивает на даровании прав ВЖК, иначе они будут поглощены педагогическими курсами. Она считает, что стремление студенток получить профессию, которая даст им возможность зарабатывать себе на жизнь, не повредит ВЖК. Она также останавливается на вопросе от-

крытия кафедры педагогики на ВЖК, но при условии, что такие же кафедры будут открыты в мужских университетах.

Далее Литвинова выделяет два типа высшего образования – немецкий и английский. Целью немецких университетов является подготовка специалистов – самостоятельных исследователей; университеты готовят будущих деятелей науки. Цель английских университетов – дать общее высшее образование; даже профессора в них редко занимаются наукой, «а ученые большею частью держатся вдали от университета» [2, с. 128]. Именно английские университеты служили образцом для англофилки М.К. Цебриковой. Заключает свою статью Литвинова рассуждением о своей «излюбленной мечте о допущении женщин в русские университеты» [2, с. 132]. Литвинова подчеркивает, что развитие университетского образования в провинции будет полезно именно девушкам – им там проще будет продвинуться, чем в столице.

Спор Е.Ф. Литвиновой и М.К. Цебриковой вышел за рамки собственно вопроса о женском университетском образовании. В своих рассуждениях они касались таких современных тем, как включение педагогики в университетский курс для будущих преподавателей, роль матерей и отцов в воспитании детей и, наконец, элитарность/всеобщность высшего образования.

Список литературы

1. *Бемерт В.* Университетское образование женщины. СПб.: Типография П.П. Меркульева, 1873. 40 с.
2. *Литвинова Е.Ф.* К реформе высшего женского образования. Статья вторая // Женское дело. 1899. Кн. X. С. 123–132.
3. *Литвинова Е.Ф.* К реформе высшего и среднего образования // Женское дело. 1899. Кн. VI. С. 58–69.
4. *Литвинова Е.Ф.* Письмо в редакцию // Женское дело. 1899. Кн. X. С. 121–122.
5. *Трофимова Т.Н.* Женский вопрос в биографиях ученых и философов Е.Ф. Литвиновой (1890-е гг.) // ВИЕТ. 2022. Т. 43. № 4. С. 728–746.
6. *Цебрикова М.К.* Письмо в редакцию // Женское дело. 1899. Кн. VIII. С. 121–123.

Т.В. Киселева
Москва, Военный университет
им. князя Александра Невского

Процесс формирования женского образования в Великом княжестве Финляндском: от первых женских пансионов до Императорского Александровского университета (Э.И. Острём, К. Эскелин, Т.Й. Хултин, А. Сёдерхьельм)

Каждая национальная система образования имеет свою собственную историю, а социальные, культурные, религиозные и политические контексты обеспечивают уникальные характеристики для развития девочек и женщин всех возрастных групп. Начало формирования системы женского образования в Великом княжестве Финляндском было положено во второй половине XVIII в. в условиях нахождения в составе Российской империи. Между женщинами в финском обществе существовала иерархия, где высшее образование и наиболее видные позиции в обществе принадлежали женщинам из высшего сословия. Роль домохозяйки и матери отводилась женщинам из рабочего класса.

Право на начальное образование было первым на пути к формированию системы женского образования. Во второй половине XVIII в. начинают появляться сословные женские учебные заведения. Первая в Великом княжестве Финляндском школа для девочек была открыта в Выборге в 1788 г. (Шведская женская гимназия, являлась первой государственной женской гимназией в странах Северной Европы, 1788–1937), а в 1835 г. в Хельсинки начала работу частная школа для шведоязычных девочек, основателем которой стал Одерт Хенрик Грипенберг (1788–1848, военный и педагог, в период 1811–1812 гг. обучался у Песталоцци педагогике, вернувшись в Финляндию, стал инициатором появления первых частных пансионов и интернатов для детей). В конце XVIII – начале XIX в. в Финляндии возник ряд женских пансионов. В качестве примеров можно привести пансион под руководством Кристины и Ловисы-Юлианы Крук в Турку, который был создан по образцу французских школ-интернатов для девочек из обеспеченных семей; школу мадам Альберг в Тавастегус (Хямеэнлинна); школу-интернат Анны Салмберг (Anna Salmberg, 1788–1868, Salmbergska flickpensionen) в Обо (Турку); школу-

интернат для девочек баронессы Софии фон Розен в Гельсингфорсе (Хельсинки), которая осуществляла образовательную деятельность с 1838 по 1844 г. и считается предшественником Государственной шведской школы для девочек в Хельсинки (т.н. Bullan, 1844–1974). Во второй половине XIX в. в Финляндии укрепилась идея эгалитаризма в образовании, что на практике означало обеспечение равных возможностей доступа к образованию для всех членов общества. Период с 1860-х по 1917 г. можно назвать эпохой расширения возможностей для женщин в образовательной сфере.

Пионером женского высшего образования считается Швейцария: женщины имели возможность проходить обучение в Цюрихском университете с 1864 г. В 1860-х и 1870-х годах женщины поступали в университеты Франции, Англии, Швейцарии, Дании и Италии. Для женщин двери Императорского Александровского университета в Гельсингфорсе (Хельсинки) впервые открылись в 1870 г., когда Мария Федоровна Чечулина (Maria Tschetschulin, 1852–1917, дочь русского судовладельца), подала прошение на сдачу экзамена на аттестат зрелости, который одновременно давал право учиться в университете. В 1871 г. медицинский факультет университета предоставил женщинам «право пользоваться преимуществами преподавания на факультете». Первая женщина, получившая степень бакалавра медицины под защитой этого права, Эмма Росина Хейкель (Emma Rosina Heikel, 1842–1929), окончила университет в 1873 г., а пять лет спустя (1878) получила степень лиценциата.

Первой женщиной-выпускницей университета с дипломом магистра философии стала Эмма Ирена Острём (Emma Irene Åström, 1847–1934 – работала преподавателем в педагогическом училище). Она получила диплом в 1882 г. Число женщин-студенток начало медленно, но уверенно расти с середины 1880-х годов. Вступать в студенческие союзы женщинам не разрешалось, и они создали свою ассоциацию под названием De kvinnliga («Женская лига»), которая выпускала журнал «Лира». До 1901 г. женщины должны были получать разрешение на учебу в университете.

За тридцатилетний период более семисот женщин смогли получить это разрешение и сдать экзамены на аттестат зрелости, хотя только около одной четверти из них удалось получить высшее образование. Первой женщиной, защитившей диссерта-

цию на медицинском факультете в 1895 г., стала Каролина Эскелин (Karolina Eskelin, 1867–1936), свое обучение она частично финансировала за счет стипендии, присужденной фондом, основанным Р. Хейкель. А первой женщиной, получившей докторскую степень по философии в Великом княжестве Финляндском, стала Текла Йоханна Вирджиния Хултин (Tekla Johanna Virginia Hultin, 1864–1943). Докторскую степень она получила в 1896 г. за исследования в области экономической истории (посвящена истории финской горной промышленности). Текла родилась в Яаккима в Карелии и была старшей дочерью в семье писателя Юлиуса Хултина, проходила обучение в частных школах для девочек в Сортавале и Хамине. В 1886 г. получила диплом учителя. В 1887 г. начала обучение в Императорском Александровском университете в Хельсинки. Весной 1891 г. она получила степень бакалавра философии, защитив с отличием выпускную работу, которая была посвящена колониальной политике Великобритании в Северной Америке.

Первой в Финляндии женщиной-доцентом и преподавателем в Императорском Александровском университете является Альма Сёдерхьельм (Alma Söderhjelm, 1870–1949), которая была профессором на историческом факультете с 1906 г. Основным научным интересом Альмы являлась Великая французская революция (Швеция и Французская революция, взаимоотношения Акселя фон Ферсена с Марией-Антуанеттой, ее докторская диссертация была посвящена прессе в годы Французской революции (1900)).

В дополнение к возможностям получения образования в конце XIX в. женщинам становилось доступно все больше профессий, постепенно начали стираться имущественные ограничения, все больше незамужних женщин, представительниц среднего класса начали выходить на рынок труда и реализовывать свои карьерные амбиции. Индустриализация создала возможности для карьерного роста, которых ранее не существовало. Организации в сфере преподавания, здравоохранения, банковского дела, страхования, почтовые, телефонные и телеграфные службы, а также железнодорожные конторы нанимали женщин на новые должности. Увеличение числа административных должностей и канцелярской работы как в промышленности, так и в государственном управлении позволило женщинам, особенно из числа представителей среднего класса, сделать новую карьеру, соот-

ветствующую их статусу. Однако несмотря на новые карьерные возможности, которые давало получение начального, среднего и высшего образования финским женщинам, по-прежнему существовали структурные и законодательные препятствия, осложняющие профессиональную карьеру женщин.

Е.А. Баум
Москва, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Бросая вызов устоям: недолгая академическая жизнь Х. Брукс, одной из пионерок в изучении радиоактивных явлений

Вклад канадской ученой Харриет Брукс в изучение феномена радиоактивности на протяжении многих лет оставался незамеченным. Но именно она первой обнаружила радиоактивный газ, выделяющийся в процессе распада тория, и сделала вывод о превращении химических элементов. На основе ее исследований Э. Резерфордом и Ф. Содди была выдвинута гипотеза радиоактивного превращения, или превращения одного элемента или изотопа в другой, имевшая ключевое значение в развитии ядерной физики и химии и принесшая Э. Резерфорду Нобелевскую премию по химии. Лишь в 1980-е годы вклад Харриет Брукс в развитие науки о радиоактивности был переосмыслен и назван одним из фундаментальных. В 2002 г. ее имя было внесено в Канадский научно-технический зал славы (Canadian Science and Engineering Hall of Fame).

Харриет Брукс (1876, г. Эксетер, Онтарио – 1933, Монреаль) была третьей из девяти детей семьи Джорджа Брукса и его жены Элизабет Уорден [1]. Отец Харриет работал в мукомольной промышленности. После того, как у него сгорела собственная мельница, семья финансово очень нуждалась. «Недостаток возможностей и соответствующей родительской поддержки», как отмечала в своих воспоминаниях дочь Х. Брукс, Элизабет [2], очевидно, подтолкнули Харриет к поступлению в университет (1894): ей хотелось успешности, чтобы ею гордились. По тем временам это было невероятно смелым решением. Лишь двенадцать лет прошло с тех пор, как первая женщина в Канаде смогла получить высшее образование. Множество людей, скованных стереотипа-

ми викторианской эпохи, по-прежнему считали, что женщин нельзя допускать к высшему образованию. Собственно, и сами первые женщины, осваивавшие «гранит науки», порой находились в сомнениях по этому поводу. М. Кэри Томас, окончившая Корнеллский университет и затем поступившая в аспирантуру университета Джона Хопкинса в Нью-Йорке многими годами ранее Х. Брукс, писала: «Страстное стремление женщин моего поколения к высшему образованию сопровождалось ужасным сомнением, ощущаемым как самими женщинами, так и мужчинами, относительно того, являются ли женщины как пол физически и умственно подходящими для этого. <...> Я постоянно задавалась вопросом: могло ли это действительно быть правдой, как все считали, что мужчины умнее женщин?» [5]. Получение высшего образования позволяло женщине в то время (если говорить об американских и канадских университетах) добиться в конечном итоге должности преподавателя (должность наиболее высокооплачиваемая по сравнению практически со всеми иными вариантами, доступными женщинам на тот момент). Это был самый короткий путь к обретению финансовой независимости.

Женское образование в Университете Макгилла (Монреаль), куда поступила Х. Брукс, спонсировал железнодорожный магнат сэр Д. Смит. Первые курсы обучения осуществлялись раздельно для женщин и мужчин, но с 3-го курса занятия проходили совместно. Экзамены для женщин проводили так же, как и для мужчин, и женщины обладали всеми теми же привилегиями в области обучения, почестей, призов и медалей. Обучаясь в бакалавриате, Х. Брукс ежегодно занимала первые места в рейтинге обучаемых и имела соответствующие премии (по математике, в частности, получила медаль А. Молсон за достижения в этой области) и стипендии для бесплатного образования. В 1898 г., после получения ею диплома бакалавра в области физико-математических наук, причем с отличием, девушку пригласили присоединиться к исследовательской группе Эрнеста Резерфорда, только что прибывшего из Кавендишской лаборатории (Кембридж, Англия). Резерфорда привлек в этом университете новый физический корпус, сооруженный в 1893 г., созданный на деньги табачного магната из Монреаля У. Макдональда. На тот момент данная физическая лаборатория описывалась как лучшая из всех когда-либо существовавших в Северной Америке.

Под руководством Резерфорда первоначально Х. Брукс приступила к изучению электрических и магнитных явлений. В этом направлении ею вскоре была выполнена магистерская работа. Это была первая магистерская степень в Университете Макгилла, присужденная женщине.

Вскоре Брукс заняла должность преподавателя в Королевском колледже Виктории, открытом в 1900 г. специально для обучения женщин, но не прерывала занятия в лаборатории Резерфорда. В это время ей поручили заняться изучением эманации тория, ее природы. В январе 1900 г. Резерфорд сообщил, что торий, помимо обыкновенного радиактивного излучения, выделяет некоторое радиоактивное вещество (emanation). Было неясно, является ли эманация радиоактивным газом, паром или мелкодисперсным порошком. Брукс показала, что эманация отличается от известных в то время альфа- и бета-частиц, она являет собой радиоактивный газ с более низкой молекулярной массой, чем родительский элемент торий. Он известен сейчас как торон, или радон-220, один из изотопов радона. Аналогичные исследования проводились ею по определению скорости диффузии эманации радия в воздух и другие газы. Таким образом, ученая показала, что радиоактивные вещества могут подвергаться последовательному распаду [3; 4]. В 1903 г. Резерфорд и Содди на основе ее экспериментов выдвинули и одновременно доказали свою революционную идею о «трансмутации» элементов путем распада атомов.

В 1901 г. Брукс выиграла стипендию для обучения в докторантуре по физике в колледже Брин Маур в Пенсильвании. Резерфорд договорился о том, чтобы она смогла выполнять исследования в рамках стипендии в Кавендишской лаборатории при Кембрижском университете (руководитель Дж.Дж. Томсон). Позже Брукс работала в лаборатории Марии Кюри, познакомившись с ученой в Италии во время своего известного вояжа на Капри с Максимом Горьким и его гражданской женой Марией Андреевой (1906–1907). С М. Кюри в своих воспоминаниях ее выгодно сравнивал Резерфорд.

Жизнь исследовательницы представляет интерес не только тем, чего она достигла, но и проблемами, с которыми она столкнулась как женщина-ученый, новатор начала XX в. Несмотря на несомненные достижения Х. Брукс в науке, ей в конечном итоге пришлось отказаться от своей исследовательской карьеры,

столкнувшись с непреодолимыми возражениями в научном сообществе против женщин, которые хотели вести одновременно как профессиональную, так и семейную жизнь.

Список литературы

1. *Rayner-Canham M.F., Rayner-Canham G.W.* Harriet Brooks: Pioneer Nuclear Scientist. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1992. XX, 168 p.

2. *Rayner-Canham M.F., Rayner-Canham, G.W.* Reminiscences of Elizabeth (Brooks) // Harriet Brooks: Pioneer Nuclear Scientist Montreal: McGill-Queen's University Press, 1992. P. 128.

3. *Rutherford E.* Emanations from radio-active substances // Nature. 1901. Vol. 64. P. 157–158.

4. *Rutherford E., Brooks H.T.* The new gas from radium // Transactions of the Royal Society of Canada. 2nd Series. 1901. Vol. 7. Sec. 3. P. 21–25.

5. *Thomas M.C.* Present tendencies in women's college and university education // Educational Review. 1908. Vol. 35. P. 64–85.

Е.В. Ковалевская

Москва, Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Женский вклад в российскую науку XIX–XXI вв.: обобщая биографии женщин-ученых

Современное инновационное знание и науку в обществе невозможно формировать и развивать без достаточного числа качественно подготовленных научно-исследовательских кадров. Женские кадры играют важную роль и во многом определяют состояние российской науки в конце XX и XXI в. В то же время по ряду причин женщинам почти всегда было сложно в полной мере реализовать себя в научной сфере. Очень часто для женщины, занимающейся наукой, актуальной является проблема, как совместить научную жизнь и семейную.

Жизнь женщин-ученых и гендерную ситуацию в отечественной науке в разные периоды истории (дореволюционной и советской) всесторонне исследовала и описывала российский историк и антрополог Н.Л. Пушкарёва. В послевоенные годы в отечественной литературе и кинематографе стали пропагандировать и

романтизировать образ женщины-ученой, которая предана только науке и не имеет семьи и детей. В обществе доминировала установка на то, что в будущем, когда девочка, вырастет и выйдет замуж, она должна будет заботиться о семье и детях в большей мере, чем ее спутник жизни, поэтому преданность профессии в ущерб семье и детям была уделом немногих женщин, избравших науку как профессиональную сферу своей деятельности. Во все времена развития науки в России в общественном сознании доминировали установки, согласно которым рождение детей в семьях мужчин-ученых не мешает им реализовывать их личные научные планы, не мешает их профессиональной деятельности, поэтому этот факт заслуживал только одобрения и социального признания со стороны окружающих. В то же время рождение ребенка у женщины, занимающейся научной деятельностью, воспринималось как отрицательное событие для осуществления дальнейшей профессиональной деятельности, поэтому окружающие и работодатели могли считать, что она, пусть даже и временно, будет работать не в полную силу, ее не рекомендовалось посылать в командировки и задействовать в серьезных научных проектах. Исследования, проведенные Н.Л. Пушкарёвой среди российских женщин-ученых, показали, что, в отличие от западных женщин-ученых, для большинства россиянок семья и рождение ребенка не являлись препятствием для их научной работы и они успешно совмещали научную деятельность и семейные обязанности, особенно в тех случаях, когда им в этом помогали их мужья [4; 5; 6; 7].

В этой связи следует вспомнить о научном пути одной из первых женщин-ученых – математике С.В. Ковалевской, которая была первой из женщин, кого пригласили в качестве доцента, а менее чем через год (в 1884 г.) назначили ординарным профессором Стокгольмского университета. В университете, кроме чтения лекций, Софья Васильевна должна была участвовать в заседаниях совета и имела право голоса наравне с прочими профессорами, что невозможно было в то время в России. За год пребывания в Швеции С.В. Ковалевская написала самую важную из своих математических работ, за которую получила премию от Парижской академии наук [2]. Позже, в 1899 г., ее успехи были признаны в России, и она была избрана членом-корреспондентом Петербургской академии наук. Весь этот путь ей было бы сложно осуществить без качественной предвари-

тельной подготовки, без хорошего начального домашнего образования, которое она получила благодаря усилиям ее родителей. Вне семьи и без родительской поддержки и одобрения стремлений к знанию путь в науку для женщины в дореволюционной России был очень сложным и трудноосуществимым.

В.В. Корвин-Круковский – отец Софьи Васильевны – серьезно и ответственно занимался воспитанием и образованием своих детей. Он не любил полумер и произвел настоящий переворот в самой системе их воспитания, соединив одновременно строгое воспитание и серьезное домашнее обучение. Будущий математик начала серьезно относиться к своему обучению дома с 1858 г., и именно в тот год Вышнеградским в Петербурге была открыта первая женская гимназия, которая имела важное значение в истории женского образования в России. В Петербург Софья Васильевна с сестрой приехали именно в то время (1867–1868), когда среди молодых женщин и девушек наблюдалось стремление к высшему образованию, и среди всех женщин, кто хотел его получить, Софья Васильевна была наиболее подготовленной к нему благодаря своему хорошему домашнему образованию. По свидетельству современников, женские гимназии в первые десятилетия своего существования давали мало научной подготовки обучающимся в них, поэтому даже лучшие ученицы по окончании гимназии должны были брать дополнительно частные уроки индивидуально или организуя кружки, в зависимости от доходов обучавшихся. В этот период, в 1860-е годы, мужчины увлекались женским вопросом и были союзниками женщин, которые хотели получить высшее образование. Продолжить свое образование, получить высшее образование в то время российские женщины могли только за границей. Точно так же и юная Софья Васильевна достичь своей цели – получить высшее образование в университете – могла только за границей. Поэтому она вступила в фиктивный брак с В.О. Ковалевским, который окончил курс правоведения и славился необыкновенным знанием языков, в то же время он имел склонность к естественным наукам и хотел ехать учиться за границу. Фиктивный брак между двумя молодыми учеными скоро стал реальным, и позже, после возвращения в Россию, у них родилась единственная дочь. Можно сказать, что это один из первых примеров семьи молодых ученых в дореволюционной России.

В 1878 г. были открыты Высшие женские курсы, которые считали началом женских университетов. В создании курсов участвовали женщины, получившие образование за границей, и в их числе активное участие принимала С.В. Ковалевская, которая на первом же собрании была выбрана членом комитета. Но в то же время читать лекции на курсах ее не пригласили, несмотря на то, что она предлагала читать их на курсах бесплатно. Это ей было нужно для того, чтобы вновь вернуться в сферу своих научных интересов из круга житейских забот. Ее последующие работы, созданные после шестилетнего перерыва в занятиях математикой, доказали, что полученные и усвоенные ею знания и навыки трудолюбия были тем прочным богатством, которое нельзя ни отнять, ни потерять [3].

Исследования о положении женщин, чья профессиональная деятельность связана с наукой и высшим образованием, свидетельствуют о том, что и в современной России женщинам-ученым приходится сталкиваться с трудностями, совмещая профессиональные и семейные обязанности, и значительная часть работников вузов, в первую очередь женщины, ощущают конкретные проявления гендерного неравенства в высшей школе. Это относится к вопросам оплаты труда, должностного роста, общих дискриминационных установок. Изменения, которые происходят в наше время в высшей школе, ведут к негативным последствиям и вызывают обострение гендерных проблем, делают их более явными, и происходит это из-за того, что принятие решений осуществляют мужчины, которые выбирают иерархическую, жестко конкурентную модель управления [1].

Список литературы

1. *Горшкова И.Д., Мирясова О.А.* Гендерное неравенство в современной российской высшей школе // Женщина в российском обществе. 2020. №. 1. С. 29–44.
2. *Ковалевская С.В.* Воспоминания. Повести: К 125-летию со дня рождения / послесл. М.В. Нечкиной; примеч. П.Я. Кочиной, А.Р. Шкирич. М.: Наука, 1974. 559 с.
3. *Литвинова Е.Ф.* С.В. Ковалевская: (Женщина-математик): Ее жизнь и ученая деятельность. СПб.: Ф. Павленков, 1894. 92 с.
4. *Пушкарёва Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 495 с.

5. *Пушкарёва Н.Л.* Женщины в российской науке конца XX – начала XXI века: обобщение количественных характеристик // Женщина в российском обществе. 2010. № 3. С. 24–35.
6. *Пушкарёва Н.Л.* «Нелегко говорить об этом»: женщины-ученые о влиянии научных занятий на их личную и семейную жизнь // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 3. С. 105–119.
7. *Пушкарёва Н.Л.* Общая линия жизни и репрезентация успешности в автобиографиях и автобиографических интервью женщин-ученых // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2014. Т. 1. № 1. С. 15–27.

С.В. Краюшкина
Тула, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
О.И. Секенова
Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Публикационная активность российских женщин-историков второй половины XIX – начала XX в.

Антропологический ракурс изучения отечественной академической культуры позволяет рассматривать трудный процесс получения научных результатов через внутреннюю оптику ученого. Институционализация российской науки во второй половине XIX – начале XX в. совпала с расширением социальной базы академической среды. Появление в Российской империи женщин, профессионально занимающихся наукой, заставило ученое сообщество адаптироваться к стремительному изменению корпоративных отношений. Хотя профессиональный опыт первых российских женщин-ученых дореволюционной эпохи неоднократно был предметом научного исследования (наиболее значимы работы Н.Л. Пушкарёвой [4], О.А. Вальковой [2]), множество деталей их профессиональной повседневности до сих пор остаются неизученными.

Один из маркеров научного труда, по которому сегодня оценивается эффективность работы ученого, – его публикационная активность. Но и в XIX в. публикация научной работы была одним из ключевых этапов презентации результатов своего иссле-

дования. Могли ли первые женщины-историки рассчитывать на издание своих работ или были вынуждены в основном писать в стол? Как профессиональное сообщество относилось к первым дилетантским опытам исторических исследований, принадлежавшим «ученым дамам»? Ответить на эти вопросы позволяет изучение автодокументальных текстов, созданных женщинами-историками, в которых они делились своими переживаниями, связанными с первыми шагами в науке.

А.О. Ишимова, первая женщина-историк в России, адаптировавшая курс русской истории для детского чтения, печаталась много и весьма успешно. Одним из первых исследователей, положительно оценивших ее труды, стал литератор П.А. Плетнев, добившийся издания «Истории России в рассказах для детей» на средства Академии наук [3]. Успех книги и высокая оценка популяризации истории для детей позволили А.О. Ишимовой впоследствии пользоваться финансовой помощью царской семьи для издания новых работ и журналов для девочек. Случай А.О. Ишимовой был уникальным: остальные исследовательницы сталкивались с более серьезными трудностями при публикации своих работ.

Во второй половине XIX в. первые русские женщины-историки уже дерзали публиковать свои собственные научные изыскания в научно-популярных журналах, что к тому же хорошо оплачивалось. Зачастую принципиальным условием была публикация под своими инициалами, а в некоторых случаях даже под именами знакомых мужчин: так, например, Н.А. Белозерская сомневалась в том, что статьи, написанные женщиной, напечатают в журнале «Древняя и Новая Россия», поэтому свои работы подписывала именем друга, историка Д.Л. Мордовцева («потому что не примут иначе – я женщина, и это первый случай» [1, с. 933]). Со временем Н.А. Белозерская стала гораздо выше оценивать свой исследовательский труд, поэтому, когда в 1883 г. «Русская старина» предложила ей напечатать ее труд «Царское венчание в России» без подписи, потому что «неудобно ставить женское имя» [1, с. 933], Надежда Александровна сначала хотела разорвать статью, но передумала и отдала текст в конкурирующий журнал «Русская мысль». В дальнейшем все тексты печатались только под ее подписью. История Н.А. Белозерской находит продолжение в том факте, что популярные исторические журналы второй половины XIX в. (такие как «Историческое обозрение»,

«Русская старина», «Русская мысль») зачастую использовали исследования, принадлежащие женщинам, но своим именем тексты подписывать не разрешали, позволяя ограничиваться лишь инициалами. Благодаря настойчивости женщин-историков и их появлению в более серьезных научных журналах (таких как «Журнал министерства народного просвещения»), постепенно, уже к началу XX в., подпись собственным полным именем автора-женщины становится обычной практикой.

Работа в редакциях научно-популярных изданий была прибыльной, но не слишком высоко оценивалась профессиональным сообществом. Неоднократно женщины-историки жаловались на то, как их работы долго лежат в редакциях научных журналов [6, л. 32 об.]. После единственного коммерчески успешного опыта А.О. Ишимовой типографии долгое время не рисковали издавать женские научные работы отдельными изданиями. Показателен пример этнографа П.Я. Литвиновой, которая с 1870-х годов до самой смерти собирала образцы народного искусства, зарисовывала многочисленные виды орнаментов. Собрав значительную коллекцию, П.Я. Литвинова задумалась о ее публикации. Деньги на издание работы она заняла у черниговского историка М.Ф. Шугурова [5, с. 180]. В 1877 г., когда работа была издана, Пелагея Яковлевна переживала тяжелый период: смерть дочери, сложности с публикацией работы. Редактор «Киевского народного календаря» А.Ф. Андрияшев не заплатил полностью обговоренную сумму за «Русские народные узоры», а также был обвинен П.Я. Литвиновой в плагиате. Издательские проблемы преследовали П.Я. Литвинову: решив переиздать дополненную книгу в типографии Беца, она не получила денег, но забрала тираж, а знакомый студент, взявшийся распространить книги в Санкт-Петербурге сначала присылал деньги, потом исчез, оставшись должным 200 рублей [5, с. 188].

Несмотря на активную научную работу женщин-историков, во второй половине XIX в. слишком редко женщины решались самостоятельно публиковать свои работы (это было сопряжено со значительными расходами), тогда как профессиональные издатели боялись отсутствия коммерческого успеха работ женщин-ученых. Постепенное признание профессионализма женщин-ученых сказывалось и на их публикационной активности: в начале XX в. растет количество их опубликованных научных

работ, исследования печатаются в типографии Академии наук, Университетской типографии и частных типографиях Б.М. Вольфа, М.М. Стасюлевича, А.С. Суворина.

** Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 24-78-10005 «Женский голос российской науки 1800–1980-х гг.».*

Список литературы

1. *Белозерская Н.А.* Автобиография // Исторический вестник. 1913, июнь. Т. 132. С. 925–937.
2. *Валькова О.А.* Штурмуя цитадель науки. Женщины-ученые Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 792 с.
3. *Ишимова А.О.* История России в рассказах для детей: в 4-х ч. СПб.: Типография Российской академии, 1837–1840.
4. *Пушкарёва Н.Л.* Женщины-историки в России 1810–1917 гг // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. № 1 (18). С. 228–245.
5. *Спаська Ї.* Пелагея Яковівна Литвинова: Нарис її життя та праці за її рукописами та родинними документами // Етнографічний вісник. 1928. Кн. 7. С. 168–199.
6. *Щепкина Е.Н.* Петербургские курсы и заграница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1.

А.Е. Жукова
Санкт-Петербург, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Наследие женщин-врачей на страницах журналов «Народное здравие» и «Спутник здоровья» рубежа XIX–XX вв.: осмысление темы гигиены детства

Изучение дореволюционной периодической печати по вопросам детской гигиены представляет особый интерес для исследователей, которые обращаются к журналам как ценному источнику по истории детства, повседневности ребенка и окружающей его действительности, его воспитания, образования и развития [1; 2; 3]. Материалы популярных журналов могут быть актуальны и в рамках гендерной истории, поскольку на рубеже XIX–XX вв. в них появляются статьи, авторами которых были женщины, в первую очередь врачи и педагоги.

В двух рассматриваемых журналах – «Народном здравии» и «Спутнике здоровья» – женщины крайне редко встречались среди авторов статей, даже посвященных таким общепризнанно «женским» сферам деятельности, как уход за детьми, содержание и воспитание ребенка. В первом номере журнала «Народное здравие», вышедшем в 1899 г., среди 31 врача, принимавших участие в создании данного выпуска, была лишь одна женщина-врач – К.П. Улезко-Строганова, известный российский врач-гинеколог.

Со временем объем журнальных материалов, созданных женщинами, увеличивался, а тематика их начинала включать самые разнообразные аспекты гигиены детства. В первом номере «Народного здравия» за 1902 г. была представлена статья о подвижных детских уличных играх, которые «далеко не являются одной только забавой, а служат значительным подспорьем для успешного физического развития подрастающего поколения», как писала автор, женщина-врач Е.Д. Вургафт [4, с. 6]. Подробно останавливаясь на физиологической стороне вопроса, она заключила, что «польза подвижных игр неисчислима, – правильной организацией их не раз удается вялым и хилым детям вернуть бодрость и игривость, бледным, без кровинки в лице, прибавить краски, и тупому, усталому взгляду сообщить бойкость и живость» [4, с. 10].

Тот же автор, Е.Д. Вургафт, обращалась на страницах журнала «Народное здравие» к такой важной теме, как нервные болезни у детей [6; 7; 8]. Признаками т.н. истерии считались ограниченные параличи (поражена одна из конечностей или ее часть), истерические судороги, заикание, расстройства психики, чрезмерная эмоциональная чувствительность, умственная отсталость, клептомания и даже пиромания, а среди причин, ее вызывавших, называлась в первую очередь наследственная предрасположенность, нерациональное воспитание и школьное переутомление [7, с. 138–139]. Автор отдельно остановилась на мерах предотвращения проявления данного недуга, связанных именно с тщательным и терпеливым уходом за ребенком. Рекомендации включали использование воды средней температуры для купания, отказ от раннего закаливания, преимущественно грудное вскармливание, тишину и покой в детской комнате, отсутствие излишней эмоциональной нагрузки [7, с. 139–141].

В журнале «Спутник здоровья» доктор Е. Давыдова обращалась к вопросу, традиционно волнующему матерей – нужно ли пеленать новорожденного [11, с. 805–806]. «…Пеленание должно быть совершенно изгнано из употребления и заменено чем-нибудь другим», – к такому заключению пришла женщина-врач [11, с. 806]. Она рассмотрела английский опыт отказа от пеленания в пользу специальной одежды для новорожденных, негативные последствия тугого пеленания – ухудшение кровообращения, изменения во внутренних органах, особенно в легких, сердце и пищеварительном тракте. Предложена в статье и альтернатива пеленанию – специальный детский конвертик, который обеспечивает ребенку не только свободу движений, но и тепло и уют [11, с. 806].

Доктор С. Бушина написала серию статей о питании детей раннего возраста [9; 10]. Она подвергла критике однообразное и несбалансированное питание, отмечая важность полноценного рациона маленьких детей. «Сколько матерей искренно убеждены, что всё спасение – в мясе, и желая упитать своего ребенка, сделать его розовеньким, полненьким, кормят его исключительно мясными котлетками», – отмечено в статье [9, с. 643]. Доктор призывала разнообразить рацион растительной пищей – овощами и фруктами, а также молочными продуктами, хлебом, рыбой и птицей, а не ограничивать питание мясом и мясными бульонами. Кроме того, необходимыми при приготовлении блюд для детей автор считала соль и сахар как «лучшие приправы для пищи детей» [10, с. 675].

Автор А. Прошинская писала о такой актуальной теме, как детские игры и игрушки. Первой проблемой, которую она отмечала, было пресыщение игрушками в относительно богатых семьях, отсутствие у детей из таких семей концентрации внимания и частые капризы и «скуку». Вторым негативным моментом была организация раздельных игр для мальчиков и девочек, что автор считала неправильным и вредным. Более того, сами игры и игрушки должны быть для детей обоих полов одинаковы. «Само собою разумеется, что игрушки необходимы; но в сущности же, не игрушки именно, а предметы, которыми бы дети занимались, и таким образом привыкали бы заниматься самостоятельно…», – заключала А. Прошинская [5, с. 821–823].

Подводя итоги, можно отметить, что среди авторов популярных журналов, посвященных вопросам семейного здоровья и гигиены детского возраста в том числе, на рубеже XIX–XX вв. росло число женщин-врачей, которые обращались к наиболее актуальным вопросам ухода, воспитания, физического развития ребенка, сохранению и укреплению здоровья детей. Женщины в рамках освещения данной темы для широкой публики могли иметь существенное преимущество, будучи не только профессиональными врачами, но и зачастую обладая личным опытом материнства и ухода за ребенком.

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421, https://rscf.ru/project/22-18-00421/, в рамках проекта «Гигиена детства в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии в середине XVIII – начале XX в.».*

Список литературы

1. *Бурлуцкая Е.В.* «У меня игрушек много...». Предметный мир детской досуговой повседневности на рубеже XIX–XX вв. по материалам периодических изданий // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: Материалы международной научной конференции, 6–8 апреля 2023 г., Санкт-Петербург: в 2-х т. / отв. ред. В.А. Веременко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2023. Т. 2. С. 222–228.
2. *Бурлуцкая Е.В.* Воспитание через «равновесие духа и тела». Физическое развитие детей в пореформенном Оренбурге сквозь призму региональной прессы на рубеже XIX–XX вв. // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 628–639.
3. *Гайманова Е.В.* Дореволюционные журналы для детей и юношества как средство инкультурации // Вестник МГУКИ. 2012. № 1 (45). С. 88–92.
4. Гигиеническое значение подвижных детских игр // Народное здравие. 1902. № 1.
5. Детские игры и игрушки // Спутник здоровья. 1901. № 51.
6. Истерия у детей // Народное здравие. 1902. № 4.
7. Истерия у детей // Народное здравие. 1902. № 5.
8. Истерия у детей // Народное здравие. 1902. № 6.
9. Кормление детей раннего возраста // Спутник здоровья. 1901. № 40.
10. Кормление детей раннего возраста // Спутник здоровья. 1901. № 42.
11. Пеленание новорожденных // Спутник здоровья. 1901. № 50.

В.В. Слискова
Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН;
Российский государственный гуманитарный университет

«Работа врача на опасном посту»: заведующая лечебно-воспитательной колонией Наркомздрава М.И. Попова-Беспалова (1918–1924)

В период конца 1910-х – первой половины 1920-х годов вопрос детской беспризорности и безнадзорности, спровоцированный военно-политическим и социально-экономическим кризисом (эпидемии, голос, обнищание, потеря родителей), стал особенно острым и требовал незамедлительного решения со стороны власти и общества. С целью преодоления сложившейся ситуации в стране была развернута сеть специальных учреждений, в задачи которых входила работа с детьми-беспризорниками, их (пере)воспитание и социализация [3; 4]. Так, в 1918 г. в структуре Государственного института дефективного ребенка Наркомздрава РСФСР (далее – ГИДР, Гиндефреб) в Москве была основана лечебно-воспитательная колония для морально-дефективных детей (далее – ЛВК). Наряду с такими учреждениями, как лесные школы и «санатории-колонии», деятельность ЛВК была направлена на работу с детьми, оставшимися без родительского надзора и страдавшими от различных психических заболеваний: «Одним из наиболее ценных и необходимых звеньев в цепи учреждений по борьбе с детской беспризорностью является ЛВК для тяжелых асоциальных и антисоциальных психопатов» [5].

Непосредственной работой с детьми занимались следующие специалисты: врач-психиатр – заведующий колонией, врач-психиатр – ординатор, педагоги-психологи, педагоги-воспитатели, инструкторы и няни. Именно на должность ординатора ЛВК была принята врач-психиатр с семилетним стажем Мария Ивановна Попова-Беспалова (1886–?). М.И. Попова-Беспалова в 1912 г. «окончила медицинский факультет в Москве [и] по окончании была оставлена интерном в психиатрической клинике Высших женских курсов при Преображенской больнице, где и провела трехлетний стаж до 1 июля 1915 г.» [6, л. 126]. Затем с 1915 до

1918 г. работала врачом-ординатором в «психиатрической организации Красного Креста Северо-западного фронта на [сборном] пункте в [Вильно], Пскове, Минске и Смоленске» [6, л. 126]. Также М.И. Попова-Беспалова заведовала на протяжении одного года психиатрическим отделением Минской еврейской больницы. В июне – октябре 1918 г. состояла заведующей психиатрическим лазаретом Красного креста в Химках, после чего 5 октября перешла на службу в Гиндефреб, где до января 1920 г. работала в «Школе – нервной санатории», а затем в ЛВК [6, л. 126]. Спустя некоторое время Мария Ивановна была назначена заведующей колонией, оставив при этом за собой должность врача-ординатора и продолжив практическую и исследовательскую работу с детьми-правонарушителями [6, л. 45]. Как отмечал коллега Марии Ивановны и бывший заведующий ЛВК Т.Е. Сегалов в 1924 г., «работа, которую она (Попова-Беспалова. – *В.С.*) ведет сейчас, как по ответственности, так и по опасности и вредности должна быть приравнена к работе врача на особо опасном посту» [1, л. 1]. При этом он сравнил деятельность М.И. Поповой-Беспаловой в ЛВК с работой в «тифозном или холерном бараке» [1, л. 1], что довольно ярко характеризовало и объем, и сложность выполнения возложенных на нее обязанностей.

Мария Ивановна являлась одной из немногих сотрудниц, которым было доверено руководство подразделением научного института (Гиндефреба Наркомздрава) в первой половине 1920-х годов. Так, она не только продолжила свою карьеру в практическом поле после 1917–1918 г., когда были приняты ряд законодательных актов в сфере высшего образования и науки, способствовавшие активному вхождению женщин в научное сообщество [2, с. 98], но и заняла административную должность в одном из вновь учрежденных научно-исследовательских институтов. Научная, творческая биография М.И. Поповой-Беспаловой представляет интерес как в контексте изучения истории самой ЛВК, так и с точки зрения анализа карьерной траектории сотрудницы, занимавшей административную должность и выполнявшей исследовательскую и практическую работу в сфере детской психопатологии и психиатрии в конце 1910-х – первой половине 1920-х годов. Реконструировать биографию М.И. Поповой-Беспаловой позволяет комплекс документов, сохранившихся в фонде ЛВК в Центральном государственном архиве г. Москвы (№ 2098) и личном фонде ее супруга, Л.Х. Попо-

ва (№ Р-9572), и фонде Наркомздрава (№ А-482) в Государственном архиве Российской Федерации.

** Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 24-78-10005 «Женский голос российской науки 1800–1980-х гг.».*

Список литературы

1. ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 42. Д. 521.
2. *Долгова Е.А., Стрельцова Е.А.* «Добро пожаловать в клуб»: положение женщин в советской науке 1920-х годов // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 97–107.
3. *Железова Н.П.* Школа социально-индивидуального воспитания им. Ф.М. Достоевского (1920–1925 гг.): практика воспитания беспризорных // Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. М.: Изд-во «Политическая энциклопедия», 2019. С. 155–157.
4. *Кара И.С.* История создания специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа в России советского и постсоветского периода // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2014. № 16 (187). С. 133–135.
5. Роль Наркомздрава в борьбе с детской беспризорностью // Известия. 1924. № 61. С. 5.
6. ЦГАМ. Ф. 2098. Оп. 1. Д. 2.

И.А. Маланичева
Москва, Научно-исследовательский институт по изысканию новых антибиотиков им. Г.Ф. Гаузе

«Женские роли» в истории первых отечественных антибиотиков: З.В. Ермольева (1898–1974) и М.Г. Бражникова (1913–1998)

История появления в нашей стране пенициллина и грамицидина С, полученных в военном 1942 г., связана с именами двух выдающихся ученых дам: Зинаиды Виссарионовны Ермольевой и Марии Георгиевны Бражниковой, чьи научные открытия спасли жизни множеству людей как во время войны, так и в мирное время. Жизнь каждой из них сложилась по-своему.

З.В. Ермольева, медик по образованию, на протяжении всей своей научной работы искала средства против инфекцион-

ных заболеваний. В разное время она занималась (по отдельности или одновременно) бактериофагами, вакцинами, лизоцимом, интерфероном, и, наконец, антибиотиками (после пенициллина под ее руководством был открыт еще целый ряд антибиотиков микробного и животного происхождения). Зинаида Виссарионовна была прирожденным лидером как в «генерировании» идей, так и в создании условий для работы и подбора исполнителей. Именно ей принадлежала ведущая роль в разработке каждого лекарственного средства и руководства по осуществлению ее замыслов. На определенном этапе она была директором организованного ей же Института биологической профилактики инфекций, впоследствии ставшего Институтом пенициллина, а затем Институтом антибиотиков [2].

А вот личную и частную жизнь Зинаиды Виссарионовны, на фоне которой осуществлялась ее фантастическая научная карьера, к сожалению, нельзя назвать успешной. Первый брак в Л.А. Зильбером (1894–1966) закончился мучительным для нее разводом, а второе замужество и вовсе было оборвано смертью мужа – А.А. Захаров (1895–1938) погиб в результате репрессий 1930-х гг. Она жила с мамой, которую перевезла из Новочеркасска вскоре после того, как обзавелась в Москве собственным жильем. Из всей большой казачьей семьи Ермольевых после 1917 г. в России остались только мама, Александра Гавриловна (1867–1960) и две дочери – Елена (1894–1963) и Зинаида. Старший брат Александр пропал без вести, а три младших брата эмигрировали с потоком белого казачества. Поэтому в условиях советской действительности семью и близких Зинаиды Виссарионовны всю жизнь преследовал страх раскрытия этой семейной тайны, возможного ареста и т.д. [2].

М.Г. Бражникова по образованию была биологом. Во время учебы в МГУ и последующей аспирантуры она познакомилась с Г.Ф. Гаузе (1910–1986), который уже тогда был известным ученым, доктором наук. Они поженились перед войной, в 1940 г. у них родился сын Георгий. С началом войны Г.Ф. Гаузе, до этого работавший в области экологии, занялся совершенно новой тогда областью науки – антибиотиками. Здесь безусловным лидером был он. Мария Георгиевна, получившая специальность биохимика, стала работать вместе с мужем. И им улыбнулась удача, они

получили химически оригинальный антибиотик грамицидин С, который оказался эффективным в лечении гнойных ран [1].

Дальнейшая их жизнь – и в работе, и в семье – сложилась удачно. Со временем они вместе с коллегами создали Институт по изысканию новых антибиотиков, открыли и внедрили в медицинскую практику множество антибиотиков. Большую поддержку в воспитании маленького сына им оказали родители Марии Георгиевны. Однако нельзя сказать, что их жизнь была безоблачной. Были опасные периоды с угрозой ареста Г.Ф. Гаузе, но, к счастью, эта беда их миновала [3].

Список литературы

1. *Галл Я.М.* Георгий Францевич Гаузе (1910–1986). СПб.: Нестор-История, 2012. 236 с.
2. *Маланичева И.А.* Вклад З.В.Ермольевой (1898–1974) в развитие отечественной микробиологии, эпидемиологии и медицины // История науки и техники. Музейное дело. Наука и общество. (Материалы XII Международной научно-практической конференции. 4–6 декабря 2018 года). 2019. Вып. 11. С. 163–168.
3. *Маланичева И.А.* Г.Ф. Гаузе и М.Г. Бражникова – создатели новых антибиотиков // История науки и техники. Музейное дело: Материалы XV Международной научно-практической конференции 8–9 декабря, 2021, Москва. 2022. Вып. 14. С. 322–325.

Я.В. Горбатенко

Санкт-Петербург, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Академические карьеры женщин в медицине в Ленинграде в 1920–1930-е годы

Изучение женщин в медицине является важной точкой в понимании положения женщины не только в науке, но и в обществе, поскольку медицина была первой научной областью, в которую российские женщины получили официальный доступ еще XVIII в. через повивальные курсы [4]. В XIX в. были открыты курсы медицинских сестер, выпускницы которых оказали большую помощь русской армии в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. [5]. Несмотря на это, в 1882 г. прием на курсы был прекращен из-за начавшейся активной деятельности феминистического движения, которое стремилось добиться равного доступа

к высшему образованию и рабочим местам [1, с. 431]. Во время Первой мировой войны возникла проблема нехватки медицинских кадров, что способствовало созданию специальной комиссии, привлекшей женщин к медицинской военной службе [2].

Революция 1917 г. на законодательном уровне закрепила гендерное равноправие в России. Советская политика в 1920-е годы стала способствовать включению женщин во все сферы жизни общества. Реорганизация системы образования и появление большого количества высших учебных учреждений дали женщинам больше рабочих мест. Рабочие места также появились в связи с сокращением мужского населения из-за Первой мировой и Гражданской войн [3].

Вхождение женщин в медицинскую научную сферу напрямую связано с процессом женской эмансипации. Эмансипация представляет собой социальную дифференциацию общественных групп, становление социальных и культурных институтов, а также процесс становления новой личности. Она имела двухстороннюю направленность: «снизу» со стороны самих женщин и «сверху», т.е. и со стороны мужчин – группы лиц, обладающей большей властью в обществе. Женщины своим стремлением получить равный доступ к науке способствовали изменению сложившегося гендерного строя, создавая новые формы гендерной идентичности В традиционных обществах *гендер* неотделим от пола. Пол понимается как заданная биологическими критериями социально одобренная и принятая определенность. Социально принятая определенность пола выражается через принятые и одобренные социумом категории признака пола. Гендер конструируют, создают индивиды, но он проявляется исключительно в ходе социального взаимодействия. Создание (конструирование) гендера состоит в управлении ситуациями таким образом, что поведение рассматривается как гендерно соответствующее или намеренно несоответствующее. Характерная особенность происходивших изменений в социальном конструировании гендера – это его осознанный и осознаваемый характер. Конструирование новых форм гендерной идентичности проявлялось в создании новых образцов поведения и новых, непривычных форм гендерной атрибуции [6].

Гендерная идентичность женщин, решивших строить научные карьеры в конце XIX – начале XX в. была проблематична,

т.к. они конструировали свой гендер иначе, чем было принято; из-за этого возникали проблемы с интерпретацией гендерного дисплея этих женщин, что вызывало резкую негативную реакцию у приверженцев традиционных ценностей.

В исследовании анализируется, как отдельные женщины входили в науку и развивали свои академические карьеры, тем самым конструируя новые гендерные роли. Производится сравнительных анализ тех ученых, которые работали в Ленинграде, и тех, кто эмигрировал за рубеж. Опыт русских женщин также рассматривается в глобальном контексте эмансипации и вхождения женщин в науку в других европейских странах. Так выстраивается более широкая картина изменений в положении женщин на рубеже веков. Основными источниками исследования стали справочники научных сотрудников, биографический словарь, научные статьи, архивные документы.

Список литературы

1. *Валькова О.* Штурмуя цитадель науки. Женщины-ученые Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 792 с.
2. *Гладких П.Ф.* Призыв женщин-врачей на действительную военную службу в России в годы Первой мировой войны // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А .Семашко. 2014. № S1. С. 50–52.
3. *Долгова Е.А., Стрельцова Е.А.* «Добро пожаловать в клуб»: положение женщин в советской науке 1920-х годов // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 97–107.
4. *Мицюк Н.А., Белова А.В.* Акушерский труд как первая официальная профессия женщин в России в XVIII – начале XX в // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 270–285.
5. *Невоструев Н.А., Лядова В.В.* Исторический опыт деятельности женщин в Российской медицине // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 8–1 (62). С. 127–134.
6. *Рабжаева М.В.* Женская эмансипация в России: эксперименты по гендерному конструированию // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 18–31.

О.А. Валькова
Москва, Институт истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН

Первые советские женщины-физики: забытое наследие

Еще примерно десять лет тому назад в профессиональном сообществе историков науки относились очень скептически к существованию в истории физики женщин-физиков, сделавших нечто достойное исторических анналов. Однако за последние годы появился целый ряд работ, в том числе биографических книг, статей, тезисов различных конференций и даже специальных научных сборников, выпущенных в честь отдельных женщин-физиков [3; 4; 5; 6; 7; 8], которые начали активное наступление на подобную точку зрения. Тем не менее каких-то обобщающих работ, посвященных первым советским женщинам-физикам и их наследию, как научному, так и организационному, литературному и др., практически нет.

В 1940 г. вышел юбилейный том «Записок Московского университета», посвященный физике. В нем подробно описывалась не только история преподавания физики в университете, но и результаты работы многочисленных научных лабораторий. Описывая те или иные значимые с их точки зрения результаты, авторы называли немало женских фамилий, работавших без преувеличения в каждой физической лаборатории Московского университета. Имена эти, однако, перечислены очень скупо, иногда даже без имен/отчеств: «Исследования П.П. Храмова и М.М. Львовой, Д.Ф. Феденева, Д.И. Волкова и К.П. Белова показали…» [9, с. 212]; «Бесспорно огромное практическое значение этих работ (в которых принимали участие Селисский, Тарасова, Чикин, Захарова, Горьянов, Сергеев, Черток и др.)…» [9, с. 209]; «О.И. Велецкая и В.М. Гойтанников в советском пермаллое обнаружили…» [9, с. 215] и т.п. Единственная женщина, чьи работы заслужили отдельного внимания – доктор физико-математических наук, профессор и заведующая межфакультетской кафедрой физики МГУ Александра Андреевна Глаголева-Аркадьева (1884–1945).

Если просмотреть внимательно программы заседаний секций съездов русских физиков, регулярно проводившихся в 1920-е годы, то среди участников также можно увидеть немало женских

имен. Однако большая часть докладов, сделанных женщинами в этот период, была сделана с соавторами-мужчинами. Исключения встречались редко, и среди них уже знакомая нам Глаголева-Аркадьева, Мария Афанасьевна Левитская (1883–1963), также доктор физико-математических наук и заведующая созданной ею кафедрой физики Воронежского государственного университета, и пара других.

Когда в ноябре 1936 г. в преддверии Съезда Советов, утверждавшего «Сталинскую конституцию», в Москве провели конференцию женщин-ученых, А.А. Глаголева-Аркадьева отвечала за организацию секции физики, математики и астрономии. Среди ее бумаг сохранились подсчеты количества женщин, работавших по этим специальностям в педагогических институтах РСФСР, на основе данных, предоставленных, по-видимому, Наркомпросом. Среди них оказалось 7 директоров различных институтов, 11 помощников директоров, 3 заместителя директора, 24 декана, 25 заведующих кафедр [2, л. 120–120 об.]. Подсчеты эти, скорее всего, очень приблизительны. Какой-либо точной статистики количества женщин, работавших по физико-математическим специальностям в 1920-е – начале 1940-х годов, нет. Стенограмма заседаний Московской конференции женщин-ученых в настоящее время не обнаружена. Сохранился только доклад А.А. Глаголевой-Аркадьевой о ее личной работе. Однако нам удалось найти стенограмму Первой конференции женщин-ученых Ленинграда, организованной в марте 1937 г. в Ленинграде, включая и выступление, посвященное деятельности ленинградских женщин-физиков. Характеризуя работу ленинградских женщин-физиков, Мария Федоровна Романова (1892–1959), с 1933 г. занимавшая должность заместителя начальника сектора прикладной физической оптики в Оптическом институте, сказала следующее: «Число женщин физиков, работающих в различного рода физических лабораториях, не так много. Целый ряд из их числа уже имеет законченные интересные и ценные работы, но число женщин, которые ведут самостоятельную работу в области физики гораздо меньше, чем в области биологических наук, истории, медицины и химии» [10, л. 76]. Это замечание хорошо коррелирует с подсчетами, сделанными в 1936 г. на основании анкет, заполненных московскими женщинами-учеными, занимавшими должности ученых специалистов и научных работников 1-го разряда. По

данным московских академических учреждений, женщины-физики составляли всего 5% от общего количества женщин-ученых, математики – 3%, в то время как химики 50%, биологи 21% [1, л. 6]. Замечание М.Ф. Романовой, касающееся отсутствия самостоятельных тем для научной работы, также кажется справедливым, если вспомнить о совместных с соавторами докладах большинства женщин на съездах физиков. Пожалуй, можно было бы сказать, что в этот период женщины-физики начали постепенно занимать нишу обслуживающей науки.

Однако такое утверждение будет не полностью справедливым. Перечисляя только несколько заслуг первых советских женщин-физиков, нельзя не упомянуть А.А. Глаголеву-Аркадьеву, создавшую массовый излучатель, с помощью которого ей удалось впервые в мировой истории получить ультракороткие электромагнитные волны; Веру Ильиничну Глебову (1885–1935), создательницу и первого директора Государственного научно-исследовательского института редких элементов (впоследствии Радиевый институт Министерства атомной энергии и промышленности), под чьим руководством впервые в СССР началась промышленная добыча и переработка урановых руд; Зинаиду Васильевну Ершову (1904–1995), в лаборатории и под руководством которой были получены первый в СССР плутоний и многое другое.

На сегодняшний день как ежедневная кропотливая экспериментальная работа первых советских женщин-физиков, укладывающаяся в современное понятие «обслуживающей науки», так и яркие, принципиально важные для страны достижения их, возможно, более талантливых или более удачливых современниц почти одинаково покрыты завесой времени. Их наследие, скрытое в тени, нуждается в таком же кропотливом и тщательном разыскании и исследовании со стороны историков науки, пока каждое имя в безличных списках не будет не только снабжено необходимыми инициалами, но и фактами из жизни живых людей, за этими инициалами скрывающихся, людей, привнесших в наш мир новые знания и новое понимание.

Список литературы

1. Архив РАН. Ф. 411. Оп. 1-1936. Д. 57.
2. Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 161.

3. *Груздева Е.Н.* Женщина в науке: физик-оптик Мария Владимировна Савостьянова // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8. № 2. С. 79–86.
4. *Ермолаева Е.О.* О первых женщинах физиках и математиках Московского университета // Материалы XV Международной научной конференции РАИЖИ. М.: ИЭА, 2022. С. 266–271.
5. Женщины и наука – история и современность. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2007. 448 с.
6. Из истории отечественной физики (Женщины-ученые в Физтехе) / под общ. ред. А.П. Шергина, Г.С. Куликова; ред.-сост. Р.Ф. Витман, Е.В. Куницина. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2008. 265 с.
7. Первая леди советской атомной науки: Сборник статей к 100-летию со дня рождения З.В. Ершовой / под ред. М.В. Владимирской. М.: ВНИИНМ, 2004. 127 с.
8. *Степнов А.О.* Первые ученые-женщины в советской физике – профессора Томского университета В.М. Кудрявцева, Н.А. Прилежаева, М.А. Большанина: гендерные аспекты профессионально-адаптационных практик // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 57. С. 183–192.
9. Ученые записки Московского государственного университета. Юбилейная серия. Вып. LII. Физика. М.: Издание МГУ, 1940.
10. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 11. Д. 207.

Г.И. Лепехина
Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет

Образ Марии Склодовской-Кюри в кинематографе и художественной литературе

Американская журналистка Р. Свейби, стремясь познакомить общественность с достижениями выдающихся женщин-ученых, не привела жизнеописания самой известной среди них – Мари Кюри, т.к. считала ее имя синонимом понятия «женщина науки», предполагая, что о ней все знают [3; 11, с. 14] Так ли это на самом деле? Как люди получают информацию о жизни любой знаменитости? Немногие изучают научные публикации, большинство обращается к художественной литературе или фильмам, где факты представляются в доступном и увлекательном виде. Уже через три года после смерти Марии Склодов-

ской-Кюри в 1937 г. была опубликована первая биография, написанная ее дочерью Евой [4]. Огромная любовь к матери и возможность обратиться к документам из семейного архива предопределили успех книги, на основе которой был создан художественный фильм «Мадам Кюри» [6].

Само название указывает на то, что зритель узнает о замужней женщине, фильм представляет собой мелодраму о любви гениальных людей, достойных друг друга. Первая фраза за кадром – «Она была бедна и красива» – задает тон истории об искренней и возвышенной любви. Студентка, падающая в голодный обморок на лекции, знакомится с рассеянным ученым, который считает необходимым держаться в стороне от женщин, отвлекающих его от истинного призвания – науки. Пьер был потрясен тем, что можно говорить на равных с той, кто привлекает его как реализованная мечта, соединяющая в себе все достоинства: ум, красоту, стремление к научным открытиям. Поэтому брак становится естественным продолжением знакомства и дает обоим возможность реализовать себя. В фильме значительное место занимает показ их работы в лаборатории, преодоления материальных трудностей и препон со стороны недоброжелателей из научного сообщества. О Нобелевской премии как закономерном результате великих открытий впервые упоминается лишь в сцене прихода журналистов в дом Кюри, а один из репортеров, беседуя с милой дамой, не может поверить, что внимательная мать и есть признанный ученый. Мари – настоящая женщина, ее волнует то, в каком платье она получит награду, а муж среди многих дел отмечает, что надо подарить ей серьги. Гибель Пьера становится причиной глубокой депрессии, выход из которой один – необходимость продолжить работу. Трогательная биография мужа, написанная ею в 1924 г., подтверждает это [5, с. 44].

На пике второй волны феминизма в 1970-е годы была опубликована статья профессора Лондонского университета Л. Малви, в которой впервые излагаются основанные на психоанализе важные постулаты феминистской теории кино: художественные фильмы отражают «мужской взгляд», систему ценностей патриархата, а женщины-зрительницы бессознательно усваивают их [7, с. 3]. С этой точки зрения упомянутый выше фильм «Мадам Кюри» – типичный пример «мужского взгляда». В 1997 г. иной «мужской взгляд» предлагает французский фильм в жанре ко-

медии «Награда доктора Шутца» режиссера К. Пиното. Автор с юмором показывает противостояние П. Кюри и французских академиков, рассказывая о любви «нудного ученого» и кокетливой польки, объявившей, что она «позитивистка, борющаяся за свободу». Они становятся супругами, совершившими переворот в физике, преодолев все трудности. О Нобелевской премии даже не упоминается [9]. Киновед Л. Малви не ограничилась критикой существующей в кинематографе традиции, она предложила создать ей альтернативу – женское кино – и даже попыталась осуществить это на практике. С критическим анализом произведений теоретика феминистского кино можно познакомиться в статье И.Е. Герасименко [2].

Феминистское киноведение активно развивалось, многие выводы были подвергнуты критике, появились иные подходы. Итоги развития этого направления феминизма были подведены в работе социолога Е.Р. Ярской-Смирновой [12]. Лишь в XXI в. выходят фильмы, которые можно рассматривать как «женский взгляд» на личность и деятельность гениальной ученой. Первый – «Мария Склодовская-Кюри» 2016 г. французского режиссера Мари Ноэль, принимавшей участие и в написании сценария, акцентирует внимание на семи годах в жизни героини между получением первой и второй Нобелевских премий [8]. Это время признания заслуг гениальной женщины и глубокой трагедии, связанной не только с гибелью мужа, но и с травлей во французской прессе, порицавшей запретный роман с учеником Пьера Полем Ланжевеном. Публикация писем, достоверность которых не установлена, угрозы жены Ланжевена покончить жизнь самоубийством и их скандальный развод, наконец, несостоявшаяся дуэль физика и журналиста превратили эту историю в сенсацию [1, с. 204].

В 2019 г. по мотивам романа Л. Редниса режиссер Маржан Сатрапи сняла фильм «Опасный элемент», стремясь показать разные стороны жизни героини. Кадры ужасных последствий открытия новых элементов – атомные бомбардировки и катастрофа Чернобыля – придают фильму особый драматизм [10]. Сексуальности и любовным переживаниям Марии также уделяется внимание, а ее стремление рьяно отстоять свой научный приоритет воспринимается неоднозначно. К сожалению, упоминаний о разработке методов лечения рака и сведений о значимости «мирного атома» не приводится [1, с. 290–299].

Очевидно, что во всех фильмах не нашли отражения важные моменты жизни М. Кюри. Еще до знакомства с Пьером она уже обладала необходимой подготовкой: знанием языков, опытом работы с приборами, умением сотрудничать с мужчинами, что стало возможным благодаря ее отцу – профессору физики Владиславу Склодовскому. Пьер был незаурядным человеком, он умел любить по-настоящему и в своей Нобелевской речи подчеркивал заслуги Марии [1, с. 157]. Как мало женщин могут с гордостью написать: «Он был даже лучше, чем я могла мечтать» [5, с. 42]. Свою роль сыграли и родители Пьера, прежде всего доктор Эжен Кюри, взявший на себя постоянную заботу о детях, а потом и заменивший им отца [5, с. 72]. Старший брат Жак открыто выступил в прессе в защиту Марии, она писала: «[Он] стал и моим братом и остался им навсегда» [1, с. 199; 5, с. 40]. Сам А. Энштейн путешествовал с семьей Кюри в 1913 г., таким образом демонстрируя свою поддержку [1, с. 3]. Таким образом, в ее жизни было много достойных мужчин.

Дочери Марии добились выдающихся успехов в избранной сфере деятельности во многом благодаря матери, об этом свидетельствует книга «Мария Кюри и ее дети. Письма», изданная в 2011 г. ее внучкой Элен.

Список литературы

1. *Алов Н.Г.* Мария Кюри. Подвиг длиною в жизнь. М.: Бослен, 2013. 336 с.
2. *Герасименко И.Е.* «Мужской взгляд» и теория феминистского кино // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2017. № 4 (24). С. 42–51.
3. Женщины науки. Жизнь и трагическая судьба Марии Кюри // Аргументы и факты. URL: https: dzen.ru/a/Y2gk80WyfT5CPLjR (дата обращения: 12.07.2024).
4. *Кюри Е.* Мария Кюри / пер. с франц. Е.Ф. Корша; под ред. и со вступ. ст. проф. В.В. Алпатова. 4-е. изд. М.: Атомиздат, 1977. 348 с.
5. *Кюри М.* Пьер Кюри. Мария Кюри о Пьере Кюри. Ирен и Фредерик Жолио-Кюри о Марии и Пьере Кюри / пер. с франц. М.П. Шаскольской; под ред. и с послесл. И.М. Франка. М.: Наука, 1968. 176 с.
6. Мадам Кюри. 1943 г. США. Реж. Мервин Лерой. URL: https://my.mail.ru/mail/cyrella/video/14893/20246.html (дата обращения: 30.04.2024).

7. *Малви Л.* Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф // Антология гендерной теории: Сборник / пер., сост. и комм. Е.И. Гаповой и А.Р. Усмановой. Минск: Пропилеи, 2000. С. 290–296.
8. Мария Склодовская-Кюри. Польша, Франция, Германия, Бельгия. 2016 г. Реж. Мари Ноэль. URL: https://my.mail.ru/mail/kukanovmikhail/video/20/9493.html (дата обращения: 30.04.2024).
9. Награда доктора Шутца. 1997 г. Франция. Реж. Клод Пиното. URL: https://ya.ru/video/preview/14405746493664107198 (дата обращения: 30.04.2024).
10. Опасный элемент. 2019 г. Великобритания. Реж. Маржан Сатрапи.
11. *Свейби Р.* 52 упрямые женщины: Ученые, которые изменили мир. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 304 с.
12. *Ярская-Смирнова Е.Р.* Гендер, власть и кинематограф: основные направления феминистской кинокритики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4. № 2. С. 100–110.

С.В. Степанов
Санкт-Петербург, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Педагог и птицевод Е.М. Гедда (1855–1940) – деятель народного образования в Петербурге и столичной губернии: от начальницы частной гимназии до вице-президента Санкт-Петербургского отдела Российского общества сельскохозяйственного птицеводства

Елизавета Михайловна Гедда, старшая дочь сенатора М.Ф. Гедда и Е.Н. Шредер, окончила Коломенскую женскую гимназию, затем в 1880 г. педагогические курсы при Санкт-Петербургских женских гимназиях В.У.И.М., которыми руководил педагог В.П. Острогорский [6]. В мемуарах она вспоминает про годы обучения, тяжелую повседневность девушек-учениц: «Затворнический образ жизни, отсутствие семьи, развлечений, отсутствие даже свежего воздуха, ужасная тоска заключения, на которую они жаловались (большинство из них было из провинции и никуда в отпуск не ходили), полное равнодушие и даже, пожалуй, озлобленность педагогического персонала не только училища, но и гимназии к участи этих девушек, меня поражали». Поэтому Гедда решила в будущем создать новую школу с гуманными порядками, просторными и вентилируемыми помеще-

ниями, возможностями для прогулок и экскурсии [1, л. 4]. Свой педагогический путь она начала в 1880 г. в Коломенской женской гимназии по вольному найму, через год стала штатной классной надзирательницей.

В апреле 1881 г. петербургская городская частная школа, основанная в 1828 г. Тибо-Астафьевой, после нескольких смен владелиц перешла Е.М. Гедда. Материальное положение школы для девочек улучшилось благодаря привлечению новой начальницей в 1882 г. покровительства великой княгини Екатерины Михайловны. С 1883 г. школа получила статус гимназии. Помимо обязательных предметов, в ней преподавались английский и немецкий язык, музыка и гимнастика.

Особое внимание, наряду с обязательными предметами, уделялось физическому воспитанию девушек – занятиям гимнастикой. В 1883–1884 гг. ее преподавал молодой педагог, в будущем профессор П.Ф. Лесгафт. Проведению гимнастических занятий в здании гимназии на Никольской улице (ныне улица Глинки) препятствовало отсутствие оснащенного помещения для игр и занятий, поэтому упражнения были заменены прогулками в Никольском сквере [5, с. 242]. Е.М. Гедда старалась подготовить воспитанниц к взрослой жизни и дать им занятие для заработка «хлеба насущного», в 1884 г. был открыт 8-й педагогический класс. Успешное окончание 7-го и 8-го классов давало выпускнице диплом домашней наставницы, равносильный диплому Женских педагогических курсов. В 8-й класс принимались после письменного экзамена по русскому языку ученицы, получившие одобрительный аттестат об окончании общего курса частных и правительственных учебных заведений. Через шесть лет, в 1890 г., при гимназии была открыта бесплатная двухгодичная подготовительная школа, в которой ученицы могли давать пробные уроки для детей [2, л. 1–3].

С 1903 по 1912 г. гимназия располагалась на улице Глинки, д. 6, с 1913 г. переехала на Екатерининский канал, д. 83. Помещения и мебель в гимназии были оснащены к началу XX в. согласно передовым школьным тенденциям в области здоровья учащихся и освещенности классов для сбережения зрения. В ней имелись столовая и библиотека, зал для практических работ по физике, которых не было в других частных гимназиях. В 1904 г. за «освещение и мебель» гимназия получила золотую медаль на

международной научно-промышленной выставке «Детский мир». В оценке знаний учениц использовали передовые методы обучения. С 1906 г. в гимназии были отменены отметки, а учениц оценивали характеристиками «успешно» или «неуспешно» [5, с. 242–243]. Помимо педагогической и управленческой деятельности в гимназии, Гедда была с 1888 г. членом Коломенско-Адмиралтейского отдела Общества больных и бедных детей, с 1890 г. – первой председательницей попечительства Детской столовой в память чудесного события 17 октября 1888 г., секретарем Общества содействия женскому сельскохозяйственному образованию. В декабре 1912 г. по состоянию здоровья 57-летняя Е.М. Гедда передала гимназию А.Ф. Мушниковой, которая стала с нового года ее начальницей [5, с. 243].

Увлечением Е.М. Гедда стало птицеводство, переросшее с течением времени в профессиональную деятельность, итогом которой стала разработка авторской программы по заведению цыплят в домашнем хозяйстве. В 1890-е годы в д. Ново-Сиверской Царскосельского уезда Петербургской губернии (ныне пос. Сиверский Гатчинского р-на Ленинградской обл.) создала образцовое заведение птицеводства на острове посередине р. Оредеж. В нем она начала разводить кур двух пород: плимутрок пестрых и французскую пароду фавероль. Помимо кур, искусственно разводились в инкубаторах норфольдские индейки, пекинские утки, лебеди, голуби-трубачи и кролики. Хозяйство было поставлено по последнему слову науки техники, стало рассадником птенцов для столичной губернии [3, с. 36]. На основе обобщения своего опыта по разведению цыплят Гедда стала автором учебно-методического пособия, вышедшего двумя изданиями: до революции и в советское время – «Птицеводство в мелком хозяйстве» (СПб.: Типография «Экономия», 1913. 32 с.; Пг.: Мысль, 1923. 40 с.).

В Ново-Сиверской педагогический организационный опыт Гедда был востребован в среде дачной интеллигенции для улучшения культурного уровня крестьянства и распространения чтения. Очагом местной культуры деревни была земская школа (открыта в 1888 г.), опеку над которой взяли сиверские дачники. Она устраивала детские праздники и спектакли, «содействовала развитию деревенских детей и привлекала пожертвования для упрочнения и развития школьного дела и оборудования библиотеки» [цит. по: 7, с. 256]. По ее инициативе было учреждено Общество распростра-

нения образования в д. Ново-Сиверской в 1902 г., итогом его работы стало открытие библиотеки-читальни (1902) и чайной (1903), призванной отвлечь крестьян от пьянства [7, с. 254–256].

События Первой мировой войны, тяжелое положение русских воинов и прибытие раненых с фронта не оставили равнодушными петербургское общество. По инициативе Елизаветы Михайловны, ее коллег и учениц 2 сентября 1914 г. был образован «Лазарет Кружка Е.М. Гедда» в четырехкомнатной квартире, пожертвованной О.Л. Райковой в доме Анненковых на набережной Черной речки, д. 49. При организации лазарета на 11 коек был учтен опыт деятельности подобного лечебного учреждения при гимназии для увечных воинов, прибывших с Русско-японской войны. Устроительница была также старшей сестрой в госпитале при Политехническом институте [4, с. 1–3].

Многоплановая пелагическая, сельскохозяйственная и благотворительная деятельность Е.М. Гедда получила высокую оценку современников, а ее жизненная стратегия – желание помочь ближнему (ученицам, крестьянам столичной губернии, раненым воинам), организация гуманной женской педагогической системы в гимназии, служение Отечеству – яркий пример женского социального активизма рубежа XIX – первой четверти XX в.

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421, https://rscf.ru/project/22-18-00421/. The research was supported by Russian Science Foundation, project No. 22-18-00421, https://rscf.ru/project/22-18-00421/.*

Список литературы

1. *Гедда Е.М.* «Воспоминания». Отрывок (начало), [б.д.] // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 423. Ед. хр. 977. 6 л.
2. Исторический очерк гимназии Гедда, 1906 // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 348. Оп. 1. Д. 152. 8 л.
3. *Лучинский А.А., Никитин Н.В.* Сиверская дачная местность по Варшавской железной дороге. 2-е изд., комм. и доп. Луга: Изд-во Голубева, 2012. 79, [4] с.
4. Отчет по лазарету «Кружка Е.М. Гедда»... ... за время с 1 сентября 1914 г. по 1 января 1916 г. Пг.: б.и., 1916. 20 с.
5. *Пашкова Т.И.* Гимназии и реальные училища дореволюционного Петербурга 1805–1917 гг.: Исторический справочник. СПб.: Серебряный век, 2015. 337, [2] с.

6. *Романенчук К.В., Туманина К.С.* Педагогическая деятельность Е.М. Гедда // Воспитание и социализация молодежи: потенциал историко-педагогического познания в контексте вызовов современности: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции – XXXII сессии Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки при отделении философии образования и теоретической педагогики РАО / под ред. М.В. Богуславского и др. Волгоград: б.и., 2018. С. 332–336.
7. *Степанов С.В.* Частная благотворительность петербургской интеллигенции в развитии народного образования и просвещения в Сиверской дачной местности Петербургской губернии в начале XX в. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: Материалы XV Всероссийской научной конференции, 15 марта 2024 г. Вып. 15. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2024. С. 254–260.

Е.О. Ермолаева
Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

О трех сестрах Чупровых

В «Энциклопедическом словаре» Императорского Московского университета (ИМУ) в статье [2, с. 826] о заслуженном профессоре, экономисте и статистике Александре Ивановиче Чупрове (1842–1908) упоминаются его сын Александр и две дочери, имена которых не приведены. А.А. Чупров (1874–1926) – выпускник физико-математического (физмат) факультета ИМУ, профессор Петербургского политехнического института, член-корреспондент Российской АН с 1917 г.

В летописи МГУ[23] говорится о династии ученых и педагогов в лице отца и сына Чупровых. Однако у А.И. Чупрова, женившегося в 1869 г. на О.Е. Богдановой (1844–1890), кроме сына, было шесть дочерей. О двух умерших малолетних Валентине и Юлии свидетельствуют записи церковных метрических книг, младшая Ася (1884–1889) похоронена вместе с родителями на Ваганьковском кладбище. Семейные материалы и сотни писем Центрального государственного архива Москвы смогли многое рассказать о его трех дочерях, родившихся в Москве – Ольге

[23] http://letopis.msu.ru.

(23.04.1869), Елене (18.03.1877) и Марии (17.06.1881). А.И. Чупров в своих заметках о работе и путешествиях по Европе [3, д. 3836] вспоминает о прекрасном времени, проведенном в заграничной командировке (1872–1874) вместе с женой.

Выйдя замуж за близкого по духу человека, О.Е. Богданова думала об активной общественной работе и жизни в кругу избранных людей, но большая семья, требовавшая внимания и ухода, и начавшиеся недуги рано прервали ее жизнь. Воспоминания старшей дочери Ольги говорят о том [3, д. 3820], что в семье преобладало влияние отца, который был загружен работой и необходим многим людям. Все три сестры получили превосходное домашнее образование у лучших учителей, приглашаемых отцом. Ольга, впервые в 13 лет познакомившись со своим педагогом историком Н.В. Сперанским, была покорена им на всю жизнь. Московские высшие женские курсы (МВЖК), где преподавал А.И. Чупров, по политическим мотивам в 1888 г. были закрыты, и она, получив свидетельство о звании домашней учительницы, решила продолжить образование в Европе. Ее первоначальная цель была стать преподавателем естественных наук.

В Женевском университете Ольга занималась в ботанической лаборатории, лаборатории аналитической химии, в 1895 г. получила диплом бакалавра, в 1898 г. – доктора естественных наук, представив диссертацию в области ботаники. Ангелом-хранителем А.И. Чупров в трудное время после смерти жены называл ее родную сестру, коллегу по газете «Русские ведомости» Ю.Е. Богданову, которая заботилась о благополучии семьи и его детях.

Осенью 1899 г. Чупров вышел в отставку и выехал за границу для лечения. В это же время Елена, прослушав ряд курсов на Бестужевских ВЖК, начала работу в биологической лаборатории, потом и учебу в Берлинском университете. Весной 1902 г. Чупрову пришлось «толковать с девочками по поводу их браков». Его «радуют приятные отношения, которые установились у Сперанского и Ольги» и «их обладание развитым умом», но беспокоит возможность брака Елены с коллегой Р. Геймонсом – «человеком чужой национальности и другой религии». В июне 1902 г. Ольга стала женой Н.В. Сперанского (1861–1921), который в 1890–1905 гг. работал за границей, потом преподавал на МВЖК, с 1908 г. был членом Правления Народного городского универси-

тета им. А.Л. Шанявского, после революции профессором факультета общественных наук МГУ. В октябре 1903 г. Елена вышла замуж за приват-доцента Берлинского университета, в будущем известного профессора-зоолога Р. Геймонса (1867–1943). Чупров со временем оценил зятя, «который главный свой интерес видел в научных занятиях», и то, что «кроме взаимной симпатии молодую чету соединяла общая любовь к одной и той же науке». Так, уже через месяц после свадьбы супруги начали совместную работу на зоологической станции. В 1904 и 1906 г. Елена родила сына и дочь. Переезжая на новое место назначения своего мужа, она всегда была его научным сотрудником.

Статья о супругах есть в немецкой «Википедии». По-иному сложилась судьба Ольги. Одаренная, стремящаяся к постоянному развитию, она была примером для брата и сестер. Однако, подготовленная к большой исследовательской работе в области ботаники и вопросах детского воспитания, она стала незаменимой помощницей, редактором и секретарем отца, особенно в период его прогрессирующей болезни рук. Когда возникала необходимость, Ольга помогала в работе своему мужу, сестре Елене в уходе за детьми, постоянно вела переписку со своей младшей сестрой Марией. Призванием Марии, в 9 лет оставшейся без матери, были физика и математика, и по совету отца она в 1900 г. поступила на вновь открывшиеся четырехгодичные МВЖК. Окончив физико-математический факультет с дипломом первой степени, она поехала к отцу в Мюнхен – в один из известных физических центров Европы. Отец предлагал младшей дочери найти работу в университетской лаборатории в Москве. Но новый знакомый, ставший другом семьи Чупровых, будущий «отец советской физики» А.Ф. Иоффе, помог поступить ей на двухгодичную стажировку [3, д. 3765] к первому нобелевскому лауреату по физике В.К. Рентгену в Физический институт при университете Мюнхена, где он сам работал ассистентом. Интересно, что Ольга, планируя вернуться в науку, здесь же посещала занятия известных ученых-ботаников. В последние годы жизни А.И. Чупрова радуют внуки, родные часто собираются вместе, и он доволен, «что дети живут между собою в полной дружбе, и все вместе очень хороши к нему». Вернувшись в Москву, Ольга и Мария работали в области издательско-

го дела, образования и просвещения. Мария преподавала в Мирусском женском училище и на Пречистенских курсах, Ольга – в Алферовской гимназии, обе читали публичные лекции. В подготовке к выпуску 1909 г. первого посмертного издания книги «А.И. Чупров. Речи и статьи» участвовали супруги Сперанские, А.А. и М.А. Чупровы. Мария работала в лабораториях профессоров В.Ф. Лугинина, П.П. Лазарева, она единственна женщина на официальных снимках учеников и сотрудников первой физической научной школы профессора П.Н. Лебедева [1, с. 95]. Фотографии в альбоме [3, д. 287] семьи Чупровых двух известных физиков П. Эренфеста и А. Иоффе подсказали прочитать их переписку. Из письма [4, с. 136] от 30 марта 1914 г. следует, что они с Эйнштейном планировали пеший восьмидневный поход по Швейцарскому нагорью и надеялись, «что Чупрова приедет тоже. Может быть, и мадам Кюри».

Начавшаяся Первая мировая война нарушила их планы. Вихрь событий следующего десятилетия изменил всю жизнь сестер. В 1917 г. А.А. Чупров летом, по традиции уехав на каникулы в Скандинавию, в Россию не вернулся, однако и он, и семья сестры Елены из-за границы всегда в трудное время помогали Ольге и Марии. После смерти мужа в 1921 г. и в связи с болезнью Ольга стала заведовать кабинетом естествознания Московского педагогического техникума им. Профинтерна (бывший Елизаветинский институт), всю свою жизнь она занималась архивом отца. Мария работала в лаборатории электромагнетизма МГУ, Институте прикладной минералогии, была ассистентом по кафедре физики в МЭИ, МВТУ, 2-го МГМИ и других вузов Москвы [3, д. 3765]. Она сотрудничала с издательством братьев Сабашниковых, переводила на русский язык статьи, учебники и научные книги. А.И. Чупров много делал для развития женского образования в России, он оказал большое влияние на выбор профессии своих дочерей, всегда интересовался их работой, давал советы и гордился ими, был уверен, что все его дети прочно стоят на ногах.

Сестры видели в отце достойный для себя пример ученого и гражданина, каждая прошла свой путь вовлечения в образование и науку, все три могут по праву считаться продолжателями династии Чупровых.

Список литературы

1. *Вавилов С.И.* Памяти П.Н. Лебедева // Природа. 1937. № 5. С. 94–96.
2. Императорский Московский университет: 1755–1917: Энциклопедический словарь / сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М.: РОССПЭН, 2010. 894 с.
3. Центральный государственный архив Москвы. Фонд Чупрова. № 2244.
4. Эренфест – Иоффе. Научная переписка, 1907–1933 гг. / отв. ред. и автор предисл. В.Я. Френкель. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1990. 322 с.

Н.В. Кутафьева
Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Научное наследие М.И. Черемисиной (1924–2013)

Я хочу рассказать о замечательном человеке, с которым мне довелось встретиться, моем научном руководителе Майе Ивановне Черемисиной. М.И. Черемисина – один из крупнейших специалистов в области общего языкознания, синтаксической типологии, русского языка и языков народов Сибири.

Майя Ивановна родилась в Киеве в 1924 г. В 1947 г. окончила заочное отделение факультета русского языка МГУ. В 1947–1950 гг. окончила аспирантуру Московского государственного педагогического института. Работала в Томском и Тульском педагогических институтах. В 1960 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Система иносказаний в очерках М. Е. Салтыкова-Щедрина “За рубежом”». В 1965 г. переехала в новосибирский Академгородок. В данной работе я хочу рассказать о деятельности Майи Ивановны в Академгородке. С 1965 г. Майя Ивановна работает в должности доцента, затем профессора на кафедре общего языкознания НГУ. Она читает лекции по курсам «Введение в языкознание», «Общее языкознание». Итогом этой работы стала монография «Язык и его отражение в науке о языке», которая до сих пор используется студентами в качестве учебного пособия. Она также активно занимается исследованием русского языка и в 1974 г. защищает докторскую диссертацию на тему «Сравнительные конструкции русского языка». В 1991 г. в НГУ была создана кафедра языков и фольклора народов Сибири, и Майя Ивановна руководила ей до 2005 г. На этой кафедре

она читала курсы «Лексикология тюркских языков Сибири», «Языки коренных народов Сибири», «Синтаксис тюркских языков. Простое предложение» и др.

С 1967 г. она также работает в должности старшего научного сотрудника в Институте истории, филологии и философии СО РАН. Направлением деятельности Института были языки коренных народов Сибири. И Майя Ивановна вместе с ведущими исследователями в этой области – В.А. Аврориным, Е.И. Убрятовой и В.М. Наделяевым – также занимается изучением грамматики сибирских языков. С 1978 г. она окончательно переходит в сибиреведение. Майя Ивановна исследует лексику и грамматику языков народов Сибири, разрабатывает методы типологического анализа данных языков. С 1986 по 1989 г. она возглавляет сектор языков народов Сибири. Майя Ивановна создала свою научную школу, под ее руководством было защищено 50 кандидатских диссертаций и пять докторских. Термины и понятия, которые предложила Майя Ивановна, используются не только в русистике или сибиреведении, но и в других областях лингвистики.

Особо следует сказать о педагогической деятельности Майи Ивановны. Она уделяла большое внимание подрастающему исследовательскому поколению. В НГУ начиная с 1961 г., т.е. практически со дня основания университета, проводилась Международная научная студенческая конференция. На секции «Языкознание», которую возглавляла Майя Ивановна, выступали и студенты, у которых она вела курсовые и дипломные выпускные работы. Это было яркое событие, студенты могли, отстаивая свою точку зрения, поспорить с председателем секции. А Майя Ивановна аккуратно направляла их выступления в научное русло, чтобы не отбить у них интерес к науке, к языковым исследованиям. Кроме того, она вела спецсеминар, который объединял всех ее подопечных, начиная со студентов первого курса и заканчивая аспирантами. Так в беседах и дискуссиях закладывалась преемственность поколений.

Майя Ивановна была специалистом широкого профиля и руководила моими работами, связанными с японским языком, сначала дипломной работой под названием «Форма на -у японского глагола в свете представлений общего языкознания», а затем кандидатской диссертацией на тему «Особенности научно-технического стиля японского языка».

Майя Ивановна – автор более 300 научных публикаций. Ее деятельность была отмечена государственными наградами. Она является заслуженным деятелем науки Российской Федерации (1997), заслуженным деятелем Республики Тыва (2009), награждена медалью «За заслуги в развитии науки Республики Саха (Якутия) (2004) и др. Она была председателем оргкомитета конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов». В этом году Институт филологии СО РАН проводит данную конференцию под названием «Наследие М.И. Черемисиной в современных исследованиях языков Сибири и Дальнего Востока». Работая в двух институтах, Майя Ивановна не забывала и о своей семье, которая все увеличивалась. Появились три дочери, а затем пять внучек. И каждому члену семьи Майя Ивановна уделяла внимание, каждого одаривала добротой.

М.И. Черемисина прожила яркую, интересную жизнь не только ученого-филолога, но и жены и матери.

М.Н. Алексеева, Н.В. Никитина
Смоленск, Смоленский государственный университет

Смоленский историк Е.Н. Клетнова: жизнь и деятельность на изломе эпох

В ряду наиболее ярких представителей провинциальной интеллигенции начала XX в. выделяется имя Екатерины Николаевны Клетновой (1869–1938) – археолога, этнографа, педагога и общественного деятеля, много сделавшей для развития краеведения и исторического образования на Смоленщине. Изучение эволюции процесса формирования ее личности в связи с изменениями в социальной, политической и идеологической ситуации России исследуемого периода позволяет решать многие сложные вопросы сегодняшней жизни.

Для полного понимания судьбы Екатерины Николаевны стоит отметить, что родилась она в 1869 г. в дворянской семье. Все детство, а также юность провела в Кочетово, деревне Вяземского уезда, купленной ее дедом, дослужившимся до чина инженер-полковника. Здесь же она получила домашнее образование благодаря матери, отцу и его приятелю Д.А. Зеленицкому, препода-

вателю семинарии, который привил ребенку любовь к литературе. Уже в 19 лет Е.Н. Клетнова начала печататься, в том числе публиковать пьесы для театра на историческую тематику, переводы, писала критические статьи и стихи, которые отражали актуальные темы времени, она даже посылала их А.П. Столыпину и 3 апреля 1907 г. получила от него глубокую благодарность.

Благодаря реформам, происходившим в отношении положения женщин, Екатерина Николаевна, имевшая серьезное намерение учиться, получила историческое образование. Сначала это были Коллективные курсы в Москве, а затем Смоленское отделение Московского археологического института, открытое при ее активной поддержке. Так, несмотря на ограничение доступа женщин к высшему образованию и препятствие их творческой деятельности, столетие назад Клетнова благодаря целенаправленности и упорному труду смогла реализовать свои ценностные идеалы и личностные интересы.

1908 г. Екатерина Николаевна считает определенным рубежом в своей жизни. В это время она становится одним из активных членов Смоленской ученой архивной комиссии. От лица Комиссии Е.Н. Клетнова вела переговоры с владельцами семейных архивов, потомками смоленских дворян Лесли, Барышниковых, Урусовых о предоставлении для изучения документов XVIII–XIX вв. Впоследствии благодаря этой кропотливой работе в Смоленский государственный архив поступили богатейшие личные дворянские фонды.

Екатерина Николаевна сотрудничала с архивными комиссиями других губерний, в семи из них была избрана почетным членом. В мае 1910 г. Клетнова становится членом правления Смоленской ученой архивной комиссии, а в декабре 1911 г. занимает ответственную должность товарища председателя. С 1910 по 1914 гг. руководила подкомиссией по разработке архивов правительственных учреждений губернии, находившихся в башнях смоленской крепостной стены. Важнейшим итогом деятельности Смоленской ученой архивной комиссии в 1912 г. стало открытие Исторического архива.

После получения диплома археолога Е.Н. Клетнова начала свои исследования. Ее привлекла Смядынь – здесь в 1015 г. был убит князь Глеб, а позже построили Борисоглебский монастырь.

Тут были проведены большие археологические изыскания. Средства для работы выделила М.К. Тенишева, свои деньги вкладывала и Клетнова. Также ею проводились археологические изыскания и в Вяземском уезде. Работы Клетновой по археологии используются специалистами до сих пор, они не утратили своей актуальности и являются значительным вкладом в историю и археологию Смоленщины.

Особой и важной страницей в жизни и деятельности Е.Н. Клетновой были занятия этнографией. В этом деле она следовала завету своего учителя: «…Нужно постараться собрать то, что после нас пропадет бесследно, т.к. прервется память». И она действительно собрала большую коллекцию бытовых предметов, образцов женской и мужской крестьянской одежды, которая была ею передана в 1918 г. в Смоленский музей, спасенная от разграбления первых послереволюционных месяцев. Естественно, записывала Екатерина Николаевна и народные предания, легенды, собственноручно делала зарисовки местных орнаментов, о чем свидетельствуют ее труды «Символика народных украс Смоленского края» и «Записка о метах и знаках собственности Вяземского уезда». Таким образом, ее этнографическая деятельность и собранные коллекции стали основой для этнографической коллекции Смоленского музея-заповедника.

Активно участвовала Клетнова в краеведческой и общественной деятельности Вяземского уезда: писала и публиковала работы по истории, занималась организацией Вяземского музея, посвященного Отечественной войне 1812 г., входила в комитет, созданный к 100-летию празднования данного события.

Таким образом, мы видим, что предреволюционный период в жизни Е.Н. Клетновой был отмечен ее наиболее активным участием в общественной деятельности Смоленской губернии. Однако революция изменила все. Имение подверглось разорению, находившиеся в нем прекрасная библиотека, археологическая, зоологическая, этнографическая и художественная коллекции частично были разграблены, небольшую их часть она смогла вывезти в Вязьму, а затем в Смоленск.

После революции ее основной деятельностью стало образование. В 1917–1918 гг. Е.Н. Клетнова читала лекции по истории Вязьмы в Александровской мужской гимназии, в начале 1919 г.

уже в Смоленске на различных курсах местного ОНО, Политпросвета, занимая должность секретаря губернского археологического управления. С весны 1920 г. работала в Смоленском институте народного образования (ИНО) на историко-словесном факультете, читала лекции по курсам «Первобытная культура» и «История Смоленской земли». С осени 1920 г. основной для нее становится работа в Смоленском университете, хотя она не прекращает работу и в ИНО. Параллельно заведовала Археологическим бюро при губернском музее и читала лекции по краеведению в Политтехникуме вплоть до его закрытия в конце 1921 г.

Можно предположить, что политическая обстановка в стране оказывала влияние и на деятельность педагогических кадров в университете. Небольшая заработная плата (2450 рублей), которую выплачивали нерегулярно, рост цен на продукты первой необходимости, отсутствие элементарных бытовых удобств, с одной стороны; большая загруженность в университете и значительная общественная нагрузка, с другой стороны, осложненные нестабильной политической ситуацией, заставили Клетнову покинуть СССР. В мае 1924 г. она отправилась в Чехословакию, мотивируя поездку научными целями. Однако на родину Екатерина Николаевна уже не вернулась: умерла в 1938 г. и похоронена в Ужгороде.

Таким образом, Е.Н. Клетновой довелось жить в переломную историческую эпоху, которая характеризуется сменой методологических, идеологических и ценностных установок. Екатерина Николаевна являлась активным членом большого числа общественных организаций самой разной направленности, работала в системе образования, что свидетельствует о широте ее научных интересов и высоком уровне образования, а такие ее заветы, как патриотизм и самоотверженность в деле изучения родного края, сегодня высоко оценены и востребованы.

М.М. Рудковская, В.В. Борисова
Москва, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Академический архив как исторический источник: документы женщин-ученых в архиве Плехановского университета

Понятие архива обладает множеством особенностей, которые делают его ценным источником информации. Структурированность, сохранность и всеобъемлющий характер архивных материалов позволяют исследователям, историкам и другим заинтересованным лицам находить и использовать документы для достижения определенных целей. Архив является не просто хранилищем документов и материалов, он также содержит в себе источники, которые многое могут рассказать о известных личностях. Например, рукописные автобиографии, содержащие в себе образец почерка, и личные отступления, которые помогают целиком проникнуться к автору и проанализировать его не только как ученого. К тому же дипломы, документы об образовании, наградные сертификаты также помогают выстроить нравственный и профессиональный портрет известного человека.

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова тоже обладает собственной архивной коллекцией документов. При посещении архива университета можно заметить, какое большое количество выдающихся людей работали в данном учебном заведении. В нашей работе мы хотели бы проанализировать архивные документы о женщина-ученых Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, которые внесли не только весомый вклад в науку, но и являлись примером для будущих специалистов различных отраслей.

Основной массив изученных документов – личные дела женщин-ученых, которые хранятся в архиве университета. Личные дела содержат ценную биографическую информацию (в том числе оригинальные автобиографии), фотографические материалы, документы об образовании (дипломы, аттестаты) и академических достижениях (наградные листы, отчеты о публикациях, участии в профессиональных конкурсах, патенты на изобре-

тения и пр.). Кроме того, в составе данных архивных фондов можно найти отдельные документы, которые содержат личную и семейную информацию, корреспонденцию, газетные публикации. Все эти источники позволяют узнать и проанализировать уникальные данные об известных личностях. Прежде всего, эти данные касаются научных исследований и достижений изучаемых личностей. Так, Галина Григорьевна Жарикова является доктором биологических наук, профессором и заслуженным деятелем науки Российской Федерации. Она возглавляла аккредитованную Госстандартом Российской Федерации испытательную лабораторию микробиологии пищевых продуктов, выполняла исследования в области фундаментальной и прикладной микробиологии, опубликовала более 300 научных работ, в том числе учебник «Микробиология продовольственных товаров» для студентов вузов, три монографии, а также получила 11 авторских свидетельств и три патента на изобретения [3].

Профессором и кандидатом биологических наук также являлась и Клавдия Алексеевна Мудрецова-Висс. Она занималась исследованиями в сфере пищевой микробиологии, исследовала микрофлору мучных товаров и способствовала в написании учебников, таких как «Основы микробиологии» и «Мукомольно-элеваторная промышленность» [4]. Кандидатом технических наук также являлась Мария Васильевна Ерохина, ученица Клавдии Андреевны Мудрецовой-Висс. Мария Васильевна занималась изучением прогрессивных технологий консервирования и хранения пищевых товаров, разработала бездошниковый способ квашения белокочанной капусты по прогрессивной технологии [6].

Александра Андреевна Кудряшева – доктор технических наук, профессор, известна своими разработками в области радиационной стерилизации, уничтожения патогенных микроорганизмов и удлинения сроков хранения пищевой продукции, а также биорегуляции живых организмов при помощи натуральных биокорректоров и товароведческих аспектов плодоовощной продукции [1]. Людмила Константиновна Казакова – доцент, кандидат экономических наук, способствовала в написании учебников «Экономика и управление предприятиями питания» и «Экономика общественного питания», принимала участие в выполнении государственной научной исследовательской темы

«Методологические основы совершенствования хозяйственного механизма общественного питания в системе АПК» [5].

Тем не менее научный потенциал упомянутых архивных документов не исчерпывается информацией о карьерных достижениях. Отдельные документы позволяют узнать о других важных страницах биографий ученых. Так, например, в архиве нашего университета сохранилась рукописная биография Елены Ивановны Кавериной, профессора, доктора экономических наук, где она описывает военные годы и службу в армии [2]. Участницей Великой Отечественной войны является и Нина Александровна Смирнова, доцент, кандидат технических наук [7]. После войны Нина Александровна проводила разносторонние исследования широкого ассортимента крупяной продукции, учувствовала в разработке новых рецептур теста для приготовления быстрозамороженных изделий, а большинство научных работ посвятила изучению химического состава и потребительских свойств семян бобовых культур. Благодаря архивам можно не только узнать интересные и важные сведения о женщинах-ученых РЭУ им. Г.В. Плеханова, но и передать данную информацию, чтобы как можно больше людей увидели талантливых и значимых для науки исследователей [8; 9].

Таким образом, можно сделать вывод, что архивы – это не просто место для хранения информации, они содержат в себе важные сведения об известных людях, служат источником исторической информации, являются защитой от потери данных и играют важную роль в области наследия и культуры.

Список литературы

1. Архив Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Личное дело А.А. Кудряшевой. Оп. 9. Св. 39.
2. Архив Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Личное дело Е.И. Кавериной. Оп. 7. Св. 7. Д. 134.
3. Архив Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Личное дело Г.Г. Жариковой. Оп. 12. Св. 3. Д. 1099.
4. Архив Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Личное дело К.А. Мудрецова-Висс. Оп. 7. Св. 6. Д. 115.
5. Архив Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Личное дело Л.К. Казаковой. Оп. 9. Св. 30.

6. Архив Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Личное дело М.В. Ерохиной. Оп. 6. Св. 4.
7. Архив Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Личное дело Н.А. Смотриной. Оп. 9. Св. 67. Д. 1321.
8. *Борисова В.В., Рудковская М.М.* Женская наука в Первом экономическом: слово о Галине Жариковой // Преподаватель высшей школы как педагог и наставник: Материалы I Всероссийской научно-практической очно-заочной конференции, Тула, 25–26 мая 2023 года. Тула: Тульский государственный университет, 2023. С. 29–32. EDN IEWWUU.
9. *Рудковская М.М.* Женщины-экономисты Плехановки в 1950–2000-е гг.: идеи, открытия, достижения // Всероссийская научная конференция с международным участием «Женщины России: осмысливая прошлое и созидая настоящее (в русле направлений Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы)»: Материалы конференции, Иваново – Плёс, 12–13 мая 2023 г. Иваново: Ивановский государственный университет, 2023. С. 271–275.

Н.А. Казарова
Москва, Государственный университет управления

Наследие А.Г. Задеры в педагогическом сообществе историков РГУ

Имя Задеры было хорошо известно студентам исторического факультета РГУ, когда сама Ангелина Григорьевна была давно на пенсии. Знали ее прежде всего по составленному в соавторстве с профессором А.П. Пронштейном «Практикуму по истории СССР» [3], без которого невозможно было представить обучение на первом курсе, по строчке из студенческой песни, бывшей неофициальным гимном истфака и по ее знаменитому вопросу аудитории: «Был ли конь у закупа?» Преподаватели факультета, бывшие ее студентами, отзывались о ней как об опытном, хорошо знающем свой предмет преподавателе и доброжелательном, любящем своих студентов человеке. А.Г. Задера читала один из ведущих курсов для будущих историков – курс истории России (тогда СССР) с древнейших времен по XVIII в. включительно. Ее курс лекций был классическим, методически выверенным и отточенным, что само по себе много давало студентам. Неизменными атрибутами ее лекций были четкий план, рекомендации по изуче-

нию источников и чтению дополнительной литературы, разъяснения новых понятий. По ходу лекции она любила задавать аудитории вопросы, на которые сама отвечала. Они позволяли Ангелине Григорьевне держать внимание аудитории и не давать ей расслабляться, отвлекаться на посторонние дела. Конспекты следовало вести обязательно в общей тетради, причем надо было записывать на первой странице, а вторую оставлять чистой для различных дополнений, в том числе сделанных в результате работы с источниками и дополнительной литературой. На первом курсе многие студенты писали у нее курсовые работы, получая навыки научного исследования. Большинство из них впоследствии стали кандидатами и докторами наук, с благодарностью вспоминали Ангелину Григорьевну. Несмотря на то, что Ангелина Григорьевна была, несомненно, незаурядной личностью, ее путь в науку, как и в целом ее биография, не нашли отражения в исторической литературе. Некоторые сведения, позволяющие контурно прочертить основные вехи ее биографии, содержат архивные документы.

Ангелина родилась в 1903 г. в Ростове-на-Дону в семье фельдшера, публициста и общественного деятеля Григория Пантелеймоновича Задеры [1, л. 7]. Училась сначала в Екатерининской гимназии, а в старших 7-м и 8-м классах – в Степановской. Путь же к высшему образованию, судя по документам, был тернистым. Первоначально Ангелина была делегирована в вуз в 1921 г. профсоюзом Всемедикосантруд, где работала в должности счетовода. Однако свидетельство об окончании вуза она получила только в 1931 г. [1, л. 1].

На получение высшего образования у А.Г. Задеры ушло девять лет. Ей приходилось совмещать получение образования с трудовой деятельностью, но она твердо верила в свое призвание. Продолжительность служебной работы доходила иногда до 10 часов в сутки, но, имея на своем иждивении мать, она не могла не работать и в результате была отчислена как неуспевающая. В заявлении в краевую комиссию она просила пересмотреть решение об исключении из вуза и призывала проявить осторожность, чтобы второпях, ошибочно не уволить из вузов студентов, стремящихся к получению высшего образования [1, л. 5–6]. Уверенная в своей правоте и в способности стать хорошим преподавателем,

она выражала надежду на то, что ей не закроют путь к педагогической деятельности [1, л. 6]. Жизнь показала правоту А.Г. Задеры, но для этого потребовалось немало времени.

Получив высшее образование, А.Г. Задера продолжала обучение. В марте 1941 г. она окончила по системе экстерната учительский институт. В годы войны А.Г. Задера оставалась в Ростове, т.к. у нее на руках была больная мать, работала школьным учителем, помогала бойцам Красной армии. По словам известного краеведа и преподавателя РГУ Б.В. Чеботарева, который в 1943 г. работал учителем истории в школе № 55 г. Ростова-на-Дону, А.Г. Задера считалась тогда одной из лучших среди учителей истории ростовских школ (Б.В. Чеботарев, запись от 02.04.2003).

В 1951 г. Ангелина Григорьевна защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, в которой на конкретном историческом материале проанализировала роль иностранного капитала в тяжелой промышленности Дона в 1890–1917 гг. [2]. Главными источниками диссертации послужили фонды Госархива Ростовской области, в частности фонд Горно-соляной части Области войска Донского, содержащий заявки на угольные участки и отразивший историю проникновения иностранного капитала в первые десятилетия пореформенного периода, фонд Юго-Восточного горного управления, содержащий данные с 1899 г. по истории иностранных акционеров в каменноугольной промышленности. Деловая переписка, нотариальные акты на приобретаемые шахты, акты обследования, жалобы рабочих были ею тщательно исследованы в диссертации наряду с фондами Таганрогского котельного завода, принадлежавшего бельгийским капиталистам, Таганрогского металлургического общества и Сулинского завода [2, с. 8–9]. Кроме архивных материалов, А.Г. Задера использовала экономико-статистические ежегодники, специальные отраслевые издания, такие как «Горнозаводской листок», «Горнозаводское дело» за 27 лет, мемуарную литературу. Диссертация состояла из четырех глав. В первой главе был дан краткий очерк развития тяжелой промышленности Дона в пореформенный период, во второй прослеживался процесс внедрения иностранного капитала в тяжелую промышленность Дона в период промышленного подъема 1890-х годов, в третьей рассматривался иностранный капитал на Дону во время

кризиса 1899–1903 гг. и последующей депрессии, в четвертой иностранные предприятия Дона рассматривались как проводники политики синдикатов «Продамет» и «Продуголь» накануне и во время Первой мировой войны [2, с. 9].

В диссертации проводилась мысль о том, что иностранный капитал способствовал усилению полуколониальной зависимости России, т.к. крупнейшие предприятия тяжелой промышленности оказались под его контролем. Внедрение иностранного капитала сопровождалось скупкой оборудованных рудников и месторождений угля и губительно сказывалось на экономике Дона, т.к. он искусственно тормозил развитие существовавших отраслей промышленности и не допускал развития новых в целях сохранения своего монопольного положения, обеспечивавшего ему сверхприбыли [2, с. 24]. Впоследствии А.Г. Задера читала студентам 3-го курса исторического факультета спецкурс по теме диссертации и в нем давала более емкую и всестороннюю характеристику разных аспектов воздействия иностранного капитала на Дону, в том числе рассматривала его роль в оформлении монополистических объединений «Продамет» и «Продуголь», попытки воздействовать на органы городского самоуправления и на другие группы буржуазии через съезды южных горнопромышленников, формирование связей с русскими финансовыми кругами.

Дальнейшая научно-педагогическая деятельность доцента А.Г. Задеры была неразрывно связана с историческим факультетом Ростовского государственного университета до выхода на пенсию в 1974 г. Умерла Ангелина Григорьевна Задера в 1987 г.

Список литературы

1. Государственный архив Ростовской области. Ф. р-46. Оп. 7. Д. 621. Св. 14.
2. *Задера А.Г.* Иностранный капитал в тяжелой промышленности Дона в 1890–1917 гг. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1951. 32 с.
3. *Пронштейн А.П., Задера А.Г.* Практикум по истории СССР (Пособие для студентов-заочников исторических отделений университетов) / под ред. А.А. Зимина. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского государственного университета, 1960. 254 с.

О.А. Сутягина
Томск, Национальный исследовательский
Томский политехнический университет

Екатерина Константиновна Завадовская – первая женщина-профессор Томского политехнического института

Екатерина Константиновна Завадовская родилась 23 апреля 1913 г. в семье интеллигенции. Ее отец, Константин Николаевич, был профессором Томского медицинского института, а мать, Лидия Ипполитовна, – врачом.

С ранних лет Екатерина увлекалась естественными науками, особенно физикой. В 1930 г. она окончила школу и поступила на физико-математический факультет Томского государственного университета (далее – ТГУ). Еще будучи студенткой, Екатерина проявила выдающиеся способности в научных исследованиях. Ее работы по ультрафиолетовому излучению кристаллов под действием гамма-лучей, выполненные в студенческие годы и представленные затем в ее дипломной работе, стали одними из первых работ по черенковскому излучению в кристаллах. Эта область исследований впоследствии получила широкое применение в индикации частиц высоких энергий. Работа Е.К. Завадовской получила высокое призвание факультета наук в Сорбонне, который приглашал ее в качестве своего гостя на конгресс, чем отмечалась роль Екатерины Константиновны в создании черенковских счетчиков.

По окончании вуза в 1936 г. Е.К. Завадовская начала работать на кафедре физики на рабфаке ТГУ. Вскоре она перешла в Сибирский физико-технический институт (далее – СФТИ) на должность научного сотрудника. В СФТИ она вместе с другими учеными занималась решением важнейших для оборонной промышленности задач. В частности, Е.К. Завадовская доказала на практике, что с помощью повышения теплоотвода можно перегружать масляные трансформаторы на 60% сверх номинала. В условиях острого дефицита трансформаторов в 1930-е годы это открытие имело огромное значение. В 1941 г. Е.К. Завадовская начала преподавать в Томском политехническом институте (далее – ТПИ), там же в 1943 г. защитила диссертацию по теме «Импульсная прочность изоляции при одновременном воздействии

статического напряжения» на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук. Работа включала в себя экспериментальные исследования и теоретические разработки в области электрической прочности материалов. Одновременно по совместительству она работала доцентом в ТГУ, а с 1942–1943 гг. – как совместитель в эвакуированных в Томск Московском электромеханическом институте инженеров транспорта и в Военной электротехнической академии связи им. С.М. Буденного.

С 1952 по 1954 г. Е.К. Завадовская была докторантом Ленинградского политехнического института, а в 1955 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Электрическая прочность ионных диэлектриков и энергия кристаллической решетки». В 1960 г. была утверждена в звании профессора и работала на кафедре электроизоляционной и кабельной техники ТПИ.

Педагогическая деятельность Е.К. Завадовской была неразрывно связана с ее научной работой. Она разработала и читала курсы по общей физике, физике диэлектриков и электрическому пробою, которые пользовались большой популярностью среди студентов и аспирантов. Ее лекции отличались глубиной и ясностью изложения, а практические занятия – тщательной продуманностью и наглядностью. Е.К. Завадовская была требовательным, но справедливым преподавателем, сумевшим привить своим ученикам любовь к науке.

Е.К. Завадовская была одним из организаторов проблемной лаборатории электроники, диэлектриков и полупроводников, некоторых отделов, специализаций и кафедр – физики твердого тела, теплофизики, светотехники, физики горных пород, радиационной физики. Радиационная физики твердого тела явилась одним из главных направлений всей последующей научной деятельности Е.К. Завадовской. В этой области ей принадлежат важные результаты по установлению закономерностей радиационной стойкости, определению классов химических соединений, по изучению их стойкости к радиационным воздействиям. При ее участии была разработана теория радиационно-физической стойкости в соединениях с ионными связями, установлены закономерности запасания энергии телами при их облучении, разработана совершенная методика исследования этих процессов. Для проведения исследований были созданы микрокалориметрические установки, позволяющие с высокой точностью изме-

рять выделения тепла облученными образцами в широком диапазоне температур. Другим крупным направлением в работе Е.К. Завадовской являлось исследование электрической прочности диэлектриков. Ею были найдены закономерности, определяющие высокую электрическую прочность диэлектриков. Указаны типы химических соединений, которые будут обладать высокой электрической прочностью. Был получен большой объем экспериментального материала по физике пробоя ионных кристаллов. Эти результаты нашли отражение в монографии «Электрическая прочность твердых диэлектриков», написанной совместно с мужем А.А. Воробьевым, ректором ТПИ (1944–1970).

В 1965 г. Е.К. Завадовская была утверждена в должности директора организованного при ее участии НИИ радиационной физики при ТПИ, управляемого на общественных началах. Этот институт и созданная ею кафедра радиационной физики были в этот период единственными в стране. В 1967 г. Екатерина Константиновна была избрана на должность заведующей кафедры физики твердого тела.

Е.К. Завадовская была организатором и участником многих научных конференций, в том числе первой Межвузовской конференции по радиационной физике в Томске в 1967 г. Она автор более 180 научных публикаций, руководила значительным объемом хоздоговорных работ, основное содержание которых сводилось к внедрению результатов научных разработок. За подготовку кандидатов наук для Киргизии Екатерина Константиновна была награждена Почетной грамотой Министерства народного образования Киргизской ССР. Вместе с мужем А.А. Воробьевым Завадовская участвовала в создании научной школы по радиационной физике, их работы были известны и признаны как в СССР, так и за рубежом.

На протяжении всей жизни Е.К. Завадовская активно участвовала в научной и общественной деятельности. Основное общественное поручение – руководство на общественных началах НИИ радиационной физики. Кроме этого, она была членом советов ТПИ, факультета, нескольких советов по защите диссертаций, рецензентом и консультантом по научной работе различных учреждений. Была депутатом Томского горсовета. Е.К. Завадовская скончалась на 91 году жизни, похоронена в Томске рядом с мужем А.А. Воробьевым.

Екатерина Константиновна внесла значительный вклад в развитие физики, электротехники и образования. Ее работы в области оптики и электрофизики легли в основу современных методов индикации частиц высоких энергий и имеют практическое применение в различных областях науки и техники. Ее педагогическая деятельность воспитала несколько поколений высококвалифицированных специалистов, многие из которых стали ведущими учеными и преподавателями. Екатерина Константиновна Завадовская оставила неизгладимый след в истории науки и образования Сибири, а ее имя золотыми буквами вписано в летопись Томского политехнического университета.

Т.К. Щеглова
Барнаул, Алтайский государственный педагогический университет

Вклад сотрудниц НИХП в спасение народных художественных промыслов юга Западной Сибири в контексте существующей системы коммуникации власти и общества

История полевых исследований является важнейшим направлением изучения в исторической науке, в том числе этнологии. Алтай во второй половине XIX в. стал площадкой для экспедиций академических и прикладных научных учреждений крупнейших городов – Москвы, Ленинграда, Новосибирска. Частью сферы их изучения являются вопросы, связанные с влиянием ведущих академических учреждений и исследователей на развитие провинции в 1950–1980-е годы, в том числе на развитие ее культуры, науки, народного хозяйства и регионального общества. В частности, они исследовали их участие в диалоге между сельскими обществами, которые они изучали в экспедициях, и региональными властями разных уровней, от сельской администрации до краевых и областных, с которыми они находились в контактах при организации полевой работы. Фактически они становились проводниками или посредниками, донося снизу вверх проблемы развития сельских обществ, которые они выявляли в ходе своих полевых исследований, и сверху вниз, донося установки власти, в том числе внедряя их.

В 1950–1970-е и даже в 1980-е годы появление в регионе столичных исследователей являлось одним из важных и ярких событий сельской жизни Алтая. Благодаря статусу горожан в силу провинциального деревенского менталитета они воспринимались людьми иного мира, а статус столичных жителей, да еще представителей научного мира, знакомого, так же как и жизнь москвичей, по кинофильмам, открывало им двери как в избы колхозников и рабочих совхозов, так и в партийно-государственные администрации разного уровня – от сельской до краевой.

В данной публикации место и роль столичных исследовательских учреждений и исследователей в системе коммуникации региональной власти и регионального общества анализируется на примере экспедиционной деятельности Научно-исследовательского института художественной промышленности (далее – НИИХП). Он был создан в 1932 г., а ликвидирован в 1997 г. Активная роль экспедиций в системе коммуникации общества и власти определялась их предназначением – изучением в регионах народного декоративно-прикладного искусства и центров художественных промыслов с целью внедрения образцов локальных народных традиций в местную артельную и легкую промышленность. Такая целевая установка обусловила и работу членов экспедиций на разных уровнях регионального общества. На нижнем уровне это была работа в сельских обществах с народными мастерами по изучению их традиций и работа с коллективами местных артелей, включая повышение квалификации. На верхнем уровне – работа с краевыми государственно-партийными учреждениями и ведомствами, к которым относилось артельное производство и художественные промыслы. Среди ведущих форм посредничества между низами и верхами были выступления на краевых и областных совещаниях высшей региональной государственно-партийной власти с оценкой состояния художественных промыслов и рекомендаций по их развитию. Попутно столичные исследователи поднимали вопросы социально-бытовых проблем сельских обществ, с которыми они сталкивались в экспедициях.

В центре данного исследования находится деятельность сотрудниц ковровой лаборатории НИИХП. На юге Западной Сибири (Алтайский край, в состав которого входила Горно-Алтайская автономная область) ими было проведено несколько

экспедиций – в 1951, 1953, 1954, 1955, 1956 г., каждая из которых длилась от полутора до двух месяцев, а переезды и переходы составляли от 706 км [5, л. 28 об.] до 1200 км [7, л. 2]. Большинство участников (шесть из восьми человек) – женщины: с.н.с., к.иск.н. Н.И. Каплан и Е.Г. Яковлева, художники Э.М. Демюр, З.А. Пучкова, А.В. Курочкина, Ф.М. Мольнар, фотографы М. Грибанова, М.С. Линевич.

Работа в сельских обществах состояла в изучении и фиксации традиционных для того или иного района проживания русского и тюркского населения видов народного декоративного искусства, выявлении народных мастеров, владеющих традиционными ремеслами, и анализе деятельности предприятий художественных промыслов, располагавшихся в регионах [1, с. 69–70]. Для этого и проводились поездки в самые отдаленные места Алтая. В 1950–1960-е годы традиции сохранялись в самой глубинке, к которой относились удаленные сельские районы и поселения. Маршруты работы в поле с носителями навыков охватывали села степного и горного Алтая. В экспедиционных отчетах участники писали, что основная часть привезенных в Москву зарисовок фиксировалась с оригиналов непосредственно у мастеров г. Горно-Алтайска, с. Кош-Агач, колхоза Мухор-Тархота Кош-Агачского р-на и др. [3, л. 30]. В этой поездке сотрудники фиксировали памятники декоративно-прикладного творчества алтайцев, казахов и преобладающих среди русского населения старообрядцев. Фиксировали проблемы, с которыми сталкивались мастера, пытались помочь в их решении с привлечением внимания местной и региональной власти.

Установление связей с региональным артельным производством было закреплено в уставе института, созданного Всесоюзным советом промысловой кооперации, который являлся головным для всей системы народно-художественных промыслов (НХП) СССР. Координационный совет НИИХП был обязан контролировать художественное артельное производство в регионах [8, с. 11–12]. Проблема состояла в том, что ряд центров традиционных промыслов к 1930-м годам уже настолько потеряли народные культурные традиции, что восстанавливать их заново приходилось уже московским специалистам на основе выявленного ими развития традиций художественных промыслов региона в прошлом. Экспедиции должны были «установить, какие

народные художественные промыслы Алтая могут быть восстановлены или организованы вновь» [6, л. 1].

Внедрение результатов научно-исследовательских изысканий в развитие местного артельного производства способствовало выстраиванию долгосрочных связей сотрудников НИИХП с городскими артельными коллективами начиная с первой поездки в 1953 г. Э.М. Демюр в Барнаул. 1960-е годы были очень сложным периодом для развития потребкооперации, которая имела довольно широкую сеть в отдаленных регионах РСФСР и на окраинах. Наверху шла борьба за и против развития потребкооперации как формы социалистической собственности. Стратегически государство намерено было поддерживать крупное промышленное производств. Практическое развитие артельного производства было обусловлено тем, что крупная государственная промышленность была сосредоточена на стратегических отраслях; местная промышленность должна была работать на массового потребителя. Поэтому у государства было двоякое отношение к этому вопросу. В 1950-е гг. борьба двух тенденций еще не закончилась и существовала перспектива развития артельного производства, на которое НИИХП делалась ставка.

Поэтому важную часть работы во время выездов сотрудников института составляло выявление предприятий художественных промыслов, располагавшихся в регионах [1, с. 69–70], и оказание им методической и практической помощи. Материалы экспедиций показывают, что в Барнауле Н.И. Каплан и Э.М. Демюр работали с артелью «Веревочник» (ковровое и ткацкое производство), артелью им. Шевченко (строчевышивальные изделия), артелью им. 23 февраля (роспись тканей). В Бийске с артелью им. 27 лет РККА (ткацкое и ковровое производство) и артелью им. 1 мая (швейное производство и строчевышивальные изделия). В Горно-Алтайске – с артелью «Текстильщик» (ткацкое производство и строчка-вышивка). В отчете Н.И. Каплан отметила несоответствие ряда технологических процессов предъявляемым требованиям: при обследовании готовых ковров в артели «Веревочник» в Барнауле были обнаружены дисгармония цветовой гаммы в готовых изделиях, отступления от рисунков в орнаменте ковров, увеличение расхода шерстяной пряжи при вязке узла, из-за чего ковер получался грубым, неправильная закройка ковра, «*отчего ковер коробится*

и ровно не лежит». Было решено взять под контроль деятельность артели и провести более длительный семинар [2, л. 24]. Члены экспедиций установили, что при производстве ковров использовались устаревшие рисунки. Было рекомендовано для орнаментального оформления ковров использовать разработанные институтом образцы на основе тюркского орнамента, зафиксированного в Горном Алтае, которые присылались для артелей Алтая из Москвы ранее. Отступление от них в производстве объяснялось отсутствием типографского тиражирования рекомендуемых образцов. Поэтому артельщицы пользовались экземплярами ручной зарисовки художников НИИХП, количество которых было ограничено, а от многократного использования они приходили в негодность, и работники переходили на доступные типографские образцы, например дагестанского орнамента.

В артели им. 27 лет РККА Бийска петельные прикроватные ковры также делались надомницей иглой на хлопчатобумажной ткани по рисункам художников НИИХП, некоторые из которых уже были давно списаны [3, л. 21]. Для их обновления сотрудники НИИХП усилили в экспедициях работу по выявлению местных традиций орнаментирования и ввели обучающие семинары: Н.И. Каплан провела занятие по современному состоянию ковроделия 14 июля в Барнауле с показом иллюстративного материала, Э.М. Демюр занималась с ковровщицами 12–13 июля [3, л. 22–23]. Для краевых властей рекомендовалось организовать в Барнауле школы подготовки ковровщиц и отделение для повышения квалификации мастеров.

Работа с органами власти преследовала цель поддержки и возрождения художественных промыслов и артельного производства на основе внедрения народных традиций и народного орнамента. Столичные искусствоведы и художники выступали своего рода посредниками между властью и обществом (артелями, сельскими и городскими мастерами, деревенскими обществами). Началом и завершением экспедиций являлась работа с краевыми органами власти в разных форматах. При этом они использовали свой столичный и академический статус. Отношение к москвичам в 1950–1960-е годы не только в селах, но и в столицах региона среди региональной администрации было особенно трепетным. В частности, оценки состояния развития местных промыслов регулярно обсуждались, прежде всего с ру-

ководством региональных промсоветов [3, л. 37]. В 1954 г. о возможностях и перспективах развития художественных промыслов в системе промкооперации по результатам полевой работы Н.И. Каплан и Э.М. Демюр провели специальное совещание в Горно-Алтайском обкоме КПСС с участием руководителей крупных промысловых артелей [4, л. 174]. Они констатировали, что *«в системе промкооперации Горноалтайской А.О. производство художественных изделий в настоящее время почти полностью отсутствует, мастерство и опыт народных художников никак не используется, не изучается, не развивается»* [4, л. 177]. Такая же встреча была проведена с работниками Управления культуры облисполкома [4, л. 174].

Предлагалось поддержать районы бытования алтайского народного декоративного искусства в Онгудайском и Кош-Агачском аймаках и русского художественного бранного ткачества в Усть-Коксинском аймаке, *«где еще живы многие искусные вышивальщицы и кружевницы».* В рекомендациях председателю крайпромсовета Алтайского края указывалось создать в этих центрах артели по производству *«вышитых и войлочных ковров, художественных изделий из металла, изделий из дерева с контурной и объемной резьбой, и привлечь в эти новые артели в качестве инструкторов, организаторов производства и исполнителей вышеназванных мастеров народного искусства»*. Перспективным называлось производство покрывал, скатертей и полотенец с алтайскими и русскими народными узорами; цех по производству керамики и бытовой посуды с использованием *«форм и орнаментов, сложившихся в народной среде»*; цех по производству мебели и сувениров из дерева, *«украшенных прорезной резьбой с алтайским народным орнаментом».* Сотрудники НИИХП гарантировали проведение консультаций и оказание технической и художественной поддержки [4, л. 174, 177, 180–181].

Таким образом, деятельность сотрудниц НИИХП в 1950–1960-е годы можно назвать своего рода подвигом по спасению затухающих народных художественных промыслов. Их работа, направленная на перестройку потребкооперации по производству предметов повседневного спроса с опорой на художественные декоративно-прикладные традиции русского и алтайского народов, являлась попыткой спасти народную культуру. Вопрос о ее существовании увязывался с артельным производством в регионах

СССР. В определенной степени отказ от потребкооперации предопределил судьбу НИИХП, а перестройка поставила точку, отказавшись от опоры на национальные традиции и самобытность.

** Подготовлено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-01443).*

Список литературы

1. *Ведерникова Н.М.* Экспедиции НИИ художественной промышленности как часть научно-методической работы с промыслами // Институт на Воровского (несостоявшийся юбилей): к 85-летию Научно-исследовательского института художественной промышленности. М.: Ассоциация НХП России, 2017. С. 65–76.
2. ВМДПНИ (Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства). Ф. 643. Оп. 1. Д. 423.
3. ВМДПНИ. Ф. 643. Оп. 1. Д. 425.
4. ВМДПНИ. Ф. 643. Оп. 1. Д. 491.
5. ВМДПНИ. Ф. 643. Оп. 1. Д. 535.
6. ВМДПНИ. Ф. 643. Оп. 3. Д. 18.
7. ВМДПНИ. Ф. 643. Оп. 4. Д. 514.
8. *Мусина Р.Р.* Институт художественной промышленности в системе науки и практики художественных промыслов (1932–1997) // Институт на Воровского (несостоявшийся юбилей): к 85-летию Научно-исследовательского института художественной промышленности. М.: Ассоциация НХП России, 2017. С. 7–34.

Н.О. Костин
Краков, Папский университет Иоанна Павла II

Эпистемология Т.А. Проскуряковой: открытие историчности

Данный доклад посвящен научному вкладу Татьяны Авенировны Проскуряковой (в англоязычном мире Tatiana Proskouriakoff) – американскому археологу-майянисту, иллюстратору и искусствоведу. Проскурякова (1909–1985) – удивительный пример исследователя, совмещающего в себе с одной стороны, смелый междисциплинарный и новаторский подход, а с другой – большую академическую скромность и чувство такта.

Т.А. Проскурякова родилась в Российской империи в г. Томске. Однако из-за профессии отца, предполагавшей международную деятельность, она в шестилетнем возрасте, в 1916 г., оказывается в Нью-Йорке. Образование Проскурякова получила

в США, а ее академическая жизнь сложилась рядом с древней и таинственной цивилизацией Мезоамерики.

Необходимо отметить, что майянистика 1950-х и 1960-х годов отличалась философской проблематикой. Еще сохранился эвристический романтизм глобальных открытий в древности, который дополнялся верой в прогресс и научно-технический потенциал человека. В пространстве философии идет поиск универсального метода анализа: структурализм, логический позитивизм и постпозитивизм. А майянистика того периода была больше загадкой и проблемой, нежели устоявшейся научной традицией – именно поэтому она служила полем для проверки и реализации различных методов в области гуманитаристики.

Примечательно то, что Проскурякова развивала свои идеи абсолютно автономно от другого исследователя – Ю.В. Кнорозова, совершившего переворот в понимании и дешифровке письменности древней цивилизации. И, в отличие от Кнорозова, который пришел в майянистику через этнографию, теоретическую лингвистику и теорию дешифровки (т.е. в целом через призму «инженерного» мышления), она пришла через археологию, теорию искусств и дизайна, анализ изобразительного искусства. Несмотря на эти различия, а также на напряженную политическую ситуацию между СССР и США, оба исследователя питали взаимное уважение. Более того, Проскурякова – автор предисловия к английскому переводу «Письменность индейцев майя» Кнорозова [4]. Несмотря на то, что Проскурякова пришла в мир майянистики как любитель и непрофессионал, она, во-первых, очень изящно и точно использовала историческую методологию и строго оценивала контекст исследования, а во-вторых, выдвинула несколько теоретических гипотез, которые впоследствии были научно подтверждены. Более того, она – автор практически всех известных иллюстраций городов майя (с сохранением архитектурных пропорций) [1]. Условно можно выделить четыре «эры» в майянистике:

– эра Карнеги (субсидирование и развитие полевых исследований);

– эра Томпсона (практически неоспоримый авторитет археолога Э. Томпсона и его каталогизации);

– эра Проскуряковой (открытие историчности цивилизации майя, условное чтение письменности);

– эра Кнорозова (дешифровка письменности майя и перевод текстов).

Э. Томпсон был старшим коллегой Проскуряковой, очень трудолюбивым и амбициозным человеком. Несмотря на его значительный академический вклад и заслуги, именно Томпсон – автор т.н. жреческого мифа – концепции, согласно которой древние индейцы представляли собой уникальную жреческую цивилизацию, не знавшую ни политического управления, ни экономических кризисов, ни войн [5]. Соответственно, это приводило к далеко идущим выводам относительно принципов развития цивилизаций и культуры человечества в целом. Концепция Томпсона была плодом субъективного желания самого автора и его политической ангажированности в условиях холодной войны. По сути, она отрицала исторический порядок и развитие цивилизации древних майя. И именно Проскурякова доказала и открыла эту историчность, причем до дешифровки письменности индейцев.

Проскурякова не стремилась к гигантизму и привлечению внимания. Ее публикация, где она излагает результаты своих творческих, но кропотливых наблюдений, носит скромное название «Историческое значение набора дат в Пьедрас-Неграс, Гватемала» [2]. На нескольких страницах она описала выявленную ею закономерность в календарной записи – отсчет представляет собой династическую серию из семи правителей, что представляет примерно 200 лет описания живой фактографической истории майя. Таким образом, без громких заявлений и интриг Проскурякова успешно использовала структурный анализ записи совместно с изобразительным анализом и пришла к конкретному результату. Этот вывод был назван «династической гипотезой Проскуряковой», которая будет подтверждена последующим открытием Кнорозова.

Несмотря на то, что данная публикация не произвела много шума в академическом сообществе, она была поистине революционной. Главенствующим мнением в то время было суждение о том, что письменность майя представляет собой набор нечитабельных ритуальных символов, где полностью отсутствует фонетический ряд. Своеобразной кульминацией этого мнения была публикация немецкого исследователя П. Шельхаса [3], на которую отреагировал Кнорозов (и которая изначально побудила его к дешифровке). Следуя избранной методологии, Проскурякова

приходит к выводу, что эта знаковая система представляет из себя иероглифы, которые нуждаются в чтении. То есть возможно чтение, а не смутные интерпретации символов. Примечательно то, что Проскурякова тем самым невольно подтвердила открытие Кнорозова. Однако окончательно она так и не приняла его метода. Причины такой позиции – открытое пространство для размышлений.

«Династическая гипотеза» – только первый результат эпистемологического подхода Проскуряковой. Следующим этапом будет разграничение монументального и классического письма (внимание к контексту знаков); открытие «Цариц Майя» – т.е. династических правительниц (что в корне меняло представление о патриархальной структуре майянского общества); пересмотр «Каталога» Томпсона (применение четких методологических рамок описания); грамматический анализ предложений древнего письма (т.е. примерная формула фразы на этом языке); полное опровержение доминирующей идеи о т.н. пантеоне майя (что серьезнейшим образом сказалось на дальнейшей антропологической парадигме вплоть до современных исследований структур архаического мышления и теории групп). К счастью, эти заслуги не были не замечены: Проскурякова – член Американской антропологической ассоциации и Американского философского общества.

Т.А. Проскурякова выработала собственную эпистемологическую модель, которая позволяла ей приходить к конкретным результатам в очень сложных научных вопросах. Описанию этой модели и посвящена дальнейшая часть данного доклада.

Список литературы

1. *Proskouriakoff T.* An Album of Maya Architecture. Washington, D.C.: Carnegie Institution of Washington, 1946 (unpaged).
2. *Proskouriakoff T.* Historical implications of a pattern of dates at Piedras Negras, Guatemala // American Antiquity. 1960. Vol. 25. No. 4. P. 454–475.
3. *Schellhas P.* Die Entzifferung der Mayahieroglyphen ein unlösbares Problem? // Ethnos. 1945. Bd. 10. S. 44–53.
4. Selected Chapters from The Writing of the Maya Indians by Y.V. Knorozov / trans. by S. Coe; collaborating ed. T. Proskouriakoff. Cambridge, MA: Peabody Museum, 1967. 162 p.
5. *Thompson J.E.* The Civilization of the Mayas. Chicago: Field Museum of Natural History, 1927. 110 p. (Anthropology Leaflet. No. 25).

Н.Н. Кукаренко
Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Рейчел Карсон: женский голос (в)экологии

Рейчел Луиз Карсон (1907–1964) – американская защитница природы, писатель и биолог. Это одно из тех имен, которые должны быть на слуху, однако по факту известны очень немногим. Рейчел Карсон написала в 1960-е гг. книгу «Безмолвная весна» (Silent Spring) и стала основателем экологического общественного движения. Книга вышла в свет в 1962 г. и была посвящена проблемам использования пестицидов и вреду, который они наносят окружающей среде и здоровью человека. «Безмолвная весна» описывает пагубное влияние синтетических пестицидов, особенно ДДТ, на природу. Карсон пишет, что пестициды, оказавшись в биосфере, не только убивают насекомых, но и попадают в пищевую цепочку, угрожают популяциям птиц, рыб, а в итоге отравляют детей.

Интересен тот факт, что большая часть собранных Карсон данных была не нова – ученому сообществу уже некоторое время было о них известно. Однако Рэйчел Карсон впервые собрала все показания вместе и представила вниманию публики, умело объединив точные научные данные с проникновенным художественным описанием. Сделав это, Карсон как гражданка и ученый породила «экологический поворот» в сознании человечества.

Говоря о биографии Карсон, можно выделить определенные вехи, которые демонстрируют всю неординарность ее личности. Так, в июне 1932 г. Рэйчел Карсон получила степень магистра в области зоологии. Она намеревалась продолжать научную работу и получить докторскую степень. Однако в 1934 г. молодая ученая вынуждена покинуть университет Хопкинса и искать постоянную работу, чтобы материально поддерживать своих родных в период Депрессии в США. В этот период Карсон пишет тексты для серии образовательных радиопрограмм под названием «Подводная романтика» (Romance Under the Waters). Пятьдесят две серии, каждая по семь минут, рассказывали радиослушателям о подводной жизни и были призваны подстегнуть интерес публики к морской биологии и работе Службы

рыбных ресурсов – задание, с которым не сумели справиться несколько предшественников Карсон на этой должности. Руководитель Карсон, довольный успехом подготовленных ею радиопрограмм, предложил молодой ученой написать предисловие к брошюре о работе Службы рыбного хозяйства, а также добился для своей подопечной ее первой постоянной должности. Во время экзамена на замещение вакансии Рэйчел превзошла всех прочих соискателей, и в 1936 г. стала второй женщиной, получившей постоянную работу в Службе рыбного хозяйства на должности младшего гидробиолога.

Летом 1945 г. Рэйчел Карсон впервые знакомится с материалами о ДДТ, революционно новом пестициде (после бомбежек Хиросимы и Нагасаки восхваляемом как *«ядерная бомба для насекомых»*). ДДТ только начали тестировать на безопасность и экологическое воздействие. К 1957 г. Карсон внимательно отслеживает и анализирует федеративные планы по масштабному распылению пестицидов; Департамент сельского хозяйства США (USDA, https://www.usda.gov/) планирует истребление огненных муравьев и прочие подобные проекты. До конца своей жизни далее в сферу профессиональных интересов Карсон вошло изучение опасностей бесконтрольного использования пестицидов. В январе 1958 г. произошел эпизод, подтолкнувший Карсон к дальнейшим действиям. От своей подруги Ольги Оуэнс Хакинс (Olga Owens Huckins) Карсон узнала, что дом Ольги и ее частный птичий заповедник в Паудер Поинт, Дакс-бери, Массачусетс (Powder Point in Duxbury, Mass.) попали в радиус распыления ДДТ с воздуха; были истреблены безобидные насекомые и птицы в массовых масштабах.

По мере продвижения ее изысканий Рэйчел Карсон обрела поддержку большого сообщества ученых, документировавших физиологические и экологические воздействия пестицидов. Кроме того, она воспользовалась своими личными связями со многими правительственными учеными, снабжавшими ее конфиденциальной информацией. К 1960 г. Карсон ознакомилась с сотнями отдельных случаев воздействия пестицидов: и возникших в результате человеческих заболеваний, и экологического ущерба. Главный аргумент Карсон – пестициды оказывают пагубное воздействие на окружающую среду. Их правильнее называть *биоцидами*, пишет она, поскольку их воздействие редко ограничивается

«целевыми» вредителями, против которых они направлены. Позицию Карсон, изложенную в «Безмолвной весне», можно резюмировать следующим образом: «Химикаты – это зловещие и мало признанные (little-recognized) партнеры радиации в процессе изменения самой природы мира – самой природы жизни.

• Спреи, порошки и аэрозоли сейчас применяются почти повсеместно – на фермах, в садах, в лесных и домашних хозяйствах. Неизбирательные (неселективные) химикаты, обладающие способностью убить каждое насекомое, и полезное, и вредное, заглушить птичье пенье и всплески рыбы в ручьях – покрыть листву смертоносной пленкой и задержаться в почве – всё перечисленное вместе, хотя целью могут быть лишь несколько сорняков или насекомых.

• Неужели кто-то думает, будто можно покрыть таким слоем ядов поверхность Земли, не делая ее непригодной для любых форм жизни? Их надо называть не “инсектицидами”, а “биоцидами”, уничтожителями всего живого.

• Мы должны контролировать популяции насекомых. Я не противопоставляю природу и вредных насекомых. Я сторонница щадящего, избирательного и разумного использования химических веществ. А протестую я против неизбирательного, тотального распыления» [1].

В течение недель, предшествовавших публикации книги 27 сентября 1962 г., началась мощная оппозиция Карсон со стороны представителей химической промышленности. Их реакция на «Безмолвную весну» оказалась неожиданно агрессивной и оскорбительной. Карсон «демонизировали» как ведьму, необразованную истеричку. Среди первых критиков оказались корпорации DuPont (основной производитель ДДТ и 2,4-D) и Velsicol Chemical Company (эксклюзивный производитель хлордана и гептахлора). DuPont собирал информацию об освещении книги в прессе и оценивал ее влияние на общественное мнение. Velsicol грозил судебными исками издателям «Безмолвной весны». Параллельно химические компании и смежные организации выпустили множество брошюр и статей, пропагандирующих и защищающих использование пестицидов. Американский биохимик Роберт Уайт-Стивенс (Robert White-Stevens) был в числе наиболее яростных критиков книги, в особенности предложенного Карсон анализа ДДТ. Уайт-Стивенс заявлял, что «если бы человек следовал учению мисс Кар-

сон, мы бы вернулись в Средневековье, а землей вновь овладели бы насекомые, болезни и паразиты» [3].

Другие противники пошли дальше, подвергая сомнению профессионализм Рэйчел Карсон (поскольку по образованию она была гидробиологом, а не биохимиком), а также ее личные качества. Ее обвиняли в симпатиях коммунизму и клеймили старой девой, любящей кошек. Представители корпорации Velsicol намекали на «зловещее влияние» в создании книги Карсон: она якобы была сельскохозяйственной пропагандисткой, нанятой Советским Союзом, в чьи намерения входило подорвать способность Запада к производству продуктов питания. Уайт-Стивенс заклеймил Карсон «фанатичной защитницей культа природного равновесия», а бывший министр сельского хозяйства США Э. Бенсон (Ezra Taft Benson) в письме к бывшему президенту Эйзенхауэру (Dwight D. Eisenhower), как сообщалось, заключал, что, поскольку Карсон, несмотря на ее привлекательную внешность, была не замужем, «она, скорее всего, коммунистка» [2]. Однако важно, что академическими кругами сделанные в книге научные утверждения полностью поддерживались. Более того, вскоре общественное мнение также переменилось к Рэйчел Карсон и стало относиться с вниманием к ее идеям. Благодаря полемике вокруг книги значительно возросла информированность общественности о потенциальных опасностях, связанных с пестицидами. Вырос также тираж распроданных экземпляров «Безмолвной весны».

Большую помощь в укреплении ее позиции оказало выступление Карсон на телевидении. Это был часовой специальный выпуск программы CBS Reports (Columbia Broadcasting System's television series “C.B.S. Reports”) под названием «Безмолвная весна Рэйчел Карсон» (транслировался 3 апреля 1963 г.). Спокойная речь, тщательно подбираемые Рэйчел слова развеяли слухи о том, что она злая ведьма или фанатичка.

Среди прочего, в своем телевыступлении мисс Карсон отметила: «Мы до сих пор используем термин “завоевания”. Мы все еще не доросли до того, чтобы считать себя лишь крошечной частью огромной и невероятной вселенной. Отношение человека к природе сегодня жизненно важно просто потому, что теперь мы обрели роковую власть менять и уничтожать природу.

Но человек – это часть природы, и его война против природы неизбежно оборачивается войной против самого себя. Дожди сделались орудием для очищения атмосферы от смертельных продуктов ядерных взрывов. Вода, вероятно, наиболее ценный наш природный ресурс, теперь используется с немыслимым безрассудством. Я искренне верю, что именно наше поколение должно примириться с природой. Думаю, нам брошен вызов, с каким человечество ранее не сталкивалось. Мы обязаны доказать свою зрелость, умение и власть – не над природой, но над самими собой» [4].

Симптоматично, что Рэйчел Карсон пользовалась поддержкой таких высокопоставленных лиц, как, например, президент Джон Кеннеди, создавший президентский комитет по расследованию влияния пестицидов.

4 июня 1963 г., менее чем через год после выхода в свет книги «Безмолвная весна», Рэйчел Карсон давала свидетельские показания перед подкомитетом Сената по вопросам использования пестицидов. Ей было 56 лет, и она умирала от рака груди, о чем почти никому не говорила. Из-за прогрессировавшей болезни Рэйчел скрывала облысение под париком и едва могла ходить, когда вынуждена была давать показания перед Конгрессом. Сенатор Эрнест Грунинг (Ernest Gruening), демократ из Аляски, сказал тогда Рэйчел: «Время от времени в истории человечества появляется книга, которая существенно меняет ход истории» [4]. «Наши необдуманные и разрушительные действия влияют на бесконечные жизненные циклы Земли, и со временем возвратятся, неся опасность нам с вами», – отметила Рэйчел в своем выступлении перед сенатским подкомитетом. Мы и теперь видим последствия бездумного человеческого вмешательства глазами Карсон: она популяризировала современную экологию. Завершая рукопись «Безмолвной весны», Рэйчел писала своей подруге Дороти Фримен: «Теперь я могу быть уверена, что сумела хоть немного помочь. Было бы нереально ожидать, что одна книга принесет радикальные перемены».

Рэйчел Карсон умерла в 1964 г., всего через 18 месяцев после выхода в свет «Безмолвной весны». Она никогда не узнает, что ее крестовый поход против пестицидов навсегда изменил отношение американцев к окружающей среде. ДДТ был запрещен в США в 1972 г. Работа Карсон также привела к созданию

Агентства по охране окружающей среды, и без ее новаторских усилий мы, возможно, не отмечали бы День Земли.

Список литературы

1. *Карсон Р.* Безмолвная весна. URL: https://warlib.site/carson/ (дата обращения: 20.01.2022).
2. Личные нападки на Рэйчел Карсон как на женщину-ученого. URL: https://www.environmentandsociety.org/exhibitions/rachel-carsons-silent-spring/personal-attacks-rachel-carson-woman-scientist (дата обращения: 21.04.2024).
3. *Оффит П.* «Ящик Пандоры»: семь историй о том, как наука может приносить нам вред. URL: https://mybook.ru/author/pol-offit/yashik-pandory-10/ (дата обращения: 12.02.2022).
4. Рэйчел Карсон (Rachel Carson, 1907–1964) – жизнь и труд. URL: https://lenka-lesoleil.livejournal.com/286760.html (дата обращения: 10.03.2023).

О.Ю. Голечкова
Москва, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

«Возможности женского мозга меньше...»: отношение к женщинам в технических науках в позднесоветский период (1970–1980-е годы)

Ученые из разных сфер (нейробиологии, нейролингвистики, психологии и др., а также социальных дисциплин) на протяжении десятилетий пытаются ответить на вопрос, насколько серьезны различия между мужским и женским мозгом, как они влияют на обучаемость, способности к техническим или гуманитарным дисциплинам [2; 3; 4; 6; 7; 8; 10; 11; 12; 14] и т.д. В мировой науке исследователи в последние два-три десятилетия пишут о том, что незначительные физиологические различия между мужским и женским мозгом, как правило, не имеют серьезного влияния на склонность к различным наукам [13; 15; 16]. Гораздо большее влияние имеют воспитание, ожидания в обществе, различное отношение к мальчикам и девочкам в процессе обучения и т.д. Несмотря на это, во многих странах, включая Россию, подобные

исследования по-прежнему не распространены, а знания в этой области не являются common knowledge. Вследствие этого даже в сфере науки существуют стереотипы о том, что женщины не способны к серьезным успехам в технической сфере. Если подобные стереотипы распространены и сейчас, то неудивительно, что в позднесоветский период мнения о неспособности женщин заниматься серьезными исследованиями, особенно в технических науках, считались общеизвестным фактом [5; 9].

Данное исследование сосредоточено на положении женщин в технических науках, более конкретно – в физике и математике. В основе проекта – интервью с сотрудниками Физического института Академии наук, собранные в 2022–2024 гг. (на данном этапе собрано порядка двух десятков полуструктурированных интервью; работа по их сбору продолжается). Опрошенные работали в институте в 1970–1980-е годы. Исследование ставит целью объяснить причины существования представлений среди мужчин и женщин о том, что женщины не в состоянии добиться серьезных успехов в технических науках (на примере физики).

Для начала обратимся к цифрам. В ФИАНе, как и в Академии наук вообще [9], в исследуемый период женщины составляли подавляющее меньшинство среди научных сотрудников (порядка 4,5%). Респонденты, как правило, уже после просьбы рассказать о женщинах-однокурсницах и коллегах позволяли себе весьма резкие высказывания об уме, способностях и знаниях женщин. Ремарки большинства респондентов можно свести к тому, что женский мозг отличается от мужского: он не способен выполнять сложные, «технические» задачи, поэтому женщинам следует сосредоточиться на более обыденных вопросах: семье, доме и пр. Они утверждают, что в основном женщины и не стремились добиться успехов в науке [1]. Интересно, что с такой позицией согласны и некоторые из опрошенных женщин [1].

Респондентов можно разделить на три группы. Большинство (примерно 40%) высказывается достаточно резко о «втором поле»: женщины не тянули в университете и не потянули на работе в ФИАНе, поэтому их и сейчас практически нет в институте. Вторая группа (примерно треть респондентов) утверждает, что были женщины в университете, их было достаточно много (как правило, около половины), но в дальнейшем они не продолжили свою научную работу (как правило, вышли замуж, родили де-

тей), на серьезные исследования не способны. Интересно, что многие из отнесенных к этой категории утверждали, что женщины могут делать расчеты, а вот со сложными физическими исследованиями не справятся. Часть респондентов подтверждает еще один известный стереотип о том, что, многие более успешные в технических науках женщины не выглядят как женщины – они не очень привлекательны и мужеподобны [1]. Третья группа – самая малочисленная (около 25%) – представлена теми, кто не считает, что существуют значительные различия между способностями мужчин и женщин.

Предварительные краткие выводы исследования следующие. В ФИАНе и сейчас, и в изучаемый период было мало женщин; а женщины с кандидатскими и докторскими диссертациями практически отсутствовали в коллективах в 1970-х – конце 1980-х годов. Можно прийти к выводу, что у опрошенных практически не было опыта общения с женщинами не только в физике, но и в науке вообще. Именно поэтому сравнения, которые делают респонденты, как правило, неуместны. Так, Михаил делает глобальные выводы о том, что «мозг женщины иной», он работает «совершенно иначе» и т.д., имея в виду *одну* коллегу женского пола, которая не умеет и не хочет заниматься рабочими вопросами, т.к. она слишком занята семьей [1]. Между тем те немногие респонденты, которые считают, что нет серьезных отличий в способностях между женщинами и мужчинами в их стремлениях к «теоретическим» «абстрактным» наукам и пр., как правило, имеют опыт близкого общения с женщинами в науке. Например, у троих из таких респондентов жены работали или работают в сфере науки (в области физики и биологии).

Список литературы

1. Полевые материалы автора.
2. *Бондаренко Л.Ю.* Гендерная асимметрия в сфере научной деятельности // Пути преодоления гендерной асимметрии в России: Материалы научно-практического семинара, состоявшегося 23 декабря 2000 г. в Томске / сост. Т.М. Дмитриева; под ред. Л.Ю. Бондаренко. Томск: б.и., 2000.
3. *Ведерникова Е.В.* Советская гендерная политика и карьерные возможности женщин в науке // Федеральный образовательный портал – экономика, социология, менеджмент. URL: http://ecsocman.hse.ru/rubezh/msg/18347421.html (дата обращения: 10.12.2017).

4. *Володарская Е.А., Разина Т.В.* Образ женщины-ученого в изобразительном искусстве СССР как отражение гендерного неравенства в науке // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8. № 1. С. 125–137.
5. *Емельянова Т.П., Щавелева М.А.* Социальные представления о женщине – научном работнике // Домашняя страничка Марины Щавелевой. URL: http://geniemarina.narod.ru/stat/stat2.html (дата обращения: 24.06.2022).
6. *Полюшкевич О.А.* Основы анализа гендерной специфики социальных представлений. Иркутск: Издательство Иркутского государственного университетта, 2009. 149 с.
7. *Пушкарёва Н.Л.* Женщины в советской науке. 1917–1980-е гг. // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 92–102.
8. *Пушкарёва Н.Л.* «Да зачем мне это нужно?» Почему российские женщины-ученые не «рвутся спесиво» к научной славе? // Жизнь в женском свете: к 60-летию В.И. Успенской: Сборник научных статей. Тверь: Тверской государственный университет, 2012. С. 161–173.
9. *Пушкарёва Н.Л.* «Ума не надо»: социальные представления о женщине-научной-работнице в советском и постсоветском обществе // Труды Карельского научного центра РАН. 2013. № 3. С 89–98.
10. *Симакова Н.В.* Женщины–интеллигенты в меняющемся обществе // Интеллигенция в социальных процессах современного общества. М.: Наука, 1992. С. 151–165.
11. *Скворцова Л.А.* Управление гендерной асимметрией в науке (на материалах Забайкальского края). Автореф. дис. … канд. социол. наук. Чита, 2008. 22 с.
12. *Grant M.J., Behrman J.R.* Gender gaps in educational attainment in less developed countries // Population Development and Review. 2010. Vol. 36. No. 1. P. 71–89.
13. *Hyde J.S., Fennema E., Lamon S.J.* Gender differences in mathematics performance: A meta-analysis // Psychological Bulletin. 1990. Vol. 107. No. 2. P. 139–155.
14. *Lindberg S.M., Hyde J.S., Petersen J.L., Linn M.C.* New trends in gender and mathematics performance: A meta-analysis // Psychological Bulletin. 2010. Vol. 136. No. 6. P. 1123–1135.
15. *Perez-Felkner L., McDonald S.-K., Schneider B., Grogan E. Female* and male adolescents' subjective orientations to mathematics and the influence of those orientations on postsecondary majors // Developmental Psychology. 2012. Vol. 48. No. 6. P. 1658–1673.
16. *Tshabalala T., Ncube A.C.* Causes of poor performance of ordinary level pupils in mathematics in rural secondary schools in Nkayi district: Learner's attributions // Nova Journal of Medical and Biological Sciences. 2016. Vol. 1. No. 1. P. 4–14.

Е.В. Бусырева
Апатиты, Кольский научный центр РАН

Образ жизни женщины-ученого Кольского научного центра

Цель исследования – показать, как женщины-ученые пытаются совмещать заботы о семье с научной деятельностью. Специфика жизни женщин-ученых в последние годы вызывает интерес у представителей гендерных исследований. Однако до сих пор эта тема остается недостаточно изученной. Проблема заключается в том, как сочетать повседневную домашнюю деятельность, воспитание детей с достижениями в работе. Сбор материала осуществлялся среди сотрудниц Кольского научного центра в г. Апатиты Мурманской обл. В работе использовался такой метод устной истории, как полуструктурированное интервью.

Существует стереотип восприятия женщин как потенциальных матерей, «которые не смогут уделять достаточное внимание профессиональным делам, поскольку это повлечет за собой сокращение времени на семейные обязательства» [3, с. 10]. Анализ полученных интервью подтвердил данное мнение. Иногда мужья вроде бы положительно относятся к тому, что жена собирается защищать диссертацию, но с оговоркой: *«Муж сказал: “Хорошо, защитишься. Главное, не забывай про дом и семью”»* [1]. Безусловно, в таком отношении к жене проявляется эгоизм мужа. Он абсолютно ей ни в чем не помогал, а она вынуждена была трудиться до изнеможения.

Традиционная роль женщин в семье затрудняет создание успешной научной карьеры [2, с. 2]. Как правило, если возникает необходимость уделить больше внимания работе, семья оказывается на втором месте. В подобных обстоятельствах большое значение имеет поддержка семьи: *«У меня была такая замечательная мама, которая дала мне полную свободу действий, которая всегда сидела с моим ребенком столько, сколько было необходимо. Давала мне возможность развиваться, расти, путешествовать. Я даже уезжала на полгода работать за границу, и мой сын жил с мамой»* [1]; *«Мой муж даже возил меня по области на машине, когда мне нужно было собирать материал для диссертации»* [5]; *«Когда я уезжала на защиту, с дочкой был папа. Он был надежный папа. Он вообще ее и в садик*

водил, и даже в поликлинику с ней ходил» [1]. Однако далеко не все сотрудницы академического сообщества находят поддержку у мужей. Возможно, последние не хотят, чтобы их жены достигли более значительных успехов, чем они сами. В этом проявляется ревность (зависть) мужей к достижениям их жен. Случается, что подобные браки заканчиваются разводом.

Женщины, которые на первое место ставят научную карьеру, зачастую вынуждены отказаться от семейной жизни [4, с. 35]. Успешная карьера предполагает «избегание семейных обязанностей». Помимо загруженности на работе, немаловажным препятствием к созданию семьи являются командировки, которые необходимы для установления связей в научном сообществе [5, с. 58].

Заинтересовала также причина возникновения интереса к научной деятельности у информантов. Скорее всего, она кроется в том, что все информанты с рождения росли в академической среде: *«Мои родители после окончания Ленинградского университета приехали по распределению в качестве молодых специалистов работать в Кольский филиал Академии наук в Апатитах. Полагаю, кстати, что именно этот факт предопределил мою дальнейшую судьбу – стать ученым»* [1]. Для них академическая жизнь – это повседневность: *«Поскольку я росла в научной среде – это было естественно. Сама среда подпитывала. Казалось, что так и должно быть»* [1]. У большинства информантов кто-то из родителей или доктор наук, или кандидат. Однако все люди разные, и у каждых свои приоритеты в жизни. Например, информант Б., 1960 г.р., всегда на первое место ставила семью, хотя выросла среди академического сообщества (папа – доктор наук): *«Я решила резко поменять жизнь уже после сорока лет: сын вырос, прежняя работа совершенно не удовлетворяла. Муж меня поддержал».* Неудовлетворенность рутинной работой, прозябание на одном месте, понимание, что можешь чего-то большего, часто становится толчком к повороту в сторону исследовательской работы. Безусловно, подобные радикальные решения могут возникать у целеустремленных женщин с сильным характером. Информант И., 1968 г.р.: *«Сколько себя помню, всегда была очень активным человеком, постоянно искала себя. После защиты кандидатской я задумалась: а что дальше? Я сама решила, что надо идти дальше. И серьезно задумалась о докторской диссертации. Мне пришлось пожертвовать частично работой, общением с*

друзьями и родными и полностью уйти в работу над диссертацией. Какой смысл по горизонтали развиваться? По вертикали! Я думаю, что мне очень повезло, потому что моя работа доставляет мне удовольствие!» Несомненно, научная работа предполагает постоянное повышение квалификации [2, с. 2]. А любовь к своей работе есть «сильнейшая мотивация к профессиональной самореализации, под которую женщины-ученые согласны подстраивать всю жизнь, все свои повседневные практики» [3, с. 15].

Среди наших информантов есть женщины-ученые, которые помимо научной деятельности еще и преподают. Например, информант И., 1968 г.р.: *«В двухтысячном году я стала доцентом на экономическом факультете Кольского филиала ПетрГУ, который впоследствии стал Апатитским филиалом МАГУ»* [1]. Конечно, совмещать исследовательскую и преподавательскую деятельность проблематично. Поэтому информант в последнее время приняла решение: «*Я уже хочу, чтобы одна работа была. Уйду из университета*».

Подводя итоги, можно предположить, что проблемы совместимости научной деятельности с заботами о семье можно решить, установив гибкий режим труда. Для некоторых специалистов возможна дистанционная работа. Также одним из решений загруженности сотрудниц академического сообщества может стать сокращенный рабочий день. Например, у всех сотрудниц Кольского научного центра рабочий день на один час короче, чем у мужчин.

* *Работа выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024-0002.*

Список литературы

1. Полевой материал автора.
2. *Кельсина А.С.* Женщины в науке: российский и региональный аспекты // Непрерывное образование: XXI век. 2022. № 1 (37). С. 2–13.
3. *Пушкарёва Н.Л.* «Работать больше других»: повседневность российских научных работниц и мотивация отрицания успеха // История повседневности. 2022. № 2 (22). С. 10–20.
4. *Рождественская Е.Ю.* Академическая женская карьера: балансы и дисбалансы жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3 (151). С. 27–47.

5. *Тараканов ская К.С.* Дискурс баланса жизни и труда в академии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3 (151). С. 48–67.

А.Г. Аллахвердян
Москва, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Динамика кадров в социальных науках: гендерный анализ

Отечественное науковедение за годы своего институционального развития с середины 1960-х годов постоянно расширяло и дифференцировало круг объектов своего исследования. Речь идет о дифференциации всей системы наук на три самые крупные области (группы) наук, а именно: естественные, технические и общественные науки. Если в советский период преобладающим объектом науковедческих исследований были естественные и технические науки, то в постсоветский период в фокусе внимания науковедов все чаще стали оказываться общественные науки.

В конце 1980-х годов общественные науки по численности научных работников (300,9 тыс.) были близки к естественным (315,8 тыс.), но более чем вдвое уступали техническим наукам – 716,2 тыс. научных работников [3]. В СССР государственная политика стимулирования роста численности кадров проявлялась в развитии не только естественно-технических, но и общественных наук. Последние развивались сообразно тем же общим кадровым тенденциям роста, которые были свойственны развитию естественных и технических наук в послевоенной советской науке**,** за исключением того, что в общественных науках темпы количественного роста были менее «скоростными».

В условиях трансформации советской науки в российскую на рубеже 1990-х годов уровень феминизации науки (трудовой занятости женщин в различных областях научного знания) резко возрос. Это коснулось всех без исключения областей российской науки, однако степень (уровень) феминизации в каждой из этих областей, а также входящих в них частных дисциплин, существенно различается. Более того, степень феминизации частной научной дисциплины не являлась величиной постоянной, она ежегодно менялась в период с 1995 по 2020 гг.

В 1995 г., согласно данным официальной статистики, показатель уровня феминизации социальных наук (включавших частные дисциплины: экономику, социологию, педагогику, психологию, политологию, юриспруденцию) в целом значимо (63%) превосходил аналогичный среднестатистический показатель по всей российской науке (48%). За 1995–2020 гг. уровень феминизации социальных наук в целом снизился с 63% до 59%. Однако в частных социальных дисциплинах данная тенденция изменений была существенно различающейся. Самый высокий уровень феминизации имел место в педагогике (65%), а самый низкий в политологии – 37% [2]. Тенденцию сокращения уровня феминизации науки в 2020 г. [1] можно считать позитивной, ибо рост феминизации в начале 1990-х годов носил преимущественно экономический характер, значительная часть мужчин-исследователей была часто вынуждена в поисках более высокой зарплаты покидать сферу науки. Тенденцию стремления к ранее сложившемуся гендерному балансу отчасти можно считать одним из свидетельств нормализации кадровой ситуации в частных социальных дисциплинах.

Рассмотрим это на примере одной из частных дисциплин – социологии. Активное участие женщин-социологов в научных исследованиях проявляется не только в росте их доли в кадровом составе социологии, но и в росте их удельного веса среди исследователей высшей научной квалификации – кандидатов наук и докторов наук.

Так, если взять социологическую науку в целом, то интегральная численность исследователей (мужчин и женщин) в ней возросла в 1,6 раза (с 941 до 1497 чел.), в то время как женщин-исследователей отдельно – в 1,8 раза (с 526 до 922 чел.). Иначе говоря, рост численности женщин-исследователей имел место в опережающем темпе по сравнению с ростом численности мужчин-исследователей. Однако самые существенные подвижки имели место в квалификационной структуре кадрового состава социологической науки, т.е. в росте числа кандидатов и докторов наук. Так, за период 1995–2020 гг. численность кандидатов наук возросла в 2,7 раза (с 182 до 499 чел.). Иначе говоря, к 2020 г. среди кандидатов наук в социологической науке более двух третей (67%) составляли женщины-исследователи. Однако самый большой квалификационный сдвиг произошел в составе женщин –

докторов наук (с 6 чел. в 1995 г. до 102 чел. в 2020 г.). Их число возросло в 17 раз, что составляет 37% от общей численности докторов наук, работающих в социологической науке. Таковы изменения в численности и квалификационной структуре кадрового состава социологической науки за 25 лет (1995–2020).

Представляет дальнейший науковедческий интерес, наряду с изменениями показателей уровня феминизации в социологии, статистически проанализировать аналогичные показатели и в других частных социальных дисциплинах.

Список литературы

1. Индикаторы науки: Статистический сборник / редкол.: Л.М. Гохберг и др. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2022. 327 с.
2. Наука в Российской федерации. Статистический сборник. М.: Издательский дом ГУ – ВШЭ, 2005. 114 с.
3. Научные кадры СССР: динамика и структура. М.: Мысль, 1991. 283 с.

И.В. Баданина
Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Гендерная асимметрия в наименованиях женщин и мужчин, занятых научным трудом

С первой трети XVIII в., когда в России была создана Академия наук и наука начала развиваться систематически, ею, как и другими видами социально значимой деятельности, в основном занимались мужчины. Поэтому закономерно, что названия человека в науке первоначально были только словами мужского рода: *ветеран*, *деятель*, *жрец*, *классик*, *корифей*, *патриарх*, *ученый муж* и т.д., даже среднего рода: *светило*. Это положение мало изменилось к настоящему времени. Пожалуй, только слово *величина* – женского рода и не имеет пары мужского рода. У этого слова значение «человек» появилось в результате метафорического переноса: *Не торопясь туда стекались из своих личных коттеджей, построенных еще военнопленными немцами, большие* ***величины науки*** *– Клентович, Мизгал, Колокольцев, Баритон, Лого-Плошкин, Фурман и даже похищенный из Италии Монте-*

корно [1]. Среди слов, передающих **общие обозначения** «по профессии, специальности, роду занятий, характеру деятельности и связанным с ними действиям, функциям, отношениям» [7, с. 195], номинации *деятель*, *работник*, *специалист*, *труженик*, *ветеран*, *жрец*, *служитель*, употребляемые для называния людей в науке, имеют парные слова женского рода, называющие женщину, которая занимается тем же видом деятельности. При этом все слова женского рода образуются от однокоренных слов рода мужского: *деятельница*, *работница*, *специалистка*, *труженица*, *ветеранка*, *жрица*, *служительница*. Не все эти слова женского рода, зафиксированные в «Русском семантическом словаре», употребляются для обозначения женщин, работающих в науке. Так, в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), послужившем нам источником примеров употребления всех рассматриваемых слов, не встречаются слова *работница*, *специалистка*, *труженица*, *ветеранка* для называния женщин, занимающихся наукой. Выявлен единственный пример употребления слова *деятельница*: *Петербургские Бестужевские курсы, ставшие, по существу, первым в России высшим учебным заведением, доступным для девушек, воспитали целый ряд выдающихся* ***деятельниц науки****, литературы, культуры, общественного движения* [12].

Слова же *кадр*, *спец*, *классик*, *корифей*, *мэтр*, *муж*, *патриарх*, *светило*, *слуга*, *старейшина* не имеют соответствий женского рода по причинам структуры исходных слов и их лексических значений: слово в литературном языке не принимает суффиксов обозначения лиц женского пола или не может называть женщину.

Часть общих обозначений людей по роду занятий (наукой) характеризуется компонентом оценки: *величина*, *жрец – жрица*, *классик, корифей*, *муж*, *мэтр*, *патриарх*, *светило*, *слуга*, *служитель – служительница*, *старейшина: Его* (А.П. Бородина. – *И.Б.*) *друзьями были Д.И. Менделеев, А.М. Бутлеров, И.М. Сеченов и некоторые другие будущие* ***светила*** *русской* ***науки*** [3]; ***Патриарх*** *русской географической* ***науки****, покойный Г.И. Танфильев, выражал не только свою мысль, утверждая: «Совершенно правильно также, что по своей природе Россия представляет особый мир»* [8].

Слова *деятель – деятельница*, *кадр*, *работник – работница*, *спец*, *специалист – специалистка*, *труженик – труженица* – это собственно общие обозначения, не имеющие коннотаций – дополнительных элементов в своих значениях.

С точки зрения принадлежности слов, называющих людей в науке, к высокому или, наоборот, сниженному, разговорному, стилю они распределяются таким образом: не имеют высокого или сниженного оттенка значения *деятель – деятельница*, *специалист – специалистка*; пометой «высокое» снабжены слова *труженик*, *жрец*, *корифей*, *муж*, *слуга*, *служитель*. Как книжное характеризуется слово *мэтр*. Помету «разговорное» имеют *кадр* (шутл.), *работница*, *спец*, *ветеранка*, *жрица*. Стилистически нейтральны слова женского рода *деятельница*, *служительница* (но имеет компонент оценки), *труженица*. Таким образом, с пометой «высокое» употребляются только слова мужского рода: *труженик*, *жрец*, *корифей*, *муж*, *слуга*, *служитель*. Без стилистических помет и без компонента оценки употребляются две пары слов: *деятель – деятельница*, *специалист – специалистка*.

С компонентом оценки – также слова обоих родов, при этом слово мужского рода может иметь помету «высокое»: *труженик*, *жрец*, *служитель*, тогда как образованное от него слово женского рода такой пометы не имеет: *труженица*, *жрица*, *служительница*. Слова *жрец*, *служитель* могут употребляться как в прямом значении, так и с оттенком иронии: *Это, вернее, не люди науки, а* ***служители науки, жрецы науки*** [5]; *Вот вам пример, как* ***служители науки****, упершиеся в свои книги, препятствовали разведению эвкалиптов* [5]; *Она* (Академия наук. – *И. Б.*) *сыграла большую роль в развитии науки, а ее учебные заведения – в подготовке образованных людей, преданных* ***служителей*** *отечественной* ***науки*** [10].

Есть пары слов, в которых лексическая единица мужского рода рассматривается как стилистически нейтральная, а образованное от нее слово женского рода имеет помету «разговорное», это уже упомянутые *работник – работница*, *ветеран – ветеранка*. В НКРЯ не встречаются слова женского рода из этих двух пар, но слова мужского рода присутствуют: ***Ветеран науки****, трогательно преданный точному знанию, накануне своей смерти мечтающий воскреснуть через столетие, чтоб хоть одним глазком взглянуть на успех своих преемников, этот фанатик исследования и опыта сохраняет в своей мещанской обстановке какие-то чисто артистические наклонности и неизменно вносит в научную работу принципы поэтического творчества* [4]; *В любом случае нетрудно будет заметить как*

внутренние, субъектные, так и внешние по отношению к ***работникам науки*** *обстоятельства, задающие траектории развития науки* [6].

Встречается в НКРЯ не отмеченное в РСС сочетание *человек (люди) науки*: *Если бы первые* ***люди науки*** *не видели мир сплошь тварным, если бы они не понимали его как высочайшее произведение божественного искусства, мы не знали бы математической физики* [11]; *Тот не ученый, не* ***человек науки****, для которого весь мир исчерпывается непосредственно видимым, кому кажется, что он обозревает всю реальность, что она лежит перед ним, как на ладони, и что очень легко и просто все узнать* [9].

Называя себя, свою роль в науке, женщина может выбирать слово мужского рода: *Пишу еще и потому, что я –* ***служитель науки****, со всеми положительными и отрицательными качествами этой службы* [2].

Таким образом, в группе слов – общих обозначений людей, занимающихся наукой, можно наблюдать гендерную асимметрию: слова мужского рода не только количественно преобладают, но и занимают главное место в выражении соответствующих значений. Эти слова характеризуются широкими стилистическими возможностями: они могут быть высокими, стилистически нейтральными, книжными, разговорными, в то время как слова женского рода либо стилистически нейтральные, либо разговорные. Необходимо отметить, что даже стилистически нейтральные слова женского рода не равны по стилистическому статусу словам мужского рода, которые являются основными номинациями во всех случаях. Это соотношение между словами двух родов обусловлено как внутриязыковыми, так и социально-историческими причинами.

Список литературы

1. *Аксенов В.* Таинственная страсть. М.: Семь дней – Эстепона, 2009. 591 с.
2. *Бехтерева Н.П.* Магия мозга и лабиринты жизни. М.: Наука, 1994.
3. *Глушкова В.Г.* Костромская земля: природа, история, экономика, культура, достопримечательности, религиозные центры. М.: Вече, сор. 2016. 383 с.
4. *Гроссман Л.П.* Натурализм Чехова. СПб., 1914.

5. *Жданов Ю.А.* Во мгле противоречий // Вопросы философии. 1993. С. 42–50.
6. *Климов Е.А.* Психология в XXI веке // Вопросы психологии. 2003. С. 51–54.
7. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам, слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; под ред Н.Ю. Шведовой. Т.1. М.: ИМРД, 2002.
8. *Савицкий П.Н.* Континент Евразия (1916–1968). М., 1997.
9. *Франк С.Л.* Религия и наука. М., 1929.
10. *Шабаева М.* История педагогики. М.: Просвещение, 1981. 367 с.
11. *Шевченко В*. Демон науки: Космический кубок // Знание – сила. 2003. С. 46–51.
12. *Явелов Б.* Календарь ЗС: октябрь // Знание – сила. 2003. С. 51–53.

Л.И. Грошева
Тюмень, Тюменское высшее военно-инженерное командное ордена Кутузова училище им. маршала инженерных войск А.И. Прошлякова
И.А. Грошева
Тюмень, Филиал Автономной некоммерческой организации высшего образования «Институт деловой карьеры» в Тюменской области

Образ женского труда в виртуальном пространстве

В массовых медиа активно продвигается идея равноправия мужчин и женщин в реализации трудовых и профессиональных установок, фактические ожидания и системные требования к кандидатам зачастую обусловлены рядом объективных и субъективных барьеров, нивелирующих свободу доступа к отдельным видам деятельности [1, с. 6].

Согласно данным Росстата, с начала 2022 г. доля женщин среди всех занятых на российском рынке труда не изменилась и составляет 48% [4, с. 62]. Хотя в системе занятости в настоящее время присутствует дефицит мужчин, структура вовлеченности в профессиональный труд качественно не изменилась. В особенности данный факт подтверждается углублением в качественном соотношении профессиональной самореализации мужчин и женщин. Доля женщин, занятых в управленческом труде в России, составляет 3%. В то же время среди крупнейших

компаний мира, которые входят в рейтинг S&P 500, доля женщин-CEO достигает показателя 8% [3, с. 196]. Практика крупного и среднего бизнеса в России не демонстрирует качественных изменений в отношении кадровой политики, что в значительной мере определяется рядом структурных факторов.

Исследователи отмечают, что негативные формы реакции во многом обусловлены рядом функциональных аспектов, которые остаются в рамках женской компетенции (рождение и воспитание детей), а также трудовыми функциями, которые по причине тяжести и вредности труда не могут быть в полной мере переданы в сферу равновесного подхода к гендерному подбору кадров [2, с. 47]. На этом фоне декларативные установки наиболее радикальных представителей общественных организаций, концентрирующих внимание на подобных проблемных аспектах, формируют условия социальной напряженности и объективной стагнации трудовых возможностей женщин ввиду автоматического нивелирования значимости объективных предложений на фоне нерационального подхода к объективным физиологическим возможностям [5, с. 33].

Проблема освещения женского труда остается актуальным вопросом в противодействии стереотипическим установкам массового сознания. С целью анализа характера освещения женского труда в виртуальной среде автором работы было проведено исследование методом контент-анализа, охватившее 237 статей, опубликованных в тематических ветках социальных сообществ и коммуникативных площадок, ориентированных на виртуальное информирование. Для анализа отбирались массивы, рассматривающие проблемы и особенности и структуру женского труда.

Ассоциирование женского труда и функции деторождения и воспитания как основной базовой задачи и содержательной ценности (38,4%). В таких источниках рассматривались проблемы планирования времени, сохранения психоэмоциональной стабильности и выполнения наиболее значимых задач, а также позиционировался желаемый образ результата. В отличие от публикаций, имеющих сугубо демонстративную составляющую образа «счастливая мама и малыш», в данном случае акцентировалось внимание на уровне ответственности и необходимых навыках в рациональном подходе к системе воспитания. При этом труд в таких статьях определяется как комплекс трех взаимообусловленных групп задач: воспитание и поддержание здоровья ребен-

ка, поддержание собственного здоровья, реализация бытового обеспечения семьи и ребенка. Примечательным является превалирование в подобных источниках образа матери и ребенка при отсутствующем факторе роли отца (72,6%), что, с одной стороны, коррелирует со статистикой разводов, но с другой, отображает сущность труда, выполняемого самостоятельно, без сторонней помощи. По этой причине формируется представление о труде с гибким графиком и высоким объемом переработок в отношении психоэмоциональной рефлексии (т.к. технические границы рабочего дня в данном случае не определены). Тем не менее демонстрируемый внешний образ в большинстве ситуаций отражает ухоженную женщину с позитивными эмоциями (61,6%). Основные представленные проблемы отражают факторы низкого участия в поддержке и помощи со стороны внешней среды, отсутствие возможности временно отстраниться от выполнения обязанностей и высокий уровень эмоционального выгорания в процессе выполнения обязанностей, формально не закрепленных, но социально определяемых. В целом в данной группе фиксируется значительный перевес негативной коннотации (79,1%).

Акцентирование внимания на сугубо карьерном развитии, самообразовании и профессиональной самореализации (32,9%). В рамках данного комплекса статей отражается противопоставление роли профессионала и матери/супруги как несовместимых. Центральной идеей этой группы материалов выступает опора на одиночество как комфортный образ и уровень жизни (42,5%), в рамках которого отношения выполняют лишь досуговую функцию. По этой причине преимущественно рассматриваются гостевые и дистантные формы союзов. Образ труда в данном случае практически совпадает с маркерами действий и успешности, характерных для мужской деятельности. В отношении внешнего образа статьи условно разделяются на две категории: неформальный стиль успешной бизнесвумен (оверсайз, дреды, волосы ярких цветов и пр.) и деловой стиль. Источники определяют таких женщин как творческих, энергичных, самодостаточных и удовлетворенных собственной жизненной стратегией. По этой причине положительная содержательная составляющая в статьях превалирует (51,7%).

Таким образом, анализ статей позволил зафиксировать наличие противопоставления семейных ценностей и профессиональ-

ного развития женщины через систему образа успешности. Превалирование негативного контента в сфере семейной реализации и совмещения бытовых и деловых задач формирует деструктивные установки в области создания семьи и деторождения, что оказывает также негативное воздействие на демографический потенциал общества в целом.

Список литературы

1. *Грошев И.Л.* Стратегические аберрации современных образовательных технологий // Профессиональное образование в современном мире. 2014. № 3 (14). С. 5–10.
2. *Грошева И.А.* Социальная безопасность в обществе риска // Социальная безопасность в евразийском пространстве: Материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. И.А. Грошева. Тюмень: Филиал АНО ВО «ИДК» в Тюменской области, 2019. С. 46–49.
3. *Елфимова Е.В.* Дискриминация женщин в сфере труда: теоретический и практический аспект // Право и государство: теория и практика. 2022. № 3 (207). С. 196–198.
4. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам Р13 выборочных обследований рабочей силы) – 2022 Статистический сборник Росстат. М.: б.и., 2022. 151 с.
5. *Downe S., Finlayson K., Oladapo O.T., Bonet M., Gülmezoglu A.M*. What matters to women during childbirth: A systematic qualitative review // PLoS One. 2018, Apr 17& No. 13 (4). P. 31–38.

А.В. Крылова
Уфа, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

Женский вклад в становление гендерной лингвистики

Гендерные исследования представляют собой востребованное направление научного поиска. Они имеют междисциплинарную природу и, как правило, производятся на стыке нескольких наук, таких как философия, социология, политология, культурология, история, лингвистика, педагогика психология, антропология и др. Основной термин «гендер» в значении «социальный пол» ввела в обиход американская исследовательница Джоан Скотт. В своей книге «Гендер – полезная категория исторического анализа» (1965) она подняла вопрос о том, как мифо-

логия народов, религия, обряды, принятые доктрины, а также сложившиеся культурные традиции и обычаи порождают и поощряют различия между мужчинами и женщинами.

К концу XVIII – XX в. ученые все больше утверждались во мнении, что идея о том, что от пола человека зависят его когнитивные, поведенческие и нравственные возможности, существовавшая на протяжении веков, не оправдывает себя. Вплоть до эпохи великих революций XVIII в. женщины пытались изменить данное положение вещей, но опровержение теории о собственной несостоятельности им удалось воплотить только в частных примерах. Несколько позднее активное развитие феминистического движения, философия постмодернизма и смена научной парадигмы в гуманитарных науках привели общество к осознанию необходимости узнать мир в отрыве от андроцентрического мышления и уделить должное внимание изучению т.н. женского вопроса.

Язык не остался без критики. Феминистки стали отмечать, что сама языковая система, представляющая собой своего рода традицию, воспроизводит и передает дальше заложенные в ней стереотипы о главенстве мужчины и подчиненности женщины. К концу XX в. возникает новое научное направление, получившее название «феминистская критика языка». Первым трудом феминистской критики языка становится работа Р. Лакофф «Язык и место женщины» (1975).

Антроцентричность немецкого языка была раскритикована женщинами-лингвистами Констанцского университета Германии С. Трёмель-Плётс и Л. Пуш. Активистки выпустили публикацию под названием «Директивы по предотвращению сексистского употребления языка» (1980), где высказались о том, что немецкий язык воспроизводит привычную для себя патриархальную иерархию. Они призывали упразднить родообразующий мужской род существительных, поскольку он уже не способен отражает современные реалии.

Во Франции первыми шагами к изменению привычных устоев стали проекты законов, проводимые правительством президента Ф. Миттерана. В первую очередь, огромным шагом вперед стал проект закона, инициированный Иветт Руди, занимавшей тогда пост министра по правам женщин. Усовершенствование языка подразумевало его реформирование по части преодоления языко-

вого неравенства. Были выпущены первые рекомендации по использованию профессиональных наименований для женщин.

Изучение женских наименований (феминитивов) относится к области гендерной лингвистики. В нашей стране изучением гендерных аспектов лингвистики занялись позднее западных коллег. Женские исследования велись без использования понятия «гендер». Гендерные исследования в СССР развивались стремительно. Пик публикаций по данной теме пришелся на 1990-е годы, затем интерес постепенно снижался. Примерно с 2010 г. гендерные исследования в лингвистике перешли на новый этап развития и востребованности в связи с дискуссионным вопросом об образовании феминитивов-неологизмов (*авторка*, *блогерка* и др.). На сегодняшний день гендерная лингвистика является одним из наиболее интересных и перспективных научных направлений.

Без женского вклада в науку не существовали бы гендерные исследования, включающие в себя множество новых дисциплин социально-гуманитарного спектра. Благодаря женщинам, которые боролись за равенство во всех сферах жизни общества, возникли феминизм и феминистская критика языка. Женское видение и вклад в науку позволили обрести форму и гендерной лингвистике расцветшей, непосредственно, на основе женских исследований.

А.В. Швецова
Екатеринбург, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, соавтор фильма «Наука женского рода»

«Наука женского рода»: документальное кино как площадка для консолидации ученых

Популяризация вклада женщин-ученых в развитие российской и мировой науки является не только способом восстановления исторической справедливости, но и важным механизмом объединения современных ученых, площадкой для интеграции исследователей разных областей, открывающей возможности для создания научных коллабораций и проектов. Научное сообщество отличается определенной капсулированностью, часто воспринимается как вещь в себе, идеи и смыслы, циркулирую-

щие внутри которой, не покидают ее границ. Более того, отдельные группы исследователей изолированы друг от друга, что является обратной стороной глубины погружения в свою тему и концентрации ресурсов на ней. Вместе с тем возможность увидеть свой профессиональный путь в масштабе всего научного сообщества, осознать проблемы и перспективы своего развития, найти единомышленников – едва ли не важнейшее условие эффективного научного роста.

Понимание значимости объективного представления женского опыта в науке как условие развития личных и коллективных исследовательских траекторий сподвигло нас на создание проекта «Наука женского рода» [1].

Это многогранный медиапроект, который откровенно и лично рассказывает о пути женщин в науке. Проект включает в себя съемку документального фильма о пяти женщинах-ученых из Владивостока; показы фильма на различных площадках, кинофестивалях, встречи с авторами и героинями; лекции женщин-ученых в формате Science Slam; ведение социальных медиа, где помимо новостей проекта освещаются истории российских женщин, работающих в университетах и структурах РАН, публикуются анонсы научных мероприятий.

В российском и советском кинематографе нет ни одного фильма, повествующего от первого лица о профессиональном пути женщин-ученых[24].

[24] С февраля по март 2023 г. команда проекта провела исследование документальных фильмов о российских ученых с целью определить степень репрезентации женщин-ученых в российском медиапространстве. В выборку попали 35 документальных фильмов советского и современного российского периода с 1980-х годов по настоящее время. Анализ показал, что героями всех фильмов, кроме одного, о Софье Ковалевской («Софья Ковалевская. Формула любви. Гении и злодеи», 2007 г.), являются ученые-мужчины. Это демонстрирует гендерный дисбаланс в репрезентации мужчин и женщин в профессии ученых. Такой подход формирует нереалистичный образ профессии для молодежи, где карьерные возможности существуют только для одной конкретной группы людей. Более того, документальные фильмы, попавшие в выборку, тиражируют образ ученого-мужчины, проводящего время в лабораториях и посвящающего всю жизнь науке, ограничивая понимание альтернативных карьерных стратегий, которые характерны для женщин-ученых, как, например, поиск ба-

Героинями фильма «Наука женского рода» стали пять женщин из Владивостока, работающих в разных научных областях. Говоря на социологическом языке, это кейс-стади, представленное пятью историями, отобранными по принципу максимально широкой репрезентации: разные карьерные позиции (от заведующего лабораторией до приставки «экс» перед научной должностью), разный опыт существования в научном коллективе (от синергии до конфликта), особенности семейного положения и поддержки близких. Такой подход позволил, с одной стороны, сохранить и передать уникальное, обратиться к чувственной сфере (героини не были ограничены заданным сценарием, передавали только собственный опыт и мысли), а с другой – сделать этот опыт узнаваемым для других женщин. Основной фокус сосредоточен на стратегиях преодоления препятствий в достижении профессионального успеха. Одной из центральных тем фильма является поиск баланса между семейными и профессиональными ролями, особенности сочетания материнства и научной карьеры, где высокая образовательная планка и конкуренция формируют специфичные сценарии «активного декрета».

Поднимаемые в фильме вопросы связаны также с профессиональной асимметрией (в России женщины-ученые занимают большинство позиций в основании профессиональной пирамиды, тогда как верхние должностные уровни остаются территорией, огражденной «стеклянным потолком»», что создает образ науки как неперспективной сферы для женщин), центрированием науки и слабой репрезентацией регионов (региональные СМИ мало освещают достижения местных ученых, не считая их значимым инфоповодом), ролью «домашнего» научного коллектива и руководителей, обладающих административными рыча-

---

ланса между карьерой, собой и семьей. Обзор подтверждает нашу гипотезу о недостаточной репрезентации российских женщин-ученых в отечественном медиапространстве. Целенаправленное конструирование положительного имиджа науки играет ключевую роль в привлечении новых кадров, особенно это важно в контексте существующего запроса на укрепление позиций женщин и популяризацию женщины-лидера, успешно реализующей свои деловые качества и творческий потенциал. Стоит отдельно упомянуть фильм о женщинах в IT-сфере «Математическое неравенство» (2022), целью которого является раскрытие гендерных барьеров в данной отрасли.

гами, в профессиональной судьбе женщин-ученых, механизмами поддержки талантливой молодежи и привлечения ее в науку.

Целевая аудитория фильма – научные, научно-педагогические и административные работники российских вузов и структур РАН, представители профильных министерств и женских организаций, аспиранты, студенты и все, кому небезразлична судьба российской науки. Созидание нового одними людьми вдохновляет других на достижения. Поэтому так важно делиться историями успеха женщин в науке и говорить не только о результатах их труда, но и о тонкостях пути к этим результатам. Фильм показывает, что научная карьера может быть трудной, но в то же время удовлетворительной и достойной, а механизмы преодоления вызовов на пути к научному признанию во многом связаны с поддержкой сообщества и формированием синергетической среды. Проект «Наука женского рода» – это кино, призванное стать точкой опоры сотням талантливых женщин, решившим связать свою жизнь с наукой, а также площадка, объединяющая единомышленниц со всей России в стремлении создавать лучшие проекты для устойчивого развития и процветания.

** Проект реализуется при поддержке Президентского фонда культурных инициатив: https://t.me/pfci_grants.*

Список литературы

1. Официальный сайт проекта https://women-science.ru.

Л.Н. Пивоварова
Старый Оскол, Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал) Национального исследовательского технологического университета «МИСИС»

История школьного образования в Старом Осколе – в уникальном музее Нины Исааковны Черепановой

Характер и степень участия женщин в общественно-политической и культурной жизни нашей страны на протяжении всего XX в. советского периода и начале XXI в. во многом зависели от специфики меняющейся политической обстановки. Советский и постсоветский опыт привлечения женской части насе-

ления к данной деятельности имеет принципиальные отличия. В результате смены политической обстановки и перехода страны к рыночной экономике в постсоветской России наблюдается значительное снижение активности и уровня участия основной массы женщин в общественно-политической и культурной жизни региона.

Но хотелось отметить, что активность женщин и их участие в общественной жизни в Старом Осколе возросла именно во второй половине XX в. – начале XXI в. в связи с активным освоением богатств Курской магнитной аномалии и строительством Оскольского электрометаллургического комбината (ОЭМК). В мае 1974 г. Министерством черной металлургии СССР был издан «Приказ об организации строительства в Старом Осколе Белгородской области Оскольского электрометаллургического комбината», основанного на способе прямого восстановления железа.

С началом развития горно-металлургического производства город превратился в огромную строительную площадку и получил новый импульс социального и культурного развития. В город приезжали по комсомольским путевкам не только строители и металлурги, но и молодые ученые, педагоги, и постепенно формировалось новое поколение женской интеллигенции, представительницы которой внесли заметный вклад в развитие культурной жизни нашего региона.

Нина Исааковна Черепанова известна в Старооскольском округе как ученый, знаток музейного дела и хранитель истории образования, организатор, вдохновитель и куратор творческих конкурсов «Учитель года», «Школа года» и большой любитель театра.

«Музей народного образования» под руководством Н.И. Черепановой работает при школе № 21 Старооскольского городского округа, он был открыт для посетителей в 2011 г. Нине Исааковне удалось на семидесяти квадратных метрах воссоздать историю школьного образования Старооскольского городского округа с начала XX в. В настоящее время здесь хранится около шести тысяч экспонатов. Здесь можно увидеть школьную мебель, учебные принадлежности и школьную форму разных лет, школьные портфели и сумки, великолепную коллекцию значков, настоящую школьную фотолабораторию, коллекцию логарифмических линеек, открытки, наливные чернильницы, ласти-

ки для стирания, лыжи, пионерскую атрибутику и многое другое. Во время экскурсии по музею можно посмотреть диафильмы, полистать советские школьные учебники и посидеть за партой. Здесь можно посмотреть на советские статуэтки и елочные игрушки разных времен. В музее собрана богатая библиотека по педагогике, истории родного края, религии, коллекция православных календарей и др.

Разработке и воплощению в жизнь единственного в нашем регионе творческого проекта – «Музея народного образования» – она отдала многие годы своей жизни. Он стал поистине ее детищем, в него она вложила весь свой не только педагогический, но и писательский талант и душу. Она сделала все, чтобы музей стал не только хранилищем ценных экспонатов народного образования, но и центром новых педагогических идей и открытий.

Музей, созданный Н.И. Черепановой, имеет сертификат XII Международной ярмарки социально-педагогических инноваций авторского права на инновационный продукт «Музей народного образования городского округа».

Еще одно любимое детище Нины Исааковны – проект «Учитель года». На протяжении многих лет она была бессменным председателем жюри этого конкурса профессионального мастерства. Без нее трудно представить себе и конкурсы «Школа года», реализацию приоритетного национального проекта «Образование», студенческий конкурс «Молодой педагог». Ирина Боярченкова – обладатель «Хрустальной совы», учитель школы № 40, дает такую характеристику Нине Исааковне: «Она из породы старых гимназических учителей. На таких людях держалась и ими же создавалась советская система образования. Ее любимое детище – проект “Учитель года”. Талантливых участников конкурса она называет своими детьми».

У Нины Исааковны много увлечений, она является автором многих книг, среди которых хочется назвать следующие: «Записки старой учительницы» (автобиографическая книга), «Педагогическая копилка» (история Старооскольского конкурса «Учитель года»), «Если любишь театр» (о Старооскольском театре для детей и молодежи имени Б.И. Равенских). Совместно с краеведческим музеем и МБОУ «СОШ № 11» (руководитель Н.В. Самойлова) ею выпущены шесть сборников альманаха «Истоки», «Малая школьная энциклопедия Старооскольья», не-

сколько книг из серии «Старооскольские учителя на защите Отечества», «Альманах памяти», «Alma Mater Старого Оскола». Все печатные труды выпущены на собственные сбережения Нины Исааковны.

Озарением и подарком судьбы для горожан она считает переезд в Старый Оскол Севастопольского театра и рождение «Старооскольского театра для детей и молодежи». Для популяризации театра в первые годы она распространяла среди коллег билеты на спектакли, а по местному телевидению звучали ее вдохновляющие комментарии. Она не пропускает ни одной театральной премьеры, пишет рецензии на спектакли, дружит с актерами. В ее книге «Если любишь театр» собраны все отзывы на спектакли, поставленные в 2008–2016 гг. На эту любовь и внимание театр отвечает ей взаимностью. Нина Исааковна – обладатель «Диплома лучшего зрителя», юбилейной медали театра. Режиссер и актеры называют ее «хрустальной женщиной».

Большую роль в жизни Нины Исааковны играет православная вера, она нашла свою дорогу к храму. В «Музее народного образования» можно увидеть на полочке книги и предметы, подаренные ей митрополитом Белгородским и Старооскольским Иоанном, главой Белгородской митрополии. Общение со священнослужителями дает ей заряд доброты, сердечности, душевной щедрости.

В 2007 г. ее приняли в члены Союза журналистов РФ. На протяжении долгого времени Нина Исааковна сотрудничает с писателями и журналистами разных лет: Надеждой Кравченко, Екатериной Купреевой, Сергеем Леонтьевым, Евгением Евсюковым, Верой Дригайло и др. Она много редактирует и пишет сама об истории образования, учителях нашего края.

В 2023 г. за огромный вклад в развитие образования Старооскольского городского округа кандидату педагогических наук, заслуженному учителю школы РСФСР Черепановой Нине Исаковне решением Совета депутатов присвоено звание «Почетный гражданин Старооскольского городского округа». Ее имя занесено в Белгородскую областную энциклопедию с вручением медали «За заслуги перед Землей Белгородской» II степени.

Е.В. Аброськина
Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж

«Мое право – на конце меча»: путь женщины в академической науке на примере биографии Н.Д. Флиттнер

Известный востоковед И.М. Дьяконов в своих воспоминаниях об Эрмитаже 1930-х годов начинает свое описание сотрудников Отдела Востока с упоминания Наталии Давидовны Флиттнер, которая, по его словам, была «общительна, проста со всеми и дружелюбна» [3, с. 421]. Подробно описав ее темно-зеленую блузку, янтарную брошь и даже ленту в прическе, он проходится и по ее биографии: немецкая семья, Высшие Бестужевские женские курсы, слушание лекций в университете, стажировки в Берлине и Мюнхене. При этом «она не была большим ученым, – в том смысле, что писала она мало и по мелочам; но зато она была замечательной учительницей, в науке и в жизни» [3, с. 421]. Подобное отношение к наследию Наталии Давидовны является весьма распространенным в академической среде. Несмотря на то, что она была первой женщиной, принявшей участие в работе кружка Б.А. Тураева по древнеегипетскому языку, первой его ученицей, поехавшей на стажировку к известному египтологу А. Эрману в Берлинский университет (1909, 1912, 1914), несмотря на то, что сам О.Ф. Вальдгауэр пригласил ее на работу в Отделение Древностей Эрмитажа, ее вклад в науку и музейное дело на протяжении десятилетий оценивался как незначительный. По сложившейся традиции оценивать женский труд как нечто, направленное на воспитание и заботу, ее хвалили за работу с посетителями, с детьми, ставили в заслугу тот факт, что она привила любовь к древностям Б.Б. Пиотровскому [2]. Однако ее интеллектуальный труд постоянно подвергался критике, особенно в 1920–1930-е годы.

Благодаря хранящимся в архиве Государственного Эрмитажа «Воспоминаниям» Н.Д. Флиттнер мы имеем замечательный источник, свидетельствующий о трудности женского пути в академическом сообществе. На протяжении своей жизни Наталия Давидовна регулярно оказывалась в ситуации гендерного (и как следствие – профессионального) неравенства. Так, она длительное время добивалась возможности сдать государственные эк-

замены и получить степень магистра истории (ей удалось это лишь в 1917 г. в возрасте 38 лет), в то время как ее коллеги и товарищи были озадачены вопросами карьеры и профессиональной реализации. В своих «Воспоминаниях» она описывает визит В.В. Струве: «– “Да, знаете”, говорит он печально [на мои доводы], “все это так… но жизнь требует борьбы, а я боюсь ее, этой жизненной борьбы” – “Но ведь это-же трусость”, говорю я ему. – “Да-да… я знаю, что нужно больше оптимизма о жизни… да-да… вы правы и все-таки”. Я понимаю, в чем дело у Струве и какой “борьбы” опасается он. Кончает Университет И.М. Волков [человек] обаятельной доброты и простоты. [Об его оставлении при кафедре говорится, как о деле, давно решенном]. И вот Струве боится, как бы оставление Волкова не закрыло дорожки для него [самого]. “Как хорошо, что для меня таких опасений не может существовать”, думаю я про себя, “как хорошо, что моих добрых человеческих отношений ни с Волковым, ни со Струве забота о “месте”, соперничество за него, не сможет испортить”. [Есть большая положительная сторона в том, что мне предстоит добиваться простого права на государственный экзамен, права доступного любому студенту]» [1, л. 108].

Поступив на работу в Эрмитаж, она оказалась чуть ли не единственной женщиной среди историков древности. В.В. Струве, который был младше ее, позднее попал на стажировку к А. Эрману, уже был приглашен в музей на позицию заведующего отдела Древнего Востока. По прошествии времени выяснилось, что он выступал против кандидатуры Наталии Давидовны, о чем ей поспешили сообщить коллеги: «“Я и не знала…”, – растерянно бормочу я, а в душе снова вспыхивает больной вопрос: достойна-ли я и действительно-то этого счастья, быть сотрудником Эрмитажа? Я знаю, что иерархически я стою на самой низшей ступени, ниже самого Струве, заведующего нашим отделом, ниже и молодого Шмидта, но ведь не в этом для меня дело…» [1, л. 19]. Похожее отношение – неприязнь – выказывает Наталии Давидовне и А.В. Шмидт, о чем она также пишет в «Воспоминаниях», недоумевая, чем могла навредить им.

Что касается ее интеллектуального труда, то тут стоит упомянуть критику тома по всеобщей истории искусств, над которым работал коллектив авторов, включая Наталию Давидовну и Н.Н. Пунина. В 1931 г. текст этого труда подвергся жесткой и

несправедливой критике в докладе Э.Н. Ацаркиной: «Вечером мне телефонил Ник. Ник. Пунин и я несколько яснее представила себе и цель настоятельного приглашения меня на доклад и самый характер того, что предстояло. – “Она собирается отплясать победный танец на наших трупах”, говорил Ник. Ник. “Будет громить всех нас, авторов “Всеобщей Истории Искусств”. Мы остальные решили не ходить… поступайте, как хотите… мы только хотели вас предупредить”» [1, л. 29]. В отличие от Н.Н. Пунина, Н.Д. Флиттнер пошла на доклад и вступилась за свой текст, с горечью отмечая, как вчерашние «товарищи» громят тот текст, который еще недавно так хвалили: «За ним встает С.Ф. Ольденбург, такой всегда приветливо-ясный, такой всегда благостный. Говорит горячо и убежденно, ударяя рукой не то по спинке стула, не то по краю стола, – за рядами сидящих мне не видно. Говорит о вреде “подобной литературы”, о том, что мол “мы не допустим!” <…> Но ведь на моей книжке по искусству др. Востока значится черным по белому имя самого Сергея Федоровича: под редакцией академика С.Ф. Ольденбурга; и, возвращая мне мою отредактированную рукопись, он говорил столько одобрительных и поощрительных слов, – как же так?!» [1, л. 32].

В то же время хотелось бы отметить, что такое принижающее, необъективное отношение ко вкладу Наталии Давидовны в науку было характерно именно для отечественной академической среды. Так, А. Эрман, у которого она училась в Берлине, весьма высоко оценивал ее способности. Встреча в 1938 г. с ее старым преподавателем, ассириологом К.Ф. Леман-Хауптом, побывавшим в Эрмитаже, также свидетельствовала об авторитетности, которой пользовалась Наталия Давидовна среди европейских ученых: «Вопросы шумеро-аккадской культуры, проблема связей древнейшего Двуречья с Египтом, мои великолепные цилиндры-печати, всю богатую коллекцию которых я выложила на стол… С юношеской горячностью старик роется, разглядывает, спорит, слушает и возражает, слушает и соглашается, и снова роется в моих цилиндрах, экзаменует меня, смеясь повторяет: “Да, я тебе сразу скажу, ты моя ученица! Как меня это радует!”» [4, с. 43].

Постоянная необходимость отстаивать свою идентичность и право на то, чтобы заниматься наукой в маскулинном академическом сообществе, были (и есть) неотъемлемой частью био-

графии не только Н.Д. Флиттнер, но и многих других женщин, занимающихся наукой.

Список литературы

1. АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. 1951–1952 гг.
2. *Воробьева Н.Н.* Наталия Давидовна Флиттнер – ученый и педагог // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015. С. 9–34.
3. *Дьяконов И.М.* Книга воспоминаний. СПб.: Фонд регионального развития Санкт-Петербурга, 1995. 765 с.
4. Частное собрание А.Т. Шахтахтинской. Папка 1.

Научное издание

Женское наследие в культурах народов России и мира
Часть 1

Утверждено к печати Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Ответственный редактор: проф. Н.Л. Пушкарева

Редактор: *Д.Ф. Мищенко*
Корректор: *Т.В. Царёва*
Художник: *Е.В. Орлова*
Компьютерная верстка: *Е.А. Юрина*

Подписано к печати 02.09.2024.
Формат 70×100 1/16. Усл.-печ. л. 30,2
Тираж 500 экз. Заказ № 246.

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119334, Москва, Ленинский проспект 32а